ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

ДОМ ПЛЕХАНОВА

(UK) Plekhanov, Georgii Valentinovich

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ Г. В. ПЛЕХАНОВА

СБОРНИК IV

Борьба с народничеством

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
П. Ф. ЮДИНА, И. Д. УДАЛЬЦОВА
и Р. М. ПЛЕХАНОВОЙ

МОСКВА — 1937
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

П 38

HX 15
.P55

В IV сборник «Литературного наследия Г. В. Плеханова» вошли его неопубликованные статьи и материалы к ранее напечатанным статьям против народников, а также неопубликованная ранее переписка с русскими и иностранными корреспондентами за период 1894—1896 гг.

TRANSFER
3
DEC 12 1945
Serial Record Division
The Library of Congress
Copy

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В настоящий том вошли неопубликованные ранее работы Плеханова, посвященные борьбе с народничеством.

Известно, что развитие марксизма в России совершалось в жесточайшей борьбе с народнической идеологией.

«Вся история русской революционной мысли за последнюю четверть века,—пишет В. И. Ленин в статье „Мелко-буржуазный и пролетарский социализм", напечатанной в № 24 „Пролетария" от 7 ноября (25 октября) 1905 г.,—есть история борьбы марксизма с мелко-буржуазным народническим социализмом»*.

Только на основе разгрома утопической мелко-буржуазной народнической идеологии рабочий класс России смог овладеть острым оружием научного социализма, обеспечившим ему победу в Октябре 1917 г.

Мы все знаем ту исключительную роль, которую играли Ленин и Сталин в разгроме народничества, злейшего врага марксизма, и его эпигонов—эсэров.

Только большевизм под гениальным руководством Ленина и Сталина смог до конца разоблачить реакционную сущность народничества и правильно строить свою политику в отношении различных слоев крестьянства на разных этапах революционного движения, что позволило пролетариату повести за собой широкие массы трудящегося крестьянства.

Огромные заслуги в борьбе с народнической идеологией, особенно в 80-е и 90-е годы прошлого столетия, имел Г. В. Плеханов. Борьбу эту Плеханов вел как против философских и социологических воззрений народничества, так и против его экономических и политических взглядов.

Мы знаем высокую оценку философских работ Плеханова, которую дал Ленин в ряде своих статей, написанных в разное время. Например, в своей брошюре, выпущенной в 1921 г. под названием «Еще раз о профсоюзах», Ленин писал: «...*нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать*—все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма», и далее: «рабочему государству, по-моему, следует требовать от профессоров философии,

* Ленин, Соч., т. VIII, стр. 360.

чтобы они знали изложение марксистской философии Плехановым и умели передать учащимся это знание»*.

Еще в 1908 г. в своей статье «Марксизм и ревизионизм» Ленин прямо писал, что «единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провезти старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова»**.

Но не только философские произведения Плеханова ценил высоко Ленин, он также подчеркивал ценность тех работ Плеханова, которые были специально направлены против народничества. Так, в своем предисловии к русскому переводу брошюры Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции» Ленин писал о Плеханове: «Теоретические работы последнего—главным образом критика народников и оппортунистов—остаются прочным приобретением с.-д. всей России, и никакая „фракционность“ не ослепит человека, обладающего хоть какой-нибудь „физической силой ума“, до забвения или отрицания важности этих приобретений»***. В статье «Об авантюризме», написанной в 1914 г., Ленин так говорит о Плеханове: «Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников»****. Но в то же время Ленин отмечал непоследовательность и ошибки Плеханова в критике народничества. Главная из этих ошибок состояла в недооценке Плехановым революционного значения крестьянства и роли рабочего класса, как гегемона в революционном движении против царизма.

Касаясь данного Плехановым теоретического анализа народничества, нельзя не отметить, например, преимущественно логического характера развернутой им критики народничества в ущерб вскрытию его исторического и политического содержания, не отметить ошибочности рассмотрения народничества только как взглядов разночинной интеллигенции, тогда как по сути дела в демократических тенденциях народничества находили свое отражение революционные буржуазно-демократические требования и надежды широких масс крестьянства.

Эти ошибки Плеханова были одной из причин, которые не дали ему возможности найти правильную позицию в развивающемся в России XX в. революционном движении и даже привели его впоследствии в лагерь противников Октября.

Но, критикуя эти ошибки, мы, следуя указаниям Ленина, должны

* Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 135.
** Ленин, т. XII, стр. 185.
*** Ленин, т. X, стр. 231.
**** Ленин, т. XVII, стр. 415—416.

по достоинству оценить огромное значение Плеханова—блестящего пропагандиста и популяризатора научного социализма в России, начавшего борьбу с народническими утопиями в 80-е годы XIX века, в период их почти безраздельного господства среди российской демократии.

Его работы «Наши разногласия», «Социализм и политическая борьба», позднее «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» разоблачали теоретические основы народничества и утопический характер его социальных построений.

Работы Плеханова, помогая освобождению революционной демократии России от влияния народнической идеологии, способствуя усвоению рабочим классом основ научного социализма Маркса—Энгельса, сыграли значительную роль в подготовке и организации социал-демократической партии в России.

Все это делает для нас особенно интересными материалы из литературного наследства Г. В. Плеханова, публикуемые в настоящем сборнике.

ОТ ДОМА ПЛЕХАНОВА

В настоящий сборник вошли материалы, охватывающие период 1892—1897 гг. Основное содержание сборника составляет цикл статей, относящихся к борьбе Г. В. Плеханова с народничеством. Помимо цельных или почти цельных статей, в него включены варианты, отрывки, конспекты, планы, рефераты, дискуссии и пр., тесно связанные с основной темой. В этом цикле развертывается последовательная история написания книги Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Чтобы не разрывать естественной связи, здесь даются также «Примечания ко второму изданию Бельтова», хронологически выпадающие из границ указанного периода и относящиеся к 1904 г.

К основной теме сборника примыкают также относящаяся к 1896 г. неизвестная редакция статьи «Несколько слов в защиту экономического материализма (ответ В. А. Гольцеву)» и корректурные вставки к ней.

Во втором отделе сборника помещена переписка Г. В. Плеханова с русскими и иностранными корреспондентами за 1894—1896 гг., извлеченная из плехановского архива.

В нее вошли главным образом письма, относящиеся к основной теме сборника—работе Плеханова над книгой «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Ряд писем содержит отзывы о ней, свидетельствующие о том значении, какое имела эта книга для революционной молодежи 90-х годов.

Статьи настоящего сборника восстановлены из разрозненных листов, подготовлены к печати и комментированы научной сотрудницей Дома Плеханова Е. С. Коц.

Переписка подготовлена к печати научными сотрудниками Дома Плеханова А. С. Волиной, Е. С. Коц и Т. З. Лукашевской. Письма иностранных корреспондентов даны в переводе А. С. Волиной, цитаты на иностранных языках в тексте плехановских статей и в комментарии к ним—в переводе Е. С. Коц. Указатели составлены А. С. Волиной, Е. С. Коц и Т. З. Лукашевской.

Все материалы сборника подготовлены к печати при ближайшем участии Р. М. Плехановой.

При печатании рукописей приняты следующие условные обозначения. Все привнесенное в плехановский текст—пропущенные или оборванные слова, развернутые сокращения, цитаты, не приведенные Г. В. Плехановым в тексте,—заключено в прямые скобки. Все зачеркнутые Г. В. Плехановым в рукописи фразы или слова, поскольку они воспроизводятся в печатном тексте, заключены в угловые скобки.

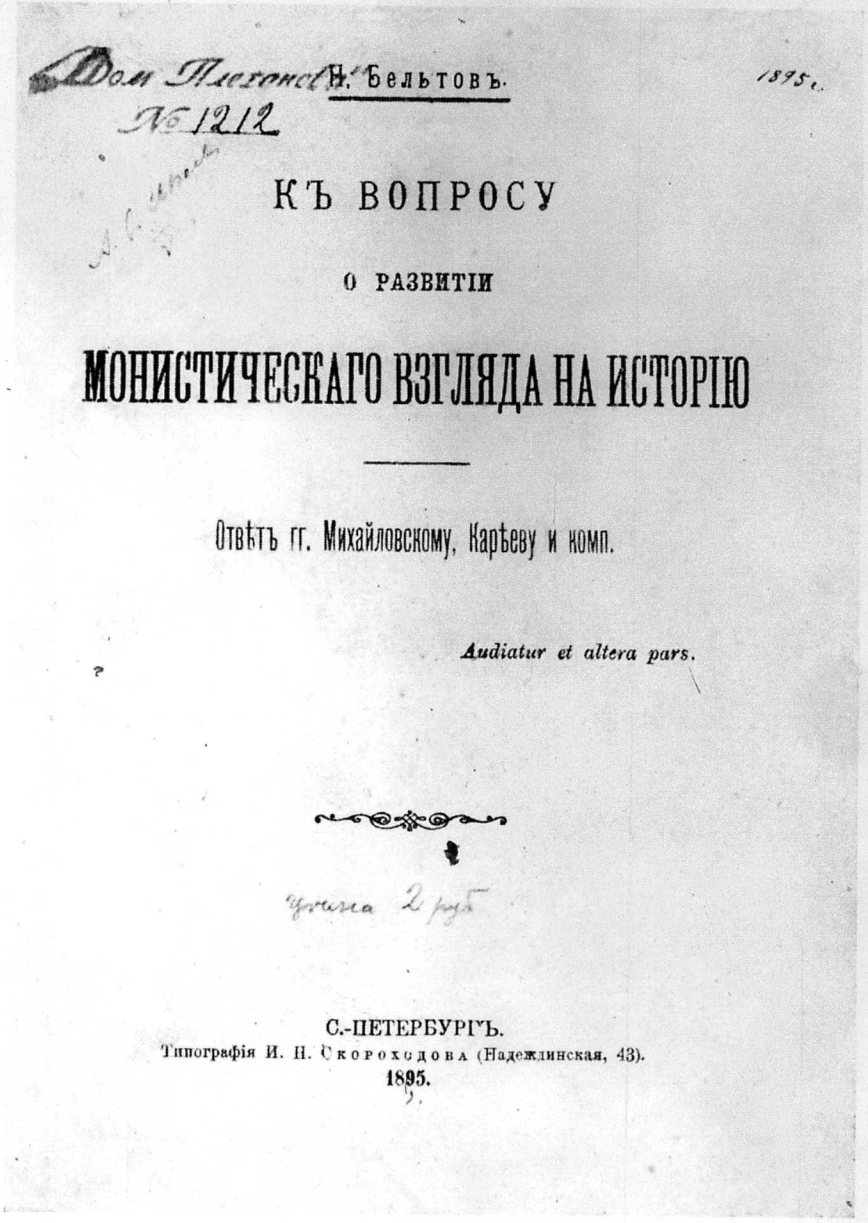
Все указания Г. В. Плеханова, послужившие основанием для восстановления соответствующей цитаты, даны в подстрочных примечаниях. При восстановлении цитаты предпочтение отдавалось источнику, которым пользовался или мог пользоваться Г. В. Плеханов (книгам его собственной библиотеки или, в случае их отсутствия, соответствующим их изданиям).

Иностранные цитаты и выражения оставлены в тексте на иностранных языках, их перевод дан в подстрочных примечаниях.

На полях показан весь процесс восстановления рукописей из разрозненных листов: даны номера страниц и отмечено вертикальной чертой в тексте начало каждой страницы. При двойной нумерации даны обе цифры, причем на первом месте поставлены последовательные страницы данной редакции. Цифры перечеркнутые заключены в у г л о в ы е с к о б к и, привнесенные при восстановлении рукописей—в п р я м ы е с к о б к и.

Примечания помещены после каждой публикации, понимая под публикацией все ее варианты или редакции, в переписке—после каждого письма.

Все заглавия, принадлежащие Плеханову, набраны курсивом.


Дом Плеханова
Н. Бельтовъ. 1895 г.
№ 1212

КЪ ВОПРОСУ

О РАЗВИТІИ

МОНИСТИЧЕСКАГО ВЗГЛЯДА НА ИСТОРІЮ

Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и комп.

Audiatur et altera pars.

Цѣна 2 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1895.

Титульная страница первого издания Бельтова. СПБ, 1895 г.

ПОСМЕРТНЫЕ СТАТЬИ Г. В. ПЛЕХАНОВА ПРОТИВ НАРОДНИКОВ

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ГЛАВЫ КНИГИ «К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ МОНИСТИЧЕСКОГО ВЗГЛЯДА НА ИСТОРИЮ»

В двух редакциях

Печатаемая ниже статья «Странное недоразумение», так же как и другая ее редакция, озаглавленная «Маленькое недоразумение», по всей видимости, относится к концу 1892—началу 1893 г. и представляет собой одно из первых выступлений русских марксистов против народничества.

Она явилась ответом на народнические выступления против «русских учеников», относящиеся к 1892 г. Уже в этом году появились статьи В. В. в «Русском богатстве», которые вошли потом в сборник «Наши направления» (1893 г.), Кареева—«Источники исторических перемен» («Русское богатство», 1892 г., № 1), Михайловского—«Литература и жизнь» («Русская мысль», 1892 г., № 6), С. К. [Кривенко]—«Хроника внутренней жизни» («Русское богатство», 1892 г., № 6).

Михайловский писал в своей статье о знаменитом письме Маркса по поводу русской общины; того же письма коснулся в своей хронике и Кривенко. Первый говорил: «...положение русского ученика Маркса представляется мне крайне трудным и двусмысленным», а второй находил, что «Маркс пристыдил своих учеников».

Плеханов сделал попытку в легальной печати ответить народникам, которые хотели, опираясь на неправильное истолкование письма Маркса, доказать законность своих реакционных стремлений к сохранению общины и других «самобытных устоев» русской жизни.

Что статья «Странное недоразумение», представляющая собой первую редакцию заключительной главы «Монистического взгляда»*, была написана именно для легальной печати, подтверждается всеми ссылками, встречающимися в ней, всем характером ее, терминологией («ученики Маркса», а не «социал-демократы») и подписью Ходкевич, имеющейся на последней странице рукописи**.

* * *

Рукопись статьи «Странное недоразумение» заключает в себе 55 листов, написанных на четвертушках вырванной из тетрадей линованной бумаги. Линовка не везде одинакового цвета, часть листов с красным обрезом. Некоторые листы, вопреки обыкновению Г. В. Плеханова, исписаны с обеих сторон—обычно

* Так мы будем для краткости называть книгу Плеханова (Бельтова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

** Псевдонимом Ходкевич Плеханов больше никогда не пользовался.

он писал статью на одной стороне и лишь позднее использовал обороты для другой статьи. Здесь же на 13 листах написано 26 страниц (от 28 по 53), и во всей рукописи на 55 листах фактически помещается 68 страниц.

Ввиду наличности последней страницы, мы можем установить с точностью недостающее число страниц. Из 74 страниц рукописи, к которым надо прибавить стр. 72 bis и отдельно написанное примечание к стр. 73, недостает восьми страниц (54—58 и 62—64); кроме того, стр. 60 и 61 заключают всего по нескольку строк. Имеются еще две страницы, обрывающиеся на середине, но они заканчиваются указанием Г. В. Плеханова: «См. стр. такую-то [следующую]», так что это не нарушает цельности текста.

Нумерация страниц до 53 совершенно однообразна, затем идет пропуск до стр. 59, и эта последняя имеет уже двойную нумерацию: 59 (посредине строки) и X+1 (в углу), следующие страницы просто: X+2, X+3, затем опять пропуск и дальше: 65 и X+7, причем X+7 зачеркнуто. Эта двойная нумерация сохраняется до конца рукописи, причем иногда вторая цифра перечеркнута, иногда нет. Последняя страница пронумерована: 74 и X+17.

Первые 25 страниц и затем все сохранившиеся страницы от 39 до 74 написаны рукой Плеханова, довольно мелким и четким почерком, с помарками почти на каждой странице. Только страница 10, начиная с 6-й строки, написана рукой В. И. Засулич. Ее же рукой написаны все страницы от 26 до 38. На этих страницах встречаются местами поправки и приписки Г. В. Плеханова.

На оборотах нескольких страниц написаны варианты отдельных мест той же статьи, на стр. 67—стр. 11 статьи «Маленькое недоразумение», на стр. 66—стр. 179 статьи «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» и на нескольких страницах—неизвестная в печати рукопись В. И. Засулич об Энгельсе.

Рукопись статьи «Маленькое недоразумение» не закончена, состоит из 23 листов, написана на тетрадочной линованной бумаге разного качества (тонкой и плотной). Линовка разного цвета.

Имеются страницы 1—28 с пропусками. Недостает пяти страниц (2, 3, 15, 17, 25). Страницы 1—16 и 26—28 написаны рукой Г. В. Плеханова точно таким же почерком, как рукопись «Странное недоразумение», страницы 18—24—рукой В. И. Засулич без поправок Г. В. Плеханова.

Нумерация страниц обыкновенная. На оборотах некоторых страниц написаны отрывки той же статьи (начало 2 и 3 стр., вариант 1-й) и на четырех страницах рукопись В. И. Засулич об Энгельсе.

*СТРАННОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ**

> Несомненно произошло настоящее смешение языков, и не одних только языков, а и мыслей. Точно у людей перевернулось все вверх дном («Русское Богатство», март 1892, Хроника внутренней жизни, стр. 303).

В последнее время в нашей литературе стали довольно много говорить о людях, пытающихся объяснять явления русской жизни с точки зрения исторических взглядов Карла Маркса. О людях этого направления говорил г. В. В.[1] в своих статьях «Попытки обоснования народничества», говорил г. Михайловский[2] в июньской книжке «Русской Мысли»[3], говорил г. С. К.[4] во внутреннем обозрении «Русского Богатства» (июнь)[5]. Само собою понятно, что г. Михайловский выражался иначе, чем г. В. В., а г. В. В.—иначе, чем г. С. К.: | г. Михайловский 2
выражается довольно мягко и осторожно, г. В. В. очень стремительно и очень сердито, а г. С. К. чрезвычайно кратко и язвительно. Но и тот, и другой, и третий в сущности относятся к русским марксистам с одинаковым неодобрением. Всем им «русские ученики» великого мыслителя кажутся какими-то упрямыми доктринерами, слепыми фанатиками силлогизма, руководящимися в своей практической философии правилом fiat theoria—pereat mundus*. Такой фанатизм, такое рабское отношение к доктрине и сами по себе очень непривлекательны. Но этим не ограничиваются недостатки наших марксистов. Эти удивительные люди не понимают того самого писателя, идей которого они будто бы придерживаются. Они искажают эти идеи, они совершенно произвольно истолковывают их. И этим грехом они грешат уже давно. Они грешили им | еще при жизни Маркса. <Дело зашло так далеко>, что 3
этот последний не выдержал и «пристыдил» их, как выражается г. С. К. Дальше итти, как видите, уже некуда. «Пристыженные» своим собственным учителем, русские марксисты, очевидно, должны сойти со сцены, если не хотят сделаться всеобщим посмешищем. Это ясно, как божий день, и непонятно только одно обстоятельство: зачем же ополчаются против них такие могучие литературные силы, как г. В. В. или г. Михайловский. Неужели заслуживают такой чести эти жалкие, эти смешные люди?

По нашему мнению, совершенно не заслуживают. Но так как война все-таки объявлена им, | то посмотрим, каким оружием ведут ее наши почтенные публицисты. 4

Начнем с г. С. К. Мы уже заметили выше, что его отзыв о русских марксистах чрезвычайно краток и язвителен. «Карл Маркс,—говорит г. С. К.,—как известно, совсем пристыдил своих учеников, высказавшись о зависимости капитализма в странах с переходным, как у нас, хозяйством от чисто политических отношений к промышленности и крестьянскому землевладению» («Р. Б.», Хр. внутренней жизни, № 6, стр. 53).

Итак, по Марксу, капитализм, по крайней мере в некоторых странах, зависит от чисто поли | тических отношений к промышленности и т. д. Тут или опечатка, или... некоторая логическая ошибочка. Чисто политические отношения к промышленности!!.. Отношения ч е г о, отношения к о г о? Совершенно неизвестно. Дальше. От этих непонятных отношений капита- 5

* Заглавие Г. В. Плеханова.—Р е д.

* Да восторжествует теория и пусть погибнет мир.—Р е д.

лизм зависит, как видно, только «в странах с переходным хозяйством», а в странах, хозяйство которых не имеет уже переходного характера, нет и зависимости капитализма от политических отношений неизвестно кого и чего к промышленности и т. д. Так «высказался» Маркс, решившись «пристыдить своих учеников». Это очень странно. Тут уже на опечатку сослаться нельзя. Тут—несомненная бессмыслица. Очень неосторожно поступил г. С. К., решившись приписывать покойному Марксу подобные несообразности. Воображаем, как был бы «пристыжен» г. С. К., если бы разбираемые нами строки
6 были написаны еще | при жизни Маркса и если бы Маркс вздумал о них «высказаться». Покойник умел «высказываться» крайне ехидно.

Очень жаль, что мы не знаем, где именно Маркс сказал ту бессмыслицу, которую «высказывает» г. С. К. Но мы едва ли ошибемся, предположив, что хроникер «Русского Богатства» имеет в виду так называемое письмо Маркса к г. Михайловскому[6], напечатанное в «Юридическом Вестнике»[7] за 1888 год. Об этом письме говорит и г. В. В. во второй своей статье о народничестве[8]. Наконец, о нем же распространяется и г. Михайловский. По всему видно, что противники «русских учеников Маркса» придают ему огромное значение. Но что собственно говорил Маркс в этом письме? Есть ли в нем хоть одна строчка, направленная против его русских учеников?

7 | Заметим, во-первых, что это так называемое письмо в действительности вовсе не письмо, а черновой набросок возражения на статью г. Михайловского, найденный в бумагах покойного Маркса его другом и единомышленником Фридрихом Энгельсом. Возражение это Маркс хотел было послать в «Вестник Европы»[9], но почему [-то] отказался от своего намерения. Может быть, в дальнейшей обработке этот полный иронии черновой набросок и получил бы эпистолярную форму, но в том виде, какой имеет он теперь, он так же мало похож на «письмо», как и любое полемическое примечание в «Капитале».

Во-вторых, если в этом наброске и заключается неодобрение, направленное по чьему-нибудь адресу, то уж во всяком случае не по адресу «русских учеников Маркса». Вот как пе-
8 редает его содержание г. Михайловский. | «Он, Маркс, не выдает свою формулу капиталистического процесса за „passe partout* философско-исторической теории“; он утверждает только, что, раз вступивши на этот путь, всякая страна, в том числе и Россия, должна будет подвергнуться формулированным им законам экономического развития; что затем дело в каждом отдельном случае определяется особенностями исторических условий, и он вовсе не считает для России обязательным вступить на капиталистический путь; даже обезземеление

* Нечто годное на все случаи жизни, отмычка, ключ.—Р е д.

народа, составляющее необходимое условие капиталистического процесса, не непременно, однако, ведет к нему и может, в зависимости от исторической обстановки, завершиться и как-нибудь иначе».

Ниже мы увидим, что в этом изложении есть некоторые неточности, способные повести к весьма | ошибочным выводам. 9
Но теперь мы предположим, что «письмо» Маркса изложено г. Михайловским вполне правильно, и постараемся вдуматься в его, впрочем, совершенно ясный смысл.

Маркс не выдает «свою формулу [капиталистического процесса]* за passe partout историко-философской теории»... Ну, конечно, нет! Это само собою разумеется. | Маркс изобразил 10
ход развития капитализма в Западной Европе. Явились люди, которые подумали, что, по учению Маркса, всякая страна должна развиваться непременно так, как развивалась Запад[ная] Евр[опа]. Ф а к т и ч е с к и й х о д явлений в известной части света и в известную историческую эпоху выдавался за философско-историческую т е о р и ю Маркса. Понятно, что Маркс возроптал. Он был слишком умен и слишком философски развит для того, чтобы не возмутиться подобным паралогизмом. Если бы он в самом деле думал, что никакая страна не может развиваться иначе, чем развивалась Зап[адная] Евр[опа], это значило бы, что он забыл, например, историю древнего Востока и античного общества, о которых он сам не раз заявлял, что их экономические отношения вовсе не были похожи на отношения буржуазных стран. | Представьте 11
себе, что кто-нибудь вздумал бы приписать Дарвину ту мысль, что всякий животный вид развивался и будет развиваться совершенно так, как развивался вид h o m o s a p i e n s**. Дарвин сказал бы, что это вздор, что зоологической истории человека он вовсе не выдает за passe partout теории происхождения видов. Вот именно так и поступил Маркс. Его «письмо» точно должно было «пристыдить» кое-кого. Но кого именно? Ясное дело, тех людей, которые смешали «формулу капиталистического процесса» с философско-исторической теорией Маркса. Теперь спрашивается, кто же виноват в подобном смешении? «Русские ученики Маркса» или их противники?

Развернем июньскую книжку «Русской Мысли» на стр. 190 второго отдела. На этой странице г. Михайловский обещает своим читателям изложить | «сущность» названной философ- 12
ско-исторической теории. Мы узнаем от него, что «теория эта изложена в шестой главе К а п и т а л а под скромным заглавием «Т а к н а з ы в а е м о е п е р в о н а ч а л ь н о е н а к о п л е н и е». Содержание ее, как уверяет г. Михайловский, таково: «Капиталистический процесс требует для своего

* В рукописи сказано: «Маркс не выдает свою формулу и т. д.».—Р е д.
** Человек (как зоологический вид).—Р е д.

осуществления и развития двух разрядов людей. Во-первых, налицо должен быть собственник орудий производства, желающий увеличить принадлежащую ему сумму ценностей покупкою чужого труда; во-вторых, налицо должен быть продавец труда, свободный работник. Раб или крепостной для этого не годится; не годится и крестьянин, имеющий свое собственное хозяйство. Как участник капиталистического производства, сам работник не должен принадлежать к условиям производства, не должны и эти условия принадлежать ему.
13 Сообразно этому, первоначальное накопление есть |процесс отделения работника от условий труда, или средств производства, или собственности. История показывает, что везде в Европе процесс этот начался вскоре после падения крепостного права...». Остановимся на этом. Что излагает нам г. Михайловский? Не что иное, как «формулу капиталистического процесса», а лучше сказать схему исторического развития капитализма на Западе. Изложение это далеко не удовлетворительно; Маркс не раз улыбнулся бы, читая его*, но это не важно, важно то, что под именем философско-исторической теории Маркса г. Михайловский преподносит своим читателям
14 схему исторического развития западного капитализма. А это значит, что | именно он, г. Михайловский, повинен в том смешении, против которого направлено знаменитое «письмо». Пусть же заметит это г. С. К. Пристыдило или не пристыдило «письмо» Маркса его русских последователей, это еще неизвестно, это мы еще посмотрим, а что оно пристыдило или, по крайней мере, должно было пристыдить г. Михайловского, это не подлежит сомнению. Пристыдило или, по крайней мере, должно было пристыдить оно также и г. В. В., который, как это явствует из его «попыток обоснования народничества», не лучше г. Михайловского понимает разницу между философско-исторической теорией Маркса и «формулой капиталистического процесса». Пристыдило или, по крайней мере, должно было пристыдить оно еще и самого г. С. К., который обличает свое непонимание «письма» Маркса уже одним тоном, которым он говорит о нем.

15 |Пристыдило или, по крайней мере, должно было пристыдить... Но ведь мы видим, что ни г. В. В., ни г. Михайловский, ни г. С. К. не только не стыдятся сами, но еще стараются «пристыдить» русских марксистов тем самым «письмом», от которого прежде всего должны были бы почувствовать стыд они сами, г. С. К., г. В. В. и г. Михайловский. Чем же объясняется это замечательное явление? Неужели эти господа обладают такой значительной дозой «неустыдимости»? О, нет,

* Так, например, Маркс никогда не говорил, что капиталисты покупают «чужой труд». Это говорили до Маркса буржуазные экономисты, Маркс же показал, что покупается рабочая сила. Этим обосновано было учение о прибавочной стоимости.—Примеч. Г. В. Плеханова.

будем справедливы к нашим почтенным публицистам. «Неустыдимость» тут не при чем. Тут скорее «несчастье рассудка». Они просто не понимают философско-исторической теории Маркса. Само собою понятно, что хотя право на непонимание есть одно из самых непререкаемых прав человека и гражданина, но не надо зло|употреблять [им]. Смешение философско- 16
исторической теории Маркса с изображенной им историей «первоначального накопления» было очень странно уже и до появления разбираемого «письма»; оно стало прямо непозволительно и совершенно непостижимо после его напечатания. Если и до сих пор находятся люди, развязно выставляющие на вид это смешение и даже видящие в нем чуть ли не главную свою силу в литературной борьбе с русскими марксистами, то поневоле приходится вспомнить о другом смешении, о том смешении, о котором говорит г. С. К. во внутреннем обозрении мартовской книжки «Русского Богатства». «Несомненно совершилось настоящее смешение языков, и не одних только языков, а и мыслей. Точно у людей перевернулось все вверх дном»[10].

17 |Именно ввиду такого смешения полезно будет изложить здесь истинную философско-историческую теорию Маркса, ту теорию, которую гг. Михайловский и В. В. смешивают с историей первоначального накопления в Западной Европе. Пусть говорит за себя сам Маркс.

«В общественном производстве своей жизни люди вступают между собою в известные, необходимые, не зависящие от их воли отношения, отношения производства, соответствующие данной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих отношений производства составляет экономическую структуру общества, реальную основу, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка и которой соответствуют определенные формы общественного сознания. Вообще, способ производства материальной жизни обусловливает собою процесс социальной, политической и духовной жизни общества. Не сознание людей определяет собою их бытие, но, наоборот, их общественное бытие определяет собою их сознание. | На известной ступени их развития 18
материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими общественными отношениями или, говоря юридическим языком, с отношениями собственности, в среде которых совершалось до тех пор их движение. Эти отношения уже не содействуют развитию производительных сил, а мешают ему. Тогда наступает эпоха общественного переворота. С изменением экономической основы изменяется с большею или меньшею быстротою вся огромная надстройка. При изучении таких изменений надо всегда отличать материальный переворот в экономических условиях производства, который можно определить с ест[ест]венно-научной точностью,

от тех юридических, политических, религиозных, художественных или философских форм, которые принимает в головах людей сознание этого конфликта... Об отдельном человеке
19 нельзя | судить по тому, что он о себе думает. Точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Надо объяснить это сознание противоречиями материальной жизни, столкновением между общественными производительными силами, с одной стороны, и общественными отношениями производства—с другой. Ни одна общественная формация не сходит со сцены прежде, чем разовьются все те производительные силы, которым она дает достаточно простора; новые, высшие отношения производства никогда не являются прежде, чем разовьются, в недрах старого общества, материальные условия их существования. Поэтому можно сказать, что человечество ставит себе одни только разрешимые задачи: при ближайшем рассмотрении оказывается, что сама задача является лишь там, где материальные условия ее разрешения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе своего возникновения. Азиатский, античный, феодальный и совре-
20 менный | буржуазный способ производства могут быть в общих чертах названы прогрессивными эпохами экономического образования общества. Буржуазные отношения производства представляют собою последнюю из проникнутых антагонизмом форм общественного производительного процесса... Но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают материальные условия устранения антагонизма. Эта общественная формация заключает собою предварительную историю человеческого общества»*.

В другом сочинении Маркса («Lohnarbeit und Kapital»**) мы находим более общедоступное изложение той же историко-философской теории. «Многоразличные отношения, в которые становятся люди при производстве продуктов, не ограничи-
21 ваются отношением их | к природе. Производство возможно лишь при известного рода совместности и обоюдности действий производителей. Чтобы производить, люди вступают в определенные взаимные связи и отношения, и только внутри и через посредство таких связей и отношений возникают те воздействия людей на природу, которые необходимы для производства. В зависимости от характера производительных средств изменяются и общественные отношения производителей друг к другу, изменяются условия их совместной деятельности и их участия в ходе производства. С изобретением нового орудия войны, огнестрельного оружия, по необходимости изменилась вся внутренняя организация армии, равно

* Zur Kritik der politischen Oekonomie, Berlin, 1859, Vorwort, V—VI.—Примеч. Г. В. Плеханова.

** «Наемный труд и капитал». Дальнейшая цитата взята из женевского издания 1883 г. в переводе Л. Дейча, под ред. Плеханова, стр. 20—21.—Ред.

как и все те взаимные отношения, в которых стоят входящие в состав армии личности и благодаря которым она представляет собою организованное целое; наконец, изменились также и взаимные отношения целых армий. Общественные отношения производителей, общественные условия производства меняются, следовательно, с изменением и развитием материальных средств производства, т. е. производительных сил.

| Условия производства, в их совокупности, образуют то, 22
что называют общественными отношениями, обществом, и притом обществом, находящимся на определенной исторической ступени развития,—обществом с определенным отличительным характером. Такие своеобразные совокупности отношений производства представляют собою античное общество, феодальное общество, буржуазное общество, и каждый из этих видов общественной организации соответствует в свою очередь известной ступени развития в истории человечества».

<Такова истинная «философско-историческая теория» Маркса*. По ее поводу полезно сделать несколько замечаний>.

1) Маркс не говорил, | что работник не должен принадлежать 23
к условиям производства, которые, в свою очередь, не должны принадлежать ему. Маркс сказал бы, что это безусловная бессмыслица и что не следует, подобно г. Михайловскому, смешивать средства производства с его условиями.

| 2) Взгляд Маркса относительно причинной зависимости 24
юридической «надстройки» от экономической структуры общества не раз подавал повод к недоразумениям. Его истолковывали в том смысле, что Маркс не придает этой надстройке никакого значения. Иные говорили, что Маркс вообще не признает ничего, кроме «экономики». Но это, разумеется, величайший вздор. Что такое теплота?—Особый род движения. Что такое электричество?—Другой род движения. Что такое свет?—Опять-таки не что иное, как особый род движения.—Да как же это так, да ведь вы, стало быть, не признаете ни теплоты, ни света, ни электричества?! Успокойтесь, господа, все это мы признаем и именно потому, что признаем, стараемся выяснить себе природу этих признаваемых нами явлений! Вот то же и с «экономикой». Ею объясняется происхождение надстройки. | Но иное дело объяснять, 25
а иное дело отрицать значение. Маркс не только не отрицал значения надстройки, вырастающей на почве «эконо-

* <Надо, впрочем, заметить, что Маркс неохотно давал своим историческим взглядам название философско-исторической теории. Он, как известно, держался того мнения, что философия уже отжила свое время. Энгельс ставил философию истории рядом с блаженной памяти философией природы («натурфилософией»), которая заменяла действительную, еще неизвестную тогда, связь явлений вымышленною, фантастическою связью. Вот почему в своем «письме» Маркс довольно пренебрежительно говорит о passe partout философско-исторической теории>.—Примеч. Г. В. Плеханова.

мической структуры», но и хорошо выяснил его. Из слов Маркса видно, что бывают такие времена, когда «надстройка» приходит в противоречие с экономическими нуждами общества. Тогда она подвергается переделке. Тот общественный класс, который является представителем поступательного движения в данную историческую эпоху, не может отказаться от такой переделки, потому что для него отказаться от нее значит отказаться от удовлетворения своих экономических нужд. Путь к их удовлетворению идет через надстройку. Это единственный путь, и нет другого пути кроме него. Надо надеяться, что «русские ученики Маркса» знают это не хуже марксистов других национальностей*.

26 | 3) У нас думают иногда, что теория Маркса не оставляет места для «роли личности в истории». У нас вообще склонны думать, что законы исторического развития человечества не согласимы с понятием о свободе личности. Это также очень большой вздор. Наука говорит, что химические соединения и разложения происходят по известным законам. Значит ли это, что наука не оставляет места для роли материи? Помилуйте, совсем не значит. Устраните материю,—и вы тем самым устраните законы ее движения, законы сочетания и разложения тел природы. Вот то же и с личностью в истории. Законы общественного развития так же мало могут действовать помимо личности, как законы природы помимо материи. Это не значит, конечно, что личность может устранить действие законов общественного движения с помощью той или иной «субъективной» выдумки. При ближайшем рассмотрении ока-
27 зывается, | что происхождение даже самых нелепых из самых «субъективных» выдумок объясняется действием законов общественного развития. «Когда заходит речь об исследовании тех причин, от которых—сознательно или бессознательно—зависели побуждения исторических личностей, и которые были, стало быть, истинными, последними причинами исторических событий,—говорит Энгельс,—то надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых замечательных, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы: целые народы или целые классы данного народа. Да и здесь важны не кратковременные взрывы, не скоропреходящие вспышки, а продолжительные движения, причиняющие великие исторические перемены. Искать иных причин, которые ясно или неясно, непосредственно или в идеологической, может быть даже в фантастической, форме отражаются,
28 | как сознательные побуждения, в головах массы и ее вожаков, так называемых великих людей,—значит вступить на единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории вообще и в ее отдельных периодах или в отдельных странах. В головах людей непременно отражается все то, что побуждает их к деятельности, но как отражается,—это зависит от обстоятельств»[11]. Иногда обстоятельства складываются так, что многие «социологи» данной страны вносят в свою «науку» лишь вопиющую путаницу понятий. Обстоятельства всесильны. При поверхностном взгляде на дело сознание этого ведет к грустным размышлениям на тему: «всесилен случай, жизнь хрупка». Но при более глубоком взгляде оказывается, что именно сила-то обстоятельств и обеспечивает личности свободу исторического действия. Свобода проистекает | из необходимости. Если бы не было необходимости, 29
не было бы и свободы. Это прекрасно выяснено еще Шеллингом[12] (см. его System des transcendentalen Idealismus). Допустим, что нет необходимости, а есть одна только свобода, рассуждал Шеллинг. Что выходит из этого? Выходит вот что: я могу делать решительно все, что хочу, моей свободной деятельности нет решительно никаких препятствий. Но рядом со мною существуют миллионы других людей, которые тоже свободны делать все, что хотят, для деятельности которых тоже нет препятствий. Теперь спрашивается, есть ли какое-нибудь ручательство за то, что эта свободная деятельность миллионов моих ближних не помешает мне в достижении моих общественных целей? Ответ: нет, такое ручательство невозможно. И не только нет ручательства, но можно поручиться, напротив, | за то, что мои ближние непременно поставят не- 30
преодолимые препятствия между мной и моей целью. Подумайте, как | бесконечно велико должно быть разнообразие тех сочетаний, в которые могут стать миллионы индивидуальных стремлений, не подлежащих решительно никакой законосообразности! И, наоборот, как мала вероятность того, что все эти стремления сложатся так, чтоб содействовать мне в достижении моей цели! Тут неизбежно приходится признать всесилие случая. К счастью, на выручку является необходимость. Стремления моих ближних вовсе не случайны, их происхождение и их сочетание обусловливаются непреложными законами исторического развития. Зная эти законы, я могу предвидеть и направление общественной деятельности моих ближних. А благодаря этому предвидению и моя собственная общественная деятельность получает твердую основу. Так вытекает моя свобода из исторической необходимости. Я свободен лишь постольку, поскольку существует эта необходимость. Это | последнее рассуждение покажется, пожалуй, пара- 31
доксальным. Пусть обвиняют нас в парадоксальности. Но пусть, обвиняя нас, справятся немножко с историей русской литературы. Тогда окажется, что и раньше нас в ней были люди не менее парадоксальные. «Бессилие людей над ходом событий

* Страница 26 и следующие (до 38 включительно) написаны рукой В. И. Засулич, вероятно под диктовку Плеханова. Местами встречаются строки, написанные почерком Плеханова, а в частях рукописи, писанной Засулич, имеются поправки Плеханова.—Ред.

трагично,—замечает автор «Эстетических отношений искусства к действительности»[13],—но история отнимает и возможность уныния за будущее, если отнимает грезы опрометчивых надежд; чему быть—того не миновать, говорит она, и из общего хода событий последних веков доказывает, что следует ждать все больших успехов знания и жизни». Это то же, что говорим мы, но «немножко иными словами[14]».

32 | 4) «Формула капиталистич[еского] процесса» действительно не дает и не может дать ключа к объяснению смысла общественных явлений во всякой данной стране и во всякое данное время. Это и пояснил Маркс в своем «письме». Но, поясняя это, он вовсе не хотел сказать, что его теория применима только к известным странам в известную эпоху их развития. Хорошо рекомендовал бы он ее, если бы вздумал сказать о ней что-либо подобное! С точки зрения своих исторических взглядов Маркс подробно изложил социальную историю Зап[адной] Ев[ропы], и преимущественно Англ[ии], в капиталист[ический] период ее развития. Но в том же «Капитале», который содержит в себе это изложение, встречаются замечания относительно социального быта древних египтян,
33 античного общества, Японии и т. д. В этих замечаниях | «формула капиталистического процесса» не играла никакой роли, но тем не менее они сделаны были с точки зрения «философско-исторической теории Маркса». Вообще, о какой бы стране, о каком бы периоде ее развития ни зашла речь, Маркс прежде всего смотрел на ее «экономию», будучи твердо убежден в том, что вся история человечества объясняется в последнем счете его экономической историей. После смерти Маркса Ф. Энгельс, основываясь, главным образом, на труде Моргана «Ancient society»[15], а отчасти и на оставшихся после Маркса рукописных заметках, написал исследование о «Происхождении семьи, частной собственности и государства». В этом исследо-
34 вании «формула капиталистического | процесса» опять не при чем, так как капитализм не играл никакой роли в странах, о которых идет речь у Энгельса. Но тем не менее все это исследование написано в духе исторических взглядов Маркса. Фридриху Энгельсу не раз приходилось излагать «философско-историческую теорию» своего друга, но нигде он не отождествлял ее с «формулой капиталистического процесса». Он понимает Маркса, чего, как мы видим, нельзя сказать о литературных противниках русских марксистов.

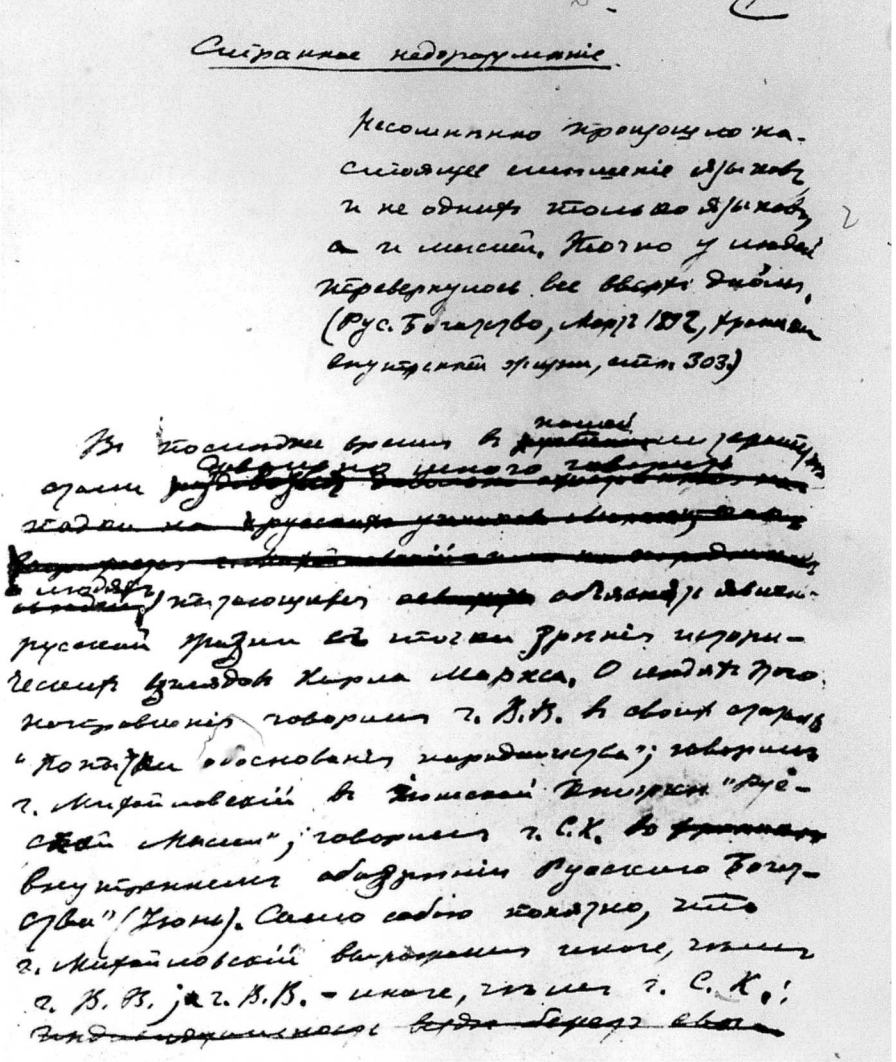
Споры о том, применимо или неприменимо учение Маркса к России, ведутся у нас издавна. С самого возникновения своего и до наших дней споры эти имеют одну отличительную особенность: люди, ищущие особых путей для нашего отечества, не понимали и не понимают исторических взглядов Маркса. Смешивая их с «формулою капиталист[ического] процесса»,

| люди эти рассуждают приблизительно так: «взгляды Маркса 35
применимы лишь к капиталистическим странам; у нас нет капитализма, поэтому Маркс нам не указ». Это очень приятный вывод. Он оставляет много места «субъективным» измышлениям наших доморощенных «социологов». Вот почему за него держатся очень охотно, стараясь подкрепить его «статистикой». В результате получается такая картина: с Запада надвигается на нас марксизм, печальная теория, не оставляющая места для личности в истории, своего рода «чудище обло, стозевно и лаяй», и мы стараемся отчураться от него всякого рода субъективными заклинаниями: «погоди, чудище,—кричим мы,—может быть, Русь когда-нибудь и попадет под твой железный закон, но теперь еще не пришло твое время, посмотри, у нас еще всего 200 000 рабочих, капитализм же развивается у нас не вширь, а вглубь. | Неужели 36
справедливо приговаривать нас к марксизму (подобно тому, как приговаривают людей к каторжным работам) за такие ничтожные пустяки?!». В своей наивности мы и не воображаем, что «чудище» нельзя смутить подобными доводами; что его «не поймаешь в тонкий силлогизм»; что оно «перескочит всяческий софизм»; что, непреклонное и неумолимое, оно предъявило бы на нас свои чудовищные права даже в том случае, если бы у нас совсем не было рабочих, если бы наш капитализм не развивался ни «вширь», ни «вглубь» и если бы вся русская земля состояла, как состояла она в московский период, лишь из «государственных сирот, холопов и богомольцев». Поистине можно сказать: «святая простота»!

Но ничто не вечно под луною. Придет время, когда исчезнет и наша простота несмотря на всю свою святость. Тогда мы поймем, что против «русских учеников Маркса» нельзя бороться ни с помощью ссылок на знаменитое «письмо», ни с помощью | статистических фокусов, ни с помощью «субъек- 37
тивных» идеалов. И тогда произойдет одно из двух: или мы станем на точку зрения Маркса, или мы опровергнем ее в ее истинной основе, а не в том искаженном ее виде, который называется у г. Михайловского ее «сущностью». Истинная основа теории Маркса заключается, как мы знаем, в том убеждении, что история всякой данной страны определяется ходом ее экономического развития. Пусть гг. российские социологи постараются опровергнуть эту мысль, мы от души желаем им успеха! Но пока они не сделали этого, пока в своей борьбе с русскими марксистами они считают удобным опираться на самого Маркса, мы останемся при том убеждении, что они ровно ничего не доказали и ровно никого не «пристыдили».

Повторяем, взгляды Маркса были бы применимы к России даже в том случае, если бы в ней совсем не было рабочих, как применимы они к обществам, | стоящим на любой ступени 38
варварства или дикости. Но само собой понятно, что если бы

у нас не было «рабочих», то смешно было бы применять к России «формулу капиталистического процесса». История всякой страны определяется ее экономией; но различные страны имеют различную экономическую структуру: древний Египет развивался не так, как развивалась Англия. Что же из этого следует? Из этого следует тот до очевидности ясный вывод, что если мы хотим ответить себе на вопрос, в какую сторону направляется история данной страны в данное время, то мы прежде всего должны взглянуть на ее экономию: экономия покажет нам, направляется ли ее история в сторону капитализма, или китаизма, или м[ожет] б[ыть] в сторону чьих-либо «субъективных» идеалов. Все дело в экономии; от нее все зависит в последнем счете. Этого не забыл Маркс, обратив свое внимание на наше отечество. «Чтобы с уверенностью
39 судить о ходе экономического | развития России,—говорит он,—я выучился по-русски и в продолжение нескольких лет изучал официальные и другие имеющиеся в печати источники по этому вопросу». Он поступил так, как поступил бы на его месте всякий серьезный ученый: общественные вопросы решаются не *формулами*, а *фактами*. К каким же выводам пришел Маркс на основании серьезного изучения официальных и других источников? «Если Россия будет продолжать итти путем, избранным ею после 1861 года, она потеряет один из самых удобных случаев, который когда-либо исторический ход вещей давал народу для минования всех перипетий капиталистического строя»[16]. Стало быть, с эпохи освобождения крестьян и того времени, когда Маркс написал свой черновой набросок возражения г. Михайловскому, Россия шла в *направлении к капитализму*? О, да, она «довольно потрудилась над этим»! Но, с другой стороны,
40 | ясно и то, что Маркс «вовсе не считает для России обязательным вступать на капиталистический путь»? Ну, да еще бы! Это ясно без всяких объяснений. Капиталистический путь *не обязателен ни для какой страны*, он не был «обязателен» даже для Англии, этой родины капитализма. Но обстоятельства сложились так, что Англия *выступила* на этот путь и *не могла не выступить*. Как знать, может быть, то же самое придется сказать и о России? Может быть, обстоятельства и в ней сложатся таким образом, что она *вынуждена* будет продолжать то дело, над которым она так много «потрудилась» с 1861 года? На этот счет в «письме» Маркса нет никаких указаний. Поэтому, чтобы уяснить себе его мысль, приходится обратиться к другим источникам. В одном
41 из таких источников Маркс говорит, например, что движение | России по пути капиталистического развития могло бы быть остановлено падением капитализма на Западе [17]. В таком же смысле высказался и Энгельс в споре (который велся на немецком языке) с нашим соотечественником Ткачевым[18]. Но



Первая страница рукописи «Странное недоразумение»

с тех пор, как Маркс и Энгельс высказались в этом смысле, прошло уже не мало времени. Западноевропейский капитализм продолжал развиваться, и, следовательно, с этой стороны не могло явиться задержки для капиталистического движения в России. В каком же смысле изменились с тех пор экономические отношения этой страны? Вот что читаем мы в статье Энгельса, написанной по поводу неурожая 1891 г. в России и появившейся в одном итальянском журнале под заглавием «La carestia in Russia»*.

«Опустошения, вносимые в крестьянскую среду [переходом от натурального хозяйства к хозяйству денежному, которое представляет собою необходимое условие возникновения внутреннего рынка для промышленного капитала, классически изображены Буагильбером[19] и Вобаном[20] на примере Франции времени Людовика XIV. Но то, что происходило там, оказывается совершенными пустяками по сравнению с тем, что происходит в России. Здесь, во-первых, пропорция указанного явления втрое или вчетверо больше, а, во-вторых, изменение условий производства... совершается несравненно быстрее и решительнее. Французский крестьянин медленно вовлекался в сферу влияния мануфактуры, русский—сразу попадает в водоворот крупной промышленности. Если мануфактура била крестьян кремневым ружьем, то крупная промышленность вооружается против них—новейшим магазинным»]**.

| Теперь Энгельс уже не сомневается в том, что капитализм 42
восторжествует в России, как выражаются французы, по всей линии. Отчего же не сомневается, оттого ли, что он иначе смотрит теперь на «теорию Маркса»? Оттого ли, что, по его нынешнему истолкованию этой теории, каждая страна «о б я з а н а» выступить на путь капитализма? Энгельс изменил бы своим взглядам, он вернулся бы к и д е а л и з м у, если бы заговорил о подобной «обязанности». Он просто видит факты и умеет понимать их. Вот и все. Никто из русских обывателей не «обязан» был умереть от холеры в 1892 году. А случилось так, что все-таки некоторые обыватели умерли от нее. Так сложились обстоятельства. В них все дело.

Прав или не прав Энгельс в своей оценке современного экономического положения России? Если—да, то правы, стало быть, и «русские ученики Маркса», полагающие, что Россия у ж е п е р е ж и в а е т ф а з и с | капитализма. Если нет, то 43
и Энгельса, конечно, можно оспаривать, как и всякого смерт-

---

* «Голод в России». Статья была напечатана в «Critica sociale» 1 апреля 1892 г.—Р е д.

** В рукописи сказано: «Опустошения, вносимые в крестьянскую среду и т. д. по брошюре «О задачах социалистов», стр. 21—22, до слов: «новейшим магазинным». Цитата восполнена по брошюре Г. В. Плеханова «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России». Б-ка совр. соц., Женева 1892 г. В Собр. соч. Плеханова см. т. III, стр. 370.—Р е д.

ного, но и в этом случае смешно противопоставлять взглядам русских марксистов исторические взгляды Маркса. А еще более смешно, совсем смешно, до крайности смешно, думать, что русские марксисты могут быть «пристыжены» этими взглядами.

Следовательно, весь вопрос о русском капитализме сводится к изучению и правильному истолкованию явлений современной русской действительности. Конечно, в этой статье мы не можем пускаться в какие-либо статистические исследования. Но мы все-таки укажем на некоторые выводы из такого рода исследований. Вот, например, еще покойный В. Орлов[21], исследуя поземельную общину Московской губ., нашел, что за общинное землевладение держатся только крестьяне средней степени благосостояния, богачи же и бедняки смотрят на него,
44 как на нечто весьма | стеснительное и невыгодное. Это значит, что в Московской губ. община у ж е пережила тот период своего развития, когда ее существование было выгодно для беднейшей части крестьян. Беднейшие крестьяне Московской губ. поневоле стараются разделаться с землею, чем и содействуют процессу отделения производителя от средств (или, как выражается г. Михайловский, от у с л о в и й) производства. Да и нельзя им не содействовать ему: известно, в каком отношении находятся крестьянские платежи к их наделам. Отношение это до такой степени неблагоприятно, что крестьяне часто п л а т я т за то, чтобы их избавили от земли, развязали с наделами. И в этом нет ничего удивительного. «Мы можем указать в особенности на большие села, которые представляют характерные примеры особого рода землевладения, именно «общин землевладельцев», а не «общин земледельцев»— говорит г. Н. Златовратский[22]. В этих селах фактически владеют землей из 700 душ всего 40 хозяев, которые берут на
45 себя обработку всей земли, | нанимая на время летних работ целые армии батраков. Настоящий же «п р а в о в о й» хозяин земли ходит на заработки или просто по миру... Вы совершенно поражаетесь, когда видите, что в селах с 500—700 душ весь сельский сход состоит только из 40 человек, да и из них т о л ь к о половина работает сама, а прочие—лавочники, кабатчики, кулаки, «хозяева», собственно же рабочая масса—женщины, батраки и владельцы наделов, ушедшие в заработки,—не принимают тут никакого участия и на сход не ходят. Вследствие всего этого весь хозяйственный инвентарь все больше сосредоточивается в руках незначительного меньшинства; большинство теперь почти совсем перестает его заводить и начинает жить на хлебах»[23]. Не мало подобных картинок можно найти и в сочинениях Г. Успенского[24]. Читатель помнит, что у этого последнего даже Иван Ермолаевич[25], этот тип крестьянина, со всех сторон объятого «в л а с т ь ю з е м л и»[26], хочет «в ы п и с а т ь с я и з о б щ е с т в а».
46 У того же Г. И. Успенского встречается | очень интересный тип

крестьянина, платящего «с-пуста» и твердо убежденного в том, что «платить с-пуста» гораздо удобнее, чем заниматься обработкой надела[27]. «Русские ученики Маркса» находят, что полезно было бы избавить подобных крестьян от платежей за ту землю, которой они не обрабатывают, или, выражая то же пожелание другими словами, разбить ту цепь, которая привязывает к земле всю эту деревенскую голь, всех этих батраков и живущих на чужих хлебах «земледельцев». Защитникам наших старинных «устоев» такое пожелание кажется доктринерским и жестоким. Но мы спрашиваем читателя, что же в нем жестокого? Ведь сама беднота сказала бы, что ей лучше было бы, если бы она могла избавиться от платежей «с-пуста». Впрочем, защитники «устоев» | обыкновенно не признают за- 47
конности т а к о й постановки вопроса о крестьянском землевладении. Их рассуждения имеют преимущественно у с л о в н ы й характер.

Читатель не забыл, вероятно, «бунтовщиков-васильевцев»[28], описанных недавно в «Русских Ведомостях»[29] г. Короленко. Васильевцы не хотят обрабатывать своих наделов. Сотские насильно тащат их на пашню, подкрепляя ослабевшую «власть земли» с помощью розог. «Русские ученики Маркса» очень обрадовались бы, узнав, что несчастным, к р о т к и м, к а к о в ц ы, «б у н т о в щ и к а м» удалось-таки избавиться от «землевладения» и связанных с ним материальных, нравственных и физических неприятностей. А что сказали бы в таком случае защитники «устоев»? Неужели они нашли бы, что «устои» должны | оставаться неприкосновенными quand-même*, хотя 48
бы от них волком выл русский крестьянин?

Г. Михайловскому «положение русского ученика Маркса представляется крайне трудным и двусмысленным». Приведенные примеры показывают, что не ученики Маркса, а именно их противники находятся в трудном и двусмысленном положении; они защищают о т ж и в ш и е формы народной жизни, а такая защита не может вестись иначе, как под условием совершенного невнимания к действительным нуждам народа.

Впрочем, гг. защитники «устоев» предпочитают сослагательное наклонение изъявительному. Они рассуждают у с л о в н о. Они не говорят, что крестьянам полезно даже такое землевладение, которое ведет к чистым убыткам. Они | говорят 49
только, что землевладение б ы л о б ы полезно крестьянину, е с л и б ы и пр. Они защищают не д е й с т в и т е л ь н у ю, а в о з м о ж н у ю общину. Но к чему приурочиваются их «если»; каким образом возможная община гг. народников станет действительной общиной русских земледельцев? На такие вопросы трудно ответить сколько-нибудь определенно. На этот счет гг. защитники устоев, кажется, очень сильно

* Во что бы ни стало.—Р е д.

расходятся между собою. Г. Златовратский больше уповает, повидимому, на «Белого старичка»[30] (см. его рассказ, напечатанный под этим названием в 3-ей книжке «Русского Богатства»). Надежды и чаяния г. В. В. самым трогательным образом сходятся с надеждами и упованиями бабушки Ненилы[31]. Г. И. Успенский... но тот едва ли питает какие-либо упования и ожидания. По его словам, жизнь ставит перед русскими народниками совершенно неразрешимую задачу: «цивилизация (т. е. | капитализм) идет, а ты, наблюдатель русской жизни, мало того, что не можешь остановить этого шествия, но еще, как уверяют тебя и как доказывает сам Иван Ермолаевич, не должен, не имеешь права, ни резона соваться, ввиду того, что идеалы земледельческие прекрасны и совершенны. Итак, остановить шествия «не можешь, а соваться не должен»[32].

Это ли не «трудное», это ли не «двусмысленное» положение? И как выйти из этого не только трудного, но прямо невыносимого положения? Пишущий эти строки знает некоторых «русских учеников Маркса», которые перестали быть народниками именно потому, что на опыте изведали всю «неразрешимость» указанной г. Успенским «задачи». «При старом образе наших мыслей, говорили эти | бывшие народники, нам оставалось только плакать над цифрами[33], подобно тому, как плачет у г. Успенского «интеллигент», занимающийся в деревне собиранием статистических сведений и повергающий крестьян в изумление отчаянным воплем: Пропала Рассея! Теперь же, усвоив воззрения Маркса, мы знаем, что нам делать, и уж, конечно, не станем сидеть сложа руки».

Подобное заявление со стороны «русских учеников Маркса», наверно, удивит многих и многих народников.—«Как?—воскликнут они.—Стало быть, и ученики Маркса собираются работать на пользу русского народа. Но ведь они отрицают значение личности в истории! Ведь они убеждены, что все идет и будет итти само собой!» Да, господа, с вашего позволения поработают на благо русского народа и ученики Маркса. Если вы полагаете, что, по их мнению, все идет и пойдет само собою, то этим вы только доказываете | лишний раз свое непонимание марксовой теории. Вы думаете, что ученики Маркса смотрят на общественную жизнь, как смотрел, по словам раешников, граф Паскевич[34] на пожар Варшавы: Варшава горит, а граф Паскевич стоит, ничего не говорит, только говорит,—пущай себе горит. Но вы очень ошибаетесь; мы вовсе не говорим: «пущай себе горит». Мы считаем нужным и —это главное— возможным действовать.

Читатель сейчас увидит, в каком направлении должны быть, по мнению «русских учеников Маркса», направлены усилия людей, не беззаботных на счет народного благосостояния. Но прежде, чем мы перейдем к этому вопросу, мы должны указать на одно в высшей степени важное явление нашей крестьянской жизни.

| Г. Личков[35] заметил, что в Рязанском уезде «состоящие на выкупе крестьяне совсем не переделяют своих земель в тех общинах, где землею дорожат, тогда как временно-обязанные, и особенно государственные крестьяне, производят земельные переделы. Собственники же делят землю только там, где землей не дорожат, т. е. где приходится делить в сущности не землю, а приносимые ею тягости»[36]. На то же указывал В. И. Орлов в сборнике статистических сведений по Тамбовской губернии, то же указывали и другие исследователи. Можно сказать, конечно, что в данном случае все дело сводится к «вредному» влиянию выкупа. Но при чем тут выкуп? Он дает, или по крайней мере давал, крестьянам-собственникам юридическую возможность разделаться с неудобными для них порядками. Для того, чтобы крестьянин захотел воспользоваться этою возможностью, необходимы совершенно определенные условия, именно противоречие его интересов с общинными порядками. Вот это-то противоречие и важно. Оно показывает, что...*| остался в утробе матери вплоть до той неизвестной, но блаженной минуты, когда ему можно будет переселиться в лучший из миров. Ученики Маркса действительно «приветствуют» развитие капитализма, но только потому, что каждый новый шаг на пути этого развития дает им возможность все более и более плодотворной работы. Там, где есть капитализм, есть и противодействие ему, и чем больше растет капитализм, тем больше развивается это противодействие, представляющее собою чрезвычайно важное культурное движение. Принимая в нем прямое и деятельное участие, можно оказать своей стране не одну существенную услугу и в экономическом, и в умственном отношении.| И только при этом условии мы, интеллигентная братия, и перестанем быть...**

| Рассказывая о тех спорах, которые ему приходилось вести с одним из «русских учеников Маркса», покойным Зибером[37], г. Михайловский следующим образом...*** | ставим гг. народникам на вид эту грозящую русскому крестьянину опасность озверения и спросим их, неужели эта все более и более усиливающаяся, растущая в геометрической прогрессии, не оставляющая никакого выхода опасность озверения мужика пугает их меньше, чем ужасы «капитализма», сами из себя порождающие возможность и необходимость нового общественного порядка? Г. Михайловский думает, что нет резону, спасаясь от дождя, бросаться в воду[38]. Но, во-первых,

* Стр. 54—58 не сохранились.—Ред.

** Стр. 60 не закончена, обрывается на 2-й строке.—Ред.

*** Стр. 61 не закончена, имеется всего 4 строки. Стр. 62—64 не сохранились.—Ред.

это вовсе не «резонный» довод: если вода, в которую я кидаюсь, представляет собою поток, быстро несущий меня к моей цели, между тем как дождь, смачивая меня до нитки, ни на шаг не сдвинет меня с места, то, несомненно, следует предпочесть
66 «дождю»—«воду». Во-вторых, наше | современное общественное положение сложилось так, что у нас не только нет другого выбора, но и вообще о выборе не может быть речи. Постоянно усиливающийся дождь непрерывно мочил нас в течение целых столетий. Мы ропщем на судьбу, мы содрогаемся от сырости, но в то же время простодушно благодарим небо за то, что оно посылает нам только дождь, а не воду. Но дождевая вода падала не только на наше платье, не оставляя на нем сухого места; она падала также и на землю, собираясь в быстрые потоки. И эти потоки увлекают нас своим могучим течением. Хотим или не хотим мы этого, но «вода» несет нас к той цели, к которой близится все западное человечество. Что же тут делать? Вздыхать ли о том времени, когда «дождь» еще не был «водою», или, изучив направление потока, поста-
67 раться сделаться его господином? | That is the question[39].

Западноевропейские противники буржуазии охотно противопоставляют бедствиям капитализма то положение, в котором находился западный производитель в до-капиталистический период. Они имеют основание делать это, так как в материальном (правда, только в материальном) отношении до-капиталистический период давал трудящейся массе больше, чем дает капитализм. Но у нас не то, у нас до-капиталистический период взял у крестьянина все, что можно было взять. Ужасы нищеты и вырождения мы пережили еще до капитализма. Поэтому в материальном отношении капитализм не принесет вреда русскому народу. А в умственном отношении он принесет ему много, очень много пользы. Вот почему «русские ученики Маркса» и «приветствуют» его появление.

68 | В этом отношении они имеют весьма почтенных предшественников. Автор статьи «Критика философских предубеждений против общинного землевладения» считается у нас одним из самых сильных и самых убежденных сторонников старых форм экономического быта. Но это ошибка. Общинное землевладение казалось ему невыгодным для крестьянства при тех условиях, которые созданы были актом 1861 года. «Я стыжусь самого себя,—говорит он в начале статьи,—мне совестно вспоминать о той безвременной самоуверенности, с которой я поднял вопрос об общинном землевладении. Этим делом я стал безрассуден, скажу прямо, стал глуп в своих собственных глазах... Трудно объяснить причину моего стыда, но постараюсь сделать это, как могу. Как ни важен представляется мне вопрос о сохранении общинного землевладения, но он все-таки составляет

только одну сторону дела, к которому принадлежит. Как |высшая гарантия благосостояния людей, до которых относится, 69
этот принцип получает смысл только тогда, когда уже даны другие, низшие гарантии благосостояния, нужные для доставления его действию простора. Такими гарантиями [должны] считаться два условия. Во-первых, принадлежность ренты тем самым лицам, которые участвуют в общинном владении. Но этого [еще] мало. Надобно также заметить, что рента только тогда серьезно заслуживает своего имени, когда лицо, ее получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими из самого ее получения... Когда человек уже не так счастлив, чтобы получить ренту, чистую от всяких обязательств, то, по крайней мере, предполагается, что уплата по этим обязательствам не очень велика по сравнению с рентой... Только при соблюдении этого второго условия люди, интересующиеся его благосостоянием, могут желать ему получения ренты... Предположим, что я был бы заинтересован принятием средств для сохранения провизии, из запаса которой составляется ваш обед. Само собою | разумеется, что если 70
я это делал собственно из расположения к вам, то моя ревность основывалась на предположении, что провизия принадлежит вам и что приготовляемый из нее обед здоров и выгоден для вас. Представьте же себе мои чувства, когда я узнаю, что провизия вовсе не принадлежит вам и что за каждый обед, приготовленный из нее, берутся с вас деньги, которых не только не стоит самый обед, но которых вы вообще не можете платить без крайнего стеснения. Какие мысли приходят мне в голову при столь странных открытиях?.. Как я был глуп, что хлопотал о деле, для полезности которого не обеспечены условия! Кто, кроме глупца, может хлопотать о сохранении собственности в известных руках, не удостоверившись прежде, что собственность достанется в эти руки и достанется на выгодных условиях?.. Лучше пропадай вся эта провизия, которая приносит только вред любимому мною человеку! Лучше пропадай все дело, которое приносит вам только разорение!»[40].

Ясно ли это? Если не ясно, мы | постараемся изложить это, 71
по возможности, еще более популярным языком на всякий случай. А слова того же автора, сказанные им по поводу освобождения крестьян с землею, тогда еще бывшего только в проекте: «у кого из крестьян есть деньги—тот купит себе землю. У кого нет—тех нечего и обязывать покупать ее. Это будет только разорять их. Выкуп та же покупка. Если сказать правду, лучше пусть будут освобождены без земли...». Эти слова не оставляют места уже ни для какого сомнения. Ясно, что автор «Критики философских предубеждений» находился в том самом «крайне трудном и двусмысленном положении», в котором находятся теперь «русские ученики Маркса». Что же, ради хорошей компании можно побыть и в «трудном по-

ложении»! Но только кто же остается верен традиции шести-
72 десятых годов? Неужели те, которые до сих пор не поняли | лучшего представителя этой эпохи?

Разумеется, автор «Критики философских предубеждений» мог ошибаться, подобно всем прочим смертным. Почему бы и не поспорить с ним тем, которые не разделяют его взглядов? Но наши нынешние защитники «устоев» вовсе и не спорят с ним. Они воображают, что идут по одному с ним направлению и, говоря как раз противное тому, что говорил он, причисляют его к «своим». Вероятно, Ситников с таким же искусством «продолжал дело Базарова»[41].

Г. Михайловскому кажется, что у «русских учеников Маркса» нет другой опоры, кроме «формулы капиталистического процесса» да гегелевской триады. По его словам, Зибер, отстаивая свой взгляд на Россию, «употреблял всевозможные аргументы, но при малейшей опасности укрывался под сень непрелож-
72 bis ного и непререкаемого трехчленного | диалектического развития. Так, например, опасности физического и духовного вырождения, которые[42]...»—следует уже знакомое читателям «противопоставление». Мы уже указали на крайне поверхностный характер этого противопоставления. Теперь же просим читателя решить, неужели указать на опасность вырождения, грозящую русскому крестьянину, значит укрыться под «сень трехчленного развития»? Нечего сказать, хороший «пример» привел г. Михайловский! Этот пример не оставляет ни малейшего сомнения насчет того, что Зибер был «ослеплен красивой симметрией метафизического построения». Должно быть, г. Сазонов[43] и подобные ему исследователи тоже «ослеплены» этой «симметрией»! Уж не был [ли] «ослеплен» ею и покойный Орлов?

Если бы г. Михайловский дал себе труд ознакомиться с со-
73 чинениями Гегеля, то он увидел бы, что | даже у этого мыслителя «триада» нигде не выступает в виде аргумента*. Тем менее могут придавать ей такое значение «ученики Маркса», перевернувшего вверх дном всю гегелевскую философию. Они аргументируют не «формулами», к чему так склонны гг.

* По части философии вообще не везет г. Михайловскому. Он не только приписывает аргументацию с помощью триады Гегелю и самому отдаленному потомству Гегеля. Его удивляет также Ланге своим замечанием о целесообразности исторического развития. На самом деле в этом замечании нет ровно ничего удивительного. «Философская физиономия» Ланге сложилась под сильнейшим влиянием Канта, а Кант вовсе не противник целесообразности. Правда, это не та целесообразность, о которой любят потолковать иногда благочестивые, но недалекие люди. Но ведь Ланге прямо оговаривает, что имеет в виду не эту последнюю целесообразность. Целесообразность же в кантовском смысле—как единство разнообразия эмпирических законов—очень хорошо идет к философской физиономии Ланге, n'en déplaise à m-r [да не прогневается г-н] Михайловский. — Примеч. Г. В. Плеханова.

«субъективные» социологи,—а фактами. Кто не согласен с ними, пусть постарается доказать, что они ошибаются, что они неправильно понимают ход русского общественного развития. Но пусть не возражают им бессмыслицами à la г. С. К. и путаницей à la гг. В. В. и Михайловский. Чтобы судить о том, применимы или неприменимы к России взгляды Маркса, надобно прежде всего дать себе труд понять эти взгляды и не смешивать «формулу капи|талистического процесса» с общей 74
теорией, объясняющей всю историю человечества. В противном случае наши выводы не будут иметь ровно никакой цены: они будут представлять собой не более как недоразумение.

И. Ходкевич.

*МАЛЕНЬКОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ** 1

В общественной жизни Западной Европы все большее и большее практическое значение приобретает та теория, которая по справедливости связывается с именем Маркса. Уже по одному этому можно было бы ожидать, что корифеи российской «социологии» дадут себе труд получше ознакомить с ней наших читателей. К сожалению, корифеи не оправдывают этого ожидания. Они очень редко заговаривают о ней в своих произведениях, а когда заговаривают, то искажают ее самым непозволительным образом: мы могли бы привести несколько примеров подобного искажения. Ограничимся одним, тем искажением, которое претерпела «философско-историческая теория» Маркса под пером г. Н. Михайловского. |<Вот что говорит 2
об этой теории наш почтенный «социолог»...>** |...исторического 4

* Заглавие принадлежит Г. В. Плеханову.—Ред.

** Стр. 2 заключает в себе всего две строки, дальше пустое место, оставленное очевидно для цитаты. Стр. 3 не найдена. Для связи и для ясности дальнейшего текста приводим цитату из статьи Михайловского, которую Г. В. Плеханов подвергает разбору на стр. 4 рукописи. (См. также статью «Странное недоразумение», стр. рукописи 12—13.) Делаем выписку с начала изложения Михайловским теории Маркса до слов «минуя подробности», так как с этого места Г. В. Плеханов цитирует Михайловского сам на стр. 8 рукописи. Цитата взята из статьи Н. К. Михайловского «Литература и жизнь»—«Русская мысль», 1892 г., № 6, стр. 190 (Собр. соч. Н. К. Михайловского, изд. 1909 г., т. VII, стр. 312).

«Теория эта изложена в шестой главе «Капитала» под скромным заглавием «Так называемое первоначальное накопление». Состоит она в следующем. Капиталистический процесс требует для своего осуществления и развития двух разрядов людей. Во-первых, налицо должен быть собственник орудия производства, желающий увеличить принадлежащую ему сумму ценностей покупкою чужого труда; во-вторых, налицо должен быть продавец труда, свободный работник. Раб или крепостной для этого не годится; не годится и крестьянин, имеющий свое собственное хозяйство. Как участник капиталистического производства, сам работник не должен принадлежать к условиям производства, не должны и эти условия принадлежать ему. Сообразно этому, первоначальное накопление есть процесс отделения работника от условий труда, или средств производства, или собственности. История показывает, что везде в Европе процесс этот начался вскоре после падения крепостного права».—Ред.

развития человечества»*. Спрашивается, каким же образом работник «не должен принадлежать к условиям производства»? Каким образом «не должны и эти условия принадлежать ему»? Ведь, другими словами, это значит, что работник не должен принадлежать обществу, а общество не должно принадлежать работнику. Мог ли Маркс сказать что-нибудь подобное? Разумеется, нет. Но г. Михайловский придает [словам] «условия производства» совсем не тот смысл, какой они имеют у Маркса. У него эти слова означают то же, что «средства производства или собственность». Конечно, он волен держаться какой ему угодно терминологии. Но, во-первых, ему надо было предупредить читателей относительно того, что его терминология не сходится с терминологией Маркса, а во-вторых, смешение понятия: «средства производства» с понятием: «условия производства» ведет, как мы [увидим] ниже, к целому ряду недоразумений и существенно затрудняет понимание «историко-философской теории Маркса», т. е. той самой теории, за изложение которой взялся г. Михайловский.

Кроме того. «Налицо должен быть собственник орудий производства, желающий увеличить принадлежащую ему сумму ценностей покупкою чужого труда». Маркс не только не говорил ничего подобного, но и не мог сказать по той простой причине, что это не более как одна из тех бессмыслиц, которые в изобилии расточались буржуазными экономистами и против которых с ожесточением боролся автор | «Капитала». Что значит купить чужой труд? Это значит дать в обмен за него равную стоимость. Конечно, одно из лиц, вступающих в меновую сделку, может обмануть своего контрагента или «прижать» его, воспользоваться его стесненным положением и вынудить его к невыгодному для него обмену, т. е. к обмену большей стоимости на меньшую. Но научное понимание обмена возможно только в том случае, когда мы отвлекаемся от подобных случайностей, когда мы предполагаем, что обмениваются равные стоимости. Но при этом предположении покупка «чужого труда» не имеет ровно никакого смысла. Я не могу увеличивать «сумму ценностей», находящихся в моем распоряжении, давая в обмен за «чужой труд» ту самую стоимость, которую он собою представляет. Пока экономисты полагали и утверждали, что предприниматели покупают «чужой труд», они | по-своему справедливо умозаключали, что не может быть и речи об эксплоатации работников. Маркс вскрыл этот паралогизм могучим ножом своего анализа. Он показал, что предприниматели покупают не «чужой труд», а чужую рабочую силу, что существенно изменяет условия вопроса. Положим, что чужая рабочая сила представляет собою стоимость, равную *A*. Я покупаю эту силу, т. е. вымениваю ее на равную стоимость. Затем я пользуюсь ее потребительной стоимостью совершенно так же, как пользуюсь потребительной стоимостью всякого другого купленного мною товара. В чем же заключается потребительная стоимость купленной мною рабочей силы? В способности создавать новые меновые стоимости. Трудясь на моей фабрике, рабочий создает стоимость, равную, положим, 2*A*. Так как его рабочая сила стоила мне только *A*, то | пользование ею дало мне прибавочную стоимость такой же величины. В этом разгадка эксплоатации «свободного» работника в капиталистическом обществе. Она навсегда останется недоступной для тех, кто смешивает покупку «чужого труда» с покупкой рабочей силы. И если г. Михайловский смешивает именно эти два понятия, то он может излагать все, что ему угодно, но только не учение Маркса.

Теперь пойдем дальше. «Минуя подробности, развитые со свойственною Марксу логической силой и эрудицией, отметим лишь результат: формальное изменение отношений — превращение рабов и крепостных в наемных работников и в то же время экспроприация непосредственных производителей, т. е. уничтожение частной собственности, основанной на собственном труде. Это был трудный, мучительный и долгий, вековой, но в то же время необходимый | процесс», который «на этом не останавливается: в силу „имманентных законов“ самого капиталистического производства идет дальнейшее „обобществление“ труда. На этот раз экспроприируются уже не рабочие, а сами капиталисты. Один капиталист побивает других, немногие экспроприируют многих, число магнатов капитала сокращается, средства производства сосредоточиваются все в меньшем числе рук (это процесс концентрации капитала, а вовсе не обобществления труда, г. Михайловский). Вместе с тем развивается «кооперативная форма рабочего процесса, сознательное технологическое приложение науки, целесообразная эксплоатация земли, превращение орудий труда в такие, которые могут прилагаться только сообща, и экономизирование всех средств производства посредством | употребления их как общих средств производства комбинированного общественного труда» (тут уже, действительно, является на сцену обобществление труда: г. Михайловский в данном случае правильно излагает Маркса его собственными словами, и мы просим читателя заметить это изложение, так как ниже нам придется столкнуться с совершенно противоречащим ему взглядом г. Михайловского на «обобществление» труда). Рядом со всеми ужасами нищеты, унижения, гнета, которыми этот процесс обрушивается на массы, идет обучение, объединение, организация этих масс «самым механизмом капиталистического

* Слова «исторического развития человечества», с которых начинается страница 4, заканчивают какую-то цитату. Естественно предположить, что это цитата из той же статьи Михайловского. Однако, на протяжении всей его статьи таких слов не встречается.—Ред.

процесса производства». И, наконец, капиталистическая оболочка не выдерживает этого «обобществления»: «экспроприирующих экспроприируют». | По этому поводу мы заметим, что, по 11
Марксу, капиталистическая оболочка «не выдерживает» не «обобществления», а его р е з у л ь т а т о в: 1) неслыханного прежде развития производительных сил, ведущего, при буржуазных общественных отношениях, к перепроизводству и кризисам, 2) роста силы и сознания пролетариата, который экспроприирует, наконец, экспроприаторов. Но как бы то ни было, г. Михайловский совершенно правильно излагает историческое значение и неизбежные последствия этого нового изменения общественных условий производства, да оно и не удивительно: он выписывает подлинные слова Маркса.

Изложив, таким образом, с грехом пополам то, что называется у него философско-исторической теорией Маркса, г. Михайловский высказывает по ее поводу несколько чрезвычайно 12
интересных соображений. | «Теория эта,—говорит он,—обнимающая одною формулой ужасы прошедшего, тяжесть настоящего и светлое будущее, имела, как известно, огромный успех, продолжающийся и доныне... Теория Маркса дает известное удовлетворение наболевшему чувству европейского пролетария, указывая ему неизбежность и близость избавления. Еще большее удовлетворение получают те благородные характеры из внерабочей среды, которые, не испытывая непосредственно на себе тяжесть современных экономических условий в Европе, принимают, однако, к сердцу тяжелое положение рабочих классов и с тоскою и страхом гадают о будущем европейской цивилизации». Почему эти благородные характеры получают «еще большее» удовлетворение, остается неизвестным, но это 13
и не важно, важно то, что те «благородные | характеры», которые живут и действуют в России, не могут получить от теории Маркса почти совсем никакого удовлетворения: «положение русского ученика Маркса представляется мне крайне трудным и двусмысленным. Идеал его—коллективная организация принадлежности рабочему земли и орудий производства, и в то же время он должен приветствовать разлучение труда и собственности, обезземеление крестьян, нарождение пролетариата и вообще распадение связи между работником и условиями производства, потому что все это—отдельные акты необходимого и, хотя болезненного, но, в конце концов, благодетельного процесса».

Этот довод кажется г. Михайловскому в высшей степени 14
убедительным. Он | приводил его еще в статье «Карл Маркс перед судом г. Жуковского». «Статья эта, написанная в защиту Маркса, но с оговорками, вызвала вмешательство самого Маркса в наш русский спор». Объяснение Маркса по поводу этой статьи было напечатано уже после смерти Маркса в «Юридич[еском] Вестн[ике]» за 1888 год под заглавием «П и с ь м о К а р л а М а р к с а». Оно наделало немало шума в наших интеллигентных кружках. Ему придавали значение чего-то вроде неодобрения, высказанного самим Марксом своим русским ученикам. Да и сам г. Михайловский, повидимому, придает ему такое же значение. Он склонен, кажется, думать, что оно способно было бы поколебать Зибера, упрямо твердившего...*

[Заметим, во-первых, что это так называемое письмо в действительности вовсе не письмо, а черновой набросок возражения на статью г. Михайловского, найденный в бумагах покойного Маркса его другом и единомышленником Фридрихом Энгельсом. Возражение это Маркс хотел было послать в «Вестник Европы», но почему[-то] отказался от своего намерения. Может быть, в дальнейшей обработке этот полный иронии черновой набросок и получил бы эпистолярную форму, но в том виде], |какой имеет он теперь, он так же мало похож на «письмо», 16
как и любое полемическое примечание в «Капитале».

Во-вторых, если в этом наброске и есть неодобрение, направленное по чьему-нибудь адресу, то уж, разумеется, не по адресу «русских учеников Маркса». Место не позволяет нам привести здесь его целиком. Поэтому мы передадим его содержание словами г. Михайловского.

«Он, Маркс, не выдает свою формулу капиталистического процесса за „passe partout историко-философской теории“; он утверждает только, что, раз вступивши на этот путь, всякая страна, в том числе и Россия, должна будет подвергнуться формулированным им законам экономического развития». Оставляя в стороне некоторые неточности употребленных здесь выражений, мы спросим читателя,—разумеется само собою, совершенно независимо от каких бы то ни было споров о России и от каких бы то ни было...** | что общая теория Дарвина 18
относительно происхождения видов применима решительно ко всему животному и растительному царству? Разумеется, нет. Неодобрение относилось бы лишь к тем, которые смешали частный случай развития одного вида с теорией происхождения видов вообще. И если бы Дарвину действительно пришлось написать подобное заявление, то смутило ли бы оно его учеников, поставило ли бы оно их в затруднительное положение? Конечно, нет! Их могло бы смутить разве лишь то проявление косности человеческого ума, с которым пришлось столкнуться их учителю; затруднительным показалось бы им лишь положение того же учителя, которому приходится оспаривать вон какое вздорное толкование его взглядов. То же и с русскими учениками Маркса. Господин Мих[айловский] не знает, какое впечатление произвело бы на Зибера разбираемое здесь «письмо».

---

* Страница 15 не сохранилась. Восполняем текст из статьи «Странное недоразумение» (см. там стр. 7 рукописи. Содержание ее тесно примыкает к началу стр. 16 данной редакции).—Р е д.

** Страница 17 не сохранилась.—Р е д.

19 Но нам кажется, | что нет ничего легче, как представить себе это впечатление; как марксист, Зибер д о л ж е н б[ыл] сказать по поводу этого письма приблизительно следующее: в нем нет ничего для меня нового, ничего удивительного, ничего неожиданного. Удивительно и неожиданно лишь то, что вы поворачиваете это письмо против нас, русских учеников Маркса, т. е. бьете нам челом нашим же добром. Я давно знал, что история капитализма есть лишь одна глава из экономич[еской] истории человечества. Я давно знал, что философско-историческая теория Маркса далеко не исчерпывается изображением эконом[ической] истории Зап[адной] Евр[опы] нового времени. Если же Зибер прочел бы сделанное г. Михайловским изложение «философско-исторической теории Маркса», то он прибавил бы, может быть, еще и вот что: странно, м[оже]т б[ыть], уже и то, что вы до появления этого письма смешивали историю капи-
20 тализма с философско-исторической теорией Маркса.| Теперь я вижу, что вы упорствуете в своем заблуждении и после появления этого письма, в котором ваша ошибка указана самым ясным образом. Это для меня уж совершенно непостижимое явление. У вас, очевидно, совсем особая логика. И нельзя сказать, чтобы эта логика отличалась сколько-ниб[удь] заметными достоинствами.

Само собою разумеется, что Зибер мог бы выразиться иначе. Но что он, как марксист, должен был рассуждать подобным образом, это не подлежит ни малейшему сомнению. В самом деле. Ведь г. Мих[айловский] не понял ни письма Маркса, ни его философско-исторической теории. И если, высказываясь по поводу этой теории, он думал уплатить некоторые из своих долгов перед читателями, то надо сознаться, что он предложил им монету, совершенно негодную к употреблению.

21 | Даже после появления письма Маркса г. Мих[айловский] твердит, что философская теория этого мыслителя «изложена в шестой главе «Капитала» под скромным заглавием «Т а к н а з ы в а е м о е п е р в о н а ч а л ь н о е к а п и т а л и с т и ч е с к о е н а к о п л е н и е». Это совсем не так. Правда, при некотором внимании к делу можно и из этой главы составить себе понятие о философско-исторической теории Маркса. Но то же можно сделать и с помощью всякой другой главы «Капитала», как и почти всякого другого произведения Маркса. Давно уже справедливо б[ыло] замечено, ч[то] «Капитал» есть в такой же мере историко-философское, как и эконом[ическое] сочинение. И вот почему всякий дельный ученик Маркса только пожмет плечами, когда узнает, что г. Мих[айловский], «вполне примыкая к основным положениям эконом[ической] доктрины Маркса, с сомнением останавливается перед философско-историческими его положениями». Эконом[ическая] доктрина Мар[кса] совершенно неотделима от его философско-
22 историч[еских] соображений (т. е. неотделима| для всех, кроме

гг. эклектиков; эклектики отличаются именно тем, что отделяют неотделимое и соединяют несоединимое). Поэтому, но единственно только поэтому, на основании почти всякой главы Маркса можно составить себе понятие о философско-историч[еской] теории Маркса. Но, правильно составленное, это понятие не может иметь ничего общего с тем изложением марксовой теории, кот[орое] дает нам г. Мих[айловский]. По словам этого последнего, в фил[ософско]-ист[орической] теории Мар[кса] речь идет о том, что «требует капит[алистический] процесс для своего осуществления и развития». Это—неправда. Ее содержание совсем другое. Кто хочет ознакомиться с ним, тому мы укажем прежде всего на предисловие к книге Маркса «Zur Kritik der politischen Oekonomie», Берлин 1859 г.*... Та же теория излагается следующим образом Энгельсом в его ответе Дюрингу «Раз[витие] н[аучного] с[оциализма]», ст[р]. 26.

[«С тех пор, как пар и машины превратили старую мануфактуру в крупную промышленность, выработавшиеся под управлением буржуазии отношения производства стали развиваться с неслыханной прежде быстротой и в небывалых размерах. Но точно так же, как мануфактура и усовершенствовавшиеся под ее влиянием ремесла пришли некогда в столкновение с феодальными путами цехов, крупная промышленность на более высокой ступени своего развития приходит в столкновение с узкими пределами, которыми ограничивает ее капиталистический способ производства. Новые производительные силы переросли буржузные формы их эксплоатации. Это противоречие между производительными силами и способом производства не выдумано людьми,—подобно противоречию между первородным грехом и божественной справедливостью,—но существует в действительности, объективно, вне нас, независимо от воли и поведения даже тех людей, деятельностью которых оно создано. Современный социализм есть не что иное, как умственное отражение этого фактического противоречия, идеальное отражение его в головах прежде всего того класса, который страдает от него непосредственно, т. е. класса рабочих»].**

| В другом своем сочинении—о Фейербахе—Энг[ельс] еще 23
подробнее излагает теорию Маркса, но мы заимствуем оттуда лишь несколько строк (44—45):

---

* Здесь Плехановым оставлено место повидимому для цитаты из этого предисловия, которую он приводит в статье «Странное недоразумение». Ввиду длины этой цитаты, мы не повторяем ее здесь и отсылаем читателя к указанной статье (см. стр. 17—20 рукописи «Странное недоразумение»). —Р е д.

** Цитата Плехановым не приведена. Заимствуем ее из книги Энгельса «Развитие научного социализма», Женева 1892 г., в переводе В. Засулич. За отсутствием более точных указаний приводим наиболее соответствующее плехановскому тексту место, находящееся на стр. 26—27 указанного издания.—Р е д.

[«Когда заходит речь об исследовании тех причин, от которых—сознательно или бессознательно—зависели побуждения исторических деятелей, и которые были, стало быть, истинными, последними причинами исторических событий, то надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых замечательных, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы: целые народы или целые классы данного народа. Да и здесь важны не кратковременные взрывы, не скоропреходящие вспышки, а продолжительные движения, причиняющие великие исторические перемены. Искать тех причин, которые, ясно или неясно, непосредственно или в идеологической, может быть даже в фантастической форме, отражаются, как сознательные побуждения, в головах массы и ее вожаков, так называемых великих людей,—значит выступить на единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории вообще и в ее отдельных периодах или в отдельных странах. В головах людей непременно отражается все то, что побуждает их к деятельности, но как отражается—это зависит от обстоятельств.»]*

Справедлива ли эта теория? Соответствует ли она действительному ходу исторического развития? Если нет, то положение учеников Маркса (и русских и нерусских) крайне трудно и двусмысленно. А если да, то почему же русские ученики Маркса попадают в затруднительное положение? С каких это пор люди стали попадать в затруднительное положение, благодаря знанию теоретической истины?

Идеал русск[ого] марксист[а],—г[ово]рит г. Мих[айловский], —«есть коллективная организация принадлежности рабочему [земли и орудий производства, и в то же время он должен приветствовать разлучение труда и собственности, обезземеление крестьян, нарождение пролетариата и вообще распадение связи между работником и условиями производства, потому что все это отдельные акты необходимого и, хотя болезненного, но в конце концов благодетельного процесса.»]**

Надо надеяться, что русские ученики Маркса постараются быть достойными своего великого учителя, что они будут людьми дела, а не фразы. Для людей же дела сущность вопроса заключается не в том, какие явления общественной| жизни они должны приветствовать и какие оплакивать, а в том, какова может быть их роль в совершающемся на их глазах историческом процессе. Для русских марксистов вопрос сводится к тому, есть ли в современной России какая-нибудь почва для их общественной деятельности.

24

* Цитата в тексте не приведена. Заимствуем ее из книги Энгельса «Людвиг Фейербах», Женева 1892 г., в переводе Г. В. Плеханова.—Р е д.

** В рукописи сказано: «Идеал русск. марксиста, говорит г. Мих., есть коллективная организация принадлежности рабочему и т.д.». Цитата взята из статьи Н. К. Михайловского «Литература и жизнь» — «Русская мысль», 1892 г., № 6, стр. 195 (Собр. соч. Н. К. Михайловского, т. VII, стр. 327).—Р е д.

Отвечая на этот вопрос, мы опять приходим к письму Маркса. Мы знаем теперь, что Мар[кс] не мог смотреть на Россию с предвзятой точки зрения, т. е. с точки зрения капиталист[ического] развития Запада. Чтобы с уверенностью судить о ходе экон[омического] разв[ития] России, он выучился по-русски, в продолжение нескольких лет изучал официальные и друг[ие] имеющиеся в печати источники по этому вопросу. Он пришел к такому выводу: «если Рос[сия] буд[ет] продолжать итти путем, избранным ею после 1861 года, она потеряет один из самых* |[удобных случаев, который когда-либо исторический ход вещей [25]
давал народу для минования всех перипетий капиталистического строя». Стало быть, с эпохи освобождения крестьян и того времени, когда Маркс написал свой черновой набросок возражения г. Михайловскому, Россия шла в направлении к капитализму? О, да, она «довольно потрудилась над этим»! Но, с другой стороны, ясно и то, что Маркс «вовсе не считает для России обязательным выступать на капиталистический путь»? Ну, да еще бы! Это ясно без всяких объяснений. Капиталистический путь не обязателен ни для какой страны. Он не был «обязателен» даже для Англии, этой родины капитализма. Но обстоятельства сложились так, что Англия выступила на этот путь и не могла не выступить. Как знать, может быть, то же самое придется сказать и о России? Может быть, обстоятельства и в ней сложатся таким образом, что она вынуждена будет продолжать то дело, над которым она так много «потрудилась» с 1861 г.?]...**| [начи]ная с 1861г., экономическое развитие Рос- 26
сии, но он не говорит, пойдет ли оно и дальше в этом направлении. Он как будто предполагает, что есть какая-то сила, которая может остановить уже начавшееся движение. Какая это сила—из «письма» не видно. Но видно из одной статьи его единомышленника Энгельса, появившейся в 1875 г. в одной немецкой газете и направленной против нашего соотечественника Ткачева. Здесь Энгельс указывает, каким образом падение капитализма на Западе может отразиться на русских общественных отношениях. В 1882 г. в этом же духе высказался сам Маркс, по одному случаю, о котором здесь говорить не место[44]. Следовательно, по Марксу, выходило так:| рост русского 27
капитализма начался под влиянием Запада. Под влиянием того же Запада может он и остановиться. Но пока что капитализм на Западе развивается все больше и больше. Следовательно, у нас в России не пришло еще время для приложения той силы, к[ото]рая могла бы задержать торжество русского капитализма. А пока нет места для ее приложения, наш капитализм раз-

* Стр. 25 не сохранилась. Приводим для цельности приблизительно соответствующую ей страницу из статьи «Странное недоразумение» (см. там стр. 39—40 рукописи).—Р е д.

** Неувязка объясняется отсутствием стр. 25.—Р е д.

вивается все более и более. Факты последнего десятилетия были до такой степени решительны, что теперь у Энгельса нет уже никаких сомнений насчет роли капитализма в России*.

[«Опустошения, вносимые в крестьянскую среду переходом от натурального хозяйства к хозяйству денежному, которое представляет собою необходимое условие возникновения внутреннего рынка для промышленного капитала, классически изображены Буагильбером и Вобаном на примере Франции времени Людовика XIV. Но то, что происходило там, оказывается совершенными пустяками по сравнению с тем, что происходит в России. Здесь, во-первых, пропорция указанного явления втрое или вчетверо больше, а во-вторых, изменение условий производства... совершается несравненно быстрее и решительнее. Французский крестьянин медленно вовлекался в сферу влияния мануфактуры, русский—сразу попадает в водоворот крупной промышленности. Если мануфактура била крестьян кремневым ружьем, то крупная промышленность вооружается против них новейшим магазинным».]

28 | Из всего этого ясно, что совершенно бесплодны усилия тех людей, которые стараются Марксом побить «русских учеников Маркса». С точки зрения марксизма современное экономическое положение России ясно, как божий день.

И пусть заметит г. Михайловский то обстоятельство, что это положение ясно не на основании «гегелевской триады», а на основании общепризнанных фактов русской жизни...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. В.—псевдоним Воронцова, Василия Павловича (1847—1917), одного из главных теоретиков народничества 80—90-х годов. Сущность взглядов Воронцова сводилась к тому, что капитализм в России ненужен и невозможен, что Россия пойдет иными путями, чем Запад, и придет к обобществленным формам производства через артель и земельную общину.

[2] Михайловский, Николай Константинович (1842—1904)—публицист, виднейший теоретик народничества. Вел ожесточенную полемику с марксистами, главным образом по вопросам о роли экономического фактора в истории и о путях развития России. Михайловский был приверженцем «субъективного метода в социологии», считая, что интеллигенция, в лице так называемых «критически мыслящих личностей», может направлять исторический процесс по желательному руслу. Утопические и реакционные теории Михайловского о закреплении общины и организации артелей прикрывали его буржуазно-демократические по существу взгляды. Вместе с тем: «Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России было то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета» (Ленин, Соч., т. XVII, стр. 222).

[3] «Русская мысль»— журнал, выходивший с 1880 г.

---

* Дальше в рукописи сказано: «Выписка из Carestia in Russia». Цитата приводится по брошюре Плеханова «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России». Б-ка совр. соц., Женева 1892 г., стр. 21—22. Точные указания относительно этой цитаты см. в статье «Странное недоразумение» (стр. 41 рукописи).—Ред.

Г. В. Плеханов имеет в виду обозрение Михайловского «Литература и жизнь»—«Русская мысль», 1892 г., № 6, стр. 172—204 (Соч. Михайловского, т. VII, стр. 297—338).

[4] С. К.—псевдоним Кривенко, Сергея Николаевича (1847—1907), публициста народнического направления. Кривенко был одним из первых народников, выступивших в легальной печати против «учеников» Маркса. В начале 90-х годов Кривенко разошелся с Михайловским и стал во главе правого крыла народников, имевшего в 1895—1896 гг. своим органом «Новое слово».

[5] «Русское богатство»—ежемесячный журнал, выходивший с 1876 г. В начале 90-х годов перешел к народникам и стал их главным органом в борьбе с марксизмом. В 1892—1895 гг. редактировался С. Н. Кривенко (С. К.) и В. П. Воронцовым (В. В.). Статья Кривенко, о которой говорит Плеханов: «Хроника внутренней жизни»—«Русское богатство», 1892 г., № 6.

[6] Письмо К. Маркса к редактору «Отечественных записок» написано было Марксом в конце 1877 г. в ответ на статью Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского», напечатанную в «Отечественных записках» за 1877 г., № 10 (Собр. соч. Михайловского, т. IV, стр. 165—204). Письмо это осталось неотправленным и было найдено в бумагах Маркса уже после его смерти. Напечатано оно было в «Вестнике Народной воли», 1886 г., № 5 и в «Юридическом вестнике», 1888 г., № 10. Письмо это неправильно именуется письмом к Михайловскому, так как оно адресовано не к нему и Маркс говорит в нем о Михайловском только в третьем лице. В Собр. соч. Маркса и Энгельса см. т. XV, стр. 375—378.

[7] «Юридический вестник»—ежемесячный журнал, выходивший в Москве под редакцией С. А. Муромцева и М. М. Ковалевского. В редактировании политико-экономического отдела участвовал также Н. Зибер. Журнал давал иногда место статьям «легальных марксистов».

[8] Приводим это место из статьи В. В. «Попытки обоснования народничества»—«Русское богатство», 1892 г., № 3, отд. I, стр. 75—76.

«Известно, например, что Маркс,—один из первых, ясно формулировавший рассматриваемую теорию и формулировавший ее в таких выражениях, что его несамостоятельные последователи вывели заключение о неизбежности разрушения в России общинного ее поземельного строя,—узнав о таком толковании своих вглядов, счел нужным высказаться против него в открытом письме к русскому публицисту, неопубликованном при его жизни по случайным причинам. Несамостоятельность и, так сказать, леность мысли русской интеллигенции доказывается не только принятием в указанном выше смысле общей идеи, выработанной промышленно-буржуазным строем нескольких государств Западной Европы, но и еще более неспособностью индивидуализировать эту идею применительно к основным чертам общественно-экономической физиономии России как страны, в мировом промышленном хоре играющей земледельческую партию и потому могущей ожидать развития у себя по преимуществу не городского, а сельского пролетариата, бытовая обстановка которого, условия для культурного и общественного развития и для проявления его общественной самодеятельности слишком резко отличаются от соответствующих условий городского пролетариата, для того чтобы можно было идею этого последнего признать за идею грядущего—будущего нашей страны».

[9] «Вестник Европы»—ежемесячный журнал, основанный М. М. Стасюлевичем в 1866 г. и существовавший до 1918 г., державшийся умеренно-либерального направления в западническом духе. В 90-х годах вел борьбу с русскими марксистами, главным образом в статьях Л. З. Слонимского.

[10] В этой статье Кривенко говорит о разноголосице мнений по крестьянскому вопросу в журнальной литературе.

[11] Цитата из книги Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах», Женева 1892 г., стр. 44—45.

[12] Шеллинг, Фридрих-Вильгельм (1775—1854)—немецкий философ-идеалист, ученик Фихте, предшественник Гегеля. В конце XVIII и начале XIX в. Шеллинг испытывал на себе влияние французской буржуазной революции и являлся виднейшим представителем натурфилософии, но затем ударился в мистику и в 40-х годах был ярым врагом гегельянцев и представителем крайней монархической и католической реакции.

Приводим место из Шеллинга, которое имеет здесь в виду Плеханов. Даем его в переводе:

«Что в свободе кроется необходимость, надо понимать так: через свободу и в то время, как я думаю, что поступаю свободно,—бессознательно, т. е. без моего содействия, возникает то, чего я и в мыслях не имел; или, иначе говоря: сознательной, т. е. той свободно выбирающей деятельности, о которой мы говорили выше, противостоит бессознательная, через которую, невзирая на самое неограниченное проявление свободы, совершенно непроизвольно и, может быть, даже против воли действующего возникает нечто, чего он сам, своей волей, никогда не мог бы осуществить. Это положение, каким бы парадоксальным оно ни казалось, есть не что иное, как трансцендентальное выражение общепризнанного и само собой подразумевающегося отношения свободы к некой скрытой необходимости, которую называют то судьбой, то провидением, причем ни первое, ни второе название не сопровождаются каким-либо отчетливым представлением. Это то отношение, в силу которого люди самыми своими свободными действиями и однако против своей воли становятся причиной чего-то, чего они никогда не хотели; и, наоборот, в силу того же отношения не удается и гибнет то, чего они хотели свободно и с напряжением всех своих сил» («System des transcendentalen Idealismus», Tübingen 1800, S. 424—425).

[13] Н. Г. Чернышевский.

[14] Одна из излюбленных цитат Г. В. Плеханова из «Фауста» Гете:

«Нам это патер так же объясняет,
Немножко лишь в других словах»—

реплика Маргариты в ответ на пантеистическую исповедь Фауста.

[15] Морган, Льюис (1818—1881)—американский этнолог и социолог, исследователь родового быта и первобытной семьи на основании изучения жизни главным образом американских индейцев. Своими научными исследованиями Морган произвел переворот во взглядах современников на первобытное общество, стихийно приблизившись в ряде вопросов к материалистическому мировоззрению. Его книга «Ancient Society or researches in the lines of human progres from savagery through barbarism to civilization, by Lewis H. Morgan, London 1877 («Первобытное общество. Исследование путей развития человечества от дикого состояния через варварство к цивилизации») послужила Энгельсу материалом при написании его труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

[16] Цитаты из «письма» Маркса (см. прим. 6).

[17] Эта мысль высказана Марксом и Энгельсом в предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста», датированном 21 января 1882 г. Она сформулирована в заключительных строках предисловия:

«Спрашивается теперь: может ли русская община—эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного коллективного владения землей—непосредственно перейти в высшую коммунистическую форму землевладения? Или, напротив, она должна пройти сначала тот же процесс разложения, который определил собою историческое развитие Запада?

Единственный возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом рабочей революции на Западе, так что обе они пополнят друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом коммунистического развития» (Манифест коммунистической партии К. Маркса и Фр. Энгельса, с предисловием авторов, Женева 1882 г. Перевод Г. Плеханова).

Из других источников Г. В. Плеханов мог иметь в виду ответ Маркса на запрос В. И. Засулич о судьбах русской общины, сделанный ему в письме от 8 марта 1881 г. Ответ был опубликован впервые в сб. «Группа Осв. тр.», II, стр. 223 (см. Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. XXVII, стр. 117).

[18] Энгельс, посвятивший вопросу о России свои статьи «Soziales aus Russland», печатавшиеся в газете «Volksstaat» в 1875 г. и вышедшие на русском языке под рядом заглавий: «Ответ П. Н. Ткачеву», Женева 1894 г.; «О социальном вопросе в России», Спб. 1906 г.; «О России», Спб. 1906 г. и др., пишет:

«Следовательно, если господин Ткачев говорит, будто русские крестьяне хотя и „собственники“, но стоят гораздо „ближе к социализму“, чем лишенные собственности западноевропейские рабочие, то это просто басни.—Совершенно наоборот. Если еще существует что-либо, что может спасти русскую общинную собственность и дать ей случай превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму,—то это пролетарская революция в Западной Европе» (Ф. Энгельс, О социальном вопросе в России, Спб. 1906, стр. 21).

[19] Буагильбер, Пьер (1646—1714)—французский экономист. В своих трудах дал яркую картину разорения Франции в конце XVII и начале XVIII в. и обнищания ее сельского населения.

[20] Вобан, Себастьян (1633—1707)—французский военный инженер, маршал. Ему принадлежит труд «О королевской десятине», в котором он ярко изобразил тяжелое положение французского крестьянина, страдающего от гнета всевозможных повинностей.

[21] Орлов, Василий Иванович (1848—1885)—статистик московского губернского земства. Результатом его исследований явился труд «Формы крестьянского землевладения в Московской губернии» (1879), составляющий первый выпуск IV тома «Сборника статистических сведений по Московской губ». Данными работ Орлова пользовались Маркс, высоко его ценивший, Плеханов, Ленин и др.

[22] Златовратский, Николай Николаевич (1845—1911)—писатель-народник. В противоположность Успенскому в своих произведениях чрезмерно идеализировал быт и психологию крестьян.

[23] Цитата из рассказа Златовратского «Очерки народного настроения»—«Русская мысль», 1884 г., № 1, стр. 102. В Собр. соч. Златовратского изд. 1891 и 1897 гг. этот рассказ не вошел.

[24] Успенский, Глеб Иванович (1840—1902)—писатель-народник, изображавший в своих произведениях быт пореформенной эпохи с его ломкою старых «устоев» народной жизни и развивающимся в деревне капитализмом. Несмотря на свое «народолюбчество», Успенский как большой художник был далек от идеализации крестьянства и дал очень верные картины разложения общины и роста кулачества под влиянием развивающегося капитализма.

Г. В. Плеханов охотно цитировал Успенского в своих работах и посвятил ему специальную статью в серии «Наши беллетристы-народники» (Соч., т. X, стр. 9—65).

[25] Иван Ермолаевич—герой серии рассказов Успенского «Крестьянин и крестьянский труд», тип крепкого, «хозяйственного» мужика (Соч., Спб. 1897, т. II, раздел III, стр. 519—590).

[26] «Власть земли»—выражение Успенского. Так озаглавлена целая серия его рассказов (Соч., Спб. 1897, т. II, раздел III, стр. 591—674).

[27] Плеханов имеет в виду рассказ Успенского «Ноль целых» из серии «Живые цифры» (Соч., Спб. 1897, т. II, раздел V, стр. 1217—1235).

[28] В. Короленко, По Нижегородскому краю (из дневника), гл. VII, «Бунтовщики-васильевцы»—«Русские ведомости», 7 июня 1892 г., № 155.

[29] «Русские ведомости»—московская газета, выходившая с 1863 г.; умеренно-либеральный орган московской профессуры, державшийся оппозиционно в период реакции 80—90-х годов.

[30] Златовратский, Белый старичок—«Русское богатство», 1892 г., № 3 (Соч., Спб. 1897, т. I, стр. 299—305). «Белый старичок»—порождение крестьянской фантазии, нечто вроде посланца божия, водворяющего правду на земле. С пришествием «белого старичка» связывались крестьянские мечты о «поравнении» земли: «Поделит мир землю-матушку поровну, по правде, по справедливости».

[31] Бабушка Ненила—старуха из стихотворения Некрасова «Забытая деревня», уповающая во всех своих бедах на приезд барина: «Вот приедет барин—барин нас рассудит» (Соч. Некрасова, изд. 1886 г., т. I, стр. 134).

[32] Цитата из рассказа Г. Успенского «Смягчающие вину обстоятельства» из серии «Крестьяне и крестьянский труд» (Соч., Спб. 1897, т. II, раздел III, стр. 559).

[33] У Успенского в серии рассказов «Живые цифры» находим такие слова:

«Так вот какие иногда многосложные вещи таятся в статистических дробях! Думаешь, думаешь над этими ноликами, делаешь разные вычисления, а нежданная слеза возьмет да все и запачкает!» (Соч., Спб. 1897, т. II, раздел V, «Квитанция», стр. 1204).

[34] Паскевич, Иван Федорович (1782—1856)—генерал, «прославившийся» взятием Варшавы и подавлением польского восстания в 1831 г.

[35] Личков, Леонид Семенович (род. в 1855 г.)—статистик и публицист. Являлся защитником общинного строя и невмешательства в общинные порядки.

[36] Цитата из статьи Личкова «Выкупная операция, как разрушитель общины»—«Дело», 1881 г., № 11.

[37] Зибер, Николай Иванович (1844—1888)—известный русский экономист, один из первых популяризаторов экономических идей Маркса на русском языке, давший отпор первым критикам Маркса в России—Герье, Чичерину и Ю. Жуковскому. Основной труд его—«Д. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях». Зибер был предшественником «легального марксизма».

[38] Плеханов имеет в виду следующее место статьи Михайловского «Литература и жизнь»: «Так, например, опасности физического и духовного вырождения, которые и по Марксу грозят европейскому пролетариату, Зибер противопоставлял ничуть не меньшую опасность такого же вырождения нашего мужика-собственника при наличных условиях. А когда я возражал, что от дождя в воду нет резону бросаться, он говорил: все равно, другого пути нет» (Соч. Михайловского, т. VII, изд. 1909 г., стр. 338).

[39] Фраза из знаменитого монолога Гамлета: «Быть или не быть? Вот в чем вопрос...» (действие III, сцена I).

[40] Цитата из статьи Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного землевладения»—«Современник», 1858 г. (Соч., Спб. 1906, т. IV, стр. 304—307).

[41] Ситников и Базаров—действующие лица из повести Тургенева «Отцы и дети». Базаров—разночинец-нигилист, тип одного из лучших представителей молодого поколения шестидесятых годов. Ситников—карикатурное изображение отрицательных сторон того же типа.

[42] Начало цитаты из статьи Михайловского. См. эту цитату в примеч. 38.

[43] Сазонов, Георгий Петрович (род. в 1857 г.)—представитель реакционного народничества, видевший в общине, «воспитывавшей народ в истинно-христианских началах», «мощную препону развитию пролетариата».

[44] В предисловии к первому русскому изданию «Коммунистического манифеста» 1882 г.

КОНСПЕКТ РЕФЕРАТА О МАРКСЕ И ОБЩИНЕ, ПРОЧИТАННОГО В БОЛГАРСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ЖЕНЕВЕ

Настоящая публикация представляет собой конспект реферата, прочитанного Плехановым в болгарском обществе в Женеве. Реферат этот трактует тему о письме Маркса в редакцию «Отечественных записок» о судьбах общины в России и других экономически отсталых странах. Вопрос этот должен был остро интересовать болгарских социал-демократов. Условия экономического развития Болгарии ставили перед ними те же проблемы, которые стояли перед русскими революционерами. В отсталой, полуфеодальной Болгарии утопические «социалистические» идеи впервые вылились в расплывчатой форме, сходной с мелкобуржуазными, утопическими идеалами народничества.

Однако в 90-х годах и в Болгарии создались общественные условия, благоприятные для распространения социал-демократических идей. В эти годы Болгария переживала такую же ломку своих экономических отношений, как Россия после 1861 г. Промышленность в городах росла, крестьянство разорялось, капитализм развивался и в деревне, разрушая старые «устои». Этот процесс нашел свое отражение во взглядах революционной интеллигенции. Одни, подобно нашим народникам, стремились сохранить старое и противодействовать пролетаризации крестьянства, другие, напротив, не боялись открывающихся перспектив промышленного развития и радостно встречали нарождение новой революционной силы в лице пролетариата. Именно к этому времени (1891 г.) относится основание болгарской социал-демократической партии.

Специальный интерес в Болгарии должна была возбуждать полемика русских марксистов с русскими народниками. Именно этим обостренным специфическим интересом к теме о судьбах капитализма в отсталых странах и объясняется то, что Плеханов выступил в болгарском студенческом обществе с рефератом о Марксе и общине. Время прочтения этого реферата по всей вероятности—весна 1894 г. Нельзя отнести его к более раннему моменту, так как Плеханов упоминает в нем о «Послесловии» Энгельса (Nachwort) к его брошюре о России («Ответ П. Н. Ткачеву»), вышедшей только в начале 1894 г. С другой стороны, обыкновением Плеханова было читать доклады и рефераты раньше, чем он писал статью или книгу на ту же тему. Поэтому мы помещаем конспект этого реферата до отрывков зарубежной брошюры «Наши разногласия».

Конспект написан в тетради с коричневой обложкой и ненумерованными страницами рукой Г. В. Плеханова. Все листы, предшествующие конспекту, исписаны с обеих сторон французскими выписками, главным образом из Гельвеция и Гольбаха, перемежающимися с заметками Г. В. Плеханова и относя-

щимися к его работе «Очерки по истории материализма». Конспект реферата начинается на обороте одиннадцатого листа и кончается на четырнадцатом листе, всего в нем $5^1/_2$ рукописных страниц.

В с т у п л[е н и е]. Я говорю в болг[арском] обществе[1]. Не знаю состава общества, но считаю нужным немедленно заявить, что я соц[иалист] и что буду говорить о социальн[ых] вопросах. Скажу больше. Я соц[иал]-дем[ократ], потому что и нет других социалистов в настоящее время, как соц[иал]-дем[ократы]. Остальные—или рудиментарные органы, или головастики, не успевшие стать лягушками. Наши отношения к болгар[ским] соц[иал]-демокр[атам]. Мы первые будем радоваться каждому их успеху. И вот почему я с особен[ным] удовольствием читаю в болгарском обществе.

П р е д м е т р е ф е р а т а. Карл Маркс о русской общине. Почему это интересно? Вокруг учения Маркса скопилось очень много недоразумений. Одним из важных является вопрос об отношении самого Маркса к задачам социалистов в тех странах, которые не принадлежат к Западу в соб[ственном] смысле слова. Обыкновенно в этих странах люди, не симпатизирующие учению Маркса, готовы отдать ему в жертву Запад, но у нас, говорят они, дело другое; у нас сам Маркс и проч[ее]. Так было в России, так было в Болгарии; спор Прокопиева[2] с Братановым[3] в «Лъча[4]». И тут-то обыкновенно они ссылаются на взгляд Маркса на рус[скую] общину, как это сдел[ал] напр[имер] Михайловский, С. К., Прокопиев и Габе[5].

Посмотрим, что же именно говорил Маркс о русской общине.

Предисловие к Манифесту коммунистической партии (рус[ское] издание). «П и с ь м о»[6]. Остановимся на нем. Что говорят по этому поводу С. К., Михайловский, Габе.

Михайловскому. Он смешал философско-историческую теорию Маркса с историей первоначального накопления[7]. Что такое философско-историческая теория Маркса? Прокопиев говорит, что Маркс повторяет мнения Родбертуса. Это—вздор. Теория Маркса имеет свою историю. Отношение Маркса к Гегелю. Отношение его к французским энциклопедистам. Работы Гизо, Ог[юстена] Тьерри, Сен-Симона. У Маркса были свои предшественники, как были они, например, у Дарвина, но это не мешает глубокой оригинальности Маркса, и премудрый Соломон тут не при чем. В чем же эта теория? Выписка из «Предисловия» к «Zur Kritik der politischen Oekonomie» (Соц[иализм] и полит[ическая] борьба)[8]. Вот это марксизм. Теперь понятно, что Маркс протестовал, когда ему подсказывали ту мысль, что, по его мнению, все страны шли, как Западная Европа. Что сказал бы Дарвин, если бы кто-нибудь его понял так, что в с е животные произошли о т о б е з ь я н ы? Он приводит в пример Рим. Да один ли Рим? А первобытные отношения, а восточные цивилизации? Мокриевич говорит о К и т а е. Он говорит, будто к Китаю не применим марксизм. Напротив, вполне применим. См. книгу М е ч н и к о в а[9], см., что говорят китайские историки о первобытных отношениях в Риме.

Какие же отсюда вытекают выводы? Для дарвиниста: хотя не все животные произошли от обезьяны, но в с е произошли путем естественного подбора в борьбе за существование. Так и у Маркса: хотя не все общества прошли, хотя не все пройдут фазу капит[ализма], но это зависит от э к о н о м и и (международной и национальной), а немарксисты этого не знают, и им кажется, что, раз они отговорились от марксизма, они могут выдумывать, что хотят. Возьмем примеры из истории: Фюстель-де-Куланж о Спарте, о цезаризме[10].

Возьмем п р а к т и ч[е с к и е] с т р е м л е н и я. Размышления г. Прокопиева об интеллигенции: «Лъча». Бр[атанов, №] 9. Учение об интеллигенции не всегда ограничивалось только «отсталыми» странами. Бруно Бауэр[11] и его «к р и т и ч е с к и й д у х», перешедший в критическую мысль у Петра Лаврова[12]. Выписки из Heilige Familie. Гуманность и справедливость Прокопиева. Маркс о Прудоне[13]. Гуманность рептилий.

В России есть очень распространенная картинка: как мыши кота хоронят. Отбоярившись от Маркса, не похоронив кота, противники марксизма думают, что им разрешается городить всякий вздор. Но это не так. Энгельс о программе Ткачева[14]: «Leichter und angenehmer kann man sich keine Revolution vorstellen»*. И удивительно, как люди, пережившие 12-летний возраст, могут разделять такую программу[15].

Русская община может развиться под влиянием пролетариата. Маркс и Энгельс говорят одно и то же. Пролетариату принадлежит активная роль, крестьянину—пассивная. Мы говорим то же самое. Но мы делаем шаг дальше и прибавляем: но пролетариат существует уже и в Р о с с и и. Что же, от этого изменяется его роль? Напротив. Мы так и говорили: только частичное разложение общины может спасти общину. А что говорит Энгельс теперь?[16] Михайловский говорит, что положение русского сторонника марксизма затруднительно. Почему? Чему и кого учит история? Если интеллигенция какой-нибудь страны действительно чему-нибудь научилась, она станет марксистской.

А Болгария? Болгария есть небольшой остров в капиталистическом мире. Какова может быть судьба этого острова? П о т е н ц и а л ь н ы й к а п и т а л и з м. Положим, завтра социальная революция в Западной Европе. Болгария еще мало развитая страна. Что будет? Запад повлияет на Болгарию. Она «не пройдет»[17]. Но ведь Запад должен действовать через посредство отношений, которые будут отражаться в сознании людей. А люди будут тем сознательнее, чем более поймут они М а р к с а. Следовательно: вывод ясен. Если мы отстали, то нам не отпихивать надо марксизм, а именно торопиться распространять его; чем больше [будут] распространяться идеи Маркса, тем больше шансов с к о р е е миновать, если не все, то многие из перипетий капитализма.

* Более легкой и приятной революции нельзя себе представить.—Р е д.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Точных сведений об этом реферате мы не имеем. На запрос Дома Плеханова, обращенный по этому поводу к т. Г. Бакалову, последний ответил:

«О реферате Георгия Валентиновича у меня почти нет никаких воспоминаний. Как будто читал он нам доклад о взглядах Маркса на общину, в котором, критикуя народников, упомянул о болгарском споре Прокопиева с Братановым. Но когда и где он читал, не помню».

По воспоминаниям Р. М. Плехановой, реферат этот был прочитан в Женеве, в помещении студенческого клуба на Route de Carouge летом 1894 г., до переезда Г. В. Плеханова в Лондон.

[2] Прокопиев — псевдоним в болгарской печати известного русского народника и эмигранта Владимира Карповича Дебагория-Мокриевича (1848—1926). В 70-х годах он устраивал бунтарские поселения на Украине. Арестованный в 1879 г. и сосланный на каторгу, с дороги бежал и эмигрировал за границу. В эмиграции его взгляды скоро приняли либерально-буржуазный характер. С начала 90-х годов Дебагорий-Мокриевич поселился в Болгарии.

[3] Братанов—псевдоним болгарского социал-демократа Дмитрия Николаевича Благоева (1859—1924). Благоев окончил русский университет и был одним из организаторов первой в России социал-демократической группы, известной под именем «благоевской». В 1885 г. группа начала издавать первую в России социал-демократическую газету «Рабочий», в которой были помещены статьи Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода («Рабочий», № 2). Всего вышло два номера.

В 1885 г., будучи выслан из России, Благоев вернулся в Болгарию и посвятил себя болгарскому освободительному рабочему движению. Несмотря на экономическую отсталость Болгарии, он предсказывал и доказывал неизбежность развития в ней капитализма и появления пролетариата. В 1891 г. вышла под псевдонимом Братанова его брошюра «Що е социализм и има ли почва у нас» («Что такое социализм и есть ли для него почва у нас»), которая была первой марксистской книжкой на болгарском языке и сыграла в Болгарии приблизительно ту же роль, что в России «Наши разногласия» Г. В. Плеханова.

Благоев принимал до самой смерти деятельное участие в болгарском рабочем движении и был руководителем партии «тесняков», левого крыла болгарской с.-д. В 1919 г. руководимая Благоевым партия «тесняков» реорганизовалась в Болгарскую коммунистическую партию.

[4] Спор в «Луче» (болгарский журнал «Лъча») велся в начале 1892 г. Полемику начал Прокопиев. Братанов ответил ему раз в том же журнале, а потом перенес полемику на страницы социал-демократического журнала «День» и только что начавшего выходить тогда органа новообразованной болгарской с.-д. партии «Работник».

Братанов защищал марксизм и доказывал, что в Болгарии уже есть и развивается почва для него и что поэтому надо приступить к организации партии рабочего класса. Прокопиев старался его опровергнуть, доказывая живучесть мелкого производства, тем более в Болгарии, где нет и не будет ни буржуазии, ни пролетариата. Программа Прокопиева—«проповедь гуманных идей».

[5] Габе, Петр—русский еврей, поселившийся в болгарской части Добруджи в качестве землевладельца. В полемике он стал на сторону Прокопиева. До того был известен брошюркой «О земледельческом вопросе». Габе был поверхностный экономист либерального толка.

[6] Письмо Маркса к редактору «Отечественных записок»—см. примеч. 6 к статье «Странное недоразумение».

[7] Плеханов имеет в виду статью Н. К. Михайловского «Литература и жизнь», появившуюся в «Русской мысли», 1892 г., № 6, в которой Михайловский пишет: «Теория эта [философско-историческая теория Маркса] изложена в шестой главе «Капитала» под скромным заглавием «Так называемое первоначальное накопление» и т. д.

См. об этом подробно выше, в статье «Странное недоразумение».

[8] Г. В. Плеханов приводит здесь в скобках название своей брошюры, чтобы

сделать оттуда соответствующую выписку из предисловия к «Zur kritik...», в то время еще не переведенного на русский язык. (См. Соч., т. II, стр. 45.)

[9] Мечников, Лев Ильич (1838—1888)—географ, социолог и публицист, автор книги «La civilisation et les grands fleuves historiques» («Цивилизация и великие исторические реки»), в которой он выясняет влияние географических особенностей различных, преимущественно древних, культурных стран на ход развития их общественных учреждений. Г. В. Плеханов разобрал эту книгу в рецензии, написанной в 1889 г. (Соч., т. VII). Вопросу о китайской цивилизации посвящены в книге Мечникова XI и частью VI главы.

[10] Фюстель де Куланж, Нума-Дени (1830—1889)—французский историк. Известная книга его «La cité antique» («Древняя община») дает ценный анализ общественных отношений древности, несмотря на то, что исходная точка зрения ее неправильна. Основным двигателем общественного развития Фюстель де Куланж считал религию. Это не мешало ему однако давать верные оценки, когда он становился лицом к лицу с фактами.

Г. В. Плеханов пишет о нем: «Но вот случилось Фюстель де Куланжу коснуться вопроса о падении Спарты. И вышло у него, что причина падения чисто экономическая. Случилось ему коснуться вопроса падения Римской республики—и он опять обращается к экономике». («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»—Соч., т. VII, стр. 235).

[11] Бауэр, Бруно (1809—1882)—немецкий философ, критик библии, левый гегельянец. Историко-философские взгляды его оказали большое влияние на взгляды наших субъективистов: Лаврова, Михайловского и др. Он тоже считал критически мыслящую личность двигателем истории, не возлагая никаких надежд на народные массы. Сущность мировоззрения Бауэра является идеалистической, хотя он и отрицает «всемирный дух» и «абсолютный разум» Гегеля. Маркс и Энгельс подвергли взгляды Бауэра резкой критике в книге «Святое семейство» («Die heilige Familie»). Сближение взглядов братьев Бауэров (Бруно и Эдгара) со взглядами русских субъективистов очень занимало Г. В. Плеханова. Об этом читаем в четвертом примечании к его переводу книги Энгельса о Фейербахе:

«Отвлеченный радикализм братьев Бауэров во многом напоминает нам российский „субъективный метод в социологии“: те же беспрестанные ссылки на „критику“, на „критический дух“ (который у нас называется „критической мыслью“); то же неуменье вдуматься в тот критический процесс, который происходит в недрах самих общественных отношений и который определяет собою „самосознание людей“» (Соч., т. VIII, стр. 376).

[12] Лавров, Петр Лаврович (1823—1900)—виднейший идеолог народничества, редактор журналов «Вперед» и «Вестник Народной воли», глава русской субъективной школы в социологии. Его мировоззрение не отличалось цельностью, так как он стремился соединить теорию Маркса с идеалистическими и утопическими представлениями.

[13] Прудон, Пьер-Жозеф (1809—1865)—один из теоретиков анархизма, оказавший влияние на социологические построения народничества.

[14] Ткачев, Петр Никитич (1844—1885)—русский революционер-народник, эмигрант, издававший в 1875—1881 гг. журнал «Набат», орган русского бланкизма. Ткачев в противоположность бакунистам отстаивал захват политической власти путем восстания или заговора для немедленного и насильственного осуществления революции. Пропаганда Ткачева оказала большое влияние на переход народничества к политической борьбе, на теорию и практику «Народной воли». В своем «Открытом письме к Энгельсу», вышедшем на немецком языке в Цюрихе в 1874 г., Ткачев доказывал возможность для России 70-х годов перейти непосредственно к коммунизму, минуя стадию капиталистического развития. Энгельс ответил ему в «Volksstaat» (1875 г., № 117, 118), а позднее, в 1894 г., написал послесловие к своему ответу (Nachwort). (См. Соч., т. XV, стр. 251—264.)

На русском языке этот ответ Энгельса Ткачеву вместе с послесловием появился впервые в Женеве в 1894 г. под заглавием «Фридрих Энгельс о России».

[15] Цитаты из брошюры «Фридрих Энгельс о России», Женева 1894 г., с. 17—18.

[16] В своем «Послесловии» к ответу Ткачева, написанном в 1894 г.

[17] Через стадию капиталистического развития.

ОТРЫВКИ ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ БРОШЮРЫ «НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ». ЧАСТЬ II (БУДУЩИЙ БЕЛЬТОВ)

Небольшие отрывки, данные нами в настоящей публикации, представляют собой разрозненные страницы, сохранившиеся от зарубежной брошюры, которая в процессе работы над ней Плеханова превратилась в легальную книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Разговоры об издании за границей брошюры против Михайловского начались в 1894 г., когда в «Русском богатстве» появилась статья Михайловского, в которой он, по ироническому выражению Плеханова, «окончательно разнес русских учеников». Первоначально ответ этот был задуман как предисловие к брошюре Энгельса против Ткачева, но Плеханов находил, что «Михайловский столько наврал в своей статье, что для его опровержения надо по крайней мере четыре листа» (письмо к П. Б. Аксельроду от 2 марта 1894 г.—Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, М. 1925, т. I, стр. 96).

Денежные сборы на издание брошюры производились за границей в русских эмигрантских колониях. Интерес к этой работе среди русских марксистов ярко отразился в переписке, сохранившейся в плехановском архиве.

Вступая в бой со «столпами» народничества, Плеханов делился своими планами и с иностранными с.-д. Так, он писал Бернштейну 4 мая 1894 г.:

«Когда увидите генерала [Энгельса], скажите ему, что некто М., имя которого ему небезызвестно, занимается в данное время в одном из петербургских журналов опровержением Гегеля, Маркса, его—генерала—и, вероятно, также Каутского (последний пока пощажен, но и он уже попал в список неисправимых марксистов).

Я намерен ответить Михайловскому.

Очень жаль, что генерал не имеет времени прочесть статьи этого господина. Любопытно было бы знать, какое впечатление они произвели бы на него; впрочем, статьи эти плохи до невозможности»*.

Осенью 1894 г. Плеханов был изгнан из Франции. Он переехал в Лондон и отдался писанию брошюры против народников. В разгар этой работы из России приехал А. Н. Потресов со специальной целью «убедить Плеханова начать пользоваться наконец орудием легальной печати». Не застав Плеханова в Морнэ, он немедленно отправился в Лондон и, найдя его, «был чрезвычайно обрадован тем, что не встретил никакого сопротивления своему предложению».

---

* Сб. «Группа Осв. тр.», III, стр. 255.

Быстрота, с которой Плеханов справился со своей задачей, до некоторой степени объясняется тем, что он использовал для легальной книги свою зарубежную брошюру, к тому времени уже отчасти написанную, а также материалы, предназначавшиеся им для коллективной работы по истории социализма, которую проектировали в то время Каутский и Бернштейн и в которой ему предложено было взять на себя отдел истории социализма во Франции.

Зарубежная брошюра, для издания которой собирались деньги, осталась, таким образом, ненапечатанной, или, верней, из нее попали в печать лишь те части, которые могли «пролезть через цензурное ухо». Мы даем здесь небольшие сохранившиеся в архиве отрывки из начала этой брошюры, которые предназначались, конечно, только для вольного станка.

Что касается денег, собранных на издание брошюры, то мы находим сведения о них в отчете, помещенном в № 1—2 «Работника» (Женева 1896). Там значится:

«Отчет по сборам для издания брошюры Г. Плеханова в ответ на статьи Н. К. Михайловского о русских марксистах».

Дальше идет подробный перечень отдельных сумм, в общей сложности составивших 1028 франков 55 сантимов.

И наконец примечание:

«Печатание этой книги по некоторым обстоятельствам замедлилось, и теперь пока еще не может быть указано время ее выхода. Поэтому администрация Союза предлагает лицам, сделавшим взносы на ее издание и недовольным этой неожиданной отсрочкой, взять назад свои пожертвования или указать для них другое назначение».

Надо сказать еще несколько слов о заглавии, которое Плеханов думал дать своей зарубежной брошюре. Первая страница рукописи заглавия не имеет, и поставленный нами заголовок—«Наши разногласия, ч. II, вып. I. Наша „легальная“ литература в борьбе с марксизмом»—написан на отдельной, как бы титульной, странице, найденной случайно в одной из книг плехановской библиотеки. На каком основании мы сделали его заголовком именно к этой брошюре? Имел ли Плеханов в виду дать ей то же название, какое имела его зарубежная брошюра против революционного народничества, написанная на 10 лет раньше, в 1884 г.?

По существу в этом нет ничего невозможного. Содержание брошюры являлось по замыслу прямым продолжением «Наших разногласий», она ставила основной своей задачей борьбу с народнической идеологией. Такого взгляда держались повидимому и сам Плеханов и окружающие его товарищи.

Работа под заглавием «Наши разногласия, ч. II» в печати не появилась. Однако Плеханов написал титульный лист с этим заглавием. Значит, он думал назвать так какую-то свою работу. Такой работой могла быть в то время либо эта брошюра, либо зарубежная же книга против Воронцова, отрывки из которой мы даем ниже. Но здесь на помощь нам приходят чисто внешние данные. Титульная страница написана на очень характерной бумаге. Это бумага из тетради размером в четверть листа, разграфленная крупными клеточками, с полем, отделенным красной линией. На такой же точно бумаге написаны все листы, сохранившиеся от зарубежной брошюры, использованной для «Монистического взгляда». И кроме этой рукописи нет ни одной, написанной на такой бумаге. Цвет бумаги, как и почерк Плеханова, в обоих случаях совершенно одинаковы. Поэтому мы сочли возможным дать данной брошюре заглавие «Наши разногласия».

* * *

Сохранившаяся в архиве рукопись статьи «Наши разногласия» заключает в себе всего 46 разрозненных листов, с различной нумерацией. Большинство этих листов исписано не до конца. Цельных страниц имеется всего 11, считая и титульную, на остальных чаще всего не более 8—12 строк.

Вся рукопись написана на сильно пожелтевшей тетрадочной бумаге, разграфленной в крупную клетку, с полем, отделенным красной линией. Обороты не исписаны.

Почерк Г. В. Плеханова—характерный для первой половины 90-х годов—не крупный и очень четкий. Чернила сохранились прекрасно.

Нумерация страниц от 1 до 95 обычная, только первая страница, как всегда у Г. В. Плеханова, помечена римской цифрой. Дальше идет несколько страниц с нумерацией от А+2 до А+107. Ряд страниц имеется в двух-трех вариантах.

Из этой сохранившейся в архиве рукописи мы печатаем лишь небольшой, наиболее цельный, отрывок, представляющий собою начало статьи. Некоторые страницы имеют по два-три варианта, из которых мы приводим лишь наиболее отличающиеся от основного текста. Цельные страницы—титульная, 1,3,4,5, остальные не закончены.

*НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ**

ЧАСТЬ II

Выпуск I

НАША «ЛЕГАЛЬНАЯ» ЛИТЕРАТУРА В БОРЬБЕ С МАРКСИЗМОМ

1 | В течение последнего десятилетия в небольшом слое русских «интеллигентов», имеющих серьезные общественные интересы, резко выделилось то направление, на которое с самых различных, подчас совершенно противоположных, сторон сыплются самые ожесточенные нападки, упреки, обвинения. Это направление—с о ц и а л - д е м о к р а т и ч е с к о е. Оно приводит в благородное негодование, между прочим, и более или менее «передовых» деятелей нашей «легальной» литературы**. Против него воинствует г. В. В. как в специальных «трудах»[1], где мысль о социал-демократах лишает его всякой способности к спокойному, объективному исследованию предмета, так и в книге «Н а ш и н а п р а в л е н и я», где негодование против социал-демократов получает, наконец, открытое, от-

* Заглавие и подзаголовки взяты с титульной страницы.—Р е д.

** Приводим вариант начала первой страницы:

«В течение последнего десятилетия в том небольшом слое русских и „интеллигентных“ людей, который имеет серьезные общественные интересы, резко выделилось направление, приводящее в негодование даже самых „передовых“ мыслителей старого закала. Это направление—социал-демократическое. С самых различных, часто совершенно противоположных, сторон сыплются на него самые различные, подчас совершенно противоположные, нападки, упреки, обвинения. Мы не имеем в виду отвечать здесь на все эти нападки, рассматривать все эти упреки, анализировать все эти обвинения. Нашей задачей является здесь ответ нашим...».—Р е д.

кровенное выражение; против него же ополчился г. Михайловский, атаковавший его еще в «Русской Мысли» 1892 г. ( )* и окончательно разнесший его в «Русском Богатстве» 1894 г. (январь и февраль); наконец, ему время от времени дает щелчки внутренний обозреватель[2]...**| равнодушнее, чем первую. Но, 3
как бы то ни было, вопрос о русских социал-демократах очевидно принадлежит к числу вопросов, вызывающих величайший интерес в русских читателях. Вот почему мы не считаем возможным молчать ввиду начатого против нас похода. Мы не имеем возможности отвечать нашим противникам в «легальной» печати. Этому помешали бы как цензурные условия, так и привычки литературного кумовства. Поэтому мы должны прибегнуть к более или менее «вольному» заграничному станку. Это имеет очень большие неудобства: наш ответ попадет в руки сравнительно очень небольшому числу читателей. Но, с другой стороны, не оглядываясь на царскую цензуру, мы выскажемся тем более откровенно, тем более полно, тем более обстоятельно.

Мы наперед знаем, что в своем ответе нам не раз придется противоречить самым твердым убежде|ниям русских читателей, 4
оспаривать то, что они привыкли считать неоспоримым догматом. Очень возможно, что они будут возмущаться этим, и очень вероятно, что они будут, п о - с в о е м у, совершенно правы. Но если им дорога истина,—а ею не могут не дорожить умные и честные люди, —они должны, с своей стороны, сделать все возможное для того, чтобы внимательно выслушать нас до конца, помня золотое правило:

Audiatur et altera pars!***

< В спорах с нами наши противники нередко употребляют такой прием: признавая, что исторические взгляды нашего учителя Маркса совершенно правильны по отношению к «Западу», они тем усерднее оспаривают применимость их к России. При этом они всегда указывают на так называемое письмо Маркса к Михайловскому, в котором великий мыслитель заранее будто бы произнес строгий приговор над нами, его >|не 5
по разуму усердными последователями. Это—довольно остроумный прием. Жаль только, что сами противники наши сознают его неосновательность. Как ни плохо понимают они смысл «письма к г. Михайловскому», но их не покидает смут-

* В рукописи пустые скобки. Очевидно Г. В. Плеханов не мог указать месяц (июнь), так как не имел журнала под рукой.—Р е д.

** Стр. 2 имеется только в варианте. Воспроизводим его: «Это, разумеется, гипербола; в „интеллигентной“ русской среде наше направление еще очень далеко от господства, да едва ли и приблизится к нему когда-либо; наш естественный союзник—русский народ и, прежде всего, трудящееся население промышленных центров. Там мы несомненно будем современем господствовать, хотя и там наша работа еще только начинается. Г. В. В. очень боится распространения наших идей и потому преувеличивает наши успехи: у страха глаза велики».—Р е д.

*** Да будет выслушана и другая сторона!—Р е д.

ное сознание того, что трудно опровергнуть нас, признавая взгляды Маркса правильными, хотя бы в применении к одному только «Западу».

И вот, поразив нас с помощью Маркса, они начинают поражать самого Маркса иногда с помощью Дюринга, иногда с помощью г. Кареева[3], а иногда с помощью аргументов от собственного разума. Временами между нашими противниками устанавливается на этот счет довольно интересное разделение труда. Так, например, в «Вестнике Народной Воли»[4] г. Лавров признавал Маркса своим «великим учителем» и не соглашался лишь с русскими социал-демократами, а г. Тарасов[5] шел значительно дальше: он не соглашался не только с взглядами русских социал-демократов, [но] и с историческими взглядами того человека, у которого «учился» г. Лавров*. Таким путем достигалось удобное и приятное «разнообразие в един-
6 стве»**: | хочешь—признавай Маркса своим учителем, хочешь—учись у г. Тарасова опровергать его; но и в том и в другом случае будь одинаково чужд лжеучениям русских социал-демократов. Это—главное, и на этот счет требуется уже не разнообразие взглядов, а их полное единство.

Иначе поступают наши «легальные» противники. Ни один из них никогда еще не называл Маркса своим учителем. И хотя
7 взгляды его...*** | В самом ли деле «экономический материализм» до такой степени узок и беден по своему содержанию, как это может показаться на основании слов г. Михайловского?

Ответом послужит краткий очерк истории этого учения****.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Специальные «труды» В. В. (Воронцова)—«Очерки кустарной промышленности в России», Спб. 1886 г.; «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве», Спб. 1892 г.; «Крестьянская община» (I том «Итогов экономического исследования России по данным земской статистики»), М. 1893 г. и др.

[2] Плеханов имеет в виду С. К. (Кривенко), который вел в 90-х годах отдел «Хроника внутренней жизни» в «Русском богатстве».

---

* См. его статью[6].—Примеч. Г. В. Плеханова.

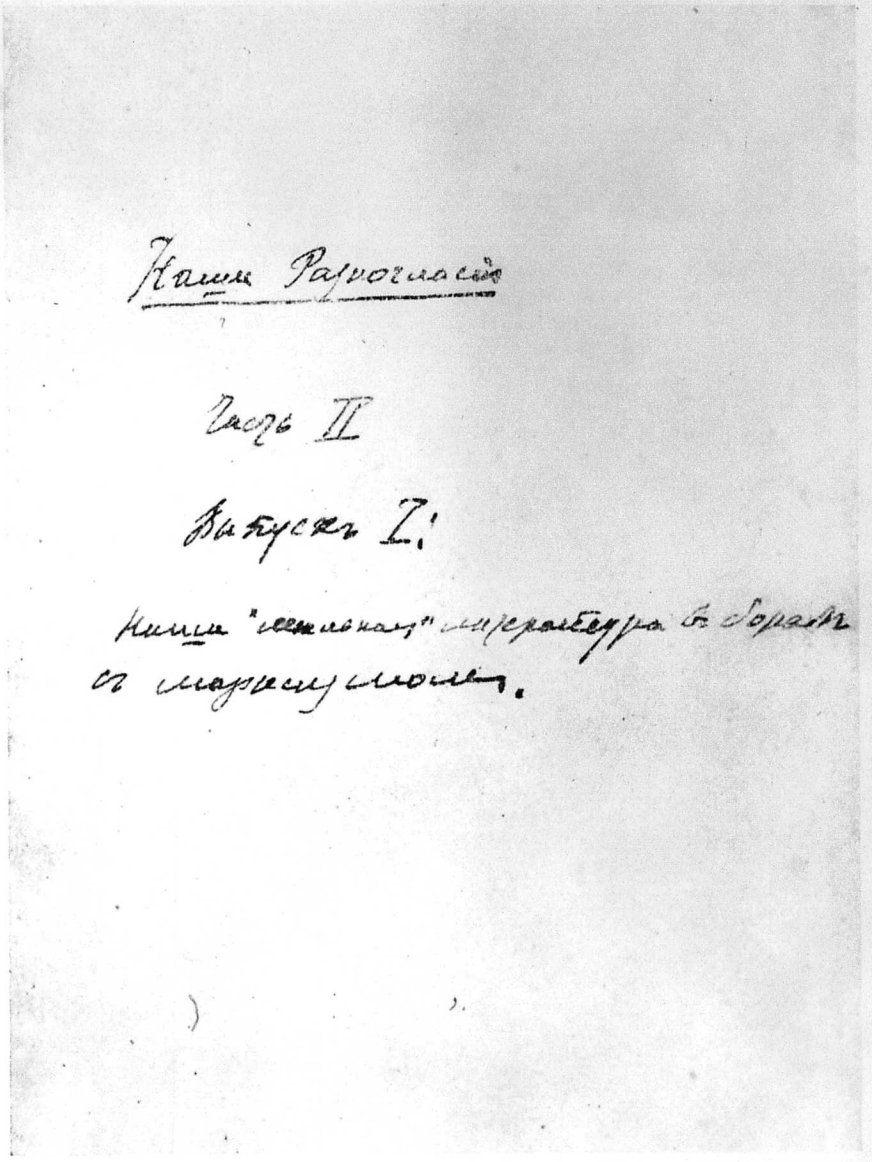
** Стр. 5 имеет три варианта, из которых один является почти буквальным повторением основного текста. Приводим два остальных:

I. «Главным, заслуживающим наибольшего внимания противником нашим в легальной печати является без сомнения г. Михайловский. Как бы кто ни судил об его литературной деятельности, всякий признает, что и по образованию и по таланту он стоит гораздо выше гг. В. В. и С. К. Поэтому ему должно принадлежать в нашем ответе первое место. Но, отвечая ему, мы принуждены начать издалека. Г. Михайловский—поистине беспощадный человек. Он не только „разделывает" нас, русских социал-демократов; он опровергает и нашего учителя Маркса. Он стыдит нас Марксом; он поражает Маркса Гегелем».

II. «Главным противником нашим в „легальной" печати является ее Ахиллес —г. Михайловский. Это поистине беспощадный человек».—Ред.

*** Стр. 6 обрывается на 10-й строке.—Ред.

**** Стр. 7 заключает всего 7 строк.—Ред.


Наши разногласия

Часть II

Выпуск I.

Наша "легальная" литература в борьбе с марксизмом.

«Наши разногласия». Часть II. Выпуск I.
«Наша „легальная" литература в борьбе с марксизмом»
(титульная страница)

[3] К а р е е в, Николай Иванович (1850—1931)—профессор, историк и публицист, один из представителей «субъективной школы» в социологии. Сотрудничал в народнических и либеральных органах; вел полемику с марксистами. Позднее был членом ЦК кадетской партии.

[4] «Вестник Народной воли»—заграничный орган партии «Народная воля», выходивший непериодически в 1883—1886 гг. в Женеве под редакцией П. Лаврова и Л. Тихомирова. Всего вышло 5 книжек.

[5] Т а р а с о в—псевдоним в нелегальной печати Н. С. Русанова (род. в 1859 г.), известного широкой публике под именем Н. Кудрина и В. Подарского. В начале своей деятельности склонялся к марксизму, позднее стал одним из ярых его врагов и вел с марксистами ожесточенную полемику.

[6] Плеханов имеет в виду высказывания Тарасова в его статье «Политический и экономический факторы в жизни народов»—«Вестник Народной воли», 1884 г., № 2, где он пишет:

«По нашему мнению, главная сила Маркса заключается в его чисто экономическом анализе... Везде, где дело касается более или менее экономических вопросов, Маркс доказывает свои положения... Везде же, где речь заходит о его историко-философских взглядах, Маркс поступает иначе. Тут уже царит в некотором роде догматическое богословие...»

ОТРЫВКИ ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ БРОШЮРЫ «НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ». ЧАСТЬ II (БУДУЩИЙ ВОЛГИН)

Настоящая публикация представляет собой отрывки брошюры против Воронцова и Михайловского, подобно книге «Монистический взгляд» Бельтова, предполагавшейся к изданию за рубежом и превратившейся в процессе работы в легальную книгу, которая вышла в Петербурге в начале 1896 г. под названием «А. Волгин—Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)». Этой брошюре Плеханов хотел дать заглавие «Наши разногласия, ч. II». Указания на это имеются в письмах В. Курнатовского от 13 мая и 21 декабря 1895 г., публикуемых в настоящем сборнике.

В первом из них Курнатовский пишет из Цюриха:

«Затем я лично хотел бы узнать от вас еще следующее: в каком положении ваша работа „Наши разногласия, ч. II", сколько набрано листов и т. д., к какому сроку можно ждать ее выхода. Мне кажется, что последние статьи Николая —она показали, что вопрос о внутреннем рынке и его роли в развитии русского капитализма является той областью, в которой вам придется сосредоточить свои аргументы, выяснивши, что капитализация земледелия должна повести к полному изменению „внутреннего рынка"».

Во втором, от 21 декабря 1895 г., он пишет:

«Хорошо было бы, если бы вы, которому на честь выпала первая смелая критика доктрины народ[овольц]ев, подвели бы итоги их теоретической эволюции в настоящий момент... Это могло бы составить или отдел в вашем труде „Наши разногласия, ч. II" или предмет особой брошюры... Кстати, я получил вчера поручение от товарища, передавшего деньги на издание „Наших разногласий", узнать, когда можно ждать наконец их выхода...»

Несколько удивляет дата второго письма, так как в декабре не могло уже быть речи об издании «Вевиады» (книги против В. Воронцова) за рубежом. Однако, Курнатовский мог еще не знать об изменении планов Плеханова.

Кроме приведенных указаний, мы не нашли в литературе никаких намеков на то, что книгу против Воронцова предполагалось издать за границей и именно под заглавием «Наши разногласия, ч. II». С другой стороны, в архиве Плеханова сохранились отрывки рукописи, которые по содержанию и по форме скорее всего можно было бы признать фрагментами этой зарубежной брошюры. Эти рукописные отрывки, наряду с намеками в письмах Курнатовского, давали серьезное основание для предположения о существовании зарубежного «Волгина». Предположение стало уверенностью, когда в 1934 г. Р. М. Плеханова неожиданно получила из-за границы интересный документ, представляющий собою корректурный оттиск первых двух листов именно этой брошюры. На титульном листе оттиска значится: «Наши разногласия, ч. II»; кроме того, на нем имеется сверху серия издания: «Библиотека современного социализма. Серия II. Выпуск III» и внизу—место и год издания: Женева 1895.

Полученные листы заключают в себе прежде всего предисловие Г. В. Плеханова, до настоящего времени совершенно неизвестное. Далее идет начало очерка, озаглавленного «Г. Воронцов», первые страницы которого являются точным воспроизведением публикуемых нами ниже I—IV страниц рукописи плехановского архива. Остальные страницы, составляющие большую часть полученного документа, представляют собой главу «Община» из книги Плеханова (Волгина) «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова» (Соч., т. IX, стр. 120 и сл.). Эти листы вошли в легальное издание с сравнительно небольшими изменениями, вызванными соображениями цензурного характера. Переделка зарубежного издания в легальное была произведена самим Плехановым. Некоторые места в корректуре им вычеркнуты, некоторые слова и фразы заменены другими, вся правка в целом явно обнаруживает стремление обойти цензурные рогатки.

Принадлежность печатаемых рукописных отрывков к брошюре, началом которой является полученный корректурный оттиск, устанавливается не только совпадением первых страниц обеих публикаций, но и сопоставлением содержания рукописных отрывков с предисловием Плеханова к зарубежной брошюре. Эти отрывки нельзя считать простым вариантом легального «Обоснования народничества». Напротив, здесь мы находим темы, которых Волгин либо совершенно не касается, либо касается лишь намеками. В самом деле, Плеханов лишен был всякой возможности осветить в легальной печати очень существенный вопрос о политическом консерватизме части народников. В своем стремлении сохранить распадающуюся общину, цепляясь за всякие средства, лишь бы спасти Россию от капитализма и пролетаризации крестьянства, некоторые из них готовы были поддерживать царизм со всеми его гнусностями. Эти «охранительные» тенденции среди народников 80—90-х годов приводили Плеханова в крайнее раздражение. Он пишет в письме к Энгельсу:

«Теория Воронцова сводится к следующему: капитализм не имеет шансов развития в России; у него нет внешних рынков. А там, где нет капитализма, нет также и б у р ж у а з и и. На Западе буржуазия создала конституционализм. Нет буржуазии—нет, следовательно, политической свободы. Наша страна не предназначена таким образом для борьбы за с в о б о д у. Нам остаются только два других пункта знаменитой триады, т. е. б р а т с т в о и р а в е н с т в о. Для установления равенства нам нет надобности бороться против самодержавия. Как раз наоборот: абсолютная монархия поможет нам в нашей задаче социалистической организации наших производительных сил...»*

Задаче выявления истинного политического лица народников и посвящены те отрывки и варианты, которые мы приводим. По всей вероятности, они должны были войти в зарубежную книгу против В. В., что подтверждается совпадением первых страниц рукописи с началом присланного из-за границы корректурного оттиска и датировкой печатаемых отрывков, которая определяется выпиской из «Русских ведомостей» от 1895 г., № 51 (см. вторую редакцию, стр. 11—12 руко-

* «Воинствующий материалист», 1925 г., III, стр. 121. Письмо не датировано.

писи). Повидимому Плеханов имел в виду придать своей брошюре форму очерков,* из которых первый был бы посвящен Воронцову, а второй Михайловскому**. Стр. 164 рукописи, являющаяся предпоследней в очерке о Воронцове***, написана тем же почерком и на той же бумаге, что и стр. 166, с которой Плеханов предполагал начать свой очерк о Михайловском. Таким образом, связь обоих очерков несомненна. Труднее решить вопрос о начале, так как оно написано рукой Р. М. Плехановой и представляет собой лишь несколько разрозненных страниц. Мы даем только первые из них, буквально повторяющие начало корректурного оттиска и устанавливающие наглядно связь между этими двумя публикациями. Остальные сохранившиеся, очень разрозненные, страницы посвящены анализу экономических отношений России. Большинство страниц этой части рукописи отсутствует, что объясняется, без сомнения, отсылкой их в типографию для набора; они и составили основное содержание полученного из-за границы корректурного оттиска. Следующие отрывки, вполне примыкающие по содержанию к тому, который мы считаем основным, мы приводим как его варианты.

Интересно отметить, что Плеханов на протяжении многих лет не оставлял мысли об установлении преемственной связи между своими первыми выступлениями против революционных народников и народовольцев и позднейшими работами, направленными уже против «либеральных» народников, а затем против их эпигонов—эсеров. Эта преемственная связь должна была выразиться в заглавии «Наши разногласия», причем, по замыслу Плеханова, новая брошюра явилась бы второй частью прежней. Конечно, озаглавить так можно было только зарубежное издание, так как в легальной печати такое заглавие неминуемо разоблачило бы автора.

Мы видим, что после выхода легального «Бельтова» Плеханов дал это заглавие зарубежному «Волгину». Однако книга против Воронцова вышла легально. «Нашим разногласиям» опять не повезло. Но Плеханов не расстался с мыслью осуществить свой проект. В начале 900-х годов он снова возвращается к нему, теперь уже приурочивая вторую часть «Наших разногласий» к полемике с эсерами. В начале 1903 г. он пишет П. Б. Аксельроду:

«Теперь я завален всякой работой. Думаю писать вторую часть „Наших разногласий“, направляя ее против эпигонов, т. е. против [социалистов-] революционеров. Некоторые главы появятся в „Искре“».

К этому месту редакция «Переписки Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода» делает примечание:

«В полном объеме этот свой план Г. В. не осуществил: им были написаны только отдельные главы этой книги, напечатанные в „Искре“ №№ 32, 33, 34, 35 и 39 под заглавием „Пролетариат и крестьянство“»****.

О том же пишет Плеханов и Ленину в начале февраля 1903 г.:

«А брошюру я пишу. Теперь сижу за главой „Пролет[ариат] и кр[естьянство], часть которой думаю поместить в виде фельетона в „Искре“. (Я думаю назвать брошюру „Наши разногласия. Часть вторая“.)»*****.

---

* См. стр. 55.
** См. стр. 56—зачеркнутое заглавие и эпиграф.
*** Стр. 165 не сохранилась.
**** Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. II, стр. 188—189.
***** «Ленинский сборник» IV, стр. 211.

Подводя итоги всему, что нам известно теперь о работе Г. В. Плеханова над «Бельтовым» и «Волгиным», мы можем сделать здесь еще одно, не лишенное оснований, предположение, увязывающее между собой эти две книги. Весьма возможно, что вначале, когда «брошюра против Михайловского» была только в проекте, как сам автор, так и его окружающие неясно представляли себе, во что выльется эта работа. Народников надо было бить по двум линиям—за их субъективный метод в социологии и за их приверженность к «самобытным устоям» русской жизни, опирающуюся на неправильное представление о путях развития России. Ответ Плеханова должен был итти по двум направлениям. Не зная, до каких размеров разрастется его работа по этим двум направлениям, Плеханов мог думать, что сумеет рассмотреть оба вопроса в одной книге или в двух выпусках одной книги, озаглавленной «Наши разногласия. Часть II». Подтверждением такого предположения служит печатаемая нами титульная страница зарубежного «Бельтова», на которой действительно имеются слова: «Выпуск I» (см. выше). Что именно таковы были первоначальные намерения Плеханова, утверждает и Р. М. Плеханова, на глазах которой зарождалась эта работа. Если бы первый выпуск «Наших разногласий», посвященный вопросам теории, вышел за рубежом, за ним, вероятно, последовал бы второй, посвященный анализу экономического строя России. Но первый выпуск не вышел, и Плеханов решил сделать второй—самостоятельной брошюрой, сохранив за ней то же заглавие.

* * *

Публикуемый материал заключает в себе два документа. Первый представляет собой отрывки трех редакций вышеназванной брошюры и состоит из 36 разрозненных листов, из которых печатаются 26.

Первая редакция заключает в себе два очерка: 1) «Г. Воронцов» и 2) «Н. К. Михайловский». Из первого очерка печатаются страницы I—IV, написанные рукой Р. М. Плехановой на сильно пожелтевшей плотной тетрадочной бумаге с синей линовкой, и предпоследняя, 164-я, страница (стр. 165 не найдена). На стр. 166 начинается второй очерк—о Михайловском, от которого сохранилось всего 6 страниц: 166, 167—170 с двойной нумерацией <167> 2—<170> 5 и 171, причем цифры, поставленные нами в угловые скобки, зачеркнуты. Повидимому Г. В. Плеханов сначала думал эту часть рукописи сделать прямым продолжением рукописи о Воронцове, а потом решил дать очерку о Михайловском новую нумерацию. Кроме общей нумерации, о единстве обоих очерков свидетельствует одинаковый внешний вид рукописи: стр. 164—171 написаны рукой Г. В. Плеханова на одинаковой тонкой тетрадочной бумаге с полем, отделенным красной линией (кроме стр. 171, отличающейся по виду и качеству).

Из второй редакции сохранилось 13 листов (стр. 6—18). Бумага тетрадочная, плотная, линованная, вся одинаковая. Почерк Плеханова здесь такой же, как в рукописи «Странное недоразумение». Нумерация обыкновенная, пропусков нет.

От третьей редакции сохранилось всего два листа—стр. 5—6 (есть еще мало отличающийся вариант стр. 5). Почерк Г. В. Плеханова несколько более крупный, чем в двух первых редакциях.

Второй документ представляет собой корректурный оттиск первых двух листов брошюры. Как уже указывалось выше, эти листы, предназначавшиеся для зарубежного издания, были использованы для издания легального. Приспособ-

ление их к цензурным условиям было произведено самим Плехановым, который вычеркнул отдельные слова и фразы и заменил их другими.

При публикации настоящего документа мы приняли за основной тот первоначальный текст, который предназначался для зарубежного издания. Все изменения, внесенные в него Г. В. Плехановым и воспроизведенные в точности в легальном издании, оговорены в подстрочных примечаниях. Там же приведены и остальные разночтения обоих текстов. Для наглядности все абзацы, выражения и слова, имеющиеся только в зарубежном издании, выделены курсивом.

Печатание производится с копии, тщательно сверенной с оригиналом, находящимся в Париже. Из 32 страниц корректуры нехватает 4 страниц (от 23 по 26). Все корректурные поправки сделаны рукой Г. В. Плеханова. Одновременно с копией получены помещаемые нами фотографии двух страниц оттиска: титульного листа и страницы с наибольшим числом плехановских поправок.

ОТРЫВКИ ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ СТАТЬИ

*Г. ВОРОНЦОВ**

I A tout seigneur tout honneur**.

Мы начинаем с г. Воронцова, потому что это самый замечательный из всех современных защитников российских «устоев». У него нет ни тени литературного таланта; у него мало знаний; его мысль слаба, неповоротлива, противоречива даже в хорошо знакомой ей области «экономического исследования России по данным земской статистики»; словом, он представляет собой литературную величину во всех смыслах весьма и весьма небольшую. И тем не менее, он все-таки чрезвычайно замечателен, как писатель, не боящийся тех выводов, которые вытекают из его экономической программы. Там, где другие усиливаются соединить несоединимое, там, где они обеими руками отмахиваются от «тьмы горьких истин» ради «нас возвышающего обмана», г. Воронцов решился трезвыми глазами взглянуть и на обман и на горькие истины. В II | этом его бесспорная заслуга. Когда страус видит перед собой беду неминучую, он зарывает, как известно, в песок свою беззащитную голову. Жаль страуса, а нельзя не признать, что это—смешная птица. Представьте же себе, что между страусами вдруг появился трезвый мыслитель, решившийся восстать против бесполезного обыкновения зарываться в песок от печальной действительности. Такой мыслитель все-таки остался бы страусом, т. е. в последнем счете не очень умной птицей. Но он был бы феноменом между ему подобными. Вот таким же феноменом является и г. Воронцов между нашими самобытниками. Он имел мужество произнесть то «трезвенное слово», которого, вопреки самой очевидной логике, не решаются повторить другие защитники

* Заголовок Г. В. Плеханова.—Р е д.
** Каждому барину своя честь.—Р е д.

общины, «народных идеалов» и прочих хороших вещей. Поэтому мы и ставим его в передний угол наших очерков.

| «Интересы народа, как цель, формы, вырабатываемые его III
коллективной мыслью, как средство, и самодеятельность населения, как рычаг общественной эволюции,—таковы три положения, характеризующие народничество, каким оно определилось в пореформенную эпоху нашей истории»*.

Так говорит г. Воронцов. По своему обыкновению, он выражается довольно неудачно. Вот, например, можно спросить себя,—почему же «рычаг», т. е. «самодеятельность населения», не есть «средство»? Но это—вопрос несущественный. Не теряя времени на его разрешение, постараемся покороче познакомиться с «положениями» г. Воронцова.

В его триаде нам интереснее всего «формы, вырабатываемые коллективной мыслью» народа.

Что узнаем мы об этих формах от г. Воронцова?

По этому предмету богатый материал содержат в себе в особенности следу|ющие три произведения нашего автора: 1) «Крестьянская община», в первом томе «Итогов экономического исследования России по данным земской статистики», Москва 1892; 2) «Очерки кустарной промышленности в России», С.-Петербург 1886; [3] «Артель в кустарном промысле», С.-Петербург 1895. IV

Начинаем с общины. |

Глава I
Община

В современной науке все более и более упрочивается тот взгляд, что в каждом данном обществе развитие правовых учреждений является результатом развития его экономических отношений, которое, в свою очередь, определяется в последнем счете развитием производительных сил, находящихся в распоряжении общества. С этой точки зрения возникновение, развитие и разложение поземельной общины обусловливается экономическим развитием страны. Правовые понятия людей, как и вообще вся их «философия», определяются их «экономией»...**

...| народной деятельности и если все общественные учреждения 164
не станут строго преследовать принцип пользы рабочего населения. Все эти предварительные условия, как мы видим, не-

* «Наши направления», стр. 7.—Примеч. Г. В. Плеханова.
** После этих страниц (I—IV) идет несколько разрозненных листов, посвященных анализу экономических отношений России и являющихся вариантом отдельных страниц книги Волгина (Плеханова) «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)». Мы опускаем их и переходим к предпоследней (164) странице рукописи о Воронцове.—Р е д.

обходимы для того, чтобы можно было осуществить проект г. Воронцова. Но откуда же они возьмутся? Отчего изменится все направление нашей общественной жизни? Почему хищники, окружающие царский трон, перестанут стеснять народную деятельность? Что заставит наши общественные учреждения заботиться о пользе рабочего населения? Вероятно, проповедь г. Воронцова. С материалистической точки зрения это представляется невозможным: проповедь г. Воронцова, даже помимо ее внутренней несостоятельности и ее внешней неуклюжести, не сможет положить предел хищениям до тех пор, пока хищники останутся у власти. Но надо помнить, что г. Воронцов совсем не материалист. По его...*

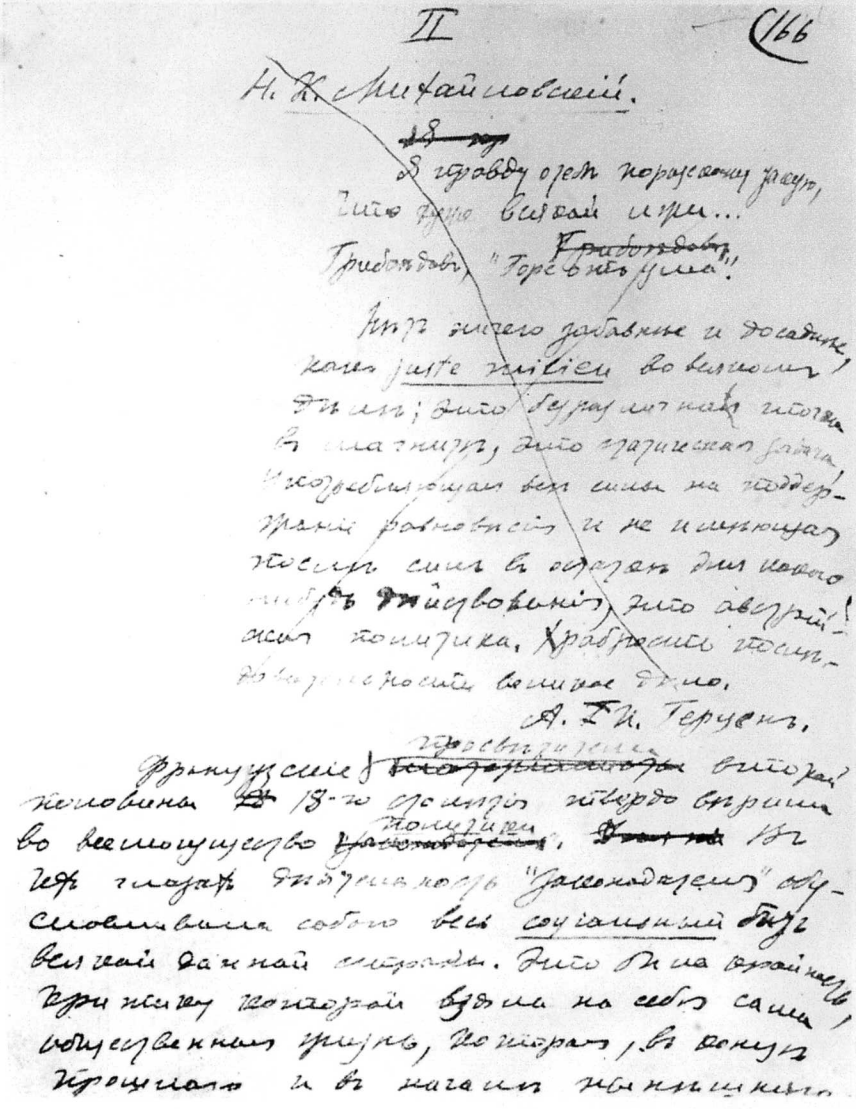
166

*Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ***

> Я правду о тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи...
>
> Г р и б о е д о в, Горе от ума.
>
> Нет ничего забавнее и досаднее, как juste milieu*** во всяком деле; это безразличная точка в магните, это статическая задача, употребляющая все силы на поддержание равновесия и не имеющая после сил в остатке для какого-нибудь действования, это австрийская политика. Храбрость последовательности—великое дело.
>
> А. И. Г е р ц е н[1].

Французские просветители второй половины 18-го столетия твердо верили во всемогущество «политики». В их глазах деятельность «законодателя» обусловливала собою весь с о ц и а л ь н ы й быт всякой данной страны. Это была крайность, критику которой взяла на себя сама общественная жизнь, ко-
<167> торая в конце прошлого и в начале нынешнего | столетия так
2 часто, так горько и так громко смеялась над усилиями «законодателей». В эпоху реставрации все более и более начинает распространяться противоположное мнение, согласно которому политическая конституция всякой данной страны вырастает из социальных отношений, и «законодатель» только выражает на бумаге смысл этих отношений. Это было справедливое мнение. Но частью потому, что оно явилось как реакция против взгляда 18-го века, частью потому, что оно еще не было обосновано научно и причинную связь между социальным бытом всякой данной страны и ее политическими учреждениями

* Стр. 165 не сохранилась.—Р е д.
** Заголовок Г. В. Плеханова.—Р е д.
*** Золотая середина.—Р е д.



Страница рукописи «Наши разногласия». Ч. II (будущий Волгин)

скорее о т г а д ы в а л и, чем п о н и м а л и,—мнение это немедленно породило другую, столь [же] несостоятельную | крайность: многие люди науки и общественные деятели стали говорить, что все дело в социальных отношениях, политический же строй представляет собою пустую ф о р м у, на которую может не обращать внимания человек, желающий принести существенную пользу своим согражданам. Такого или почти такого взгляда на политику держался буржуазный экономист Ж. Б. Сэй. Совершенно такого взгляда держались с о ц и а л и с т ы - у т о п и с т ы: в этом последнем лагере было очень немного исключений, которые к тому же все обязаны были своим существованием переживанию некритического, поверхностного взгляда 18-го столетия. Проистекавшая отсюда путаница научных и политических понятий впервые рассеялась лишь с появлением исторической теории Маркса, которая выяснила, каким именно образом | из социального строя вырастают политические учреждения, и тем самым выяснила историческую роль этих учреждений и их огромное, независимое значение, как средства осуществления и поддержания социальных стремлений всякого данного общественного класса. Социалисты школы Маркса, стоя на точке зрения борьбы классов, никогда не забывают, что в с я к а я к л а с с о в а я б о р ь б а е с т ь б о р ь б а п о л и т и ч е с к а я.

<168> 3

<169> 4

От социалистов-утопистов отрицательное отношение к «политике» вообще и к «буржуазной» политической свободе в частности перешло преимущественно через Прудона к Бакунину[2], а от Бакунина к русским народникам-революционерам. Эти последние были твердо убеждены, что падение абсолютизма, не сопровождаемое «социальной революцией», очень повредило бы интересам русского «народа», | так как власть очутилась бы тогда в руках буржуазии. Если, как мы это видели, г. Воронцов высказывает теперь, в девяностых годах, подобный же взгляд на политическое освобождение России, то это показывает только, из какого устарелого источника черпает свои доводы наш почтенный автор. Он отстал от современной социалистической мысли, п о к р а й н е й м е р е, н а п о л с т о л е т и я.

<170> 5

<Но г. Воронцов не составляет в этом случае исключения в лагере наших более или менее народолюбивых писателей. Почти все они грешат его грехом. Почти ни один из них не имеет ясного понятия об отношении «политики» к «социальному»> | вопросу». Очень естественно поэтому, что их «борьба с капитализмом» поминутно превращает их в чистейших реакционеров не только в экономическом, но также и в политическом смысле этого слова. Ярким примером такого грехопадения является литературная деятельность нашего критика, социолога, психолога, полубеллетриста и проч. и проч. и проч., Н. К. Михайловского.

171

Борьба этого «передового» писателя с «капитализмом» началась не со вчерашнего дня. Он воюет с этим чудовищем с самого начала своей литературной карьеры. Уже его критика Спенсеровой теории прогресса[3] была...*

ОТРЫВОК ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ СТАТЬИ**

6 | Но это не все. Западно-европейская буржуазия охотно
<7> проповедывала теорию государственного невмешательства всюду, где это было выгодно для нее, а особенно там, где рабочий класс стремился воспользоваться своими политическими правами для защиты своих экономических интересов. Эта тактика буржуазии естественно вызывала сильную реакцию
7 со стороны социалистов. | Уже социалисты-утописты резко нападали на теорию «laissez faire, laissez passer»***. Но их критика этой теории неизбежно ослаблялась тем коренным недостатком их воззрений, вследствие которого они отрицали «политику». Научный социализм поставил эту критику на более твердую почву. Благодаря ему, «манчестерство»[4] было окончательно сбито с своей теоретической позиции.

Эта борьба западных социалистов с теоретиками буржуазии нашла свой отголосок и в России. Но неразвитость наших общественных отношений помешала нашим «передовым» людям понять истинный смысл этой борьбы. На Западе социалистическое требование государственного вмешательства предполагает политическую самодеятельность рабочего класса: поэтому там всякая новая
8 уступка этому требованию есть новое торжество | «экономии труда над экономией капитала». Наши «передовые» люди забыли об этом необходимом предварительном условии. Они, прямо ссылаясь подчас на западно-европейские социалистические авторитеты, стали при всяком удобном и неудобном случае взывать к современному русскому полицейскому государству, как к организации, стоящей выше классов и способной чуть ли не во всякую данную минуту решить «социальный вопрос» по указаниям их утопической «науки». «Будем надеяться,—писал г. Воронцов в своих «Судьбах капитализма» (стр. 124),—что именно Россия и есть та страна, которая послужит ему (западному пролетариату!—*Г. П.*) образцом при его реорганизационной работе, что ее историческая миссия заключается в осуществлении равенства и братства, если уж ей не

* На этом рукопись обрывается.—Ред.

** 1—5 страницы не найдены; на стр. 6-й, имеющей двойную нумерацию, верхняя половина текста вычеркнута. Повидимому эта страница была переложена из какого-то другого варианта. При перенесении страницы Г. В. Плехановым вписаны вместо вычеркнутого текста слова: «но это не все».—Ред.

*** Пусть идет, как идет.—Ред.

суждено бороться за свободу» (т. е. против абсолютизма.—*Г. П.*). Место| политической самодеятельности рабочего класса заняла, 9
таким образом, деятельность бюрократов, и наши сторонники государственного вмешательства «потащили историю» прямо в полицейский участок.

С теоретической стороны это явление интересно в том смысле, что отрицательное отношение к «политике» дополнилось у наших сторонников государственного вмешательства верой во всемогущество государства, в то, что «законодатель» может перестраивать социальный быт своей страны, как ему угодно. Ошибка социалистов-утопистов была, таким образом, помножена на ошибку просветителей 18-го века, и в результате получилась путаница, которой не разберет «сам квартальный».

На практике это явление оказалось чрезвычайно вредным в том смысле, что оно придавало идеальную окраску самым гнусным | посягательствам царского правительства на народ- 10
ную свободу и на народное имущество. Всякий раз, когда это правительство обнаруживало хотя бы самую ничтожную, самую двусмысленную склонность к защите «устоев», наши «передовые люди» немедленно позабывали, во что может обойтись народу эта защита, и с восторгом аплодировали его плутовским планам.

В своей брошюре «Развитие научного социализма» Фридрих Энгельс, показав, каким образом развитие производительных сил ведет к тому, что официальный представитель капиталистического общества, государство, оказывается вынужденным взять на себя дело дальнейшего ведения производства, замечает:

«Я говорю—оказывается вынужденным, [так как лишь в том случае, когда средства производства или сообщения действительно переросли управление акционерных компаний, когда переход их в ведение государства сделался экономически неизбежным, только тогда,—даже совершенный современным государством,—будет он экономическим прогрессом, шагом вперед по пути к переходу всех производительных сил в руки общества. Но в последнее время, с тех пор как Бисмарк начал гоняться за государственными монополиями, появился особого рода фальшивый социализм, проявляющийся то там, то тут в виде особого рода добровольного лакейства, объявляющего, без всяких рассуждений, социализмом всякое, даже бисмарковское, обращение средств производства в государственную собственность. Если табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних, несомненно, должны быть занесены в число основателей социализма. Когда бельгийское правительство, из самых обыденных политических и финансовых соображений, взялось за постройку главных железных дорог; когда Бисмарк, без малейшей экономической необходимости, превратил в государственную собственность главнейшие прусские линии ради удобств эксплоа-

тации и пользования ими в случае войны, ради образования из железнодорожных чиновников послушно вотирующего за правительство стада, а главным образом для того, чтобы иметь новый, независимый от парламента источник дохода,—то все это ни в каком случае не было социализмом, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным. Иначе королевская морская торговля, королевская фарфоровая мануфактура и даже ротные швальни в армии должны быть признаны социалистическими учреждениями»]*.

11 Наши «передовые люди», софистицированные социалистической критикой теории «laissez faire, laissez passer», отличаются именно этим добровольным лакейством, объявляющим, без всяких рассуждений, социализмом всякое... обращение средств производства в государственную собственность. Но наше добровольное лакейство доходит до размеров, небывалых и невозможных на Западе. Вот свежий пример. Прочтите нижеследующие строки**:

«В Московских Ведомостях[5] напечатана интересная и обстоятельная статья по поводу предстоящего с 1 января 1895 г. закрытия главного выкупного учреждения и передачи всего выкупного дела в департамент окладных сборов. Очертив главные моменты в истории выкупной операции и указав на совершившееся слияние ее сумм с общебюджетными, автор этой статьи приходит к правильному выводу, «что выкупное дело постепенно теряло свой специально кредитный характер и выкупные платежи постепенно обратились в обыкновенную подать, только ограниченную 49-летним сроком. Нельзя искать причин этого явления в соображениях исключительно финансового свойства: мы склонны думать, что причины его лежат гораздо глубже, затрагивают один из важнейших вопросов нашей внутренней жизни—вопрос о крестьянском землевладении».

Крестьяне наделены землею на праве собственности, хотя еще во время подготовительных работ к отмене крепостного права раздавались голоса, доказывавшие, «что полное право собственности, в том виде, как оно усвоено нашим законодательством, несовместимо с общинным устройством и с особыми бытовыми условиями нашего крестьянского землевладения; что предоставление этого права даже опасно, ибо отдать крестьянину землю с правом бесконтрольно ею распоряжаться—то же самое, что отнять у него эту

* В рукописи сказано: «Я говорю оказывается вынужденным и т. д. набрать все примечание до конца, стр. 39».
Цитируется по книге Энгельса «Развитие научного социализма», Женева 1892 г., стр. 39.—Ред.

** Нижеследующая цитата печатается с газетной вырезки, наклеенной на стр. 11 рукописи. Разрядкой набраны фразы, подчеркнутые, вероятно, Плехановым.—Ред.

землю»; но таких голосов было незначительное меньшинство».

Основательность таких опасений не замедлила обнаружиться.

«К концу 80-х годов обнаружилось явление, сразу обратившее на себя внимание правительства. Крестьяне стали массами выкупать свои наделы до срока, требовали отводить к одному месту, согласно 165 ст. о выкупе, а затем их продавали, причем приобретателями являлись по большей части лица посторонние. Объяснение этого явления очень простое: по мере того, как крестьяне уплачивали выкупные платежи и соответственно уменьшался лежавший на земле выкупной долг,—а параллельно этому возрастала, вследствие общих экономических причин, стоимость земли,—неизбежно должен был наступить момент, когда стоимость земли стала превышать сумму остающегося на ней долга, а следовательно, сделалось выгодно продать землю и получить разницу между рыночною ее стоимостью и суммой остающейся на ней выкупной ссуды. И вот, из-за этой-то выгоды, иногда выражавшейся в нескольких десятках рублей, крестьяне, вечно нуждающиеся в деньгах, вопреки всем расчетам сторонников выкупной системы, стали продавать свои наделы... и в течение 6 лет (с 1882 по 1888 г.) успели выкупить без малого 400 000 десятин надельной земли».

Закон 14-го декабря 1894 года явился первою попыткою со стороны нашего законодательства поставить преграды дальнейшему развитию этого пагубного процесса. Но меры, принятые год назад, недостаточны. Необходимо, как справедливо говорит автор статьи «Московских Ведомостей», сделать еще шаг по тому пути, вступить на который вынуждают нас сами обстоятельства; необходимо «уничтожить срочность выкупных платежей и окончательно обратить их в обыкновенный поземельный налог, который, по самому существу своему, предполагается бессрочным; признать, что земля, выкупленная у помещиков и за которую заплатила казна, ей же, т. е. казне, или государству, и принадлежит, а вовсе не крестьянам, которых та же казна наделила землей, необходимою для их существования и исполнения лежащих на них обязанностей».

Эти строки напечатаны в «Русских Ведомостях» (1895, 12
№ 51). «Передовой» орган вполне согласен с «Московскими Ведомостями» насчет того, что за наделы бывших помещичьих крестьян «заплатила казна». Он знает, конечно, что в сущности это гнусная ложь, так как выкуп за наделы бывших помещичьих крестьян заплачен (и даже свыше стоимости наделов) не казною, а именно этими самыми крестьянами. Но он жертвует истиной «интересам народа», обращению средств производства в государственную собственность. Там,

где здравый смысл заставил бы всякого честного человека закричать «караул, грабят!», наши софистицированные «передовые люди» кричат: «Да здравствуют „Московские Ведомости“! Да здравствует грабеж!» Дело доходит до того, что «Русские Ведомости» ничего не возражают даже против «о к о н ч а т е л ь н о г о» обращения крайне разорительных для крестьян
13 | выкупных платежей в «обыкновенный поземельный налог», т. е. против увековечения раз сделанной несправедливости. Не беда, что потерпит мужик![6] Главное дело в том, что мы подвигаемся к национализации средств производства. И эти-то люди смеют обвинять социал-демократов в том, что [они], в интересах своей доктрины, будто бы закрывают глаза на народные интересы!

Земли, которые некогда принадлежали крестьянам и за которые этих крестьян заставили заплатить выкуп, «принадлежат вовсе не крестьянам, а государству»! Представьте себе бандита, который, отняв у вас ваше имущество, сначала заставляет вас заплатить за него выкуп, а потом опять отбирает его под тем предлогом, что выкуп заплачен на самом деле им же, бандитом, так как, попав в его руки, вы сами, а следовательно
14 и все ваши деньги, составляли его собственность. | Подобное поведение бандита не удивительно, так как бандит есть бандит. Но что сказали бы вы о человеке, который одобрил бы грабительские подвиги бандита, руководясь своим нерасположением к «буржуазной» собственности?

Нерасположение к «буржуазной» собственности побуждает наших «передовых» людей одобрять всякую попытку правительства лишить крестьян тех имущественных прав, которые принадлежат у нас лицам других сословий. Всякая такая попытка приветствуется как давно желанное мероприятие. Но так как имущественные права лиц других сословий остаются притом совершенно нетронутыми, так как наши «передовые» органы не решаются ни одним словом напасть на «буржуазную»
15 собствен|ность высших, н е с е к о м ы х, сословий[7], то ф а л ь ш и в ы й с о ц и а л и з м, которому лакейски аплодируют наши «передовые», сводится на практике к ограблению с е к о м о г о сословия, к его закрепощению государству, к его обращению в государственную собственность. Да и в этом сословии жертвами нашего фальшивого социализма являются, разумеется, только бедняки, потому что зажиточные и богатые элементы его не только сохраняют свою «буржуазную» собственность, но и приумножают ее, пользуясь именно тем безвыходным положением, в которое фальшивый социализм царских помпадуров ставит бедного крестьянина.

Замечательнее всего, что господа, сочувствующие социализму помпадуров, нередко питают тайное (разумеется, совершенно платоническое) сочувствие к а н а р х и з м у и упрекают
16 | немецкую социал-демократическую партию в том,

что она «недостаточно революционна». Дальше этого путаница понятий итти не может.

Г. Воронцов—самый типичный представитель помпадурского социализма. Но он не единственный в своем роде. Все наши «передовые» люди заражены этим социализмом в большей или меньшей степени. Вот, например, наш знаменитый критик, полубеллетрист, психолог, социолог и проч. и проч., г. Ник. Михайловский, тоже далеко не чужд социализма помпадуров. Он не раз намекал, что готов отречься от «свободы», если только царское правительство возьмет на себя труд «закрепить общину» и решить «социальный вопрос» в народническом (по терминологии г. Михайловского—в к о н с е р в а т и в н о м) смысле. Но, может быть, яснее, | чем когда бы то ни было, высказался он в октябрьской книжке «О т е ч е с т в е н н ы х З а п и с о к»[8] за 1880 год. 17

В блаженной памяти «Русской Речи»[9] напечатан был рассказ г. Круглова[10]: «Г о р е С о л о х о н у ш к и». Солохонушка (собственно—Солоховновна)—старушка, страшно потрясенная и огорченная ссылкой ее внучки Нади, молодой и благородной девушки, замешанной в какое-то политическое дело. По поводу горя, подобного ее горю, всякий честный русский писатель (мы говорим о «легальных» писателях), не софистицированный помпадурским социализмом, или совсем ничего не сказал бы, имея в виду цензуру, или сказал бы, по крайней мере намеком, нечто очень нелестное для русского правительства. Г. Михайловский поступил не так. Он придрался к рассказу г. Круглова, чтобы вступить в спор с г. Добровым[11], написавшим «откровенное слово о важнейших событиях нашей внутренней жизни | за последнее двадцатипятилетие». Г. Добров был того мнения, что социалисты явились у нас, как являлись раньше вольтерианцы или масоны: из простого подражания Западу, в русской же действительности «нет таких условий, при которых естественно зарождается социально-революционное движение, то есть сельского и городского пролетариата». Г. Михайловский возразил...*[12] 18

ОТРЫВОК ТРЕТЬЕЙ РЕДАКЦИИ СТАТЬИ

...| все старинные «устои» русской экономической жизни. Этот взгляд народников семидесятых годов унаследован их нынешними карикатурами. В книге «Наши направления» (С.-Петербург 1893 г.) г. В. В. устами некоего «несомненного прогрессиста» вещает: «Нет, нам нужны никак не политические реформы, ибо при невежестве массы народа привлечение общества к участию в управлении равносильно передаче последнего 5**

* На этом рукопись обрывается.—Р е д.
** Стр. 1—4 не сохранились.—Р е д.

в руки буржуазии, которая, без сомнения, воспользуется властью в интересах своего класса и в ущерб интересам народа. Нам нужны не политические, а систематические, планомерно проведенные экономические мероприятия» (стр. 104—105). Это та же самая мысль, которая придает такую яркую реакционную окраску некоторым другим сочинениям г. В. В., например его «Судьбам капитализма». Но экономические реформы, «планомерно проведенные» русским царизмом, представляли бы собою лишь новое, в лучшем случае несколько смягченное издание аракчеевщины. Таким образом реформаторские стремления г. В. В. и его единомышленников являются решительным отрицанием анархических идеалов старого народничества. И если г. В. В. тем не менее убежден, что остался чему-то верен и сохранил некое «наследство», то его убеждение основывается лишь на его неспособности вдуматься в смысл своего собственного учения.

Народники семидесятых годов < до конца ногтей пропитаны революционным духом, ничего не >*...

---

* На этом рукопись обрывается.—Ред.

NOS CONTROVERSES, par G. PLECHANOFF
Tome second

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННАГО СОЦІАЛИЗМА
Серія II Выпускъ III.

Наши Разногласія

Г. ПЛЕХАНОВА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЖЕНЕВА
Типографія „Группы Освобожденія Труда".
1895

ПРЕДИСЛОВИЕ

Десять лет тому назад, в самом начале 1885 года, нами была издана книга, в которой мы выясняли отличие наших взглядов на задачи революционной партии в России от взглядов г. Тихомирова[13], тогда еще имевшего репутацию самого страшного революционера. Название книги подсказывалось ее содержанием: мы назвали ее «Наши разногласия»[14]. Мы хорошо знали г. Тихомирова уже в то время, когда так называемое народовольство еще не существовало. Мы внимательно следили за его литературной деятельностью в «народовольческий» период. Нам хорошо известен был запас его экономических знаний, уровень его политического развития. Мы не ожидали от него серьезных возражений на нашу книгу и, в момент ее появления, считали почти совершенно законченным тот спор, который он начал своей статьей: «Чего нам ждать от революции?» («Вестник Народной Воли», книга 2-я). Мы не думали тогда, что должны будем писать вторую часть «Н а ш и х р а з н о г л а с и й». Теперь мы оказались вынужденными написать ее, потому что спор, который мы считали законченным, разгорается с новой силой.

Но разгорается он при совершенно новых условиях. Десять лет тому назад он происходил в революционных кружках и в революционной печати[15]. Ныне центр его тяжести перенесен в «легальную» печать и в такие круги, которые не имеют подчас ничего общего не только с революционным движением, но и вообще с какой бы то ни было политикой. Теперь он интересует несравненно большее число людей, чем прежде. Это, конечно, очень хорошо, но тут есть и оборотная сторона, о которой мы хотим поговорить с читателем в этом предисловии.

В своей книге «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», С.-Петербург 1894 г., П. Струве делает (стр. 69) такое замечание:

«Если мы под марксизмом будем разуметь безусловно объективную часть воззрений Маркса и примем во внимание, что его „прогноз“, прямо как таковой, не может иметь безусловно обязательного характера для всякого исследователя (хотя бы и принимающего все остальное учение Маркса), то мы должны будем допустить, что можно быть марксистом, не будучи социалистом».

Это справедливо. Исходя из тех же посылок, на которые опираетесь вы, я могу притти к выводу, не только не похожему на ваш вы-

вод, но и прямо противоположному. Это не значит, конечно,что мы оба будем правы, но что я могу разойтись с вами, это не подлежит ни малейшему сомнению.

Но если я, будучи «марксистом», т. е. признавая, например, основные положения исторической теории Маркса, могу вообще отрицать всякую возможность социалистического устройства общества, то тем более могу я, признавая те же самые положения, отрицать уместность революционного движения в какой-нибудь одной стране, например, в России. Я могу быть русским «марксистом», не будучи в то же время русским революционером. Это опять не значит, что я обнаружу в этом случае большую способность к логическому мышлению, но ведь речь идет не о том, существует ли указанная возможность. А что она существует, это ясно, как день.

Ясно и то, что если я отношусь отрицательно к усилиям русской революционной партии, то я, «марксист», непременно и очень значительно разойдусь в своих взглядах на многие вопросы современной русской жизни с марксистами-революционерами. Я часто назову невозможным то, что считают возможным они, и наоборот.

Наконец, не менее ясно и то, что подобное разногласие между людьми, согласными между собой во многих основных положениях, будет сбивать не вполне подготовленных читателей, будет затруднять для них понимание как моих, не революционных, практических выводов, так и выводов тех марксистов, которые принадлежат к революционной партии. Подобные читатели нередко станут приписывать мне революционные требования, а революционеров подозревать в сочувствии к тем планам, которые я предлагаю современному русскому правительству, нисколько не думая потрясать какие бы то ни было «основы».

Вот это-то обстоятельство мы и назвали оборотной стороной того положения, в котором находится теперь старый, но, как видно, пока все еще новый вопрос о русском «марксизме». Пока этот вопрос обсуждался только в революционной печати, невозможны были многие из недоразумений, почти неизбежных теперь.

Возьмем частный случай. В прошлом году в Петербурге вышла книга профессора Новоалександрийского Института А. И. Скворцова[16] «Экономические причины голодовок в России и меры к их устранению». Г. Скворцов—как это особенно хорошо видно из его книги «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство»—признает многие положения Маркса. Но у нас нет решительно никаких оснований думать, что он признает тот «прогноз», о котором говорит г. Струве. Очень вероятно, что г. Скворцов принадлежит к числу «марксистов»—не социалистов. Еще более вероятно, а лучше сказать, совсем уже несомненно, что г. Скворцов очень далек от революционных мыслей, что он марксист—не революционер. Неудивительно поэтому, что он, рассуждая о современной русской экономической действительности, высказывает подчас такие взгляды, с которыми никак не согласится ни один из марксистов-революционеров. А между тем, раз признав г. Скворцова «марксистом», русская читающая публика естественно может подумать, что между «марксистами» нет людей, не разделяющих этих взглядов, и если эти взгляды несимпатичны ей, то у нее явится предубеждение даже против таких марксистов, которые очень расходятся с г. Скворцовым. Вот, напр[имер], почтенный профессор находит ошибочным то мнение, по которому необходимым условием всяких дальнейших мероприятий в пользу крестьянства является понижение лежащих на нем теперь платежей. Он считает необходимым «не понижение собственно, а... только регулирование (в смысле более правильного распределения податной тягости) лежащих на всем крестьянстве платежей» («Экономичес[кие] причины голодовок», стр. 169). Мы не можем представить себе революционера, который согласился бы в этом случае с г. Скворцовым. Революционеру этот вопрос непременно представится в совершенно другом свете, чем представляется он г. Скворцову*. Да и не один этот вопрос. В качестве человека, чуждого всяких революционных помыслов, г. Скворцов, рассуждая о переменах, предстоящих в положении нашего крестьянства, всюду предполагает, как нечто не подлежащее сомнению, существование современного нашего политического режима. Противоречия, существующие в нынешнем нашем хозяйственном быту, разрешаются, с точки зрения г. Скворцова, рядом царских указов или министерских распоряжений. С точки зрения революционера дело оказывается сложнее. С этой точки зрения сколько-нибудь серьезное разрешение этих противоречий предполагает устранение абсолютизма.

Теперь в нашей литературе много толкуют о том, как надо понимать мысль Маркса об отношении экономии к политике. Разумеется, мы не можем вмешиваться здесь в этот спор. Заметим только, что между тем, как практические планы г. Скворцова совсем минуют политическую «надстройку», путь революционеров лежит именно через нее. Это непременно должна принять во внимание наша читающая публика, если она хочет выяснить себе смысл «наших направлений»[17]. Иначе она поймет в них очень мало, а вернее сказать—не поймет ровно ничего.

Но если читатель должен прежде всего выяснить себе политические взгляды даже тех русских писателей, которые опираются на Маркса, то тем более обязательно это по отношению к писателям, не согласным с Марксом, т.е., например, по отношению ко всем тем, которые дурно или хорошо защищают наши «устои» с точки зрения народничества. Наше народничество пережило очень различные фазы развития. В семидесятых годах у нас были народники-революционеры, «ходившие в народ» с целью создания в его среде революционной организации, которая, постепенно расширяясь, постоянно охватывая все большие и боль-

* Сами крестьяне тоже, наверное, не согласились бы в этом с ученым профессором.—Примеч. Г. В. Плеханова.

шие районы, должна была привести к всенародному восстанию. Теперь таких народников, насколько мы знаем, совсем нет. Зато теперь пышно расцвело уже и тогда существовавшее, но стоявшее на заднем плане «легальное» народничество. Люди этого направления приурочивают свои надежды и упования не к мужицкому бунту, а к законодательной деятельности царского правительства. Там, где одни мечтали о новом Пугачеве или новом С. Разине, другие мечтают о помпадурах, своей мощной рукой укрепляющих устои. Это очень большая разница. К сожалению, ее до сих пор часто упускают из виду молодые читатели, перенося на современное, приуроченное царизмом, народничество те симпатии, которых, несомненно, заслуживало старое, революционное народничество уже по одному тому, что оно было решительным врагом царизма.

Так как в этой, второй, части «Наших разногласий» нам придется спорить именно с нашими «легальными» противниками, то мы настоятельно просим читателя ни на минуту не забывать того обстоятельства, что «разногласия» наши являются прежде всего политическими разногласиями, что мы решительно ничего хорошего не ждем от той политической системы, которая, по мнению народников, должна и может обеспечить благосостояние народа и дальнейшее развитие «устоев».

Г. Плеханов.

НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ

Часть вторая

Глава I

Г. ВОРОНЦОВ*

Мы начинаем с г. Воронцова, потому что это самый замечательный из всех современных защитников российских «устоев». У него нет ни тени литературного таланта; у него мало знаний; его мысль слаба, неповоротлива, противоречива даже в хорошо знакомой ей области «экономического исследования России по данным земской статистики»; словом, он представляет собой литературную величину во всех смыслах весьма и весьма небольшую. И тем не менее, он все-таки чрезвычайно замечателен, как писатель, не боящийся тех политических выводов, которые вытекают из его экономической программы. Там, где другие усиливаются соединить несоединимое,

* «Аноним В.В., как известно, раскрыт присуждением автору исследования об общине в „Итогах экономического исследования России по данным земской статистики" г. Воронцову половины премии Ю. Ф. Самарина». А. И. Скворцов, Экономические причины голодовок, стр. 130, примечание.—Примеч. Г. В. Плеханова.

там, где они обеими руками отмахиваются от «тьмы горьких истин» ради «нас возвышающего обмана», г. Воронцов решился трезвыми глазами взглянуть и на обман, и на горькие истины. В этом его бесспорная заслуга. Когда страус видит перед собой беду неминучую, он зарывает, как известно, в песок свою беззащитную голову. Жаль страуса, а нельзя не признать, что это смешная птица.

Представьте же себе, что между страусами вдруг появился трезвый мыслитель, решившийся восстать против бесполезного обыкновения зарываться в песок от печальной действительности. Такой мыслитель все-таки остался бы страусом, т. е. в последнем счете не очень умной птицей. Но он был бы феноменом между ему подобными. Вот таким же феноменом является и г. Воронцов между нашими самобытниками. Он имел мужество произнесть то «трезвенное слово», которого, вопреки самой очевидной логике, не решаются повторить другие защитники общины, «народных идеалов» и прочих хороших вещей. Поэтому мы и ставим его в передний угол нашей брошюры.

«Интересы народа, как цель, формы, вырабатываемые его коллективной мыслью, как средство, и самодеятельность населения, как рычаг общественной эволюции,—таковы три положения, характеризующие народничество, каким оно определилось в пореформенную эпоху нашей истории»*.

Так говорит г. Воронцов. По своему обыкновению, он выражается довольно неудачно. Вот, напр[имер], можно спросить себя,—почему же «рычаг», т. е. «самодеятельность населения», не есть «средство»? Но это вопрос несущественный. Не теряя времени на его разрешение, постараемся короче познакомиться с «положениями» г. Воронцова.

В его триаде нам интереснее всего «формы, вырабатываемые коллективной мыслью» народа.

Что узнаем мы об этих формах от г. Воронцова?

По этому предмету богатый материал содержат в себе в особенности следующие три произведения нашего автора: 1) «Крестьянская община» в первом томе «Итогов экономического исследования России по данным земской статистики», Москва 1892; 2) «Очерки кустарной промышленности в России», С.-Петербург 1886; 3) «Артель в кустарном промысле», С.-Петербург 1895.

Начинаем с общины**.

В современной науке все более и более упрочивается тот взгляд, что в каждом данном обществе развитие правовых учреждений является результатом развития его экономических отношений, которое, в свою очередь, определяется развитием производительных сил, находящихся в распоряжении общества. С этой точки зрения

* «Наши направления», стр. 7.—Примеч. Г. В. Плеханова.

** Весь текст, напечатанный выше, выброшен Г. В. Плехановым при перемене типа издания; в легальной книге от него не сохранилось никаких следов.

Начиная же с этого места, легальный и зарубежный тексты почти совпадают, за исключением ряда мест и выражений, которые в нашей публикации оговариваются в подстрочных примечаниях и выделяются курсивом.—Ред.

*возникновение, развитие и разложение поземельной общины обусловливается экономическим развитием страны. Правовые понятия людей, как и вообще вся их «философия», определяются их «экономией». С точки зрения г. Воронцова дело представляется совершенно иначе. По его мнению, у русских крестьян существует какое-то независимое от «внешних условий» «стремление к общине, как к форме быта»**.

Он уверяет нас, что, когда бывшие однодворцы переходят от т. н. четвертного землевладения к общинному, то решающим моментом в деле этого перехода являются не экономические нужды земледельцев и *эксплоатирующего их*** государства, а «чувства и мысли массы». Экономия является, таким образом, функцией *«философии»****.

Если это «положение» г. Воронцова вообще может быть доказано, то, разумеется, нигде нельзя найти более убедительных доказательств в его пользу, как именно в тех случаях, когда однодворцы от частной собственности на землю, существовавшей у них с очень отдаленного времени, переходят к общинному землевладению. Самый факт подобного перехода, совершающегося подчас на наших глазах, повидимому, делает указанное «положение» совершенно несомненным и уж конечно проливает яркий свет на «формы, вырабатываемые коллективной мыслью» народа.

Приглядимся же к нему внимательнее.

По словам г. Семевского[18], уже в начале второй половины XVIII века однодворцы стали сознавать необходимость введения переделов. Это сознание сказывается в некоторых наказах депутатам в известную Екатерининскую комиссию. Одновременно с этим—прибавляет г. Воронцов—о необходимости введения переделов раздаются голоса и из среды местной администрации (разрядка наша). Толчком к фактическому осуществлению указанного стремления было генеральное межевание, при котором однодворческая земля отводилась не каждому владельцу особо, а вместе целому селению, разверстание же отведенной площади между совладельцами предоставлено было самим крестьянам. При этом местами произошло, вероятно, то же самое, что можно было наблюдать при размежевании четвертных земель в новейшее время: малоземельные крестьяне настаивали на разверстании земли по душам,—такое требование находило поддержку в спутанности землевладения и затруднительности определить юридическую долю каждого совладельца в общей площади угодья. Где встретилась указанная комбинация обстоятельств, там вопрос разрешался распределением земли по душам. При таких, вероятно, условиях произошло обращение четвертного владения в общинное в конце прошлого века. Но хотя описываемое время представлялось весьма удобным моментом для этого процесса, так как, при благоприятном идее уравнения настроении правительства тогда шло всеобщее размежевание, однако в массе населения идея перехода от подворного владения к общинному, повидимому, недостаточно еще назрела, а, при относительном многоземелии, переход к общине и не мог представляться настолько необходимым, как в настоящее время, вследствие чего обращение четвертного владения в общинное осуществилось сравнительно в небольшом числе поселений. Зато, раз начавшись, процесс продолжал развиваться и после исчезновения указанных благоприятных условий, что доказывается существованием перехода от четвертей на души в 10-х и 20-х годах текущего столетия... Новый толчок процесс обращения четвертного владения в общинное получил в 30-х годах, благодаря сочувственному отношению к общине учреждений, находившихся под управлением графа Киселева[19]... Третьим моментом, оказавшим влияние на процесс обращения четвертного владения в душевое, было специальное размежевание последних десятилетий, имевшее целью уничтожение чересполосицы разных владений... При размежевании четвертные земли каждого селения по возможности собирались на один кусок и отмежевывались от соседних владений казны, других крестьянских обществ и помещиков. Раз это было сделано, крестьянам ставилась задача... разбить общую площадь четвертной земли между совладельцами так, чтобы каждый из них получил долю, какою пользовался до размежевания. Во многих случаях задача эта была довольно затруднительна, так как постоянное раздробление участков привело к тому, что до размежевания владение каждого нередко состояло из разбросанных там и здесь клочков не точно определенной величины, а местами площадь, принадлежащая каждому члену общины, измерялась не десятинами, а неопределенною мерою—«четверть», или даже выражалась в частях общего владения, в зависимости, между прочим, от степени близости родства владельца с родоначальником общества. Этот способ измерений владений сообщественников иногда приводил к такой запутанности землевладения, что и до размежевания крестьянам трудно было разбираться в своих участках. Так, в татарской деревне Тетюшского уезда Степные Енали единственным лицом, знающим и ведающим дела односельцев, является Хасан Ислаков. «Без Хасана беда, говорят крестьяне, он кончал (умрет)—айда спор,—лучше бы уже под одну шапку». Такой исход спутанности и дробности землевладения, как подведение «под одну шапку», встречается нередко и имеет место как при размежевании, так и вне его*.

Все это с поразительной ясностью показывает, что в факте перехода крестьян от четвертного владения к общинному роль «внешних

---

* «Крестьянская община», стр. 42.—Примеч. Г. В. Плеханова.
Этот абзац в легальном издании заменен следующим:
«Основное социологическое положение г. Воронцова, как мы уже знаем, гласит, что форма общественного быта представляет собою „производное“ человеческих чувств и воззрений. Верный этому своему first principle, г. Воронцов в „Итогах экономического исследования России по данным земской статистики“ стремится показать, что у русских крестьян существует независимое от внешних условий „стремление к общине, как к форме быта“» (Соч., т. IX, стр. 120).—Ред.

** Слова «эксплоатирующего их» в легальном издании отсутствуют.—Ред.

*** Вместо слова «философии» в легальном издании стоит «психологии».—Ред.

* «Крестьянская община», стр. 31—35.—Примеч. Г. В. Плеханова.

условий» была очень велика. Раз возникло у читателя это убеждение,—а оно не может не возникнуть,—он, естественно, спрашивает себя: да уж не в этих ли условиях и все дело? Не ими ли создалось, не ими ли поддерживалось стремление четвертных крестьян «к общине, как к форме быта»? Г. Воронцов торопится рассеять эти сомнения.

«Такая запутанность и неопределенность землевладения, однако, существовала далеко не во всех обществах, перешедших от четвертей на души,—говорит он,—ее нельзя считать единственным и даже главным основанием такого перехода. С другой стороны, при известном психическом настроении массы, распределение земли между совладельцами и при запутанности отношений могло бы все-таки разрешиться на принципе старого владения, хотя бы для этого и пришлось неоднократно обращаться к суду. В крайнем случае, наконец, общество решилось бы на то, чтобы разрубить гордиев узел подушной разверсткой земли, прибегая к этой мере лишь как к способу разверстания, за неимением лучшего, и оставляя юридические основания землевладения нетронутыми, сохраняя наследственное владение землей. Легкое согласие крестьян на применение этого способа разрешения затруднений, конечно, свидетельствовало бы о значительном развитии социальных чувств в населении и отсутствии того индивидуализма, развивающегося на почве частной собственности, который является большим препятствием к мирному разрешению поземельных затруднений. Но если, не ограничиваясь единовременным переделом земли, общество вводило его в обычную практику, это доказывает нечто большее, чем социальную покладистость населения; оно свидетельствует о сочувствии массы к идее, определяющей тот или другой склад социальных отношений»*.

Итак, значительное развитие социальных чувств и отсутствие индивидуализма в крестьянской среде способствовали м и р н о м у р а з р е ш е н и ю поземельных затруднений. Это столь отрадно, что мы приглашаем читателя вместе с нами подольше насладиться зрелищем такой идиллии.

Вот, напр., как происходило «мирное разрешение поземельных затруднений» в Раненбургском уезде Рязанской губернии. «Когда неравномерность владения у различных семей становилась резко заметной, когда значительной части домохозяев становилось тесно на их наделах, малоземельные начинали агитацию о переделе всей земли по душам; они составляли многочисленную и очень дружную группу и скоро склоняли на свою сторону преобладающее число домохозяев; при этом многие даже из предвидевших уменьшение своего владения вследствие передела без сопротивления соглашались на него, предвидя от нового порядка пользу в будущем, при увеличении семьи. Стоявшее за передел большинство домохозяев уговаривало, уламывало остальных: многих подпаивали и при этом добивались их согласия, подписи за передел; самых упорных запугивали,

* Там же, стр. 36—38.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

нередко избивали, портили их посевы, увозили телеги со дворов, бывали случаи поджогов и т. п. Одним словом, употреблялись все средства, чтобы вынудить у противившихся переделу «земляков» (т. е. многоземельных) согласие на него. В некоторых случаях этих собственных средств оказывалось достаточно, и вся земля переделялась без вмешательства суда и вообще начальства; но нередко, несмотря на все усилия большинства, оставалась некоторая, обыкновенно небольшая, часть домохозяев, не уступавшая никаким натискам, несогласная на передел. Тогда дело переходило к начальству, в суд. В большинстве случаев и здесь «душевые» принимали меры, чтобы склонить «начальников» на свою сторону, и имели в этом обыкновенно гораздо больше успеха, чем их малочисленные противники. По решению суда и после «увещаний» начальства переделялась или вся земля, или за исключением участков нескольких самых многоземельных и самых упорных домохозяев»*.

Во многих случаях попытки земельного передела совершенно разбивались о сопротивление «земляков», иначе «широкодачников». Так, напр., в д. Кондратьевой, Спасской волости, Курского уезда, крестьяне «выезжали уже на поле делить землю по душам, но широкодачники помешали—чуть было смертоубийства не сделали». В селе Высоком той же волости «составили приговор о переделе на души и выехали в поле приводить его в исполнение, но широкодачник затеял драку, в которой убили одного крестьянина, что и помешало совершению передела». В деревне Ваниной, Старковской волости, «передел по приговору состоялся, владели по душам четыре года, но потом широкодачники дело назад повернули; обошлось им это больше 2 000 рублей»**. В селе Грязнове, Троицкой волости, Раненбургского уезда, «во время размежевания поднялись сильные споры о переделе земли по душам; согласились на это было все, кроме двух-трех самых многоземельных дворов, которые затем перетянули на свою сторону еще нескольких хозяев. Ожесточение против них было сильное; на полях дрались в колья и т. д. Наконец, обе стороны наняли адвокатов и повели дело судом, который решил его в пользу четвертного владения»***. В Белгородском уезде, в д. Быкове, Карповской волости, «в 40-х годах два раза переходили на души, но оба раза из-за смут возвращались к четвертям. Дело доходило, говорят, до кольев и ножей, так что священник выходил в поле в церковном облачении и с крестом в руках»****.

При ближайшем рассмотрении идиллия оказывается не столь привлекательной, как это мы думали, основываясь на словах г. Во-

* К. П-в, Четвертное землевладение—«Русская Мысль», 1886, № 3.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

** Сборник статистических сведений по Курской губ., выпуск первый, Курский уезд, Москва, 1883, стр. 60.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

*** К. П-в, цитированная статья—«Русская Мысль», 1886, № 3.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

**** В. В., Крестьянская община, стр. 49.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

ронцова. Запугивания и притеснения несогласных на передел, поджоги, драки на полях кольями и ножами, убийства, «увещания» со стороны *подкупленных** «начальников», *т. е. розги, а может быть и штыки***,—все это придает «мирному разрешению поземельных затруднений» несколько воинственный вид. С другой стороны, «стремление к общине, как к форме быта», обнаруживается только у малоземельных крестьян и совершенно чуждо широкодачникам. А это значит, что оно является результатом тех самых «внешних условий», от которых оно, по уверению г. Воронцова, совершенно независимо. До какой степени велико здесь значение «внешних условий», показывает следующий замечательный случай. «В с. Колыбельском и Демкине около 1860 г. переделили было по душам большую часть земли, выделив на угол участки не согласившихся на это; но затем многие из давших свое согласие на передел потребовали восстановления прежнего владения: соглашаясь, они имели в виду передел всей земли, а суд разрешил переделить лишь землю «согласных»; за выделом самых многоземельных, как несогласных, многим из согласившихся прежде на передел он стал невыгоден и потому не состоялся»***. Иначе сказать, пока малоземельные надеялись, что им удастся поживиться землей «широкодачников», у них было сильное «стремление к общине, как к форме быта», а когда ожидавшаяся добыча ускользнула из их рук, они вдруг почувствовали совершенно противоположное стремление к частной собственности. Г. Воронцов и сам видит, что факты плохо согласуются с его теорией. «Переходя к психологическим основаниям изучаемого процесса, нельзя не остановиться прежде всего на узко эгоистических его мотивах»,—сознается он. Однако, его все еще не покидает надежда справиться с фактами, примирить их со «стремлением к общине, как к форме быта».

«Но признавая всю важность стремлений малоземельных крестьян расширить свои участки на счет широкодачников, как причины перехода [от] четвертей на души, мы не можем этому мотиву приписать в процессе обращения четвертного владения в общинное решающую роль. Для того, чтобы переход совершился, за него должно стоять огромное большинство общества; невероятно, чтобы все это большинство выиграло при этом на величине участка. Это было бы верно, если бы четвертные владельцы распадались на массу крайне малоземельных и небольшое число очень многоземельных крестьян. Но подобные крайности неравномерного распределения земли встречаются, вероятно, редко; обыкновенно же наряду с крайними группами стояла группа крестьян среднеземельных, для которых подушное уравнение земли не приносило ни заметного приращения, ни уменьшения участков. Эта группа своим голосом нередко решала

* Слово «подкупленных» в легальном издании отсутствует.—Р е д.
** Слова «т. е. розги, а может быть и штыки» в легальном издании отсутствуют.—Р е д.
*** К. П-в, цитированная статья. Это далеко не единственный случай возврата крестьян от душевого владения к четвертному.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

вопрос в пользу уравнения... Присоединение среднеземельного крестьянина к сторонникам уравнения заставляет предполагать, что в последнем крестьяне видят нечто более благовидное, чем экспроприацию владений богатых в пользу бедных, что переход к общине значит для них не одно только уравнение земли в настоящем, в котором данная группа не участвует, что идея общины связывается в их представлении с идеей формы быта, формы отношений, отличной от той, какая свойственна четвертному владению. Это стремление к иной организации быта... существует и в сознании малоземельных, которым такой переход выгоден непосредственно... Сторонники передела весьма часто прибегают к различным благо- и неблаговидным средствам побуждения широкодачников не отделяться от мира—прибегают, потому что перспектива расширения их участков составляет, как мы сказали, важный момент, склоняющий крестьян к общине,—и, не успев в этом, иногда откладывают намерение перейти на души; но столь же часто, а может быть и чаще, общество распадается при этом на два: несколько богачей остаются на старых правах, масса мало- и среднеземельных обращает подворную форму владения в общинную. В таких случаях выгоды, проистекающие от увеличения участка, сводятся к минимуму в том смысле, что таковое увеличение достается самой малоземельной группе крестьян. Если же на переход согласилось и остальное большинство, то уже не из-за возможности попользоваться при этом чужою собственностью, а из-за иных преимуществ новых порядков, иначе говоря,—из стремления к общине, как форме быта... Благоприятное отношение к общине доказали и некоторые из крестьян, не перешедших со всеми односельцами на души, когда, через несколько лет отдельного существования на своих больших участках, они согласились присоединить свои угодья к общему владению»*.

Обратимся опять к фактам.

В Новооскольском уезде, при переходе в 1869 г. деревни Цыпляевки, Троицкой волости, на души, 85 рев [изских] душ из 436 остались при старом владении и получили землю в особняк. Но «такой раскол оказался невыгодным для протестантов, так как, имея незначительный особняк, они были лишены возможности пасти на нем скот, а миряне на свою землю его не пускали». Поэтому 78 «протестантов» пожелали присоединиться к общине**.

«В Белгородском уезде, в с. Мясоедовке, против передела протестовали две фамилии из семи, но им пригрозили нарезать землю вдали от усадеб и не пропускать туда скота, и они согласились с большинством».

В селе Севрюкове того же уезда «недоволен переделом был лишь один домохозяин, который за это и был миром публично высечен».

В д. Нечаевке, Мценского уезда, «широкодачник согласился пустить свои 25 десятин земли в передел с условием, чтобы сверх шести

* «Крестьянская община», стр. 41—42.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.
** Там же, стр. 49.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

десятин, приходящихся ему по душевой разверстке, ему дали бы еще по одной десятине лучшей земли в каждом поле»*.

Довольно. Оставляя неразрешенным мало исследованный нами вопрос о том, насколько «публичное сечение миром» способствует рождению в широкодачниках «стремления к общине, как к форме быта», мы заметим, что все остальные из указанных случаев доказывают как раз противное тому, что г. Воронцову хотелось бы доказать. Во всех этих случаях широкодачники присоединились к общине именно под влиянием «внешних» условий самого недвусмысленного характера. В своей уже цитированной нами статье «Четвертное землевладение», г. К. П-в признает это без всяких обиняков. «Иногда и эти последние (широкодачники), провладев два-три года отдельно от остальных, отдавали затем свою землю в общий передел, вынуждаемые к этому множеством притеснений со стороны громадного числа односельцев, которые выделили четвертным самую плохую землю, не пускали их скота на общие выпасы, донимали штрафами за потравы, при раскладке податей облагали „не по совести", „зря" и т. п. Там, где не согласившиеся на передел составляли более многочисленную и сильную группу, они удержались в своей новой позиции, на выделенном от остальных участке». Кажется, ясно? Г. К. П-в тоже имеет очень сильное «стремление к общине, как к форме быта», но, более добросовестный исследователь, он не пытается, по крайней мере, в угоду этому стремлению, извратить совершенно очевидный смысл фактов.

В селе Тросном, Елецкого уезда, превращению в душевое владение «подверглась» не только четвертная земля, о которой еще можно было спорить, но даже и земля, к у п л е н н а я отдельными домохозяевами, т. е. такая земля, относительно которой всякие споры были невозможны по существу. Положим, это произошло по предписанию казенной палаты, «разъяснившей, что эта земля не подходит под категорию признаваемой личной собственностью однодворцев, в которую включаются лишь земли, приобретенные у посторонних лиц до времени запрещения таких покупок «межевой инструкцией». Но каким образом в это дело вмешалась палата? Не вследствие ли ходатайства малоземельных крестьян, которые, как мы знаем, нередко обращаются за помощью к «начальникам»? Это по меньшей мере вероятно. А если это вероятно, то не совпало ли при этом у малоземельных «стремление к общине, как к форме быта» со стремлением «попользоваться чужой собственностью»? Повидимому, совпало как нельзя лучше.

*Не мы, сторонники классовой борьбы, будем*** ставить в вину сельской бедноте неуважение к праву собственности зажиточного слоя деревенского населения. Но мы решительно ставим в вину г. Воронцову попытку придать *этой борьбе классов в деревне**** м и-

* «Крестьянская община», стр. 44, примечание.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

** Слова: «Не мы, сторонники классовой борьбы, будем...» заменены словами: «Мы не хотим....—Р е д.

*** Слова «этой борьбе классов в деревне» заменены словами «этому неуважению».—Р е д.

с т и ч е с к и й вид, найти ее источник в недрах народного духа, как и доныне выражаются теоретики *официальной** народности, вместо того, чтобы искать его там, где он действительно находится, т. е. в э к о н о м и и.

Что касается сочувствия переделу «среднеземельных» крестьян, которым переход к общине не обещает будто бы никакой выгоды, то и оно ровно ничего не доказывает. Во-первых, переделу сочувствуют далеко не все «среднеземельные», как это ясно показывают те случаи, в которых передел не мог состояться**. Во-вторых, там, где среднеземельные крестьяне сочувствуют ему, их сочувствие обусловливается рядом «внешних условий», имеющих прямое отношение к их интересам. Здесь повторяется то же самое, что сплошь и рядом происходит в местностях с издавна установившимся общинным землевладением. В этих местностях «п о п р о и з в е д е н н ы м в ы ч и с л е н и я м, обыкновенно остается в выигрыше от передела с небольшим половина домохозяев»***. Между тем, для его совершения нужно согласие $^2/_3$ членов общины. На первый взгляд кажется, что часть домохозяев, соглашающихся на передел, руководствуется исключительно «альтруистическими соображениями». Но при ближайшем знакомстве с делом оно представляется в другом свете. Вот поучительные факты, *заимствуемые нами из собственной книги г. Воронцова*****. В Бердянском уезде, в с. Орловке, крестьяне приступили к переделу на том основании, что малоземельные хозяева слишком обременены были натуральными повинностями, р а с п р е д е л я е м ы м и п о р а б о ч е й с и л е. Высказываясь за передел, среднеземельные крестьяне, не имея основания предполагать увеличения своих наделов, повиновались, однако, самому элементарному соображению выгоды: ведь круговая порука заставляет их отвечать за несостоятельных членов общины. В с. Н. Троицком, Днепровского уезда, «жители которого занимались больше ско-

* Слово «официальной» в легальном издании отсутствует.—Р е д.

** «Где имеются более полные данные, там представляется возможность сделать заключение, что обращение четвертной земли в общинную совершается в разных местностях далеко не равномерно. Так, следующие уезды с сильным развитием четвертного землевладения характеризуются в то же время и его устойчивостью. В Тимском уезде, где четвертные крестьяне составляют три четверти населения, а остальная четверть сплошь занята крестьянами, бывшими помещичьими, от подворного к общинному владению перешло всего три общества... В Курском уезде, где число обществ, владеющих землей на четвертном праве, достигает 162, к общине перешло всего три общества четвертных крестьян; в Корочанском уезде крестьян частью или всецело четвертных насчитывается более 50 обществ, переход от четвертей на души известен для 4 обществ... в Щигровском уезде в четвертном владении состоит земля у 82 обществ, переход же от четвертного владения к душевому известен для 9 общин государственных крестьян; в Мценском уезде из 72 обществ четвертных крестьян к душевому владению перешла одна деревня Нечаевка» и т. д. «Крестьянская община», стр. 27—28.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

*** «Крестьянская община», стр. 58, разрядка наша.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

**** Слова «заимствуемые нами из собственной книги г. Воронцова» в легальном издании отсутствуют.—Р е д.

товодством, чем хлебопашеством, и многие бросали землю и уходили на сторону, первый передел по наличным душам в 1878 году имел целью распределение убылых душ и избавление общества от платежа за них; следующий передел, по наличным же душам, в 1884 году произведен с целью устранения от пользования землей лиц, причисленных к обществу без надела, но захвативших мирские угодья». В Бугурусланском уезде «стремление крестьян распределить недоимки на новых основаниях между платежными силами всюду служило почти главным регулятором при переделах земли»*. Во всех таких случаях—а их можно было бы указать еще великое множество—среднеземельным крестьянам, чтобы высказаться за передел, не было решительно никакой надобности ни в «альтруистических побуждениях», ни в «стремлении к общине, как к форме быта».

Допуская, что не вызывают никаких сомнений те вычисления, по которым в выигрыше от передела остается с небольшим половина домохозяев, несомненно, что эта «с небольшим половина» есть с р е д н е е ч и с л о, т. е. своего рода абстракция. В отдельных случаях действительность очень отклоняется от этой абстракции: часто от передела выигрывает гораздо большая часть домохозяев, которая целиком и стоит за него помимо всякого «стремления к общине» и пр. Когда г. Воронцов встречается с такими случаями, он, помня лишь отвлеченное среднее число, не может объяснить их иначе, как «альтруистическими побуждениями» общинников.

Кроме того, как группируются поземельные интересы в тех общинах, где передел выгоден действительно только «с небольшим половине домохозяев»? Против него высказывается очевидно лишь более или менее незначительное меньшинство, так как часть среднеземельных ничего не выиграет, но и ничего не проиграет от передела.

* «Крестьянская община», стр. 149—150. В селе Таловке (Саломятинский выселок), Саломятин. вол., Камышин. уезда, «раньше землей владели по числу ревизских душ... Вымороченные души переходили к обществу, которое, если находило нужным, отдавало их в другие семьи. Вследствие накопления недоимок в 1881 г. земля была переделена на новое число душ». Сборник статистических сведений по Сарат. губ., том XI, Камышинский уезд, Саратов 1891, стр. 305. Накопление недоимок очень часто побуждает крестьян к переделам. Но иногда оно же и затрудняет переделы. На хуторе Чижовом Красноярской волости, того же уезда, «лет уж десять как складка и накладка по силе домохозяев прекратилась... решено поделить землю на число наличных душ, но передел отложен до тех пор, пока не будут уплачены недоимки, которые общество затрудняется распределить на новое число душ». Там же, стр. 58. «Д. Бирюковка, Посельской волости (Хвалын. уезда) не считает возможным перейти к наличным душам ранее как через 5 лет, когда покроются все недоимки... Та же причина удерживает от передела Телятниковскую общину Баранов. вол. Прошлый год просили старшину дозволить передел, а он сказал: „погодите, еще успеете". В будущем году надеются набрать две трети голосов за передел, но сначала хотят покрыть недоимку». Сборник статист. сведений по Саратовской губ., том V, Хвалынский уезд, Саратов 1886, стр. 26.—Одна и та же причина приводит к диаметрально противоположным следствиям. Из этого видно, как легко ошибиться, вдаваясь в огульные суждения о современной русской крестьянской жизни, в особенности при склонности переносить в область «народного духа» такие причины явлений, которые коренятся исключительно в крестьянском хозяйстве.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

Борьба ведется, значит, сторонами очень не равными по численности; но в таком случае тем среднеземельным крестьянам, которые прямо не заинтересованы в переделе, часто окажется выгоднее поддержать большинство просто из страха каких-нибудь притеснений с его стороны.

Очень часто многие крестьяне высказываются за передел именно потому, что он не затрагивает их непосредственных хозяйственных интересов. В д. Андреевке, Нижне-Добринской вол., Камышинского уезда, «землю надельную разверстывали иногда по рабочей силе... впрочем, эти правила соблюдаются не строго, потому что обладание душевым наделом не представляет ни большого интереса, ни большого убытка»*. В этом случае среднеземельным крестьянам нетрудно согласиться на передел и тем дать г. Воронцову повод к их идеализации. А вот крестьянам-собственникам бывшим г[-жи] Хомутовой в с. Поповке того же уезда передел представляется уже не столь безразличным явлением. «До освобождения ежегодно делили паровое поле по тяглам, а каждое (из трех) полей делилось, следовательно, через два года на третий. По выходе на волю каждое поле тоже делили через два года на третий и, вследствие тяжести лежащих на земле платежей, при каждой переверстке производили складку и накладку душ; складывали души с умерших, с солдат, с больных и несостоятельных, а со стариков по усмотрению общества; не складывали иногда даже с 70-летних. Накладывали на 15—18-летних $^1/_2$ души, на 18-летнего душу и на каждого женатого $1^1/_2$ души. Теперь, вследствие понижения выкупных платежей, «туго дают, да и почти и вовсе не дают земли. Наделы солдат теперь остаются в их семьях»**. Теперь, при новых условиях, против переделов высказываются, вероятно, многие из тех, которые прежде за них стояли. Достаточно было незначительного *изменения податной системы****, чтобы изменилось направление «народной мысли».

Наконец, если бы часть крестьян высказалась в данное время за переделы совершенно независимо от каких-нибудь соображений выгоды, то и это еще ни мало не доказало бы правильность взгляда г. Воронцова на русскую общину. Мысли, чувства, привычки и склонности людей создаются условиями их жизни. Выросший в общине крестьянин, естественно, привыкает к ней и стоит за нее даже там, где он от этого ровно ничего не выигрывает, а пожалуй и теряет. В этом сказывается лишь сила привычки, «Die Macht der Tradition», как выражается г. Кейслер (в своем известном сочинении об общине)[20].

Нередко общинник даже и не подозревает, что может существовать какой-нибудь иной род к р е с т ь я н с к о г о землевладения. Это давно уже констатировали у нас земские статистики, о чем с ве-

* «Сборник статист. сведений по Сарат. губ.», т. XI, стр. 234.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

** «Сборн. статист. сведений по Сарат. губ.», т. XI, стр. 112—113.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

*** Слова «изменения податной системы» заменены словами «облегчения податной тяготы».—Р е д.

ликой радостью напоминает г. Воронцов на стр. 141 своей книги «Крестьянская община». Но эта неспособность крестьянина хоть на минуту выйти мыслью из круга обычных представлений свидетельствует лишь об ограниченности его миросозерцания, а вовсе не о том, что его стремление к общине независимо от «внешних условий». Покойный Орлов хорошо понимал это, говоря: «воззрения крестьян Московской губернии на мирское землевладение различны и обусловливаются они главным образом хозяйственным положением общин, к которым принадлежат высказывающиеся крестьяне, а, с другой стороны, разницей в имущественном положении отдельных дворов».

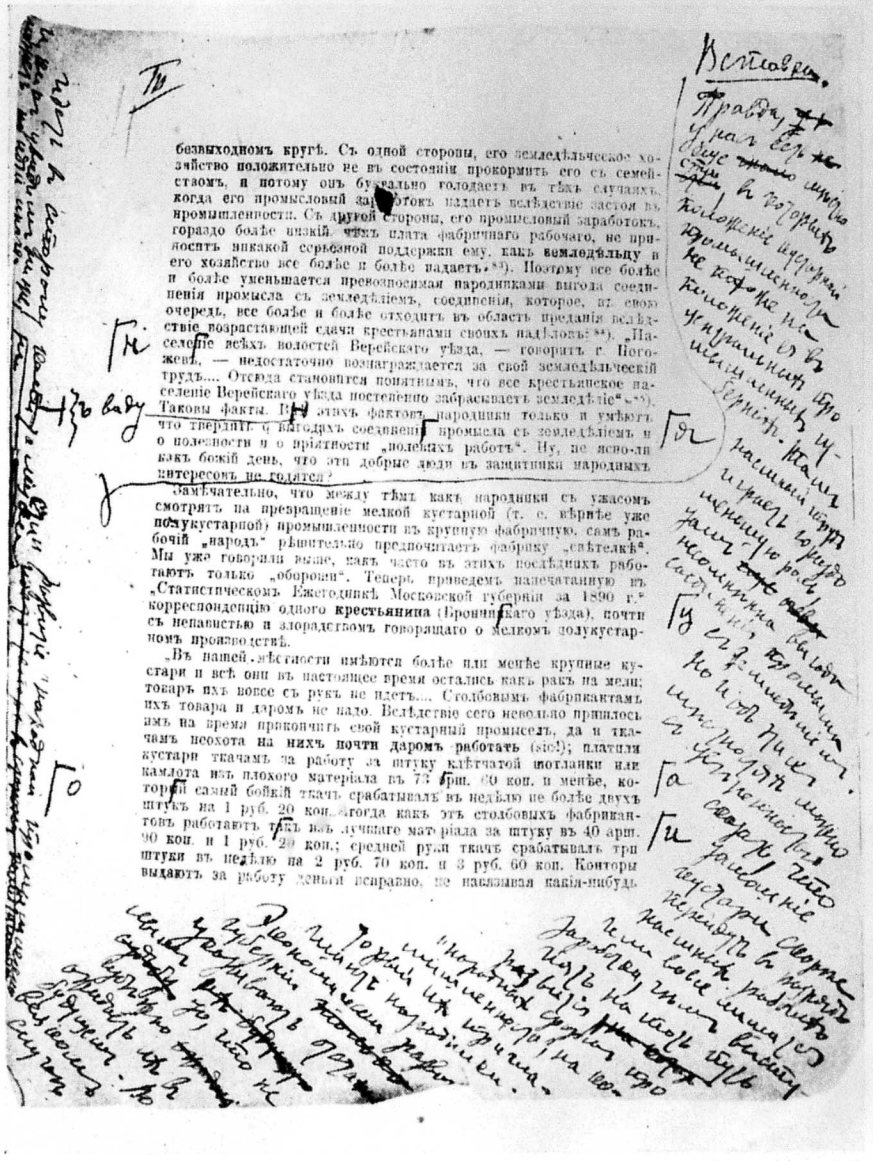
Г. Воронцов приводит этот вывод Орлова, не догадываясь, что он ниспровергает все его рассуждения о независимой от «внешних условий» приверженности крестьян к общине, «как к форме быта». Еще более противоречат его «положению» следующие слова того же исследователя: «В тех общинах, в которых не имеется благоприятных условий для земледельческого хозяйства... крестьяне среднего состояния стоят за сохранение мирского владения; крестьяне же крайних состояний, т. е. наиболее и наименее состоятельные, сочувственно относятся к замене мирского владения подворно-наследственным»*. *К чему сводится тут независимость от «внешних условий»?***

Но это замечательное явление интересно для нас не только тем, что оно показывает, до какой степени лишены всякого основания славянофильские рассуждения г. Воронцова. Оно свидетельствует также о том, что крестьянская мысль уже покидает у нас свои старые привычки, что новые хозяйственные условия приводят крестьянина к новым взглядам на поземельные отношения. Г. Воронцов, староверческого упорства которого не поколеблют никакие «внешние условия», никакие перемены в нашем народном хозяйстве, очень кстати позабыл об интересном свидетельстве московского статистика.

По справедливости надо заметить, однако, что не один г. Воронцов склонен у нас изображать «стремление к общине», как нечто независимое от «внешних условий». Эту склонность разделяют с ним многие исследователи народной жизни. Г. Ф. Щербина[21], указав на семь общин Воронежского уезда, замечает: «Не подлежит ни малейшему сомнению тот факт, что переделы земли во всех семи общинах могли произойти при наличности прямых выгод не у двух третей домохозяев. Факт, конечно, могущий свидетельствовать только о том, что крестьяне руководились в этих случаях началом справедливости, а не одними материальными выгодами, и что, поэтому, часть

* См. стр. 289—290 известного исследования его «О формах крестьянского землевладения в Московской губернии».— Примеч. Г. В. Плеханова.

** Слова: «К чему сводится тут независимость от „внешних условий“?» в легальном издании отсутствуют.—Ред.



безвыходномъ кругѣ. Съ одной стороны, его земледѣльческое хозяйство положительно не въ состояніи прокормить его съ семействомъ, и потому онъ буквально голодаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда его промысловый заработокъ падаетъ вслѣдствіе застоя въ промышленности. Съ другой стороны, его промысловый заработокъ, гораздо болѣе низкій, чѣмъ плата фабричнаго рабочаго, не приноситъ никакой серьезной поддержки ему, какъ земледѣльцу и его хозяйство все болѣе и болѣе падаетъ.[83]). Поэтому все болѣе и болѣе уменьшается превозносимая народниками выгода соединенія промысла съ земледѣліемъ, соединенія, которое, въ свою очередь, все болѣе и болѣе отходитъ въ область преданія вслѣдствіе возрастающей сдачи крестьянами своихъ надѣловъ.[84]). „Населеніе всѣхъ волостей Верейскаго уѣзда, — говоритъ г. Погожевъ, — недостаточно вознаграждается за свой земледѣльческій трудъ.... Отсюда становится понятнымъ, что все крестьянское населеніе Верейскаго уѣзда постепенно забрасываетъ земледѣліе“.[85]). Таковы факты. Въ этихъ фактахъ народники только и умѣютъ что твердить о выгодахъ соединенія промысла съ земледѣліемъ и о полезности и о пріятности „полезныхъ работъ“. Ну, не ясно-ли какъ божій день, что эти добрые люди въ защитники народныхъ интересовъ не годятся?

Замѣчательно, что между тѣмъ какъ народники съ ужасомъ смотрятъ на превращеніе мелкой кустарной (т. е. вѣрнѣе уже полукустарной) промышленности въ крупную фабричную, самъ рабочій „народъ“ рѣшительно предпочитаетъ фабрику „сѣтелькѣ“. Мы уже говорили выше, какъ часто въ этихъ послѣднихъ работаютъ только „оборвыши“. Теперь приведемъ напечатанную въ „Статистическомъ Ежегодникѣ Московской губерніи за 1890 г.“ корреспонденцію одного крестьянина (Бронницкаго уѣзда), почти съ ненавистью и злорадствомъ говорящаго о мелкомъ полукустарномъ производствѣ.

„Въ нашей мѣстности имѣются болѣе или менѣе крупные кустари и всѣ они въ настоящее время остались какъ ракъ на мели; товаръ ихъ вовсе съ рукъ не идетъ.... Столбовымъ фабрикантамъ ихъ товара и даромъ не надо. Вслѣдствіе сего невольно пришлось имъ на время прикончить свой кустарный промыселъ, да и ткачамъ неохота на нихъ почти даромъ работать (sic!); платили кустари ткачамъ за работу за штуку клѣтчатой нотланки или камлота изъ плохого матеріала въ 75 арш. 40 коп. и менѣе, который самый бойкій ткачъ срабатывалъ въ недѣлю не болѣе двухъ штукъ на 1 руб. 20 коп., тогда какъ эти столбовыхъ фабрикантовъ работаютъ такъ изъ лучшаго матеріала за штуку въ 40 арш. 90 коп. и 1 руб. 20 коп.; средней руки ткачъ срабатывалъ три штуки въ недѣлю на 2 руб. 70 коп. и 3 руб. 60 коп. Конторы выдаютъ за работу деньги исправно, не налагая какія-нибудь

Корректура печатной страницы статьи «Наши разногласия»

из большинства домохозяев сознательно поступилась своими интересами в пользу меньшинства. По крайней мере иного объяснения приведенным выше цифрам никак нельзя дать, не насилуя фактов»*.

Приведенные г. Щербиной цифры указывают лишь перемены, вызванные переделом в размерах участков отдельных домохозяев. Мы уже знаем, что переделы могут быть выгодны, скажем более, необходимы крестьянам совершенно независимо от этих перемен. Поэтому мы можем сказать, что указанные им факты еще ровно ничего не доказывают. А если бы и доказывали, то разве только одно: силу привычки, «die Macht der Tradition». Как велика эта сила, «свидетельствует» сам г. Щербина. «Другой формы владения землей крестьяне, собственно говоря, не понимают даже в применении к своей жизни. На вопрос о том, нет ли желающих поделить подворно земли на вечные времена, крестьяне вместо ответа не без внутренней тревоги твердят обыкновенно: «так не полагается», «так нельзя», «это— не по-русски», «бог с ним», «за это нас дети проклянут», и проч. и проч. Часто в ответ на этот вопрос целые сходы обнаруживают свое недоумение одним лишь выразительным: «н-ну?!» Еще чаще приходится повторять десять раз одно и то же в разных видах и с различными разъяснениями, пока крестьянин не успеет нако[нец]...**

Вот, напр., что читаем мы в «Сборнике статистических сведений по Хвалынскому уезду» (речь идет о бывших служилых татарах, некогда владевших землею на основе подворно-семейного права).

«Генеральное межевание 1798 г. отмежевало земли татар от казны и соседних владельцев по душам пятой ревизии, определив на каждую 15 десятин, а всю остальную землю под названием «примерной» оставило при тех же селениях, где она и была. Этот акт имел огромное значение. Во-первых, он ввел, вместо подворного наследственного владения с четвертями разной меры, общинное, уравнительное по числу душ ревизии; во-вторых, отверг поместный характер жалованных земель, признав их казенно-общественными... Естественные результаты генерального межевания обнаружились весьма скоро. Казенная палата стала распоряжаться четвертными землями, как казенно-общественными, а не как поместными. Она стала отмежевывать примерные земли в виде излишних от одних татарских селений к дачам тех селений, у которых нехватало до указанной 15-десятинной пропорции на ревизскую душу»***.

Кажется ясно? Обратив бывших служилых людей в податное сословие, государство обращает в свою собственность их земли, с которыми оно и обращается затем по своему усмотрению, имея в виду прежде всего интересы своего казначейства.

---

* «Сборн. статист. свед. по Воронежской губернии», т. I, Воронеж 1884, стр. 72—73.—Примеч. Г. В. Плеханова.

** Пропуск: стр. 23—26 в корректуре отсутствуют.—Ред.

*** См. стр. 7—8 названного сборника.—Примеч. Г. В. Плеханова.

Г. Воронцов старательно оттеняет ту гармонию, которая обнаружилась в этом случае между видами *царского правительства**, с одной стороны, и пресловутыми народными идеалами—с другой. По его словам, «успех правительственной агитации (подразумевается та агитация в пользу общинного землевладения, которую вели впоследствии чиновники графа Киселева), имевший результатом превращение в течение года сотен тысяч десятин земли из частного владения в общинное, конечно может быть объяснен только тем, что само население стремилось к тому же и что предложение правительства совпало с мыслью большинства. Делая свое предложение, правительство не вносило в сознание крестьян новой идеи, а, так сказать, заявляло сторонникам уравнения, что в их борьбе с противниками оно будет на их стороне»**.

Эта гармония, *способная вдохновить не одного верноподданного поэта****, сводится к следующему.

Уже ко времени генерального межевания некоторые из четвертных владельцев были, вследствие семейных разделов и продажи своих участков, частью почти совсем обезземелены, частью сильно стеснены. Сравнительно большой надел, обещанный им правительственными указами, являлся для них желанным выходом из тяжелого экономического положения. Поэтому они обрадовались этим указам, увидя в них желание правительства притти к ним на помощь. Хвалынские четвертные татары**** немедленно—и очень наивно—изъявили «желание на решение в наделении их землею». Само собой понятно, что в тех случаях, когда правительство в состоянии было исполнить это «желание на решение в наделении», малоземельные четвертные владельцы радостно приветствовали новый порядок вещей: он приносил им прямую очевидную выгоду. Но зато там, где, по недостатку земель, наделы четвертных не могли быть увеличены до обещанной «пропорции», и где, следовательно, ожидавшееся четвертными владельцами «наделение» землею не состоялось, они были сильно разочарованы, и когда, в начале XIX века, казенные палаты, продолжая «правительственную агитацию», предлагали им перейти к душевой разверстке, они уже гораздо чаще давали отрицательный ответ. В Саратовской губернии «некоторые татарские деревни, как напр. Могилки, Демина, Сулеймановка и друг., поголовно отказались от уравнительного раздела земель и всецело остались при четвертном владении без всякой перемены; в других деревнях в пользу общины высказались лишь малоземельные четвертные владельцы»*****. «Широкодачники» решительно протестовали

* Слова «царского правительства» зачеркнуты и рукой Г. В. Плеханова исправлены на «государства».—Р е д.

** «Крестьянская община», стр. 33.—Примеч. Г. В. Плеханова.

*** Слова «способная вдохновить не одного верноподданного поэта» Г. В. Плехановым зачеркнуты и в легальном издании отсутствуют.—Р е д.

**** Т. е. собственно малоземельные, имеющие меньше обещанных 15 дес. на душу.—Примеч. Г. В. Плеханова.

***** «Сарат. дневник» 1886 года, № 50, статья Г. Чекалина; цитировано в «Сборн. статист. свед. по Кузнецкому уезду», стр. 95.—Примеч. Г. В. Плеханова.

теперь против нее. И это понятно. Первоначально широкодачники могли вместе с малоземельными выражать свое «желание на решение в наделении», полагая, что правительство лишь приведет дачи бедняков к 15-десятинной норме прирезкой к ним незанятых казенных земель. А когда они увидели, что «решение в наделении» означает уменьшение размеров их собственных участков, они восстали против него, как против вопиющей несправедливости. Там, где план правительства осуществлен был вопреки их сопротивлению, они местами и до сих пор не могут забыть нанесенной им обиды.

Даже там, где переход к общинному землевладению и не состоялся, бывшие четвертные владельцы, сохранившие память о своих старых привилегиях, негодуют на обращение их в податное сословие. Так напр., «в настоящее время Могилковские татары считают попранными свои законные права... К общинному владению и связанной с ним круговой поруке татары относятся крайне враждебно и, наоборот, очень дорожат своим четвертным земельным устройством, с которым для них связаны представления о старинных привилегиях и надежды на возобновление этих привилегий в будущем»*.

*Враг материалистического взгляда на историю***, г. Воронцов изображает ход этих событий применительно к вышеуказанной, любезной ему гармонии. У него выходит, как мы знаем, что в конце прошлого века идея перехода от четвертного владения к общинному «недостаточно еще назрела в массе населения», и потому он совершился тогда лишь в небольшом числе поселений. Для своего дальнейшего «назревания» идея эта нуждалась в новых «толчках» со стороны *правительства****, которые, к счастью для России, и были даны ей сначала графом Киселевым, а потом специальным размежеванием последних десятилетий. *Посмотрим, в какую сторону толкала наш народ деятельность графа Киселева*****.

*Этой «замечательной личности» (как называет графа народолюбивый г. Семевский, привыкший «видеть в его трудах стремление к серьезным мерам в пользу народа») свойственны были очень определенные взгляды на поземельное устройство крестьян. В записке «О мерах к усилению действия закона о свободных хлебопашцах», представленной им Николаю в марте 1840 г., Киселев следующим образом развивает эти взгляды******: «В Англии, Ирландии и не-

* «Сборн. статист. свед. по Кузнецкому уезду», отд. III, стр. 13.—Примеч. Г. В. Плеханова.

** Слова «враг материалистического взгляда на историю» вычеркнуты.—Р е д.

*** Слово «правительства» зачеркнуто и рукой Г. В. Плеханова заменено словом «государства».—Р е д.

**** Вся фраза вычеркнута.—Р е д.

***** Все это место, с начала абзаца, в легальном издании отсутствует и заменено там следующим:

«Известное латинское изречение гласит, что книги имеют свою судьбу. Имеют свою судьбу и государственные деятели. Судьба покойного графа П. Д. Киселева замечательна тем, что он, прекрасно понятый и оцененный императором Николаем I, был совершенно не понят как своим преемником, графом Муравьевым[22], так и нашей народолюбивой „интеллигенцией“. У этой последней вошло в обычай превозносить бывшего министра государственных имуществ не за то,

которых частях Италии, подобно тому как у нас в Остзейских губерниях, с освобождением крестьян земли остались в полном и неограниченном распоряжении дворянства; крестьяне, за малым исключением кортомщиков или фермарей, сделались вольными поденщиками, т. е. бобылями: положение, опасное при всяком недостатке выгодной работы для бобылей и особенно при неурожае или внутренних замешательствах, где люди, не имеющие оседлости, обыкновенно бывают орудием злоумышленных действий. Во Франции, Швейцарии и некоторых частях Германии крестьяне вместе со свободой получили прежние крестьянские поля, а помещикам оставлены одни господские запашки. В Пруссии земли также разделены между помещиками и крестьянами. Сим распоряжением, во-первых, нарушены права собственности дворянства, во-вторых, ослаблена самостоятельность высшего государственного сословия и через то уничтожена важнейшая нравственная сила, через которую верховная власть действовала на народ, и, в-третьих, по праву вотчинной собственности привлечена к участию в важнейших предметах государственного управления масса народа, которая силою необузданного большинства ниспровергает равновесие в частях и колеблет порядок государственного устройства... Система Франции, Швейцарии, некоторых частей Германии и Пруссии, утвердившая за крестьянами право вотчинничества, основанная на началах демократии и порожденная политическими переворотами, должна быть чужда всякого применения в России». В России нужно поставить крестьян «на приличную для них степень свободных или обязанных земледельцев», но не следует давать им «права, принадлежащие только дворянству»*.

Эти взгляды Киселев высказывал в то время, когда он уже был министром государственных имуществ, т. е. когда он мог, сообразно с ними, оказывать сильное влияние на поземельные порядки государственных крестьян. «*Приличная» для этого разряда земледельцев «степень» свободы достигалась, в глазах графа, тем простым обстоятельством, что над ними не тяготела власть помещиков. Но если уже сами помещики нередко испытывали на себе тяжесть русского деспотизма, то можно представить себе, как давала себя чувствовать эта тяжесть государственным крестьянам, лишенным «прав, принадлежащих только дворянству»*.

что он действительно сделал для государства, а за то, что он является в ее воображении каким-то предтечей народничества. Даже г. Семевский, от которого, как от мужа науки можно было бы ожидать более осмотрительного и вдумчивого отношения к предмету, изображает Киселева чуть не Гракхом[23]. Нечего и говорить, что такое изображение ни мало не соответствует действительности и что оно наверное вызвало бы справедливо негодующее изумление в самом Павле Дмитриевиче. Как мало похожи были взгляды графа на „идеалы" гг. народников, показывает его записка „О мерах к усилению действия закона о свободных хлебопашцах" (делаем выписки по книге самого г. Семевского «Крестьянский вопрос», т. II, стр. 37—38)». (Соч., т. IX, стр. 142—143).—Ред.

* Мы заимствуем эти выписки из известного сочинения г. Семевского о «Крестьянском вопросе».—Примеч. Г. В. Плеханова.

Крестьяне этого разряда были, как мы уже знаем, закрепощены государству, которое и обращалось с ними, как помещик обращался со *своей «крещеной собственностью»*. Помещик заботился о том, чтобы своевременно «использовать» всякую новую рабочую силу, выросшую в его деревне: как только крепостной крестьянин приходил в надлежащий возраст, его женили и «сажали на тягло», т. е. ему давали известный надел, *взваливая* на него известные обязанности. Подобное же тягло *взваливало*** на каждого из своих крестьян и государство. Периодически происходившие ревизии имели целью именно приведение в известность того числа крестьян, которое в данное время можно было «использовать». Заняв пост министра государственных имуществ, граф Киселев ни на иоту не отступил от этой *вековой традиции русского государства*****. Но он держался ее строже. Он проводил ее последовательнее, чем это делалось когда-либо прежде. *Что граф Киселев был искренним врагом политических движений, которые он хотел предупредить наделением крестьян землей, доказывается его деятельностью еще при Александре I в качестве начальника штаба 2-й армии. В 1821 году он, по его собственным словам, «имел счастье, в местечке Дужане, между прочим, представить доклад покойному государю о необходимости устроения тайной полиции», т. е. об организации в войсках шпионства. В том же году «замечательная личность» начинает полицейский сыск против Раевского*[24], *который будто бы «произнес нижним чинам несколько возмутительных слов». После 14-го декабря 1825 года та же «замечательная личность» энергично ловит находящихся во 2-й армии членов тайных обществ******. *Нужно поистине замечательное отсутствие политического смысла, чтобы видеть чуть не Гракха в пронырливом «бурбоне», о котором еще Пушкин писал: на генерала Киселева не положу своих надежд*******[25].

Ко времени назначения *нашего******** графа министром государственных имуществ на казенных крестьянах накопилось множе-

* Обе предшествующие фразы вычеркнуты и в легальное издание не вошли.—Ред.

** Слова: «своей крещеной собственностью» зачеркнуты и заменены словами: «своими крепостными».—Ред.

*** Слова: «взваливая» и «взваливало» заменены словами: «налагая» и «налагало».—Ред.

**** Слова: «вековой традиции русского государства» зачеркнуты и заменены словами: «экономической политики».—Ред.

***** См. об этом у Заблоцкого-Десятовского, в 1-м и 4-м томах его уже цитированного нами сочинения.—Примеч. Г. В. Плеханова.

****** Начиная со слов: «Что граф Киселев был искренним врагом...» до слов «на генерала Киселева не положу своих надежд»—зачеркнуто. Все это место в легальном издании заменено фразой: «В этом и заключается главная отличительная черта его деятельности, как министра государственных имуществ».—Ред.

******* Слово «нашего» зачеркнуто и вместо него после слова «графа» вставлено «Киселева».—Ред.

ство недоимок*. *Правительство, разумеется, очень огорчалось этим*, и император Николай *говорил о необходимости*** «твердых правил к постоянному платежу податей». Чтобы положить конец неприятному положению вещей, Киселев решил атаковать зло в его источнике, а источником зла являлась, по крайней мере во многих местностях, недостаточность крестьянских наделов. *Превосходительный Гракх**** нашел, что на каждую казенную ревизскую душу должно быть отведено от 8 (в «малоземельных») до 15 (в «многоземельных» губерниях) десятин земли. *Николай одобрил эту меру*****. В действительности *она****** никогда не была осуществлена даже с приблизительной точностью, но верно то, что всюду, где было приступлено к ее осуществлению, она послужила сильным «толчком» к переходу крестьянских земель из одних рук в другие. У крестьян, как государственных, так и четвертных и удельных, до сих пор сохранилось довольно живое воспоминание об этом «толчке». Вот примеры.

Деревня Ушаковка, Золотовской волости, Камышинск. уезда. «До 30-х годов нынешнего столетия „пахали вольницу"; к этому времени сложилось довольно устойчивое подворно-участковое землевладение, на что указывают сохранившиеся до сего времени названия частей пашни по прозваньям их владельцев: Шишкина пашня, Мозолев хутор и пр. К душевому владению перешли по настоянию властей, вероятно, одновременно с переходом в удел, когда их заставили разделить пашни на три поля и нарезать их на десятины. Распоряжение это встретило сильное сопротивление, окончившееся ссылкой нескольких человек в Сибирь»*******.

«При переходе от четверти на душу д. Заломской, Булановск. волости, Новооскольского уезда (в конце 50-х годов), начальство, в лице окружного, по словам крестьян, деятельно способствовало этому переходу ввиду того, что душевое владение подчиняло крестьян закону о круговой поруке в платеже податей. В Белгородском уезде с. Наумовка, Толоконской волости, перешло на души после X ревизии при размежевании, под влиянием, с одной стороны, требования малоземельных, а с другой—настояния начальства, руководившегося тем, что при введении общинного владения с общества можно

---

* «Несмотря на то, что в 1814 году сложено было со счетов недоимок на 30 млн. руб. асс. и с 1826 по 1836 на 17 млн. руб., к 1 января 1838 года в недоимке оставалось 64 млн. руб.» Л. Ходский, Земля и земледелец, С.-Петербург 1891, т. II, стр. 143.—Примеч. Г. В. Плеханова.

** Слова: «правительство, разумеется, очень огорчалось этим» и слова: «говорил о необходимости» зачеркнуты и на полях рукою Г. В. Плеханова приписано: «Это было, разумеется, очень неудобно, и император Николай I указал на необходимость».—Ред.

*** Слова: «превосходительный Гракх» зачеркнуты и заменены словом «граф».—Ред.

**** Эта фраза вычеркнута.—Ред.

***** Слово «она» вычеркнуто и заменено словами «эта мера».—Ред.

****** «Сборн. статист. свед. по Камышинскому уезду», отд. III, стр. 59.—Примеч. Г. В. Плеханова.

будет по круговой поруке взыскать недоимку, в больших суммах накопившуюся за некоторыми домохозяевами. Крестьяне с. Черная Поляна, Старогородской волости, в конце 50-х годов поделили было землю на души при поддержке окружного начальства, но когда узнали, что для перехода требуется согласие $^2/_3$ хозяев, а большинство, желавшее уравнения, не достигало этой цифры, то вернулись к четвертному владению»*. В Обоянском уезде, по единогласному отзыву крестьян, «община создана или прямо и непосредственно правительством или же по его инициативе и при его более или менее активном участии**. Время этого «создания» относится к 1830—1840 гг., когда по уезду разъезжали чиновники, предлагавшие крестьянам переделить их подворные четвертные участки по ревизским душам. Эта «агитация» вызвала чрезвычайно сильное волнение между крестьянами. Если министерство государственных имуществ руководилось тем соображением, что переход на души равносилен был добровольному принятию крестьянами на себя значительных платежей, от которых были свободны четвертные владельцы, то малоземельные хозяева надеялись поживиться на счет более зажиточных семей, со своей стороны, всеми силами противодействовавших этим планам *попечительного начальства**** и добрых соседей. Дело не раз доходило до открытого сопротивления властям со всеми его *обычными***** последствиями. В большинстве случаев *«бунтовщики»****** должны были смириться, но иногда им, сверх чаяния, удавалось «отхлопотать свою землю от душевого передела».

*Если во всем этом сказалась «эволюция» чьей-нибудь мысли, то прежде всего, разумеется, мысли наших государственных людей с незабвенным Николаем во главе, видевших в душевом переделе самое надежное средство обеспечить «постоянный платеж податей», а в крестьянине—одаренное даром слова казенное имущество*******. Этот взгляд в самом деле значительно окреп и развился в сороковых годах нашего столетия. Но что он был далеко не нов, это показывает как предыдущая история России, так и история всех во-*

---

* «Крестьянская община», стр. 34.—Примеч. Г. В. Плеханова.

** Слова местного исследователя г. Тимофеева.—Примеч. Г. В. Плеханова.

*** Слова: «попечительного начальства» в легальном издании отсутствуют.—Ред.

**** Слово «обычными» в легальном издании отсутствует.—Ред.

***** Слово «бунтовщики» зачеркнуто и рукою Г. В. Плеханова исправлено на «непокорные».—Ред.

****** Граф Киселев, во время своего управления министерством государственных имуществ, «ограничив» право сельских обществ ссылать в Сибирь своих «порочных» членов, предоставил им, однако, право «удалять» (в ту же Сибирь) всякого общинника, который «накопит недоимки не менее двухгодового оклада и, за всеми мерами, окажется, по нерадению или по распутству, неблагонадежным к платежу». Заблоцкий-Десятовский, цит. соч., т. 4-й, стр. 246. Неужели не ясно, что именно ради «платежа» предприняты были все «симпатичные» народникам киселевские реформы быта государственных крестьян.—Примеч. Г. В. Плеханова.

сточных деспотий. «Эволюция мысли» государственных людей Китая и древнего Египта совершалась в том же самом направлении.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цитата из «Дневника» 1844 г., май.—А. И. Герцен, Полн. собр. соч. под ред. М. Лемке, т. III, стр. 326.

[2] Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876)—виднейший теоретик анархизма. Был участником I Интернационала и руководителем его анархистского крыла. Вел ожесточенную борьбу против Маркса, в 1872 г. на Гаагском конгрессе был исключен из Интернационала, после чего образовал руководимый им анархистский интернационал. Революцию мыслил как результат стихийных народных бунтов. Бакунин имел большое влияние на известные круги молодежи 70-х годов, явившись идеологом так называемого «бунтарского» движения.

[3] Спенсер, Герберт (1820—1903)—английский философ и социолог-позитивист, представитель так называемой органической школы в социологии, рассматривающей общество по аналогии с биологическим организмом, ярый враг социализма. Книги Спенсера пользовались широким распространением среди русской интеллигенции.

Михайловский выступил против спенсеровой теории прогресса в ряде работ: «Что такое прогресс», «Что такое счастье», «Записки профана» (Соч., т. I и III). В этой критике выражены разногласия между двумя направлениями буржуазной позитивистской социологии.

[4] «Манчестерство»—течение среди экономистов Англии средины XIX в., защищавшее свободную торговлю, уничтожение покровительственных пошлин и отказ от всякого вмешательства государства в экономическую жизнь страны, в частности в отношения между предпринимателями и рабочими. «Манчестерство» было выражением идеологии промышленной буржуазии в эпоху расцвета свободной конкуренции.

[5] «Московские ведомости»—одно из старейших периодических изданий, начавшее выходить в 1756 г. В 70-х годах XIX в.—при редакции М. Н. Каткова, а позднее Грингмута—превратилось в монархическую черносотенную газету.

[6] Из стихотворения Некрасова «Размышления у парадного подъезда».

[7] «Несекомые сословия» в противоположность «секомым»—привилегированные сословия в России, освобожденные от телесных наказаний. Русские крестьяне оставались «секомым» сословием еще более 50 лет после падения крепостного права. Только 11 августа 1904 г. был издан царский манифест об отмене телесных наказаний для сельских обывателей.

[8] «Отечественные записки»—журнал, основанный в 1818 г. Свиньиным и перешедший в 1839 г. к Краевскому, который привлек к сотрудничеству в нем Белинского. С 1868 г. журнал стал органом народничества и, под руководством Некрасова, Елисеева, Салтыкова и Михайловского, имел громадное влияние на революционную интеллигенцию 70-х годов. Закрыт правительством в 1884 г.

[9] «Русская речь»—малоизвестный журнал, выходивший в 1879—1882 гг. в Петербурге под редакцией А. Навроцкого.

[10] Круглов, Александр Васильевич (род. в 1853 г.)—беллетрист, поэт и детский писатель. Сотрудничал во многих журналах и газетах. Известностью пользовался главным образом как детский писатель. «Горе Солохонушки» было напечатано в «Русской речи» за 1880 г., № 9 и вошло в отдельное издание рассказов Круглова «Живые души».

[11] Михайловский полемизирует с Добровым и разбирает рассказ Круглова «Горе Солохонушки» в статье «Литературные заметки», 1880 г., октябрь (Собр. соч., т. IV, стр. 963—977).

[12] По всей вероятности, Г. В. Плеханов имеет в виду следующее место из статьи Михайловского:

* Весь этот абзац, на котором обрывается корректурный оттиск, вычеркнут и в легальном издании отсутствует.—Ред.

«...Надя не мечтала о русской борьбе между трудом и капиталом на чисто европейский лад. Если бы она желала буквального повторения у нас этой борьбы, она должна была бы сочувствовать всяким прямым и косвенным причинам обезземеления мужика и вообще всему, что делает его жизнь невыносимою. Но в Наде такое сочувствие было бы, разумеется, совершенно противоестественно. Все, что может внушить ей опыт европейской борьбы, в качестве руководящей нити, это—опасение, как бы не повторилась у нас эта неприглядная сторона европейской жизни...»

И дальше:

«Кто же возьмет на себя великий труд предотвращения исторических путей родины от повторения европейской борьбы. Очевидно, правительство. Оно обладает и нужными для этого средствами и не менее нужным беспристрастием, незаинтересованностью в торжестве неправды» и т. д. (Н. К. Михайловский, Соч., т. IV, стр. 971, 972).

[13] Тихомиров, Лев Александрович (1850—1923)—видный землеволец и народоволец, принимавший активное участие в революционном движении 70—80-х годов. Был членом Исполнительного комитета «Народной воли». Эмигрировал после разгрома «Народной воли» в 1881—1882 г. за границу, где редактировал вместе с П. Л. Лавровым «Вестник Народной воли». В 1888 г. Тихомиров издал брошюру «Почему я перестал быть революционером», положившую начало его ренегатству. В 1895 г., подав прошение царю, он вернулся в Россию и, отрекшись от всего прошлого, стал столпом реакции, сотрудником самых ретроградных изданий и сподвижником таких мракобесов, как Катков и Грингмут.

[14] Брошюра Плеханова «Наши разногласия», вышедшая в Женеве в 1885 г., сыграла исключительную роль в деле популяризации марксистских идей в России. В этой книге Г. В. Плеханов подверг жестокой критике народнические заблуждения о возможности для России мирного перехода к социализму путем развития общины, артели и т. п. и доказал, что капитализм в России развивается и что капиталистический путь экономического развития является для нее неизбежным. Главы вторая и третья «Наших разногласий»—«Капитализм в России» и «Капитализм и общинное землевладение»—в особенности близки по теме книге «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова», где те же вопросы рассмотрены шире и глубже с учетом громадного фактического и статистического материала и всех изменений, происшедших в течение десятилетия, протекшего со дня издания первой части «Наших разногласий».

[15] В первой части «Наших разногласий» Плеханов полемизировал с виднейшими представителями революционного народничества. Введение брошюры посвящено рассмотрению взглядов Герцена, Чернышевского, Бакунина, Ткачева на революцию в России и на роль в ней общины и других особенностей народного быта; первая глава посвящена по преимуществу полемике с Тихомировым, в то время еще революционером.

[16] Скворцов, Александр Иванович (1848—1914)—агроном, экономист, профессор Новоалександрийского института сельского хозяйства. В статье своей «Новые проекты земельного устройства крестьян», напечатанной в «Отечественных записках» за 1879 г., № 11, Скворцов оспаривал возможность существования земских земельных банков для крестьян и доказывал необходимость взять это дело в руки государства. Главные труды Скворцова: «Основания политической экономии», «Экономические основы земледелия» и др.

[17] Плеханов имеет в виду книгу В. В. «Наши направления», вышедшую в 1893 г.

[18] Семевский, Василий Иванович (1848—1916)—историк, специалист по крестьянскому вопросу и революционному движению в России. Взгляды Семевского складывались под влиянием революционного народничества и Чернышевского. Семевский подвергался правительственным преследованиям.

[19] Киселев, Павел Дмитриевич, граф (1788—1872)—государственный деятель, принимавший участие в мероприятиях, предшествовавших реформе 1861 г.

С 1838 г. стал во главе министерства государственных имуществ и при-

нимал активное участие в разработке законопроектов, направленных к смягчению крепостного права. В секретных комиссиях по крестьянскому вопросу перед реформой 1861 г. отстаивал с позиций дворянства необходимость освобождения крестьян от крепостного права, защищая при этом интересы класса помещиков. Еще до проведения реформы Киселев был смещен Александром II с министерского поста и назначен послом в Париж.

[20] Кейслер, И. А. (1843—1896)—русский экономист, получивший степень магистра и доктора политической экономии за свое четырехтомное сочинение о русской земельной общине, вышедшее на немецком языке в 1883 г.: «Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland».

[21] Щербина, Федор Андреевич (род. в 1843 г.)—земский статистик, народник, в течение 20 лет стоявший во главе статистического бюро воронежского губернского земства. Им самим и под его руководством составлено до 100 томов статистических исследований. Методы Щербины подвергнуты жестокой критике Лениным в его книге «Развитие капитализма в России», где отмечается между прочим полное непонимание Щербиной экономического учения Маркса и неправильное перенесение им категорий развитого капитализма на крестьянское землевладение.

[22] Муравьев, Михаил Николаевич, граф (1796—1866)—государственный деятель, в молодости член тайных обществ; позднее получил прозвище «вешателя» за зверское подавление польского восстания в 1863 г. Александр II назначил его в 1857 г. на смену опальному Киселеву министром государственных имуществ с целью «поправить» ведомство, «распущенное» графом Киселевым. Муравьев говорил о своем предшественнике, что Киселеву «нехватало уменья взяться за дело», потому что он «был теоретик, а не практик».

[23] Гракхи, Тиберий (163—133 до н. э.) и Кай (153—121 до н. э.)—римские народные трибуны, добившиеся проведения ряда законов в интересах плебеев и крестьянского населения: аграрного закона, по которому земля, незаконно захваченная знатью, подлежала раздаче в наследственную аренду малоземельному населению, закона о дешевой продаже хлеба народу и др.

[24] Раевский, Владимир Федосеевич (1795—1872)—член Союза благоденствия, а затем Южного общества декабристов, адъютант декабриста Орлова, друг Пушкина. Раевский вел среди солдат и юнкеров пропаганду, более смелую, чем кто-либо из декабристов того времени. В его прописях, составленных для солдат, фигурировали такие слова, как «свобода, равенство, конституция», он беседовал о революционных событиях на Западе и внушал солдатам и офицерам мысль, что между ними должно быть равенство, «так как природа создала всех одинаковыми». Раевский был арестован за 3 года до восстания декабристов, в 1822 г., и в 1827 г. сослан в Сибирь.

[25] Цитата из стихотворения Пушкина «Орлову», написанного в 1819 г. Приводим оттуда место, относящееся к Киселеву:

«На генерала Киселева
Не положу своих надежд,
Он очень мил, о том ни слова,
Он враг коварства и невежд;
За шумным медленным обедом
Я рад сидеть его соседом,
До ночи слушать рад его;
Но он придворный: обещанья
Ему не стоят ничего».

РЕФЕРАТ И ДИСКУССИЯ О СУДЬБАХ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ И О ЗАДАЧАХ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ*

В тесной связи с печатаемыми выше отрывками из зарубежной брошюры против Воронцова и Михайловского «Наши разногласия, ч. II» стоит реферат Плеханова на тему о судьбах капитализма в России и о задачах русской интеллигенции. В архиве сохранилась лишь заключительная часть этого реферата, трактующая вопрос об интеллигенции, но содержание первой части легко восстановить по записям Плеханова, сделанным им во время прений по докладу, растянувшихся на три вечера. Записи эти занесены в особую тетрадь, но связь их с данным докладом не возбуждает никаких сомнений.

Дата доклада—очевидно, конец 1895—начало 1896 г. после выхода в свет «Монистического взгляда», ибо он упоминается в прениях, и до выхода «Обоснования народничества», так как Плеханов аргументирует статистическими данными, использованными в этой книге, и не делает на нее ссылки. Более точно дата устанавливается тем фактом, что Плеханов вернулся из лондонского изгнания в Женеву лишь в декабре 1895 г. Таким образом, скорее всего доклад должен быть отнесен к началу 1896 г.

Центральное место в прениях первого вечера занимает вопрос о политически-консервативных чертах позднейшего народничества, в частности о наличии таких черт во взглядах Михайловского; прения же второго вечера посвящены вопросу о судьбах русского капитализма

Печатаемая дискуссия еще теснее, чем самый доклад, переплетается с опубликованными выше отрывками из зарубежной брошюры против Воронцова и Михайловского, местами почти совпадая с ними.

---

* Реферат был прочитан Плехановым в Женеве зимой 1895/96 г., после выхода книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в студенческом клубе, основанном популярным в то время в студенческих кругах Шестаковым. После реферата состоялись прения, но ввиду крайнего интереса, вызванного докладом Плеханова, и тесноты помещения дальнейшие прения, растянувшиеся еще на два вечера, были перенесены в большой зал Handwerk на Plainpalais (Латинский квартал Женевы), где устраивались в то время социалистические собрания женевцев и русских. Зал был переполнен эмигрантами и студентами. Главным оппонентом был И. И. Добровольский, возражавший Плеханову с точки зрения революционного народничества. Добровольский на реферате не был, но находил, что достаточно знаком с точкой зрения Плеханова, чтобы выступить с возражениями против его доклада. Добровольского поддерживала известная часть женевского студенчества и эмиграции народнического направления. К их числу принадлежали и выступавшие в прениях студентки—горячие поклонницы Михайловского—Лебедева, Евлева и другие.—Примеч. Р. М. Плехановой.

Прения записывались Плехановым наспех, карандашом, но с достаточной полнотой и ясностью. Излагая мысль оппонента, Плеханов часто тут же дает в намеке и возражение на нее, незаметно набрасывая таким образом план своей защиты. Эти записи, довольно цельные и последовательные, имеют то преимущество перед статьей, что по живости и непосредственности выражения приближаются к живой речи. Они дают представление больше о Плеханове-ораторе и полемисте, чем о Плеханове-писателе. В то же время они ярко рисуют ту накаленную атмосферу, в которой происходила идейная борьба между марксистами и народниками.

Включенные в эту публикацию «Тезисы к реферату об общине» относятся к тому же времени и тесно примыкают как к печатаемому реферату, так и к статье против Воронцова и Михайловского.

* * *

Печатаемый реферат написан чернилами на трех листах с обеих сторон в конце синей ученической тетради, озаглавленной «Кустарная промышленность (выписки), тетрадь 3-я» и наполовину занятой соответствующими выписками. Начало реферата не сохранилось: первая из сохранившихся страниц пронумерована Г. В. Плехановым цифрой 3, остальные не нумерованы. Первые две страницы реферата вырваны, о чем свидетельствуют сохранившиеся в тетради корешки.

Прения в первый вечер (вечер реферата) записаны карандашом в конце другой тетради на двух листах (трех страницах) вслед за печатаемыми ниже «тезисами». Начало прений второго вечера написано в той же тетради, что и реферат, на трех листах (пяти страницах) карандашом.

Дальнейшие прения находятся в отдельной тетради и заполняют ее почти целиком.

Продолжение прений второго вечера записано на 11 листах с одной стороны, прения третьего вечера—на оборотах тех же 11 листов и на трех следующих листах с обеих сторон. Кроме того имеется исписанный с четырех сторон вкладной лист, повидимому являющийся продолжением тех же прений. Все прения записаны карандашом и очень поспешно, что отразилось не только на почерке, но и повлекло за собой некоторые шероховатости стиля, которые в точности сохранены нами.

Тезисы к реферату об общине написаны чернилами в тетради с оборванной обложкой и пожелтевшей бумагой, на двух листах (страницы без нумерации). Почерк Г. В. Плеханова середины 90-х годов. На первых 5 листах тетради его же почерком сделаны выписки статистических данных об общине. На последних двух листах (3 страницы) записаны карандашом прения в вечер реферата.

Все эти материалы находятся в тесной связи с работой Г. В. Плеханова над книгой «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова».

РЕФЕРАТ

...[закубанских] молодчинищ. Надо, по выражению Лассаля, организованной силе правительства уметь противопоставить неорганизованную, но гораздо более могучую силу народа. Посмотрите на Запад. Припомните великую революцию. Сотни лет безобразила

собою Бастилия одну из площадей великого города. Много перебывало в ее каменных мешках представителей интеллигенции. Но наступил момент, когда парижскому интеллигенту Камиллу Демулену с товарищами удалось увлечь за собою парижский народ, и Бастилия рухнула. Ночь 4 августа[1]. Замки пылали. Германия. Движение интеллигенции начинается уже в конце десятых годов. На это движение правительство отвечает тюрьмами и всякого рода постановлениями, карлсбадскими[2] и другими, пока не вступают в дело рабочие. Берлин, Вена. Кто свергнул окончательно Бурбонов? Парижские работники. Стихи Некрасова[3]. История показывает, что грубые руки народа нужны также и для завоевания политической свободы. Это неоспоримый вывод. Им надо уметь воспользоваться и в России. Иначе всегда будет легко восторжествовать правительству над интеллигенцией.

Роковое несчастие нашей истории, ее величайший трагизм заключается именно в той оторванности народа от интеллигенции, на которую указывали у нас так часто. Славянофилы. Они приглашают интеллигенцию вернуться к народности. Это невозможно. Но возможно и даже неизбежно другое. Приближение народа к интеллигенции. «Обезнародьте народ и т. д.»[4]. Капитализм именно это и делает. Он ставит народ в новые условия: народ безнародится. Старая Обломовка рушится, новые экономические отношения пробуждают народную мысль. Реформа Петра Великого доходит до своего логического конца. Народ страстно стремится к свету и к знанию. Учите его. В этом отношении и теперь уже много делается. Но... das Beste was du sagen kannst, das darfst du nicht*. Необходимость нелегальной пропаганды. Нелегальная пропаганда есть логический вывод из всего нашего положения. Чем энергичнее будет вестись она, тем скорее пробьет час нашего освобождения.

Необходимость нелегальной пропаганды.

1) Какую именно пропаганду вести?
2) Где?
3) Как?

1) Социалистическую. Недоразумения насчет социализма и политики. Нынешние социалисты (марксисты) чужды таких недоразумений.

2) В рабочей среде, в центрах. Почему.

3) Пример. Стачки. Выяснение необходимости политической свободы.

Говорят: теперь нельзя вести пропаганду. Конечно, бывают аресты, даром ничто не дается, судьба жертв искупительных просит. Судьба революционера. Но при известной осторожности вести пропаганду можно. Провалов меньше всего именно на деле.

Нам говорят также: вы узки, надо вести пропаганду во всех слоях общества, а вы все пристаете с рабочими. Что это значит?

---

* Лучшего, что ты мог бы сказать, ты не смеешь сказать.—Ред.

Нам надо убеждать писателей, что хороша свобода печати? Или нам надо доказывать членам судебного сословия, что всуе законы писать, если администрация будет на каждом шагу нарушать эти законы? Или нам надо обратиться, скажем, к адвокатам и доказывать им преимущества правового государства? Да ведь они это знают еще из университета. Нам говорят еще, вы запугиваете общество. Чем? Разве мы проповедуем воровство, грабеж, убийство отдельных частных лиц из среды буржуазии? Нет. По нашему мнению, надо перестроить все общественные отношения. Но это наша отдаленная цель. По-нашему, социалистическая революция предполагает длинный процесс воспитания рабочего класса. Для этого воспитания мы хотим добиться политической свободы. Что же могут иметь против этого лучшие представители нашего общества? Ну, а если г. Морозов и т. д.

Нам говорят, наконец, вы ставите la charrue avant les boeufs*. На Западе организация рабочего класса стала возможной только по завоевании политической свободы. Distinguo [ns]**.

Это есть единственная борьба с капитализмом. Правительство уступит только силе. Чем сознательнее народ, тем он сильнее. Борьба с капитализмом может быть двух родов: реакционная, революционная. Мы за революционную. Плакать над цифрами. Пример из Успенского. Нам некогда плакать.

Еще одно. Думают, что мы всех гоним на фабрику. А мы просим только двух вещей: 1) откажитесь от народнических предрассудков; 2) если не можете прямо помогать, помогайте косвенно: но помогайте именно развитию классового самосознания рабочего класса.

Мы пренебрегаем интеллигенцией. Мы предлагаем ей роль Прометея. И когда она унывает, мы поддерживаем ее силы, указывая на стоящую за нею великую непобедимую армию народа. Мы говорим:

Иной восстанет грозный мститель,
Иной родится грозный род,
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющий народ[5].

Я кончил.

ДИСКУССИЯ

Прения в вечер реферата

Шестаков

Обида Михайловскому. Думали, что у нас будет конституция. Нельзя думать, что Михайловский хотел защищать царизм.

Не переписались ли крестьяне-хуторяне в гильдию?

* Плуг впереди быков.—Ред.
** Разберемся.—Ред.

Попова

Александров Гай принадлежит казаку.

Шестаков

Община порождает кулаков. Кулаки бегут из общины. Михайловский не революционер, нельзя упрекать его за его умеренность. В настоящее время у нас поднимается вопрос об уничтожении розги. Г. Шестаков не удивится, если розга будет отменена.

Лебедева

Думает, что приписывать Михайловскому защиту царизма невозможно. События 80-х годов давали возможность ждать большего. С другой стороны, у нас общество не настолько образовано, чтобы следовать за революционерами. Слова гг. народников показывают, чего требовать от правительства. Разложение общины и переход крестьян в пролетарии есть путь и т. д. Куда девается обезземеленный крестьянин?

Евлева

Община не может перейти в социалистическую форму. Если бы удалось захватить, то...

Продолжение прений

Второй вечер

Необыкновенные вещи, которые услышал автор заметки. Он говорит: я в прошлом реферате[6] возражал Гофштетеру[7], а не Н. —ону. Это неправда. Автору хочется услышать мои возражения Н. —ону, В. В. Н. —он, признавая все, что говорят марксисты, справедливым, не верит в возможность развития капитализма. История железнодорожного дела. Наша охранная промышленность. В чем уверяют русских людей социал-демократы? Разрушьте общину и т. д. Этого мы не утверждаем. Н. —он взывает...

Лебедева

Насчет цифр. Когда начинается счет рабочих, то число рабочих все увеличивается. 10 миллионов. Как рассматривается эта цифра по отношению к общей цифре населения? К чему относится общая цифра населения? «Я ссылался на Николая—она». Я не ссылался на него в этом случае. Сумма производств растет гораздо быстрее числа рабочих. Свод данных о состоянии фабрично-заводской [промышленности]. 75% мужчин. Стараться откидывать некоторые элементы. Я не старался откидывать: я указывал на численное отношение. Внутренний ры-

н о к. Капитализм подрывает свой собственный рынок. Чем держится государство? Раз не будет производиться у нас хлеб, то государство падет. Правительство старалось прикрепить крестьян к земле. Если будет происходить дальнейшее обезземеление, то правительство не останется без поступков. Ну, каковы же п о с т у п к и русского правительства? В доказательство того, что у нас хлеб есть главный предмет вывоза. Цифры, приводимые г[-жей]Лебедевой.

Е в л е в а

Община. Почему община не перейдет в социализм? Организованная или неорганизованная сила должна быть противопоставлена правительству? П р е ж д е в с е г о н а д о п о з а б о т и т ь с я о б у м е н ь ш е н и и п л а т е ж е й.

Х а ж а к

Я выражаюсь слишком абсолютно. Письмо Маркса. Я не намекнул на терроризм. Как согласовать.

И о г а н и с ь я н

Революционная тактика в России: я не признаю ответственности частных лиц.

Необоснованность цифр Н. —она не позволяет д е л а т ь в ы в о д ы, подобные моим. Я заметил, что этот вопрос нас завел бы слишком далеко. Я будто бы говорю, что статистика у нас верна, а у других не верна, г-жа Лебедева несогласна с моим взглядом на внутренний рынок.

Л е б е д е в а

Если даже уменьшить цифру рабочих. Не чувства солидарности, а идея, что средства производства принадлежат общине. Ю р и д и ч е с к и й ф а к т.

Д о б р о в о л ь с к и й[8]

Г. Добровольс[кий] спешит заявить о своем несогласии со мною. Д о б р[о в о л ь с к и й] с о г л а с е н в о т с ч е м: наука великое дело, но выполнение гражданской обязанности должно итти прежде. По поводу чего я указал на закубанских молодчинищ?[9] Добровольский не совсем так меня понял: я говорил это в смысле необходимости противопоставить физическую силу народа. «З а т е м» я указал на Прометея. Затем ли? Я указал на Прометея в заключение. Я ломился с ожесточением в отворенную дверь. И ломился слишком долго, по мнению г. Добр[овольского]. Мне следовало указать—ч т о д е л а т ь. Казалось бы, именно на это следовало обратить внимание. Но разве я не обратил? Я указывал на необходимость борьбы и на способы ее ведения. Чем обусловливалось удовольствие г. Добр[овольского]? Частью ораторским моим искусством, а частью вот почему. Г. Добр[овольский] относится к соц[иал]-дем[ократии] совершенно отрицательно. Он считает нашу программу вредною. Поэтому он только радуется, когда несостоятельность нашей программы обнаруживается. Пл[еханов] позволял себе нападки на л и ч н о с т е й. Я приносил много книг: п о п р о ш у и з в и н е н и я. Я никого не хотел приводить в благоговейный ужас. Я принес книги затем, чтобы не делать из них выписок. Виновата в этом моя л е н ь. Гулливер и лилипуты. Ну, а что скажет нынешний Гулливер? Д[обровольский] перестал п о н и м а т ь ход дела, слушая мои дебаты с птенцами[10]. Некоторые аргументы поражали остроумием. Стоило бы только размахнуться тою дубиной, которая была в руках у птенцов, чтобы орлу пришлось плохо. Я (Плеханов) жду, что дубина в руках Добр[овольского] убьет меня. Плеханов прибегнул к превратному толкованию. Мне говорили нелепо, но мысль моя была ясна. Я не р а з в и л мысли моих противников. Добр[овольский] убедился, что наша программа все более и более слабеет и становится негодной для воздействия на умы. Неудовольствие г. Д[обровольского]. Отношение мое к моим противникам. Т а р а с о в в м о е м и з о б р а ж е н и и: я его выставил в идиотском виде. Тарасов говорит, что так как капитализм развивается или не развивается, то будем уповать на в о е н н ы х. Тут надо было указать, что же именно говорит Тарасов[11]. Добр[овольский] приводит слова Тарасова: капитализм развивается, но не очень, община падает, но не очень; чтобы ускорить социалистич[еское] развитие, надо захватить власть. Указывает на военных. Но ведь сказал же он о военных. И я еще раз спрошу: какой социализм заведут военные? По мнению Д[обровольского], логика Тарасова похожа на мою: ибо я говорю: обратимся к р а б о ч и м. Тарасов мог бы сказать: почему не к монахиням. Я на все это скажу: освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих.

Те идеи, которые я защищаю, не находят сочувствия в нашей периодической печати. Бельтов и Плеханов—единомышленники. Я протестую, это извет[12]. Зибер тоже марксист, но я с ним не согласен. Я обиделся за Бельтова. Д[обровольский] хочет «посмотреть», как я отнесся к представителям печати? Я свалил всех своих противников в одну кучу. Это неверно. Я их в одну кучу не сваливал. Я п о з в о л и л себе сказать, что народники и проч. о п а с к у д и л и с ь[13]. Это уже выяснено. Опять: я свалил все в одну кучу: разнородные издания. Это не так: я указывал на субъективистов-народников. В. В. и Михайловский разошлись[14]. Но ведь они писали в одном органе. Михайловский протестовал, когда его назвали народником. Д[обровольский] остановится на Михайловском. Я объединил В. В. с Михайловским. Д[обровольский] читает выписку из статьи Мих[айловского]: 1) слишком кратко, а во-вторых, Д[обровольский] сам согласен со мной. Разбери, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи. Д[обровольскому] хочется посмотреть статью, да

статьи нет. Надо указать на 2-й том соч[инений] Михайловс[кого], указать на то, когда была напечатана статья: во время Лорис-Меликовщины[15]. У Д[обровольского] предст[авление] о Мих[айловском] не вяжется с цитир[уемыми] словами. Д[обровольский] указывает нам на то, что такое Отеч[ественные] Записки. Но ведь писал же там В. В. Замеч[ание] об О[течественных] Зап[исках]. Самый лучший орган. Предложить обратиться в лондонский фонд[16] с просьбой прислать книжку. Щедрин, Елисеев и Михайловский[17]. Да, между Щедр[иным] и Михайл[овским] большая разница. Вот почему я и цитировал Щедрина. Если От[ечественные] Зап[иски] были так хороши, то тем хуже, что там была напечатана фраза, которую сам г. Д[обровольский] признает неприличною, «паскудной»[18]. Административная высылка членов редакции От[ечественных] Записок. А высылка Альбертини[19]. Фраза, которую я цитировал, психологическая невозможность. Я отвечаю: невероятно, а факт... А как разрешается психологическая невозможность? Неуменье согласить политику с социализмом. В сочинениях Михайловского нет ни единой строки, которая была бы в pendant* к той фразе, которую я цитировал. Так ли? Сказать стихами: Карамзин тобой ужален, Ломоносов уязвлен и Херасков не похвален[20]. Михайловский приводил чужие слова. Меры правительства искусственно вызывали у революционеров ошибочное представление об их силе[21]. Вся статья производит впечатление стакана холодной воды после горячей речи г. Добровольского. Где же эта революционность? Речь идет главным образом против административной ссылки и проч. Сочувствие к социализму: чрезвычайно общее. Отсюда: чтобы Надя и т. д. Работа для публициста[22]. Надя не мечтала о борьбе труда с капиталом. Надя заблуждается и преувеличивает. Вся речь: дайте свободу печати. Мысль Нади: Надя-то ведь революционерка. Из объяснений Михайлов[ского], как их передает Д[обровольский], видно, что Надя-то хотела бы быть консерватором, а низшие чины полиции помешали. Всю эту цитату я читал, и упрекать меня в каком-то желании искажать слова Михайловского более чем странно. Где же тут, в статье, революционность? Надя изображается культуртрегершей.

«Торопливость администрации».

Первый толчок к скептицизму Нади. Недоверие к голосу печати. Надю надо возвратить. Дело власти. Помощь административным ссыльным[23].

Третий вечер**

Добровольский

Д[обровольский] замечает: 2 мотива руководили им. Я затронул важный вопрос: что делать? Я указал молодежи вредный путь. При этом я употребил приемы, подлежащие критике. Я далеко не беспристрастен. (Я с своей стороны приглашаю вдумчиво отнестись к тому, что говорит Д[обровольский]). Михайловский не говорил того, что я ему приписал (еще раз прочитать место из Михайловского). Михайловский защищаться не может. Несогласия теоретич[еского] и практического характера.

1) Теор[етические] взгляды. 2 рода несогласий: он несогласен с теорией экономич[еского] материализма. Он не говорит об этом. Русск[ая] действит[ельность].

Причины разногласий Д[обровольского] со мною. Д [обровольский] на реферат[е] не был, но заранее знал, что я буду говорить. В частности входить не намерен.

Мы говор[им], что Россия пойдет по пути Запада.

Нам говорят: Да, община гибнет и устои падают. Но не так быстро, как говорят марксисты. Капитализм у нас сыграет роль разлагающую, а не созидающую. Настоящий путь: организация народного производства. Как Д[обровольский] смотрит на дело. Он решит[ельно] против рус[ской] соц[иал]-демократии. Но было время, когда он на рус[скую] действит[ельность] смотрел нашими глазами. Он, однако, всегда думал, что не на почве, подготовлен[ной] капит[ализмом], произойдет решение соц[иального] вопроса. Кроме того, он думал, что соц[иал]-дем[ократия] не решает у нас полит[ического] вопроса. Со времени появл[ения] статьи Д[обровольского] много воды утекло, и его взгляд изменился. Нынешнее мнение г. Д[обровольского]. Взгляды его ближе ко взглядам народ[ников], чем соц[иал]-демокр[атов]. Россия вступает на путь капит[алистического] развития не в такой момент, как Запад. Развитие капит[ализма]. Мы говорим, что капит[ализм] идет шибко. (Мы не совсем так говорим.) Мы будто бы гов[орим], число рабочих растет очень быстро.

Рабочие (число). Темный вопрос. Нет данных (обстоятельных). Возможны гадания. Оф[ициальная] стат[истика] никуда не год[ится].—Да, не год[ится]. Но все-таки возьмем.1 300 000 рабоч[их]. Я говор[ил], что у нас несравненно больше рабочих. Мне надо привести здесь цифру Голубева[24]. Я округляю цифры. Эрисман будто бы случ[айно] ссылается на какую-то фабрику[25]. Речь идет не о фабрике, а об уезде.

Н.—он указывает на двойные записи. Д[обровольскому] известны факты, что развитие капит[ализма] может и не сопровожд[аться] увелич[ением] числа рабочих. В прядильном производстве увеличилось машинное производство. Продуктивность труда возросла. Следоват[ельно] число рабочих могло не увеличиваться. При росте индустрии могут происход[ить] резкие сокращения чис[ла] рабоч[их]. Машина Норсроппа и Коппера работает почти без помощи рабочих. Машина Коппера функционирует. Дело может притти к уменьшению числа рабочих. Раз производ[ство] растет, то, [по] моему мнению, оно требует увелич[ения] числа подсобн[ых] работ. Пряд[ильная] промышлен-

* Подходила бы.—Ред.

** Заголовок Г. В. Плеханова.—Ред.

ность нуждается в х л о п к е. Хлопок производ[ится] в Туркестане. Нам нечего считать окраин, а потому нечего об окраинах и говорить. (Ну, а машины? Ну, а топливо? Ну, а перевозка? А всякие укладки и т. д.?)

В сахарной промышленности увеличилась производительность труда, но могло не увеличиться число рабочих. Сахарный синдикат регулирует производство. Число рабоч[их] может не увеличиться. Падающая промышленность. Урал—ц е н т р железного производства. Уральское железо вырабатывается на древесном топливе. Но наш капитализм отличается х и щ н и ч е с т в о м. И заводы вырубили леса. Железная промышл[енность] на Урале падает. Все эти факты показ[ывают]: нельзя с точностью сказать, что такое делается в рус[ской] действитель[ности].

Сколько кустарей по м о е м у счету? Я взял высшую цифру. Это н е т а к. Н а е м н ы й т р у д. Я будто бы умозаключил к нему д е д у к т и в н о. (Это не так: я указывал на Вернера[26] и не на гончарное, а на в е с ь Богородский уезд.) Я неосновательно поступил, не указав на другие. Ткацкое, сапожное, игрушечное, древодельное. Все эти производства могут вестись силами одной семьи. То обстоятельство, что некоторые перешли, еще не показывает. Т о ч н ы х д а н н ы х н е т. П о р а з и т е л ь н ы й ф а к т. На Уральских заводах: Егунов сообщает факт—18 000 рабоч[их] должны были перейти в разряд кустарей. (А каковы отношения между ними?) Рабочие переходят в кустари. Можно ли говорить, что все кустари перейдут в разряд индустриальных рабочих? Если капит[ализм] будет действовать, то... и если что-либо не помешает. Помешает. У нас развилось сильное движение в пользу кустарных артелей. У нас поддерживаются кустари. П е р м с к и й к у с т а р н ы й б а н к. (Значение к р е д и т а.) Пример Пермского земства вызвал подражание: Тверское земство, Нижегород[ское], Черниг[ов]ское]. (Указать на Ц а р е в о к о к ш а й с к о е земство.) Кролевецкое земство организует артели ткачей: избавляют от власти скупщиков. Земство организует сбыт кустарн[ых] изделий. (Указать на книгу В. В.)[27]. Итак: кустари могут держаться. Раз началось движение в пользу кустар[ных] артелей, то может капитал его съест, а может и не удастся съесть.

Переходит к крестьянам. Какие цифры известны Д[обровольскому]? В некот[орых] губ[ерниях] 30%. З н а ч е н и е о д н о л о ш[а д н ы х]. Их положение неустойчиво, так выражает мою мысль Д[обровольский]. Я насчитываю до 50% (зачем мне нужно подсчитывать?) крестьян-пролетариев. Это я говорю с целью округления цифр.

Д[обровольский]: ш а н с о в д л я е г о р а з в и т и я у н а с м а л о (прочитать отрывок из его статьи).

Значение западного капитализма. Он подверг рабоч[ую] массу бедствиям. Но он способствовал организации п р о л е т а р и а т а. Чем заявляет себя рус[ский] капит[ализм]? Производ[ительных] сил он не развивает. Он указал на пример хищения. А не он ли указал

на увелич[ение] производ[ительных] сил в прядильном производ[стве] и в сахарн[ом].

Купцы истощают землю. Роль их—роль расточителей естеств[енных] богатств. Мы берем с Запада машины, пользуемся трудом других, пользуемся даром тем, что выработала Западная Европа. (Это сильнейший толчок для его развития.) У нас капитализм не может организовать рабочих. Для организации пролетариата нужна политич[еская] свобода. Только с тех пор на Западе и началась организация рабочих. (А организация рабоч[их] в Германии до 1848 г., а во Франции до 1848?) Толку столько же, сколько от группирования трудящихся фараонами.

Затем: для развития капит[ализма] нужны рынки. Народники утверждают, что рынки заняты. Д[обровольский] думает, что это мнение основательно. Мы указываем на Персию и т. п. жалкие рынки. (Я приводил отзывы англичан о к а ч е с т в а х русских изделий, а это качество засвидетельствовано англичанами.) Для России может служить рынком, по сообщению N[eue] Z[eit], Балканский полуостров служить рынком не может и т. д.*. Спрашивается, укрепимся ли мы даже и на этих клочках всемир[ного] рынка? Англичане начинают п о д д е л ы в а т ь русские продукты. (Мое сообщение относится к 1892 году.) В Женеве был один знакомый, кажется из хлопчатобумажной сферы. Приехал сюда воровать секреты. Итак, английские консулы говорят одно, а знакомый г. Д[обровольского] говорит другое. Производство кумача есть исконное русское производство (что значит—и с к о н н о е?). Какова дальнейшая история знакомого г. Д[обровольского]? Надо заметить, что этот знакомый был враг капитализма.

Недалеко от Персии находится Индия. Там развивается хлопчатобумажн[ая] промышленность. Выгоды на стороне Индии. (Пример Индии как раз показывает, как могут развиваться новые страны.) В Индии крайняя дешевизна рабочих рук: этим пользуются. Недалек момент, когда Индия собьет Англию. Д[обровольскому] приходилось слышать ссылки на Китай. Развитие. Япония сильный претендент. У нас нет среды, которая дала бы нам возможность пользоваться. Мало техников (указать на значение покровительств[енного] тарифа. Пример Франции). Пример техников.

К а у ц к и й. Маленькая выписка из Каутского (из основных положений эрфуртской программы)[28].

И Америка, и Азия, и Австралия и т. д. Там развивается собствен[ная] промышленность, которая уже начинает бить е в р о п е й с к у ю. Запад нас всегда будет обгонять. А как же Америка, Азия и т. д. бьют Европу?

В н у т р е н н и й р ы н о к

Д[обровольский] постоянно ссылается на «референта». Я будто бы признаю, что п о д в л и я н и е м к а п и т а л и з м а про-

* Так в рукописи.—Р е д.

исходит обеднение народа. (Я ссылался на переход от натурального хозяйства к денежному. Ну, а как разрешат это земские кустарные банки?) Мне было сделано замечание, что рынка-то все-таки нет (Лебедева).

Добровольский

Какой характер имели мои рефераты? Совсем не практический. Вопрос о рынках, как его ставит В. В. Как я понимаю это дело? Россия не самобытна, но ее пути все-таки несколько различны.

Как повлияет западная революция на русскую жизнь?

Правда сегодняшнего дня и правда завтрашняя. Указать на процессуальный характер развития общественной жизни. Тут нет дней, тут есть лишь одновременность сосуществования разных сторон процесса. Эта одновременность существует и сегодня и завтра.

Чему должны мы радоваться в развитии капитализма. Указать на довременное* сходство непонятых законов истории с законами природы. Фабричный Колупаев[29] и наше отношение к нему. Чем сильнее он будет давить своих рабочих, тем скорее они сплотятся.

1) Следующий шаг на этом пути. Помощь капиталистам. Моя нерешительность.

Логический вывод из моих теорий.

Значение гуманитарных соображений в вопросе об отношении нашем к капитализму. Указать на значение подготовки рабочего класса в борьбе его с капитализмом. Индия и Германия. Угнетение рабочего в первой и более ранняя организация его во второй.

Чем занималась наша интеллигентная молодежь в начале 70-х годов. Социально-демократический характер деятельности социалистов в народе?! Могло ли это движение привести к тому, что я рекомендую? Нет, не могло, потому что не понимали значения политической борьбы. Почему потерпело фиаско так наз[ываемое] социал-демократическое движение в народе? По его словам, по невозможности действовать. Заметить о кругах и спиралях. Гибель и безрезультатность деятельности. Значение дворницкого режима в революционной деятельности в России[30]. Это относится к революц[ионной] деятельности вообще.

ТЕЗИСЫ**

I. Наша совр[еменная] община создана государством в интересах фиска.

II. Содействуя развитию ростовщического капитала, она в некоторой степени задерживает развитие высших форм капитализма;

* Так в рукописи.—Ред.

** Заголовок Г. В. Плеханова.—Ред.

но в еще гораздо более сильной степени она содействует обеднению народа. Не предупреждая развития пролетариата, она ведет к озверению посаженного на цепь крестьянина.

III. Тем не менее высшие формы капитализма все-таки прокладывают себе дорогу даже в крестьянском земледелии: пример—южно-русское и юго-восточное крестьянские хозяйства. Община не составляет непреодолимого препятствия для развития капитализма; она лишь делает более болезненным процесс его развития.

IV. Община никоим образом не может перейти, путем внутреннего развития, в высшую, социалистическую форму общежития.

V. Смешно думать, что современное правительство поведет общину в социализм.

VI. Люди, навязывающие правительству такую роль, суть не более, как политические институтки.

VII. Кто хочет служить русскому народу, тот должен итти не с правительством, а против правительства. Они уподобляются Волохову[31]. Они смешивают социализм с нестерпимою московской волокитой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 4 августа 1789 г. произошло знаменитое ночное заседание Национального собрания, на котором депутаты высших сословий, под напором революционного движения, вынуждены были отказаться от своих привилегий и были приняты декреты, отменившие сословные преимущества и феодальные права.

[2] «Карлсбадские постановления» явились результатом соглашения между Австрией, Пруссией, Саксонией и другими крупными немецкими государствами, учредившими на конференции в Карлсбаде осенью 1819 г. центральную чрезвычайную следственную комиссию для борьбы с «революционными происками».

[3] Г. В. Плеханов имеет здесь в виду один из своих любимых некрасовских отрывков:

«Пожелаем тому доброй ночи,
Кто все терпит во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям...»

(Из стихотворения «Ночь. Успели мы всем насладиться».)

[4] Цитата из И. С. Аксакова: «Обезнародьте народ и тогда западничество будет иметь у нас свой смысл». Приведя эту цитату в своей статье «П. Я. Чаадаев», Плеханов прибавляет: «Но капитализм именно это и делал» (Соч., т. XXIII, стр. 21).

[5] Строфа из анонимного стихотворения «Декабристам», напечатанного в «Полярной звезде», 1858 г., № 4, стр. 274, и перепечатывавшегося много раз, в том числе в революционном сборнике «Лютня» (Лейпциг 1869).

[6] То есть в реферате, прочитанном в прошлый раз.

[7] Гофштеттер, И.—автор книги «Доктринеры капитализма. (По поводу книги г. Струве „Критические заметки...“)», Спб. 1895 г..

[8] Добровольский, Иван Иванович—врач, приговоренный по процессу 193-х к каторге и скрывшийся за границу. В 1887—1888 гг. вместе с Дебагорием-Мокриевичем издавал журнал «Самоуправление, орган социалистов-революционеров».

В своей статье «Довлеет дневи злоба его» («Самоуправление» № 2) Добровольский высказывает следующие мысли:

«Отложим пока в сторону наши социальные теории... забудем на время о том, что мы социалисты, поспешим скорее и всецело проникнуться тою истиною, что мы теперь можем быть только политическими революционерами. Это забвение социализма должно продолжаться до самого падения самодержавия, тогда мы забьем в его могилу осиновый кол, бережно сложим и сдадим в архив наше политическое знамя, развернем новое, социалистическое, и под сенью его, насколько хватит сил и уменья, будем служить делу социализма».

Далее Добровольский указывает на бессилие кучки социалистов-революционеров и на необходимость «регулярных армий» для завоевания политической свободы. Роль этого регулярного войска должно у нас играть, по мнению Добровольского, буржуазно-либеральное общество, с которым революционерам следует вступить в союз. Что до отношения Добровольского к социал-демократам, то их группу он обзывает доктринерскою, микроскопическою и по численности, и по значению, и по влиянию и утверждает, что теории этой группы «очень добросовестно переведены с немецкого».

[9] Повидимому кубанских казаков, среди которых Г. В. Плеханов вел революционную работу в 1878 г. и на которых возлагал надежды как на стихийную революционную силу, способную под руководством организованной социал-демократии пойти на приступ самодержавия.

[10] «Лилипуты» и «птенцы»—выражения, употребленные Добровольским, по словам Р. М. Плехановой, для характеристики молодой аудитории Плеханова.

[11] См. примеч. 5 к статье «Наши разногласия. Ч. II» (будущий Бельтов).

[12] Отрекаясь от Бельтова, Г. В. Плеханов хотел пресечь распространявшиеся в заграничных колониях слухи, что он является автором «Монистического взгляда».

[13] В дальнейших прениях речь идет о политической программе народников 90-х годов, в частности Михайловского, направленной к тому, чтобы изменить положение крестьянства и добиться некоторых демократических реформ при сохранении основ существовавшего в послереформенной России общественного строя. Эти стремления Михайловского выразились в его статье «Литературные заметки», напечатанной в «Отечественных записках» за 1880 г., № 10 (ср. опубликованный выше отрывок рукописи «Наши разногласия. Часть II» (будущий Волгин), третья редакция, конец). В этой статье Михайловский разбирает рассказ Круглова «Горе Солохонушки» и рассуждения о нем Доброва—см. примечания 10—12 к предыдущей публикации. Героиня рассказа Круглова—молодая девушка Надя, сосланная за свою причастность к какому-то политическому делу. О ней и упоминает Г. В. Плеханов в дальнейшей записи.

[14] Воронцов, бывший сотрудником всех руководящих народнических органов, начиная от лавровского «Вперед» и кончая «Русским богатством» Михайловского, разошелся с последним в начале 90-х годов и стал писать в либеральном «Вестнике Европы».

[15] Александр II в 1880 г. под влиянием усиливавшегося революционного и либерального движения поручил Лорис-Меликову выработать проект конституции. Эта эпоха, носящая название эпохи «диктатуры сердца», закончилась в мае 1881 г., вскоре после убийства Александра II. Статья Михайловского, о которой идет речь, относится именно к этому времени.

[16] Имеется в виду «Фонд вольной русской прессы», основанный в 1891 г. в Лондоне эмигрантами Степняком-Кравчинским, Волховским, Чайковским, Кельчевским (Войничем) и Шишко с целью издания зарубежной революционной литературы.

[17] Щедрин и Елисеев были редакторами «Отечественных записок» вместе с Некрасовым с января 1868 г. В 1877 г., после смерти Некрасова, в число редакторов вошел Михайловский.

[18] Фраза из статьи Михайловского, которую имеет в виду Г. В. Плеханов, несомненно следующая:

«Кто же возьмет на себя великий труд предотвращения исторических путей родины от повторения европейской борьбы? Очевидно, правительство. Оно обладает и нужными средствами, и не менее нужным беспристрастием, незаинтересованностью в торжестве неправды... рассказывают, что один из так называемых петрашевцев, доныне здравствующий, глубоко поразил своими показаниями императора Николая; глубоко и в совершенно благоприятном смысле, ибо в показаниях этих развивалась та мысль, что правительству, и только правительству, предстоит в России роль водворителя всеобщего мира и счастья, как их понимал обвиняемый».

(«Отечественные записки», 1880, № 10, стр. 208—209.)

[19] Альбертини, Н. В. (1826—1890)—один из главных сотрудников «Отечественных записок» с 1860 г. В 1866 г. был арестован и после годового заключения в Петропавловской крепости сослан в северные губернии.

[20] Цитата из стихотворения М. А. Дмитриева (1796—1866) «К безыменному критику», направленного против Белинского. Опубликовано в сборнике стихотворений М. А. Дмитриева, ч. I, М. 1865 г. стр. 34.

Точный текст цитируемой Г. В. Плехановым строфы следующий:

Нет, твой подвиг не похвален!
Не привет России он!
Карамзин тобой ужален,
Ломоносов уязвлен!

[21] Михайловский в цитированной Г. В. Плехановым статье приводил слова Доброва из книги последнего «Откровенное слово о важнейших событиях нашей внутренней жизни за последнее двадцатипятилетие». Перечислив репрессивные меры правительства по отношению к революционно настроенной молодежи, Добров пишет: «Подобные известия и слухи, разумеется, пугали одних и радовали других, именно революционеров, выраставших, благодаря им, в собственных глазах...». И еще: «Породив в среде партии агитаторов преувеличенное самомнение о громадной численности их, [эти меры] искусственно должны были поддерживать и возбуждать их энергию...».

[22] Михайловский приводит утверждение Доброва, что «в складе нашей жизни нет таких условий, при которых, естественно, зарождается социально-революционное движение, т. е. сельского и городского пролетариата», и, соглашаясь с ним, высказывает все же мысль, что сочувствие к европейскому пролетариату могло распространяться у Нади и на русскую действительность. «Но чтобы Надя,—продолжает он,—отождествляла конкретную русскую действительность с такою же конкретною европейскою действительностью и чтобы, следовательно, она с пользою могла выслушать поучения Доброва, это совершенно невероятно. Но допустим невероятное. Допустим, что Надя, в припадке галлюцинаций, вроде дон-кихотских, увидела вокруг себя, на своей родной почве, европейских рабочих и капитал, ворочающий миллионами. Но в таком случае судьба ее была бы столь мало типична, столь исключительна, что имела бы разве только психиатрический интерес... Врач-психиатр может с любопытством остановиться на этом случае, но публицисту с ним делать нечего. А в нашем казусе есть, очевидно, какая-то работа для публицистики...». См. об этом примеч. 12 к предыдущей публикации.

[23] Соответствующие места из статьи Михайловского:

«Итак, нельзя сомневаться в справедливости показаний г. Доброва относительно влияния практики бывшего министерства народного просвещения, торопливости администрации в деле пресечения и предупреждения, недоверия к свободному голосу печати—на судьбу Нади».

И дальше:

«Из всего этого, мне кажется, логически следует то заключение, что Надя должна быть возвращена бабушке Солохоновне и обществу... Возвращение Нади... есть дело власти. Но вот, мне кажется, что может и должно сделать общество. Кто видел кого-нибудь из тех немногих административных ссыльных, которые ныне возвращены обществу... тот не может думать об их судьбе без ужаса... Полагаю, что общество может и должно избавить их от голода, холода и всяких унижений не случайными, единичными подачками».

(«Отечественные записки», 1880, № 10, стр. 212—213.)

[24] Речь идет о книге «Историко-статистический сборник», под ред. П. Голубева, Томск 1890г. (цитируется в книге Г. В. Плеханова (Волгина) «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова»).

[25] Речь идет о статье Эрисмана «Исследование фабричных заведений» из «Сборника статистических сведений по Московской губернии» (цитируется у Волгина).

[26] Речь идет о статье Г. К. Вернера «Кустарные промыслы Богородского уезда», напечатанной в «Статистическом ежегоднике Московской губернии за 1890 г.» (цитируется у Волгина).

[27] В о р о н ц о в, Артельные начинания русского общества, Спб. 1894 г.

[28] Вероятно Г. В. Плеханов имеет в виду следующее место из «Эрфуртской программы» Каутского:

«До 40-х годов XIX столетия фабричная капиталистическая промышленность за пределами Англии была очень слабо распространена; в 50-х годах она стала быстро развиваться во Франции, в 60-х и особенно 70-х годах она охватила Соединенные штаты, Германию, Австрию. Лет 20 тому назад она утвердилась даже в варварской России, в Ост-Индии, в Австралии, теперь она начинает проникать уже в Восточную Азию, Южную Африку, Южную Америку».

Эти слова относятся приблизительно ко времени выступления Г. В. Плеханова, так как программа Каутского была принята на международном конгрессе в Эрфурте в 1891 г.

Цитата взята из штутгартского издания 1903 г., стр. 9.

[29] Колупаевы и Разуваевы—герои «первоначального накопления», представители хищнической буржуазии, ликвидирующей дворянские землевладения, фигурирующие у Щедрина в его произведении «Убежище Монрепо».

[30] Вероятно, под «дворницким режимом» Г. В. Плеханов подразумевает режим строгой конспирации, введенный в партии «Народная воля» одним из самых активных ее членов, Александром Михайловым, получившим за это кличку «дворника».

[31] Марк Волохов—тип нигилиста в романе Гончарова «Обрыв», крайне грубый и упрощенный, почти карикатурный.

ОБ «ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФАКТОРЕ». СТАТЬЯ ПРОТИВ МИХАЙЛОВСКОГО, НАПИСАННАЯ ДЛЯ «НОВОГО СЛОВА» в 1897—1898 гг.

(в двух редакциях)

Статья «Об „экономическом факторе“», печатаемая нами в двух редакциях, заканчивает цикл плехановских статей против народничества. Из содержания этой статьи ясно, что она является ответом на обозрение Н. К. Михайловского «Литература и жизнь. О новых словах и „Новом слове“», помещенное в октябрьской книжке «Русского богатства» за 1897 г. Обозрение же Михайловского было в свою очередь ответом на статью Плеханова (Каменского) «О материалистическом понимании истории» (разбор книги Антонио Лабриола), помещенную в «Новом слове» 1897 г., сентябрь, № 12. Статья предназначалась Плехановым несомненно для «Нового слова».

Время написания статьи 1897—начало 1898 г. Она не могла быть написана раньше ноября-декабря 1897 г., до получения за границей октябрьской книжки «Русского богатства» с обозрением Михайловского. С другой стороны, она не могла быть написана и позже начала января 1898 г., так как в письме от 16 января 1898 г. Засулич уже пишет Плеханову о его г о т о в о й статье и упоминает, как об известном ему факте, о закрытии «Нового слова», которое последовало на декабрьском номере журнала. Эта последняя книжка «Нового слова» успела, правда, выйти, но была конфискована.

Засулич в своей переписке с Плехановым два раза касается вопроса об этой статье. В первый раз, в письме от 20 ноября 1897 г., она делает предположение, что Плеханов ответит Михайловскому на его обозрение. Она пишет:

«А вы что-то замолчали, а еще писали: „К четвертому буду свободен!“ Как живете-можете? А как Михайловский вас с Туган-Барановским-то сцепил?* Я так и предчувствовала, как читала у вас это место, что он его должен применить ко многим нашим. И вы это должны были предвидеть, а потому и, думаю, приготовили какую-нибудь батарею на Мих[айловского]. Неужели же оставите

* В печатном тексте письма, которое мы цитируем по сборнику «Группа Осв. тр.», VI, стр. 88, сказано: «с Тургеневым». Здесь в текст вкралась ошибка, объясняющаяся крайней неразборчивостью почерка В. Засулич. В обозрении Михайловского говорится о Туган-Барановском, как о «не настоящем» марксисте.

его танцовать около этого места?* Само по себе-то оно (место) мне доставило удовольствие».

Второе письмо от 16 января 1898 г.:

«Милый Жорж, что же вы посулились статью-то прислать свою на прочтение? В печати последнее слово осталось за Михайловским, но в сущности само правительство народникам ответило за „социал-демократов"—засвидетельствовало т. е. истину их учения.

Но все же приятно было бы прочитать, как вы бестию Мих[айловского] отделали. А ведь умеет он так написать, что на вид довольно хлестко (например: „одержимых м а н и е й в е л и ч и я сумасшедших уже давно не сажают на цепь, а сотрудники „Нового слова" сидят"), а посмотреть, так только к „неловким выражениям" придирается, а по существу и сказать ему нечего»**.

Теперь приведем показание самого Плеханова об этой статье. Оно важно не только потому, что с несомненностью устанавливает правильность высказанных выше предположений, но и по самому существу дела.

В предисловии к сборнику «Критика наших критиков», датированном 25 января 1906 г., Плеханов рассказывает следующее:

«Еще два слова. Со статьей „О материалистическом понимании истории", вошедшей в этот сборник***, в свое время произошел следующий, не лишенный интереса, пассаж. Статьи гг. субъективистов и народников, нападавших на материалистическое объяснение истории, убедили меня в том, что они, запомнив наши термины, не дали себе отчета в п о н я т и я х, соответствующих этим терминам. Чтобы убедить в этом также и читателей, я решил изложить нашу историческую теорию д р у г и м и с л о в а м и; это и было сделано в только что названной статье. Вышло то, чего я ожидал. Один из самых крупных противников наших, не разобрав в чем дело, закричал, что я отказался от „экономического материализма". Я протестовал и уже приготовил для него—как выражается Чацкий—„ответ громовой". Но издание, в котором должен был появиться этот ответ, было прекращено, и ответ мой остался не напечатанным, печатать его теперь уже несвоевременно****.

В неопубликованной переписке Плеханова за 1899 г. мы встречаем еще одно указание, по всей вероятности относящееся также к этой статье и говорящее за то, что Плеханов делал попытки напечатать свой ответ Михайловскому через год—полтора после неудачи с «Новым словом». Это указание относится ко времени издания второго марксистского журнала «Начало», выходившего с января по май 1899 г., и находится в письме к Плеханову П. Б. Струве.

«Отвечу вам,—пишет Струве в письме от 17 мая 1899 г.,—хоть вкратце на затронутые в вашем письме вопросы. Помещение вашей статьи contra Михайловский будет зависеть исключительно от цензурных соображений—это в дополнение к тому, что я писал вчера по поводу полемики, и не подпадает под действие этих соображений».

Таким образом, в 1899 г. Плеханов отнюдь не считал «несвоевременным» печатание этой статьи. Но позднее, когда мелкобуржуазная идеология народничества была разоблачена и когда умер главный и самый сильный из представителей народничества Н. К. Михайловский, Плеханов отказался от ее опубликования. Он сделал это совершенно сознательно, считая, что «изменить что-нибудь в содержании полемического произведения значит выступить против своего противника с новым оружием, заставляя его бороться с помощью старого»*.

Статья Плеханова, в свое время не увидевшая света, сохранилась в двух почти полных редакциях**. Заглавия Плеханов ей дать не успел или оно не дошло до нас, хотя первые страницы обеих редакций имеются. Но при чтении статьи заглавие напрашивается само собой: «О факторах», или верней, «Об „экономическом факторе"». В этом заглавии мы берем в кавычки слова «экономический фактор», так как спор велся именно около этого понятия, за которое уцепились народники, всячески извращая его и возводя неслыханные обвинения на голову «бессердечных» марксистов.

В заголовке печатаемой ниже статьи «Опять об „экономическом" материализме» (ответ В. А. Гольцеву), относящейся к 1896 г., Плеханов берет в кавычки слово «экономическом».

А в письме от 21 октября 1897 г. П. Б. Аксельрод пишет Плеханову:

«А хорошо бы, если бы противники откликнулись да ухватились бы за „фактор". Но, с другой стороны, если они этого не сделали, то опять будут глупы—с их точки зрения»***.

Все эти соображения и факты оправдывают, как нам кажется, заглавие, данное нами статье.

* * *

Рукопись публикуемой статьи сохранилась в двух редакциях, технически тесно переплетенных между собою: первоначально написана та редакция, которая у нас помещена на втором месте, затем многие листы из нее переложены в окончательную редакцию, о чем свидетельствует двойная нумерация страниц; кроме того ряд страниц окончательной редакции написан на оборотах первоначальной. Ввиду этого мы вынуждены дать одну общую архивную справку для обеих редакций, исходя при этом из первоначальной, как написанной раньше.

Всего в обеих редакциях сохранилось 188 листов. Рукопись написана на плотной тетрадочной линованной бумаге, сильно пожелтевшей; только некоторые листы поражают своей белизной.

В первоначальной редакции имеется 115 страниц, из которых не сохранилось только пять (35, 37, 39, 78, 99). На последней странице набросан план окончания статьи. Затем, бросив, повидимому, эту редакцию недописанной, Г. В. Плеханов перешел к новой редакции, которая сохранилась не до конца. В этой редакции

* Место в статье Плеханова (Каменского), о котором говорит Засулич, вероятно, следующее: «Если бы господа субъективисты дали себе труд продумать материалистическое объяснение истории, то они сами знали бы, где настоящие «ученики», а где самозванцы, всуе приемлющие великое имя» (Соч. Плеханова, т. VIII, стр. 269).

** Сб. «Группа Осв. тр.», VI, стр. 190.

*** В сб. «Критика наших критиков».

**** Собр. соч., т. XVIII, стр. 294—295.

* Предисловие ко второму и третьему изданию Бельтова—Соч., т. VII, стр. 59.

** Первоначальная редакция опубликована в журнале «Под знаменем марксизма», 1931 г., № 4—5, окончательная—в журнале «Литература и искусство», 1930 г., № 2 и 3—4.

*** Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, М. 1925, г. т. I, стр. 178.

нам удалось найти и подобрать 1—97 страницы без пропусков. Фактически число страниц больше, так как есть страницы с нумерацией bis. Ряд страниц имеет варианты. Недописанных страниц в этой рукописи нет, кроме тех, которые обрываются на указании Г. В. Плеханова: «см. страницу такую-то (следующую)», так что цельность текста ими не нарушается. Надо думать, что Г. В. Плеханов оборвал статью на 97-й стр., узнав о закрытии «Нового слова».

Вся рукопись написана почерком Г. В. Плеханова, характерным для конца 90-х годов, довольно крупным и четким. Помарок много. Вычеркнутые места, если они являются простым повторением той же мысли в несколько иной формулировке, мы не восстанавливаем. Но в этой рукописи зачеркивания имеют часто совсем иное значение, чем обычно. Перекладывая листы из одной редакции в другую, Г. В. зачеркивал то, что для новой редакции являлось с его точки зрения лишним. Теперь, совершая обратный процесс и возвращая эти листы на их прежнее место, мы, конечно, должны были восстановить все эти зачеркнутые места, как они были написаны первоначально. В окончательной же редакции они опущены. Подбор настоящей статьи из разрозненных листов представлял исключительные трудности. Помимо двойной нумерации, связанной с помещением одних и тех же страниц в обе редакции, здесь имеется масса листов, написанных на оборотах других рукописей. Часть листов имеет одновременно и исписанные обороты и двойную нумерацию.

В настоящей статье имеется очень много цитат, но, тогда как в статье «Странное недоразумение» Г. В. Плеханов в большинстве случаев выписывает цитаты целиком, иногда не указывая источника, здесь он, напротив, дает ссылку на источник, самой же цитаты не приводит. Таким образом цитаты эти приходилось восстанавливать, руководствуясь его указаниями, в большинстве случаев очень точными. При неясности указаний мы руководствовались другими соображениями, главным образом содержанием и смыслом текста.

ОБ «ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФАКТОРЕ»

(Окончательная редакция)

[I]

1 | Многие не любят у нас теперь полемики, особенно «резкой» полемики. О вкусах, конечно, не спорят; но вкусы изменчивы. Было время, когда у нас очень любили полемику. Вспомните Белинского, вспомните автора «Очерков гоголевского периода русской литературы»[1]. Этот последний, оправдывая полемическую горячность Надеждина[2], замечает: «Удивительное дело наши литературные [да и всякие другие понятия! Вечно предлагаются вопросы, почему земледелец пашет поле грубым железным плугом или сошником! Да чем же иначе можно вспахать плодородную, но тяжелую на подъем почву? Ужели можно не понимать, что без войны не решается ни один важный вопрос, а война ведется огнем и мечом, а не дипломатическими фразами, которые уместны только тогда, когда цель борьбы, веденной оружием, достигнута? Беззаконно нападать только на безоружного и беззащитного, на старцев и калек, а поэты

и литераторы, против которых выступил Надеждин, были не таковы...»]*. Я совершенно разделяю этот взгляд; я тоже думаю, что слащавыми дипломатическими фразами нельзя решить ни одного важного вопроса, и что, вопреки пословице, хорошая ссора нередко бывает гораздо лучше худого мира. Это уже так самим богом устроено, и вольтерианцы напрасно против этого говорят.

Вот почему я очень рад полемике, начавшейся между «Новым Словом»[3] и «Русским Богатством», на помощь которому выступила | пухлая московская тетушка, в шутку называемая 2
«Русской Мыслью»[4]. Очень возможно, что в этой полемике пострадает чье-нибудь литературное самолюбие и покачнется чья-нибудь литературная репутация. Но это не беда. Непрочны только незаслуженные репутации, а их не стоит и щадить. Более того: их следует расшатывать. «Знаете ли, что наиболее вредило, вредит и, как кажется, еще долго будет вредить распространению на Руси основательных понятий о литературе и усовершенствованию вкуса? Литературное идолопоклонство! Дети, мы все еще молимся и поклоняемся многочисленным богам нашего многолюдного Олимпа и нимало не заботимся о том, чтобы справляться почаще с метриками, дабы узнать, точно ли небесного происхождения предметы нашего обожания». Так писал Белинский | в своих знаменитых «Литературных мечтаниях». С тех пор утекло много воды, и на наш литературный 3
Олимп взобралось множество новых божков и полубожков. Неужели мы попрежнему будем беззаботны по части «метрик»? Неужели мы попрежнему будем предаваться слепому литературному идолопоклонству?

Вот г. Михайловский прекрасно понимает, как полезно копаться вокруг корней истины. Он советует нашему журналу пересмотреть свой багаж «как относительно чисто теоретических положений отвлеченного характера, так и относительно практических выводов». Мы очень благодарны г. Михайловскому за его братский совет. Но так как | вещи лучше 4
всего познаются сравнением, то при пересмотре своего собственного багажа мы по временам будем заглядывать и в тот багаж, с которым почтенный фельетонист «Русского Богатства»[5] вот уже тридцать лет гуляет «по садам российской словесности»[6].

Начнем с «чисто теоретических положений отвлеченного характера».

Какую роль играет экономический фактор в истории человечества? Я высказал несколько соображений по этому по-

---

* В рукописи сказано: «Удивительное дело наши литературные и т. д. „Социал-демократ“, № 1, стр. 147 в примечании, до слов: были не таковы».

Цитируется по статье Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский»—«Социал-демократ», 1890 г., кн. первая, стр. 88—175 (Собр. соч., т. V, стр. 89, примеч. 1).

Г. В. Плеханов цитирует Чернышевского по «Современнику», апрель, 1856 г. «Критика», стр. 41.—Ред.

воду в своей статье о материалистическом понимании истории[7]. Г-н Михайловский обратил на них свое внимание[8]. Но едва ли он правильно понял их. Он, кажется, подумал, что я перехожу
5 на точку зрения субъективистов | и прочих эклектиков. А я надеюсь, что со мной никогда не случится такого огромного несчастия.

Прежде чем спорить, надо условиться в терминологии. Правда, всем нам следовало бы раньше вспомнить об этом, но лучше поздно, чем никогда.

Противники материалистического понимания истории нигде не дали точного определения того понятия, которое связывается у них со словами: экономический фактор. Мне остается самому искать в их сочинениях ответа на вопрос о том, какова природа названного фактора.

Но противники материалистического понимания истории многочисленны, как звезды небесные. Нам нельзя иметь дело со всем этим почтенным воинством. Поэтому мы обратимся
6 к двум | его вожакам: к г. Кареева[9] и к г. Михайловскому.

В своей критике материалистического понимания истории г. Кареев исходит, как известно, из той справедливой мысли, что человек состоит из души и тела. «И у души и у тела,—говорит он,—[есть свои потребности, ищущие своего удовлетворения и ставящие отдельную личность в различное отношение к внешнему миру, т. е. к природе и к другим людям... отношение человека к природе в зависимости от физических и духовных потребностей личности создает поэтому, с одной стороны, разного рода искусства, направленные на то, чтобы обеспечить материальное существование личности, с другой стороны—всю умственную и нравственную культуру...»]*. Материалистическое отношение человека к природе коренится в потребностях человеческого тела, в которых и надо искать «причины звероловства, скотоводства, земледелия, обрабатывающей промышленности, торговли и денежных операций»[10].

7 | Но почтенный профессор не может забыть, что у людей, кроме потребностей «тела», существуют еще и потребности «духа». Поэтому он оспаривает «экономический материализм», который—д у м а е т о н—совсем игнорирует духовные потребности и не принимает в соображение деятельности, направленной на их удовлетворение. Это делает честь г. профессору. Но что же значит игнорировать потребности «духа»? Что значит не принимать в соображение удовлетворяющей их деятельности? Это значит объявить, что человек всегда и везде руководствуется лишь своими эгоистическими и притом чисто физическими потребностями—потребностью в пище, сне, половою

* В рукописи: «И у души и у тела—говорит он и т. д. Бельтов, стр. 173, до слов: всю нравственную культуру».

Цитируется по первому изданию книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Спб. 1895 г. (Собр. соч., т. VII, стр. 197).—Р е д.

потребностью и т. д.—и что если он выказывает иногда бескорыстную жажду знания и самоотверженную любовь к своим ближним, то он просто-напросто лжет, надевает на себя маску, желая обмануть какого-нибудь доверчивого глупца.

| Я спрашиваю, говорил ли когда-нибудь что-нибудь подоб- 8
ное кто-либо из сторонников материалистического понимания истории? И всякий, кто хоть немного знаком с литературой предмета, ни минуты не колеблясь, ответит: нет, ничего подобного никто из них не говорил.

Но если так, то я имею полное право заметить г. Кареву, что сторонники материалистического взгляда на историю вовсе не приписывают исключительной роли экономическому фактору, к а к о н е г о п о н и м а е т, т. е. деятельности, направленной на удовлетворение одних только физических потребностей человека. И, конечно, я с таким же правом могу при- 9
бавить, что если «экономические | материалисты» действительно имеют те взгляды, которые он им приписывает, то сторонники материалистического понимания истории ничего общего не имеют с этими странными материалистами.

Перейдем к г. Михайловскому. В 1894 году он, стараясь опровергнуть «экономический материализм», писал об одном из исторических сочинений Блоса[11]: «Из того, что Блос [говорит о классовой борьбе и об экономических условиях (сравнительно очень немного), еще не следует, что он строит историю на саморазвитии форм производства и обмена: обойти экономические условия в рассказе о событиях 1848 года было бы даже мудрено. Выкиньте из книги Блоса панегирик Марксу, как творцу переворота в исторической науке, да еще несколько условных фраз с марксистской терминологией, и вам не придет в голову, что вы имеете дело с последователем экономического материализма. Отдельные хорошие страницы исторического содержания у Энгельса, Каутского и некоторых других тоже могли бы обойтись без этикетки экономического материализма, так как на деле в них принимается в соображение вся совокупность общественной жизни, хотя бы и с преобладанием экономической струны в этом аккорде»]*.

Из этих слов г. Михайловского выходит, что, по его мне- 10
нию...** | с относящейся сюда литературой, решительно ответит: нет, подобного намерения никто из них никогда не обнаруживал.

* В рукописи: «Из того, что Блос и т. д. Бельтов, стр. 221 до конца выписки». Цитируется по первому изданию Бельтова (Собр. соч., т. VII, стр. 235).—Р е д.

** Девятая страница рукописи не является непосредственным продолжением восьмой; недостающее место удалось восполнить по сохранившейся в архиве странице, скопированной рукой Р. М. Плехановой с конца восьмой и начала девятой страницы оригинала. Начиная от слов «в 1894 году», печатание производится снова по оригиналу, но стр. 9 оригинала не закончена, она заключает в себе всего 9 строк и по всей вероятности является вариантом настоящей, не сохранившейся стр. 9 рукописи.—Р е д.

Стало быть, я имею полное право сказать г. Михайловскому, как я уже сказал г. Карееву: у сторонников материалистического понимания истории нет ничего общего с экономическими материалистами, если только эти последние в самом деле держатся взглядов, приписанных им вами.

Существуют ли материалисты, держащиеся таких взглядов? Это вопрос, который мы должны оставить пока нерассмотренным, потому что нам нужно теперь же, ни на минуту не отвлекаясь в сторону, выяснить истинные взгляды сторонников
11 | материалистического понимания истории.

С этой целью я возьму из сочинений Г. И. Успенского очень наглядный пример.

Во второй части «Разоренья» («Тише воды, ниже травы») лицо, от имени которого ведется рассказ, описывает свою встречу с последователями какой-то новой, только что нарождающейся раскольничьей секты, основавшей «обитель», где каждый трудится на общую пользу, где различия между «твоим» и «моим» не существует и где поэтому чрезвычайно хорошо живется в материальном отношении. Обитель основана по завещанию крестьянина Мирона, который вел отшельническую жизнь
12 и, жестоко себя истязая, | приобрел славу мученика. Руководители новой секты, для поддержания «веры», вырыли и перенесли в обитель его гроб, от которого, по их словам, шло большое благоухание. Но в действительности благоухания, разумеется, нет никакого, и это обстоятельство очень смущает одного молодого сектанта, до тех пор, однако, вовсе не отличавшегося религиозным фанатизмом и в своих симпатиях склонявшегося «главным образом к полушубкам, к довольству и сытному житью». Подсев к лицу, от имени которого ведется рассказ, парень этот таинственно шепчет ему на ухо:

«— А ну-ко, ваше благородие, да обман все это?

13 | — Что такое обман?

— Да это, Мирон-то. Третью неделю мы его держим [а ведь, по совести сказать, благоухания нету!

Я с изумлением смотрел на его как бы оробевшее лицо.

— Что вы скажете? Покуда из синоту бумаги не будет, открывать его не посмеем, а что попробовала у нас одна бабочка секретом туда заглянуть, говорит: «одна земля, все обман! не верьте!..» Вот что поговаривают-то! Как бы, пожалуй, наше дело не вышло дрянь!..

Малый весьма озабоченно тряхнул головой.

— Как дрянь?—сказал я.—Да ведь вам хорошо жить? Ты сам говоришь, что никто из вас так хорошо не жил дома, как здесь?

— Разговору нету об этом!

— Так, стало быть, стоит попрежнему только работать дружно!

— Тогда-то?—перебил меня малый.—Нет, не будет! Разбежимся все... Н-нет, барин! За угодником шли; за ним покой

имели... Полагали, как предстатель... да вдруг обман? Стало быть... что же?.. Коль велик мой грех? Правда-то, стало быть, не наша!—вот что я скажу!.. Да лучше я, как собака. Да я тады сам передамся начальству... у-уй-ду-у!.. То есть убегу, повинюсь. „Как угодно... без пощады!..“ У-уй-ду-у!»]*.

Если в самом деле в какой-нибудь части света существуют экономические материалисты, приписывающие исключительную роль экономическому фактору, *как его понимает* г. Кареев, то мы советуем им хорошенько подумать над выписанной нами сценой. Молодой сектант явно склоняется к экономическому материализму *в карееевском смысле*: он думает главным образом об удовлетворении потребностей «тела». Но и у него есть духовные потребности, которые в последнем счете оказываются сильнее телесных. Он готов совершенно отказаться от полушубков, довольства и сытого житья, если только религиозное учение основателей секты | не- 14
правильно и если вообще «все это обман». А этот сектант не выдуман Г. И. Успенским. Всякий чувствует, что это совсем живое лицо. Как же после этого можно игнорировать потребности «духа»? Как можно говорить, что человек всегда и везде руководствуется лишь своими физическими потребностями? Нет, нет, достаточно прочитать эту сцену, чтобы бесповоротно решить, что очень сильно ошибаются экономические материалисты, открытые г. Кареевым!

А сторонники материалистического понимания истории? Вот тут дело совсем другое. Их не смутишь этой сценой, и не смутишь именно потому, что они вовсе несогласны с экономическими материалистами, открытыми г. Кареевым, относительно значения экономического фактора. Сторонники материалистического понимания истории скажут: если бы изображенный Г. И. Успенским молодой сектант совершенно даже не склонялся к экономическому | материализму, в смысле г. Кареева, 15
если бы он совсем не думал о полушубках, довольстве и сытом житье, если бы все его думы целиком сосредоточивались на одном «мученике Мироне», то он все-таки не перестал бы быть продуктом окружающей его общественной среды, которая, в последнем счете, создается развитием производительных сил, определяющим собою взаимные отношения людей в общественном процессе производства. Это, как видите, совсем не похоже на тот взгляд, который г. Кареев приписал своим экономическим материалистам. Не похоже это и на придуманное г. Михайловским саморазвитие форм производства и обмена[12]. Впрочем, об этом саморазвитии речь впереди.

---

* В рукописи: «Третью неделю мы его держим», и т. д. стр. 391, т. I, до слов: у-уй-ду-у, стр. 392».

Цитируется по Соч. Г. И. Успенского, Спб. 1896 г., т. I. Имеется в библиотеке Г. В. Плеханова с его пометками.—Р е д.

II

16 | Фельетонист «Русского Богатства» замечает, что в своей статье о материалистическом понимании истории я, преследуемый мыслью о необходимости ущипнуть гг. Кареева, Кудрина[13], Кривенко и, наконец, самого г. Михайловского, не
17 удостоил хотя бы* | только упомянуть о роли способов произ-
<63> водства и форм обмена, «этом достаточно, кажется, важном пункте в материалистическом понимании истории»[14]. Я очень прошу читателя внимательно отнестись к этому замечанию г. Михайловского. Оно чрезвычайно важно.

Излагая взгляд Лабриола[15], с которым я в данном случае совершенно согласен, я говорю в названной статье:

«Люди делают свою историю, стремясь удовлетворить свои нужды. [Нужды эти даются первоначально, конечно, природой; но затем значительно изменяются, в количественном и качественном отношениях, свойствами искусственной среды. Находящиеся в распоряжении людей производительные силы обусловливают собою все их общественные отношения. Прежде всего состоянием производительных сил определяются те отношения, в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства, т. е. экономические отношения. Эти отношения, естественно, создают известные интересы, которые находят свое выражение в праве: „Каждая правовая норма защищает определенный интерес“,—говорит Лабриола.—Развитие производительных сил создает разделение общества на классы, интересы которых не только различны, но во многих,—и притом самых существенных отношениях,—диаметрально противоположны. Эта противоположность интересов порождает враждебные столкновения между общественными классами, их борьбу. Борьба приводит к замене родовой организации государственной, задача которой заключается в охранении господствующих интересов. Наконец, на почве общественных отношений, обусловливаемых данным состоянием производительных сил, вырастает обычная нравственность, т. е. та нравственность, которая руководит людьми в их обычной житейской практике»]**.

Г. Михайловский читает это, но он не находит тут слов: способы производства и формы обмена, и потому он не удовлетворен; он недоумевает, куда я девал «этот достаточно, кажется, важный пункт». Но что же такое этот пункт? Что такое способы
18 производства и формы обмена? Это именно | те отношения,

* На стр. 16 всего 8 строк, затем написано: «см. стр. 17».—Р е д.

** В рукописи: «Люди делают свою историю, стремясь удовлетворить свои нужды и т. д. „Новое слово“, стр. 79—80».

Цитата взята из статьи Н. Каменского (Плеханова) «О материалистическом понимании истории»—«Новое слово», 1897 г., кн. 12, сентябрь (Собр. соч., т. VIII, стр. 250). Ввиду отсутствия точных указаний в рукописи, цитируется до конца абзаца.—Р е д.

в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства и о которых идет у меня речь. Стало быть, я «удостоил» упомянуть об этом «достаточно, кажется, важном пункте»? Очевидно—не только удостоил, но и воздал ему должное, указав на его решающее значение. Почему же недоумевает г. Михайловский? Потому, что я употребил не те слова, которые он заучил. Если бы он знал, какое | понятие связывается с этими словами, то 19
он, конечно, сейчас же понял бы, что я говорю именно о спосо-<64>
бах производства и о (вытекающих из них) формах обмена. Но он заучил только слова, оставаясь в полной неизвестности насчет их смысла. Поэтому он немедленно попал впросак, как только я заговорил другими словами! Вот так оказия! Как тут не воскликнуть с Бобчинским: Чрезвычайное происшествие! И как не прибавить с Добчинским: Неожиданное известие! По поводу моих щипков г. Михайловский вспоминает анекдот о танцоре, умевшем танцовать только от печки. Мне сдается, что он гораздо больше походит на этого танцора. В самом деле, заучить на память известные слова, не понимая их смысла, | требовать от своих противников, чтобы 20
они всегда говорили именно этими, бессмысленно заученными<65>
словами, и сбиваться с толку, когда они иначе выражают те же самые понятия, именно это-то и называется танцовать только от печки и не быть в состоянии двинуть ногою в том случае, когда вместо печки приходится поместиться, например, около двери. Ай-ай-ай! Ну и попался же г. Михайловский!

«К нам неоднократно, устно и письменно, обращались с вопросом, почему [мы оставляем без возражения многочисленные выходки журнала «Новое Слово» против нашего журнала или его отдельных сотрудников»]*,—говорит г. Михайловский. Надо думать, что после отмеченного нами происшествия его уже никто не станет побуждать к полемике с нами. Теперь уже всякий увидит, что в этой полемике он | может только mit 21
Worten kramen**. Правда, еще известный Лисков—в своей<66>
книге «Über die Nothwendigkeit und Vortrefflichkeit der elenden Scribenten»[16]—говорил, что «гораздо легче и естественнее писать пальцами, чем головой». Но Лисков любил парадоксы; этот чудак уверял, например, что лучше всех пишет тот, кто совсем не думает. С этим наверное не согласятся те наивные люди (может быть «субъективные юноши»[17]), которые взывали к г. Михайловскому: «выдыбай, боже!»[18].

* В рукописи: «К нам неоднократно, устно и письменно, обращались с вопросом, почему и т. д. „Русское богатство“, стр. 180 до слова: сотрудников».

Цитата взята из обозрения Н. К. Михайловского «Литература и жизнь. О новых словах и „Новом слове“»—«Русское богатство», 1897 г., № 10, стр. 161—195 (Собр. соч. Н. К. Михайловского, т. VIII, изд. 1914 г., стр. 688).—Р е д.

** Орудовать словами.—Р е д.

В своем знаменитом предисловии к книге «Zur Kritik der politischen Ökonomie» Маркс говорит: «В общественном производстве | своей жизни люди наталкиваются на [известные, необходимые, от их воли не зависящие отношения—отношения производства, которые соответствуют определенной степени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих отношений производства составляет экономическую структуру общества, реальную основу, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка»]*.

Вы видите, г. Михайловский, что Маркс тоже не удостоил хотя бы только упомянуть о роли способов производства и форм обмена, этом достаточно, кажется, важном пункте и проч. Что же это значит? Не было ли у него при этом каких-нибудь скрытых побуждений? Не собирался ли и он переходить на ту точку зрения, на которую впоследствии стали русские субъективисты? Советую вам исследовать этот вопрос, г. Михайловский.

А пока что, я обращу внимание читателя вот на какое обстоятельство. Маркс называет экономической структурой общества совокупность отношений производства. Но эти отношения суть не что иное, как взаимные отношения людей в общественном производительном процессе. | Значит, всякое изменение отношений производства есть изменение отношений, существующих между людьми. Поэтому совершенно нелепо говорить о «саморазвитии» этих отношений, которое совершается будто бы «само собою», без участия людей. А г. Михайловский говорит именно о таком саморазвитии**. Из этого видно, как хорошо понимает он того Маркса, историческую теорию [которого] он когда-то пытался опровергнуть.

Саморазвитие способов производства и форм обмена есть бессмысленный набор слов. А между тем понятие «экономический фактор» совершенно покрывается у г. Михайловского понятием: «саморазвитие форм производства и обмена». Стало- | быть, экономический фактор, как его понимает г. Михайловский, есть простая бессмыслица. Ну, а бессмыслицу я, разумеется, не могу считать господствующей силой в истории.

Г. Михайловский принадлежит, как известно, к числу тех людей, которые уверяют, что, оспаривая историческую

* В рукописи: «В общественном производстве своей жизни люди наталкиваются на и т. д. Бельтов, стр. 158, до слов: и политическая надстройка».
Цитируется по первому изданию Бельтова (Собр. соч., т. VII, стр. 185).—Ред.

** Он говорит собственно о саморазвитии способов производства и форм обмена. Но мы уже знаем, что эти способы и формы и составляют то, что называется взаимными отношениями людей в процессе производства. — Примеч. Г. В. Плеханова.

теорию Маркса, они в то же время вполне признают экономическое его учение. Но такое различение возможно только для тех, которые не понимают ни исторической теории, ни экономического учения немецкого мыслителя[19]. Почему? А вот почему.

Что такое стоимость? По Марксу, это есть общественное отношение производства. На первый взгляд это, может быть, несколько неясно, но это очень просто для того, кто понял историческую теорию автора «Капитала».

| Мы уже знаем, что в процессе производства люди становятся в те или другие взаимные отношения, определяемые состоянием производительных сил. На известной стадии развития этих сил производители становятся в такие отношения друг к другу, при которых продукты их труда являются в виде товаров. Товар А обменивается на такое-то количество товара В, такое-то количество товара С и т. д.; он имеет известную меновую стоимость. Но товары—продукты труда, и их взаимные отношения в процессе обмена выражают собою лишь взаимные отношения трудящихся (т. е. товаропроизводителей) в общественном процессе производства. | Следовательно, стоимость данного товара выражает лишь отношение труда его производителя к общему производительному процессу. Это и значит, что стоимость есть общественное отношение производства. А между тем стоимость рассматривается часто, как свойство, принадлежащее самой вещи. Это—иллюзия. Но на известной стадии развития производительных сил эта иллюзия совершенно неизбежна.

А капитал? Капитал есть | меновая стоимость, одаренная способностью к возрастанию. Известно, что капитал, не приносящий дохода, считается мертвым капиталом. Стало быть, эта способность приносить доход есть важнейшая отличительная черта живого капитала. Но если меновые отношения товаров выражают собою взаимные отношения производителей в общественном процессе производства, то и капитал,—меновая стоимость, порождающая новую стоимость,—не может представлять собою что-либо другое, кроме общественных отношений производителей. Поэтому Маркс говорит, что капитал тоже есть общественное отношение производства и именно отношение, свойственное буржуазному обществу, | буржуазное отношение производства. Это отношение характеризуется тем, что рабочий продает предпринимателю свою рабочую силу. Всем известно, с какою целью покупает ее капиталист: в процессе производства работник создает стоимость, превышающую расход на покупку его рабочей силы; разность между новой, созданной работником, стоимостью и стоимостью его заработной платы называется прибавочной стоимостью. Она принадлежит предпринимателю и служит источником его дохода. Таким образом, способность капитала приносить до-

ход объясняется свойственными буржуазному обществу отношениями л ю д е й в процессе производства. Но свойства производственных о т н о ш е н и й кажутся свойствами в е щ е й,
28 т. е. свойствами принадлежащих | капиталисту средств произ-
<17> водства. На известной стадии развития производительных сил это тоже неизбежная иллюзия.

Тайна такого рода иллюзий впервые была разоблачена Марксом. Но разоблачить ее значит показать, каким образом ход идей определяется ходом общественных отношений.

В самом деле, если на известной стадии своего развития экономические отношения производства необходимо отражаются в человеческих головах в виде свойств вещей, и если,—как это говорит Маркс,—экономические отношения не падают с неба в готовом виде, а создаются развитием общественных производительных сил, то выходит, что известному состоянию этих сил соответствуют известные взгляды. Кто разделяет экономическую теорию Маркса, тот не может отказаться от этого
29 вывода, | а кто признал этот вывод, тот уже довольно далеко ушел в деле материалистического объяснения истории.

Г. Михайловский думает, что нет необходимой связи между экономическими взглядами Маркса и его исторической теорией. Внимательный читатель очень хорошо видит теперь, почему думает так г. Михайловский: по той простой причине, что он совсем не понял экономических взглядов Маркса. Человек, даже и не подозревающий того, что способы производства и формы обмена именно суть взаимные отношения людей в общественном процессе производства, понимает кого вам угодно и что вам угодно, но только не Маркса и не его экономическое учение.

III

Г. Михайловский не без ехидства замечает: в самой статье
30 г. Каменского ни одним словом не | упоминается, есть ли в книге Лабриола страницы, посвященные оценке исторической концепции Маркса—Энгельса. Казалось бы, об этом следовало хоть вскользь упомянуть, но г. Каменский предпочитает тратить время на «щипки».

Как относятся исторические взгляды Лабриола к «исторической концепции Маркса—Энгельса»? Очень просто: они совпадают с нею. Кто хоть отчасти понимает названную «кон-
31 цепцию», | тот ни на минуту не усомнится в этом, прочитав приведенный мною выше отрывок из моего изложения исторических взглядов римского профессора. Если же г. Михайловский находится в полном недоумении на этот счет, то из этого еще раз видно, как хорошо выяснил он себе то учение, оспаривать которое он считает своим нравственным долгом.

Г. Михайловский не узнал «исторической концепции Маркса—Энгельса» только потому, что не встретил в ее изложении

некоторых без толку заученных им слов. Это неприятное приключение. Поэтому он, может быть, постарается свалить свою вину на меня; он скажет, пожалуй, нам: зачем же вы одели мысль Лабриола в незнакомую мне одежду? Отчего вы прямо
не | сказали, что этот писатель принадлежит к числу и т а л ь - 32
я н с к и х у ч е н и к о в?[20]. На это я отвечу, что всякий волен выражаться, как он хочет, если только его слова правильно передают мысль, подлежащую передаче. А, кроме того, у меня могли быть особые побуждения. Может быть, я предвидел замечание г. Михайловского и хотел показать всей читающей публике, что, если он заучил некоторые из наших терминов, то он совсем не понимает их значения. Если у меня, действительно, был такой расчет, то всякий согласится, что он блистательно оправдался.

Пойдем дальше. Совокупность отношений производства составляет экономическую | структуру общества. Экономиче- 33
ская структура определяется состоянием производительных сил. «Из этого видно,—справедливо замечает г. Бельтов на 173 стр. своей книги,—что только в популярной речи можно говорить [об экономии, как о п е р в и ч н о й п р и ч и н е всех общественных явлений. Далекая от того, чтобы быть первичной причиной, она сама есть следствие, „функция“ производительных сил»]*.

Это же говорю и я в статье по поводу книги Лабриола: «По учению новейших материалистов [человеческой природе соответствует в с я к и й экономический порядок, соответствующий состоянию производительных сил в данное время. И наоборот, любой экономический порядок начинает противоречить требованиям этой природы, едва только он приходит в противоречие с состоянием производительных сил. „Господствующий“ фактор сам оказывается, таким образом, п о д ч и н е н н ы м другому „фактору“. Ну, а после этого какой же он „г о с п о д с т в у ю щ и й“»?]**.

Это крайне важный «пункт» в исторической «концепции» современных материалистов, на нем полезно остановиться. Если бы экономические отношения были последней, основной причиной общественных явлений, то невозможно было бы по-

---

* В рукописи: «Из этого видно,—справедливо замечает г. Бельтов на стр. 173 своей книги,—что только в популярной речи можно говорить и т. д. до конца отрывка».

Цитируется по первому изданию Бельтова (Собр. соч., т. VII, стр. 197).—Р е д.

** В рукописи: «Это же говорю и я в статье по поводу книги Лабриола: по учению новейших материалистов и т. д. стр. 171 до слов: он господствующий».

Цитата из статьи Н. Каменского (Плеханова) «О материалистическом понимании истории»—«Новое слово», 1897 г., № 12, сентябрь, стр. 70—98. Страница в рукописи указана ошибочно. Цитируемое место находится на стр. 77 (Собр. соч., т. VIII, стр. 246).—Р е д.

нять, почему же изменяются эти отношения. Правда, г. Михайловский придумал их «саморазвитие», [но] это слово ровно
34 ничего не означает и не объясняет, так как | никакое саморазвитие не может происходить без достаточной причины. В действительности, экономические отношения обусловливаются состоянием производительных сил и *изменяются благодаря* изменению этого состояния. Всякая данная совокупность отношений производства прочна лишь там и до тех пор, пока она соответствует состоянию общественных производительных сил; когда исчезает это соответствие, уничтожаются и данные отношения производства,—данная экономическая структура,—уступая место новой совокупности отношений. Разумеется, всякая данная экономическая структура не сразу перестает соответствовать состоянию общественных производительных сил: это целый процесс, совершающийся, смотря по обстоятельствам, с большею или меньшею быстротою. Орудием
35 устранения отжившей экономической структуры | служит политический «фактор». Развитие общественных производительных сил с течением времени делает неудобной, стеснительной для большинства данную экономическую структуру, т. е. данную систему взаимных отношений людей в общественном процессе производства. По мере того как растут неудобства этой системы, увеличивается число людей, недовольных ею, растет партия новаторов, другими словами — изменяются взаимные отношения людей и в области политической жизни. Когда это изменение достигает известной степени, начинается процесс переделки старой экономической структуры, процесс, быстрота и интенсивность которого тоже далеко не
36 всегда одинаковы. Отсюда, | между прочим, опять видно, почему ничто в общественной жизни не совершается «само собою», а все предполагает деятельность общественного человека.

IV

Так представляется дело с точки зрения современного диалектического материализма, но выражение: диалектический материализм тоже смущает г. Михайловского. «Г. Каменский,—замечает он,—[везде говорит о „диалектическом материализме“, последовательным, хотя в частностях и заблуждающимся представителем которого является Лабриола. И только из лаконического подстрочного примечания мы узнаем, что „Лабриола дает ему („диалектическому материализму“) заимствованное у Энгельса название—*исторический материализм*“. Из этого следует, кажется, заключить, что термин „диалектический материализм“ совершенно отсутствует в книге Лабриола. Конечно, имя вещи не меняет, но мы сейчас увидим, что сам г. Каменский приводит пример путаницы, связанной

с употреблением того или другого прилагательного к существительному „материализм“. И для читателя совершенно неясно, почему и зачем подменивается одно прилагательное другим. В упомянутом лаконическом подстрочном примечании говорится, что название „исторический материализм“ *заимствовано* у Энгельса, но значит ли это, что Лабриола прямо „заимствовал“ с указанием источника, или это простое совпадение, а собственно „заимствование“ есть догадка г. Каменского?»]*.

| Термин: диалектический материализм совершенно отсут- 36 bis
ствует в книге Лабриола. Но это не мешает римскому профессору быть последователем диалектического материализма.

Почему я так думаю? По многим причинам. Назову одну из них: прочитав книгу Лабриола, я знаю его взгляды, а кроме того я знаю, что такое диалектический материализм. Г. Михайловский названной книги не читал, но уже одни те строки, которые я выписал выше из моей статьи о ней, ясно показывают, что Лабриола есть итальянский «ученик», а кто же не знает, что учителя «учеников» были самыми видными представителями диалектического | материализма? Впрочем, этого, кажется, 37
не знает г. Михайловский. Поэтому я укажу ему на следующие слова Энгельса:

«Уразумение полной ошибочности [господствовавшего до тех пор в Германии идеализма должно было неизбежно привести к материализму, но, само собой разумеется, не к простому метафизическому, исключительно механическому материализму XVIII века. В противоположность наивно-революционному, простому отрицанию всей протекшей истории, современный материализм видит в истории процесс развития человечества, причем его задачей является открытие законов движения этого процесса. В противоположность господствовавшему у французов XVIII века и еще у Гегеля представлению о природе, как о всегда себе равном целом, неизменно вращающемся в одних и тех же ограниченных пределах, с вечными мировыми телами, как учил о них Ньютон[21], и с неизменными органическими видами, как учил о них Линней[22], современный материализм связывает в одну систему все новейшие успехи естествознания, благодаря которым стало ясно, что природа также имеет свою историю во времени, что небесные тела, как и все виды организмов, населяющие их при благоприятных условиях, возникают и исчезают, и что вообще природа движется далеко не в таком тесном круге, как думали раньше. В обоих случаях материализм является существенно диалектическим

---

* В рукописи: «Г. Каменский,—замечает он и т. д.—„Русское богатство“, стр. 181, до слов: есть догадка г. Каменского».

Цитата из обозрения Н. К. Михайловского «Литература и жизнь. О новых словах и „Новом слове“»—«Русское богатство», 1897 г., №10, стр. 161—195 (Собр. соч. Н. К. Михайловского, т. VIII, изд. 1914 г., стр. 689).—*Ред.*

и делает излишней всякую философию, предъявляющую претензию стать выше других наук»]*.

Теперь г. Михайловский видит, что, по мнению Энгельса, современный материализм есть именно материализм диалектический. Трудно усомниться в том, что Энгельс был приверженцем этого материализма, но я хочу устранить всякую возможность такого сомнения. Вот собственное признание Энгельса[23]. «Marx und ich waren wohl ziemlich die einzigen, die aus der deutschen idealistischen Philosophie die bewusste Dialektik in die materialistische Auffassung der Natur und Geschichte hinüber gerettet haben»**. Г. Михайловский спросит: а что же означает выражение исторический материализм, употреблявшееся иногда Энгельсом и заимствованное у него Лабриола? Я растолкую ему и это.

38 | Материалистическое миросозерцание Маркса—Энгельса охватывало—как мы только что видели—и природу, и историю. И в том, и в другом случае оно было «существенно диалектическим». Но, поскольку диалектический материализм касался истории, Энгельс называл его иногда историческим. Этот эпитет не характеризует материализма, а лишь обозначает одну из тех областей, к объяснению которых он применяется. Что может быть проще этого?***

38 bis <83> | У Г. И. Успенского в «Разореньи» фигурирует пожилой чиновник Павел Иваныч Печкин, у которого под неожиданным напором новых жизненных явлений ужасно перепутались все

39 <84> понятия | и представления, вследствие чего он уже не рассуждал и не спорил, а просто кстати и некстати изрекал какую-то «сердитую чушь». Зайдет, например, речь о железной дороге, Печкин брюзжит: «Железная дорога! Ну что такое железная дорога? Железная дорога, железная дорога! А что такое? В чем дело?.. неизвестно!» В последнее время г. Михайловский начинает обнаруживать довольно сильное сходство с этим чиновником. Он брюзжит совершенно, как Павел Иваныч: «Диалектический материализм! Ну что такое диалектический материализм? Диалектический материализм, диалектический материализм! А что такое? В чем дело?.. неизвестно!» Печкин нес свою сердитую чушь оттого, что голова его была, по выражению Г. И. Успенского, разорена современностью до последней возможности. | Неужели голова 40
г. Михайловского находится в том же печальном поло-<85>жении?

Название: диалектические материалисты кажется ему «неуклюжим». Может быть это и так, но легко избежать его употребления; можно сказать просто: современные материалисты. Если я до сих пор редко пользовался этим термином, то лишь потому, что считал нужным оттенить и подчеркнуть характер современного материализма. Теперь эта цель, надеюсь, достигнута; поэтому теперь вместо диалектический материализм, диалектические материалисты я могу говорить: современный материализм, современные материалисты.

Замечу также, | что в терминологии г. Михайловский плохой судья. Еще не так давно он осуждал термин: «производители»[24],—конюшней, мол, пахнет?! Что прикажете возразить на это? Со времени выхода сен-симонистского журнала «Le producteur»[25] в 1825 году термин этот беспрестанно употребляется в Западной Европе и никому конюшни не напоминает. А вот в уме нашего «кающегося дворянина»[26] он вызывает представление о конюшне. Но винить в этом нужно не термин, а, вероятно, воспитание кающегося дворянина. 41 <86>

V

Я говорю в своей статье, что, по мнению г. Михайловского, Луи Блан и г. Ю. Жуковский[27] были такими же «экономическими материалистами», как и нынешние наши сторонники материалистического понимания истории, и что такое мнение может основываться лишь на крайнем смешении понятий[28]. Г. Михайловский с обычною своею мягкостью возражает: | «Это—*неправда* (курсив его), я такого мнения 42
не высказывал». Нет, г. Михайловский, вы его высказали. Вот<87>
ваши подлинные слова[29]: «Г. Бельтов говорит о французских историках [и о французских „утопистах“, оценивая тех и других в меру их понимания или непонимания экономики, как фундамента общественного здания. Странным, однако, образом он совсем не упоминает при этом о Луи Блане, хотя одного предисловия в „Histoire de dix ans“[30] достаточно, чтобы предоставить ему почетное место в ряду первоучителей так называемого экономического материализма. Конечно, тут много такого, с чем г. Бельтов согласиться не может, но тут есть и борьба классов, и характеристика их экономическими признаками, и экономика как скрытая пружина политики, вообще многое, что позже вошло в состав доктрины, так горячо защищаемой г. Бельтовым. Я потому отмечаю этот пробел, что он, во-первых, и сам по себе удивителен и намекает на какие-то по-

---

* В рукописи: «Поэтому я укажу ему на следующие слова Энгельса: Уразумение полной ошибочности, и т. д.—„Развитие научного социализма“, стр. 21—22 до слов: выше других наук».

Цитируется по изданию: Ф. Энгельс, Развитие научного социализма, Женева 1892 г.—Ред.

** «Маркс и я были единственными, которые из немецкой идеалистической философии спасли сознательную диалектику, применив ее к материалистическому пониманию природы и истории».—Ред.

*** Две верхние трети страницы 38 bis зачеркнуты. Зачеркнутое место является почти буквальным повторением стр. 38. Оно воспроизводится нами в другой редакции статьи.—Ред.

бочные цели, не имеющие ничего общего с беспристрастием»]*.

Луи Блану принадлежит почетное место в ряду «первоучителей» так называемого экономического материализма. Прекрасно. Что понимает г. Михайловский под словами: экономический материализм? «Историческую концепцию Маркса—Энгельса». Отсюда следует, что Луи Блан был одним из отцов этой «концепции». А нынешние наши сторонники материалистического понимания истории придерживаются именно этой «концепции». Стало быть, они такие же экономические
43 материалисты, как и | Луи Блан, которому будто бы принадлежит почетное место в ряду их первоучителей. Кто же из нас говорит *«непрàвду»* (курсив на этот раз мой)?

Зная г. Михайловского, я наперед знаю также, каким путем он захочет выйти из неудобного для него положения. Он скажет: но ведь я же прибавил, что у Луи Блана много такого, с чем г. Бельтов согласиться не может, а это значит, что, будучи одним из первоучителей экономического материализма, он все-таки не был таким же экономическим материалистом, как экономические материалисты. У г. Михайловского всегда так выходит, как поется в одной французской песенке:

Ils étaient quatre	Le quatrième dit: ça ne me regarde pas,
Qui voulaient se battre,	Mais cela n'empêche pas,
44 | Mais il y en avait trois	Qu'ils restaient quatre
Qui ne le voulaient pas;	Qui voulaient se battre**.

Но подобная логика способна убедить лишь того, кто во что бы то ни стало хочет быть убежденным, т. е. кого не надо и убеждать. Ссылка на «многое такое» совсем не доказательна ввиду сопровождающих ее собственных слов г. Михайловского: но тут есть и борьба классов, и характеристика [их экономическими признаками, и экономика, как скрытая пружина политики, вообще многое, что позже вошло в состав доктрины, так горячо защищаемой г. Бельтовым]***. Этих слов нельзя понять иначе, чем понял их я, т. е. в том смысле, что

* В рукописи: «Г. Бельтов говорит о французских историках и т. д. Сборник, моя статья, стр. 239, до конца выписки».

Цитата из статьи Утиса (Плеханова) «Несколько слов нашим противникам», напечатанной в сожженном марксистском сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», Спб. 1895 г., стр. 225—259 (Собр. соч., т. VII, стр. 303).—Ред.

** Четыре братца хотели драться,
Из них ни старший, ни меньшой,
Ни средний—в драку ни ногой;
Четвертый рассудил: на лешего мне драться:
Но если разобраться,
То все четыре братца хотели драться.—Пер. С. Хмельницкого.

*** В рукописи: «Но тут есть и борьба классов и характеристика и т. д. Бельтов, 239 до слов: защищаемой г. Бельтовым».

Цитата из той же статьи Утиса (см. предыдущее примечание), представляющая собой часть уже приведенной выше цитаты. Ссылка на Бельтова сделана ошибочно.—Ред.

поскольку у Луи Блана есть и характеристика классов экономическими признаками, и экономика как скрытая пружина и проч., он был таким же экономическим материалистом, как и нынешние наши сторонники материалистического взгляда на историю. Но я понял также, что, | говоря это, г. Михайлов- 45
ский страшно заблуждается, потому что существует огромнейшая, существенная разница между историческими взглядами Луи Блана и «исторической концепцией» современных материалистов. Эта «концепция» имеет ярко и последовательно выраженный материалистический характер, а «экономический материализм» Луи Блана не мешал ему смотреть на историю глазами идеалиста. | И если, 46
несмотря на это, г. Михайловский отнес Луи Блана к числу первоучителей «экономического материализма»,—под которым он понимает современное материалистическое объяснение истории,—то он блестяще доказал этим свое полное незнакомство с делом.

«Экономика как скрытая пружина», «характеристика классов экономическими признаками» и прочие «признаки», на основании которых г. Михайловский отнес Луи Блана к числу «первоучителей экономического материализма», встречаются все вместе и каждый в отдельности еще у французских историков времен реставрации: у Огюстена Тьерри, у Минье и особенно у Гизо. Так как г. Михайловскому, очевидно, совершенно неизвестно все это, то я | готов сообщить ему кое-какие полез- 47
ные сведения по этой части.

Гизо принимал, как известно, деятельнейшее участие в общественном движении, составляющем главную отличительную черту внутренней истории Франции в эпоху реставрации и сводящемся к борьбе буржуазии с духовной и светской аристократией, которая пыталась вернуть свое привилегированное положение, разрушенное революцией. Гизо прекрасно понимал смысл этого движения. В его глазах оно было лишь последним заключительным эпизодом борьбы классов, продолжавшейся в течение многих столетий. Горячие политические споры, которые велись в тогдашней палате, представлялись Гизо все той же многовековой тяжбой «среднего класса» с дворянством. Его собственные симпатии всецело были на стороне буржуазии. | И он служил ей всеми силами, всем сердцем 48
и всем помышлением, поощряя ее вести борьбу до конца. События конца прошлого века были войною,—говорил он,—эта война привела к завоеванию; средний класс завоевал себе достойное его положение; он должен сохранить свое завоевание во что бы то ни стало. Никакое примирение между средним классом и аристократией невозможно до тех пор, пока она не помирится с фактом этого завоевания*. На этом основании

* См. особенно его сочинение: «Du gouvernement de la France depuis la Restauration et du ministère actuel», Paris 1820.—Примеч. Г. В. Плеханова.

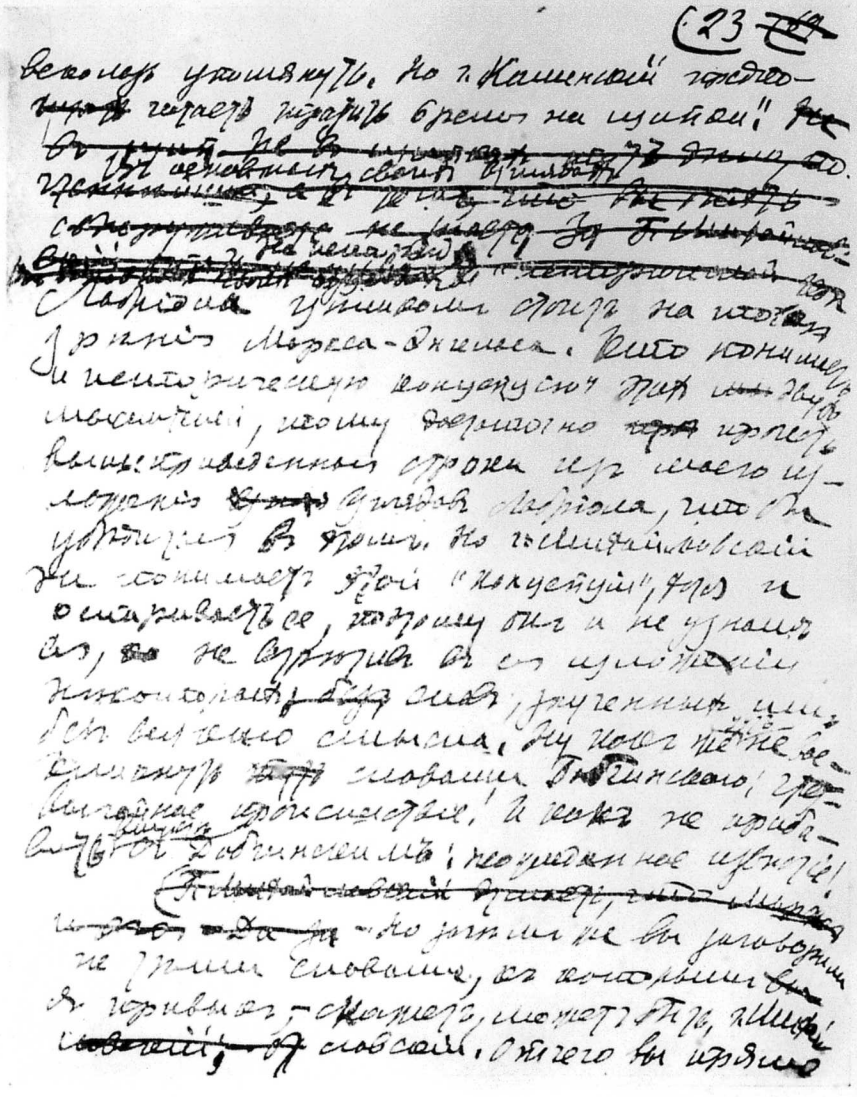
некоторые сторонники старого порядка обвинили его в том, что он заговорил о борьбе классов будто бы с целью разжигания страстей. Он красноречиво и убедительно отвечал на это в длинном «Avant-propos»* к третьему изданию назван-
49 ного мною сочинения. Он доказывает там, что | борьба классов не теория, а факт. «Выразив этот факт,—продолжает он,— я был как нельзя более далек от той мысли, что я сделал открытие или сказал что-нибудь новое. Я хотел только резюмировать политическую историю Франции. Сословная борьба наполняет или, вернее, составляет (sic!) всю эту историю. Это было известно и об этом говорили за много столетий до революции. Это знали и об этом говорили в 1789 году. Это знали и об этом говорили три месяца тому назад (писано в 1820 году). И хотя меня обвиняют теперь в том, что я это сказал, я не думаю, однако, что кто-нибудь позабыл это. Факты не уничтожаются по прихоти и для удобства партий...»

Далее он саркастически замечает, что отрицание факта сословной борьбы во Франции привело бы в крайнее изумле-
50 ние старого | французского историка де-Булэнвиллье[31], равно как и всех тех мужественных представителей третьего сословия, которые отстаивали его права на собраниях генеральных штатов. По его мнению, только выродившиеся потомки аристократии могли отрицать, что их класс был когда-то господином Франции и вел энергичную войну для защиты своего привилегированного положения.

Тут достаточно ярко выразился взгляд Гизо на экономику
51 как скрытую пружину политики; | может быть, г. Михайлов-
<46> скому угодно знать, есть ли у Гизо характеристика классов экономическими признаками? Я отошлю его к «Essais sur l'histoire de France»** и к «Histoire de la révolution d'Angleterre»***. Впрочем, на этот счет никакие сомнения невозможны; а вот взгляд Гизо на «скрытую пружину», обусловливающую распространение в данном обществе тех или других идей, очень мало известен, и на него указать не мешает. Взгляд этот выражается в следующих словах французского историка: «Идеи, учения, даже конституции подчиняются обстоятельствам и добиваются признания лишь тогда, когда служат орудием или
52 гарантией | насущных интересов, сильно давших себя почувствовать»****.

Оказывается, что и Гизо был одним из «первоучителей экономического материализма». Что вы скажете об этом, г. Михайловский? И не потрудитесь ли вы объяснить нам, чем отличается «историческая концепция» бывшего министра Луи

* Предисловие.—Р е д.
** «Очерк истории Франции» (русский перевод вышел в 1860 г.).—Р е д.
*** «История английской революции» (русский перевод вышел в 1877—1880 гг.).—Р е д.
**** «Du gouvernement» и т. д., p. 91.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.



Страница рукописи из статьи «Об „экономическом факторе“»

Филиппа от таковой же «концепции» автора «Капитала»? Вы опять скажете, что, несмотря на все указанные мною «пружины» и «признаки», у Гизо все-таки было «много такого», с чем не могут согласиться нынешние наши последователи материалистического взгляда на историю? Вы будете правы. | Но, во- 53
первых, я отвечу вам, что если это «многое такое» не помешало Луи Блану принадлежать к числу первоучителей, то оно не может помешать в этом и Гизо. А, во-вторых, я посоветую вам вдуматься в то «многое такое», что отличает исторические взгляды Луи Блана и Гизо от «исторической концепции Маркса—Энгельса». Если вы последуете моему совету, то вы и сами увидите, что в основе всего этого «многого такого» лежит убеждение в том, что развитие общественных отношений и учреждений объясняется в последнем счете *свойствами человеческой природы*. Вы, может быть, уже запомнили теперь, г. Михайловский, что по смыслу «исторической концепции» современных материалистов дело не в человеческой природе, а в тех взаимных отношениях, в которые становятся люди благодаря состоянию своих производительных | сил. Это 54
полезно запомнить. Это, можно сказать, именно тот «достаточно, кажется, важный пункт», который отличает «историческую концепцию» современных материалистов от всех старых концепций. Вот этот-то пункт и не позволяет отнести Луи Блана и Гизо к числу «первоучителей» того материализма, который, как мы уже знаем, имеет существенно диалектический характер.

Если г. Михайловский встретит человека, толкующего об «экономии как скрытой пружине политики», который характеризует классы экономическими | признаками (впрочем, иначе 55
их никто не характеризует), который думает, подобно Гизо, что историю составляет борьба классов, но который вместе *с тем не знает, откуда берется сама «экономия»*, и старается объяснить ее происхождение и развитие свойствами человеческой природы, то пусть наш субъективист называет его как угодно, но пусть он помнит в то же время, что основная точка зрения этого человека противоположна точке зрения современного диалектического материализма.

Взять хотя бы г. Жуковского. Г. Михайловский не знает, куда его зачислить: «в экономические или диалектические материалисты». Это незнание опять обусловливается тем, | что 56
наш субъективист не понимает диалектического материализма. А если бы он понимал его, то ему достаточно было бы спросить себя: объясняет ли г. Жуковский происхождение и развитие общественно-экономических отношений развитием производительных сил? Если из сочинений этого писателя видно, что—да, то г. Михайловский, ни минуты не колеблясь, должен назвать его диалектическим материалистом; а если—нет, то называть его так можно только по недоразумению. Я думаю,

что в сочинениях г. Жуковского совсем нельзя найти указанного мною признака, и я останусь в этом убеждении до тех пор, пока мой противник не докажет мне противного. Думаю, что он этого никогда не докажет. Ну, а если бы доказал? Это не имело бы никакого влияния на ход и исход нашего спора*.

[57] | Наивная Гретхен не знала, что иногда «несколько иные
58 слова» коренным образом изменяют все дело. Не знает этого, повидимому, и еще кое-кто.

Я не помню той «старой статьи» г. Жуковского[32], но выписки, сделанные из нее в статье г. Михайловского, дают повод думать, что он говорит о факторах «несколько иными словами», чем говорю я.

Вот что читаем мы у г. Михайловского: «Указав на три элемента, „определяющих в каждое данное время [гражданское сознание общества“,—юридический, политический и экономический,—г. Жуковский продолжает: юристы, политики и экономисты забывают, что „каждый из них изучает одну только произвольную отвлеченную сторону общества, которая может быть обособлена в видах удобства самого изучения только условно и не имеет реальной самостоятельности и, следовательно, немыслима сама по себе, и имеет этот смысл только в общей связи с другими“. И далее: „Рассуждая над обществом чисто теоретически, можно отвлекать одну сторону от другой, можно выставить на вид выводы и требования одной какой-либо стороны. Но было бы крайним заблуждением“ и т. д.»]**.

58

VI

Но пора вернуться к вопросу о «факторах».

Мы знаем, что по учению современных материалистов экономические отношения всякого данного общества обусловливаются не свойствами человеческой природы, а состоянием общественных производительных сил. Вместе с ростом этих [сил] изменяются и общественно-экономические отношения. С переменой этих отношений изменяется и природа общественного человека. А с изменением этой природы изменяется и взаимное отношение различных факторов общественной жизни. Это крайне важный «пункт»; можно сказать, что кто его понял, тот понял все дело.

---

* Стр. 57 отсутствует, но имеются две стр. 58. Повидимому следующая страница помечена ошибочно цифрой 58 вместо 57.—Ред.

** В рукописи: «Указав на три элемента, определяющих в каждое данное время и т. д. „Русское богатство“, стр. 185—186 до слов: и т. д.».

Цитата из обозрения Н. К. Михайловского «Литература и жизнь»—«Русское богатство», 1897 г., № 10 (Собр. соч. Н. К. Михайловского, т. VIII, стр. 695).—Ред.

| Допустим сначала, что существуют только два фактора: 59
материальный, или экономический,удовлетворяющий потребности «тела», и духовный, удовлетворяющий потребности «духа»*. Как влияет развитие производительных сил на их взаимное отношение?

Для простоты мы предположим также, что это развитие не ведет к разделению общества на классы.

Производительные силы, находящиеся в распоряжении первобытного человека, крайне слабы; поэтому самая главная часть его времени уходит на заботу о простом поддержании | своей физической жизни. Над ним, стало быть, вполне гос- 60
подствует «экономический фактор». Но по мере того, как растут его производительные силы, у него, за удовлетворением потребностей «тела», остается все больше и больше свободного времени, которым он может воспользоваться в интересах «духа»: он употребляет это время на занятия наукой, искусством и т. д. Таким образом, можно сказать, что по мере развития производительных сил духовный фактор все более и более усиливается и что, следовательно, сама история берет на себя труд опровержения «экономического материализма».

| Так было бы, если бы развитие производительных сил не 60 bis
вело к разделению общества на классы. Но ведь это произвольное предположение. А как бывает в действительности? В действительности развитие производительных сил разрушает первобытное равенство, создает богачей и бедняков. У бедняков, как | и у первобытных дикарей, очень мало времени 61
для удовлетворения потребностей «духа». Экономический фактор по необходимости занимает все поле их зрения, и когда какой-нибудь старой вдове случается потерять единственного сына, она выражает свое горе приблизительно такими словами:

| Кто приголубит старушку безродную? 61 bis
Вся обнищала в конец! <55>
В осень ненастную, в зиму холодную
Кто запасет мне дровец?
Кто, как износится теплая шубушка,
Зайчиков новых набьет?
Умер, Касьяновна, умер, голубушка,—
Даром ружье пропадет![33]

| А богатые или хотя бы просто обеспеченные люди? Эконо- 62
мический фактор не занимает у них всего поля зрения, и у них родительское горе выражается не так, а например хоть следующим образом:

Oh! que de soirs d'hiver radieux et charmants
Passés à raisonner langue, histoire et grammaire,
Mes quatre [enfants groupés sur mes genoux, leur mère
Tout près, quelques amis causant au coin du feu!

---

* Излишне напоминать читателю, что я держусь здесь терминологии г. Кареева.—Примеч. Г. В. Плеханова.

J'appelais cette vie être content de peu!
Et dire qu'elle est morte! Hélas que Dieu m'assiste!
Je n'étais jamais gai quand je la sentais triste;
J'étais morne au milieu du bal le plus joyeux,
Si j'avais, en partant, vu quelques ombres en ses yeux]*[34].

Это не значит, конечно, что богатые или просто обеспеченные люди любят своих близких больше, чем бедняки. Нет, дело тут в иной ассоциации впечатлений. У некрасовской старухи ее привязанность к сыну ассоциировалась с «шубушкой», «зайчиками» и т. п. потому, что его любовь к ней постоянно проявлялась в заботах об удовлетворении потребностей ее «тела». 63 Они были бедны, а бедняк должен погибнуть, если | он сам не может трудиться и если у него нет близких людей, готовых поддержать его своим трудом. Если бы некрасовская старуха была богата, то любовь к ней ее сына не проявлялась бы в заботах о насущнейших потребностях ее «тела»: эти потребности удовлетворялись бы посредством денег, и нежная заботливость ее сына направилась бы на удовлетворение тех или иных потребностей ее «духа». И если бы он умер раньше ее, то у нее не было бы никакого повода вспоминать о нем по поводу «дровец» или «шубушки». Но зато она тем чаще вспоминала бы об его почтительности или о том, как он ласкался к ней в детстве, в то 64 время | когда она, «довольствуясь малым», т. е. не зная ровно никакой материальной нужды, тем свободнее предавалась нежному материнскому чувству. Повторяю, дело тут не в глубине или тонкости чувств, а в ассоциации впечатлений, которая зависит от большей или меньшей степени зажиточности, т. е. от экономической причины. Как бы то ни было, несомненно, что при разделении общества на классы экономический фактор играет неодинаковую роль в жизни людей, принадлежащих к различным классам, и что эта неодинаковость его роли определяется экономической структурой общества.

Это интересный вывод: роль экономического фактора опре- 65 деляется общественно-экономической структурой. Значит, | экономическая структура и экономический фактор не одно и то же? Совсем нет, и крайне удивительно, как не поняли этого г. Кареев и его единомышленники.

Экономической структурой общества называется совокупность тех взаимных отношений, в которые становятся люди в процессе своей производительной деятельности. Эта их производительная деятельность имеет в виду не только потребности их «тела», как думает г. Кареев. Но если бы она действительно 66 преследовала одну эту цель, то и тогда нелепо было бы | отождествлять производительную деятельность людей с теми

* В рукописи: «Oh! que de soirs d'hiver, radieux et charmants, passés à raisonner langue, histoire et grammaire! Mes quatre и т. д. Engel, стр. 480 до конца выписки».

Цитата из стихотворения Гюго, приведенного в книге Eduard Engel, Geschichte der französischen Literatur, Leipzig 1891 (перевод см. в примечании).—Ред.

взаимными отношениями, в которые они становятся, занимаясь ею. Наши противники никак не могут понять, что, когда мы говорим об экономической структуре, мы говорим именно об этих отношениях.

Читателю уже известно, чем обусловливается экономическая структура общества. | Она не есть causa sui*. Но раз она суще- 67 ствует, она определяет собой всю возвышающуюся над ней надстройку. И, несмотря на это, все-таки нельзя повсюду лезть с «экономикой» при объяснении общественных явлений.

В первой из своих статей о судьбах русской критики я, стараясь выяснить г. Волынскому[35] взгляд современных материалистов на развитие литературы и искусства, указал между прочим на французскую живопись. Вернемся к этому примеру.

Передо мной лежит фотография с знаменитой картины Давида[36] «Les licteurs rapportent à Brutus les corps de ses fils»**. | Я спрашиваю себя: как возникла школа Давида из общественных отношений производства. 68

В интересах правильного решения этого вопроса надо помнить, что далеко не все части «надстройки» непосредственно вырастают из экономической основы: искусство связано с нею лишь посредственно. Поэтому в рассуждениях об искусстве | необходимо принимать в сообра- 69 жение промежуточные инстанции. Посмотрим же, как решается заинтересовавший меня вопрос при посредстве промежуточных инстанций***.

VII

Развитие экономических отношений во Франции выдвинуло третье сословие, которое по фактическому значению своему было «всем», а по правовому—«ничем». Это противоречие естественно вызывало в нем недовольство, которое, усиливаясь все более и более, породило в его лучших представителях стремление устранить старый порядок во что бы то ни стало. Раз явилось это стремление, должно было явиться и сознание того, что «дело веков поправлять не легко» и что устранение отжившего свой век порядка потребует много самоотвержения со стороны новаторов. Вместе с этим сознанием,—и как необходимое его следствие,— | явилось сочувствие к людям, про- 69 bis являвшим самоотверженную любовь к родине в другие эпохи и у других народов. Самые яркие примеры такой любви да-

* Причина себя.—Ред.

** «Ликторы приносят Бруту тела его сыновей».—Ред.

*** Стр. 69 имеется в двух экземплярах. На одном написаны приведенные нами в тексте шесть строк, после которых стоит «см. стр. 69 bis». Нижняя половина страницы оторвана. Второй экземпляр имеет ту же нумерацию 69, но кроме того на нем имеется ряд перечеркнутых цифр: 69 bis, перечеркнутое дважды, и 99. Эта страница начинает новую главу VII, но сверху в углу приписаны слова, заканчивающие предыдущую главу: «иногда довольно длинный ряд промежуточных инстанций».—Ред.

70 вала тогда | история древнего мира. И вот передовые люди Франции обращаются к этой истории: вспомните рассказ М-me Роллан[37], о том, как она в юности зачитывалась Плутархом[38]. После этого уже нельзя удивляться тому, что Давид написал своего Брута; не удивителен и тот успех, который имела его картина; не удивительно, наконец, даже и то, что она была лишь выполнением официального заказа. Это последнее об-
71 стоятельство хорошо разъясняет Эрнест Шесно[39]. «В последние годы царствования Людовика XVI,—говорит | он,—всеобщее увлечение древними республиками вызвало в официальном мире живой интерес к художественному воспроизведению—в пластике, живописи и литературе—подвигов греческих и особенно римских героев. Уступая этому направлению французского вкуса, господин д'Анживиллье, директор всех королевских зданий, поручил Давиду нарисовать две картины, окончательно упрочившие его репутацию: „Le serment des Horaces“* и „Les licteurs rapportent à Brutus les corps de ses fils“»**[40]. Д'Анживиллье был увлечен напором общественного мнения, а направление общественного мнения определилось тогдашними общественными отношениями Франции, которые, в свою очередь, созданы были развитием ее производительных
72 сил, глубоко видоизменившим всю ее «экономику». | Все это понятно, и Шесно справедливо замечает: «Давид точно отражал национальное чувство, которое рукоплескало своему собственному изображению. Он писал тех самых героев, которых публика принимала за образец; восторгаясь его картинами, она укрепляла свое восторженное отношение к этим героям. Отсюда—та легкость, с которой совершился в искусстве переворот, подобный перевороту, происходившему в нравах и в общественном строе»***.

Указанные причины объясняют выбор Давидом сюжетов для своих картин. Но сделанный им переворот в искусстве,
73 разумеется, не ограничивался этим выбором. | Изменилось все отношение художников к своему искусству. Школа, против которой восстал Давид, отличалась страшной манерностью, слащавостью и вычурностью, дошедшими до последних пределов у Карла Ван-Лоо[41] и его учеников. Художественная деятельность Давида была реакцией против этого вычурного и слащавого направления. Поэтому вычурность и слащавость заменились у него суровою простотою****. Но где же он мог найти

* Клятва Горациев.—Р е д.

** La peinture française au XIX siècle, 3éd., p. 10.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

*** Там же, стр. 18.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

**** «Autant on a été loin dans le contourné, le fadement gracieux, autant on va vouloir réagir dans le simple et dans l'austère»—A r s è n e A l e x a n d r e, Histoire populaire de la peinture, école française, p. 254. [Чем дальше заходила вычурность и жеманство, тем сильнее была реакция в сторону простоты и суровости—Арсэн Александр, Общедоступная история живописи, французская школа, стр. 254].—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

лучшие образцы такой простоты? Опять-таки в древности и опять преимущественно в римской древности, с которой были тогда гораздо лучше знакомы, чем с греческой. И вот Давид берет за образец древних. Но древняя живопись известна очень мало; для новейших народов | искусством, наиболее ярко вы- 74
ражающим эстетические понятия древних, является скульптура. Легко показать, что этим обусловливаются все главнейшие недостатки школы Давида. Но мы не можем вдаваться здесь в подробности; скажем одно: именно благодаря этому обстоятельству каждая из «исторических» картин Давида представляет собою лишь большее или меньшее число прекрасно нарисованных статуй*.

Этот коренной недостаток тотчас же был замечен, когда буржуазия прониклась другим настроением, завоевав себе новое положение во Франции. Но в | восемнадцатом веке его 75
никто не замечал, потому что он был тесно связан с указанным выше и важнейшим для того времени достоинством живописи Давида.

Можно сказать, пожалуй,—как говорили не раз,—что Давид и его ученики [42] вообще лишены были нужного настоящему живописцу темперамента. Э т о г о недостатка, конечно, нельзя объяснить ни предшествующим появлению Давида состоянием французской живописи, ни влиянием античного искусства. Но и он очень хорошо | объясняется тогдашним 75 bis
о б щ е с т в е н н ы м состоянием Франции, сильно способ- <104>
ствовавшим развитию рассудочности, но неблагоприятным для развития х у д о ж е с т в е н н ы х талантов. У Давида рассудочность совершенно преобладала над воображением, отчего он, разумеется, много терял как живописец. | Живописцы-ро- 76
мантики бесспорно имели гораздо более художественную орга- <105>
низацию, чем живописцы школы Давида. Но романтизм соответствует иной ступени общественного развития Франции.

Итак, переворот, совершенный в живописи Давидом, был лишь художественным выражением освободительной борьбы третьего сословия. Если я знаю, как относится это движение к развитию экономической структуры французского общества, то я умею связать с этим развитием и художественную деятельность Давида. | Но непосредственное обращение к «эко- 77
номике» ничего в ней не объясняет, и могло бы явиться лишь плодом неясного понимания «исторической концепции» современных (д и а л е к т и ч е с к и х, г. Михайловский) материалистов.

* Из этого видно, что искусство данной эпохи, как и всякая другая идеология, как и вся общественная психология, отражая общественные отношения, в то же время с формальной стороны тесно связано—в положительном или в отрицательном смысле—с искусством предшествующей эпохи или предшествующих эпох. Это всегда надо помнить при изучении истории идеологий.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

Чтобы покончить с вопросом о «факторах», я приведу еще пару примеров.

78 | Революционная эпоха сразу выдвинула множество замечательных ораторов: Мирабо, Барнав[43], жирондисты и многие из монтаньяров были настоящими мастерами слова. У кого учились они своему искусству? У великих французских трагиков, доведших до совершенства «l'art de bien dire»*. Таким образом, трагедия является в качестве «фактора», повлиявшего на развитие политического красноречия, которое было страшным оружием в руках тогдашних общественных деятелей. Другой пример. В конце 18-го и в начале 19-го века французская литература подвергается сильнейшему влиянию со стороны политического «фактора», между тем как влияние на нее «экономики» очень мало заметно. Вот вам прекрасный случай для выражения вашего благородного негодования против «неразумных | учеников», будто бы не признающих никакого другого «фактора», кроме «экономического». Но если, отведя душу горячей тирадой против них, вы захотите узнать, чем же обусловливается взаимное и—заметьте это!—постоянно изменяющееся отношение всех этих «факторов», то вы будете блуждать в потемках до тех пор, пока не обратитесь к тем же неприятным «ученикам», которые скажут вам вот что.

79

Данным состоянием производительных сил обусловливается известная экономическая структура общества. На этой структуре вырастают известные правовые и политические отношения. Совокупность всех этих отношений отражается в сознании людей и обусловливает собою их поведение. Иногда «экономика» влияет на поступки людей через посредство «политики», иногда через посредство философии, иногда через

80 | посредство искусства или какой-нибудь другой идеологии, и только по временам, на п о з д н е й ш и х с т у п е н я х о б щ е с т в е н н о г о р а з в и т и я, экономика является в сознании людей в своем собственном «э к о н о м и ч е с к о м» виде. Чаще всего она влияет на людей через посредство всех этих факторов вместе, причем их взаимное отношение, равно как и сила каждого из них в отдельности, зависит от того, какие именно общественные отношения выросли на данной экономической основе, что, в свою очередь, определяется характером этой основы.

На различных стадиях экономического развития общества всякая данная идеология в неодинаковой степени испытывает на себе влияние других идеологий. Вначале право подчиняется религии, затем—как, например, в 18-м веке—оно

81 подпадает под влияние | философии. Чтобы устранить влияние религии на право, философия должна была выдержать сильнейшую борьбу. Эта борьба представляется борьбой отвлеченных понятий, и нам кажется, что всякий данный «фактор» приобретает или утрачивает свое значение благодаря своей собственной силе и имманентным законам развития этой силы, между тем как на самом деле его судьба целиком определяется ходом развития общественных отношений.

* Искусство красноречия.—Р е д.

До какой степени судьба всякого отдельного «фактора» зависит даже от второстепенных особенностей этих отношений, может показать сравнение французской революции с английской. Еще Гизо в предисловии к своей «Histoire de la révolution d'Angleterre» верно указал на то, что обе эти революции вышли из одних и тех же причин и имели | одинаковые 82
цели («la tendance était la même comme l'origine; les désirs, les efforts, les progrés sont dirigés vers le même but»)*. Но одинаковые тенденции выразились в Англии не так, как во Франции. В первой из этих стран они приняли р е л и г и о з н у ю, а во второй—ф и л о с о ф с к у ю окраску. Это различие в роли «ф а к т о р о в» произошло от некоторых второстепенных различий во взаимных отношениях общественных классов.

Выше мы предположили, что существует только два фактора. Теперь мы должны признать, что их очень много. Во-первых, каждая отдельная научная «дисциплина» имеет дело с отдельным «фактором». Во-вторых, и в отдельных дисциплинах можно насчитать по нескольку факторов. Фактор ли литература? Фактор. А драматическая поэзия? Тоже фактор. А трагедия? Я не вижу, на каком основании можно было бы не признать фактором и ее. А мещанская драма? И она фактор. Словом, факторам несть числа.

Когда противники материалистического понимания истории говорят, что развитие человечества совершается под влиянием многих и весьма различных факторов, они высказывают весьма почтенную истину; но эта почтенная истина сводится к тому, | что фактические отношения людей в обществе и исто- 83
рическое развитие этих отношений о т р а ж а ю т с я в ч е л о в е ч е с к о м с о з н а н и и п о д о ч е н ь м н о г и м и и о ч е н ь р а з л и ч н ы м и у г л а м и, л е ж а щ и м и н а р а з л и ч н ы х п л о с к о с т я х. Эта неоспоримая истина не может быть пределом нашего научного познания общественных явлений. Так, признав, что английская революция совершилась под сильнейшим влиянием р е л и г и о з н о г о «фактора», мы должны найти о б щ е с т в е н н ы е причины, обусловившие собою это влияние. Точно так же, признав, что французское общественное движение прошлого века совершалось под ф и л о с о ф с к и м знаменем, мы должны найти общественную причину преобладания философии. А так как мы уже знаем, чем обусловливаются общественные отно-

* «Их тенденции и происхождение были одни и те же; желания, усилия стремления направлялись к одной и той же цели».—Р е д.

84 шения людей, то | многочисленность и многообразие факторов нисколько не мешают нам смотреть на историю с точки зрения материалистического монизма.

Г. Михайловский, прочитав мою статью о материалистическом понимании истории, вообразил, что я начинаю смотреть на общественную жизнь глазами подобных ему эклектиков. Наш маститый социолог обнаружил наивность юной Гретхен:

Ungefähr sagt das der Pfarrer auch,
Nur mit ein bischen andern Worten*.

Ввиду этой юной наивности я могу возразить лишь словами Фауста[44]:

Mischör mich nicht,
Du holdes Angesicht**.

85 | Если бы читатель спросил меня, существуют ли на самом деле такие «экономические материалисты», которые всюду лезут с экономическим фактором, то я ответил бы, что существуют. В восьмидесятых годах представителем такого будто бы материализма явился известный экономист Г. де-Молинари[45] в своем сочинении «L'évolution politique»***, печатавшемся в «Journal des économistes»[46]. Для Молинари война есть коммерческий гешефт, приносящий прибыль или убыток; республика—товарищество на паях; монархия—единоличное предприятие и т. д. и т. д. Тот же Молинари считает буржуазный экономический порядок естественным порядком экономи-
86 ческих отношений. Это уже, конечно, полный абсурд. | Но довольно значительный элемент такого будто бы материализма был еще у французских историков первой половины нашего века. Место не позволяет мне останавливаться здесь на этом. Но я собираюсь побеседовать с читателем о книге Токвиля «Демократия в Америке», недавно вышедшей в русском переводе г. Линда. Тогда я коснусь и этого предмета.

А к каким материалистам принадлежит г. Туган-Барановский[47], об этом не станет и спрашивать тот, кто прочел и понял его книгу о кризисах. Но г. Туган-Барановский употребляет неправильные термины, чем очень радует некоторых «литературных акробатов»[48], не имеющих никакого понятия о существе дела и [не способных] пойти дальше чисто словесных препирательств.

Г. Михайловский не знает, к кому относится употребленное мною выражение: самозванец, всуе приемлющий великое имя[49]. Выскажусь определеннее. По-моему, самозванец у нас

* «Нам это патер так же объясняет, немножко лишь в других словах».—Ред.

** «Пойми же, ангел мой».—Ред.

*** «Политическая эволюция».—Ред.

тот, кто предлагает «обществу» «решать» такие «задачи», которых оно, по своему экономическому положению, даже и понять не может. Пусть г. Михайловский ответит мне, есть ли у нас писатели, делавшие обществу такие детски-наивные предложения. Есть? Ну, стало быть, нечего и толковать.

VIII

87

Перехожу к другим «пунктам» статьи г. Михайловского. По его словам, я «воскрешаю гегелианство». Это, разумеется, «*неправда*» (курсив опять мой). Гегель был идеалист, а меня по совести не примет за идеалиста даже человек, знакомый с философией лишь «по Льюису»[50]. Если же говорить против совести, то можно, разумеется, и меня объявить идеалистом. В доказательство | можно, пожалуй, сослаться на то, 87 bis
что я говорю о Гегеле с величайшим уважением. Но уважать <22>
Гегеля меня научил еще автор примечаний к Миллю[51]. Вот что пишет он в разборе своей собственной диссертации об эстетических отношениях искусства к действительности[52].

«Г. Чернышевский совершенно принимает справедливость современного направления науки [и, видя, с одной стороны, несостоятельность прежних метафизических систем, с другой стороны, неразрывную связь их с господствующею теориею эстетики, выводит из этого, что господствующая теория искусства должна быть заменена другою, более сообразною с новыми воззрениями науки на природу и человеческую жизнь. Но прежде, нежели займемся мы изложением его понятий, составляющих только применение общих воззрений нового времени к эстетическим вопросам, мы должны объяснить отношения, связывающие новые воззрения со старыми в науке вообще. Часто мы видим, что продолжатели ученого труда восстают против своих предшественников, труды которых служили исходною точкою для их собственных трудов. Так, Аристотель враждебно смотрел на Платона, так, Сократ безгранично унижал софистов, продолжателем которых был. В новое время этому также найдется много примеров. Но бывают иногда отрадные случаи, что основатели новой системы понимают явно связь своих мнений с мыслями, которые находятся у их предшественников, и скромно называют себя их учениками; что, обнаруживая недостаточность понятий предшественников, они с тем вместе честно выказывают, как много содействовали эти понятия развитию их собственной мысли. Таково было, например, отношение Спинозы к Декарту. К чести основателей современной науки должно сказать, что они с уважением и почти сыновнею любовью смотрят на своих предшественников, вполне признают величие их гения и благородный характер их учения, в котором показывают зародыши собственных воззрений. Г. Чернышевский понимает это и сле-

дует примеру людей, мысли которых применяет к эстетическим вопросам»]*.

88 | Учителем Чернышевского в философии был Фейербах,
<23> а человек, из философии которого вышла система Фейербаха и к которому Чернышевский, по примеру Фейербаха, относился с таким огромным уважением, был тот самый Гегель, в сочинениях которого г. Михайловский усматривает лишь «метафизику». Впрочем, я выразился, кажется, не совсем точно. Можно ли сказать, что г. Михайловский усматривает в сочинениях Гегеля то или [э]то, когда он не видел этих сочинений? Тут следовало бы подобрать другое выражение, но я надеюсь, что моя мысль все-таки понятна читателю.

С таким же огромным уважением говорит Чернышевский
89 о Гегеле и в своих | «Очерках гоголевского пе-
<24> риода русской литературы». Г. Михайловский с большой пользой для себя прочтет, например, хоть следующие строки:

«Мы столь же мало последователи Гегеля, как и Декарта или Аристотеля. [Гегель ныне уже принадлежит истории, настоящее время имеет другую философию и хорошо видит недостатки гегелевой системы; но должно согласиться, что принципы, выставленные Гегелем, действительно, были очень близки к истине, и некоторые стороны истины были выставлены на вид этим мыслителем с истинно поразительною силою. Из этих истин открытие иных составляет личную заслугу Гегеля; другие, хотя и принадлежат не исключительно его системе, а всей немецкой философии со времен Канта и Фихте, но никем до Гегеля не были формулированы так ясно и высказываемы так сильно, как в его системе»]**.

Вот совершенно так смотрю на Гегеля и я многогрешный. Я столь же мало стремлюсь воскрешать «гегелианство», как и картезианизм, но я знаю, что «принципы, выставленные Гегелем, действительно были очень близки к истине, и некоторые стороны истины были выставлены на вид этим мыслителем

* В рукописи: «Но уважать Гегеля меня научил еще автор примечаний к Миллю. Вот что пишет он в разборе своей собственной диссертации об эстетических отношениях искусства к действительности: Г. Чернышевский совершенно принимает справедливость направления науки и т. д.—см. мою тетрадь, до слов: к эстетическим вопросам».

Цитата из статьи Н. П-ъ «Эстетические отношения искусства к действительности. Соч. Н. Чернышевского, Спб. 1855 г.», напечатанной в «Современнике» за 1855 г., № 5. За псевдонимом Н. П-ъ скрывался сам Чернышевский.

Цитируется по полному Собр. соч. Н. Г. Чернышевского, Спб. 1906 г., т. X, ч. 2, стр. 174—175.—Р е д.

** В рукописи: «Мы столь же мало последователи Гегеля, как и Декарта или Аристотеля и т. д. „Очерки", стр. 258, до слов: в его системе».

Цитируется по изданию М. Н. Чернышевского, Спб. 1892 г. («Современник», 1855—1856 гг.). В Собр. соч. Н. Г. Чернышевского, изд. 1906 г., см. т. II, стр. 185—186.—Р е д.

с истинно поразительной силой». И я высказываю это в своих статьях. Г. Михайловский недоволен этим. Я скажу ему, как Фон-Визин[53]: «утешительно в человеческом невежестве считать вздором все то, о чем понятия не имеешь».

| Знаете ли, читатель, какие отличительные черты гегелевой философии особенно нравились автору примечаний к Мил- 90
<25> лю? Ненависть к «субъективному» мышлению и диалектический метод. Вас это удивляет? Читайте:

«Прежде всего укажем на [плодотворнейшее начало всякого прогресса, которым столь резко и блистательно отличается немецкая философия вообще и в особенности гегелева система от всех лицемерных и трусливых воззрений, какие господствовали в те времена (начало XIX века) у французов и англичан: „истина—верховная цель мышления; ищите истины, потому что в истине благо; какова бы ни была истина, она лучше всего, что не истинно; первый долг мыслителя: не отступать ни перед какими результатами; он должен быть готов жертвовать истине самыми любимыми своими мнениями. Заблуждение—источник всякой пагубы; истина—верховное благо и источник всех других благ". Чтобы оценить чрезвычайную важность этого требования, общего всей немецкой философии со времени Канта, но особенно энергически высказанного Гегелем, надобно вспомнить, какими странными и узкими условиями ограничивали истину мыслители других тогдашних школ: они принимались философствовать не иначе, как затем, чтобы „оправдать дорогие для них убеждения", т. е. искали не истины, а поддержки своим предубеждениям; каждый брал из истины только то, что ему нравилось, а всякую неприятную для него истину отвергал, без церемонии признаваясь, что приятное заблуждение кажется ему гораздо лучше беспристрастной правды. Эту манеру заботиться не об истине, а о подтверждении приятных предубеждений немецкие философы (особенно Гегель) прозвали „субъективным мышлением", философствованием для личного удовольствия, а не ради живой потребности истины. Гегель жестоко изобличал эту пустую и вредную забаву»]*.

Не правда ли, это замечательный отрывок? Он очень хорошо объясняет, почему наши «передовые» люди совсем возненавидели Гегеля с тех пор, как предались «пустой и вредной забаве», называемой «субъективным мышлением». | А 91
теперь послушайте, что говорит Чернышевский о диа- <26>
лектике.

* В рукописи: «Прежде всего укажем на и т. д., стр. 258 и т. д. до слов: эту пустую и вредную забаву».

Цитируется по указанному выше изданию «Очерков гоголевского периода», Спб. 1892 г. (Собр. соч. Чернышевского, изд. 1906 г., т. II, стр. 186—187).—Р е д.

«Как необходимое предохранительное средство против поползновений уклониться от истины [в угождение личным желаниям и предрассудкам, был выставлен Гегелем знаменитый „диалектический метод мышления". Сущность его состоит в том, что мыслитель не должен успокаиваться ни на каком положительном выводе, а должен искать, нет ли в предмете, о котором он мыслит, качеств и сил, противоположных тому, что представляется этим предметом на первый взгляд: таким образом, мыслитель был принужден обозревать предмет со всех сторон, и истина являлась ему не иначе, как следствием борьбы всевозможных противоположных мнений. Этим способом, вместо прежних односторонних понятий о предмете, мало-помалу являлось полное, всестороннее исследование и составлялось живое понятие о всех действительных качествах предмета. Объяснить действительность стало существенною обязанностью философского мышления. Отсюда явилось чрезвычайное внимание к действительности, над которою прежде не задумывались, без всякой церемонии искажая ее в угодность собственным односторонним предубеждениям. Таким образом, добросовестное, неутомимое изыскание истины стало на месте прежних произвольных толкований. Но, в действительности, все зависит от обстоятельств, от условий места и времени,—и потому Гегель признал, что прежние общие фразы, которыми судили о добре и зле, не рассматривая обстоятельств и причин, по которым возникало данное явление,—что эти общие, отвлеченные изречения не удовлетворительны: каждый предмет, каждое явление имеет свое собственное значение, и судить о нем должно по соображению той обстановки, среди которой оно существует; это правило выражалось формулою: „отвлеченной истины нет; истина конкретна", т. е. определительное суждение можно произносить только об определенном факте, рассмотрев все обстоятельства, от которых оно зависит»]*.

Из этого видно, что диалектический метод вовсе не такая плохая вещь, как это, повидимому, думает г. Михайловский. Видно также, что, по существу, диалектику могут осуждать только люди, склоняющиеся к «субъективному мышлению». Видно, наконец, что если я «воскрешаю гегелианство», отстаивая диалектику, то это «зло не столь большой руки», и уж, конечно, не Чернышевский осудил бы меня за это. Притом же в руках современных материалистов диалектический метод приобретает совсем новое важное значение.

«Моя диалектическая метода, [—говорит автор „Капитала"]*,—в своей основе не только отлична от гегелевой, но составляет прямую ее противоположность. | Для Гегеля процесс мышления, превращаемый им, под именем Идеи, в самостоятельного субъекта, является Демиургом действительности. А у меня, наоборот, идеальное есть лишь отражение и перевод материального в человеческой голове. В своей мистифицированной форме диалектика сделалась немецкой модой, потому что ее считали оправданием всего существующего. В ее рациональном виде она противна бюргерству и его теоретическим выразителям, потому что, вместе с объяснением существующего, она объясняет также необходимость его отрицания и исчезновения; потому что она рассматривает всякую данную форму в потоке движения, т. е., следовательно, | с преходящей стороны; потому что она ни перед чем не останавливается и имеет существенно критический и прогрессивный характер»[54]. 92 93

Я считаю за честь «воскрешать» этот метод, перед которым не устоят наши «субъективные» измышления и наши утопические «формулы прогресса». Г. Михайловский и сам чувствует, что дело субъективных измышлений и утопических формул обстоит теперь очень плохо; поэтому он прячется за спину наших просветителей[55], а нас выдает за ожесточенных врагов наследства, завещанного нам шестидесятыми годами[56]. Но и это—«н е п р а в д а» (курсив опять мой). | От шестидесятых годов нам досталось различное наследство. Мы унаследовали от них, например, идеи Добролюбова и его друзей[57]. Я приглашаю г. Михайловского показать, где и когда нападали мы на эти идеи. Он никогда не покажет этого по той простой причине, что мы, напротив, защищали их. Но от тех же шестидесятых годов мы унаследовали и Михайловского и некоторых его единомышленников. Э т о г о наследства нам, как говорится, не нужно и даром; от этого наследства мы открещиваемся обеими руками. Открещиваемся, во-первых, потому, что мы вообще не охотники до пустой и вредной забавы, называемой субъективным мышлением; а во-вторых, потому, что пустая и вредная забава, называемая субъективным мышлением, явилась как | реакция против дорогих нам идей Добро- 94 95

* В рукописи: «Как необходимое предохранительное средство против поползновений уклониться от истины и т. д., стр. 259 до конца страницы».

Цитируется по вышеуказанному изданию «Очерков гоголевского периода» (Собр. соч. Чернышевского, изд. 1906 г., т. II, стр. 187—188).—Р е д.

* Слова в прямых скобках взяты нами из другого варианта той же стр. 91. Приводим его:

«Слушайте, что говорит Чернышевский о диалектике. „Как необходимое предохранительное средство против и т. д".

Тут отмечены далеко не все преимущества диалектического метода; но те, которые перечислены, показывают, что в нем нет ничего дурного и что я не очень дурно делал, стараясь «воскресить» его. Во всяком случае автор примечаний к Миллю наверное не осудил бы меня за это. Г. Михайловский наивно считает диалектику—«метафизикой». Он не знает, какое важное значение приобрела она, особенно после Гегеля.

„Моя диалектическая метода,—говорит автор „Капитала",—в своей основе не только отлична от гегелевой, но прямо противоположна ей"».—Р е д.

любовского кружка. Субъективизм утвердился у нас на время единственно потому, что сошел со сцены этот кружок. Г. Михайловский с полным правом может сказать о себе | словами
96 <31>Скалозуба:

Довольно счастлив я в товарищах моих;
Ваканции как раз открыты:
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты...

И если этот человек, на время показавшийся большим оттого, что великие люди удалились, решился обвинять нас в отрицательном отношении к оставшемуся после шестидесятых годов идейному наследству, то он, очевидно, рассчитывал на короткую память читателя. Но, поступая так, он делал
97 очень рискованный шаг. | Память читателя коротка лишь до поры до времени. Что будет, если читатель начнет справляться с метриками? Что будет, если он, наконец, выяснит себе истинное отношение г. Михайловского к наследству, завещанному нам шестидесятыми годами? Будет то, что г. Михайловского и его единомышленников перестанут принимать всерьез даже самые наивные «субъективные юноши». Разумеется, от этого очень много выиграет наше умственное развитие. Но гг. субъективисты не мало потеряют при этом.

IX

Г. Михайловский утверждает, что философские взгляды сотрудников «Нового Слова» еще не выяснились. Он утверждает это на том основании, что одни из этих сотрудников «воскрешают гегелианство» (читатель уже видел, что это значит), а другие склоняются к так называемой критической философии. Но два человека могут иметь очень ясные философские взгляды и в то же время расходиться между собою...*

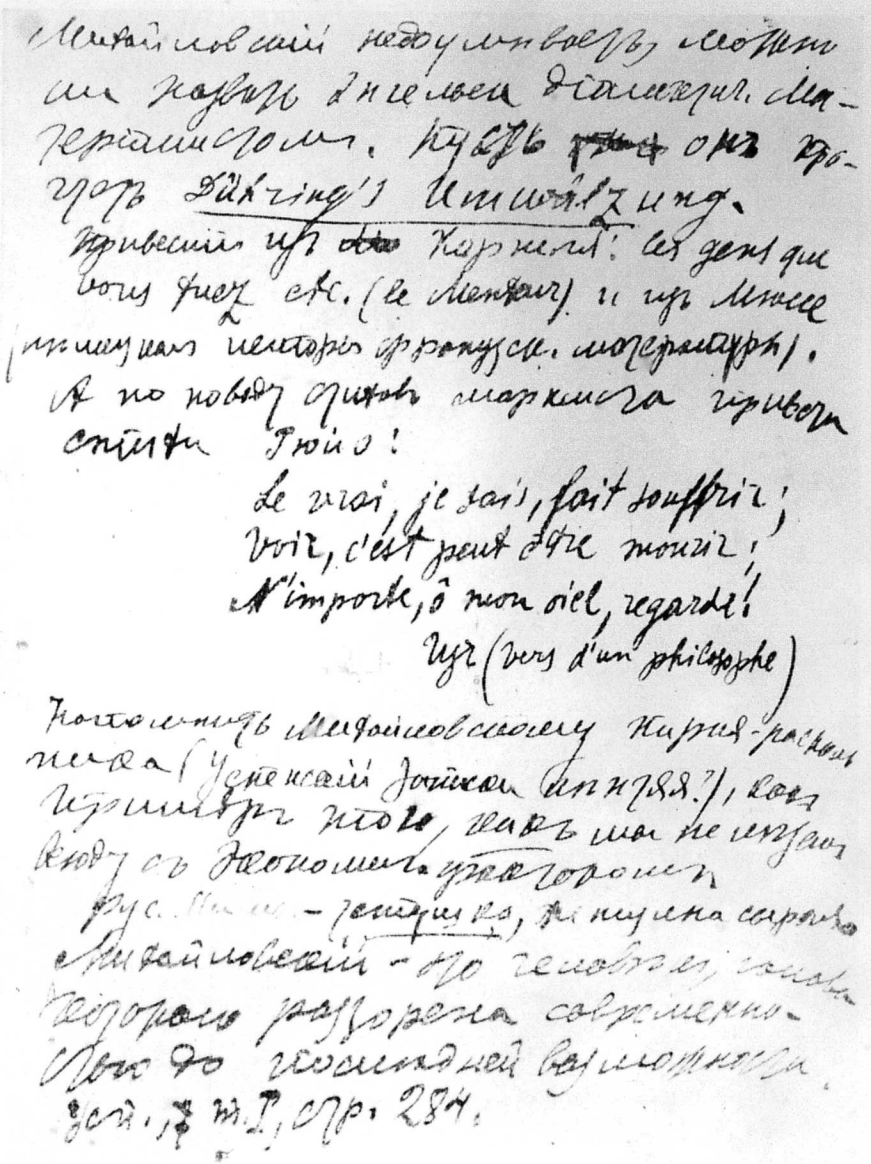
ОБ «ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФАКТОРЕ»

(Первоначальная редакция)

I

1 | В марте прошлого года совершенно обновился, как известно, состав сотрудников «Нового Слова». Его прежние сотрудники, более или менее последовательно державшиеся народнического учения, торжественно удалились и были заменены людьми, относящимися к народничеству и подобным ему направлениям совершенно отрицательно. Это обстоятельство не осталось без заметного влияния на отношение к «Новому Слову» левого крыла наших консерваторов. Находящиеся

* На этом рукопись обрывается.—Ред.



Страница из тетради Плеханова с выписками и заметками (к статье «Об „экономическом факторе“»).

в их руках органы печати стали, как говорится на Западе, б о й к о т и р о в а т ь «Новое Слово»: они не упоминали о нем даже тогда, когда оспаривали высказанные в нем мнения.
| Бойкот продолжался вплоть до выхода октябрьской книжки 2
«Русского Богатства», в которой г. Михайловский заговорил, наконец, о нашем журнале[58]. Вслед за ним выступила в поход против нас и та пухлая московская тетушка, которая в шутку называет себя «Русской Мыслью»[59]. Одновременно с тетушкой ополчился г. Мякотин[60]. Таким образом опять загорается на время затихшая полемика между «учениками», с одной стороны, и левым крылом наших охранителей, с другой.

Это очень хорошо. Полемика очень полезна, разумеется если она ведется по поводу серьезных вопросов. Правда, у нас многие теперь не согласны с этим, многие не любят полемики, особенно резкой полемики. Конечно, о вкусах | не спорят. 3
Но если люди, предубежденные против полемики, имеют в виду интересы истины, то им следовало бы помнить, что горячие полемические схватки иногда безусловно необходимы для защиты этих интересов. Белинский и лучшие люди шестидесятых годов очень любили полемику. Автор «Очерков гоголевского периода русской литературы», оправдывая Надеждина от упреков, которые многие делали ему за его страсть к резкой полемике, замечает:

«Удивительное дело наши литературные [да и всякие другие понятия. Вечно предлагаются вопросы, почему земледелец пашет поле грубым железным плугом или сошником! Да чем же иначе можно вспахать плодородную, но тяжелую на подъем почву? Ужели можно не понимать, что без войны не решается ни один важный вопрос, а война ведется огнем и мечом, а не дипломатическими фразами, которые уместны только тогда, когда цель борьбы, веденной оружием, достигнута? Беззаконно нападать только на безоружного и беззащитного, на старцев и калек, а поэты и литераторы, против которых выступил Надеждин, были не таковы...»]*.

Нам сдается, что мы сердим некоторых почтенных людей именно | тем, что предпочитаем решительные военные действия 4
бессодержательным дипломатическим фразам. Но не мы виноваты в том, что только войной решаются важнейшие вопросы в области жизни и мысли. Видно, уж так самим богом устроено, и вольтерьянцы напрасно говорят против этого.

Итак, мы очень рады вновь начинающейся полемике. Ненавидя всякое фразерство, между прочим и дипломатическое, мы при случае будем очень горячо отстаивать свои мнения;

---

* В рукописи: «Удивительное дело наши литературные и т. д. „Социал-демократ", № 1, стр. 147 в примечании до слов: были не таковы».

Цитируется по статье Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский»—«Социал-демократ», 1890 г., кн. I, стр. 88—175 (Собр. соч., т. V, стр. 89, примеч. 1).— Р е д.

но читатель может быть уверен в том, что о пустяках спорить мы не станем.

Вот, например, г. Михайловский говорит, что «Новому Слову» надо пересмотреть свой багаж «как относительно чисто теоретических положений отвлеченного характера, так и относительно практических выводов». | Мы благодарим знаменитого социолога за добрый совет и тотчас принимаемся за пересмотр нашего багажа. Но так как вещи лучше всего познаются сравнением, то, пересматривая свой собственный багаж, мы по временам станем заглядывать и в тот багаж, с которым г. Михайловский вот уже тридцать лет гуляет «по садам российской словесности».

Начнем мы, как и следует, с начала, т. е. с философии. Г. Михайловский говорит, что философские взгляды так называемых «учеников» еще не вполне выяснились. Это, конечно, нехорошо: люди, берущиеся рассуждать о философии, должны иметь ясные философские взгляды. Но на чем же основывается мнение г. Михайловского? На том, что некоторые из них тяготеют к | неокантианизму[61], а другие «воскрешают гегелианство». Странное основание! Кому не известно, что г. Михайловский не разделяет некоторых социологических взглядов Спенсера? Факт этого разногласия не подлежит ни малейшему сомнению. Но позволительно ли ввиду сего сказать, что еще не выяснились социологические взгляды гг. Михайловского и Спенсера? Конечно, нет. Каждый из них может иметь (мы не говорим: имеет) очень ясные взгляды, не похожие, однако, на взгляды другого. Умозаключить от разногласия к неясности способен только тот, кто сам не отличается ясным мышлением.

Скажут, пожалуй, что гг. Спенсер и Михайловский никогда не выдавали себя за последователей одного и того же социологического учения. | И это будет справедливо. Но ведь «ученики», тяготеющие к неокантианизму[62], тоже никогда не считали и никогда не называли себя философскими единомышленниками тех из «учеников», которые стоят на точке зрения современного материализма. В свою очередь, ученики-материалисты никогда не отождествляли своих философских взглядов с философскими взглядами неокантианцев. И те, и другие хорошо понимали, что в этом отношении между ними большая разница.

— Но и те, и другие считают себя последователями одного и того же учителя.—Это тоже справедливо, хотя тут необходимо оговориться.

| Философские взгляды «учеников», тяготеющих к немецкой «критической» философии, не похожи на философские взгляды автора «Капитала». Они прекрасно знают это и не считают себя последователями его философии. Но это не мешает им признавать справедливость его экономической и философско-

исторической теории. И поскольку они разделяют эти его взгляды, они смотрят на общественные вопросы с его точки зрения, они являются его учениками в той же мере, как и те, которые разделяют не только его экономические и философско-исторические, но также и философские взгляды. Неокантианец, признающий справедливость экономической и философско-исторической теории автора «Капитала», в этих пределах может быть таким же верным и последовательным учеником этого знаменитого мыслителя, как и любой из современных | материалистов, т. е. тех, которые следуют за автором «Капитала» также и в философии.

Но можно ли разделять философско-исторические воззрения какого-нибудь писателя, не разделяя в то же время его философских воззрений? На этот вопрос нельзя ответить безусловно: | ça dépend*, как говорят французы. Но что касается неокантианцев, то надо сказать утвердительно, что они могут, не изменяя своей философской точке зрения, признавать справедливость экономических и философско-исторических воззрений Маркса. Почему? Да потому, что их разногласие с ним ограничивается вопросом об отношении бытия к мышлению. Неокантианцы говорят, как говорил когда-то сам Кант: мы знаем только феномены, а нумены, вещи в себе, нам совершенно неизвестны. А современные материалисты, т. е. философские последователи Маркса, отвечают на это, что мы не могли бы порождать явления сочетанием известных условий, если бы нам были неизвестны хоть некоторые свойства «вещей в себе». Кто прав? По-нашему, правы материалисты. Но как бы там ни | было, несомненно, что это разногласие материалистов с неокантианцами, по существу своему, нисколько не может помешать им согласиться между собою во взглядах на мир явлений, к которому относятся, конечно, также явления экономические и исторические. Такое соглашение тем более естественно, что, поскольку речь идет о мире явлений, последователи Канта вполне признают правомерность материалистической точки зрения**[63].

---

* Это зависит от обстоятельств.—Р е д.

** Точка зрения, высказанная Г. В. Плехановым в этом первоначальном и нигде не напечатанном черновом наброске, является явно ошибочной и противоречит взглядам Маркса в оценке философии Канта.

Кантианство—как в своей основе, так и в частностях—целиком идеалистическая философия, в корне враждебная марксизму. Марксизм—цельное мировоззрение, представляющее единство философских, экономических, исторических и естественнонаучных взглядов. Ни о каком соединении марксизма с немарксистскими теориями, в том числе и с кантианством, никогда и ни при каких условиях не может быть и речи. (См. Ленин о дуализме Канта—Соч., т. XIII, стр. 162).

Плеханов и сам неоднократно и решительно выступал против кантианства и против попыток соединения его с марксизмом. Плеханов бесспорно имеет огромные заслуги в борьбе с кантианской и неокантианской ревизией марксизма в России и на Западе.—Р е д.

II

Конечно, кантианец кантианцу рознь. Есть такие кантианцы, которых трудно согласить не только с материалистами, но даже и с Кантом. К числу их, если мы не ошибаемся, принадлежит сам г. Михайловский. Мы потому говорим это не со-
12 всем уверенным тоном, что философские | взгляды г. Михайловского до сих пор «еще не выяснились», несмотря на его довольно уже преклонный возраст. Так, он доказывал когда-то, что «истина есть удовлетворение познавательной потребности того или другого исследователя»*. Эта замечательная мысль представляет собою переделку—применительно к «потребности» субъективистов—кантовского учения о непознаваемости вещей в себе. Но эта переделка до такой степени нелепа, что она, разумеется, показалась бы злой насмешкой и самому Канту и всем его настоящим последователям. Может быть, г. Михайловский перестал уже «тяготеть» на этот удивительный
13 лад «к немецкой так называемой критической философии». | Может быть, он и сам понимает теперь, как дико искажал он эту философию в фельетоне, озаглавленном: «О жажде познания» (февраль 1875 года). Но если он до сих пор остался при своем старом взгляде, то мы советовали бы ему потолковать об «истине», например, с П. Б. Струве[64]. Тот хорошо знает Канта и, вероятно, не откажется объяснить нашему маститому социологу, что познавательная потребность людей сплошь и рядом удовлетворяется не истиной, а сущими пустяками. С своей стороны, мы сказали бы П. Б. Струве, что он мог бы легко и неопровержимо доказать это ссылками на собственные сочинения г. Михайловского.

Повторяем, «тяготение» к «так называемой критической
14 философии» не может помешать мыслящим | людям стать на точку зрения философско-исторической теории Маркса. Но нельзя в одно и то же время признавать экономические его взгляды и отрицать его философско-историческую теорию. Невозможность обусловливается здесь самим характером его экономического учения: кто усвоил себе это учение, тот тем самым усвоил себе и сущность его исторических взглядов. Это кажется парадоксом, а между тем это совершенно неоспоримо, и, чтобы убедиться в этом, достаточно выяснить себе некоторые основные понятия политической экономии.

Что такое стоимость? Это—общественное отношение производства,—отвечает Маркс. Что это значит? Вот что. В процессе производства люди становятся в известные отношения, например, в те отношения, благодаря которым продукты их труда принимают форму т о в а р о в. Товар А обменивается

* Сочинения, т. III, вып. I, С.-Петербург, 1888 г., стр. 954.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

на такое-то | количество товара В, на такое-то <количество <15>
товара С и т. д. Все эти товары суть продукты т р у д а, по- 26 bis
этому их взаимные отношения в процессе о б м е н а выражают собою взаимные отношения трудящихся в процессе п р о и з в о д с т в а. Таким образом отношения л ю д е й представляются свойствами в е щ е й (товаров)>*.

Капитал есть меновая с т о и м о с т ь, одаренная способностью к возрастанию. Известно, что капитал, не приносящий дохода, считается м е р т в ы м капиталом. Стало быть, эта способность приносить доход есть важнейшая отличительная черта ж и в о г о капитала. Но если меновые отношения товаров выражают собою взаимные отношения производителей в общественном процессе производства, то и капитал,—меновая стоимость, порождающая новую стоимость,—не может представлять собою что-либо другое, кроме общественных отношений производителей. Поэтому Маркс говорит, что капитал тоже есть общественное отношение производства и именно отношение, свойственное буржуазному обществу, | б у р ж у а з- <16>
н о е отношение производства. Это отношение характеризуется 27
тем, что рабочий продает предпринимателю свою рабочую силу. Всем известно, с какою целью покупает ее капиталист: в процессе производства работник создает стоимость, превышающую расход на покупку его рабочей силы; разность между новой, созданной работником, стоимостью и стоимостью его заработной платы называется прибавочной стоимостью. Она принадлежит предпринимателю и служит источником его д о х о д а. Таким образом, способность капитала приносить доход объясняется свойственными буржуазному обществу отношениями людей в процессе производства. Но свойства этих производственных о т н о ш е н и й кажутся свойствами в е щ е й, т. е. свойствами принадлежащих | капиталисту средств <17>
производства. На известной стадии развития производитель- 28
ных сил это тоже неизбежная иллюзия.

Тайна такого рода иллюзий впервые была разоблачена Марксом. Но разоблачить ее значит показать, каким образом ход идей определяется ходом общественных отношений.

В самом деле, если на известной стадии своего развития экономические отношения производства необходимо отражаются в человеческих головах и виде свойств вещей, и если,—как это говорит Маркс,—экономические отношения не падают с неба в готовом виде, а создаются развитием общественных производительных сил, то выходит, что известному состоянию

* Место, заключенное в угловые скобки, в рукописи зачеркнуто ввиду того, что этот лист, составлявший часть настоящей редакции, был затем переложен в новую редакцию. Это подтверждается совпадением текстов в обеих редакциях и двойной нумерацией страниц: <15> 26 bis. Мы воспроизводим его здесь в первоначальном виде. То же относится ко всем отрывкам, заключенным в угловые скобки, поскольку страница имеет двойную нумерацию.—Р е д.

этих сил соответствуют известные взгляды. Кто разделяет экономическую теорию Маркса, тот не может отказаться от этого вывода, <а кто признает этот вывод, тот в значительной степени
18 признает и историко- | фило>[софскую теорию Маркса]*— ведь смысл этой теории сводится именно к тому, что общественные отношения и взгляды людей всякого данного исторического периода обусловливаются в последнем счете состоянием общественных производительных сил в течение этого периода. Как же можно признавать экономическую теорию Маркса и в то же время отрицать его историко-философскую теорию? Так способен поступать только тот, кто совсем не усвоил себе сущности экономической теории Маркса. Но людей, «признающих» эту теорию и в то же время отрицающих историческую философию Маркса, как известно, очень много между сотрудниками «Русского Богатства». Выходит, что экономические понятия этих людей, по меньшей мере, «не выяснились». Об этом очень стоило бы подумать г. Михайловскому.

19 | Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?

Иные заметят, может быть, что все же лучше было бы, если бы сотрудники «Нового Слова» не расходились между собою даже и в философских взглядах. Мы сами думаем так, и мы были бы очень рады, если бы пишущие в «Новом Слове» неокантианцы перешли на философскую точку зрения Маркса. Но мы не знаем, случится ли это когда-нибудь, а пока этого не случилось, мы довольствуемся тем, что мы почти вполне согласны с ними во взглядах на общественные вопросы. Конечно, и тут между нами могут возникать разногласия по частным вопросам: на земном шаре нет ни одного направления, все представители которого вполне были бы согласны между собою во всех частностях. Но дело вовсе не в частных разногласиях;
20 дело в | том, мешают ли они совместной работе для решения данной общественной задачи. Если нет, то они не только не вредны, но даже полезны, так как вызывают живой и плодотворный обмен мнений между участниками одного и того же дела. «Копаться вокруг корней истины» всегда полезно. Но это занятие становится особенно полезным тогда, когда каждый из предающихся ему людей возбуждается дружескими замечаниями и возражениями со стороны товарищей, в уме, знаниях и благородстве которых он ни на минуту не может усомниться.

Неоспоримо, впрочем, и то, что враги данного направления всегда будут пользоваться частными разногласиями между его сторонниками в интересах своего собственного дела. Они будут указывать на такие разногласия, как на доказательство того, что это направление еще не определилось и не «выяснилось». | Но что же за беда? Несостоятельность вражеских комментариев всегда можно обнаружить, а раз несостоятельность их обнаружена, они приносят не вред, а пользу тому направлению, для посрамления которого они придумываются*. 21

* В рукописи оборвана часть верхнего края.—Р е д.

III

Г. Михайловский говорит, что я, вместе с г. Бельтовым, «воскрешаю гегелианство». Это—неправда. Этого не мог бы, по совести, сказать даже человек, изучавший философию лишь «по Льюису». Гегель был идеалист, а меня, равно как и г. Бельтова, [трудно] принять [за идеалиста]**... | <В доказатель-<22>
ство можно >, пожалуй, сослаться на то, что я говорю о Гегеле 87bis
с величайшим уважением. Но уважать Гегеля меня научил еще автор примечаний к Миллю. Вот что пишет он в разборе своей собственной диссертации об эстетических отношениях искусства к действительности:

«Г. Чернышевский совершенно принимает справедливость современного направления науки [и, видя, с одной стороны, несостоятельность прежних метафизических систем, с другой стороны, неразрывную связь их с господствующею теориею эстетики, выводит из этого, что господствующая теория искусства должна быть заменена другою, более сообразною с новыми воззрениями науки на природу и человеческую жизнь. Но прежде нежели займемся мы изложением его понятий, составляющих только применение общих воззрений нового времени к эстетическим вопросам, мы должны объяснить отношения, связывающие новые воззрения со старыми в науке вообще. Часто мы видим, что продолжатели ученого труда восстают против своих предшественников, труды которых служили исходною точкою для их собственных трудов. Так, Аристотель враждебно смотрел на Платона, так, Сократ безгранично унижал софистов, продолжателем которых был. В новое время этому также найдется много примеров. Но бывают иногда отрадные случаи, что основатели новой системы понимают ясно связь своих мнений с мыслями, которые находятся у их предшественников, и скромно называют себя их учениками; что, обнаруживая недостаточность понятий предшественников, они с тем вместе ясно выказывают, как много содействовали эти понятия развитию их собственной мысли. Таково было, например, отношение Спинозы к Декарту. К чести основателей современной науки должно сказать, что они с уважением и с почти сыновнею любовью смотрят на своих предшественников, вполне признают величие их гения и благородный характер их учения, в котором показывают зародыши собственных воззре-

* В рукописи после этих слов сказано: «см. вставку к стр. 21». Вставка не сохранилась.—Р е д.

** В рукописи нижняя часть страницы оторвана.—Р е д.

ний. Г. Чернышевский понимает это и следует примеру людей, мысли которых применяет к эстетическим вопросам»]*.

<Г. Михайловскому неизвестно, может быть, кого называл Чернышевский основателем современной науки и кто были те «предшественники», к которым он, по примеру «людей, мысли которых применял к эстетическим вопросам», относился «с уважением и с почти сыновнею любовью»? Он объясняет это, говоря, что его учение «непосредственно связано с двумя системами идей,—начала нынешнего века, с одной стороны, последних двух десятилетий, с другой»>**.

<23> 88 | Учителем Чернышевского в философии был Фейербах, а человек, из философии которого вышла система Фейербаха и к которому Чернышевский, по примеру Фейербаха, относился с таким огромным уважением, был тот самый Гегель, в сочинениях которого г. Михайловский усматривает лишь «метафизику». Впрочем, я выразился, кажется, не совсем точно. Можно ли сказать, что г. Михайловский усматривает в сочинениях Гегеля то или [э]то, когда он не видел этих сочинений? Тут следовало бы подобрать другое выражение, но я надеюсь, что моя мысль все-таки понятна читателю.

<24> 89 С таким же огромным уважением говорит Чернышевский о Гегеле и в своих | «Очерках гоголевского периода русской литературы». Г. Михайловский с большой пользой для себя прочтет, например, хоть следующие строки:

«Мы столь же мало последователи Гегеля, как и Декарта или Аристотеля. [Гегель ныне уже принадлежит истории, настоящее время имеет другую философию и хорошо видит недостатки гегелевой системы; но должно согласиться, что принципы, выставленные Гегелем, действительно, были очень близки к истине, и некоторые стороны истины были выставлены на вид этим мыслителем с истинно поразительною силою. Из этих истин открытие иных составляет личную заслугу Гегеля;

* В рукописи: «Но уважать Гегеля меня научил еще автор примечаний к Миллю. Вот что пишет он в разборе своей собственной диссертации об эстетических отношениях искусства к действительности: Г. Чернышевский совершенно принимает справедливость современного направления науки и т. д., см. мою тетрадь до слов: к эстетическим вопросам».

Г. В. Плеханов цитирует статью Чернышевского, напечатанную в «Современнике» за 1855 г., № 5, под заглавием «Эстетические отношения искусства к действительности (Соч. Н. Чернышевского, Спб. 1855 г.)», и представляющую разбор Чернышевским своей собственной диссертации. Статья подписана инициалами Н. П-ъ. В Собр. соч. Н. Г. Чернышевского см. т. X, ч. 2, стр. 174—175.—Ред.

** <Эстетические отношения искусства к действительности, издание второе, стр. 131. Примечание для строгих критиков, подобных г. Мякотину. В этом сочинении Чернышевский говорит просто: последних десятилетий; слово «двух» прибавлено им в разборе своей диссертации>.—Примеч. Г. В. Плеханова.

В рукописи примечание зачеркнуто.—Ред.

другие, хотя и принадлежат не исключительно его системе, а всей немецкой философии со времен Канта и Фихте, но никем до Гегеля не были формулированы так ясно и высказываемы так сильно, как в его системе»]*.

Вот совершенно так смотрю на Гегеля и я, многогрешный. Я столь же мало стремлюсь «воскрешать гегелианство», как и картезианизм, но я знаю, что «принципы, выставленные Гегелем, действительно были очень близки к истине и некоторые стороны истины были выставлены на вид этим мыслителем с истинно поразительной силой». И я высказываю это в своих статьях. Михайловский недоволен этим. Я скажу ему, как Фон-Визин: «утешительно в человеческом невежестве считать вздором все то, о чем понятия не имеешь».

<25> 90 | Знаете ли, читатель, какие отличительные черты гегелевой философии особенно нравились автору примечаний к Миллю? Ненависть к «субъективному мышлению» и диалектический метод. Вас это удивляет? Читайте:

«Прежде всего укажем на [плодотворнейшее начало всякого прогресса, которым столь резко и блистательно отличается немецкая философия вообще и в особенности гегелева система от тех лицемерных и трусливых воззрений, какие господствовали в те времена (начало XIX в.) у французов и англичан: „истина—верховная цель мышления; ищите истины, потому что в истине благо; какова бы ни была истина, она лучше всего, что не истинно; первый долг мыслителя: не отступать ни перед какими результатами; он должен быть готов жертвовать истине самыми любимыми своими мнениями. Заблуждение—источник всякой пагубы; истина—верховное благо и источник всех других благ“. Чтобы оценить чрезвычайную важность этого требования, общего всей немецкой философии со времени Канта, но особенно энергически высказанного Гегелем, надобно вспомнить, какими странными и узкими условиями ограничивали истину мыслители других тогдашних школ: они принимались философствовать не иначе, как затем, чтобы „оправдать дорогие для них убеждения“, т. е. искали не истины, а поддержки своим предубеждениям; каждый брал из истины только то, что ему нравилось, а всякую неприятную для него истину отвергал, без церемонии признаваясь, что приятное заблуждение кажется ему гораздо лучше беспристрастной правды. Эту манеру заботиться не об истине, а о подтверждении приятных предубеждений, немецкие философы (особенно Гегель) прозвали „субъективным мышлением“, философствованьем для личного удовольствия, а не ради живой

* В рукописи: «Мы столь же мало последователи Гегеля, как и Декарта или Аристотеля, и т. д. „Очерки“, стр. 258, до слов: в его системе».

Цитируется по изданию М. Н. Чернышевского, Спб. 1892 г. (Собр. соч. Н. Г. Чернышевского, 1906, т. II, стр. 185—186).—Ред.

потребности истины. Гегель жестоко изобличал эту пустую и вредную забаву»]*.

Не правда ли, это замечательный отрывок? Он очень хорошо объясняет, почему наши «передовые» люди совсем возненавидели Гегеля с тех пор, как предались «пустой и вредной забаве», называемой «субъективным мышлением». <А с другой стороны, он позволяет нам сделать некоторое интересное сравнение.

Г. Михайловский ссылается на какого-то г. М. М.[65], которого он называет певцом материалистического понимания истории. Он приводит следующий отрывок из одного стихотво-
26 рения> | этого поэта:

Так люди живут; их делами
Слагается жизнь, [но всегда
Идет она теми шагами,
Что сделать фатально должна.
. . . . . .
Сумеем мы сердце тому покорить,
Что ум неизбежным признает,
А слезы оставим любителям лить,
Пускай себе льет, кто желает!]**

Эти отрывки составляют все, что мне известно из произведений г. М. М. Говоря откровенно, они несколько напоминают мне рубленую прозу, но по отрывкам нельзя судить о даровании поэта, поэтому от всяких суждений о таланте и миросозерцании г. М. М. я отказываюсь. В данном случае меня интересует лишь та цель, с которой привел эти отрывки г. Михайловский. А цель эта очевидна: г. Михайловский хотел оттенить бессердечие людей нашего направления. Он два раза приводит слова:

Сумеем мы сердце тому покорить,
Что ум неизбежным признает
. . . . . .
Научимся чувство уму покорять***.

* В рукописи: «Прежде всего укажем на и т. д., стр. 258 и т. д. до слов: эту пустую и вредную забаву».

Цитируется по указанному выше изданию «Очерков гоголевского периода», Спб. 1892 г. (Собр. соч. Н. Г. Чернышевского, изд. 1906 г., т. II, стр. 186—187).—Р е д.

** В рукописи: «Так люди живут; их делами слагается жизнь и т. д.—„Русское богатство“, X, стр. 188—189».

Цитата взята Плехановым из обозрения Н. К. Михайловского «Литература и жизнь. О новых словах и „Новом слове“»—«Русское богатство», 1897 г., № 10, стр. 188—189.

Цитируется по указанному источнику. В Собр. соч. Н. К. Михайловского, Спб. 1914 г., см. т. VIII, стр. 698.—Р е д.

*** Стр. 26 имеет вариант. Приводим его:

«Слушайте, что говорит Чернышевский о диалектике. Как необходимое предохранительное средство против поползновений уклониться от истины и т. д., стр. 259 до конца страницы.

Вы видите, читатель, что диалектика вовсе не такая плохая вещь, как это думают невежды, считающие вздором все то, о чем они сами не имеют ни малейшего

| Повидимому, он думает, что в этих словах ярче всего от- 27
ражается свойственное нам бессердечие. Но что выражают собою эти слова на самом деле? Ту мысль, которая заключается, например, в следующих словах Гюйо[66]:

Le vrai, je sais, fait souffrir;
Voir, c'est peut être mourir;
N'importe, o mon oeil, regarde*[67].

Эта же мысль выражается и в вышеприведенных словах Чернышевского, которыми он характеризует мужественную любовь к истине великих немецких идеалистов: «истина—верховная цель мышления; ищите истины, потому что в истине благо; какова бы ни была истина, она лучше всего, что неистинно; первый долг мыслителя не отступать ни перед какими результатами; он должен быть готов жертвовать истине самыми любимыми своими мнениями». Если бы Чернышевский прочитал дважды приведенный г. Михайловским отрывок из стихотворения г. М. М., то он наверное сказал бы: | «вы правы, не 28
отступайте перед истиной даже ради самых дорогих убеждений». А вот г. Михайловский видит в этом отрывке что-то достойное осуждения. Нам кажется, что это различие говорит не в пользу г. Михайловского.

Правда, г. М. М. говорит еще:

А слезы оставим любителям лить,
Пускай себе льет, кто желает.

И по этому поводу г. Михайловский разражается негодующей тирадой[68], смысл которой тот, что г. М. М. не хочет плакать потому, что сам не находится в тяжелом положении жертв капиталистической эксплуатации. Повторяем: нам неизвестны стихотворения г. М. М. Может быть, он и в самом деле не хочет плакать только потому, что дела эксплуататоров обстоят очень хорошо, а до эксплуатируемых ему нет никакого дела. Но этого совсем не видно из тех его слов, которые приводит г. Михайловский. Из них видно только то, что г. М. М. нескло [нен]...** | Представитель этой эпохи по своему взгляду на философию был 29
гораздо ближе к нам, сторонникам диалектического материализма, чем к гг. субъективистам. Ниже я покажу то же самое

понятия. И если я «воскрешаю гегелианство» тем, что отстаиваю диалектический метод, то это зло не столь большой руки. И очевидно, что меня совсем не осудил бы за это самый замечательный представитель эпохи шестидесятых годов. И не только не осудил бы, а наверное даже очень одобрил бы, особенно ввиду того, что у современных материалистов диалектический метод приобрел новое значение и новую силу. Вот что говорит...».—Р е д.

* Я знаю, спутник истины—страданье;
Порой увидеть—значит умереть.
Пусть так! Мой глаз, смотри без содроганья!—Пер. С. Хмельницкого.

** Стр. 29 не является непосредственным продолжением стр. 28. Тем не менее весь последующий текст по содержанию и планировке материала можно считать продолжением настоящей редакции.—Р е д.

по отношению к общественным идеям этого человека. А теперь замечу, что если г. Михайловский выдает нас за врагов оставшегося после шестидесятых годов наследства, то он выражается неточно. После шестидесятых годов осталось наследство различного рода. Шестидесятыми годами завещаны нам идеи «Современника»[69]. К этим идеям, повторяем, мы гораздо ближе, чем гг. субъективисты. Но те же шестидесятые годы завещали нам самого г. Михайловского и некоторых других субъективистов. От этого наследства мы отмахиваемся обеими
30 руками; | его нам не нужно, во-первых, потому, что в деле мышления эти господа вообще способны только на «пустые и вредные забавы», а, во-вторых,—и это главное—потому что та пустая и вредная забава, которая называется субъективным мышлением, представляет собою реакцию против направления, господствовавшего в нашей передовой интеллигенции в эпоху «Современника». Субъективизм утвердился у нас на некоторое время только потому, что сошли со сцены деятели «Современника». Только этому обстоятельству г. Михайловский и обязан своим успехом.

<31> Он с полным правом может сказать о себе | словами Скало-
96 зуба:

Довольно счастлив я в товарищах моих,
Ваканции как раз открыты:
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты...

И если этот человек, на время показавшийся большим, оттого что великие люди удалились, решился обвинять нас в отрицательном отношении к оставшемуся после шестидесятых годов идейному наследству, то он, очевидно, рассчитывал на короткую память читателя. Но, поступая так, он делал очень рискованный шаг. <Читатели очень часто, действительно, забывают
<32> такие вещи, которых > | забывать совсем не следует. Но всему
97 есть мера. Они могут вспомнить об истинном положении дел, и тогда горе тем, которые спекулировали на их забывчивости! Г. Михайловский прекрасно понимает опасность своего положения: оттого-то он и воюет с теми, чья проповедь может разбудить внимание читателей, так удачно усыпленное им и ему подобными. Но, воюя с этими нескромными людьми, он отстаивает вовсе не литературную традицию шестидесятых годов и совсем не интересы трудящегося населения России; он защищает просто-напросто свой собственный эгоистический интерес
33 | человека, которому неприятно расстаться с незаслуженной им репутацией «передового» представителя русской литературы. Заслуживает ли уважения этот эгоистический интерес? Конечно, нет. Интересы нашего дальнейшего литературного развития требуют, напротив, скорейшего разоблачения ужасающей пустоты «субъективных» теорий. Именно ради этих интересов необходимо показать, что г. Михайловский напрасно

прячется за спину наших великих просветителей шестидесятых годов, идеи которых совсем не похожи на его собственные идеи. Это необходимое дело и сделают «ученики», как бы ни восставал против них г. Михайловский и как бы ни искажали их взгляды его сторонники.

Г. Михайловский говорит, что я «сержусь» на него и на его единомышленников. Я позволю себе сказать по этому поводу несколько слов.

| Решительный враг всякой реакции вообще, я от всей души 34
ненавижу, между прочим, и ту реакцию в среде нашей интеллигенции, которая началась во второй половине шестидесятых годов и которая выразилась в когда-то модном у нас «субъективном мышлении». Если это значит «сердиться», то я действительно очень «сержусь» и нисколько не скрываю этого. Но мне кажется, что отношение данного лица к данному направлению, как бы оно ни было отрицательно, не может быть характеризовано глаголом «сердиться». Этот глагол скорее характеризует личные отношения между людьми. Но лично я против гг. субъективистов ровно ничего не имею, да и редко встречаюсь с ними. Конечно, человек слаб: случается, что...*

| Г. Михайловский недоволен теми моими выражениями 36
и оборотами речи, которые он называет «щипками». По его словам, эти щипки мешают пониманию моих мыслей. Но мне сдается, что он говорит так лишь потому, что «сердится». В самом деле, ведь мои «щипки» по большей части являются исходной точкой тех или других объяснений. Возьмем хоть те щипки, на которые указывает он сам. «Г. Михайловский не однажды указывал»... [«Однако, скажет нам, пожалуй, г. Кудрин»... «Г. Михайловский сказал бы»... «Г. Кареев, Н. Михайловский, С. Кривенко и прочие умные и ученые люди»... «Достаточно напомнить, что, по мнению г. Н. Михайловского» и т. д...]**. Если читатель потрудится заглянуть в мою статью, то он увидит, что вслед за предположением, что, например, г. Кудрин[70]...***
| неудовольствие на них г. Михайловского тем менее основа- 38
тельно, что ведь, по его уверению [«щипки г. Каменского отнюдь не причиняют той боли, на которую рассчитаны»]****. [Оно («Новое Слово».—Ред.)]—говорит Михайловский—[при вся-

---

* Стр. 35 не сохранилась.—Ред.

** В рукописи: «Возьмем хоть те щипки, на которые указывает он сам: „Г. Михайловский не однажды указывал...“»

Цитата восстановлена по цитированной выше статье Михайловского (см. прим. к стр. 26 рукописи), стр. 182 (Собр. соч. Н. К. Михайловского, Спб. 1914 г., т. VIII, стр. 690).—Ред.

*** Стр. 37 не сохранилась.—Ред.

**** В рукописи: «ведь по его уверению, они», затем оставлены 2 строки, и кавычки закрываются на половине второй строки.

Повидимому, Г. В. Плеханов имел в виду процитировать здесь приведенные нами в тексте слова Михайловского—см. «Русское богатство», 1897 г., № 10, стр. 182 (Собр. соч. Михайловского, т. VIII, стр. 690).—Ред.

ком удобном и неудобном случае, кстати и некстати, щиплется (более подходящего выражения не нахожу), причем охотно смешивает нас с «народниками» и другими лицами, к «Русскому Богатству» непричастными. И не то, чтобы такова была вообще манера «Нового Слова» по отношению ко всем собратьям—нет, только мы пользуемся таким исключительным вниманием почтенного журнала]*.

Тут есть маленькая неточность. Я «щипал» не «Русское Богатство», а известных лиц, из которых иные вовсе не пишут в названном журнале. Что касается этих лиц, то мне действительно приходится вспоминать о них очень часто. Но причина этого лежит не во мне. Она заключается...**

<40> | <Но мы не знали, что старые люди забывают об этом,
112 а если бы знали, то и в самом деле не стали бы разбивать их иллюзию. Или>, наконец, дело не в том, что я напомнил старикам об их старости, а в том, что отозвался о них непочтительно? Но, во-первых, непочтительно не значит бессмысленно, а, во-вторых, я скажу вот что.

Я хорошо помню совет: «пред лицом седого восстани и почти лице старче». Это добрый совет. Но надо помнить и то, что поведение старых людей не всегда заслуживает одобрения. Читатель знает, может быть, какими бурными аплодисментами французские романтики отвечали когда-то на известную фразу в Hernani[71]. Vieillard, va-t-en donner ta mesure au fossoyeur!***. Эти горячие аплодисменты наверно очень тяжело действовали на стариков, присутствовав-
41 ших | в театре. Но погодите винить романтиков. В их кажущемся бессердечии сказалась борьба двух направлений. Затрагиваемые ими старики были классики, которые тоже ведь не без бою покидали свои позиции и которые первые начали оскорблять

* В рукописи по середине строки написаны слова: «говорит г. Михайловский», затем оставлены 4 строки для цитаты. Ввиду отсутствия более точных указаний, цитата приводится по содержанию следующего за ней текста. О «щипках» в связи с «Русским богатством» говорится в обозрении Михайловского только в одном месте. См. «Русское богатство», 1897 г., № 10, стр. 180 (Собр. соч. Михайловского, т. VIII, стр. 688).—Р е д.

** Стр. 39 не сохранилась. Стр. 40 и последующие по содержанию являются прямым продолжением данной редакции. Для связи необходимо здесь привести слова Михайловского, по всей вероятности процитированные Плехановым на недостающей 39-й странице: «Остановлюсь на одной из выходок, направленных лично против меня, не потому, чтобы она была ярче, характернее или типичнее других, а потому, что ее трудно обойти желающему вникнуть в одно чрезвычайно важное объяснение г. Каменского: „Мы, может быть, подали бы нашим субъективным старичкам повод лишний раз похихикать насчет того, что между сторонниками материалистического понимания истории трудно отличить „настоящих“ от „ненастоящих“... „Субъективные старички“—это просто бессмысленное сочетание слов, отнюдь не свидетельствующее о том, что г. Каменский „дал себе труд продумать“».

Цитата из обозрения Михайловского—«Русское богатство», 1897 г., № 10, стр. 182 (Собр. соч., т. VIII, стр. 690).—Р е д.

*** Старик! Пойди к гробовщику, пусть он снимет с тебя мерку.—Р е д.

романтиков грубыми нападками и обвинять их во всех смертных грехах. Конечно, жестоко напоминать человеку о близкой могиле. Но если бы вы сказали любому из тогдашних романтиков, что нехорошо желать смерти своему противнику, то он ответил бы вам, что его желание относится собственно не к классикам, а к классицизму[72], господство которого задерживает дальнейшее развитие французской литературы. Вот | такой же смысл имеет и моя непочтительность по 42
отношению к субъективным старичкам. Каждому из них лично я желаю прожить мафусаиловы лета, но что касается их направления, то я готов от души сказать ему: «Va-t-en donner ta mesure au fossoyeur!» Если это выражение найдут слишком резким, я выражусь нежнее, я скажу, как говорят где-то крестьяне у Г. И. Успенского: «пора-а-а-б тебе, старичку, помирать!»[73]. Если и это не понравится кому-нибудь, то мне останется ответить французской пословицей: «la plus belle fille ne peut donner que ce qu'elle a»*.

IV**

Вернемся к «щипкам». Они тем менее мешают мне выражать мои мысли, что | каждый из них, из этих бедных мнимых щип- 43
ков, служит исходной точкой тех или других объяснений. Мои объяснения не удовлетворяют г. Михайловского. Может быть, они и в самом деле плохи. Но и в таком случае дело не в щипках—которые, повторяю, показались г. Михайловскому щипками только потому, что он с некоторых пор страдает болезненной чувствительностью,—а в моем неуменьи дать нужные и всем понятные объяснения. Должно быть, я действительно плохо объяснил свою мысль в статье о книге Лабриола. Г. Михайловский «считает разъяснение г. Каменского чрезвычайно важным»; он находит, что, хотя, правда, положительная сторона в моей статье несколько туманна, но спасибо и за то, что я даю; он говорит, наконец, что он утверждал «то самое», что утверждаю теперь я. Очевидно, что | я сказал какую-то 44
большую глупость. Поищем же, в чем она заключается.

Г. Михайловский утверждал то самое, что и я. Прекрасно. Что же именно утверждали мы с г. Михайловским? Что «нельзя приписывать экономическому (как и всякому другому) фактору господствующее или преобладающее значение; нельзя видеть в нем силу, будто бы определяющую собою историческое движение, являющуюся его последнею причиною»[74]. Так формулирует нашу общую мысль г. Михайловский. Но, спрашивается, верно ли он меня понимает? Я боюсь, что нет, и что когда он поймет мое, как говорит он, чрезвычайно важное

* Самая красивая девушка не может дать больше того, что она имеет.—Р е д.

** Дальнейший текст на главы не разбит.—Р е д.

разъяснение, то он опять откажется от солидарности со | мною во взгляде на значение «экономического фактора» в истории. 45

Прежде чем спорить, надо определить значение употребляемых нами терминов. Речь идет об экономическом факторе. Что же означают слова: экономический фактор?

| Посмотрим сначала, какой смысл имеют они у писателей, считающих неудовлетворительным материалистическое объяснение истории. 46

Автор «Капитала» приводит факты, показывающие, что английская аристократия пользовалась своей политической властью для обезземеления своего народа. На этом основании довольно известный теперь в немецкой литературе д-р Пауль Барт[75] решил, что Маркс противоречит себе; факты, приводимые им самим, показывают, что политические отношения тоже не бездействуют в истории, а между тем у Маркса все сводится к экономической структуре общества. Вот подлинные слова Барта:

«Für den Ausgang des Mittelalters hat Marx selbst Material zu einer Widerlegung geliefert, indem er (Cap. I, S. 737—750) die Vertreibung der englischen bäuerlichen Hintersassen durch die Feudalherren, welche der steigenden Wollpreise wegen das Land in Schafweide mit wenigen Hirten verwandelten, die sogenannten „enclosures", und die Verwandlung jener Bauern in vogelfreie Proletarier, die sich nun der aufkommenden Manufactur zu Gebote stellten, für eine der ersten Ursachen der ursprünglichen „Accumulation" des Capitals erklärt. Diese „Agriculturrevolution" geht zwar nach Marx zuletzt auf das Entstehen der Wollmanufactur zurück, aber nach seiner eigenen Darstellung werden die feudalen Gewalten, die gewinnsüchtigen Landlords, doch zu ihren gewaltsamen Hebeln (Cap. I, S. 747), d. h. eine politische Macht wird ein Glied in der Kette der wirtschaftlichen Umwälzungen»*.

* «Для конца средневековья Маркс сам дал материал для собственного опровержения, объявив одной из первых причин первоначального „накопления" капитала изгнание английского крестьянского населения феодалами, которые из-за растущих цен на шерсть превратили страну в пастбища для овец с небольшим числом пастухов (в так называемые „enclosures"), и превращение этих крестьян в свободных, как птицы, пролетариев, оказавшихся к услугам развивающейся мануфактуры. Хотя эта „аграрикультурная революция", по Марксу, в конечном счете сводится к возникновению шерстяной мануфактуры, но в его же собственном изложении феодальные власти, корыстолюбивые лэндлорды, становятся ее насильственными рычагами, т. е. политическая власть становится звеном в цепи хозяйственных переворотов».

В рукописи: «Für den Ausgang» и т. д. Книга Барта, стр. 49—50 до слов: «Umwälzungen».

Цитата взята из книги Dr. Paul Barth, Die Geschichtsphilosophie Hegels und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann, Leipzig 1890 (Д-р Пауль Барт, Философия истории Гегеля и гегельянцев до Маркса и Гартмана, Лейпциг 1890).

Книга имеется в библиотеке Плеханова с его пометками. Начало и конец приведенной цитаты отмечены карандашом в тексте, а вся цитата обведена линией на полях.—Ред.

| Эти слова хорошо показывают, как понял Барт мысль Маркса о значении экономической структуры. По словам Барта, этой мысли противоречит тот исторический факт, что английские бароны пользовались своей политической силой для достижения своих экономических целей. Значит, она была бы верна лишь в том случае, если бы Марксу удалось доказать, что политическая власть английских баронов была простым призраком (ein blosser Schein), так как они никогда не пользовались ею, полагаясь на то, что экономическая структура общества все сделает своею собственною силой. Значит, Барту показалось, будто Маркс утверждал, что в истории всегда действовал один экономический фактор, а другие факторы—в нашем примере политический—не имели никакого или почти никакого значения. Но верно ли понял Барт мысль Маркса? 47

| Нет, совсем не верно. Маркс не говорил, что политический фактор не имеет значения. Он говорил совсем другое. По его учению, политический строй всякого данного общества обусловливается его экономической структурой; но раз данная экономическая структура общества вызвала к жизни известный политический порядок, то он, с своей стороны, охраняет ее и усиливает. Иначе сказать: политический фактор вырастает из экономического, но это не мешает политическому фактору воздействовать на экономический. А раз политический фактор пока не бездействует в истории, то само собою понятно, что с точки зрения Маркса странно было бы объяснять все исторические явления с помощью одного экономического фактора; странно было бы, как я выразился в статье о книге Лабриола, всюду лезть с этим фактором. 48

| Итак, Барт плохо понял Маркса. А как понимали его наши русские противники материалистического взгляда на историю? Некоторые из них понимали его точь-в-точь как Барт. Вот, например, г. Кареев—пожалуйста не подумайте, г. Михайловский, что я опять хочу ущипнуть почтенного профессора,—вот г. Кареев говорил, что «страницы, посвященные в книге Барта критике экономического материализма, могут быть указаны в качестве образчика того, как следует решать вопрос о роли экономического фактора в истории». Но г. Кареев не один понимал Маркса à la Paul Barth*. Не далее, как в январе 1894 года г. Михайловский писал о книге Блоса: «Из того, что Блос [говорит о классовой борьбе и об экономических условиях (сравнительно очень немного), еще не следует, что он строит историю на саморазвитии форм производства и обмена: обойти экономические условия в рассказе о событиях 1848 года было бы даже мудрено. Выкиньте из книги Блоса панегирик Марксу, как творцу переворота в исторической науке, да еще несколько условных фраз с марксистской 49

* На манер Пауля Барта.—Ред.

терминологией, и вам не придет в голову, что вы имеете дело с последователем экономического материализма. Отдельные хорошие страницы исторического содержания у Энгельса, Каутского и некоторых других тоже могли бы обойтись без этикетки экономического материализма, так как на деле в них принимается в соображение вся совокупность общественной жизни, хотя бы и с преобладанием экономической струны в этом аккорде»]*. Выходит, что, по мнению г. Михайловского, Маркс считал возможным «строить» историю на саморазвитии форм
50 производства и обмена. В сущности | это то же, что говорил Барт, только хуже сказано. Выходит, стало быть, что наши русские противники материалистического понимания истории тоже думали, что Маркс не признавал значения или даже существования никаких других факторов, кроме экономического. Но так как говорить это—значит совсем не понимать Маркса, то выходит еще, что я был совершенно прав, сказав в статье о книге Лабриола, что сторонники материалистического понимания истории вовсе не имеют приписанной им их противниками привычки всюду лезть с экономическим фактором.

Впрочем, это побочные выводы: их интересно отметить, но из-за них не надо забывать нашу главную цель—определение того смысла, который придают словам «экономический фактор» противники материалистического понимания истории.
51 | В приведенных нами словах г. Михайловского заключается ответ на наш вопрос. Мы видим, что, по мнению почтенного социолога, экономический фактор—это формы производства и обмена; объяснить историю с помощью экономического фактора, значит «построить» ее на саморазвитии форм производства и обмена. Если читатель заметит мне, что «саморазвитие форм производства и обмена» есть просто бессмысленный набор слов, то я спорить и прекословить не стану, а попрошу его отложить на время критическую оценку слов г. Михайловского и выслушать г. Кареева.

Г. Кареев исходит, как известно, из той мысли, что человек состоит из души и тела; «и у души и у тела [есть свои потребности, ищущие своего удовлетворения и ставящие отдельную личность в различное отношение к внешнему миру, т. е. к природе и к другим людям... отношение человека к природе в зависимости от физических и духовных потребностей личности создает поэтому, с одной стороны, разного рода искусства, направленные на то, чтобы обеспечить материальное существование личности, с другой стороны—всю умственную и нравственную культуру...»]*. Материалистическое отношение человека к природе коренится в потребностях человеческого тела, в которых и надо искать «причины звероловства, скотоводства, обрабатывающей промышленности, торговли и денежных отношений»[76]. | Стало быть, если мы говорим, что в истории дей- 52
ствует исключительно один только экономический фактор,—а мы видим, что именно эту мысль приписывал г. Кареев Марксу,—то мы этим самым утверждаем, что исключительным двигателем в истории являются физические потребности человека**.

| «Знал я на своем веку одну бабу-крестьянку,—рассказывает Г. И. Успенский[77].—Она пришла [в Петербург из Пинеги, потому что в Пинеге стало нечего есть. Это была грубая черномазая женщина высокого роста. В Петербурге она отъелась скоро, и так как „есть"—до сего времени составляло все, что ее держало на белом свете, то житье ей стало в Питере плохое. Она жила у немки в меблированных комнатах, била посуду, ибо что такое посуда и зачем? Спала, как мертвая, и огрызалась, когда ее будили. Не могла упомнить фамилии того или другого жильца, не могла выучиться узнавать, который час. В церковь она никогда не ходила, потому что это ей было ненужно. Словом, это было создание, способное покуда только есть...»]***. 53

Если бы я был сторонником экономического материализма в том смысле, как его понимает г. Кареев, то я сказал бы, что все человечество и притом в течение всей своей истории было очень похоже на эту Марью, что оно постоянно заботилось только о том, чтобы поесть и поспать, и что если у него была, например, религиозная потребность, то при внимательном анализе и ее можно было бы свести к «потребностям» тела, т. е. к пище и сну. А если бы меня спросили, почему же сходство с Марьей не помешало человечеству достигнуть довольно высокой степени цивилизации, то я ответил | бы: вы забыли саморазвитие 54
форм производства и обмена; пока человечество ело и спало, эти формы развивались сами собою и, наконец, втащили людей в цивилизацию. Г. Кареев мог бы заметить мне, что у «тела» есть и другие потребности, кроме потребности в пище и сне. На

* «Русское Богатство», январь 1894 г., отд. II, стр. 117.—Примеч. Г. В. Плеханова.

В рукописи: «Из того, что Блос и т. д. Бельтов, стр. 221 до конца выписки».

Цитируется по первому изданию книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Спб. 1895 г. (Собр. соч., т. VII, стр. 235 — 236). — Р е д.

* В рукописи: «И у души и у тела и т. д. Бельтов, стр. 173 до слов: всю нравственную культуру».

Цитируется по первому изданию Бельтова (Собр. соч., т. VII, стр. 197). Указания Г. В. Плеханова не совсем точны. В тексте начало цитаты: «И у тела и у души», а конец—«всю умственную и нравственную культуру».—Р е д.

** Страница обрывается на девятой строке. Есть ли здесь пропуск—установить трудно.—Р е д.

*** В рукописи: «Знал я на своем веку одну бабу-крестьянку, рассказывает Г. И. Успенский. Она пришла и т. д. У с п е н с к и й, т. I, стр. 721, до слов: только есть».

Цитируется по Собр. соч. Глеба Успенского, Спб. 1896 г., т. I. Книга имеется в библиотеке Плеханова с его пометками.—Р е д.

это я скажу, что и Марья только «покуда» ограничивалась сном и едою.

«Но вот в жизни ее случился переворот, именуемый любовью,—продолжает Г. И. Успенский,—хотя это слово здесь неуместно. Прислуга меблированных [комнат утащила ее однажды на иллюминацию, а с иллюминации Марья возвратилась уже утром, и дня через два ее нельзя было узнать. В этом она сходна с парижским соотечественником, у которого скука прекратилась, как только пошли дети. Марья, почувствовав, что она будет мать, тоже как будто сразу скинула с себя лень и дурь и принялась обеими руками тянуть кусок из пасти свиньи, то есть у всех, кто ей ни попадался. И фамилии жильцов она узнала, и знала, что у кого есть, и часы вдруг стала узнавать, и узнала, кто добр, кто зол из жильцов... „Теперь еще четвертый час,—стала она шептать,—господин Федоров приходят в пятом“,—и она смело входит к г-ну Федорову в номер; запустила руку в сахарницу, взяла сахару; отсыпала чаю; галстух валяется—и галстух взяла, спрятала... Или вот другой господин, „простой“, подгулял с приятелями—и уж Марья тут; как, оказывается, тонко понимает она этого простого господина! „Сестра четвертый месяц в больнице... сумасшедшая... маленькая девочка у ней осталась, пить-есть нечего... Что на себе было, отдала“...—жалобно причитает она. И барин все вынимает мелочь, все вынимает... „А кум ей голову прошиб, да еще говорит: убью“... А барин все вынимает, и Марья примечает, где водится у барина эта мелочь, и когда барин спит, обыщет этот карман. Она стала изворотлива, как кошка; куда она прятала, что тащила,—никто никогда не находил. Отец будущего ребенка попробовал было ее разыскать и повидаться, но так как и он из числа свиней, которым надо не дать возможности съесть, то через десять минут и у него куда-то делся платок, в одном уголке которого был завязан рубль. С тех пор этот человек и глаз не показывал, что, конечно, еще более укрепило Марью в том, что „все свиньи“. И вот она стала родить,—тащить с правого и виноватого, перешивать и одевать ребят... Как она обращается с детьми? Любит, бьет и пичкает всем, что попало под руку, что нашлось „у господ“. Когда отвозят ребенка в деревню, она плачет и потом удваивает свою хищническую деятельность...»]*.

Как видите, другие потребности «тела» своевременно вступили у нее в права и тем дали новый, чрезвычайно сильный толчок ее «экономической» деятельности. Правда, в эту новую эпоху ее жизни у нее было материнское чувство, а это | <чувство <55>, относится скорее к области «духа», чем к области «тела». Стало 61bis быть и Марья не вполне удовлетворяет тому представлению о человеке, которое г. Кареев приписывает сторонникам материалистического понимания истории. Но нельзя ли доказать, что и любовь к детям непосредственно вырастает у людей из потребностей «тела»? Постойте, у Некрасова есть одно стихотворение, которое, если я не ошибаюсь, хорошо разъясняет этот вопрос. Помните деревенскую старуху, которая оплакивает сына, погибшего на охоте за медведем?>

Кто приголубит старушку безродную?
Вся обнищала вконец.
В осень ненастную, в зиму холодную
Кто запасет мне дровец?
Кто, как износится теплая шубушка,
Зайчиков новых набьет?
Умер, Касьяновна, умер, голубушка,—
Даром ружье пропадет.

| Вы видите,—старушка горюет совершенно искренно, но 56
ее печаль вытекает из соображений самого недвусмысленного свойства: смерть сына лишает ее «дровец», «новых зайчиков», «теплой шубушки» и т. п. А уж, казалось бы, что может быть сильнее, что может быть бескорыстнее материнской любви! Ясно, что потребности тела всегда торжествуют над потребностями «духа» и что деятельность, направленная на удовлетворение телесных потребностей,—экономический фактор,—имеет господствующее значение в жизни отдельных людей и в истории человечества.

| Так рассуждали бы сторонники материалистического по- 57
нимания истории, если бы они действительно держались тех взглядов на значение экономического фактора, которые приписывает им г. Кареев. И если бы они держались их, то они были бы клеветниками на человеческий род. Но они очень далеки от них! Г. Кареев просто ничего не понял в их воззрениях*.

Что же говорят они? Если бы они держались терминологии г. Кареева, то они сказали бы, | что человек имеет не только 58

* В рукописи: «Но вот в жизни ее случился переворот, именуемый любовью,—продолжает Г. И. Успенский,—хотя это слово здесь неуместно. Прислуга меблированных и т. д., стр. 721, т. I, до слов: никто никогда не находил, на стр. 722 до слов: хищническую деятельность».

Цитируется по Соч. Успенского, изд. 1896 г. Ввиду неясности указаний Плеханова, цитата приводится целиком до слов: «хищническая деятельность».—Р е д.

* Стр. 57 имеется в двух вариантах. Приводим второй:

«Так рассуждал бы я, если бы я держался тех взглядов на роль „экономического фактора“, которые приписывает г. Кареев сторонникам материалистического взгляда на историю. И если бы я рассуждал так, то всякий с полным правом мог бы упрекнуть меня в клевете на людей. Рассуждать так можно было в XVIII веке, при тогдашнем состоянии общественной науки; но все хорошо в свое время. Если бы теперь нашелся человек, который написал бы сочинение, подобное одному из сочинений Гельвеция, то его книга была бы пасквилем на человеческий род. К счастью я так не рассуждаю и по очень простой причине: потому что г. Кареев приписал сторонникам материалистического взгляда на историю совсем не те взгляды, какие они имеют на самом деле.

Но каковы же их истинные взгляды?

Они не однажды излагались даже в русской литературе, но...».—Р е д.

телесные, но и духовные потребности; они сказали бы, что потребности духа иногда гораздо сильнее дают себя чувствовать, чем потребности тела; что когда, например, первые христиане смело шли на страшные муки, то они делали это, конечно, не ради «шубушки» или «дровец» и совсем не для сна или для еды (до сна ли и до еды ли в таких случаях?); что людей побуждает к деятельности не один только экономический фактор; но что, вместе с тем, роль всех факторов, обусловливающих собою их поступки,—какова бы ни была природа этих факторов и каков бы ни был характер обусловленных ими поступков,—определяется в последнем счете теми взаимными
59 отношениями, в которые становятся люди в | общественном процессе производства.

Возвращаясь, для примера, к изображенной Г. И. Успенским Марье, мы скажем, что если бы она даже совсем забывала о сне и еде, и если бы материнство, вместо животного хищничества, вызвало в ней самые возвышенные чувства, то оказалось бы при некотором внимании, что и эти чувства являются в последнем счете продуктом указанных отношений. То же и со старухой, оплакивающей смерть своего сына. Если бы она, в своей скорби, совсем позабыла о том, что ей трудно жить без «дровец» и без «шубушки», т. е. если бы над нею в это время совсем не имел силы экономический фактор, то это еще вовсе не означало бы, что нет никакой генетической связи между
60 ее | материнской любовью и общественными отношениями производства.

Скажем то же самое другими словами: ведь наши противники очень недогадливые люди, и им надо много-много раз повторять одно и то же.

Из того, что говорят эти господа о значении экономического фактора, видно, что, по крайней мере, некоторые из них понимают под ним деятельность, направленную на удовлетворение материальных потребностей человека. Но сторонники материалистического взгляда на историю никогда не говорили, что этого рода деятельностью исчерпывается вся деятельность общественного человека. Они прекрасно знают, что, кроме
61 экономического | фактора (понимаемого в этом смысле), существует множество других. Они говорят только, что если мы хотим выяснить себе историческое значение всех этих факторов, то мы должны прежде всего изучить историческое развитие взаимных отношений людей в общественном процессе производства, так как именно этими отношениями объясняется значение каждого отдельного фактора, а изменения этих отношений являются последней причиной того, что пределы и интенсивность влияния всякого данного фактора почти постоянно изменяются в ходе исторического развития человечества.

62 | Выразим это еще иначе: понятие «экономический фактор» не покрывает собою понятия: взаимные отношения людей

в общественном процессе производства. Первое из этих понятий гораздо уже второго*.

Теперь, надеюсь, ясно, в каком смысле я в статье о книге профессора Лабриола сказал, что с точки зрения материалистического взгляда на историю нельзя приписывать экономическому,—как и всякому другому,—фактору господствующее или преобладающее значение в общественной жизни, что нельзя видеть в названном факторе силу, определяющую собою все историческое движение человечества. Г. Михайловский поспешил согласиться со мною; но пословица не даром говорит: поспешишь—людей насмешишь.

Фельетонист «Русского Богатства» замечает, что я, преследуемый мыслью о необходимости ущипнуть гг. Кареева, Кудрина, Кривенко и, наконец, самого г. Михайловского, не
<63> удостоил хотя | бы только упомянуть о роли способов производства и форм обмена, «этом достаточно, кажется, важном 17 пункте в материалистическом понимании истории». Я очень прошу читателя внимательно отнестись к этому замечанию г. Михайловского. Оно чрезвычайно важно.

Излагая взгляд Лабриола, с которым я в данном случае совершенно согласен, я говорю в названной статье:

«Люди делают свою историю, стремясь удовлетворить свои нужды. [Нужды эти даются первоначально, конечно, природой; но затем значительно изменяются, в количественном и качественном отношениях, свойствами искусственной среды. Находящиеся в распоряжении людей производительные силы обусловливают собою все их общественные отношения. Прежде всего состоянием производительных сил определяются те отношения, в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства, т. е. экономические отношения. Эти отношения естественно создают известные интересы, которые находят свое выражение в праве: „Каждая правовая норма защищает определенный интерес“,—говорит Лабриола. Развитие производительных сил создает разделение общества на классы, интересы которых не только различны, но во многих,—и притом самых существенных

---

* Приводим вариант этого места. Первая половина его до незаконченного слова «истори...» помещается на стр. 61 и зачеркнута, вторая—составляет начало незаконченной стр. 62, имеющейся в двух экземплярах:

<«Вот в этом смысле я и сказал, что с точки зрения материалистического взгляда на историю нельзя приписывать экономическому, как и всякому другому, фактору господствующее или преобладающее значение, что нельзя видеть в нем силу, будто бы определяющую собой истори> ческое движение человечества.

А изо всего этого следует, что понятие: экономический фактор вовсе не покрывает собой понятия: взаимные отношения людей в общественном процессе производства; что первое из этих понятий гораздо уже второго.

Г. Михайловский не без ехидства удивляется тому, что я в своей статье...»—Ред.

отношениях,—диаметрально противоположны. Эта противоположность интересов порождает враждебные столкновения между общественными классами, их борьбу. Борьба приводит к замене родовой организации государственной, задача которой заключается в охранении господствующих интересов. Наконец, на почве общественных отношений, обусловливаемых данным состоянием производительных сил, вырастает обычная нравственность, т. е. та нравственность, которая руководит людьми в их обычной житейской практике»]*.

Г. Михайловский читает это, но он не находит тут слов: способы производства и формы обмена, и потому он не удовлетворен; он недоумевает, куда я девал «этот достаточно, кажется, важный пункт». Но что же такое этот пункт и что такое способы производства и формы обмена? Это именно < те отношения, в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства. Стало быть, я «удостоил» | упомянуть об этом важном пункте? Удостоил. И не только удостоил, но и приписал ему всю подобающую ему важность. Чем же смущается г. Михайловский? Тем, что я употребил не те слова, к которым он привык. Если бы он знал, > какое понятие связывается с этими словами, то он, конечно, сейчас же понял бы, что я говорю именно о способах производства и о (вытекающих из них) формах обмена. Но он заучил только слова, оставаясь в полной неизвестности насчет их смысла. Поэтому он немедленно попался впросак, как только я заговорил другими словами! Вот так оказия! Как тут не воскликнуть с Бобчинским: Чрезвычайное происшествие! И как не прибавить с Добчинским: Неожиданное известие! По поводу моих щипков г. Михайловский вспоминает анекдот о танцоре, умевшем танцовать только от печки. Мне сдается, что он гораздо больше походит на этого танцора. В самом деле, заучить на память известные слова, не понимая их смысла, | требовать от своих противников, чтобы они всегда говорили именно этими бессмысленно заученными словами, и сбиваться с толку, когда они иначе выражают те же самые понятия, именно это-то и называется танцовать только от печки и не быть в состоянии двинуть ногою в том случае, когда вместо печки приходится поместиться, например, около двери. Ай-ай-ай! Ну и попался же г. Михайловский!

<64> 19

<65> 20

«К нам неоднократно, устно и письменно, обращались с вопросами, почему [мы оставляем без возражения многочислен-

* В рукописи: «Люди делают свою историю, стремясь удовлетворить свои нужды и т. д.—„Новое слово“, стр. 79—80».

Цитата из статьи Н. Каменского (Плеханова) «О материалистическом понимании истории» —«Новое слово», 1897 г., № 12, сентябрь, стр. 70—98 (Собр. соч., т. VIII, стр. 250).

Ввиду отсутствия указаний в рукописи, цитируется до конца абзаца.—Ред.

ные выходки журнала «Новое Слово» против нашего журнала или его отдельных сотрудников»]*,—говорит г. Михайловский.—Надо думать, что после отмеченного нами происшествия его уже никто не станет побуждать к полемике с нами. Теперь уже всякий увидит, что в этой полемике | он может только mit Worten kramen. Правда, еще известный Лисков,—в своей книге «Über die Notwendigkeit und Vortrefflichkeit der elenden Scribenten»,—говорил, что «гораздо легче и естественнее писать пальцами, чем головою», но Лисков любил парадоксы; этот чудак уверял, например, что лучше всех пишет тот, кто совсем не думает. С этим, наверное, не согласятся те наивные люди (может быть, «субъективные юноши»), которые взывали к г. Михайловскому: «выдыбай, боже!».

<66> 21

В своем знаменитом предисловии к книге «Zur Kritik der politischen Oekonomie» Маркс говорит: «В общественном производстве | своей жизни люди наталкиваются на известные, необходимые, от их воли не зависящие отношения—отношения производства, которые соответствуют определенной степени развития материальных производительных сил. Совокупность этих отношений производства составляет экономическую структуру общества, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка». Как видите, тут ни слова нет «о роли способов производства и форм обмена», этом, достаточно, кажется, важном и проч. Что за чудеса? Отчего же это Маркс «не удостоил»? Да оттого же, отчего «не удостоил» и я: оттого, что способы производства и формы обмена и составляют отношения производства, как выражается Маркс, или взаимные отношения людей в общественном процессе производства, как выразился я словами, которые употребляет тот же Маркс в других | местах для обозначения того же понятия. По Марксу, совокупность отношений производства составляет экономическую структуру, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка. Я же говорю, излагая взгляды Лабриола,—с которым я, повторяю, совершенно согласен в этом случае,—что взаимные отношения людей в процессе производства, т. е. «экономические отношения», непосредственно обусловливают собою право, государственный строй и нравственность всякого данного народа, а посредственно обусловливают собою, кроме того, «все создания мысли и воображения: искусство, науку и т. д.». Не правда ли, это то же

67

68

* В рукописи: «К нам неоднократно, устно и письменно, обращались с вопросами, почему и т. д.—„Русское Богатство“, стр. 180 до слов: сотрудников».

Цитата из обозрения Н. К. Михайловского «Литература и жизнь. О новых словах и „Новом Слове“»—«Русское богатство», 1897 г., № 10, стр. 161—195. Цитируется по указанному источнику (Собр. соч. Н. К. Михайловского, т VIII, стр. 688).—Ред.

самое, что говорит автор «Zur Kritik der politischen Oekonomie»? А г. Михайловский пишет: «В самой статье г. Каменского ни одним словом не упоминается, есть ли в книге Лабриола страницы, посвященные оценке исторической концепции Маркса—
<69> Энгельса. Казалось бы, об этом следовало хоть | вскользь упо-
23 мянуть. Но г. Каменский предпочитает тратить время на щипки». В основных своих взглядах на историю Лабриола целиком стоит на точке зрения Маркса—Энгельса. Кто понимает «историческую концепцию» этих двух мыслителей, тому достаточно прочесть вышеприведенные строки из моего изложения взглядов Лабриола, чтобы убедиться в этом. Но г. Михайловский не понимает этой «концепции», хотя и оспаривает ее, потому он и не узнал ее, не встретив в ее изложении некоторых слов, заученных им без всякого смысла*.

Но зачем же вы заговорили не теми словами, к которым я привык?—скажет, может быть, г. Михайловский.—Отчего вы
70 прямо | не сказали, что Лабриола стоит на точке зрения Маркса—Энгельса?—Это уж мое дело, отвечу я ему. Может быть, я именно на то и рассчитывал, что вы запутаетесь в незнакомых вам словах и тем покажете всей нашей читающей публике, что у вас с затверженными вами терминами не связывается никаких понятий... Всякий согласится, что если я действительно рассчитывал так, то последствия оправдали мой расчет. А я, грешный человек, и в самом деле рассчитывал на неблагоразумную горячность г. Михайловского.

Когда г. Михайловский говорит об «исторической концепции Маркса—Энгельса», то он произносит слова, лишенные всякого определенного смысла. Это доказывается еще тем его
71 убеждением, что сторонники | этой «концепции» строят историю на саморазвитии форм производства и обмена. Выше я сказал, что если бы кто-нибудь объявил подобное «саморазвитие» бессмысленным набором слов, то я не стал бы спорить и пререкословить, теперь я сам покажу, что это действительно так, что, говоря о саморазвитии названных форм, г. Михайловский опять не связывал со словами никаких понятий, опять обнаруживал «несчастие своего рассудка».

Формы производства и обмена—то же, что экономические отношения, а экономические отношения—это не более и не менее, как взаимные отношения людей в общественном процессе производства. Поэтому развитие форм производства и обмена означает лишь изменение взаимных отношений л ю-
72 д е й в названном процессе. А из этого следует, что | нет и не

* Стр. <69> 23 является до некоторой степени повторением стр. <64> 19 рукописи. Несмотря на эту небольшую неувязку, оставляем это место, как оно написано у Г. В. Плеханова, так как рукопись в том виде, как она восстановлена нами, читается, как сплошной непрерывный текст. Выкинув из нее стр. 69, мы нарушили бы ее цельность.—Р е д.

может быть такого развития форм производства, в котором не участвовали бы л ю д и, и что говорить об их саморазвитии, как о процессе, который совершается «сам собою», т. е. помимо людей, могут только те, которые ничего не поняли н и в э к о н о м и ч е с к о м, н и в и с т о р и ч е с к о м учении Маркса.

Но почему же изменяются взаимные отношения людей в общественном процессе производства? Маркс отвечает на это очень ясно. Оттого, что изменяется состояние производительных сил. «Из этого видно,—справедливо замечает г. Бельтов на 173 стр. своей книги,—[что только в популярной речи можно говорить об экономии, как о п е р в и ч н о й п р и ч и н е всех общественных явлений. Далекая от того, чтобы быть первичной причиной, она сама есть следствие, „функция“ производительных сил»]*.

| В своей статье о материалистическом понимании истории 73
я выразил ту же самую мысль и почти теми же самыми словами: «по учению новейших материалистов [человеческой природе соответствует в с я к и й экономический порядок, соответствующий состоянию производительных сил в данное время.

И наоборот, любой экономический порядок начинает противоречить требованиям этой природы, едва только он приходит в противоречие с состоянием производительных сил. „Господствующий“ фактор сам оказывается, таким образом, п о д ч и н е н н ы м другому „фактору“. Ну, а после этого какой же он „г о с п о д с т в у ю щ и й“?»]**.

Это чрезвычайно важный «пункт» в «исторической концепции» современных материалистов, и по поводу его не мешает сделать некоторое «разъяснение». Если бы экономические отношения были последней, основной причиной всех общественных явлений, то | невозможно было бы понять, откуда явится <74>
у цивилизованного человечества возможность современем от- 34
делаться от этих отношений. Но так как экономические отношения сами являются результатом данного состояния производительных сил, то все дело очень легко объясняется. Буржуазные отношения прочны лишь там и лишь до тех пор, где и пока они соответствуют состоянию производительных сил общества; когда исчезнет это соответствие,—исчезнут и бур-

* В рукописи: «Из этого видно,—справедливо замечает г. Бельтов на 173 стр. своей книги,—что только в популярной речи можно говорить об экономии, как о первичной причине и т. д. до конца отрывка».

Цитируется по первому изданию Бельтова, Спб. 1895 г. (Собр. соч., т VII, стр. 197).—Р е д.

** В рукописи: «В своей статье о материалистическом понимании истории я выразил ту же самую мысль и почти теми же словами: „по учению новейших материалистов и т. д., стр. 71 до конца, до слов: он „господствующий“?»

Цитата из статьи Н. Каменского (Плеханова) «О материалистическом понимании истории» —«Новое слово», 1897 г., № 12, сентябрь, стр. 70—98.

Страница в рукописи указана ошибочно. Цитируемое место находится не на 71, а на 77 стр. (Собр. соч., т. VIII, стр. 246).—Р е д.

жуазные экономические отношения. Оно исчезнет, конечно, не сразу; его исчезновение есть целый процесс, который уже начался в передовых странах Европы и который налагает очень
75 заметную | печать на внутреннюю жизнь западно-европейских обществ и на взаимные отношения различных общественных классов. Орудием устранения отжившей экономической структуры является там политическая деятельность. Таким образом, политический «фактор», сам выросший на почве буржуазных экономических отношений и когда-то содействовавший их дальнейшему развитию, становится необходимым и сильнейшим средством их гибели, едва только общественные производительные силы перерастают эти отношения. Таким образом, человечество переходит в новую фазу экономического развития.

Что же такое политический фактор? Это—деятельность
76 людей, направленная к достижению различных | (экономических, правовых, нравственных) целей и опирающаяся на существующее в данное время соотношение общественных сил, т. е. сил различных общественных классов и слоев. Таким образом, мы в политике, как и в экономии, имеем дело лишь с общественными отношениями людей. Одни и те же люди создают одною стороною своих отношений экономическую структуру общества, а другою стороною—его политический строй. Поэтому я имел полное право сказать, что «люди делают не несколько [отдельных одна от другой историй—историю права, морали, философии и т. д.,—а одну только историю своих собственных общественных отношений, обусловливаемых состоянием производительных сил в каждое данное время. Так называемые идеологии представляют собою лишь многообразные отражения в умах людей этой единой и нераздельной истории»]*.

< С точки зрения этой «концепции», которая есть не что иное, как «историческая концепция Маркса—Энгельса», различ-
77 ные «факторы» представляются совсем не в том > |виде, какой они получают благодаря другим «концепциям». Эклектики, умственные ресурсы которых не позволяют им пойти дальше той мысли, что каждый фактор влияет на все остальные и, в свою очередь, испытывает на себе их влияние, решительно не могут ответить на вопрос о том, откуда же берется эта система сил, действующих одна на другую, и чем определяется величина и значение каждой из них. Поэтому они изображают дело так, как будто каждый фактор—экономия, право, мораль и т. д.—развивается сам из себя, как некая отдельная субстанция, хотя и испытывающая на себе влияние других от-

* В рукописи: «Поэтому я имел полное право сказать, что люди делают не несколько и т. д. „Новое слово“, стр. 98».

Цитата из статьи Н. Каменского «О материалистическом понимании истории»—«Новое слово», 1897 г., № 12 (Собр. соч., т. VIII, стр. 270).—Р е д.

дельных субстанций, но имеющая также...* | или общественной мысли и таким образом стал бы оперировать с простой 79
абстракцией.

Излагая взгляды, с которыми я и в этом случае был совершенно согласен, я писал: «как бы ни была законна [и полезна в свое время теория факторов, она не выдерживает теперь критики. Она расчленяет деятельность общественного человека, превращая различные ее стороны и проявления в особые силы, будто бы определяющие собою историческое движение общества. В истории развития общественной науки эта теория играла такую же роль, как теория отдельных физических сил в естествознании. Успехи естествознания привели к учению об единстве этих сил, к современному учению об энергии. Точно так же и успехи общественной науки должны были повести к замене теории факторов, этого плода общественного анализа, синтетическим взглядом на общественную жизнь»]**.

Г. Михайловский вообразил, что я возвращаюсь к тому, свойственному всем эклектикам, учению о «факторах», которое не идет дальше указания существующего между факторами взаимодействия. Он не заметил или не хотел заметить, что я называю точку зрения взаимодействия мертвой точкой и говорю, что пока мы...*** | самыми видными представителями 81
и в значительной степени отцами современного диалектического материализма. Я думал, что это последнее обстоятельство известно всем и каждому. Но выходит, что его не знал фельетонист «Русского Богатства». Возможно, что оно неизвестно и еще кому-нибудь. Стало быть, мне нужно доказать то, что я считал общепризнанным. Что же, будем доказывать. Не угодно ли г. Михайловскому обратить внимание вот на эти строки, вышедшие из-под пера Энгельса: «Уразумение полной ошибочности [господствовавшего до тех пор в Германии идеализма должно было неизбежно привести к материализму, но, само собой разумеется, не к простому метафизическому, исключительно механическому материализму XVIII века. В противоположность наивно-революционному, простому отрица-

* Приводим второй вариант той же стр. 77:

«...виде, какой они получают благодаря другим „концепциям“. Экономические отношения и политический строй данного общества, его право, мораль, наука, искусство, прежде чем стать фактором,—т. е. прежде, чем так или иначе влиять на дальнейшее развитие общества—являются фактами, требующими своего объяснения. Где искать его? В состоянии общественных производительных сил, отвечают современные материалисты. Правы ли они? По-моему, они совершенно правы, но дело не в том, правы они или нет, а в том, что...»

Стр. 78 не сохранилась.—Р е д.

** В рукописи: «Как бы ни была законна и т. д. „Новое слово“, стр. 75—76 до слов: на общественную жизнь».

Цитата из статьи Н. Каменского «О материалистическом понимании истории» — «Новое слово», 1897 г., № 12 (Собр. соч., т. VIII, стр. 245).—Р е д.

*** Стр. 80 не сохранилась.—Р е д.

нию всей протекшей истории, современный материализм видит в истории процесс развития человечества, причем его задачей является открытие законов движения этого процесса. В противоположность господствовавшему у французов XVIII века и еще у Гегеля представлению о природе, как о всегда себе равном целом, неизменно вращающемся в одних и тех же ограниченных пределах, с вечными мировыми телами,—как учил о них Ньютон,—с неизменными органическими видами,—как учил о них Линней,—современный материализм связывает в одну систему все новейшие успехи естествознания, благодаря которым стало ясно, что природа также имеет свою историю во времени, что небесные тела, как и все виды организмов, населяющие их при благоприятных условиях, возникают и исчезают, и что вообще природа движется далеко не в таком тесном круге, как думали раньше. В обоих случаях материализм является существенно диалектическим и делает излишней всякую философию, предъявляющую претензию стать выше других наук»]*.

Теперь вы видите, г. Михайловский, что, по мнению Энгельса, современный материализм есть материализм с у щ е с т в е н н о - д и а л е к т и ч е с к и й. Но, может быть, вы
82 усомнитесь в том, что Энгельс был [его] приверженцем. | Но вспомните, как характеризует он значение своей «исторической концепции».

«Гегель освободил от метафизики [понимание истории,—он сделал его диалектическим,—но его собственный взгляд на нее был идеалистичен по существу. Теперь идеализм был изгнан из его последнего убежища, из области истории, теперь понимание истории стало материалистическим, теперь найден был путь для объяснения человеческого с а м о с о з н а н и я условиями человеческого с у щ е с т в о в а н и я, вместо прежнего объяснения этих условий человеческим самосознанием»]**.

Кажется, это ясно и понятно. Но, может быть, вы все еще не понимаете, г. Михайловский? Может быть, вас смущает употребленный Энгельсом и заимствованный у него итальянским профессором термин: исторический материализм? Я объясню вам, в чем тут дело.

Читали ли вы известное полемическое сочинение Энгельса: «Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft»? Конечно, читали, ведь именно оттуда заимствовали вы так оконфузив-

* В рукописи: «Уразумение полной ошибочности» и т. д. „Развитие научного социализма", стр. 21—22 до слов: выше других наук».

Цитируется по книге: Э н г е л ь с, Развитие научного социализма, Женева 1892 г.—Р е д.

** В рукописи: «Гегель освободил от метафизики и т. д. „Развитие научного социализма", стр. 23—24 до слов: человеческим самосознанием».

Цитируется по книге: Э н г е л ь с, Развитие научного социализма, Женева 1892 г.—Р е д.

ший вас пример с зерном овса (помните—«момент цветения»?). Итак |< мы видим, что материалистическое миросозерцание <83>
Маркса—Энгельса охватывало и природу и историю. И в том 38bis
и в другом случае оно было «с у щ е с т в е н н о - д и а л е к т и ч е с к и м». Поскольку диалектический материализм касался истории, Энгельс называл его иногда историческим материализмом. Он употреблял это название не для характеристики своего миросозерцания, а лишь для обозначения той области явлений, которую он объясняет. Вот только и всего. Что может быть проще этого!>

У Г. И. Успенского в «Разореньи» фигурирует пожилой чиновник Павел Иванович Печкин, у которого под неожиданным напором новых жизненных явлений ужасно перепутались все | понятия и представления, вследствие чего он уже не рас- <84>
суждал и не спорил, а просто кстати и некстати изрекал 39
какую-то «сердитую чушь». Зайдет, например, речь о железной дороге, Печкин брюзжит: «Железная дорога! Ну что такое железная дорога? Железная дорога, железная дорога! А что такое? В чем дело?.. неизвестно!» В последнее время г. Михайловский начинает обнаруживать довольно сильное сродство с этим чиновником. Он брюзжит совершенно, как Павел Иваныч Печкин: «Диалектический материализм! Ну что такое диалектический материализм? Диалектический материализм, диалектический материализм! А что такое? В чем дело?.. неизвестно!» Печкин нес свою сердитую чушь оттого, что голова его была, по выражению Г. И. Успенского, р а з о р е н а с о в р е м е н н о с т ь ю д о п о с л е д н е й в о з м о ж н о с т и.

| Неужели голова г. Михайловского находится в том же <85>
печальном положении? 40

Название: диалектические материалисты кажется ему «н е у к л ю ж и м». Может быть, это и так, но легко избежать его употребления; можно сказать просто: современные материалисты. Если я до сих пор редко пользовался этим термином, то лишь потому, что я считал нужным оттенить и подчеркнуть характер современного материализма. Теперь эта цель, надеюсь, достигнута, поэтому теперь вместо: диалектический материализм, диалектические материалисты я могу говорить: современный материализм, современные материалисты.

| Замечу также, что в терминологии г. Михайловский плохой <86>
судья. Еще не так давно он осуждал термин: «п р о и з в о д и т е л и»; конюшней, мол, пахнет! Что прикажете возразить на это? Со времени выхода сен-симонистского журнала: «Le producteur»* в 1825 году термин этот беспрестанно употребляется в Западной Европе и никому конюшни не напоминает. А вот 41
в уме нашего «кающегося дворянина» он вызывает представле-

* «Производитель».—Р е д.

ние о конюшне. Но винить в этом нужно не термин, а, вероятно, воспитание кающегося дворянина.

Я говорю в своей статье, что, по мнению г. Михайловского, Луи Блан и г. Ю. Жуковский были такими же «экономическими материалистами», как и нынешние наши сторонники материалистического понимания истории, и что такое мнение может основываться лишь на крайнем смешении понятий. Г. Михайловский с обычною своею мягкостью возражает:
<87> |«это—неправда (курсив его), я такого мнения не высказывал». Нет, г. Михайловский, вы его высказали. Вот ваши
42 подлинные слова: «Г. Бельтов говорит о французских историках [и о французских „утопистах“, оценивая тех и других в меру их понимания или непонимания экономики, как фундамента общественного здания. Странным, однако, образом он совсем не упоминает при этом о Луи Блане, хотя одного предисловия к „Histoire de dix ans“* достаточно, чтобы предоставить ему почетное место в ряду первоучителей так называемого экономического материализма. Конечно, тут много такого, с чем г. Бельтов согласиться не может, но тут есть и борьба классов, и характеристика их экономическими признаками, и экономика, как скрытая пружина политики, вообще многое, что позже вошло в состав доктрины, так горячо защищаемой г. Бельтовым. Я потому отмечаю этот пробел, что он, во-первых, и сам по себе удивителен, и намекает на какие-то побочные цели, не имеющие ничего общего с беспристрастием»]**.

Луи Блану принадлежит почетное место в ряду «первоучителей» так называемого экономического материализма. Прекрасно. Что понимает г. Михайловский под словами: экономический материализм? «Историческую концепцию Маркса—Энгельса». Отсюда следует, что Луи Блан был одним из отцов этой «концепции». А нынешние наши сторонники материалистического понимания истории придерживаются именно этой «концепции». Стало быть, они такие же экономические мате-
88 риалисты, как и | Луи Блан, один из них «первоучителей». Кто же из нас говорит неправду?

Зная вас, я заранее вижу тот путь, которым вы постараетесь выйти из неудобного для вас положения. Вы скажете: «Ведь я же заметил, что у Луи Блана много такого, с чем г. Бельтов согласиться не может». Вы постараетесь, чтобы у вас вышло так, как поется во французской песенке:

Ils étaient quatre
Qui voulaient se battre,
Mais il y en avait trois
Qui ne le voulaient pas*.

| Но ссылка на «многое такое» едва ли убедит того, кто при- 89
помнит ваши же слова: ,,но тут есть и борьба классов, и характеристика [их экономическими признаками, и экономика, как скрытая пружина политики, вообще многое, что позже вошло в состав доктрины, так горячо защищаемой г. Бельтовым“]**. Этих слов нельзя понять иначе, как понял их я, т. е. в том смысле, что поскольку у Луи Блана есть и характеристика классов экономическими признаками, и экономика, как скрытая пружина политики, и проч., он был таким же экономическим материалистом, как и нынешние наши сторонники материалистического взгляда на историю. Поняв вас таким, т. е. совершенно правильным образом, я указал читателям на то, что «экономический материализм» не мешал Луи Блану быть идеалистом по своему взгляду на историю***. Это неоспоримо: Луи Блан действительно был идеалистом. | Но каким же образом идеалист мог быть 90
первоучителем материализма? Это, разумеется, бессмыслица, которой вы не заметили, но на которую я счел нужным обратить внимание читателей, сказав, что далее путаница понятий итти не может. При этом я объяснил, каково было

* «История десяти лет».—Ред.

** В рукописи: «Г. Бельтов говорит о французских историках и т. д. Сборник, моя статья, стр. 239 до конца выписки».

Цитата из статьи Утиса (Плеханова) «Несколько слов нашим противникам», напечатанной в сожженном марксистском сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», Спб. 1895 г., стр. 225—259 (Собр. соч. Плеханова, т. VII, стр. 303).—Ред.

* Четыре братца
Хотели драться.
Из них ни старший, ни меньшой,
Ни средний—в драку ни ногой. (См. стр. 126).—Ред.

** В рукописи: «но тут есть и борьба классов и характеристика и т. д., стр. 239 до слов: защищаемой г. Бельтовым». Выдержка из цитаты, приведенной на предыдущей странице (Собр. соч., т. VII, стр. 303).—Ред.

*** Сделать примечание, отмеченное на стр. 71 моей статьи.—Примеч. Г. В. Плеханова.

Плеханов имеет в виду свою статью «О материалистическом понимании истории», помещенную в «Новом слове» за 1897 г., № 12, стр. 70—98.

Ввиду того, что в экземпляре «Нового слова», имеющемся в библиотеке Г. В. Плеханова, эта статья вырвана и пометки Плеханова установить невозможно, приводим из стр. 71 то место, которое отвечает по смыслу указаниям Плеханова:

«Мы просим читателя заметить, что и для Луи Блана и для Роджерса[78] экономический фактор, господствующий в общественной жизни, сам был, как выражается математика, функцией человеческой природы, а главным образом—человеческого ума и знаний. То же надо сказать и об упомянутых нами выше французских историках времен реставрации. Ну, а как назвать исторические взгляды людей, хотя и утверждающих, что экономический фактор господствует в общественной жизни, но в то же время убежденных, что фактор этот,—т. е. экономика общества,—в свою очередь, является плодом человеческих знаний и понятий? Такие взгляды нельзя назвать иначе, как идеалистическими. Выходит, что экономический материализм еще не исключает исторического идеализма. Да и это еще не совсем точно; мы говорим: еще не исключает идеализма, а следует сказать: может быть, и до сих пор чаще всего бывал, простою его разновидностью»* (Собр. соч., т. VIII, стр. 240—241).—Ред.

действительное положение дела. Вы ничего не поняли в моем объяснении, поэтому я должен повторить его.

Хотя у Луи Блана была и «экономика, как скрытая пружина», и проч. и проч., но для Луи Блана эта экономика, служащая пружиной, сама была лишь функцией «человеческой природы». А пока люди апеллируют к этой природе, как к последней причине общественных явлений,—они так или иначе,
91 прямо или окольным путем | (подобно материалистам-метафизикам прошлого века) приходят к идеалистическому взгляду на историю. Покончить с идеализмом в истории удалось лишь Марксу, который объясняет общественную жизнь не теми или другими свойствами человеческой природы, а свойствами тех взаимных отношений, в которые становятся люди в общественном процессе производства. Эти отношения обусловливаются не природой человека, а состоянием производительных сил. Воздействуя на внешнюю природу в качестве производителя, человек изменяет свою соб-
92 ственную природу. | Другими словами, природа людей изменяется в зависимости от природы их взаимных отношений в процессе общественного производства. Из этого следует один чрезвычайно важный вывод, возможности которого даже и не подозревает г. Михайловский.

«Экономический фактор», дальше которого ничего не видят в нашей теории наши противники, приурочивается ими к одной из сторон человеческой природы: к потребностям «тела»; а умственный и нравственный факторы приурочиваются к потребностям «духа». Если с изменением характера процесса общественного производства изменяется и человеческая природа, то отношение потребностей «тела» к потребностям «духа» не может оставаться постоянным. Это мы и видим в истории.
93 |Производительные силы, находящиеся в распоряжении первобытного человека, крайне ничтожны; поэтому самая главная часть его времени употребляется на удовлетворение элементарнейших потребностей «тела»; здесь, стало быть, почти безраздельно господствует «экономический фактор» в смысле, придаваемом этому слову г. Кареевым. Но по мере того, как развиваются производительные [силы] людей, у них является все больше и больше времени, которым можно воспользоваться для удовлетворения потребностей «духа». Таким образом, постепенно растут и усиливаются «духовные факторы». Повидимому, можно было бы сказать на этом
94 | основании, что сама история все более и более опровергает «экономический материализм», как учение, провозглашающее господство «экономического фактора». Но это только повидимому. На самом же деле рост и усиление «духовных факторов» есть результат развития общественных производительных сил и тех отношений, в которые, благодаря ему, становятся люди. Таким образом, хотя по мере развития производительных сил [изменяются] взаим-

ные отношения различных факторов, но все они без исключения испытывают на себе определяющее и формирующее влияние процесса развития производительных сил и обусловленного им изменения общественных отношений.

Возьмем пример. Магнат доброго старого времени, имевший, положим, 10 тысяч тягол, получал от них так называемый в науке прибавочный продукт | или (при развитии товарного 95
производства) прибавочную стоимость, которую он и проживал более или менее весело*. На удовлетворение собственно физических потребностей этого помещика уходила прибавочная стоимость, создаваемая трудом, скажем, 250 тягол[79]. Остальная часть помещичьего дохода шла на поддержание псовой охоты, домашнего театра, собственного оркестра и других затей, удовлетворявших те или другие потребности помещичьего «духа»; значит, «экономический фактор», как его понимает г. Кареев, вовсе не занимает господствующего места между факторами, способствующими потреблению помещичьего дохода. Но, несмотря на это, и сам помещик и способы удовлетворения всех его потребностей были | в последнем счете продуктом 96
тогдашних экономических отношений, которые обусловливались тогдашним состоянием общественных производительных сил.

Развитие производительных сил ведет к разделению общества на классы. Низшие классы, с трудом удовлетворяющие самые неотложные потребности своего тела, почти всецело подчинены «экономическому фактору», а высшие, имея много свободного времени, погружаются в искусства, в науки, предаются мечтам и страстям. Они обидятся, если вы подумаете, что экономический фактор играет в их жизни самую главную роль. Мы можем допустить, что они действительно больше думают об искусствах и науках, | чем о потребностях тела, но это 97
не помешает нам сказать, что как сами эти высшие классы, так и господствующие в их среде «мечты и страсти», созданы развитием общественных отношений, происхождение которых уже не составляет теперь для нас никакой тайны.

В первой из своих статей о судьбах русской критики я, чтобы выяснить г. Волынскому совершенно неизвестные ему взгляды современных материалистов, указал на ход развития французской живописи. Я вернусь теперь к тому же примеру.

Передо мной на письменном столе лежит превосходная гравюра с картины Буше[80]: «Les grâces au bain»** и фотография с картины Давида: | «Les licteurs rapportent à Brutus les corps 98
de ses fils»***. Памятуя извлеченное мною из сочинений г. Кареева определение «экономического фактора», я довольно легко

* Строго говоря, помещику доставалась, конечно, не вся эта прибавочная стоимость. Часть ее доставалась государству, купеческому сословию и т. д. Но для нас здесь это совершенно безразлично.—Примеч. Г. В. Плеханова.

** «Купающиеся грации».—Р е д.

*** «Ликторы приносят Бруту тела его сыновей».—Р е д.

объясняю себе, какое отношение имеют изображенные Буше грации к потребностям «тела»,—особенно «тела» тогдашнего французского аристократа,—но для меня совсем не понятно, как относится к ним живопись Давида. Как я ни бьюсь над этим вопросом, я не могу разрешить его даже с точки зрения «саморазвития форм производства и обмена», приписанной г. Михайловским сторонникам «экономического материализма». Я не понимаю, как это саморазвитие могло вызвать появление вышеназванной картины. Как быть? Я развертываю известную историю искусства Любке и нахожу там следующее место*:

[99] | [«Bien que la peinture moderne ait abandonné le mode classique beaucoup plus résolument que la plastique ne l'a jamais fait et ne le pourra jamais faire, elle aussi procède en droite ligne du mouvement politique, social et scientifique, qui a marqué les dernières années du siècle passé. C'est la Révolution qui a brusquement coupé le fil de la tradition gracieuse et si française du XVIII siècle, la plus gracieuse, la plus française. C'est le petit neveu de Boucher—David, qui a passé condamnation sur la peinture des boudoirs et des cabinets d'amateurs pour lui substituer, sur la base de la nature et de l'antique, un art véritablement moral et républicain... David se révéla dès son coup d'essai (le Bélisaire, Louvre, 1781) tel, qu'il devait rester toute sa vie: un homme de travail et de réflexion, plein de hautes visées mais exclusif, à la fois consciencieux et prétentieux, plus maniéré dans son genre, qu'un Boucher dans le sien, un moraliste enfin, un philosophe plûtot qu'un peintre... Il faut se rapporter au temps de la révolution pour apprécier à leur valeur ces oeuvres, qui nous paraissent théâtrales, pédantes et froides, mais qui étaient autant de révélations pour les contempo-
<100> rains»]**... | давала тогда история древнего мира. И вот пере-
70 довые люди Франции обращаются к этой истории: вспомните

* Стр. 99 не сохранилась. Г. В. Плеханов имеет здесь в виду книгу немецкого искусствоведа В. Любке, сохранившуюся в его библиотеке во французском переводе: «Essai d'histoire de l'art» («Очерк истории искусства»). За отсутствием точных указаний у Г. В. Плеханова, приводим из этой книги место, наиболее соответствующее тексту рукописи (т. II, стр. 437—438).—Р е д.

** «Хотя современная живопись и отказалась от классической традиции несравненно более решительно, чем это сделала и когда-либо сможет сделать скульптура, однако и она ведет свое происхождение по прямой линии от политического, социального и экономического движения, которым отмечены последние годы прошлого столетия. Именно революция резко оборвала нить изящной, чисто французской традиции XVIII века, самой изящной, самой типичной французской. Внучатный племянник Буше—Давид—был тем, кто осудил будуарную и кабинетную живопись любителей, чтобы заменить ее искусством подлинно добродетельным и республиканским на основе природы и древности... С первого своего опыта (Велизарий, Лувр, 1781) Давид обнаружил себя таким, каким он должен был оставаться на всю жизнь: человеком труда и размышления, полным высоких прозрений, но недоступным, добросовестным и в то же время претенциозным, более манерным в своем роде, чем какой-нибудь Буше в своем, наконец моралистом, философом, скорее, чем художником... Надо перенестись во времена революции, чтобы оценить по достоинству эти картины, которые кажутся нам театральными,

рассказ m-me Ролан о том, как она в юности зачитывалась Плутархом. После этого уже нельзя удивляться тому, что Давид написал своего Брута; не удивителен и тот успех, который имела его картина; не удивительно, наконец, даже и то, что она была лишь выполнением официального заказа. Это последнее обстоятельство хорошо разъясняет Эрнест Шесно. «В последние годы царствования Людовика XVI,—говорит | он,—всеобщее увле-<101>
чение древними республиками вызвало в официальном мире 71
живой интерес к художественному воспроизведению—в пластике, живописи и литературе—подвигов греческих и особенно римских героев. Уступая этому направлению французского вкуса, господин д'Анживиллье, директор всех королевских зданий, поручил Давиду нарисовать две картины, окончательно упрочившие его репутацию: «Le serment des Horaces»* и «Les licteurs rapportent à Brutus les corps de ses fils»**. Д'Анживиллье был увлечен напором общественного мнения, а направление общественного мнения определилось тогдашними общественными отношениями Франции, которые, в свою очередь, созданы были развитием производительных сил, глубоко видоизменившим всю ее „экономику". < Но есть в этом деле и другие > | еще неясные для меня „пункты"». 102

Указанные причины объясняют мне выбор Давидом сюжетов для своих картин. Но ведь он сделал целый переворот во французской живописи. Неужели к выбору сюжетов сводится все значение этого переворота?

Нет. Дело далеко не в одних только сюжетах: изменилось все отношение живописца к технике своего искусства. Школа, против которой восстал Давид, отличалась страшною манерностью и вычурностью, которые были доведены до последней степени Карлом Ван-Лоо и его учениками. Художественная деятельность Давида была реакцией против этого вычурного направления, | поэтому вычурность и манерность заменились 103
у него суровой простотою***. Но где же можно было искать лучших образцов такой простоты? Опять в древности и опять преимущественно в римской древности, с которой тогда были лучше знакомы, чем с греческой. И вот Давид подражает древним. Но древняя живопись нам мало известна; для новейших народов [скульптура являлась] искусством, наиболее ярко выражающим эстетические понятия античного мира. Это обстоятельство имело огромное влияние на художественные приемы

педантичными и холодными, но которые были настоящим откровением для современников».—Р е д.

* «Клятва Горациев».—Р е д.

** La peinture française au XIX siècle, 2 éd., p. 10.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

*** «Autant on a été loin dans le contourné et le fadement gracieux, autant on va vouloir réagir dans le simple et l'austère». A r s è n e A l e x a n d r e, Histoire populaire de la peinture, école française, p. 254.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

Давида. Его недаром упрекали в том, что каждая его картина представляет собою лишь собрание хорошо нарисованных
<104>с т а т у й. | < При некотором внимании не трудно видеть,
75 bis что это обстоятельство объясняет многие недостатки его школы. Конечно, можно сказать, что самым главным ее недостатком было отсутствие в ней очень больших талантов. И этого недостатка, конечно, нельзя объяснить ни предшествующим состоянием французской живописи, ни характером полученного от древности художественного наследства. Но он очень хорошо> объясняется тогдашним о б щ е с т в е н н ы м состоянием Франции, сильно способствовавшим развитию р а с с с у д о ч н о с т и, но неблагоприятным для развития х у д о ж е с т в е н н ы х талантов. У Давида рассудочность совершенно преобладала над вооб-
<105>ражением, отчего он, разумеется, много терял как | живопи-
76 сец. Живописцы-романтики бесспорно имели гораздо более художественную организацию, чем живописцы школы Давида. Но романтизм соответствует иной ступени общественного развития Франции.

Итак, переворот, совершенный в живописи Давидом, был лишь художественным выражением освободительной борьбы третьего сословия. Если я знаю, как относится это движение к развитию экономической структуры французского общества, то я умею связать с этим развитием и художественную деятельность Давида.<И для выяснения этой связи мне не нужно апеллировать ни к экономическому фактору, как его понимает г. Кареев, ни к тому «саморазвитию» экономических форм, ко-
106 торое совершается будто бы> | помимо людей и независимо от их общественных отношений.

А может быть я ошибаюсь, говоря, что художественная деятельность Давида выражала собою общественное движение третьего сословия? Может быть, эта моя мысль порождена той односторонностью и узостью понятий, в которой гг. эклектики не перестают упрекать современных материалистов? К счастью, это не так, к счастью, моя мысль не составляет моей исключительной собственности, а принадлежит всем тем, которые хоть немного знакомы с историей литературы и искусства во Франции прошлого века.

Раскройте хоть Геттнерову «Geschichte der französischen Literatur im achtzehnten Jahrhundert»*. Там вы найдете, во-
107 первых, краткую, но верную | характеристику взаимного отношения с о с л о в и й, а во-вторых, разъяснение того, в какой мере и каким [образом] эти классовые отношения выразились во французской литературе и во французском искусстве.

Посмотрим сначала, как обстоит дело с сословными отношениями.

---

* Есть русский перевод.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а. «История французской литературы в XVIII столетии».—Р е д.

«Дворянство все более и более разлагается и дичает, буржуазия крепнет и приобретает непредвиденную прежде силу и значение... Рядом с развращенным дворянством неожиданно становится молодое и сильное среднее сословие, заслуги и требования которого с каждым днем становятся важнее и настойчивее»*.

Хорошо. Как влияют эти сословные отношения на психологию третьего сословия?

Оно начинает восставать против привилегий дворянства, роптать на сословные подразделения. Неудовольствие, | вызывае- 108
мое в нем этими привилегиями и подразделениями, становится все сильнее и сильнее и порождает учение об естественном равенстве всех людей, с точки зрения которого старые нормы права и старый государственный быт оказываются, конечно, совершенно несостоятельными**.

Как же отразилось это настроение в литературе и искусстве? Отчасти мы уже знаем—как. | Распространение учения 109
об естественном равенстве людей было делом литературы. Но, может быть, вы хотите знать, что происходило тогда собственно в художественной литературе? И на этот счет вы найдете у Геттнера некоторые, не лишенные интереса указания.

<Вот что говорит он, например, об эпохе регентства в главе, носящей выразительное название: «Die gesellschaftlichen Gegensätze in Kunst und Dichtung»>***.

«Если смысл общественного брожения того времени сводится главным образом к тому, что, с одной стороны, дворянство дичает и падает, а с другой, напротив, возвышается и приобретает более важное значение среднее сословие,—говорит он,—то | те же два течения замечаются и в поэтических изобра- 110
жениях тогдашних нравов. Одно воспроизводит легкомысленную жизнь высшего общества; другое описывает борьбу и приключения, радости и безумства поднимающейся буржуазии. Наиболее заметными представителями первого являются аббат Прево[81], Кребильон младший[82] и Грессэ[83]; представителями второго служат Мариво[84], Детуш [85] и Нивелль де-ля-Шоссэ [86]»****.

Указанные общественные противоположности отражаются не в одной поэзии.

Испорченные нравы и вкусы дворянства выразились в картинах Буше и Ван-Лоо, а | выразителем в живописи стремле- 111
ний, представителями которых в литературе были Мариво, Детуш и Нивелль де-ля-Шоссэ, был Шардэн[87]. Жанр в живописи и чувствительная («слезливая») комедия порождены были одним и тем же движением среднего сословия*****.

---

* Стр. 66 и 72 (я цитирую по Брауншвейгскому изданию 1881 года).—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

** Ibid., S. 76—77.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

*** Общественные противоречия в искусстве и поэзии.—Р е д.

**** Ibid., S. 100.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

***** Ср. стр. 121, 228 и 334.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

С этим взглядом немецкого историка литературы полезно будет сопоставить взгляд французского критика Брюнетьера[88].

Говоря о происхождении «мещанской драмы» (т. е. той же «слезливой комедии») и указав на свойственную тому времени чувствительность—черта, которую тоже не трудно объяснить тогдашними общественными отношениями,—Брюнетьер продолжает:

112 |«Не забудьте последней черты: мы находимся в XVIII веке, после крушения банка Лау[89], когда, как вы знаете, почва все более и более ускользает из-под ног аристократии. Этот класс делает все от него зависящее, чтобы дискредитировать себя. Больше всего он разоряется, а соответственно этому буржуазия, третье сословие, становится богаче, приобретает более важное значение и новое понятие о правах, которые должны принадлежать ей. Неравенство становится для нее более обидным, злоупотребления более возмутительными... Могла ли
113 она не воспользоваться при этом таким средством | пропаганды?.. Еще того более: могла ли эта уже торжествующая буржуазия довольствоваться вечным изображением на сцене императоров и королей и, так сказать, не воспользоваться своими сбережениями для того, чтобы заказать свой собственный портрет?»*.

Слезливая комедия,—точно так же, как и картины Шардэна,—не была созданием экономического фактора в кареевском смысле: она явилась вовсе не для удовлетворения потребностей «тела». Точно так же не была она создана и тем саморазвитием форм производства и обмена, какое придумано было
114 г. Михайловским. Она не имеет никакого прямого | отношения к самим этим формам, ни к их непостижимому «саморазвитию». Экономическое развитие Франции создало более высокое общественное положение для некогда униженной буржуазии; это более высокое положение дало сильнейший толчок развитию ее самосознания, а это самосознание вызвало появление мещанской драмы. В свою очередь, этот род драматических произведений содействовал дальнейшему развитию самосознания буржуазии, которое было необходимо для устранения отживших общественных отношений производства, мешавших дальнейшему развитию производительных сил. Такова истинная связь
115 событий. Тому, кто понял ее, нет надобности всюду лезть с экономическим фактором для того, чтобы уметь объяснить связь духовной «надстройки» с экономическим развитием данной страны.

Упомянуть о том, что Михайловский не любит сам-м-мой[90]. Тем хуже для него. К тому же неизлечимый был эклектик и разыскивал в сущности только наилучшую формулу духовного прогресса. О Жуковском. Выгородить Барановского**.

* «Les époques du théâtre français».—Примеч. Г. В. Плеханова.

** О Жуковском и Туган-Барановском см. в окончательной (у нас первой) редакции настоящей статьи, страницы рукописи 56—58 и 86.—Ред.

ПЛАНЫ И ЗАМЕТКИ К СТАТЬЕ «ОБ „ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФАКТОРЕ“»

Мы даем три отдельных наброска планов и заметок Г. В. Плеханова, теснейшим образом связанных с двумя редакциями напечатанной выше статьи «Об „экономическом факторе“». Все они написаны рукой Г. В. Плеханова.

План, помещенный на первом месте, найден среди разрозненных рукописей Г. В. Плеханова и написан карандашом на отдельном тетрадочном листе с одной стороны. Этот план, относящийся несомненно к помещенной выше статье, выполнен в обеих редакциях статьи лишь во второй своей части. Начало плана имеет в виду то же частично разобранное в статье обозрение Михайловского «Литература и жизнь» («Русское богатство», 1897 г., № 10), состоящее из следующих разделов: «О совести г. Минского, страхе смерти и жажде бессмертия.—О наших умственных течениях за полвека.—О новых словах и „Новом слове“.—О речи проф. Светлова.—О г. Волынском и скандалистах вообще». Ссылки на страницы у Г. В. Плеханова сделаны по «Русскому богатству». В собр. соч. Михайловского это обозрение находится в т. VIII, изд. 1914 г., стр. 665—706.

Второй план находится в переплетенной тетради с выписками и заметками Г. В. Плеханова и занимает конец первой и 2—4 страницы. Связь этого плана со статьей «Об „экономическом факторе“» совершенно очевидна, хотя некоторые части его остались в статье неиспользованными.

Третий отрывок представляет собой ряд высказываний Г. В. Плеханова на тему о «факторах», перемежающихся с выписками из книги Поля Альбера «La littérature française», t. I. «Les origines du romantisme». Заметки и выписки сделаны рукой Г. В. Плеханова и находятся в толстой переплетенной тетради (в 115 стр.) среди других выписок и заметок, где занимают около 7 страниц (39—45, на двух сторонах листа). Связь этих заметок с печатаемой выше статьей устанавливается, кроме общего их содержания, началом заметки о красноречии (см. окончательную редакцию, стр. рукописи 78—79) и nota bene, где Г. В. Плеханов, цитируя фразу из «Эрнани», пишет: «поставить в конце моей статьи «о наших усыпителях» (см. первоначальную редакцию, стр. рукописи 40).

Заметки «К вопросу о факторах» опубликованы впервые в сборнике «Литературное наследие Г. В. Плеханова», III, стр. 160—162.

ПЕРВЫЙ ПЛАН

Для нашей цели безразлично, сознательно или бессознательно фразерствует Минский[91]. 165, 174. О тех оттенках, которые не заявляют себя. 178—179. П. Ч. [92], Юзов[93] и г. Михайловский. 179. Михайловский «сейчас кое-что скажет» о нас. 179. Диалектический материализм есть неуклюжий термин, 179 же—наше отношение к деревне и к философии. Ликую ли я по поводу метафизики. Наше злобное отношение к «наследству». 150. «Рус[ское] Богат[ство»] не причастно к народничеству. 181. Бессмысленные щипки. Каменский запутанно употребляет слова «диалектич[еский] материализм». В чем щипки Каменского? Если бы г. Михайловский дал себе труд прочесть «Dühring's Umwälzung», он не смущался бы моей терминологией. 182. О субъективных старичках.

Почему бессмысленно? Почему Михайловский упустил то, что я говорю о Марксе? 185. Чрезвычайно важное заявление Каменского. 185. Туманность статьи Каменского; роль производства и обмена.

ВТОРОЙ ПЛАН

Мертвая зыбь—«Русская Мысль», октябрь. Михайловскому.

Я постоянно жила в воздухе благородного возмущения и бессильного негодования. Я сочувствовала всем им и возмущалась и негодовала вместе с ними, а все-таки тосковала и бессознательно жаждала чего-то другого[94].

Михайловскому: nicht tragisch, sondern komisch*. Было бы плаксиво, а смысл верно выйдет. Будем не только щипать, но и освистывать [95]. О допотопном значении г. Михайловского. Шутовские стихи Добролюбова, 390, ч. IV[96]. Между кем распинает меня г. Михайловский. Что говорит Маркс о своей диалектике. Диалектика и метафизика [97]. Как может Михайловский судить о ясности чьих-нибудь философск[их] понятий? Несчастия г. Михайлов[ского] по части терминологии: производители (из сборника)[98]. Отчего г. Михайлов[ский] не вспомнил о «моменте цветения»[99]. Теоретич[еская] неправда и практич[еская] неправда (сознательная)—вот его «сущность». Плохое изложение: пример, Черныш[евский], излагая Лаврова, дает мало понятия о его брошюре[100]. Мы отрекаемся не от 60 и не от 70 гг., а от г. Михайлов[ского]. От его направления отрекались и 60 гг. Вспомните, как встречались статьи Лаврова и Чернышевским, Писаревым[101] и Антоновичем [102]. Опять неправда. Я очень люблю полемику; что говорит о полемике Чернышевский в Очерках гоголев[ского] периода (по поводу Надеждина). Михайловский не слышит делаемых ему возражений: Ох, глухота большой порок![103]. Читая плаксивые рассуждения Михайловского, хочется сказать: не верю, чтоб сей литературный генерал храбр был. Именно Михайловский привык от печки и не узнал марксизма, не слыша привычных слов: способы производства[104]. Заметить. В чем заслуга народников? В отрицании утопий народников и субъективистов. Успенский велик отрицанием Михайловского. Михайловский забыл, как презрительно относится к субъективному мышлению Чернышевский[105]. Очерки, 258. Михайловский недоумевает, можно ли назвать Энгельса диалектическим материалистом. Пусть он прочтет Dührings Umwälzung.

Привести из Корнеля[106]: les gens que vous tuez etc. (Le menteur[107]) и из Мюссе (немецкая история французск[ой] литературы)[108]. А по поводу стихов марксиста привести стихи Гюйо[109].

Le vrai, je sais, fait souffrir,
Voir, c'est peut-être mourir;
N'importe, o mon oeil, regarde!
(Les vers d'un philosophe.)**

* Не трагично, а комично.—Ред.
** См. перевод на стр. 155.—Ред.

Напомнить Михайловскому парня-раскольника (Успенский «Записки лентяя»?), как пример того, как мы не лезем всюду с экономическим фактором[110].

«Русская Мысль»—тетушка, женщина сырая. Михайловский—это человек, голова которого разорена современностью до последней возможности. Успенский, т. I, стр. 284[111].

ЗАМЕТКИ

Littérature française par Paul Albert, tome I. Les origines du romantisme, Paris 1887 (4-me éd.)*.

К вопросу о «факторах»

Eloquence: «Chose admirable! du premier coup elle est supérieure; dès qu'il y a une tribune, il y a des orateurs. Mirabeau, Barnave, Vergniaud, la Gironde, quelle splendide réunion de talents! Où ces jeunes hommes, obscurs hier, sans expérience politique, ont-ils pris cette assurance, ce ton dominateur et superbe, cette puissance de persuader, d'entraîner? C'est l'âme de la France nouvelle qui les anime, qui vibre en eux». Introduction, p. 8**. Конечно, в них говорит душа Франции. Но она иначе говорила бы, если бы трагедия не подготовила политического красноречия. Французское просвещение не разложило своим реактивом литературных традиций. У нас оно их разрушило, у нас после 60-х годов трудно было быть красноречивым («друг мой, Аркадий Николаевич» и т. д.)[112]. Вот вам трагедия в качестве «фактора», влияющего на развитие красноречия. Первое впечатление—сознание страшной сложности явлений, невозможности распутаться в них. Но ведь дело не в этих факторах, дело в тех общественных отношениях, которые и проч. Фактор сам по себе так же мертв, как и «капитал». Конечно, «нельзя без капитала», как говорят вульгарные экономисты. Но вопрос в том, кем он создан и кем создается прибыль, идущая на капитал. А на это один ответ: трудом. А в идеологиях ответ: общественными отношениями. «Факторы производства» богатств несколько похожи на «факторы», производящие историю.

В конце 18-го и в начале 19-го века на развитие литературы чрезвычайно влияет политическая жизнь (см. у П. Альбера, стр. 8—9)[113]. Бывают такие периоды, когда влияние политической жизни заметно в отрицательном смысле: политика влияет на литературу своим отсутствием. От отсутствия политического поприща мысль устремляется в анализ личных отношений; оно и понятно, отноше-

* Поль Альбер, Французская литература, т. I. Происхождение романтизма, Париж 1887 (4-е изд.).—Ред.
** Красноречие: «Изумительная вещь! С первого момента оно на высоте; как только явилась трибуна, явились и ораторы. Мирабо, Барнав, Верньо, жирондисты, какое великолепное собрание талантов! Откуда эти молодые люди, вчера еще никому неведомые, не имеющие политического опыта, обрели эту уверенность, этот властный и гордый тон, эту силу убеждать, увлекать? Душа новой Франции воодушевляет их, вибрирует в них». Введение, стр. 8.—Ред.

ния индивидуальные раньше изменяются, чем политические. Подите найдите «законы» влияния одной идеологии на другую, если вы будете смотреть на дело с точки зрения саморазвития этих «факторов» или их взаимодействия (что не исключает их саморазвития). Чтобы выйти отсюда, надо стать на точку зрения общественных отношений.

В известные моменты общественного развития влияние на литературу политического фактора сильнее, чем влияние на нее фактора экономического, напр[имер] в 19 веке (при реставрации). В корне и там лежит экономия, но иногда она влияет не через политику, а, например, через философию. Это зависит от того, *какие* общественные отношения выросли на данной экономической почве, а кажется, как будто тут дело зависит от того, что факторы, по какой-то непонятной причине, то слабее, то сильнее действуют один на другой.

Надо строго различать человека, стоящего перед зеркалом, от его изображения в зеркале, и надо столь же строго различать общественные отношения людей от отражения этих отношений в сознании. Когда мы говорим: действовал «религиозный фактор», это значит—общественные отношения отразились через религиозные очки. Об исторической науке Поль Альбер говорит, что она была выдвинута развитием политической жизни, борьбой партий. Это так. Стало быть, она пришла к чисто субъективным выводам? Нет, говорит Поль Альбер, она исследовала источники и проч., а потому не ограничилась одними партийными интересами, а стала наукой[114]. Ну, этого мало. Нужно было (см. мое соображение о Гизо)[115]. (У Поля Альбера см. стр. 10—11.)

19-й век создал «un lyrisme nouveau, la poésie individuelle, la plus vibrante, la plus passionnée, la plus délicieusement caressante. Plus d'épopées artificielles, plus de poèmes didactiques et descriptifs, vains jeux de mots, tours de force puérils, mais le moi humain vibrant et la nature associée aux orages du coeur» (p. 14)*. Поль Альбер спрашивает: «Qui a remué les âmes à ces profondeurs mystérieuses, qui a agrandi leur horizon et les a rendues si savantes dans le langage de la douleur, du désir et de la plainte?» (p. 15)**. Души, конечно, были более «remuées» в 19 в., чем в 17. Но douleur и жалобы знали и они. Только они выражали их в молитвах. Вот почему Брюнетьер должен был принять в соображение исчезновение религиозного чувства. «Que de fois j'ai entendu déclamer contre le prosaïsme de ce siècle livré tout entier aux intérêts matériels! D'autres ajoutaient même

* 19-й век создал «новый лиризм, индивидуальную поэзию, самую страстную, самую трепетную и нежно ласкающую. Вместо искусственных эпопей, вместо дидактических и описательных поэм с их пустой игрой слов и детскими ухищрениями—трепещущее человеческое «я» и природа, приобщенная к душевным бурям» (стр. 14).—Р е д.

** «Кто всколыхнул души до этих таинственных глубин, кто раздвинул их горизонты и сделал их столь мудрыми в языке скорби, желаний и жалоб?» (стр. 15).—Р е д.

que le développement des sciences exactes était la mort de la poésie, qui ne vivait que des fictions et qui étouffait sous le joug des réalités impitoyables»*. Поль Альбер отвечает на это указанием на развитие лиризма. Но лиризм (индивидуалистический лир[изм] 19-го века) [был] порожден именно экономией этого века (об этом см. у Лафарга, Origines du romantisme).

Непременно справиться, кто это говорит в Hernani: vieillard, va-t-en donner [ta] mesure au fossoyeur! и поставить в конце моей статьи «о *наших усыпителях*»[116].

Нравственный «фактор» в истории литературы: «les deuils, les regrets, les ardeurs impatientes, les ambitions sublimes et je ne sais quelle vague tristesse qui suit toujours les grandes catastrophes et rend les âmes plus profondes: tout se réunissait pour féconder les imaginations et susciter des oeuvres dignes enfin d'un siècle qui inaugurait une société nouvelle» (p. 26)**. Но откуда это нравственное настроение? Оно причинено было общественными потрясениями, переменами в общественных настроениях.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Очерки гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского впервые появились в «Современнике» за 1855—1856 гг. Затем были изданы отдельной книгой в 1892 г. без имени автора.

[2] *Надеждин*, Николай Иванович (1804—1856)—ученый и критик, профессор Московского университета по теории искусства, археологии и логике. Основал в 1831 г. журнал «Телескоп» с приложением «Молвы», в котором сотрудничал Белинский. Надеждин в истории русской критики был одним из ранних представителей разночинной мелкобуржуазной интеллигенции. Ему принадлежит та заслуга, что он еще до Белинского пытался поставить литературную критику на серьезную основу. На крупное значение Надеждина в истории русской литературы впервые указал Чернышевский, приписывая ему роль учителя Белинского.

[3] «Новое слово»—ежемесячный журнал, основанный в 1894 г. До 1897 г. был органом правых народников. С марта 1897 г. перешел в руки «легальных» марксистов. В журнале печатались статьи Плеханова, Ленина, Мартова, Засулич и др. В декабре 1897 г., после конфискации декабрьского номера, журнал был закрыт. Всего вышло в марксистской редакции 10 номеров. Последний номер является библиографической редкостью.

[4] В «Русской мысли» появилась первая статья Михайловского, направленная против «русских учеников» (см. «Р. М.», 1892 г., № 6 «Литература и жизнь»). Тем не менее в спорах народников с марксистами в 90-х годах «Русская мысль» пыталась занимать нейтральную позицию, и редактор ее В. А. Гольцев напечатал даже статью Г. В. Плеханова (Ушакова) «Несколько слов в защиту экономического материализма» («Р. М.», 1896 г., № 9).

* «Сколько раз я слышал разглагольствования против прозаичности этого века, целиком поглощенного материальными интересами! Некоторые прибавляли даже, что развитие точных наук было смертью для поэзии, которая жила только фикциями и задыхалась под гнетом безжалостной реальности».—Р е д.

** «Скорбь по утратам, сожаления, нетерпеливая горячность, возвышенные честолюбивые стремления и не поддающаяся определению смутная грусть, которая всегда сопровождает великие катастрофы и делает души более углубленными: все соединилось, чтобы оплодотворить воображение и вызвать наконец к жизни произведения, достойные эпохи, которая создала новое общество» (стр. 26).—Р е д.

[5] Г. В. Плеханов называет Михайловского «фельетонистом» «Русского богатства» на том основании, что Михайловский помещал в этом журнале периодические обозрения («Литература и жизнь»).

[6] Выражение «по садам российской словесности» взято Г. В. Плехановым из заглавия известной статьи Д. И. Писарева «Прогулка по садам российской словесности» (Собр. соч. Д. И. Писарева, Спб. 1894 г., т. IV, стр. 317).

[7] Статья Г. В. Плеханова по поводу книги Антонио Лабриола, напечатанная под псевдонимом Н. Каменского в «Новом слове» за 1897 г., № 12 (сентябрь), стр. 70—98. В Собр. соч. Плеханова она вошла в т. VIII, стр. 239—270.

[8] Михайловский ответил на статью Плеханова (Н. Каменского) в обозрении «Литература и жизнь. О новых словах и „Новом слове“»—«Русское богатство», 1897 г., № 10, стр. 161—195. В Собр. соч. Михайловского это обозрение вошло в т. VIII, стр. 688—699.

[9] См. примеч. 3 к ст. «Наши разногласия. Ч. II (будущий Бельтов)».

[10] Цитата из статьи Н. И. Кареева «Экономический материализм в истории»—«Вестник Европы», 1894 г., июль, стр. 7. Г. В. Плеханов берет ее не непосредственно из этой статьи, но из Бельтова, где она приведена на стр. 173 (изд. 1895 г.). Последнее слово «операций» взято нами из текста статьи Кареева. У Плеханова в рукописи ошибочно написано «отношений».

[11] Имеется в виду книга Блоса «История германской революции 1848 г.». Михайловский писал о Блосе в обозрении «Литература и жизнь»—«Русское богатство», 1894 г., № 1, стр. 116. Г. В. Плеханов берет приводимую ниже цитату из Бельтова (стр. 221), но в сноске неправильно указана страница (117). В Собр. соч. Михайловского эта цитата находится в т. VII, изд. 1909 г., стр. 749.

[12] «Саморазвитие форм производства и обмена»—формула Михайловского, употребленная им в вышеприведенной цитате о Блосе (см. стр. 9 рукописи). Михайловский ставит повидимому знак равенства между этой формулой и понятием «экономический фактор».

[13] См. примеч. 5 к ст. «Наши разногласия. Ч. II (будущий Бельтов)».

[14] Цитата из обозрения Михайловского «Литература и жизнь. О новых словах и „Новом слове“»—«Русское богатство», 1897 г., № 10, стр. 185.

[15] Лабриола, Антонио (1842—1904) пропагандировал марксизм в Италии. Вел переписку с Энгельсом, который характеризовал его уже в 1893 г., как определившегося марксиста (в письме к Зорге) и поручил ему дело постановки марксистской агитации в Италии. Анализ его теоретических взглядов дан Г. В. Плехановым в статье «О материалистическом понимании истории».

[16] Лисков (Liskow), Христиан-Людвиг—немецкий сатирик (1701—1760). Ему принадлежит знаменитая сатира «Die Vortrefflichkeit und Notwendigkeit der elenden Scribenten gründlich erwiesen von***». Заглавие в переводе: «О превосходности и необходимости горемычных писателей, основательно доказанной*** [автором]».

[17] «Субъективные юноши»—термин, употребленный Михайловским в том же обозрении «О новых словах и „Новом слове“». Он пишет там: «Мы, „субъективные старички“, равно как и „субъективные юноши“, не противореча себе, разрешаем себе эту слабость» («Русское богатство», 1897 г., № 10, стр. 182).

Выражение «субъективные старички» принадлежит Г. В. Плеханову, употребившему его в статье «О материалистическом понимании истории» по адресу Михайловского и его единомышленников—«субъективистов». В других статьях он величает их «субъективными героями». В тон этим ироническим эпитетам Михайловский называет молодежь, придерживающуюся народнических взглядов, «субъективными юношами».

[18] «Выдыбай, боже!»—старинное русское выражение, означающее «выплывай, боже!», точнее, вставай (подымайся на дыбы). Так новгородцы взывали к своим идолам, когда насадители православия топили их в реке Волхове.

[19] Такой же упрек Михайловскому находим и у Ленина: «В высшей степени характерно,—пишет он,—для г-на Михайловского, объявляющего не раз, что он согласен с экономической доктриной Маркса, полное непонимание этой доктрины...» («Перлы народнического прожектерства»—Соч. Ленина, т. II, стр. 300).

[20] «Ученики»—последователи Маркса. Эта терминология: «ученики», «русские ученики», была в 90-х годах условным обозначением в легальной печати

марксистов или социал-демократов, являясь способом обойти цензуру. Мы неоднократно встречаемся с ней в полемике марксистов с народниками. Слово «ученики» является настолько характерным именно для легальной литературы той эпохи, что при изучении рукописей Г. В. Плеханова оказывает существенную помощь. Оно помогает установлению даты написания рукописи и разрешению вопроса, для легального или нелегального издания предназначалась статья.

[21] Ньютон, Исаак (1643—1727)—великий английский математик и физик, основатель современной теоретической механики. Больше всего имя его связывается с открытием закона всемирного тяготения, исходным пунктом для которого послужило движение небесных планет вокруг солнца. Законы этого движения были установлены Кеплером, Ньютон сделал следующий шаг.

[22] Линней, Карл (1707—1778)—знаменитый шведский естествоиспытатель, главная заслуга которого заключается в установлении научной классификации в зоологии и ботанике, где до него царил полный хаос. Он ввел точную номенклатуру и подразделение животных и растений на роды и виды. Основной ошибкой Линнея было то, что «вид», который он брал за исходный пункт своей систематики, считался им чем-то постоянным и неизменным. Ему была чужда идея эволюции видов, развитая позднее Ламарком и окончательно утвержденная Дарвином. Именно на эту «ограниченность» в понимании природы и указывает Энгельс.

[23] Цитата из предисловия Энгельса ко 2-му немецкому изданию «Dührings Umwälzung der Wissenschaft».

Перевод цитаты взят нами из книги Энгельса «Развитие научного социализма», Женева 1902 г., перевод с немецкого В. Засулич. Приложение III.

[24] В разборе книги Бельтова, напечатанном в «Русском богатстве» за январь 1895 г., Михайловский пишет: «...конечно, благомыслящим людям надлежит „содействовать развитию самосознания“ в людях вообще, в „производителях“ в частности. Вот только это слово „производители“ не хорошо—конюшней отдает от него. Мы привыкли употреблять в таких случаях слово „народ“, в смысле трудящейся массы» (Соч. Н. К. Михайловского, т. VIII, стр. 23).

[25] «Le producteur»—орган сен-симонистов, выходил в Париже в 1825—1826 гг. Он был основан перед смертью самим Сен-Симоном и редактировался его учениками Базаром, Анфантеном, Родригесом, Огюстом Контом и др.

Эпиграфом этого журнала были слова: «L'âge d'or, qu'une aveugle tradition a placé jusqu'ici dans le passé, est devant nous» (Золотой век, который слепая традиция до сих пор относила к прошлому, находится впереди нас).

[26] «Кающиеся дворяне»—термин, введенный в русскую литературу Михайловским. Впервые эти слова без кавычек находим в его обозрении «Из литературных и журнальных заметок 1874 года» (Соч., т. II, изд. 1896 г., стр. 647). Михайловский там пишет:

«Но в тесной связи с пришествием разночинца находилось появление другого общественного элемента... Я разумею кающихся дворян,—не стою за название, но оно удачно выражает мою мысль».

Тип «кающегося дворянина», человека, считающего, что на нем лежит неоплатный долг перед народом за все грехи отцов, за ужасы крепостничества, характерен для 60-х и начала 70-х годов. Его печатью отмечены нигилизм и массовое хождение в народ начала 70-х годов.

[27] Жуковский, Юлий Галактионович (1822—1907)—экономист и юрист, писал в «Современнике» и «Вестнике Европы», редактировал журнал «Космос». В сентябрьской книжке «Вестника Европы» за 1877 год поместил злобствующую статью «Карл Маркс и его книга о капитале», где пытался опровергнуть положения Маркса. Статья его вызвала ответ Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом Жуковского» («Отечественные записки», 1877 г., октябрь) и Н. Зибера «Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Жуковского» («Отечественные записки», 1878 г., ноябрь).

[28] О Луи Блане и Жуковском, как приверженцах экономического материализма, Михайловский писал в одной из четырех своих статей о Туган-Барановском в 1896 г.

Обвиняя Туган-Барановского в том, что он выдает себя за «провозвестника самой новой истины», Михайловский пишет в своем обозрении «Еще о г. Туган-

Барановском и экономическом факторе»—«Русское богатство», 1896 г., февраль (Собр. соч., т. VIII, стр. 303—338):

«И вот, если бы наш автор поступал, подобно этому требовательному человеку, он увидел бы в некоторых сочинениях Луи Блана весьма яркие черты того самого философско-исторического учения, которое исповедует он, г. Туган-Барановский: истолкование если не всемирной истории, то отдельных ее эпизодов борьбою классов, определяемых экономическими признаками» (стр. 309).

«Я остановился на г. Жуковском частью... потому, что он упорнее и систематичнее других проводил в нашей литературе мысль о первенствующем значении экономического фактора в истории» (стр. 318).

[29] Последующая цитата находится в том обозрении Михайловского, где им дан разбор книги Бельтова—«Русское богатство», 1895 г., январь (Собр. соч., т. VIII, стр. 31).

[30] «Histoire de dix ans» (1830—1840)—пятитомный труд, написанный Луи Бланом в 1841—1844 гг. и имевший крупный успех. Автор подвергает в нем резкой критике орлеанистскую политику, изображая мастерскими штрихами экономические и социальные отношения десятилетия 1830—1840 гг. Эту книгу очень ценил Энгельс.

[31] Буленвилье, Анри (1658—1722), граф—французский историк. В своих трудах по истории средневековья проводит ту мысль, что собственно одно дворянство является французским народом, так как оно происходит от франков, покорителей туземного населения Франции. Идеалом государственного устройства для Буленвилье является аристократическая республика; он одинаково враждебен и королевскому абсолютизму и буржуазии.

[32] «Старая статья» Жуковского—одна из журнальных его статей, вошедшая затем в книгу «Политические и общественные теории XVI века», 1866 г. Цитата, приводимая ниже, находится на стр. 155 и след. этого издания. Михайловский приводит выписки из этой книги в своей статье «Еще о г. Туган-Барановском» (Соч., т. VIII, стр. 317).

[33] Цитата из стихотворения Некрасова «В деревне». В Собр. соч. Некрасова изд. 1895 г. находится в т. I, стр. 71—73.

[34] Стихотворение Гюго из лирического сборника «Les Contemplations» («Созерцания»), т. II, «Aujourd'hui» («Сегодня»), Paris 1882, стр. 23—24.

Приводим это стихотворение полностью в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник, сделанном специально для настоящего сборника:

Она взяла себе привычку с детских лет—
Поутру забегать в мой кабинет.
Я ждал—как светлый луч, она ко мне ворвется.
«Ну, здравствуй, папочка!» Присядет на кровать,
Возьмет мое перо. Давай перерывать
Бумаги, книги, все... Потом вдруг рассмеется—
И вот уж нет ее... Как птичка упорхнет,
Моей усталости как будто сбросив гнет.
А я опять брался за труд мой кропотливый...
Но часто находил—то росчерк шаловливый
Среди моих страниц, то смятый ей листок...
Не знаю—почему, но сколько нежных строк
И лучших рифм моих—на нем писалось мною!
Она любила все, в чем прелесть красоты:
Поля, и небеса, и звезды, и цветы...
Дух—до того, как ей стать женщиной земною!
Взор ясный—отражал души невинной свет...
Всегда ей и во всем был нужен мой совет.
О, сколько вечеров, сияюще прелестных
Прошло у нас зимой в беседах интересных:
И суть истории, и свойства языка...
Все четверо детей—под ласковым началом
Их матери—со мной... Друзья у камелька...

Я это называл—«довольствоваться малым»!
И вот—она ушла... О боже!.. Умерла!..
Ее печаль—всегда печалью мне была.
И тяжко было мне в веселье шумном бала,
Когда она меня печально отпускала.

[35] Волынский, А. Л., псевдоним Акима Львовича Флексера (1863—1926)—литературный критик идеалистического направления. Автор работ по вопросам искусства. В статье «Русские критики» он выступил против взглядов передовой русской критики от Белинского до Михайловского, ополчившись под знаком «борьбы за идеализм» против «рассудочности и узкого утилитаризма просветителей». Эта статья вызвала резкий отпор со стороны Г. В. Плеханова.

[36] Давид, Жак-Луи (1748—1825)—французский художник эпохи французской революции 1789 г. и империи, глава классической школы живописи во Франции. В эпоху революции Давид был якобинцем, членом Конвента, организовывал массовые революционные празднества, писал картины, прославляющие революционные события и республиканские доблести. В эпоху империи Давид стал придворным живописцем Наполеона.

С Давида началось решительное перерождение изжеманившегося французского искусства. Он первый снова обратился к изучению античной древности, стал заботиться о соблюдении чистоты стиля, о возвращении к здравому воззрению на природу. Однако, он усвоил только внешние черты памятников греческого искусства. Отсюда—окаменелость и мертвенность его картин.

[37] Ролан, Манон-Жанна (1754—1793)—политическая деятельница французской революции, жирондистка.

[38] Плутарх (46—120)—знаменитый греческий писатель и моралист. Из его произведений большой известностью пользуются до настоящего времени 46 параллельных биографий, где он дает жизнеописание знаменитых греков и римлян, приводя много фактов из частной жизни изображаемых лиц наряду с моральными рассуждениями и цитатами из поэтов.

[39] Ernest Chesneau, «Les chefs d'école». Цитата взята из 3-го франц. изд. 1883 г., имеющегося в библиотеке Г. В. Плеханова, стр. 10.

[40] Г. В. Плеханов пишет об этой картине:

«Одной из наиболее характерных в этом отношении и наиболее замечательных картин Давида был его „Брут". Ликторы несут тела его детей, только что казненных за участие в монархических происках; жена и дочь Брута плачут, а он сидит суровый и непоколебимый, и вы видите, что для этого человека благо республики есть, в самом деле, высший закон. Брут—тоже «отец семейства». Но это отец семейства, ставший гражданином. Его добродетель есть политическая добродетель революционера. Он показывает нам, как далеко ушла буржуазная партия Франции с того времени, когда Дидро превозносил Грёза за моральный характер его живописи.

Выставленный в 1789 году, в том году, когда началось великое революционное землетрясение, „Брут" имел потрясающий успех. Он доводил до сознания то, что стало самой глубокой, самой насущной потребностью бытия, т. е. общественной жизни тогдашней Франции» («Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии» (Соч. Плеханова, т. XIV, стр. 111).

[41] Ван-Лоо, Карл (1705—1765)—голландский художник. Начав работать одновременно с Буше во внешне сходном стиле, сразу же выделился большей серьезностью и сухостью замысла и исполнения. По миновании эпохи увлечения Буше и с возрождением интереса к исторической живописи, Ван-Лоо стал пользоваться славой «лучшего художника своего времени».

[42] Из школы Давида вышли художники Гро, Гронэ, Друэ, Жиродэ, Жерар, Изабэ, бельгиец Навез, Л. Робер, Энгр и многие другие.

[43] Барнав, Антуан (1761—1793)—политический деятель эпохи французской революции, выдающийся оратор Учредительного собрания.

[44] Цитата из «Фауста» в немецком издании Otto Hendel, имеющемся в библиотеке Г. В. Плеханова, находится на 85—86 стр. Перевод дан по русскому

изданию «Европейские классики», Москва 1912 г., под редакцией А. Е. Грузинского, т. III, стр. 57.

[45] Молинари, Густав (род. 1819)—бельгийский ученый-экономист, всецело стоявший на точке зрения манчестерской школы. С конца 50-х годов был постоянным сотрудником «Русского вестника» и «Московских ведомостей».

[46] «Journal des économistes»—ежемесячное обозрение по экономическим наукам и статистике. Выходил в Париже, начиная с 1841 г. Основан был Гильомэном, редактировался Молинари.

[47] Туган-Барановский, Михаил Иванович (1865—1919)—профессор-экономист, один из видных представителей «легального марксизма» 90-х годов, выступавший с «критикой» Маркса, а затем скатившийся к либералам. В 1905 г. примкнул к партии кадетов, а во время гражданской войны принимал участие в правительстве Центральной рады на Украине.

Сотрудничал в журналах «Мир божий», «Новое слово», «Начало»; выпустил книгу «Промышленные кризисы в современной Англии», с немарксистской теорией кризисов, но с богатым материалом по истории кризисов в Англии.

В конце 1895 года была напечатана в «Мире божьем» его статья «Значение экономического фактора в истории», на которую Михайловский ответил в январской и февральской книжках «Русского богатства» за 1896 г. (Собр. соч., т. VIII). В настоящей статье Г. В. Плеханова не раз встречаются намеки на указанные статьи Михайловского.

[48] «Литературные акробаты»—выражение Михайловского (заимствованное им у Гюго), использованное Г. В. Плехановым против него же в книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

На стр. 242 первого издания этой книги читаем:

«Неужели этот человек, страстно обличавший прежде литературных „акробатов“, на старости лет сам почувствовал склонность к акробатскому художеству? Неужели возможно такое превращение?...»

[49] «Самозванец, всуе приемлющий великое имя»—выражение, употребленное Г. В. Плехановым в статье «О материалистическом понимании истории».

«Если бы гг. субъективисты,—пишет он,—дали себе труд продумать материалистическое объяснение истории, то они сами знали бы—где настоящие „ученики“, а где самозванцы, всуе приемлющие великое имя...» (Соч., т. VIII, стр. 269).

[50] Льюис, Джордж Генри (1817—1878)—английский философ-позитивист, не отличавшийся самостоятельностью мысли.

Михайловский ссылается на Льюиса в своей статье о Струве: «Позвольте привести, по Льюису, один эпизод из биографии Гегеля...» (Соч., т. VII, стр. 892).

Г. В. Плеханов смеется над Михайловским, говоря, что он знаком с Гегелем только по учебникам уголовного права Спасовича и «по Льюису» (Бельтов, стр. 283). Михайловский отвечает на это в своей критике Бельтова (Соч., т. VIII, стр. 28, примеч.).

Книга Льюиса, о которой идет речь,—«История философии».

[51] Н. Г. Чернышевский.

[52] В своей диссертации «Об эстетических отношениях искусства к действительности» Чернышевский не имел возможности сказать все, что ему хотелось и что он мог сказать. Поэтому он дополнил ее, поместив в «Современнике» якобы критический разбор «диссертации Н. Г. Чернышевского» и укрывшись за инициалами Н. П-ъ. Статья эта была напечатана в «Современнике» за 1855 г., № 56. В полном собрании сочинений Чернышевского, Спб. 1906г., она находится в т. X, ч. 2.

[53] Фон-Визин, Денис Иванович (1745—1792)—писатель Екатерининской эпохи. Его комедии «Бригадир» и «Недоросль» занимают первое место в сатирической литературе, боровшейся за просвещение и обличавшей злоупотребления помещиков.

[54] Цитата из предисловия Маркса ко 2 изданию I тома «Капитала». В немецком издании 1883 г., имеющемся в библиотеке Г. В. Плеханова, это место, отмеченное красной и синей линиями на полях, находится на XIX стр.

[55] Здесь имеются в виду русские просветители 60-х годов. У Ленина находим такую их характеристику:

«Как и просветители западно-европейские... [они были одушевлены—Ред.] горячей враждой к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта „просветителя“. Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям,—горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта „просветителя“ это—отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому. Эти три черты и составляют суть того, что у нас называют „наследством 60-х годов“, и важно подчеркнуть, что *ничего народнического в этом наследстве нет*» (В. И. Ленин, От какого наследства мы отказываемся?—Соч., т. II, стр. 314).

[56] «Наследство»—термин, фигурировавший часто в литературной полемике 90-х годов, но появившийся значительно раньше.

Г. В. Плеханов имеет в виду следующие места в обозрении Михайловского «Литература и жизнь»:

«Г. Минский разумеет здесь „диалектических материалистов“... Но всякому должно быть известно, что эти люди не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства». И дальше: «Так что напрасно г. Минский печалится: ликовать надо, как ликуют г. Каменский, г. М. М., г. Льдов, г. Волынский, гг. Абрамов и Дистерло, вообще все, отказывающиеся от наследства (только народники ликовать перестали). Но замечательная черта—все эти разнообразные ликующие объединяются, кроме ликования, еще чрезвычайною злобностью, с которою они накидываются на наследство» («Русское богатство», 1897 г., № 10, стр. 179—180; Соч., т. VIII, стр. 687—688).

Обвиняя марксистов в отказе от «наследства», Михайловский расходился с ними в понимании этого термина, считая, что «наследство» включает элементы народнических теорий. Именно с этим-то и не соглашались «ученики» (см. выписку из Ленина в предыдущем примечании).

[57] Добролюбов, Николай Александрович (1836—1861)—знаменитый критик, блестящий сотрудник «Современника», а затем и редактор его, наряду с Некрасовым и Чернышевским. Несмотря на свою краткую жизнь, оборвавшуюся на 26-м году, и на всего четырехлетнюю литературную деятельность, Добролюбов был выдающимся революционным демократом 60-х годов и оказал громадное влияние на молодое поколение своего времени.

О Добролюбове Маркс писал: «Я сравниваю его, как писателя, с Лессингом и Дидро».

Добролюбов был сторонником философского материализма и утопического социализма. Для России он указывал путь Западной Европы и, учитывая ее опыт, звал итти «решительнее и дальше», т. е. вплоть до социальной революции.

Об идейном наследстве Добролюбова шел спор между народниками и марксистами. Народники пытались считать его своим. В действительности Добролюбов, как революционно-демократический мыслитель, с гораздо большим правом может быть причислен к предшественникам революционной социал-демократии в России.

Под «друзьями» Добролюбова Плеханов подразумевает редакцию «Современника».

[58] В обозрении «Литература и жизнь. О новых словах и „Новом слове“»—«Русское богатство», 1897 г., № 10, стр. 178—189 (Собр. соч. Н. К. Михайловского, т. VIII, стр. 686—699).

[59] Выступление против «Нового слова» и в частности против статьи Г. В. Плеханова (Н. Каменского) имеется в библиографическом отделе «Русской мысли» за 1897 г., № 11, стр. 506 и след.

[60] Мякотин, Венедикт Александрович (род. 1867)—публицист-народник и историк, сотрудник «Русского богатства», организатор буржуазной партии «народных социалистов». Во время империалистической войны—оборонец. Противник Октябрьской революции и советской власти. В 1919 г. входил в

контрреволюционную организацию «Тактический центр», был председателем ЦК «Союза возрождения». В настоящее время находится за границей в эмиграции.

Статья Мякотина, о которой идет речь,—«Новые слова о старых деятелях» («Русское богатство», 1897 г., № 11, стр. 94—115). Статья эта направлена против «Нового слова», в частности против статей Novus'a (Струве) «На разные темы» («Новое слово», апрель) и Каменского (Плеханова) «Судьбы русской критики» («Новое слово», апрель—август).

[61] Лозунг «назад к Канту!» был тем знаменем, под которым «легальные марксисты» стали пропагандировать открыто буржуазную точку зрения. Вначале это буржуазное извращение марксизма означало как будто отход «только» от диалектического материализма Маркса и Энгельса к идеалистической философии Канта. На словах «легальные марксисты» признавали экономическое учение К. Маркса, извращая его в духе буржуазного объективизма. Первая попытка пересмотра марксизма сделана уже в книге Струве «Критические заметки...», вышедшей в 1894 г. и тогда же разоблаченной Лениным, как отход от марксизма к буржуазному «объективизму», как отражение марксизма в буржуазной литературе. Расцвет неокантианства относится ко второй половине 90-х годов, ко времени выступления немецких ревизионистов—Бернштейна, Шмидта и др. В России под знамя ревизионистской «критики», полностью изменившей марксизму, стали бывшие «легальные марксисты»: Струве, Туган-Барановский, Булгаков, Бердяев и др. Г. В. Плеханов вел борьбу против философского ревизионизма и в России и на Западе. Бывшие «легальные марксисты» закончили свою идейную эволюцию монархизмом, национализмом, идеализацией православной церкви и оголтелой антисоветской, контрреволюционной деятельностью.

[62] Г. В. Плеханов имеет здесь в виду Булгакова и Струве.

[63] Статья эта была написана в конце 1897—начале 1898 г. В это время будущие русские бернштейнианцы—Струве, Булгаков, Туган-Барановский—сотрудничали в «Новом слове» вместе с революционными марксистами.

Поворот «легальных марксистов» к философскому идеализму в известной мере обнаружился уже в книге Струве «Критические заметки» (1894), тогда же разоблаченной В. И. Лениным (см. «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»—Соч., т. I). Неокантианские, антимарксистские позиции Струве, Булгакова и др. еще более определились в статьях Струве «Еще о свободе и необходимости» («Новое слово», май 1897 г.) и Булгакова «Закон причинности и свобода человеческих действий». После того как русские «критики» вкупе с бернштейнианцами скатились в лагерь реакции и философского идеализма, Плеханов, заявлявший, что он не считал возможным ранее выступать против «русских критиков» из тактических соображений, в 1898 г. вступает в борьбу с неокантианской ревизией марксизма со стороны Бернштейна, а затем и против русских «критиков». (О своем решении вступить в бой с «критиками» Плеханов сообщает в своем письме Л. И. Аксельрод от 20 мая 1898 г.—«Литературное наследие Г. В. Плеханова». сб. I, стр. 283).

[64] Струве, Петр Бернгардович (род. 1870)—в 90-х годах был видным представителем «легального марксизма», сотрудником журналов «Новое слово», «Начало», «Жизнь», в эти годы пытался сблизиться с социал-демократами, участвовал в международном социалистическом конгрессе в Лондоне в 1896 г. и был автором «Манифеста РСДРП», выпущенного по постановлению I съезда партии в 1898 г. Вскоре порвал с социал-демократией и окончательно перешел в лагерь либералов, став во главе организации земцев-конституционалистов «Союза освобождения», редактировал орган этого союза «Освобождение». С образованием кадетской партии—член ее ЦК. После поражения революции 1905 года Струве скатился к черносотенному национализму. Во время гражданской войны принимал участие в правительстве Деникина, а затем Врангеля. Позже редактировал в Праге белогвардейский журнал «Русская мысль». С 1925 г. издает в Париже монархическую газету «Возрождение».

[65] М. М.—мало известный поэт, выпустивший в 90-х годах небольшой сборник стихов (40 стихотворений) и брошюру о Надсоне. О нем пишет в статье «Обзор нашей современной поэзии» П. Ф. Гриневич («Русское богатство, 1897 г., № 8, стр. 143—150) в гл. II, озаглавленной «Певец экономического материализма». Цитируемые Михайловским, а за ним и Плехановым, строки взяты из двух стихотворений М. М. Приводим полностью тот отрывок, который возбудил особенное негодование Михайловского:

«За дело, друзья мои! Время не ждет,
Вокруг нас так много работы,
Сомкнувши ряды свои, смело вперед
Пойдем на победу в расчете!
Оставим мечтателей сладко мечтать,
Любителей слов с их словами,
Нам времени нет благодушно болтать,
Борьба не на шутку пред нами.
Сумеем мы сердце тому покорить,
Что ум неизбежным признает,
А слезы оставим любителям лить,—
Пускай себе льет, кто желает!...»

[66] Гюйо, Жан-Мари (1854—1888)—французский философ. Занимался главным образом вопросами нравственности, искусства и религии, пытаясь подойти к ним с социологической точки зрения.

[67] Цитата из стихотворения Гюйо «La douce mort» («Сладостная смерть»)—сборник «Vers d'un philosophe» («Стихи философа»), цикл «La pensée» («Мысль»). В парижском изд. 1906 г., стр. 44.

[68] Приводим эту тираду Михайловского:

«О да, поэт, не будем плакать! Не наши матери, жены, сестры и дочери „нашли позорный заработок", и не мы работаем в кессонах. Там плачут, конечно, но ведь это „любители" плакать» и т. д. («Русское богатство», 1897 г., № 10, стр. 18).

[69] «Современник»—литературно-политический журнал, основанный в 1836 г. Пушкиным и Плетневым. В 60-х годах редактировался Некрасовым и Пыпиным. Главными сотрудниками «Современника» были лучшие идейные вожди 60-х годов—Чернышевский и Добролюбов. Вообще журнал являлся выразителем наиболее прогрессивного течения русской общественной мысли этой эпохи. «Современник» был закрыт в 1866 г.

[70] Плеханов имеет здесь в виду свою статью: «О материалистическом понимании истории», где он вкладывает в уста Кудрина предположительную тираду, заканчивающуюся словами: «Нельзя не порадоваться за подлинных и последовательных материалистов, если они и в самом деле не склонны всюду „совать экономический фактор"». Эта тирада служит Г. В. Плеханову исходной точкой для следующего объяснения:

«Мы ответим г. Кудрину, что подлинные и последовательные материалисты действительно не склонны всюду лезть с экономическим фактором. Да и самый вопрос о том, какой фактор господствует в общественной жизни, кажется им неосновательным вопросом. Но пусть не спешит радоваться г. Кудрин» и т. д (Соч., т. VIII, стр. 241).

[71] «Эрнани»—известная драма Виктора Гюго, написанная в 1830 г. и сыгравшая большую роль в борьбе романтизма с классицизмом во Франции. Ее постановку можно считать моментом утверждения романтизма на французской сцене.

Главное действующее лицо этой драмы, Эрнани—разбойник из знатного рода. Сюжет ее—стихийная вражда между королевской властью и не желающим подчиняться ей дворянством.

Ни одно представление «Эрнани», как и других пьес Гюго, являвшихся вызовом классической школе, не проходило без шумных протестов со стороны приверженцев старых форм драматического творчества и горячих оваций молодежи.

Приводимую Г. В. Плехановым фразу Эрнани произносит в первой сцене первого действия.

В одной из тетрадей Г. В. Плеханова имеется запись под этой фразой: «Не забыть применить к нашим усыпителям».

[72] Классицизм в литературе и искусстве—направление, противопоставляемое обычно романтизму. Социальным источником первого является идеология и вкусы высших классов феодального общества эпохи абсолютизма, социальным источником второго—бурные настроения борющейся за свое утверждение молодой революционной буржуазии. В соответствии с этим для классицизма характерно стремление к ясной, отчетливой композиции, строгое разграничение литературных жанров, связь с античными сюжетами и формами. Романтизму же, напротив, свойственно преувеличение чувств и настроений, резкие переходы от буйной радости к мрачному отчаянию, сантиментальность, мечты о свободе и беспредметная тоска по идеалу. Во Франции классицизм господствовал в литературе в XVII и XVIII вв. Романтизм пришел ему на смену в первую половину XIX века. Главными представителями классицизма во Франции были Корнель и Расин. Во главе романтической школы стоял Виктор Гюго.

[73] Г. Успенский, Подгородный мужик—Соч., Спб. 1897 г., т. II, разд. I, серия «Непорванные связи», стр. 195—210.

[74] Г. В. Плеханов цитирует здесь отдельные фразы из статьи Михайловского «О новых словах и „Новом слове“». Последняя цитата, приведенная Г. В. Плехановым, не совсем соответствует тексту. Приводим ее буквально:

«Итак, если люди называют себя экономическими материалистами, так из этого не следует, что они в самом деле экономические материалисты. Надо понимать так, что они „диалектические материалисты“. Вот если они „приписывают экономическому фактору господствующее значение в общественной жизни“, если они „склонны всюду лезть с экономическим фактором“, если они видят в экономическом факторе „силу, будто бы определяющую собою историческое движение общества“, „будто бы вызывающую и обусловливающую деятельность общественного человека, являющуюся ее последнею причиною“,—вот в таком случае это действительно экономические материалисты, между которыми и „настоящими“ „лежит целая пропасть“; а если они при этом пристраиваются к „великому имени“, то они—„самозванцы“» («Русское богатство», 1897, № 10, стр. 184).

Для уяснения смысла этих цитат, взятых Михайловским у Г. В. Плеханова, см. статью Плеханова «О материалистическом понимании истории», гл. I—III (Соч., т. VIII, стр. 239—247).

[75] Барт, Пауль (1858—1922)—немецкий социолог, типичный представитель немецкого идеализма эпохи его разложения. Являясь одним из самых поверхностных критиков марксизма, Барт подчеркивает в своих работах самостоятельное значение политического фактора и идей в истории развития общественных отношений.

[76] Цитата взята из статьи Кареева «Экономический материализм в истории»—«Вестник Европы», 1894 г., № 7, стр. 7.

[77] Последующая цитата взята из рассказа Успенского «Больная совесть», из цикла «Новые времена, новые заботы», т. I, изд. 1896 г., стр. 721.

[78] Роджерс, Джемс Торольд (1823—1890)—английский экономист и историк. Известен, как глава английской исторической школы экономистов.

[79] Тягло—семья крепостных помещичьих крестьян, принимавшаяся помещиком за единицу при разверстке барщины и оброка.

[80] Буше, Франсуа (1703—1770)—центральная фигура французской живописи XVIII в. Его картины отличаются элегантностью, нарядностью, эротичностью и большим декоративным изяществом. Это упадочное, поверхностное искусство вполне гармонировало с нравами и вкусами придворной аристократии предреволюционной эпохи, терявшей почву под ногами и стремившейся только к наслаждениям. Начиная с 50-х годов XVIII в., во французском искусстве все сильнее начинает пробиваться идеология поднимающейся буржуазии, наиболее ярким выразителем которой явился Грёз. В связи с нарождением этой новой, сантиментальной школы, искусство Буше стало подвергаться жестоким нападкам, как безыдейное и не останавливающееся перед искажением реальных форм в угоду красивости. Особенно уничтожающей критике Буше подвергся со стороны энциклопедиста Дидро.

«Музой [Буше] была изящная чувственность, которою пропитаны все его картины. Влияние Буше было поистине колоссально. Но господство и влияние Буше были непродолжительны. Освободительное движение французской буржуазии поставило в отрицательное к нему отношение передовую критику того времени» (Плеханов, Французская драматическая литература и французская живопись XVIII в. с точки зрения социологии—Соч., т. XIV, стр. 109).

[81] Прево д'Эгзиль, Антуан-Франсуа (1697—1763)—французский писатель, несколько лет бывший монахом бенедиктинского ордена. Выйдя из монастыря, вступил в связь с протестанткой и уехал в Англию. С тех пор посвятил себя писательской деятельности, встречавшей резкое осуждение со стороны критиков из лагеря иезуитов и пользовавшейся большим успехом у светской публики. Лучшая его вещь—«История Манон Леско», где «самый порок, оправданный любовью, ослепляет, как добродетель».

[82] Кребильон, Клод-Проспер Жольо младший (1707—1777)—французский писатель, получивший воспитание у иезуитов. В романах своих он описывает страсть к наслаждениям и распущенность нравов тогдашнего общества. Своим большим успехом эти романы обязаны утонченной чувственности, которая при помощи разных софизмов выставляется как нечто естественное и само собой понятное. Такая литература была вполне по вкусу упадочной аристократии той эпохи.

[83] Грессе, Жан-Батист Луи (1709—1777)—французский поэт, одно время монах иезуитского ордена. Навлек на себя вражду иезуитов грациозным стихотворением, в котором повествует об истории попугая, воспитанного в женском монастыре, но случайно подслушавшего разговоры солдат на пароходе и вернувшегося в монастырь с новым репертуаром отборных словечек («Vert-vert»). Грессе был любимцем светского общества. Позднее снова подпал под влияние духовенства.

[84] Мариво, Пьер-Карл де-Шамблен (1688—1763)—французский писатель. В своих пьесах он дает правдивый и тонкий анализ чувств. Язык их отличается изяществом, утонченной искусственностью и манерностью. Этот стиль приобрел в тогдашнем высшем обществе полное право гражданства и получил удержавшееся до сих пор название «мариводажа». Романы Мариво являются шагом в направлении к психологическому реализму.

[85] Детуш, Филипп (1680—1754)—французский драматург. Его комедии, в которых сильно сказалось влияние английского театра, принадлежат к разряду комедии характеров послемольеровского периода. Они занимались не столько изображением типов, сколько осмеянием недостатков светского общества: тщеславия, чванства и т. д. Детуш, являясь идеологом «честной» буржуазии, ставил комедии прежде всего моральные задачи, и его пьесы часто сбиваются на нравственную проповедь. Стремясь вызвать в зрителе не смех, а «улыбку души», стремясь растрогать его, Детуш подготовлял почву для возникновения «слезливой комедии». Самая популярная из его комедий «Le glorieux».

[86] Нивель де-ля-Шоссэ, Пьер-Клод (1691—1754)—французский драматург. Пьесы его относятся к жанру «слезливых комедий» или «буржуазных драм». Беря свои сюжеты из будничной жизни, из мещанской среды, он преследовал всегда моральные цели и старался растрогать зрителя. Хорошо отражая настроения французской буржуазии первой половины XVIII в., пьесы Нивель де-ля-Шоссэ пользовались огромным успехом и послужили предтечами современной комедии нравов.

[87] Шардэн, Жан-Батист-Симеон (1699—1779)—французский художник. Картины его отличались наивной простотой содержания, силою и гармоничностью красок, мягкостью и сочностью кисти. По своим сюжетам это большею частью сцены из домашнего быта небогатых людей, nature morte и портреты.

[88] Брюнетьер, Фердинанд (1849—1906)—французский писатель, автор выдающихся работ по истории и теории литературы, по вопросам критики и философии.

Книга Брюнетьера, цитируемая Г. В. Плехановым, «Les époques du théâtre français» вышла в 1892 г. Г. В. Плеханов использовал позднее эти цитаты в своей статье о французской драматической литературе (Соч., т. XIV, стр. 101).

[89] Лау (Ло), Джон (1671—1727)—создатель системы внутреннего государственного кредита путем выпуска бумажных денег, вызвавший в начале XVIII в.

финансовое потрясение во Франции, где ему предоставлено было право произвести практические опыты приложения его «новой финансовой системы». Опыты Ло привели к полному краху и разорению всех владельцев акций.

[90] Это место статьи (о том, что Михайловский не любит сам-м-мой) осталось ненаписанным или не сохранилось. Г. В. Плеханов имеет здесь в виду следующее:

В первой своей статье о Туган-Барановском (Соч. Михайловского, т. VIII, стр. 289—304) Михайловский цитирует рассказ Г. Успенского «Неизлечимый». Дьякон, борющийся со своей страстью к алкоголю, просит доктора дать ему лекарство, которое «вступило бы в самый корень, в самую жилу». Затем он просит дать ему книгу о том, что было «до всего на свете», «с самого начала».

Отдавая должное горячему сердцу и мучительной пытливости дьякона, Михайловский развивает ту мысль, что «нет такой „самой точки", к которой можно бы было свести всю бесконечную сложность и пестроту жизни», что «даже в видах достижения „точки" необходимо повозиться с этой толщей или, пожалуй, с этой „надстройкой"» и что с течением времени придется убедиться в том, что «эти надстройки и сами по себе имеют и значение и влияние, отражающееся в свою очередь на „точке"».

Под «точкой» Михайловский подразумевает здесь пресловутый «экономический фактор», о значении которого и трактует разбираемая им статья Туган-Барановского.

Г. В. Плеханов хотел очевидно указать на то, что сам Михайловский даже и не стремится дойти до корня вещей, до этой сам-м-мой точки (слово «сам-м-мой» взято из статьи Михайловского). При этом он называет Михайловского «неизлечимым» эклектиком по аналогии с «неизлечимым» дьяконом Успенского, болезнь которого заключалась однако как раз в противоположном, в стремлении дойти до корня вещей.

[91] М и н с к и й, Николай Максимович, псевдоним В и л е н к и н а (род. 1855)—поэт, переводчик и публицист. Отразил упадочные настроения не знавшей пути интеллигенции 80-х годов, позже ударился в индивидуализм, декадентство, отрицание общественности. В 900-х годах основал «Религиозно-философское общество». Революционная волна 1905 года на короткое время увлекла Минского: он принял участие в издании большевистской газеты «Новая жизнь», где напечатал свой «Гимн рабочих». Однако перед лицом разрастающейся революции Минский начинает испытывать «страх за судьбу культуры», характерный для буржуазной интеллигенции. Такие же чувства вызвала в нем и Октябрьская революция. В настоящее время Минский находится в эмиграции.

[92] П. Ч.—Ч е р в и н с к и й, Петр Петрович (род. 1849)—народник, который, обосновывая свое ортодоксально-народническое мировоззрение, пытался опираться на теорию «экономического» материализма Маркса. Во второй половине 70-х годов сотрудничал в «Неделе». Статьи его читались с громадным интересом. Первая же статья вызвала горячую полемику, в которой приняли участие Михайловский, «Дело», «Вестник Европы» и др.

[93] Ю з о в, псевдоним К а б л и ц а, Иосифа Ивановича (1848—1893)—писатель-народник. Вначале ярый бакунист и бунтарь, прошедший через «хождение в народ». Вскоре затем становится идеологом реакционно-славянофильского народничества, скатываясь до антисемитизма. Сотрудничал в «Неделе». В главных своих работах «Ум и чувство, как факторы прогресса» (вызвала полемику с Михайловским) и «Основы народничества» противопоставляет «почвенный народ, стремящийся к правде», беспочвенной интеллигенции, притязающей «мудрить над народом».

[94] Цитата из повести Ек. Летковой «Мертвая зыбь»—«Русская мысль», 1897 г., № 10, стр. 55.

[95] Намек на добролюбовский «Свисток» (приложение к «Современнику»). В статье «Об экономическом факторе» Г. В. Плеханов ничего не говорит об «освистывании», но соответствующее место имеется в статье «Несколько слов нашим противникам».

«Мало ли нападали у нас тогда (в 60-х гг.) на „рыцарей свистопляски"? Мало ли возмущались „мальчишескими выходками свистунов"? А вот, по нашему

мнению, блестящее остроумие „свистунов" никогда в неприятное шутовство не переходило» (Соч., т. VII, стр. 297).

[96] Г. В. Плеханов имеет в виду сатирические стихи Добролюбова «Мотивы современной поэзии» (подпись: Конрад Лилиеншвагер)—«Свисток», № 1 (Соч. Добролюбова, 1871 г., т. IV, стр. 386—390).

[97] Г. В. Плеханов вероятно имеет здесь в виду утверждение Михайловского в его первой статье о книге Бельтова, что «всякая философская система... есть система метафизическая», в том числе и диалектический материализм («Русское богатство», 1895 г., № 1; Соч., т. VIII, стр. 28).

[98] Г. В. Плеханов повидимому имел в виду использовать здесь статью Утиса из сожженного марксистского сборника, где он отвечает Михайловскому на замечание последнего, что от слова «производители» «конюшней отдает».

[99] Михайловский разбирает иллюстрирующий гегелевскую триаду пример Энгельса о зерне овса и говорит о пропуске «момента цветения» в обозрении «Литература и жизнь»—«Русское богатство», 1894 г., № 2.

[100] Чернышевский излагает брошюру Лаврова «Очерки вопросов практической философии» в своей статье «Антропологический принцип в философии» (Соч., 1906 г., т. VI, стр. 179—239).

[101] П и с а р е в, Дмитрий Иванович (1841—1868)—талантливый критик и публицист, революционный демократ, оказавший большое влияние на общественное движение 60-х и 70-х годов. Популяризировал в журнале «Русское слово» идеи материализма (механистического) и боролся с философским и литературным идеализмом, но был чужд диалектики.

О лекциях Лаврова «Три беседы о современном значении философии», напечатанных в «Отечественных записках» 1861 г., январь, Писарев писал в статье «Схоластика XIX века» (Соч., 1894, т. I, стр. 363—370).

[102] А н т о н о в и ч, Максим Алексеевич (1835—1918)—литературный критик 60-х годов. После смерти Добролюбова (в 1861 г.) вел критический отдел в «Современнике». Статьи его отличались резко полемическим характером.

Рецензию на книгу Лаврова Антонович дал в статье «Два типа современных философов»—«Современник», 1861 г., № 4, стр. 349—418.

[103] Восклицание графини Хрюминой из комедии Грибоедова «Горе от ума».

[104] В статье Каменского «О материалистическом понимании истории» (разбор книги Антонио Лабриола).

[105] Чернышевский пишет в «Очерках гоголевского периода»:

«Эту манеру заботиться не об истине, а о подтверждении приятных предубеждений немецкие философы (особенно Гегель) прозвали „субъективным мышлением", философствованием для личного удовлетворения, а не ради живой потребности истины. Гегель жестоко изобличал эту пустую и вредную забаву» (Соч., 1906, т. II, стр. 186—187).

[106] К о р н е л ь, Пьер (1606—1684)—французский драматург, один из основоположников французской классической трагедии.

[107] Цитата из «Лжеца» Корнеля: «Les gens, que vous tuez, se portent assez bien» (Люди, которых вы убиваете, пребывают в добром здоровье)—Théâtre de Corneille, Paris, s. a. «Le menteur», acte IV, p. 349.

[108] М ю с с е, Альфред (1810—1857)—талантливый французский поэт-романтик, выразитель упадочных настроений французского дворянства.

Цитата из Мюссе:

«Dans tout ce que je fais j'ai la triple vertu
D'être à la fois trop court, trop long et décousu».

(Во всем, что я делаю, имеется тройное достоинство: в одно и то же время я и слишком многословен, и слишком краток, и бессвязен). Цитата взята из находящейся в библиотеке Г. В. Плеханова книги Eduard Engel, «Geschichte der französischen Literatur», Leipzig 1891 (Эдуард Энгель, «История французской литературы», Лейпциг 1891). Из этой книги мы выписали строки, подчеркнутые Г. В. Плехановым с отметкой на полях: «Михайловскому».

[109] См. примеч. 66.

[110] В серии рассказов Успенского «Наблюдения одного лентяя» ничего о парне-раскольнике нет. В статье «Об экономическом факторе» Г. В. Плеханов цитирует для иллюстрации этой же мысли рассказ «Тише воды, ниже травы».

[111] Г. Успенский, Разоренье. Наблюдения Михаила Ивановича (Соч., т. 1, 1896, стр. 279—280). Это место приведено Г. В. Плехановым в статье «Об экономическом факторе».

[112] Цитата из романа Тургенева «Отцы и дети» (Разговор Базарова с Кирсановым):

«О, друг мой, Аркадий Николаевич!—воскликнул Базаров,—об одном прошу тебя: не говори красиво.

— Я говорю, как умею... Да и наконец это деспотизм. Мне пришла мысль в голову, отчего ее не высказать?

— Так. Но почему же и мне не высказать своей мысли? Я нахожу, что говорить красиво—неприлично» (Тургенев, Соч., 1891, т. II, стр. 150).

[113] Цитата из П. Альбера, стр. 8 (в переводе):

«Таким образом, рассматриваемая в целом, литература XIX века являет волнующую нас картину смятения, беспорядочности, несдержанности. Когда мы проникаем в ее детали, нас поражает ее острая напряженность, ее оригинальность и разнообразие! Что может быть логичней? На протяжении 24 лет политическая, социальная и религиозная среда оказывает на нее сильнейшее воздействие. Столько потрясений всякого рода, и холодная, спокойная, размеренная литература—разве это возможно?»

[114] Цитата из П. Альбера, стр. 10—11 (в переводе):

«Так новые потребности, политическая жизнь с ее битвами, катастрофами, страстями, дают начало новому творчеству... Есть одно славное завоевание, которого никто никогда не оспаривал у нашего века: создание исторической науки. Но если бы история была только местом свиданий высокопоставленных лиц и полем сражения враждующих партий, она оказалась бы лишь одним из проявлений духа XIX века. Она не была бы одним из самых прочных его завоеваний. Она возвысилась до чистых сфер подлинной науки, она поднялась к ее истокам, она обратилась к изучению документов, которые игнорировались до тех пор...»

[115] Взгляд на Гизо до 1898 г. был высказан Г. В. Плехановым наиболее обстоятельно в книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

[116] Г. В. Плеханов называет народников усыпителями и в статье «Несколько слов нашим противникам», где он пишет:

«Рецензенту „Русской мысли“ эти писатели кажутся, может быть, настоящими светочами, спасательными маяками. Ну, а что, если г. Бельтов считает их гасильниками и усыпителями?» (Соч., т. VII, стр. 294).

ДОПОЛНЕНИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ БЕЛЬТОВА

Рукопись, публикуемая нами последней в данном цикле, озаглавлена Плехановым «Примечания ко второму изданию Бельтова». История этого второго издания несколько напоминает историю первого издания. Чудом прорвавшийся в 1895 г. сквозь цензурные заграждения «Монистический взгляд» разошелся очень быстро. После этого в течение десяти лет невозможно было выпустить повторное издание. Наконец, в начале 1904 г. решено было переиздать Бельтова за границей.

В архиве Плеханова сохранился документ, дающий на этот счет совершенно точные указания. Это—обращение бернской группы ко всем прочим группам содействия РСДРП, датированное 9 февраля 1904 г. Приводим его полностью:

«В... Группу содействия РСДРП.

Товарищи! Наша группа взяла на себя инициативу переиздания книги Бельтова „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“. Нужда в этой книге ощущается теперь всюду! Товарищ Г. В. Плеханов пишет нам от 9 января 1904 г.: „Я, разумеется, совершенно согласен редактировать новое издание Бельтова и сделать некоторые необходимые дополнения. Надо спешить с этим делом; оно теперь будет полезно. Я буду делать примечания, связывающие вопросы теории с вопросами практики, волнующими нас теперь. Спешите же, я со своей стороны медлить не буду“. Издано будет 3000 экз[емпляров], причем набор отольется, чтобы в случае надобности отпечатать еще. Мы имеем в виду открыть подписку на книгу (300 стр.—5 fr.), прося всех желающих купить ее вносить сейчас же плату. Для облегчения выплаты и возможно быстрого сбора суммы, без которой нельзя и начать дело, мы принимаем одинаковые взносы под специальные марки. Вслед по выходе, книга будет выдаваться всякому предъявителю пяти таких марок, причем рассрочка прекратится.

Для успеха дела просим привлекать средства из России путем распространения тех же марок через посредство знакомых и едущих теперь на каникулы домой.

По отпечатании книга разошлется по группам, причем чистый доход предоставится в их распоряжение. Просим вас, товарищи, оказать нам всяческое содействие».

Один из упоминаемых в обращении подписных талонов также сохранился в архиве.

Часть книги, как и в первый раз, была набрана. Мы находим указание на это в неопубликованной переписке Плеханова с Л. И. Аксельрод. В письме без даты из Беатенберга, относящемся по ряду признаков к 1904 г., он пишет ей в Женеву:

«Дорогая Л. И., у меня к вам большая просьба. Илья пишет мне, что ему очень нужны первые страницы первого издания Бельтова. Эти страницы у меня в Женеве. Они находятся в шкапу, на предпоследней или на третьей сверху полке в большом желтом конверте. Будьте добры, найдите их там и отнесите Илье».

Илья—это Виленский, наборщик типографии «Искры» в Женеве.

Затем, уже в датированной открытке из Женевы от 7 августа 1904 г. Плеханов пишет Л. И. Аксельрод в Шпиц:

Дорогая Л. И... Прошу вас немедленно написать мне, у кого вы оставили тот экземпляр книги Бельтова, с которого набирается второе издание».

Пока книга набиралась, условия в России, под влиянием военных неудач и роста революционного движения, значительно изменились. Брешь была пробита и в цензурном ведомстве, и книжный рынок стал заполняться литературой, до того выходившей только нелегально.

Первым издательством, сделавшим Плеханову предложение о легальном издании Бельтова, было повидимому известное издательство Парамонова «Донская речь». Об этом предложении читаем в находящемся в архиве Плеханова неопубликованном письме Шапошникова к О. В. Свободиной от 28 февраля 1904 г.:

«Вот еще о чем просит Парамонов: ему очень хочется выпустить второе издание „Монистического взгляда на историю", переменив имя автора и переделав несколько заглавия отдельных глав; он уверяет меня, что со стороны цензурного ведомства никаких препятствий не встретится (пожалуй, при его связях это возможно). Зная, что „Монист[ический] взгляд" предполагается к изданию за границей и, поскольку мне известно, в дополненном виде, я предложил Парамонову воспользоваться этим проектом, и он согласился. Но, чтобы не терять время, он взял у меня экземпляр этой книги и намерен представить ее в цензуру в прежнем виде, переменив имя автора и заглавие. Неправда ли, это остроумно

Плеханов передал издание своих работ издательству «Общественная польза» в Петербурге (в лице Салтыкова). Первым вышел сборник «За двадцать лет», после него «Монистический взгляд»—и та и другая книга под псевдонимом Бельтова. Сохранившиеся в архиве Плеханова письма к нему Салтыкова отражают очень четко эту страницу истории Бельтова.

В письме от 16 апреля читаем:

«Также о книге Бельтова. Я нахожусь в ожидании от вас оригинала с теми поправками, какие вы признаете нужным сделать. Мой друг* передавал мне ваше мнение о непеределке (если можно так сказать) полемических сочинений, и я согласен с этим. Но, кажется мне, вы могли бы проредактировать некоторые места книги, сообразно изменившимся обстоятельствам несущественного характера; таковы—относящиеся к Михайловскому, о котором там говорится, как о живом и т. д.

По получении от вас оригинала, он будет немедленно сдан в набор».

В письме же от 8 июля Салтыков сообщает:

«... печатание заканчивается, и книга выйдет в цензуру (на 7 дн[ей] карантин) на будущей неделе, а там—и в свет».

Через два месяца по выходе книги (21 сентября 1905 г.), Салтыков пишет Плеханову, что «Монизм» идет очень хорошо.

* Н. И. Иорданский, через которого велись вначале переговоры Плеханова с Салтыковым.

Такова история второго издания Бельтова. Какое же отношение имеют к нему страницы рукописи, найденные в архиве и озаглавленные: «Примечания ко второму изданию Бельтова»? Мы знаем, что Плеханов не внес никаких дополнений и примечаний к первому изданию. Это подтверждается как сличением текстов первого и второго изданий, так и содержанием предисловия ко второму изданию. Это предисловие начинается следующим пояснением Плеханова.

«Мною исправлены только о п и с к и и о п е ч а т к и, закравшиеся в первое издание. Я не счел себя в праве изменять что-нибудь в моих доводах по той простой причине, что эта моя книга—п о л е м и ч е с к о е произведение. Изменить что-нибудь в содержании полемического произведения значит выступить против своего противника с новым оружием, заставляя его бороться с помощью старого. Это прием непозволительный вообще, а в данном случае еще менее позволительный потому, что моего главного противника Н. К. Михайловского уже нет в живых»*.

Как мы видели выше, те же соображения Плеханов высказал и в письмах к Салтыкову. Повидимому, только эти мотивы помешали ему сделать дополнения к книге, вышедшей десять лет тому назад и требовавшей некоторого обновления.

* * *

Дополнения к первому изданию Бельтова, которые Плеханов назвал примечаниями ко второму изданию, имеют характер заметок, набросков, материалов, еще не отлившихся в четкие и краткие формулировки. Возможно, что часть из них вошла бы в новое издание не в виде подстрочных примечаний, но в виде дополнений к тексту. Мы это и видим в том единственном дополнении, которое Г. В. Плеханов сделал к статье «Несколько слов нашим противникам», при ее вторичной публикации, в виде приложения ко второму изданию Бельтова (Спб. 1905, стр. 266; Соч., т. VII, стр. 304). Печатаемые дополнения Плехановым использованы не были.

Раскрывая содержание «Примечаний», мы имеем в виду дать тот материал, который собирался использовать для них Г. В. Плеханов. Технически мы сочли удобным держаться здесь следующей системы. Весь плехановский текст дан без малейших вставок или дополнений и выделен крупным шрифтом. Под каждым примечанием приведено то место на странице первого издания Бельтова, к которому данное примечание могло относиться, все цитаты из указанных Г. В. Плехановым или подразумевавшихся им источников, а также все соображения по поводу раскрытия содержания данного примечания. Этот материал дан мелким шрифтом и в прямых скобках. В ряде случаев, ввиду лаконичности указаний Г. В. Плеханова, материал дан нами только предположительно, если, конечно, для таких предположений имелись достаточно веские основания.

Примечания написаны частью в тетради, частью на разрозненных листах. Тетрадь заключает в себе 20 листов, из которых исписаны первые 11 с обеих сторон, не считая двух случайно пропущенных страниц; отдельных листов из которых 5 исписаны с двух сторон. Примечания написаны почерком Г. В. Плеханова, более размашистым и менее четким, чем почерк всех печатаемых выше рукописей, относящихся к 90-м годам.

* Собр. соч., т. VII, стр. 59.

*ПРИМЕЧАНИЯ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ БЕЛЬТОВА**

К стр. 86 1-го издания

Этот ход развития путем противоположностей очень заметен например в истории французской живописи. Арсэн Александр; это примечание переносится к стр. 19.

[Повидимому Плеханов думал сделать это примечание к следующему месту на стр. 86 Бельтова:

«Но все-таки, кто, пожелав вникнуть в сущность диалектического процесса, начал бы именно с проверки учения о противоположности явлений, стоящих рядом в каждом данном процессе развития, тот подошел бы к делу с ненадлежащего конца».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 128.)

Это примечание было затем перенесено Плехановым к стр. 195. Его указание на стр. 19 ошибочно, последняя цифра недописана (см. ниже примеч. к стр. 195).]

К стр. 87

<Я должен сознаться, что здесь я поддался полемическому увлечению. При спокойном и беспристрастном отношении к предмету следует сказать, что так как Гегель...>

Выражусь точнее. Так как Гегель был не только диалектиком, но диалектиком-идеалистом, то он не мог подчас не извращать причинную связь явлений и вследствие этого,—и только вследствие этого,—современная наука о природе и об обществе расходится иногда—чаще в естествознании, реже в социологии,—очень сильно с гегелевой философией. Но она расходится с ней именно как с идеалистической, а не как с диалектической философией. Многие до сих пор думают, что Тренделенбург[1] покончил с диалектикой в своих «Логических исследованиях». Это мнение еще недавно высказано было, если не ошибаемся, бернским профессором Штейном в его книге «Die soziale Frage im Lichte der Philosophie»** и подхвачено некоторыми нашими легальными противниками марксизма. Мы не отказываемся признать, что названные исследования Тренделенбурга содержат в себе много очень дельных замечаний против гегелевой диалектики,—Тренделенбург во всяком случае оспаривал ее умнее, чем кто-нибудь другой,—но и самые дельные его возражения попадают в цель лишь в той мере, в какой они направляются против идеалистической диалектики; против материалистической диалектики они совершенно бессильны. Впрочем, мы подробнее поговорим об этом в другом месте.

Вариант того же примечания:

<Для беспристрастия надо напомнить читателю, что Гегель был идеалистом и что поэтому его диалектическое учение о развитии нередко извращало причинную связь явлений и тем выводило их исследователя на ложную дорогу. Вот почему современное естествознание нередко противоречит Гегелю.>Но современное естествознание опровергает именно идеализм, а не диалектику. Поскольку диалектика сама становится материалистической, как это мы видим у Маркса и Энгельса, она всецело представляет собой тот самый метод, которым пользуются современные науки о природе и об обществе,—естествознание и социология. Но современные натуралисты и социологи чаще всего пользуются своим методом бессознательно и потому сами не имеют надлежащего понятия ни о нем самом, ни о его великом значении. А у Маркса и Энгельса этот метод—материалистическая...

[Примечание относится повидимому к следующему месту на стр. 87:

«... всюду, где является идея развития: „в психологии, физике, географии и т. д.“, она непременно имеет много „общего с гегельянством“, т. е. в каждом новейшем учении о развитии непременно повторяются некоторые общие положения Гегеля. Говорим некоторые, а не все, потому что многие из современных эволюционистов, будучи лишены надлежащего философского образования, понимают „эволюцию“ отвлеченно, односторонне. Пример: уже помянутые выше господа, уверяющие, что ни природа, ни история скачков не делают. Такие люди очень много выиграли бы от знакомства с логикой Гегеля».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 129).]

К стр. 113

<В своей «System des transcendentalen Idealismus» (Tübingen 1800, S. 2—5*) Шеллинг говорит, что у философа может быть только два приема исследования: или за исходную точку берется объект...>

[Это примечание относится повидимому к следующему месту на стр. 113:

«Олицетворяя наш собственный мыслительный процесс в виде абсолютной идеи и ища в этой идее разгадки всех явлений, идеализм тем самым заводил себя в тупой переулок, из которого выбраться можно было только покинув „идею“, т. е. распростившись с идеализмом».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 149—150.)

Приводим место из Шеллинга, которое имеет в виду Г. В. Плеханов (цитируем по экземпляру из плехановской библиотеки с его отметками):

«Es sind also nur zwei Fälle möglich:

A. Entweder wird das Objective zum Ersten gemacht und gefragt: wie ein Subjectives zu ihm hinzukomme, das mit ihm übereinstimmt?..

B. Oder das Subjective wird zum Ersten gemacht, und die Aufgabe ist die: wie ein Objectives hinzukomme, das mit ihm übereinstimmt?»

В переводе:

«Таким образом возможны только два случая:

A. Или за исходную точку берется объект, и тогда спрашивается: как к нему присоединяется субъект, который с ним совпадает?

B. Или за исходную точку берется субъект, и тогда задача такова: как к нему присоединяется объект, с ним совпадающий?»]

* Заголовок Г. В. Плеханова.—Ред.

** «Социальный вопрос в свете философии».—Ред.

* «Система трансцендентального идеализма» (Тюбинген 1800, стр. 2—5).—Ред.

[К стр. 113]

Об этом см. мою статью «Zu Hegel's sechzigstem Todestag»*, напечатанную в трех ноябрьских номерах «Neue Zeit» за 1891 г.

[Г. В. Плеханов не указывает страницы, к которой сделано им это примечание, но повидимому оно относится также к стр. 113, где он мог иметь в виду следующее место:

«Это, можно сказать, его неизменный прием в философии истории: сначала несколько туманных ссылок на свойства абсолютной идеи, а затем—гораздо более пространные и, конечно, гораздо более убедительные указания на характер и развитие имущественных отношений у того народа, о котором идет речь. Собственно, в объяснениях этого последнего рода нет уже ровно ничего идеалистического, и, прибегая к ним, Гегель,—говоривший, что „идеализм оказывается истиной материализма",—подписывал свидетельство о бедности именно идеализму, как бы молчаливо признавая, что в сущности дело обстоит совсем наоборот, что материализм оказывается истиной идеализма».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 150.)

В примечании Г. В. Плеханова речь идет повидимому о следующем месте из статьи «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля»:

«В качестве идеалиста Гегель не мог смотреть на историю иначе, как с идеалистической точки зрения; он употребил все силы своего гениального ума, все колоссальные средства своей диалектики для того, чтобы придать сколько-нибудь научный характер идеалистическому пониманию истории. Его попытка оказалась неудачной. Его самого как будто не удовлетворяли добытые им результаты, и он часто вынужден был с туманных высот идеализма спускаться на конкретную почву экономических отношений. Всякий раз, когда он обращался к ней, экономика снимала его с тех мелей, на которые заводил его идеализм, экономическое развитие оказывалось тем prius'ом, который обусловливает собою весь ход истории.

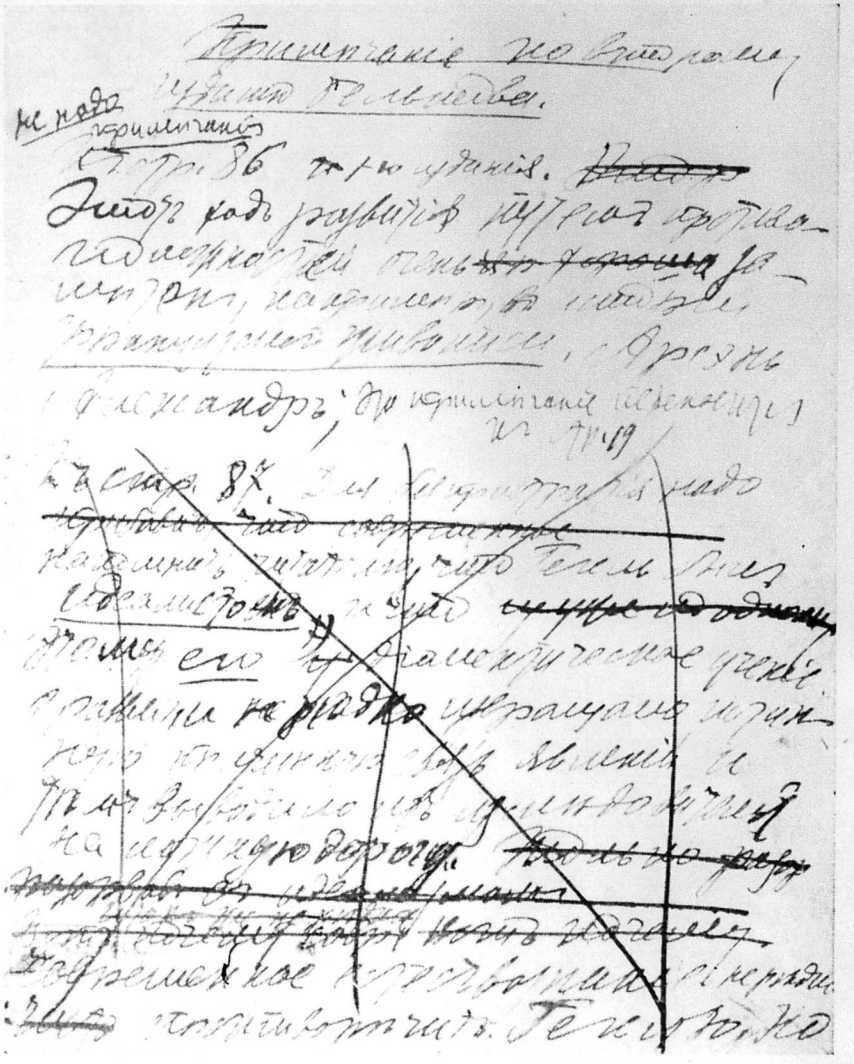
Этим самым дано было дальнейшее направление науке. Совершившийся после смерти Гегеля переход к материализму не мог быть простым возвратом к наивному метафизическому материализму XVIII века. В интересующей нас здесь области, т. е. в области объяснения истории, материализм должен был прежде всего обратиться к экономии. Поступить иначе—значило бы пойти не вперед, а назад, сравнительно с философией истории Гегеля».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 43—44).]

К стр. 115 внизу

Фейербах совершенно верно говорит: «Die Hegelische Philosophie... hat das Wesen des Ich ausser das Ich gesetzt, abgesondert

* «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля».—Ред.



Страница рукописи «Примечания ко второму изданию Бельтова»

vom Ich, als Substanz, als Gott vergegenständlicht». Grundsätze der Philosophie der Zukunft, Zürich und Winterthur 1843, S. 39*.

То же самое в том или другом виде делает всякий идеалист.

[Это примечание относится к следующему месту на стр. 115 Бельтова:

«Недостаток немецкого идеализма заключается совсем не в том, что в его основе лежало, будто бы, излишнее неосновательное, принявшее мистическую форму увлечение естественно-научными открытиями того времени, а, как раз наоборот, в том, что он все явления природы и истории старался объяснить с помощью олицетворенного им процесса мышления». (Плеханов, Соч., т. VII, стр. 152).]

К стр. 136 в примечании (см. ниже примеч. к стр. 133)

Рабство есть определенный вид производственных отношений, соответствующий определенной ступени развития производительных сил и обмена. Люди находят его неестественным и безнравственным в двух случаях: во-первых, когда их производительные силы еще не достигли той ступени развития, которой соответствует это отношение производства, и, во-вторых, когда эти силы уже переросли это отношение. А когда оно вполне соответствует состоянию производительных сил и когда,—вследствие очень медленного развития производительных сил,—взгляды людей прочно приспособляются к этому отношению производства, тогда сами рабы находят свое положение законным. По словам Дж. Г. Спика, у негритянских племен, живущих в верховьях Нила, «рабы, будучи проданы, считают, повидимому, бесчестным бежать и тем лишать своего нового собственника его законно приобретенного права собственности» («Les sources du Nil», Paris 1865, p. 21**). В мусульманских странах Африки рабы свысока смотрят на наемников, считая свое положение более почетным (R. Hartmann, Les peuples d'Afrique, Paris 1880, p. 238***). Давид и Чарльз Ливингстоны сообщают («Explorations du Zambèze et de ses affluents», Paris 1866, p. 45****) курьезный случай с негром, который разбогател, продав себя одному португальцу и накупив рабов на деньги, вырученные им от продажи в рабство самого себя. Этот негр, наверное, не считал рабство противоестественным учреждением.

Еще одно замечание. Некоторые краснокожие Северной Америки пленников или убивают или делают членами своего племени (см. J. W. Powel, Wyandot government, a study of tribal society. First annual Report of the Bureau of Ethnology to the secretary of the Smithsonian Institution, p. 68*****).

---

* «Гегелевская философия... поставила сущность Я вне Я, обособила ее от Я, объективировала в качестве субстанции, в качестве бога».

Перевод взят из издания Соч. Л. Фейербаха, Гиз, 1923 г., т. I, «Основы философии будущего», стр. 106.—Ред.

** «Истоки Нила», Париж 1865 г., стр. 21.—Ред.

*** Р. Гартман, Народы Африки, Париж 1880 г., стр. 238.—Ред.

**** «Исследование Замбези и ее притоков», Париж 1866 г., стр. 45.—Ред.

***** Поуэль, Родовое устройство племени виандот. Первый годовой отчет Этнологического бюро, представленный в секретариат Смитсоновского института, стр. 68.—Ред.

Это принятие в члены племени есть зачаток рабства, которое возникает в сравнительно очень безобидной форме принудительного сотрудничества.

[Это примечание относится к следующему месту на стр. 136 Бельтова:

«Известно, что в течение долгого времени русские крестьяне сами могли иметь, и нередко имели, крепостных. Состояние крепостного не могло быть приятно крестьянину. Но, при тогдашнем состоянии производительных сил России, ни один крестьянин не мог находить это состояние ненормальным. Запасшийся деньжонками „мужичок" так же естественно задумывался о покупке крепостных, как римский вольноотпущенник стремился к приобретению рабов. Восставшие под предводительством Спартака рабы вели войну с своими господами, но не с рабством; если бы им удалось завоевать себе свободу, они, при благоприятных обстоятельствах, сами и с самою спокойною совестью сделались бы рабовладельцами. Невольно вспоминаются при этом, приобретая новый смысл, слова Шеллинга: Свобода должна быть необходима. История показывает,что любой из видов свободы является только там, где он становится экономической необходимостью».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 168, примеч.).]

К стр. 130

Вайц («Die Indianer Nordamerikas», Leipzig 1865, S. 91*) говорит о краснокожих Северной Америки: «у них совсем нет домашних животных. Это очень важно, потому что в этом обстоятельстве заключается главная причина, вынуждающая их оставаться на низшей ступени развития». Швейнфурт говорит, что когда в Африке данная местность оказывается перенаселенной, то часть ее жителей выселяется, причем она иногда меняет свой образ жизни в зависимости от географической среды: «племена, занимавшиеся до тех пор земледелием, становятся охотничьими, а племена, жившие от своих стад, переходят к земледелию» («Au coeur de l'Afrique», Paris 1875, t. I, p. 199**). Он же отмечает, что жители богатой железом местности, начинающейся в низовьях реки Диура и занимающей значительную часть Центральной Африки, «естественно стали заниматься добыванием железа» (ibid., t. II, p. 94***).

[Примечание относится очевидно к следующему месту на стр. 130:

«Чтобы человек мог воспользоваться уже достигнутыми успехами своего „разума" для усовершенствования своих искусственных орудий, т.е. для увеличения своей власти над природой, он должен был находиться в известной географической среде, способной доставить ему: 1) материалы, необходимые для усовершенствования; 2) предметы, обработка которых предполагала бы усовершенствованные орудия. Там, где не было металлов, собственный разум общественного человека ни в каком случае не мог вывести его за пределы „периода шлифованного камня"; точно так же для перехода к пастушескому и земледельческому быту нужны были известная фауна и флора, без наличности которых „разум остался бы неподвижным"».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 163—164).]

[К стр. 132] К вопросу об изобретениях

«Die allgemeine Analogie lehrt,—говорит Гелльмут Панков,—dass kaum jemals auf unteren Entwicklungsstufen eine Erfindung planvollem Verfahren und zielbewussten Nützlichkeitserwägungen entsprungen ist» («Betrachtungen über das Wirtschaftsleben der Naturvölker» в Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, Band XXX, S. 165*).

[Примечание это не снабжено указанием Плеханова на страницу 1-го издания Бельтова. По содержанию оно относится скорей всего ко 2-му примечанию на стр. 132:

«Мы должны остерегаться,—говорит Л. Гейгер,—приписывать размышлению слишком большое участие в происхождении орудий. Открытие первых, в высшей степени важных орудий произошло, конечно, случайно, как и многие великие открытия новейшего времени. Они были, конечно, скорее найдены, чем изобретены».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 165).]

К стр. 133

Вайц («Anthropologie der Naturvölker», zweiter Theil, Leipzig 1860, S. 107**) замечает, что у негритянских племен «национальный характер» определяется образом жизни: «Mehrere Negervölker bieten auffallende Beispiele von dem Zusammenhange dar, in welchem die Hauptbeschäftigung eines Volkes mit dessen nationalem Charakter stehet»***. Ратцель категорически утверждает, что «die Rasse hat mit dem Kulturbesitze an sich nichts zu thun» («Völkerkunde», I. Band, Leipzig 1887, S. 10****).

[Примечание относится очевидно к следующему месту на стр. 133:

«Различие результатов (ступени культурного развития), достигнутых различными человеческими обществами, объясняется именно тем, что окружающие условия не позволили различным человеческим племенам в одинаковой мере употребить в дело свою способность „изобретать". Есть школа антропологов, приурочивающая различие

* «Индейцы Северной Америки», Лейпциг 1865 г., стр. 91.—Р е д.
** «В сердце Африки», Париж 1875 г., т. I, стр. 199.—Р е д.
*** Там же, т. II, стр. 94.—Р е д.

* «Всеобщая аналогия учит, что на низших ступенях развития лишь очень редко изобретения делаются по заранее составленному плану и преследуют сознательно-полезную цель» («О хозяйственной жизни первобытных народов» в Журнале Берлинского географического общества, т. XXX, стр. 165).—Р е д.
** «Антропология первобытных народов», вторая часть, Лейпциг 1860 г., стр. 107.—Р е д.
*** «Некоторые негритянские народы представляют поражающие примеры той связи, в которой находится главное занятие данного народа с его национальным характером».—Р е д.
**** «Раса, сама по себе, не имеет никакого отношения к степени культурного развития народа» («Этнология», т. I, Лейпциг 1887 г., стр. 10).— Р е д.

названных результатов к различным свойствам человеческих рас. Но взгляд этой школы не выдерживает критики: он представляет собою лишь новую вариацию старого приема объяснения исторических явлений ссылками на „человеческую природу“ (т. е. здесь ссылками на природу расы)».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 166).]

[К стр. 3]

Энгельс справедливо говорит (Л. Ф., стр. 19), что ко времени расцвета французского материализма изо всех естественных наук достигла известной законченности только механика и т. д. до слов механич[ескими] причинами включительно.

[Примечание относится несомненно к следующему месту на стр. 3 Бельтова:

«Само собой понятно, что французские материалисты не знали многого из того, что известно теперь каждому школьнику: достаточно напомнить химические и физические взгляды Гольбаха, который был, однако, хорошо знаком с естествознанием своего времени».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 63.)

Цитата из книги Энгельса «Людвиг Фейербах», которую хотел здесь привести Г. В. Плеханов, следующая:

«Материализм прошлого века был преимущественно механическим, потому что изо всех естественных наук к тому времени достигла известной законченности только механика, и именно только механика твердых тел (земных и небесных), короче, механика тяжести. Химия имела еще детский вид, в ней придерживались еще теории флогистона. Биология была в пеленках; растительный и животный организм был еще мало исследован, его отправления объяснялись чисто механическими причинами».

(Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, пер. Г. В. Плеханова, Женева 1892, стр. 19).]

[К стр. 12]

Кареев спрашивал, какая же это попытка. Она подробно изложена в моих «Beiträge zur Geschichte des Materialismus»*, в отделе, посвященном Гельвецию.

[Это примечание относится несомненно к стр. 12 Бельтова:

«Гельвеций замечает, что развитие знаний подчиняется известным законам и что, следовательно, существуют какие-то скрытые неизвестные причины, от которых оно зависит. Он делает в высшей степени интересную, до сих пор неоцененную по достоинству попытку объяснить общественное и умственное развитие человечества материальными его нуждами. Эта попытка окончилась, да по многим причинам и не могла не окончиться, неудачей. Но она осталась как бы завещанием для тех мыслителей следующего века, которые захотели бы продолжить дело французских материалистов».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 70.)

* «Очерки по истории материализма».—Ред.

Приводим высказывания Кареева, которые имел здесь в виду Г. В. Плеханов. Кареев спрашивал, «какая же это попытка...» в своей книге «Старые и новые этюды об экономическом материализме», Спб. 1896 г., на стр. 208—209, цитируя 11 и 12 стр. Бельтова:

«Хотя уже Гельвеций делал „попытку объяснить общественное и умственное развитие человечества материальными нуждами“ (стр. 12), но задачу „открыть фактор, который определяет собою и развитие общественной среды, и развитие мнений“, должен был выполнить лишь XIX век (стр. 11). Так говорит г. Бельтов, находя, что эта „интересная“ попытка „до сих пор не оценена была по достоинству“ (стр. 12), хотя сам же лишь мимоходом о ней упоминает и ничего о ней более не говорит, дабы читатель действительно мог ее оценить по достоинству, таким образом заставляя верить себе на слово, что такая „попытка“ была сделана и что она заслуживает внимания».

О попытке Гельвеция «объяснить общественное и умственное развитие человечества материальными его нуждами» см. Плеханов, Соч., т. VIII, «Очерки по истории материализма», стр. 74—124.]

[К стр. 41—42]

3-е примечание в главе: утописты. О том, что наш вел[икий] просветитель так же, как Анфантэн[2], смотрел на задачу экономической науки. Привести цитату из его «Очерков политич[еской] экономии», которую я делаю во второй статье о нем: «Соц[иал]-Дем[ократ]», кн. вторая.

[Г. В. Плеханов не указывает страницы, к которой относится это примечание, но она устанавливается с несомненностью его содержанием. Это страницы 41—42 Бельтова, где им подразумевалось следующее место:

«Главнейшая задача политической экономии, которую Анфантэн предпочитал бы называть „философской историей промышленности“, заключается в указании как взаимных отношений различных слоев производителей, так и отношений всего класса производителей к другим общественным классам. Эти указания должны основываться на изучении исторического развития промышленного класса, причем в основе такого изучения должно лежать „новое понятие о человеческом роде“, т. е. другими словами, о природе человека».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 93.

Цитата из «Оснований политической экономии» Чернышевского («нашего великого просветителя») приводится Г. В. Плехановым в его статье «Политико-экономические взгляды Н. Г. Чернышевского»—«Социал-демократ», кн. вторая, 1890 г., стр. 84 (Плеханов, Соч., т. VI, стр. 70). Цитируем по тексту «Социал-демократа», слегка отличающемуся от текста полного собрания сочинений:

«Для Чернышевского, как и для всех социалистов-утопистов, главная задача науки заключалась в указании того, как должно быть устроено нормальное общество. Он очень недвусмысленно высказывает это в за-

ключительных строках своих „Очерков по политической экономии“: „Не успела войти в наши очерки та часть теории, которая, по нашему мнению, наиболее важна в науке. Критикою господствующих понятий нам удавалось приводить читателя к общим принципам устройства, наиболее выгодного для людей. Но мы не успели изложить, в каких главных подробностях должны некогда осуществиться эти принципы и какими переходными ступенями могут уже теперь люди приближаться к наилучшему устройству своих материальных отношений. Нам пришлось в этом отношении довольствоваться неопределенными очерками, представленными у Милля в главе о вероятной будущности рабочих сословий. Мысли его верны, но слишком бледны. И мы очень жалеем, что не успели дополнить их очерками, более точными. Но что же делать!».

(Н. Г. Чернышевский, Соч., т. VII, Спб. 1905, стр. 616).]

[К стр. 153—154]. К вопросу о запасах

Ратцель замечает, что в тропических странах препятствием для собирания запасов нередко является сырость, а иногда неумение предостеречь себя от опустошений, производимых муравьями и другими насекомыми. Поэтому вся жатва «должна быть съедена в том же году». Поэтому же некоторые негры «варят так много пива» («Völkerkunde», 2 Aufl., B. I, S. 86*). Это неуменье справиться с естественными препятствиями для образования запасов также стоит в связи с низкой степенью технического развития.

[Страница, к которой относится примечание, Г. В. Плехановым не указана. О сбережениях находим на стр. 153—154 Бельтова следующее подходящее сюда по содержанию место:

«„Сбережение“ действительно незнакомо первобытным народам по той простой причине, что им неудобно, прямо сказать, невозможно практиковать его. Мясо убитого зверя может быть „сбережено“ лишь в незначительной степени: оно портится и тогда становится совершенно негодным для употребления. Конечно, если бы его можно было продать, то очень легко было бы „сберечь“ вырученные за него деньги. Но деньги еще не существуют на этой стадии экономического развития. Следовательно, сама экономия первобытного общества ставит тесные пределы развитию духа „бережливости“».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 182).]

К стр. 191

Об искусстве. Новейшая литература. Мой взгляд. Моя формула в «Beiträge zur» etc. Философия: Элейтеропулос.

[Лаконичность примечания затрудняет вскрытие его содержания. По всей вероятности оно относится к следующему месту на стр. 191:

* «Этнология», изд. 2-е, т. I, стр. 86.—Ред.

«Взаимодействие существует в международной жизни, как и во внутренней жизни народа; оно вполне естественно и безусловно неизбежно, но тем не менее, само по себе, оно еще ровно ничего не объясняет. Чтобы понять взаимодействие, надо выяснить себе свойства взаимодействующих сил, а эти свойства не могут найти себе последнее объяснение в факте взаимодействия, как бы ни изменялись они, благодаря ему».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 212.)

Взгляд на литературу и искусство высказан был Плехановым в целом ряде статей. Возможно, что здесь он имеет в виду первое из своих «Писем без адреса», где находим следующую краткую формулировку:

«Искусство всякого данного народа определяется его психикой; его психика создается его положением, а его положение обусловливается в последнем счете состоянием его производительных сил и его отношениями производства. Но человек, который сказал бы это, тем самым высказал бы материалистический взгляд на историю».

(Плеханов, Соч., т. XIV, стр. 26.)

Формула из «Beiträge...», которую думал привести Г. В. Плеханов, повидимому, следующая:

«Данная степень развития производительных сил; взаимоотношения людей в общественном процессе производства, определяемые этой степенью развития; форма общества, выражающая эти отношения людей; определенное состояние духа и нравов, соответствующее этой форме общества; религия, философия, литература, искусство, соответствующие способностям, направлениям вкуса и склонностям, порождаемым этим состоянием,— мы не хотим сказать, что эта „формула“ дает ответ на все вопросы,—совсем нет,—но, как нам кажется, она имеет то бесспорное преимущество, что она лучше выражает причинную связь, существующую между различными „членами ряда“. Что же касается „ограниченности“ и „односторонности“, в которых обыкновенно упрекают материалистическое понимание истории, то читатель в нем не найдет их ни следа».

(Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 169.)

Упоминая об Элейтеропулосе, Г. В. Плеханов вероятно имел здесь в виду книгу: Eleutheropulos, «Wirtschaft und Philosophie*», о которой он говорит в позднейшей своей работе 1908 г. «Основные вопросы марксизма» (Соч., т. XVIII, стр. 226—228). Указывая на правильность точки зрения Элевферопулоса (так он переводит в этой статье его фамилию), считающего философию идейным выражением своей эпохи и прежде всего ее экономического состояния, Г. В. Плеханов отмечает слабость анализа Элейтеропулоса и упрощенное понимание им процесса развития идеологий.

* «Экономика и философия».—Ред.

Первый том упомянутого труда Элейтеропулоса «Die Philosophie als die Lebensauffassung des Griechentums auf Grund der gesellschaftlichen Zustände»* имеется в библиотеке Г. В. Плеханова.]

К стр. 195

О развитии путем противоположностей. Арсэн Александр, из моей статьи, и т. д.

[Примечание это Г. В. Плеханов предполагал вначале дать к стр. 86 (см. выше), но затем перенес его к стр. 195, повидимому имея в виду следующее место на этой странице:

«Чтобы понять „состояние умов" каждой данной критической эпохи, чтобы объяснить, почему в течение этой эпохи торжествуют именно те, а не другие учения, надо предварительно ознакомиться с „состоянием умов" в предыдущую эпоху; надо узнать, какие учения и направления тогда господствовали. Без этого мы совсем не поймем умственного состояния данной эпохи, как бы хорошо мы ни узнали ее экономию».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 215.)

Плеханов не указывает, какую свою статью он имеет в виду. Статья «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века», которая могла бы относиться сюда по своему содержанию, появилась лишь в сентябре—октябре 1905 года. Кроме того, там не упоминается имя французского историка литературы Арсэна Александра. Из других, более ранних работ Плеханова, эта тема трактуется главным образом в неопубликованной в свое время статье, печатаемой в настоящем сборнике под заглавием «Об „экономическом факторе"». В этой же статье находим и цитату из Арсэна Александра. Неупоминание Г. В. Плехановым заглавия статьи утверждает нас в предположении, что он имел в виду именно эту свою статью, которая осталась не озаглавленной. Приводим из нее цитаты, которые кажутся нам наиболее отвечающими тексту стр. 195 Бельтова:

«Школа, против которой восстал Давид, отличалась страшной манерностью, слащавостью и вычурностью, дошедшими до последних пределов у Карла Ван-Лоо и его учеников. Художественная деятельность Давида была реакцией против этого вычурного и слащавого направления. Поэтому вычурность и слащавость заменились у него суровой простотой».

К этому месту Плеханов дает в примечании цитату из книги Арсэна Александра — см. выше статью «Об „экономическом факторе"», стр. 134, примечание. В той же статье, в связи с оценкой живописи Давида, имеется следующее примечание:

* «Философия как миросозерцание эллинизма на основе общественных отношений».—Ред.

«...Искусство данной эпохи, как и всякая другая идеология, как и всякая общественная психология, отражая общественные отношения, в то же время с формальной стороны тесно связана—в положительном или в отрицательном смысле—с искусством предшествующей эпохи или предшествующих эпох. Это всегда надо помнить при изучении истории идеологий».

(См. выше статью «Об „экономическом факторе"», окончательная редакция, стр. 134—135).]

К стр. 196 о «факторах»

[Повидимому Г. В. Плеханов имеет в виду следующее место на стр. 196:

«Что в развитии человеческой мысли, точнее сказать, в сочетании человеческих понятий и представлений, есть свои особенные законы, этого, насколько нам известно, не отрицал ни один из „экономических" материалистов. Никто из них не отождествлял, например, законов логики с законами товарного обращения. Но, тем не менее, ни один из материалистов этой разновидности не находил возможным искать в законах мышления последней причины, основного двигателя умственного развития человечества».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 216.)

Краткое указание Плеханова дает возможность лишь с известной степенью вероятности допустить, что он имел в виду и здесь свою неопубликованную в то время статью «Об ,,экономическом факторе"», в которой находим следующее, вполне отвечающее приведенной цитате, место:

«На различных стадиях экономического развития общества всякая данная идеология в неодинаковой степени испытывает на себе влияние других идеологий. Вначале право подчиняется религии, затем—как например в XVIII веке—оно подпадает под влияние философии. Чтобы устранить влияние религии на право, философия должна была выдержать сильнейшую борьбу. Эта борьба представляется борьбой отвлеченных понятий, и нам кажется, что всякий данный „фактор" приобретает или утрачивает свое значение благодаря своей собственной силе и имманентным законам развития этой силы, между тем как на самом деле его судьба целиком определяется ходом развития общественных отношений».

(См. выше статью «Об ,,экономическом факторе"», окончательная редакция, стр. 136—137).]

К стр. 197

Из «Манифеста», стр. 23—24 моего перевода об идеях.

[Приводим соответствующее место на стр. 197:

«Многообразные изменения в фактических взаимных отношениях людей необходимо ведут за собой перемены в ,,со-

стоянии умов", во взаимных отношениях идей, чувств, верований. Идеи, чувства и верования сочетаются по своим особым законам. Но эти законы приводятся в действие внешними обстоятельствами, не имеющими ничего общего с этими законами».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 217.)

Место из «Коммунистического манифеста», которое имеет в виду Г. В. Плеханов, следующее:

«Что же доказывает история идей, если не то, что умственная деятельность преобразуется вместе с материальной? Господствующими идеями данного времени всегда были только идеи господствующего класса.

Говорят об идеях, которые создают революционное настроение во всем обществе; этим выражают только тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового строя, что рядом с разрушением старого образа жизни идет разложение старых идей.

Когда древний мир пришел в упадок, древние религии были побеждены христианством. Когда христианские идеи уступали место просветительным идеям XVIII века, феодальное общество вело борьбу на жизнь и смерть с революционной тогда буржуазией. Идеи свободы совести и религии выражали собой лишь господство свободной конкуренции в области знания».

(К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии. Пер. Г. Плеханова, Женева 1900, стр. 23—24).]

К стр. 198

Цитата из Брандеса: Die Zeit nach der Einführung und Herrschaft des Julikönigthums и т. д. Die Hauptströmungen, V Band, Die romantische Schule, Leipzig 1894, S. 1—2*. Кроме того выписка из Гетнера о литературе 18 века во Франции.

[Приводим соответствующее место на стр. 198:

«Между тем как Брюнетьер знает только то, что романтикам хотелось противоречить классикам, Брандес старается объяснить их склонность к „противоречию" положением того общественного класса, к которому они принадлежали. Вспомните, например, что говорит он о причине романтического настроения французской молодежи во время реставрации и при Луи-Филиппе».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 217.)

Цитата из Брандеса приводится по имеющемуся в плехановской библиотеке экземпляру, где ее начало и конец отмечены карандашом:

«Die Zeit nach der Einführung und Herrschaft des Julikönigthums kann man als das entscheidende Auftreten des Bürgerstandes auf der geschichtlichen Bühne bezeichnen. Die Industrie beginnt zu herrschen. Frankreich

* Время после введения и утверждения июльской монархии и т. д. Главные течения, т. V, Романтическая школа, Лейпциг 1894 г., стр. 1—2.—Ред.

insbesondere betreffend müsste die neue Vertheilung des Volksvermögens, die sich unter der Staatsumwälzung vollzogen und die Napoleon auf ganz Europa ausgedehnt, nun ihre Früchte tragen. Handel und Gewerbe waren frei, Vorrecht und Begünstigungen aller Art waren gefallen, die eingezogenen Kirche- und Klostergüter, die zerstückelten oder versteigerten Güter des Adels waren unter mindestens zwanzigmal so viele Besitzer vertheilt. Die Folge war, dass das Geld nun das Triebrad des bürgerlichen Lebens und damit das Ziel der Wünsche jedes Einzelnen wurde. Nach der Julirevolution löst dann der Geldadel den früheren Geburtsadel in der Herrschaft ab, der Reiche wird geadelt, erwirbt die Rechte des Pairs und verwendet die Macht des Königs stets mehr zu seinem eigenen Vortheil. So wird die Jagd nach dem Gelde und seine Anwendung für grosse Unternehmungen auf dem Gebiet des Handels und der Gewerbe der vorherrschende Zug der Zeit; und diese Nüchternheit, die so grell absticht gegen die zerstörenden und kriegerischen Leidenschaften des unmittelbar vorhergegangenen Zeitraums, trägt das Ihre dazu bei, den Erzeugnissen der Dichtkunst jener Zeit ihr romantisches, der Wirklichkeit fremdes Gepräge zu verleihen. Nur ein einziger der hervorragenden Dichter jener Zeit, Balzac, fühlte sich von der Gegenwart nicht abgestossen, sondern machte die neugeborene Herrschermacht des Geldes zum Hauptgegenstand seines grossen Werkes. Die übrigen Künstler, so sehr sie auch vielfach selbst des Gewinnes wegen arbeiteten, entfernten sich in ihren Schwärmereien möglichst weit von der Wirklichkeit».

(Brandes, G., Die Hauptströmungen der Literatur des neunzehnten Jahrhunderts, Bd. V, Die romantische Schule in Frankreich, Leipzig 1894, S. 1—2.)

В переводе:

«Эпоху господства июльской монархии можно охарактеризовать, как момент решительного выступления буржуазии на историческую арену. Начинается господство индустрии. Во Франции это новое распределение народного имущества, вызванное государственным переворотом и распространенное Наполеоном по всей Европе, должно было больше, чем где-либо, принести теперь свои плоды. Торговля и промышленность были свободны, всякие прерогативы и привилегии пали, конфискованные церковные и монастырские имущества, раздробленные и распроданные с аукциона дворянские имения оказались в руках собственников, число которых возросло по меньшей мере в двадцать раз. Следствием этого было то, что деньги стали основным двигателем буржуазной жизни и вместе с тем целью и пределом стремлений каждого отдельного человека. После июльской революции наступает господство денежной аристократии, заступившей место прежней родовой аристократии, богач возводится в дворянское достоинство, приобретает права пэрства и использует королевскую власть для своей выгоды. Так погоня за деньгами и вложение их в крупные торговые и промышленные предприятия становится господствующей чертой времени; и эта трезвость, которая так резко контрастирует с разрушительными и воинственными страстями только что пережитой эпохи, способствует тому, что литературные произведения того времени носят печать романтики, отчуждения от действительности. Только один из выдающихся писателей того времени, Бальзак,

не отшатнулся от современности и сделал вновь народившуюся власть денег главной темой своих великих произведений. Остальные деятели искусства, хотя нередко и сами работали ради заработка, старались отойти от действительности возможно дальше и укрыться в своих заоблачных мечтаниях».

(Брандес, Г., Основные течения литературы девятнадцатого столетия, т. V, Романтическая школа во Франции, Лейпциг 1894, стр. 1—2.)]

Приводим соответствующую выписку из книги Гетнера «История французской литературы XVIII века»:

«Ist die Bedeutung aller jener gewaltsamen staatlichen Gährungen unter der Regentschaft hauptsächlich darauf zurückzuführen, dass der Adel verwildert und herabkommt und dagegen ein rühriger Mittelstand sich zu Achtung und gewichtiger Geltung aufschwingt, so tritt auch in diesen dichterischen Zeit- und Sittengemälden ganz entsprechend diese doppelte Richtung auf. Die eine schildert das leichtfertige Leben der vornehmen Gesellschaft, die andere schildert die Kämpfe und Verwicklungen, Freuden und Thorheiten des emporstrebenden Bürgerthums».

(Hettner, Geschichte der französischen Literatur im achtzehnten Jahrhundert, Braunschweig 1881, S. 100.)

В переводе Г. В. Плеханова, взятом из статьи «Об „экономическом факторе“», первоначальная редакция, стр. 183:

«Если смысл общественного брожения того времени сводится главным образом к тому, что, с одной стороны, дворянство дичает и падает, а с другой, напротив, возвышается и приобретает более важное значение среднее сословие, то те же два течения замечаются и в поэтических изображениях тогдашних нравов. Одно воспроизводит легкомысленную жизнь высшего общества; другое описывает борьбу и приключения, радости и безумства поднимающейся буржуазии».

(Гетнер, История французской литературы XVIII века, Брауншвейг 1881, стр. 100).]

К стр. 234*

О роли личности: выписка из статьи Кирсанова в «Научном Обозрении». Гегель об исторических личностях: «Philosophie des Rechts».

[Примечание может быть отнесено к следующим словам на стр. 234:

«Отсюда видно, в чем заключается, по мнению материалистов-диалектиков, роль личности в истории. Далекие от того, чтобы сводить эту роль к нулю, они ставят перед личностью задачу, которую, употребляя обычный, хотя и неправильный термин, надо признать совершенно, исключительно идеалистической».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 246.)

* Было написано: к стр. 202, затем исправлено.—Ред.

Нахождение соответствующей «выписки» в статье Кирсанова (Плеханова) «О роли личности в истории» представляет известные трудности, ввиду отсутствия у Г. В. Плеханова каких-либо конкретных указаний, а также ввиду того, что многие места из этой статьи могли бы иллюстрировать его мысль. Приводим то из них, которое кажется нам наиболее соответствующим тексту Бельтова:

«Но вернемся к нашему предмету. Великий человек велик не тем, что его личные особенности придают индивидуальную физиономию великим историческим событиям, а тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени, возникшим под влиянием общих и особенных причин. Карлейль, в своем известном сочинении о героях, называет великих людей начинателями (Beginners). Это очень удачное название. Великий человек является именно начинателем, потому что он видит дальше других и хочет сильнее других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества; он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений; он берет на себя почин удовлетворения этих нужд. Он—герой. Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом—все его значение, в этом—вся его сила. Но это—колоссальное значение, страшная сила».

(Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 304—305.)

Вероятно Г. В. Плеханов имел в виду высказывания Гегеля об исторических личностях в его книге «Философия права», подобные следующим:

«Наполеон, например, хотел дать испанцам государственное устройство a priori, но это ему довольно плохо удалось. Ибо государственный строй не есть нечто лишь сфабрикованное; он представляет собою работу многих веков, идею и сознание разумного в той мере, в какой оно развито в данном народе. Никакое государственное устройство поэтому не создается лишь отдельными лицами. То, что Наполеон дал испанцам, было разумнее того, чем они обладали ранее, и однако они отвергли этот дар, как нечто чуждое им, так как они еще не доразвились до него».

«Популярность Питта создалась потому, что он сумел угадать то, чего хотела тогда нация».

(Гегель, Философия права. Перевод Б. Столпнера, М.—Лг. 1934, стр. 299 и 348).]

К стр. 205

О том, что субъективизм коренится в кантианстве: все нынешние кантианцы — субъективисты. Лавров был тоже кантианец.

[Приводим соответствующее место на стр. 205:

«Субъективный метод есть—reductio ad absurdum* идеализма, а по пути, разумеется, и эклектизма, так как на голову этого паразита обрушиваются все ошибки объедаемых им „хороших господ" философии».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 223).]

К стр. 209

Кареев смеялся над этим выражением, объяснить его.

[В посвященной разбору Бельтова главе XII книги Кареева «Старые и новые этюды об экономическом материализме», написанной без полемического задора, почти нет мест, где Кареев «смеялся» бы над тем или иным выражением Бельтова. В частности ни одно выражение на стр. 209 Бельтова не вызвало насмешек Кареева. И вообще на эту страницу Кареев не ссылается, хотя вся глава о Бельтове испещрена точными ссылками на цитируемые страницы. Возможно, что Г. В. Плеханов имеет в виду следующее место у Кареева:

«Маркс в I томе „Капитала" говорит, что стоимость есть общественное отношение производства, а признание этого заставляет признать его историческую теорию, ибо „раз вы признаете, что существующие независимо от воли людей, действующие за их спиною их собственные отношения производства отражаются в их головах (!) в виде различных категорий политической экономии, в виде стоимости, в виде денег (это в головах-то!), в виде капитала (там же!!) и т. п., то вы тем самым (?) признаете, что на известной экономической почве непременно (?) вырастают известные соответствующие ее характеру идеологические надстройки" (стр. 211—212). И все тут!».

(Кареев, Н., Старые и новые этюды об экономическом материализме, Спб. 1896, стр. 228.)

У Бельтова это место, как видим, находится на стр. 211—212. Так как те же фразы в несколько другом контексте встречаются и на стр. 209, Г. В. Плеханов мог ошибиться при указании страницы.

Предположить, что Г. В. Плеханов имеет в виду какую-либо другую статью Кареева, трудно, так как в целом ряде публикуемых нами примечаний он дает ответы на выпады, сделанные Кареевым именно в этой статье.]

К стр. 210

Скалозуб—цензура. Пояснить историей того же Бельтова, «Сборника», «Нового Слова» и «Начала»[3].

[Примечание относится к следующему абзацу на стр. 209—210:

«Чацкого выручило, как известно, появление Скалозуба. В спорах русских последователей Маркса с их строгими субъективными ценителями дело принимало до сих пор другой оборот. Скалозуб зажимал рот Чацким, и тогда Фамусовы субъективной социологии вынимали из ушей пальцы и говорили с сознанием своего превосходства: да ведь они и сказали-то всего два слова; их взгляды остаются совершенно невыясненными».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 226).]

* Приведение к абсурду.—Ред.

К стр. 212*

Не понимали, что нельзя признавать экономические взгляды Маркса и отрицать его исторические взгляды: «Капитал» есть также и историческое исследование. Но «Капитал» плохо поняли и многие «марксисты». Судьба 3-го тома. Струве, Булгаков[4], Туган-Барановский искажали экономические теории Маркса.

[Примечание можно отнести к следующему месту на стр. 212:

«Или, может быть, вы соглашаетесь с Марксом только со второго тома его „Капитала"? Ведь есть же такие господа, которые „признают Маркса" лишь постольку, поскольку он писал так называемое письмо к господину Михайловскому».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 228.)

Еще больше соответствует данному примечанию следующий абзац на предыдущей, 211, странице:

«Вы признаете экономические взгляды Маркса, отрицая его историческую теорию,—говорите вы. Надо сознаться, что этим сказано очень много, а именно: этим сказано, что вы не понимаете ни исторической его теории, ни его экономических взглядов».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 228).]

К стр. 211 (см. раньше примеч. к 212 стр.)

Тут о новых критиках, утверждающих, что Маркс ошибся. Но, во-первых, все относительно, а во-вторых, чтобы доказать, что М[аркс] «ошибся», критикам нужно было: 1) исказить Маркса, а 2) исказить ход действительности; например—вопрос о притуплении обществ[енных] противоречий (см. Критика наших кр[итиков]).

[На стр. 211 находим следующее место, соответствующее данному примечанию:

«...то, что говорил Маркс, осуществлялось, разумеется в главных чертах, каждый день и будет неизменно осуществляться до тех пор, пока не осуществятся наконец его идеалы».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 227.)

Ссылка Г. В. Плеханова на «Критику наших критиков» имеет в виду серию его статей против П. Б. Струве, печатавшихся под этим заглавием в «Заре» в 1901—1902 гг. и посвященных в значительной степени вопросу о притуплении общественных противоречий (см. Соч., т. XI).]

К стр. 216

О «некогда». Объяснить борьбою классов.

[Приводим соответствующее место на стр. 216:

«Некогда нам было, г. субъективный герой, в пояс кланяясь и держа шапки на отлете, отвечают последователи:—другим мы были заняты,

* Было написано: к стр. 210, потом зачеркнуто и написано: к стр. 212.—Ред.

мы боролись против тех отношений производства, которые лежат тяжелым гнетом на современном человечестве. Не взыщи! А, между прочим, мы кое-что все-таки и сделали, и,—вот дайте срок,—сделаем и еще больше».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 232.)

Речь идет о недовольстве Михайловского Марксом, который, по словам Михайловского, в «Капитале» ограничился одним только историческим периодом, да и в этих пределах не исчерпал вопроса. По этому поводу Г. В. Плеханов иронически замечает:

«Г. Михайловский быстро и грозно поворачивается „к толпе“ последователей Маркса: в таком случае вы чего же смотрели, почему не поддержали старика, отчего не исчерпали всех периодов?»

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 232).]

К стр. 221

Теперь многое изменилось. Зелигмэн[5], Бем-Баверк[6] и субъективная школа. О субъективизме этой школы и о замечании Гете: субъективизм возникает в эпохи реакций.

[По всей вероятности Г. В. Плеханов относит это примечание к следующему месту на стр. 220—221:

«Стало быть, что же выходит? В отдельных случаях человек подтверждает теорию Маркса, а если бы вы назвали его марксистом, он замахал бы, вероятно, обеими руками, чем несказанно обрадовал бы г. Кареева».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 235.)

Мысль Гете, которую имеет здесь в виду Г. В. Плеханов, была высказана им в разговоре с Эккерманом в следующей форме:

«Я вам кое-что скажу, и в течение жизни вы увидите не раз подтверждение моих слов. Все эпохи, которые считаются ретроградными и разлагающимися,—субъективны; все же прогрессивные эпохи—объективного направления. Наше теперешнее время идет назад, а поэтому субъективно. Это видно не только в поэзии, но и в живописи и во многом другом. Всякое же верное стремление идет изнутри кнаружи, в мир,—что можно видеть во все великие эпохи, которые все объективны и характеризуются стремлением и преуспеянием».

(Разговоры Гете, собранные Эккерманом, Спб. 1891, ч. 1, стр. 223—224).]

К стр. 223

Г. И. Успенский смело может быть поставлен рядом с Бальзаком[7] в этом отношении. Его «Власть земли». См. мою статью: Г. И. Успенский в сборнике «Социал-Демократ».

[Приводим соответствующее место на стр. 223:

«Психология приспособляется к экономии. Но это приспособление есть сложный процесс, и, чтобы понять весь его ход, чтобы наглядно представить себе и другим, как именно он совершается, не раз и не раз

Подписной талонъ

на переизданіе книги Бельтова:

Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію.

Цѣна талона 1 franc.

Прим. Изданіе будетъ выдаваться вслѣдъ по выходѣ въ свѣтъ всякому предъявителю пяти такихъ квитанцій. Съ выходомъ книги разсрочка при продажѣ прекратится.

Подписной талон на второе нелегальное издание Бельтова

понадобится талант художника. Вот, например, уже Бальзак много сделал для объяснения психологии различных классов современного ему общества».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 237.)

Приводим из статьи Г. В. Плеханова об Успенском те места, которые развивают выраженную в данном примечании мысль:

«Народническая беллетристика рисует нам не индивидуальные характеры и не душевные движения личностей, а привычки, взгляды и, главное, общественный быт массы. Она ищет в народе не человека вообще, с его страстями и душевными движениями, а представителя известного общественного класса, носителя известных общественных идеалов. Перед мысленным взором беллетристов-народников носятся не яркие художественные образы, а прозаические, хотя и жгучие вопросы народной экономии».

(Плеханов, Соч., т. X, стр. 14.)

«Прежде он [Успенский], подобно другим народникам, объяснял себе все стороны крестьянского быта чувствами, понятиями и идеалами крестьян. И мы знаем уже, что при таком объяснении многое оставалось для него необъясненным и противоречивым.

Вышеупомянутое „случайное обстоятельство“ заставило его поступить как раз наоборот, т. е. в формах народного быта поискать ключ к народным понятиям и идеалам, а происхождение народных бытовых форм попытаться объяснить „условиями земледельческого труда“. Попытка такого объяснения увенчалась значительным успехом».

(Там же, стр. 19).]

К стр. 233

Тут о свободе и необходимости. Из книги Bargy, La religion dans la société aux Etats-Unis*. Гегель, Die Freiheit ist dies, nichts zu wollen, als sich. Werke, Band 12, S. 98 (Philosophie der Religion)**.

[Соответствующее место на стр. 233 повидимому следующее:

«Диалектический материализм говорит: человеческий разум не мог быть демиургом истории, потому что он сам является ее продуктом. Но раз явился этот продукт, он не должен и по самой природе своей не может подчиняться завещанной прежнею историей действительности; он по необходимости стремится преобразовать ее по своему образу и подобию, сделать ее разумнее»... «Диалектический материализм есть философия действия».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 245.)

Более или менее отвечающее этому абзацу место из книги Bargy мы нашли в главе «Psychologie du fatalisme»*** на стр. 97. Место это подчеркнуто Г. В. Плехановым, и на полях имеется его nota bene:

---

* Барж и, Религия в обществе Соединенных штатов.—Ред.

** Свобода состоит в том, чтобы не хотеть ничего кроме себя. Соч., т. XII, стр. 98 («Философия религии»).—Ред.

*** «Психология фатализма».—Ред.

«Le point de vue d'Edwards c'est... celui de tout homme d'action. Pour quiconque a eu un but une fois dans sa vie, la liberté est la faculté qu'on a de mettre toute l'âme au service de ce but; la liberté, c'est le pouvoir qu'a le mobile principal de se dégager des autres mobiles ou de se les subordonner; l'affranchissement de la personne n'est autre chose que l'affranchissement des désirs qui constituent la personnalité, vis-à-vis de ceux qui la contrarient. C'est à dire que plus les motifs essentiels de l'âme sont souverains, irresistibles et tyranniques, plus l'âme est libre».

(Henri Bargy, La religion dans la société aux Etats-Unis, Paris 1902, p. 97—98.)

В переводе:

«Точка зрения Эдвардса это... точка зрения человека действия. Для всякого, кто хоть раз в жизни имел какую-нибудь цель, свобода есть способность сосредоточить на этой цели все силы своей души; свобода—это уменье главного побудительного мотива освободиться от всех остальных или подчинить их себе; освобождение личности—это не что иное, как освобождение желаний, которые составляют индивидуальность, от тех, которые находятся в противоречии с ней. Это значит, что чем более властными, непреодолимыми и тиранническими являются основные мотивы души, тем душа свободней».

(Анри Барж и, Религия в обществе Соединенных штатов, Париж 1902, стр. 97—98).]

К стр. 234 (см. выше)

[Г. В. Плеханов делает здесь отсылку к своему примечанию, помещенному выше, перед примечанием к стр. 205. Первоначально это примечание было отнесено им к стр. 202 Бельтова, но затем эта страница зачеркнута и заменена 234).]

К стр. 255

Н.—он[8] смеялся над выражением—точка зрения. Ответить ему словами Фейербаха о том, что обезьяна [отличается] от человека именно точкой зрения (это, если не ошибаюсь, во II томе его W[erke], стр. 200 и 300 с чем-то).

[Приводим соответствующее место на стр. 255:

«Русские ученики Маркса и в этом случае верны ему. Конечно, у одного из них могут быть более, у другого менее обширные экономические познания, но дело здесь не в размере познаний отдельных лиц, а в самой точке зрения».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 263.)

Н.—он смеялся над выражением «точка зрения» в своей статье «Что же значит экономическая необходимость»—«Русское богатство», 1895 г., № 3, 2 отд., стр. 46:

«Да неужели же в самом деле г. Бельтов это думает? В действительности ни г. Бельтов, ни г. П. фон-Струве и никто другой из подобных им

„учеников Маркса“ никогда никакого такого анализа не производили. Да, как кажется, для них он и не представляется особенно необходимым, так как... так как... „хотя у одного из них („учеников Маркса“) могут быть более, у другого менее обширные экономические познания, но здесь дело не в размере познаний отдельных лиц, а в самой точке зрения“.

Куда же девались все требования держаться почвы действительности, необходимости детального изучения хода экономического развития? Теперь оказывается, что все это нечто второстепенное, что дело „не в размере познаний“, а в „точке зрения“!!

Таким образом, тот самый субъективный метод, который г. Бельтов выпроводил с такою силою и с таким негодованием за двери святилища науки; этот же самый метод, но только уже в ином, отрепанном виде,—лишая его даже того единственного облачения, которое еще мало-мальски придавало ему „научную“ внешность,—он приглашает в виде „точки зрения“ войти через задний ход».

Место у Фейербаха о том, что «обезьяна отличается от человека именно точкой зрения», находится на стр. 341 указанного Г. В. Плехановым тома сочинений Фейербаха, имеющегося в его библиотеке. Даем его по-немецки и в русском переводе, по изданию Института К. Маркса и Ф. Энгельса, 1923 г. В немецком экземпляре некоторые строки приводимой нами цитаты отчеркнуты Г. В. Плехановым вертикальной линией на полях.

«Zwischen dem Hirn des Menschen und des Affen ist kein merklicher Unterschied; aber welch ein Unterschied zwischen dem Schädel oder Gesicht des Menschen und des Affen! Dem Affen fehlt es eigentlich nicht an den inneren Bedingungen des Denkens, am Hirn; es fehlt ihm nur an gehörigen äusseren Verhältnissen desselben es ist nur der schiefe Gesichtswinkel, nur die ungünstige Lage und Stellung schuld, dass sich sein Hirn nicht zum Denkorgan entfaltet. In einem Palast denkt man anders als in einer Hütte, deren niedrige Decke uns einen Druck auf das Hirn auszuüben scheint. Wir sind andere Menschen im Freien, als in der Stube; enge Räume beklemmen, weite erweitern Herz und Kopf. Wo die Gelegenheit, Talent zu äussern fehlt, da fehlt auch das Talent; wo kein Raum zur That, da ist auch kein Trieb, wenigstens wahrer Trieb zur That. „Gieb mir einen Standpunkt—und ich bewege die Erde“. Der Affe denkt nicht, weil sein Hirn einen falschen Standpunkt hat; der Standpunkt entscheidet: aber der Standpunkt ist etwas Aeusserliches, Räumliches».

(Ludwig Feuerbach, Sämtliche Werke, 2 Band, Stuttgart 1904, S. 341.)

В переводе:

«Между мозгом человека и мозгом обезьяны нет заметной разницы, но какая разница между черепом или лицом человека и обезьяны! Обезьяне недостает собственно не внутренних условий мышления, не мозга; недостает ей только надлежащих внешних отношений его; только косой лицевой угол, только неблагоприятное расположение и позиция виновны в том, что ее мозг не развивается в орган мысли. Во дворце думается иначе, чем в хижине, низкий потолок которой как бы давит на мозг. На вольном воздухе мы иные люди, чем в комнате; теснота сдавливает, простор расши-

ряет сердце и голову. Где нет случая проявить талант, там нет и талантов; где нет простора для деятельности, там нет и стремления, по крайней мере, истинного стремления к деятельности. Пространство—основное условие жизни и духа. „Дай мне точку опоры—и я сдвину землю". Обезьяна не мыслит, потому что у ее мозга ложная позиция; позиция решает; а позиция есть нечто внешнее, пространственное».

(Людвиг Фейербах, Соч., т. 1, Гиз, 1923, стр. 158).]

К стр. 256

Энгельс (см. брошюру: «Фридрих Энгельс о России») говорит по этому поводу: «...(сделать относящуюся сюда выписку).

[Вероятно Г. В. Плеханов имел в виду следующее место на стр. 256:

«Но русский человек, желающий трудиться для блага своей родины, не может удовольствоваться таким условным выводом: у него неизбежно возникает вопрос, будет ли продолжать она итти по этому пути? Не существует ли данных, позволяющих надеяться, что путь этот будет ею оставлен?»

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 264.)

У Фридриха Энгельса имеются два места, которые мог бы цитировать здесь Г. В. Плеханов,—одно в самой брошюре, другое в «Послесловии» к ней. Мы останавливаемся на первом, так как Г. В. Плеханов не упоминает о «Послесловии» и так как это место вполне соответствует вышеприведенному тексту на стр. 256 Бельтова:

«Мы видим, что русская община давно уже пережила время своего процветания и, по всей вероятности, идет к разложению. Однако существует неоспоримая возможность перехода ее в высшую форму общежития, если только она сохранится до тех пор, когда обстоятельства позволят такой переход, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю не подворно, а всем миром; тогда русские крестьяне перейдут прямо к высшей форме, минуя промежуточную ступень буржуазной мелкой собственности. Но это может произойти только в том случае, если пролетариат Западной Европы совершит победоносную революцию еще до окончательного разложения русской общины и тем обеспечит потребные для указанного перехода условия,—в особенности материальные средства, которые понадобятся русскому крестьянину для подобного коренного переворота во всей его хозяйственной системе».

(Фридрих Энгельс о России, Женева 1894, стр. 15—16).]

К стр. 258

Впоследствии, в 1897 г., г. Боборыкин[9] попытался изобразить русских марксистов в своем романе « »*. Марксисты вышли у него не то чтобы злодеями, но негодяями и дураками. Можно сказать, что г. Боборыкин так же плохо понял марксистов, как Палиссо[10]—автор известной комедии «Les philosophes»**—понял энциклопедистов. (Его роман разобран в «Новом Слове»<Верой Засулич>)[11]. За нашими легальными марксистами тогда уже водилось немало грехов «против Духа Святого». Но не г. Боборыкину было их указывать.

* Г. В. Плеханов имеет в виду роман П. Д. Боборыкина «По-другому».

** «Философы».—Ред.

[Примечание относится к следующей фразе на стр. 258:

«Никогда еще ни в одной мелодраме не фигурировало таких злодеев, какими должны были бы быть, по мнению гг. субъективистов, последовательные русские „экономические" материалисты».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 265).]

К стр. 260

Тут я имею в виду деятельность соц[иал]-дем[ократов]. Она способств[овала] развитию капит[ализма], устраняя отжившие способы производства, напр[имер] домашнюю промышленность. Отношение западн[ой] соц[иал]-дем[ократии] к капитализму кратко определяется следующими словами Бебеля на Бреславльском съезде партии (1895 г.)[12]. Я всегда спрашиваю себя, не повредит ли данная мера развитию капитализма. Если—да, я против нее. Сделать выписку.

[Приводим соответствующее место на стр. 260:

«Г. Кривенко скажет, может быть, что такая деятельность замедлит развитие капитализма. Нисколько. Пример Англии, Франции и Германии покажет ему, что там такая деятельность не только не замедлила развитие капитализма, но, напротив, ускорила его, чем, между прочим, приблизила и практическое решение некоторых тамошних проклятых вопросов».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 267.)

Приводим цитируемое Г. В. Плехановым место из речи Бебеля на Бреславльском партейтаге 1895 г:

«Ich habe unsere Vorschläge daraufhin geprüft, dass erstens die kapitalistische Entwicklung der Gesellschaft durch sie nicht gestört wird, dass zweitens sie nicht den Prinzipien unserer Partei widersprechen und das drittens der Arbeiterklasse keine Lasten auferlegt werden zu Gunsten der Besitzer von Grund und Boden. Hält der Entwurf diese Prüfung aus, dann kann man an sich nichts gegen ihn einwenden, dann können nur die Einzelheiten desselben in Frage kommen».

(Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der socialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten von 6 bis 12 Oktober 1895, Berlin 1895, S. 117.)

В переводе:

«Ко всем нашим предложениям я применяю следующий критерий: во-первых, не препятствуют ли они капиталистическому развитию общества, во-вторых, не противоречат ли принципам нашей партии и, в-третьих, не возлагают ли на рабочий класс какое-либо бремя в пользу аграриев. Если проект выдерживает это испытание, против него ничего нельзя иметь по существу, и вопрос может итти только о частностях».

(Протоколы заседаний партейтага германской социал-демократической партии, происходившего от 6 по 12 октября 1895 г., Берлин 1895, стр. 117).]

К стр. 265

Т. е. я хочу сказать: социалистического.

[Г. В. Плеханов имеет в виду следующее место на стр. 265:

«Гейнцен,—которого с такою поразительною точностью воспроизводят ныне гг. российские субъективисты в спорах с „русскими учениками,"—был утопистом демократическо-буржуазного направления. Но в Германии сороковых годов было много утопистов направления, противоположного этому».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 270).]

К стр. 276

«Материалистическое учение о том, что люди представляют собою» и т. д. Людвиг Фейербах Энгельса, Карл Маркс о Фейербахе, стр. 70. Внести сюда и мое примечание оттуда.

[При сопоставлении цитаты из Маркса с текстом стр. 276 устанавливается следующий абзац, к которому относится примечание:

«Утопист никогда не считается в достаточной мере с общественными силами своего времени, по той простой причине, что он, по выражению Маркса, всегда ставит себя над обществом. А по этой же причине и по выражению того же Маркса, все расчеты утописта оказываются „ohne Wirt gemacht"* и вся его „критика" есть не более как полное отсутствие критики, неумение критически взглянуть на окружающую его действительность».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 279—280.)

Приводим цитату из книги Фр. Энгельса «Людвиг Фейербах» в женевском издании 1892 г. (в переводе Плеханова, с его примечаниями). Приложение II. Карл Маркс о Фейербахе, стр. 70, п. 3:

«Материалистическое учение о том, что люди представляют собою продукт обстоятельств и воспитания и что, следовательно, изменившиеся люди являются продуктом изменившихся обстоятельств и другого воспитания,—забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно необходимо приводит, поэтому, к разделению общества на две части, из которых одна стоит над обществом (напр. у Роберта Оуэна).

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может быть правильно понято только в том случае, если мы представим себе его как революционную практику».

К этому месту Плехановым сделано следующее подстрочное примечание:

«Точно так же стоят над обществом и наши „субъективные" социологи-социалисты».]

К стр. 277

Об Н.—оне. В чем его основная ошибка. Плохо понял «закон стоимости». Взглянул на него статически, а не динамически. Возражавшие ему о рынках плохо поняли М[аркса] (о рынках) с другой стороны. Что сказал Энгельс о возможности ошибки и Струве, и Н.—она. Из письма ко мне Энгельса: «Я уже не верю в это поколение русских людей» и т. д.

* Сделаны без хозяина.—Ред.

[Приводим соответствующее место на стр. 277:

«Взгляды Булей и Фолльграфов на тогдашнее экономическое положение Германии оказались узкими, односторонними и ошибочными в силу своей отвлеченности. Можно опасаться, что дальнейшая экономическая история России обнаружит подобные же недостатки во взглядах г. Н.—она».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 280.)

Приводим цитату из письма Энгельса Плеханову—Лондон 26 февраля 1895 г.:

«Что касается Даниельсона, то боюсь, что с ним ничего не поделаешь. Я ему послал в письме русские дела в „Internationales" из „Volksstaat" и особенно приложение 1894 г., которое было написано частью непосредственно по его адресу. Он его прочел, но, как видите,—это бесполезно. Нет возможности полемизировать с этим поколением русских, неизменно верящих в спонтанейно-коммунистическую миссию, отличающую Россию, настоящую „Святую Русь", от других неверных народов».

(Сб. «Гр. Осв. тр.», II, М. 1924, стр. 334).]

К стр. 278

Попытаться найти данные о том, что сделано было к тому времени у нас для кустарей. Было какое-то официальное издание на этот счет.

[Вероятно Г. В. Плеханов имеет в виду следующее место на стр. 278:

«...Г. С. Н. Кривенко „хлопочет",—как говорят у нас,—об организации русского производства. Ничего не устранит, никого не осчастливит г. Кривенко этими „хлопотами"».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 281).]

К стр. 283

По вопросу об отношении Белинского к Гегелю и о том, как непонято было это отношение нашей «передовой» интеллигенцией. См. в статье Н. Каменского «Белинский и разумная действительность» в июльской и августовской книжках «Нового Слова» за 1897 год.

[Приводим соответствующее место на стр. 283:

«Но до какой степени Льюис плохо знакомит г. Михайловского с ходом развития философской мысли в Германии, показывает, кроме вышеуказанного, еще следующее обстоятельство. Наш автор с восторгом цитирует известное письмо Белинского, в котором тот раскланивается с „философским колпаком" Гегеля».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 285.)

Приводим места из статьи Г. В. Плеханова «Белинский и разумная действительность», соответствующие данному примечанию:

«Заметим, что наши нынешние „передовые“ patriae patres* (почтенные социологи тож) смотрят на статьи о Бородине и о Менцеле такими же глазами, какими библейский отец должен был смотреть на „ошибки молодости“ своего блудного сына: великодушно простив гениальному критику его „метафизические“ заблуждения, „передовые“ неохотно возвращаются к ним по пословице: „Кто старое помянет, тому глаз вон“. Но это не мешает им кстати и некстати намекать на то, что они, „передовые“, чуть ли не в пеленках познавшие всю философскую и социологическую истину, прекрасно понимают всю глубину этих заблуждений и весь ужас того „падения“, к которому привела Белинского его неуместная и неблагоразумная,—к счастью, только временная,—страсть к „метафизике“».

«...мы позволим себе не согласиться с ними. Мы думаем, что именно в течение примирительного периода своего развития, именно в области „нравственно-политической“, Белинский высказал много мыслей, не только вполне достойных мыслящего существа (как выражается где-то Байрон), но до сих пор заслуживающих полного внимания со стороны всех тех, которые хотят найти правильную точку зрения для оценки окружающей нас действительности».

(Плеханов, Соч., т. X, стр. 203—204).]

К стр. 287

О том, что у Струве уже был буржуазный душок, и о том, как нелепо использованы были кем-то мои слова: «Вперед—наука!». Их поняли в смысле повелительного приглашения науке итти вперед. Чудаки!

[Приводим соответствующее место на стр. 286 (у Г. В. Плеханова ошибочно 287):

«Но г. Струве все-таки очень неосторожно выразился, чем, вероятно, ввел в соблазн многих простаков и обрадовал нескольких акробатов. Вперед—наука,—скажем мы г. Струве...»

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 288).]

* * *

[Следующие пять примечаний относятся к статье «Несколько слов нашим противникам», напечатанной в первом марксистском сборнике «Материалы к характеристике хозяйственного развития России» в 1895 г. под псевдонимом Утис. Ввиду того что сборник был сожжен цензурой, статья эта не была известна читающей публике до выхода второго издания Бельтова, где она помещена, как приложение II. Из пяти публикуемых примечаний только одно использовано Плехановым в этом издании.]

В приложении I, стр. 18, на обороте**

* Отцы отечества.—Ред.

** Возможно, что первоначально предполагалось поместить статью первым приложением. Ссылки сделаны повидимому на страницы рукописной копии статьи, отосланной в Петербург для набора. Слова «на обороте» говорят о том, что речь идет о странице рукописи, а не книги; в то же время указываемые Г. В. Плехановым страницы не соответствуют страницам рукописи, сохранившейся в архиве.—Ред.

О том, как Луи Блан взывал к примирению классов. В этом отношении его и сравнивать нельзя с Гизо: тот был непримирим. Михайловский, как видно, читал только «Histoire de dix ans»*.

[Дополнение в тексте, сделанное Г. В. Плехановым, согласно этому примечанию, в т. VII, стр. 304, в прямых скобках:

«В этом он расходился с Гизо. Но это разногласие было совсем не существенно. Оно не вносило ничего нового во взгляды Луи Блана на „экономику, как скрытую пружину политики“».]

К стр. 22 на обороте, приложение I

Привести еще более точную цитату из I части «Энциклопедии» Гегеля.

[Какую именно цитату из Гегеля имел в виду привести Г. В. Плеханов, установить невозможно: примечание слишком лаконично, ссылка на страницу рукописи не дает возможности точно определить место, к которому оно относится, и к тому же 1 часть Энциклопедии Гегеля цитируется в статье несколько раз (см. т. VII, стр. 305, 307, 309).]

Приложение I, на обороте стр. 24

У меня здесь речь шла тоже о практической жизни. Но мне хотелось поспорить о Канте, и этого довода я не выдвигал.

[Вероятно примечание предполагалось сделать к следующему месту статьи:

«Но г. Михайловский скажет, что в окончательном торжестве разума он уверен лишь в том, что касается практической жизни, сомневается же в его силах там, где идет речь о познании безусловной сущности вещей („будь это материя или дух“). Прекрасно. Что же это за безусловная сущность вещей?

Не правда ли,—это то, что Кант называл вещью в себе („Ding an sich“)? Если—да, то мы категорически заявляем, что „вещь в себе“ нам известна и что знанием ее мы обязаны Гегелю».

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 308—309).]

К стр. 28. Приложение I, в примечании

Объяснить, почему нет противоречия.

[Повидимому Г. В. Плеханов имел в виду дополнить следующее примечание к статье:

«Нашим противникам представляется очень хороший случай поймать нас на таком противоречии: с одной стороны, мы объявляем кантовскую „вещь в себе“ пустой абстракцией, а с другой—мы с похвалой цитируем г. Сеченова, который говорит о предметах, как они существуют сами по себе, независимо от нашего сознания. Люди понимающие, конечно, не увидят никакого противоречия; но ведь много ли понимающих между нашими противниками?»

(Плеханов, Соч., т. VII, стр. 311).]

* «Историю десяти лет».—Ред.

На стр. 40, на обороте первого приложения. Указать на нашу нелегальную литературу, которая не могла остаться неизвестной Н.—ону. Недобросовестно было делать вид, что ее нет, зная, что цитировать нелегальные книги цензура не позволит.

[Соответствующее место в статье повидимому следующее:

«Помнит ли г. Н.—он спор, происходивший в сороковых годах между славянофилами и западниками? В этом споре „анализ внутренней русской жизни" тоже играл очень важную роль, но в печати этот анализ приурочивался почти исключительно к чисто литературным вопросам. На это были свои исторические причины, которые г. Н.—он непременно должен принять в соображение, если не хочет прослыть смешным педантом. Скажет ли г. Н.—он, что эти причины не имеют теперь никакого отношения к анализу „русских учеников"?».]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Тренделенбург, Адольф (1802—1872)—немецкий философ, примыкавший в своих воззрениях к Аристотелю и с этих позиций подвергший критике гегелевскую диалектику, что вызвало в свое время ожесточенную полемику между ним и приверженцами гегельянства. Плеханов отмечает в своих статьях, что деловые замечания Тренделенбурга против диалектики «попадали собственно только в ее идеалистическую основу» (см. Соч., т. XVIII, стр. 136—137).

[2] Анфантэн, Бартелеми-Проспер (1796—1864)—ученик Сен-Симона, один из виднейших теоретиков и организаторов сен-симонистской школы. Стремился к созданию всеобщей производственной ассоциации путем пропаганды «культа любви». В конце концов школа выродилась в мистическую секту.

[3] «Бельтов» разошелся очень быстро, и нельзя было получить разрешения на его переиздание до 1905 г. Кроме того, распоряжением министерства внутренних дел он был изъят из библиотек (сообщение из «Листка работника», 1898 г., № 8, стр. 36).

Сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», напечатанный в 1895 г., не вышел в свет, пролежал полтора года в цензуре и был сожжен.

«Новое слово», перешедшее в руки марксистов в марте 1897 г., было закрыто уже в декабре того же года.

«Начало»—орган «легальных марксистов»—выходило в Петербурге в 1899 г. под редакцией Струве и Туган-Барановского, явившись фактически продолжением закрытого «Нового слова». Из четырех вышедших книжек (первая была двойная) апрельская была сожжена, а на майской журнал был закрыт.

[4] Булгаков, Сергей Николаевич (род. 1871)—экономист, философ и богослов. Проделал эволюцию от «легального марксизма» к философскому идеализму и через мистику к церковному православию, вплоть до того, что в 1918 г. стал священником. В настоящее время белоэмигрант. В 90-х годах Булгаков примыкал, подобно Струве и Туган-Барановскому, к «легальному марксизму». С конца 90-х годов он становится ревизионистом и пытается доказать в своей диссертации «Капитализм и земледелие» (1900 г.), что закон Маркса о концентрации производства неприменим к сельскому хозяйству. Критика этой работы Булгакова дана Лениным в 1901 г. (см. Соч., т. IV).

[5] Зелигмэн, Эдвин (род. 1861)—один из виднейших буржуазных американских экономистов, принадлежащий к психологической англо-американской школе. Экономическая теория этой школы представляет собой комбинацию старых вульгарных теорий, давно опровергнутых Марксом. Школа эта, придерживающаяся теории «предельной полезности», имеет много общего с австрийской школой Бем-Баверка (см. примеч. 6).

[6] Бем-Баверк, Евгений (1851—1914)—видный буржуазный экономист, теоретик австрийской школы политической экономии. Эта школа выдвинула субъективную теорию ценности, известную под названием «теории предельной полезности». Согласно этой теории, цены представляют собой результат субъективных (личных) оценок, отражающихся на рыночной цене товара. Предельная полезность товара является конечным основанием цены.

Плеханов пишет о Бем-Баверке и австрийской школе:

«Австрийская школа, к числу „светильников" которой принадлежит и только что упомянутый г. Бем-Баверк, в самом деле, мало занимается фактами. Скажу больше: ее представители плохо знают факты и нередко насилуют в своих рассуждениях даже и те из них, которые известны им. Но это не заслуга. Что же касается теоретического значения австрийской школы, то оно равно нулю. „Субъективизм" этой школы составляет поучительный pendant к идеализму всех новейших философских школ. Как идеализм, так и „субъективизм" знаменуют собой попятное движение в области мысли, причиненное известными антагонистическими явлениями в капиталистическом обществе. Учения австрийской школы, несомненно, имеют теперь большой успех. Но почему? На это отвечает, например, такой факт. Когда Уильям Смарт выпустил английский перевод известного сочинения Бем-Баверка „Die positive Theorie des Kapitals", то всемирно-известная газета „Times" выразила свое удовольствие по поводу того, что теперь у английского читателя есть противоядие против марксистской теории эксплоатации, „antidot to the exploitation theories of the marxist school". Этим сочувственным отзывом лондонская газета раскрыла, можно сказать, всю тайну успеха австрийской школы. Она нравится идеологам капиталистического порядка именно как противоядие против теории эксплоатации» (Соч., т. V, стр. 133—134).

[7] Бальзак, Онорэ (1799—1850)—французский писатель-реалист, один из крупнейших в европейской литературе. Его многочисленные романы, объединенные общим заглавием «Человеческая комедия», дают широкую картину жизни, быта и нравов всех классов капиталистического общества с его лицемерием, погоней за деньгами, славой и наслаждениями. Энгельс характеризует Бальзака в письме к Маргарет Гаркнес, где он пишет, что из романов Бальзака он «узнал даже в смысле экономических деталей больше... чем из книг всех профессиональных историков, экономистов, статистиков этого периода, взятых вместе».

Критикуя взгляд Лансона на творчество Бальзака, Г. В. Плеханов говорит: «Он [Бальзак] „брал" страсти в том виде, какой давало им современное ему буржуазное общество; он со вниманием естествоиспытателя следил за тем, как они растут и развиваются в данной общественной среде. Благодаря этому, он сделался реалистом в самом глубоком смысле этого слова, и его сочинения представляют собой незаменимый источник для изучения психологии французского общества времен реставрации и Людовика-Филиппа» («Литературное наследство», 1931, № 1, стр. 56).

[8] Н.—он—псевдоним Даниельсона, Николая Францевича (1844—1918)—экономист 80—90-х годов, один из виднейших идеологов народничества, в то же время первый в России переводчик «Капитала» Маркса. В связи с этим у него завязалась оживленная переписка с Марксом и Энгельсом. В глазах широкой публики Н.—он надолго приобрел незаслуженную репутацию представителя русского марксизма. Между тем именно его книга «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» вместе с работами В. В. (Воронцова) послужила главным экономическим обоснованием народничества.

[9] Боборыкин, Петр Дмитриевич (1836—1921)—беллетрист и драматург, идеолог буржуазии, изображавший в своих многочисленных романах, имеющих некоторую историческую ценность, развитие буржуазии и смену настроений русской интеллигенции, начиная с 70-х годов прошлого века.

В романе «По-другому» Боборыкин подошел к теоретическим разногласиям народников и марксистов эпохи 90-х годов крайне поверхностно.

[10] Палиссо, Шарль де-Монтенуа (1730—1814)—французский писатель-реакционер, один из яростных противников энциклопедистов и Руссо. Его ненависть к просветительной философии особенно ярко выразилась в комедии «Les Philosophes» (1760), имевшей успех скандала. В этой комедии подчеркнуты сла-

бости и недостатки мыслителей и игнорируются их заслуги; преувеличения и вымыслы доходят до карикатурности. Пьеса вызвала бурю негодования и породила целую полемическую литературу.

[11] В. И в а н о в (псевдоним В. И. Засулич), «Плохая выдумка» (по поводу романа г. Боборыкина «По-другому»)—«Новое слово», 1897 г., № 12 (Сборник статей В. И. Засулич, т II, стр. 195—219).

[12] Бреславльский партейтаг германской социал-демократии состоялся в 1895 г.; на нем обсуждался аграрный вопрос и была принята аграрная программа.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ И НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ КОРРЕКТУРНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К СТАТЬЕ «НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАЩИТУ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА»

Печатаемая статья «Опять об „экономическом“ материализме» представляет собой неопубликованную первоначальную редакцию статьи Плеханова (Ушакова) «Несколько слов в защиту экономического материализма. (Открытое письмо к В. А. Гольцеву)», напечатанной в «Русской мысли» за 1896 г. (Собр. соч., т. VIII, стр. 195—221).

Эта статья является ответом на статью Гольцева «Об экономическом материализме», напечатанную в апрельской книжке «Русской мысли» за тот же год.

Указанная статья Гольцева не представляет теоретического интереса и повторяет обычные в то время возражения против экономических материалистов. Она привлекла к себе внимание Г. В. Плеханова главным образом своим примирительным тоном по отношению к пресловутым «ученикам Маркса», подвергавшимся в девяностых годах яростным нападкам со стороны народников.

В. А. Гольцев был типичный либерал, сторонник умеренной конституционно-демократической программы, стоявший на той точке зрения, что до завоевания конституции общими усилиями «всего народа» не может быть речи о тех или других социальных изменениях. Свои взгляды он формулировал еще в 1875 г. в Париже в открытом письме к редактору «Вперед» П. Л. Лаврову. Письмо это с суровой отповедью Лаврова было опубликовано в № 21 «Вперед» за 1875 г. в статье «Ответ русскому конституционалисту».

Как представитель либеральной буржуазии, Гольцев не испытывал того священного ужаса перед ростом капитализма в России, каким были охвачены народники. Хотя он и не преклонялся перед открыто побеждающим капитализмом, однако допускал его возможность и даже находил, что ничего не остается делать, как ускорять этот процесс.

Статья Гольцева была симптоматична в том смысле, что являлась показателем признания либералами крупного значения за нарождающимся социал-демократическим движением.

Публикуемая статья в первой своей части (стр. 1—30 рукописи) приближается к тексту напечатанной статьи, но в ней имеются значительные отличия от последней как в плане расположения материала, так и в способе доказательства отдельных мыслей и в иллюстрирующих их примерах. Середина статьи (стр. 30—62) представляет собой совершенно новый материал, имеющийся в напечатанной статье лишь в виде намека (см. т. VIII, стр. 209—210). Это—часть, в которой

разбираются вопросы о международных столкновениях и о роли личности в истории. Наконец последняя часть рукописи (стр. 63—76) является почти буквальным повторением последних страниц напечатанной статьи. Ряда страниц в этой части рукописи нехватает; для цельности впечатления они восстановлены нами по напечатанной статье. На сохранившихся страницах этой части имеется двойная нумерация, доказывающая принадлежность этих страниц к обеим редакциям статьи: окончательной (напечатанной в «Русской мысли») и первоначальной (печатаемой ниже).

В заключение мы помещаем корректурные дополнения Г. В. Плеханова к той же статье, не вошедшие ни в одно из ее последующих изданий. В т. VIII Собрания сочинений статья дана точно в таком же виде, как она была напечатана в 1896 г. в «Русской мысли». Поправки и дополнения сделаны Г. В. Плехановым на страницах, вырванных из журнала. Мы не сочли нужным помещать здесь все мелкие поправки, так как они не имеют существенного значения, и ограничились только тремя более или менее значительными дополнениями. Самое крупное из них относится к тому же вопросу о завоеваниях и международных столкновениях, который подробно трактуется Г. В. Плехановым в печатаемой нами первоначальной редакции статьи.

* * *

Статья «Опять об „экономическом" материализме» написана рукой Г. В. Плеханова на 74 разрозненных тетрадочных листах, включая сюда и варианты девяти отдельных страниц; 16 страниц написаны рукой Р. М. Плехановой. Обороты большинства листов не исписаны, на 9 оборотах написана статья «От издателей» (относящаяся к тому же 1896 г. и напечатанная в № 1—2 «Работника»), на двух оборотах—«Эстетические взгляды Чернышевского» и на двух—варианты отдельных страниц печатаемой статьи. Общее число страниц 76, на странице 76-й статья заканчивается. Недостает всего 12 страниц; 8 страниц, относящихся к концу статьи, имеют двойную нумерацию.

Корректурные дополнения написаны рукой Р. М. Плехановой на тетрадочных листах, подклеенных к соответствующим печатным страницам. Первое написано на трех подклеенных в длинную полосу листах, второе—на двух, третье—на девяти листах (10 стр.), сшитых в тетрадку.

В архиве найден сверх того черновик двух последних дополнений, написанный рукой Г. В. Плеханова. Вместе с вариантами отдельных страниц он занимает 14 тетрадочных листов. Несовпадающие в обеих рукописях места приведены нами в подстрочных примечаниях. За основной текст взят тот, который подклеен к корректуре.

1 *ОПЯТЬ ОБ «ЭКОНОМИЧЕСКОМ» МАТЕРИАЛИЗМЕ**

(*Открытое письмо к г. В. Гольцеву*[1])

В апрельской книге «Русской Мысли» вы напечатали статью «О б э к о н о м и ч е с к о м м а т е р и а л и з м е».

Нисколько не желая льстить вам (да вы, конечно, не ждете

* Заглавие принадлежит Г. В. Плеханову.—Р е д.

и не желаете лести), я замечу, что эта статья кажется мне очень замечательной. Я уверен, что на нее обратили большое внимание все читатели «Русской Мысли» и в особенности сторонники «экономического» материализма.

Ваша статья вызовет много продолжительных и одушевленных споров. А так как редакция «Русской Мысли», разумеется, прежде всего дорожит интересами истины, то я не сомневаюсь, что она не откажется поместить на своих страницах несколько возражений на вашу замечательную статью, идущих от человека, который, хотя и не может назвать себя л и т е р а т о р о м, но тем не менее очень дорожит интересами л и т е р а т у р ы. 2

Ваша статья, естественно, распадается на две части. Вы сначала подвергаете учение «экономических» материалистов общей исторической оценке, а затем рассматриваете его в применении к нашей русской действительности и к тем великим задачам и целям общественного служения, игнорировать которые значит, по известному выражению поэта, п о з о р и т ь г р а ж д а н и н а с а н[2].

Я уже заметил, что я нимало не желаю льстить вам, милостивый государь. Вот почему я скажу прямо, без длинных обиняков и излишних оговорок, что ваша теоретическая критика «экономического» материализма кажется мне неудовлетворительной. Вы приводите против него лишь такие возражения, на которые уже не раз отвечали его сторонники. 3

По моему мнению, ваша статья замечательна не теоретической критикой экономического материализма, а такой постановкой некоторых наших практических вопросов, благодаря которой может значительно приблизиться к окончанию ожесточенный спор, уже несколько [лет] волнующий русскую читающую публику. В своем письме к вам я охотно ограничился бы именно этой последней практической стороной дела. Но я боюсь, что без некоторых предварительных замечаний общего характера мои взгляды будут неправильно поняты, и потому я начинаю с этих общих замечаний. 4

Вы не считаете возможным «вывести всю культурно-историческую жизнь, как следствие, из одних только производственных отношений». Вы признаете «психический фактор исторического развития, как самостоятельный». В этом заключается ваше «основное возражение» против экономического материализма.

Остановимся на этом основном возражении. 5

«Психика человека, результат долгой биологической эволюции,—говорите вы,—уже в первобытные времена, развиваясь в известных условиях среды, приобретает все более и более значение самостоятельного и могущественного фактора цивилизации»[3].

Поскольку психика человека есть результат биологической эволюции, постольку она составляет предмет исследования
6 биологии, а не социологии. Социология имеет дело с этой психикой лишь постольку, поскольку ее развитие совершается в процессе исторической эволюции человечества.

Чем же определяется развитие психики в этом процессе? Вы говорите, что она развивается «в известных условиях среды».

Что же такое среда?*

7 Положим, что у нас идет речь о чиновнике-взяточнике дореформенной эпохи. Мы говорим: наш герой брал взятки и не только не стыдился этого, но считал бы глупостью поступать иначе. И это не удивительно. Все окружающие его чиновники поступали точно так же; он всосал свои взгляды с молоком матери; он заимствовал их от окружающей его среды.

Очевидно, что в данном случае мы понимаем под средой совокупность всех тех личностей, которые могли повлиять на него своими взглядами, чувствами и поступками. И когда мы изучаем ход развития отдельного человека, мы очень часто можем удовольствоваться таким пониманием слова—среда. «L'homme est tout éducation»**, говорит Гельвеций, придавая
8 слову воспитание широкий смысл всей суммы общественных воздействий на отдельного человека. Если Гельвеций был прав,—

---

* Вариант пятой и шестой страниц:

5 «Рассмотрим это основное возражение. „Психика человека, результат долгой биологической эволюции,—говорите вы,—уже в первобытные времена, развиваясь в известных условиях среды, приобретает все более и более значение самостоятельного и могущественного фактора цивилизации".

Материалисты вовсе не отрицают значения психики. По их мнению, „психика"—не только могущественный, но и безусловно необходимый фактор цивилизации, так как без „психики" цивилизация была бы совершенно невозможна. И тем не менее они не могут считать этот фактор самостоятельным в том смысле, какой вы, повидимому, придаете этому слову.

Поскольку человеческая психика есть результат биологической эволюции, постольку она составляет предмет биологии, а не социологии. Социология имеет дело с этой психикой, лишь поскольку ее развитие совершается в процессе исторического развития человечества».

6. «...биологии, а не социологии. Социология имеет дело с этой психикой лишь постольку, поскольку ее развитие совершается в пределах исторической (а не зоологической) эволюции человечества. Что же касается до ее развития в этих пределах, то вы говорите, милостивый государь, что здесь оно совершается под влиянием «условий среды». И, по-моему, вы совершенно правы: действительно, среда имеет влияние и притом решающее влияние на развитие психики человека, т. е. на выработку его идей, чувств и стремлений. Этого, кажется, никто уже не оспаривает в настоящее время. Но если это так, то можно ли говорить о самостоятельном развитии психического фактора? Я думаю, что—нет, и что если, тем не менее, мы очень...»—Ред.

** Человек—это воспитание.—Ред.

а это едва ли можно оспаривать,—то ясно, что характер воспитанника определяется характером его воспитателей; свойства данной личности обусловливаются свойствами всех тех лиц, которые ее окружают.

Но пойдем дальше и спросим себя—откуда же взялись свойства той совокупности лиц, той среды, влияние которой часто достаточно объясняет нам общий склад воззрений и стремлений отдельного человека? Откуда, например, в нашей дореформенной чиновничьей среде взялись нравы и взгляды, так художественно изображенные Гоголем в его «Ревизоре»? На 9
этот вопрос можно, разумеется, ответить, что свойственные той среде взгляды и нравы явились вследствие ее умственной и нравственной неразвитости, вследствие того, что дореформенные чиновники не сознавали своего гражданского долга и т. п. Но к чему сводится смысл подобного ответа? Вот к чему.—Наши дореформенные чиновники имели известные, очень непривлекательные, взгляды и нравы по той причине, что у них не было других, привлекательных взглядов и нравов. Вы понимаете, милостивый государь, что это вовсе не ответ, хотя и несомненно, что в конце пятидесятых годов им удовольствовались бы многие из тех поверхностных обли- 10
чителей, которых бичевал своей злой насмешкой бессмертный Добролюбов.

Чем же обусловливались интересующие нас взгляды и нравы? Если я не ошибаюсь, вот некоторые из причин, их вызывавших: во-первых, совершенно ничтожные оклады низших чиновников; во-вторых, господство бюрократии и полное бесправие обывателей; в-третьих, полное отсутствие гласности; в-четвертых... но довольно и трех перечисленных; они совершенно ясно показывают, что взгляды и нравы дореформенных чиновников обусловливались отношениями чиновной среды к среде обывательской, т. е., иначе сказать, нашими тогдашними общественными отношениями. Именно на это обстоятельство и не уставал обра- 11
щать внимание своих читателей Добролюбов, зло осмеивавший поверхностных обличителей.

Итак, взгляды и нравы людей обусловливаются общественными отношениями этих людей; взгляды и нравы людей данного класса обусловливаются общественным положением этого класса, отношением его к другим классам того же общества.

Но в таком случае мы уже не можем удовольствоваться определением среды как совокупности личностей, имеющих известные взгляды и нравы. Это определение не указывает именно самого важного признака определяемого. Общество не есть простая совокупность неделимых: оно есть совокупность неделимых, находящихся в известных отношениях друг к другу. Всякая данная 12
общественная среда, всякий данный общественный класс или

слой есть совокупность личностей, находящаяся в известных отношениях к другим общественным классам или слоям. От этих отношений зависят все свойства этой среды, все ее историческое значение, все господствующие в ней нравы и взгляды.

Я полагаю, милостивый государь, что никто, кроме последователей графа Толстого, не станет возражать против этого в настоящее время. Именно эту неоспоримую истину имели в виду те многочисленные писатели, которые, возражая великому художнику, ставшему неудачным публицистом, повторяли на разные лады, что только с изменением общественных
13 отношений можно надеяться на улучшение общественной |нравственности.

Но если эта истина признается почти всеми или, по крайней мере, очень многими, то, к сожалению, еще мало у нас людей, умеющих делать все вытекающие из нее выводы. Ее очень часто забывают именно тогда, когда ее особенно следовало бы иметь в виду, т. е. когда заходит речь об историческом развитии человечества.

Мне кажется, милостивый государь, что ваше «основное возражение» против экономического материализма явилось именно вследствие того, что вы позабыли эту истину. Вы говорите: «религиозные верования, включавшие в себя первоначально всю совокупность нравственных и правовых предписаний, имели весьма значительное влияние на социальный быт народа и возникали, говоря осторожно, далеко не под исключительным влиянием экономических причин». Я спрашиваю вас:

14 |1) Развивались ли религиозные верования, как и вся вообще психика человека, «в известных условиях среды», о которых вы упоминаете несколькими строками выше?

2) Если—да, то какого рода условия среды могли повлиять на развитие религиозных верований?

Если я правильно понимаю вас, то вы хотите сказать, что к числу этих условий относятся не только экономические отношения общества, но также и другие его отношения, словом, весь социальный быт данного народа или народца, а также и его отношения к другим народам и народцам.

Посмотрите же, что у вас выходит.

Религиозные верования развиваются в известных условиях
15 среды, т. е. под влиянием общественных |отношений (я не говорю—одних экономических), под влиянием социального быта.

Социальный быт развивается под значительным влиянием религиозных верований.

Иначе сказать, между социальным бытом каждого данного народа и его религиозными верованиями существует взаимодействие. Я вовсе не отрицаю существования такого взаимодействия, и ниже я постараюсь выяснить, как понимают его сторонники экономического материализма. Но я думаю, что точка зрения взаимодействия, вполне законная и даже совершенно необходимая в известных пределах, не может [быть] взята за исходную точку анализа, имеющего целью найти основные пружины исторического исследования...* |ровно ничего 17
не объясняют.

Человеческая психика развивается самостоятельно,—говорите вы,—хотя на ее развитии и сказывается влияние общественных отношений. Если вы правы, то не совсем неправы и последователи графа Толстого. В самом деле, ведь психика только отчасти развивается под влиянием общественных отношений; следовательно, ошибались те противники графа Толстого, которые говорили, что нельзя изменить общественную нравственность, не изменив предварительно общественных отношений. Почему нельзя влиять на общественную нравственность, опираясь на |самостоятельное развитие психики? Мне 18
кажется, что учение графа Толстого основывается именно на признании этого самостоятельного развития и что в этом признании заключается его коренная ошибка.

Вы указываете на Фюстель-де-Куланжа, по мнению которого религия греков и римлян определила их семью, установила брак и власть отца, обозначила степени родства, освятила право собственности и право наследства. Мне очень хорошо известен этот взгляд Фюстель-де-Куланжа[4]. Место не позволяет мне входить здесь в рассмотрение того, насколько верен этому взгляду остался Фюстель-де-Куланж |в своих многочис- 19
ленных и важных исторических исследованиях. Я замечу только, что, по моему мнению, взгляд этот совершенно ошибочен.

Религия греков и римлян не создала общественных учреждений и отношений этих народов; она только «освятила» их, объявив, что само небо требует их сохранения. Но само собою понятно, что раз религия предписала сохранять эти учреждения и отношения, то может показаться, что они и возникли именно благодаря ее предписаниям. Но это простой оптический обман, и в истории античного политеизма можно найти чрезвычайно поучительные примеры того, как |религия отражает 20
на себе историческую смену общественных отношений, причем одни боги отстаивают старые, отжившие, учреждения, а другие предписывают подчиняться новым, как наиболее угодным небу. «В настоящее время,—замечает Вырубов,—ни один серьезный ум не станет оспаривать ту социологическую истину, что каждый народ создает религию по своему образу и подобию,

---

* Стр. 16 не сохранилась.—Ред.

а не наоборот, не религии создают характер народа»*. Это замечание кажется мне совершенно справедливым и чрезвычайно знаменательным в сочинении писателя, который от своего учителя Ог. Конта мог усвоить весьма сильную склонность смотреть на развитие идей как на самостоятельный исторический [фактор]...**

22 | Для пояснения моей мысли я возвращусь к занимавшему нас выше примеру первоначальной религии Италии. Почему эта религия была «земледельческой по существу»? Потому ли, что есть взаимодействие между понятиями людей и материальными условиями их существования? Но всякое взаимодействие предполагает существование сил, действующих одна на другую. И если вы, милостивый государь, допускаете лишь известное воздействие условий земледельческого труда на первоначальную религию...***

23 | Спешу ответить на это возражение, которое удивительным образом считают победоносным многие серьезные, мыслящие люди.

Положим, что я имею систему сил, действующих одна на другую. Меня спрашивают, откуда взялись эти силы. Я отвечаю: каждая из них действует на все остальные. Я прав, взаимодействие между силами бесспорно существует, но предложенный мне вопрос все-таки остается без ответа, и люди, мне его задавшие, все-таки будут в праве сказать, что я не могу или не хочу ответить.

Экономические материалисты нимало не отрицают взаимодействия между различными «факторами исторического развития». Они говорят только, что взаимодействие само по себе еще ровно ничего не объясняет. И тут они правы. Всякое взаимодействие между силами уже предполагает существование
24 |этих сил, и сказать, что они действуют одна на другую, еще не значит объяснить их происхождение.

Вы опять скажете, конечно, что происхождение психического фактора объясняется физической организацией человека, что человеческая психика есть продукт длинной биологической эволюции. Но я замечу вам, что я говорю не о происхождении человеческой способности к мышлению,

* Les civilisations de l'extrême Orient, p. 17 [Цивилизации крайнего Востока, стр. 17].—Примеч. Г. В. Плеханова.

** Стр. 21 не сохранилась.—Ред.

*** Стр. 22 обрывается на половине. Даем ее вариант: «Перенесемся мысленно в древний Рим, хозяйство которого было в течение длинного ряда [лет] рабовладельческим хозяйством. Сказать, что общественные отношения производителей той эпохи определялись мнениями и желаниями правящей части общества, значит сказать, что существование античного способа производства обусловливалось волею и сознанием рабовладельцев. На первый взгляд кажется, что это разумеется само собой, что тут не о чем и толковать: в ту самую минуту, когда римские рабовладельцы решились бы отказаться от своих прав на рабов, рабство исчезло бы, как дым».—Ред.

а о происхождении человеческих понятий, о происхождении данных, совершенно определенных взглядов на собственность, на взаимные отношения членов семьи и общества и на отношения людей к божеству (т. е. к «первоначальным» языческим божествам). Эти понятия ни в каком случае нельзя считать продуктом биологической эволюции. Нельзя также объяснять их возникновение взаимодействием между ними и экономикой; чтобы испытывать на себе |влияние экономики и, в свою 25
очередь, влиять на нее, эти понятия должны уже существовать, и если вы мне скажете, что они возникают «самостоятельно», в силу особых законов психической эволюции человека, то я все-таки не в состоянии буду достаточно надивиться тому бесспорному обстоятельству, что данному способу производства непременно соответствуют именно эти, а не другие—«самостоятельно» возникшие—понятия о собственности, о семье и т. п. И я вынужден буду повторить, что этого бесспорного обстоятельства нельзя объяснить иначе, как с помощью учения о предустановленной гармонии.

Но не надо забывать, что не всегда же существует соответствие между господствующим способом производства и понятиями людей.| В своей статье вы приводите, м. г., примеры по- 26
добного несоответствия. Эти примеры кажутся мне не очень удачными. Но дело не в них. Неоспоримо, что можно привести бесчисленное множество самых удачных примеров несоответствия между экономикой данной страны и ее правовыми учреждениями, а также и понятиями ее обитателей.

Возьмем хоть Францию прошлого века, Францию накануне великого переворота. Существовавшие в ней остатки феодальных учреждений находились в резком противоречии с экономикой этой страны, с новым все более и более крепнувшим капиталистическим способом производства. Кто этого не знает? Кто может отрицать это?

Это знают решительно все, и решительно никто не отрицает этого. Но вопрос в том, откуда взялось |это несоответствие, 27
а лучше сказать,—это резкое, нестерпимое противоречие.

Экономические материалисты говорят, что оно было вызвано экономическим развитием Франции. И с этим, если я не ошибаюсь, согласны в настоящее время все серьезные историки.

Экономические материалисты прибавляют, что несоответствие между новым нарождающимся способом производства и старыми феодальными учреждениями вызвало ту борьбу классов, которая, уже со времен эмансипации городских общин, красной нитью шла через всю историю Франции и привела, наконец, к великой революции. Этого тоже, кажется, не отрицает никто, с тех пор как французские историки времен реставрации—Мишле, Тьер, Ог. Тьерри и особенно Гизо—выяснили |смысл внутренней истории Франции. 28

Наконец, экон[омические] материалисты говорят, что и старые феодальные учреждения, вызывавшие против себя справедливую ненависть передовых людей 18-го века, сами явились не как продукт «самостоятельного» развития человеческой психики (так смотрели на них фр[анцузские] философы 18-го века, называя их произведением невежества), а как результат тех общественных отношений, которые вполне соответствовали старому, феодальному способу производства. Современная историческая наука в зна...* |Уже Минье в своей замечательной книге «De la féodalité»** старается объяснить его возникновение нуждами средневекового общества. По его словам, феодализм существовал в общественных нуждах прежде, чем явился в действительности. То же говорит и Фюстель-де-Куланж. По его замечанию, феодальные замки не всегда вызывали ту ненависть, с которой относились к ним в ближайшее к нам время западно-европейские народы. Напротив, эти народы смотрели на них с любовью и благодарностью. «Они воздвигались не против этих народов, а для них (non pas contre eux, mais pour eux)»***. И этого теперь никто не оспаривает. Но |говорят обыкновенно, что средневековое общество, подобно всякому другому, знало не одни только экономические нужды, и что экономические материалисты обнаруживают странную узость взгляда, когда хотят объяснить этими нуждами все особенности средневекового общежития. Экономическим материалистам указывают, например, на войны, которые несомненно наложили свою печать на средневековые общественные отношения. Вы сами, м. г., как видно из вашей статьи, приписываете немалое значение войнам, как фактору исторического развития человечества. «Война, говорите вы, многократно велась по хищническим—назовем их экономическими—побуждениям разных народов. Но во многих случаях мы видим, что побуждением для войны являлся религиозный фанатизм. Таковы, |например, войны, которые велись магометанскими народами. Победа того или другого племени объяснялась,—допустим, что только в некоторых случаях,—опять-таки не производственными отношениями, а многочисленностью племени, его сравнительно большею выносливостью, храбростью, искусством вождей. Несомненно, что подобные победы являлись тем не менее факторами дальнейшей экономической, нравственной и юридической эволюции»[5].

В ваших словах немало справедливого, м. г., но справедливость ваших слов нимало не опровергает теории экономического материализма. Притом же истина, заключающаяся в ваших словах, приправлена значительною дозою заблуждения.

| Неужели вы в самом деле полагаете, что, по мнению экономических материалистов, все войны велись по хищническим побуждениям и что, опровергнув это будто бы мнение экономических материалистов, вы тем самым обнаруживаете односторонность их теории? Во взаимных столкновениях первобытных племен хищничество играет, несомненно, очень важную роль. Но когда и какому экономическому материалисту приходило в голову утверждать, что, напр[имер], Пелопонесская война вызвана была простой страстью греческих народов к хищничеству? Кто из экономических материалистов мог вообразить, что борьба Франции с Европой в конце прошлого и начале нынешнего века обусловливалась желанием каждой из воюющих сторон поживиться на счет другой? |Что подобное желание имело свое место в этой великой борьбе, это не подлежит ни малейшему сомнению, но оно само явилось уже в разгаре борьбы, которая, разумеется, не им была вызвана. Экономические материалисты (NB: школы Маркса) очень далеки от мысли объяснять исторические события страстями людей: страстью к хищничеству, тщеславием, властолюбием и т. п. Они считают такой способ объяснения до последней степени абстрактным и думают, что негодность его достаточно обнаружилась уже в 18-м веке. Но если они не объясняют войн стремлением к хищничеству, то из этого еще не следует, что они не умеют |объяснить их с точки зрения своей теории.

По [их] мнению, Пелопонесская война была величайшим эпизодом классовой борьбы (борьбы аристократии с демократией) в античном обществе, борьбы, распространившейся за пределы отдельных государств и охватившей всю Грецию. Борьба Франции с Европой, начавшаяся в конце прошлого века, была борьбой нового, созданного революцией, общественного порядка со старым, полуфеодальным или, по крайней мере, аристократическим (в Англии) порядком, который защищали государства, враждовавшие с Францией. Как вы думаете, м. г., можно ли объяснить происхождение этого нового порядка экономическим развитием Франции? Можно ли объяснить борьбу классов в ант[ичном] общ[естве] экон[омическим] раз[витием] этого общества? Если—да, то вопрос решен если не вполне, то в значительной степени: оказывается, что целый ряд величайших международных столкновений, |имевших колоссальные культурные последствия, вызван был ходом экономического развития человечества. И экономическим материалистам нет никакой надобности пускаться в бесплодные отвлеченные рассуждения о человеческой природе для того, чтобы объяснить указанные столкновения с точки зрения своей теории.

* Стр. 29 не сохранилась.—Ред.
** «О феодализме».—Ред.
*** Les transformations de la royauté pendant l'époque carolingienne, Paris 1892, p. 682 [Изменения института королевской власти в эпоху Каролингов, Париж 1892, стр. 682].—Примеч. Г. В. Плеханова.

* Ошибка в нумерации, пропущена цифра 36.—Ред.

Если же, м. г., вы думаете, что происхождение нового порядка во Франции недостаточно объясняется экономическим развитием этой страны или что борьба классов в античном обществе не вполне понятна с точки зрения экономики этого общества, то вам следует подтвердить свою мысль другими,
38 более убедительными доводами, а не указывать на явления, нимало не противоречащие теории экономического материализма.

Разумеется, можно указать много таких международных столкновений, которые иногда повидимому, а иногда и на самом деле, не имели ничего общего с классовой борьбой, обусловливаемой ходом экономического развития. Эти столкновения тоже,
39 конечно, имеют свои, иногда весьма важные культурные последствия. Но и этого рода столкновения в сущности нимало не противоречат теории экономического материализма.

Положим, что данное столкновение произошло вовсе не в силу экономических причин. Но причины, вызвавшие это столкновение, не существовали же от века. Они, в свою очередь, явились *следствием* какой-нибудь другой причины. И если те более глубокие причины, следствием которых они явились, обязаны были своим происхождением общественной экономии, то эк[ономические] мат[ериалисты] были бы правы, говоря, что международные столкновения обусловливаются в последнем счете экономическими причинами.

40 Можно не признавать этого объяснения, но допустите на минуту, что оно справедливо, и вы сами увидите, до какой степени мало противоречат ему многочисленные факты международных столкновений интересующего нас в данную минуту характера.

В самом деле, с изменением характера сталкивающихся
41 между собою общественных единиц изменяется и характер международных войн, изменяются те поводы, по которым могут возникать войны, словом, изменяется все международное право. Как ни враждует теперь Франция с Германией, но между ними совершенно невозможны теперь такие столкновения, которые, можно сказать, поминутно совершаются где-нибудь во внутренней Африке. И вот почему экономические материалисты и говорят, что характер войны, как и всех прочих явлений народной и международной жизни, объясняется в последнем счете экономическими причинами. И вот почему
42 я, в свою очередь, повторю: если кто не согласен с экономическими материалистами, тот должен подтверждать свою мысль другими, более убедительными доводами, а не указывать на явления, нимало не противоречащие теории экономического материализма.

Экономикой всякого данного общества обусловливаются его внутренние отношения и все его устройство. Раз дано это устройство, дана и возможность именно тех, а не других,

как враждебных, так и мирных отношений этого общества к другим обществам. С изменением внутреннего строения общества необходимо изменяются его отношения к соседям. И дей- 42*
ствительно, как ни враждуют теперь между собою Германия и Франция, но между ними решительно невозможны такие столкновения, какие так часто происходили и происходят между первобытными племенами. Раз дано *внутреннее* устройство общества, его экономическое строение, состояние его производительных сил, мы можем наперед указать, по крайней мере, те из его внешних отношений, которые *фактически невозможны на этой ступени его развития*. Но это не все. В довольно широкой сфере *возможных* внешних столкновений данного государства каждое отдельное столкновение определяется опять-таки его внутренним устройством, т. е. в последнем счете его экономикой. В тех первобытных племенах, где власть предводителя очень сильно ограничена властью остальных членов общества, война может быть предпринята лишь [с] согласия всех. Для того, 43
чтобы современная Франция п[редп]риняла экспедицию, вроде Тонкинской или Мадагаскарской[6], нужно согласие парламента, т. е. не всех членов общества, а в сущности лишь его *господствующего класса*. А господствующий класс Франции, Англии или всякой другой страны предпримет лишь такую экспедицию, которая подсказывается его интересами. Но положим, что данный господствующий класс плохо понимает свои интересы, что он ослеплен предрассудками, тщеславием и т. п. Положим, что такого рода факты случаются очень часто, и многие думают, что эти факты вполне опровер- 44
гают теорию экономического материализма, но это не так. Экономический материалист возразит на это, что предрассудки и ослепление данного класса объясняются психологией этого класса, что предрассудки и ослепление средневекового феодала не похожи на предрассудки и ослепление современного буржуа, что классовая психология объясняется общественной экономией и что поэтому отдельные случаи ослепления или торжества предрассудков не только не опровергают теорию экономического материализма, но как нельзя лучше подтверждают ее. Я знаю, м. г., что вы не согласитесь в этом случае с эконо- 45
мическими материалистами, вы скажете: классовая психология зависит не только от общественной экономии, но я замечу вам: развивайте же именно это основное положение против экономического материализма, а не указывайте на такие факты, которые нимало не противоречат ему. Положим, что вы не согласны с теорией Дарвина и спорите против нее. Много ли вы выиграли [бы] в вашем споре, если бы вы приводили только такие факты, которые прекрасно объясняются названной теорией?

* Повидимому опять ошибка в нумерации.—Ред.

Конечно, в какой-нибудь Персии объявление войны и заключение мира зависят от каприза одного лица, скажем, | шаха. Но ведь для того, чтобы шах мог капризничать на этот манер, нужно, чтобы шах существовал не как индивидуум, а как лицо, облеченное общественной властью. Откуда же взялась эта власть? Экономические материалисты говорят, что она явилась продуктом экономических отношений. Можно не согласиться и с этим, но и этого нельзя оспаривать с помощью таких фактов, которые прекрасно объясняются теориею экономического материализма. Вы говорите, что с открытием Америки произошло непредвиденное никакими производственными отношениями столкновение испанцев с Мексикой и Перу, и оба эти государства разрушились[7]. И вы делаете отсюда такой вывод, что история сложнее, чем это думают экономические | материалисты.

Но, во-первых, когда же экономические материалисты утверждали, что производственные отношения могут предвидеть что бы то ни было? Тут, очевидно, какое-то недоразумение.

Во-вторых, что произошло бы, если бы мексиканцы и перуанцы оказались вооруженными хорошей артиллерией? Можно думать, что им удалось бы отстоять свое независимое существование. А от чего зависит вооружение данного народа? От развития его промышленной техники, от состояния его производительных сил. Это знает, по выражению Энгельса, каждый толковый прусский унтер-офицер. Вот и выходит, что результаты | международных столкновений зависят в последнем счете именно от экономики сталкивающихся между собою стран, от господствующих в них способов производства. И я решительно не вижу, в каком случае история сложнее, чем это думают экономические материалисты.

Вы говорите: «Победа того или другого племени объяснялась,—допустим, что только в некоторых случаях,—опять-таки не производственными отношениями, а многочисленностью племени, его сравнительно большею выносливостью, храбростью, искусством вождей».

Каждый этнограф знает, что многочисленность данного племени зависит прежде всего от размеров находящихся в его распоряжении производительных | сил. Чем ничтожнее эти силы, тем более вынуждены люди «разбредаться розно», т. е. тем ничтожнее многочисленность первобытных племен. Давно уже было замечено, что лишь с переходом к пастушескому быту явилась экономическая возможность образования больших кочующих армий, и тем создалась арена для подвигов больших и маленьких чингис-ханов. Это замечание было сделано не экономическими материалистами. Как вы думаете, м. г., справедливо ли оно?

Столь же давно было замечено, что выносливость и храбрость данного войска зависят от образа жизни того народа, из которого | это войско выходит. А образ жизни данного народа определяется его богатством или его бедностью, степенью его свободы или порабощения, словом, всем складом внутренних отношений данного народа.

Я почти не сомневаюсь в том, что какой-нибудь черкес или лезгин окажется, взятый в одиночку, и храбрее и выносливее французского солдата, выросшего в каком-нибудь парижском предместье. И это будет совершенно понятно: различие в образе жизни необходимо обусловливает собою известное различие в строении и нравственном характере людей. Но с другой стороны, надо заметить, что современному французскому солдату и нет надобности выносить всего того, что выносит какой-нибудь черкесский воин. | К услугам француза и железная дорога, и непромокаемые плащи, и аптеки и т. п. Вообще по мере того, как развиваются производительные силы данного народа, радикально изменяется весь характер той выносливости, которую приходится требовать от воина. Это опять-таки знает всякий военный.

Искусство вождей—без сомнения, великая вещь. Но ведь вам известно, м. г., что само военное искусство радикально изменяется по мере того, как совершенствуется система вооружения, т. е. по мере того, как развиваются производительные силы. Искусство современного прусского военачальника просто даже не соизмеримо с искусством | какого-нибудь краснокожего[51bis] или чернокожего вождя. Но, конечно, и при данной системе вооружения, при данной технике, обусловленной в последнем счете состоянием производительных сил, один полководец может оказаться искуснее другого. Я думаю, что это обстоятельство прекрасно известно экономич[еским] матер[иалистам], но в то же время я вполне убежден, что оно нимало не противоречит их теории...* | Ломброзо[8] убежден, что гениальность есть особый вид умственного расстройства. Доводы, с помощью которых он защищает свое мнение, очень слабы, вернее—совсем несостоятельны. Но если Ломброзо ошибается, если гениальность не помешательство, то все-таки не может подлежать ни малейшему сомнению то обстоятельство, что энергия умственной деятельности, а следовательно и ее успешность <находится в теснейшей связи> с общим, более или менее нормальным, более или менее патологическим состоянием мозга. Состояние же мозга зависит от питания человека, от его образа жизни и от тех впечатлений, которые он получает от окружающей его общественной среды. Кто не знает, что в городских центрах люди гораздо более нервны, чем в спокойных сельских захолустьях? Мы еще не знаем, какие именно свойства обществен-

* Страницы 52 и 53 не найдены. Продолжение страницы 51-й написано на странице 48-й, принадлежащей к какой-то другой редакции статьи. От последней в архиве сохранился ряд страниц с нумерацией 49—54, публикуемых нами в следующем подстрочном примечании в качестве варианта.—Р е д.

ной среды благоприятны для появления тех или других талантов, но несомненно, что свойства эти сильно | влияют на их появление, если только не предполагать, с покойным Тэном[9], что во всякой данной стране постоянно родится неизменное количество талантов. 55

Как ни рассуждайте, а все-таки выходит, что таланты общественных деятелей, их «искусство», создаются общественной средой, общественным устройством, ну, а общественное устройство очень недурно объясняется теорией экономического материализма*.

* Приводим вариант этого места, написанный на страницах 49—54, с пропуском страницы 50-й:

«Положим, что в данной стране постоянно родится приблизительно одинаковое количество людей, обладающих талантом известного рода. Для развития талантов этого, как и всякого другого, рода необходимы известные обстоятельства. Если все эти обстоятельства находятся налицо—наши таланты разовьются самым пышным образом; если они совершенно отсутствуют—таланты погибнут в зародыше; если они существуют не во всей полноте—таланты будут более или менее редки, но все-таки будут. Таким образом, предполагая, что природа обитателей данной страны остается совершенно неизменной, мы все-таки имеем возможность объяснить с т е ч е н и е м о б с т о я т е л ь с т в обилие талантов в течение одной исторической эпохи и отсутствие или редкость их в течение другой... унтер-офицерского чина, и никто не знал бы не только того, что они родились с большим военным талантом, но даже и того, что они существовали на белом свете. Сам Наполеон, может быть, поступил бы на русскую службу (вы знаете, что он когда-то собирался сделать это), а, может быть, умер бы малоизвестным генералом, лишенным всякой возможности проявить свой несравненный военный гений, вследствие интриг и фаворитизма, так страшно вредивших французской армии в последнее время существования старого порядка. Но отмена старого порядка повышения в чинах была необходимым следствием торжества третьего сословия над аристократией. Выходит, стало быть, что если Франция выдвинула много искусных полководцев, то этим она обязана своим внутренним отношением к указанному исходу классовой борьбы в 18-м столетии. Ну, а значение классовой борьбы экономические материалисты могут, кажется, признать и не впадая в противоречие с своей теорией.

Может быть, вы не согласны с тем, что в каждой данной стране постоянно родится одинаковое число талантов известного рода? На этот счет я спорить с вами не стану; я охотно допускаю обратное предположение: в данной стране в разные исторические эпохи родится неодинаковое количество талантов известного рода. Что же из этого следует по отношению к занимающей нас теории?

<Во-первых, и в этом случае несомненно, что для развития талантов необходимы известные обстоятельства, наличность или отсутствие которых объясняется>внутренними отношениями страны. Во-вторых, чем же [вы] объясните появление неодинакового количества талантов в различные исторические эпохи? Случайностью? Но ссылка на случайность не объяснение. Но, может быть, мы с вами скажем так: талант есть функция мозга (употребляю здесь слово «ф у н к ц и я» в его математическом смысле); состояние мозга зависит от физического состояния организма и от тех впечатлений, которые человек получает от окружающей его общественной среды; с изменением свойств этой среды изменяется и состояние мозга: так, известно, что в крупных городских центрах люди гораздо более нервны и даже более склонны к так называемым душевным болезням, чем в спокойных сельских захолустьях. С изменением свойств общественной среды в значительной степени изменяется и физическое состояние людей. Это разумеется само собой; этого не нужно доказывать. Нельзя сказать теперь, какие именно свойства общественной среды благоприятны, какие безразличны и какие вредны для появления талантов известного рода. Но все заставляет думать, что существуют какие-то благоприятные, какие-то безразличные и какие-то вредные для них свойства. Поэтому приходится признать, что если в разные исторические эпохи в данной стране появляется неодинаковое количество талантов, это объясняется, по крайней мере в весьма значительной степени, ее общественным устройством.

А раз мы с вами, м. г., пришли к общественному устройству, то нам уже не удастся поставить втупик экономических материалистов: они недурно объясняют общественное устройство экономическими отношениями.

Но допустим, что о с т а т о к. Пример Наполеона. Значение великих личностей. Лакомб[10]. Примеры его затрудняют скорее силу воображения, чем силу рассудка: чего не было, мы не знаем, потому и вообразить не можем. Важно не то, чего не было, а то, что было».—Р е д.

Но допустим, что в деле появления талантов не все объясняется влиянием общественной среды, что появление талантов зависит также и от так называемой случайности. И это нисколько не пошатнет теории экономического материализма. «Случайно» явившийся | «искусный» деятель так же зависит 56
в своей деятельности от окружающей среды, как и неискусный. Работа «искусного» человека производительнее, чем работа неискусного, но н а п р а в л е н и е ее дано всем предыдущим ходом исторического движения, и этого направления не изменит никакое искусство. Наполеон был очень «искусный» человек во многих отношениях, но вспомните, до какой степени все направление его общественной деятельности, вся его роль диктатора определялись внутренним состоянием Франции во время директории. Буржуазия, опрокинувшая старый режим и утомленная борьбою, в которой ей надо было теперь защищать выгоды своего положения от посягательств со стороны низших классов, нуждается в сильной власти. Ее политические представители стараются найти хорошую «ш п а г у». Сначала внимание их обращается на генерала Жубера. Но Жубер | па- 57
дает в сражении при Нови. Тогда толкуют о Моро, о Макдональде, о Бернадотте[11]. Наконец, обстоятельства выделяют на вид генерала Бонапарта, и к нему обращаются все буржуазные друзья порядка, из него делают ту «шпагу», которая должна обеспечить этот порядок. Генерал Бонапарт, с своей стороны, не кладет, что называется, охулки на руку. Он очень «искусно» пользуется всем этим стечением обстоятельств. Но т о л ь к о пользуется, а не создает их. И когда обстоятельства складываются против него, когда он становится в тягость выдвинувшей его буржуазии, его судьба решается, по выражению Гизо, в течение одного дня.

Вы, м. г., приписываете эконом[ическим] мат[ериалистам] странный взгляд на значение великих людей в истории. Вы полагаете, будто они доказывают—и должны доказать, если хотят отстоять свою теорию,—что деятельность этих людей была, по своим результатам, близка к нулю, что | и без них все 58
произошло бы само собою. И вы видите себя вынужденным взять пример, особенно близкий марксистам. «Теория трудовой

ценности,—говорите вы,—[как известно, подготовлялась долгими усилиями выдающихся мыслителей. В трудах Карла Маркса она получает, наконец, глубокое научное обоснование, развивается с редкою силою мышления. Неужели марксисты станут отрицать исключительно большое значение автора «Капитала» и для теории трудовой ценности и для тех общественных течений, которые нашли в этой теории точку опоры? Можно возразить, конечно, что труд крупного мыслителя все равно был бы исполнен совокупными усилиями менее одаренных людей. Но, во-первых, это страшно замедлило бы культурный прогресс и, во-вторых, едва ли могло бы дать точно такие же результаты, какие дает гениальная мысль. Сто и тысяча заурядных астрономов не заменят Коперника или Ньютона. Сто и тысяча заурядных музыкантов не доставят такого наслаждения, какое дают Бетховен, Шуман, Шопен»]*.

Вы правы, м. г.: тысяча заурядных музыкантов не заменит одного гениального. Но что же из этого? Сто тысяч клеточек эпителия не заменят одной клеточки серого мозгового вещества. Но говорит ли это против возможности построить психологию на материалистической основе? Кажется, ничего не говорит. Точно так же и против экономического матер[иализма] ровно ничего не говорит та несомненная истина, что тысяча посред-
59 ственностей не заменила бы одного | Маркса.

Что было бы, если бы не было Маркса, Бисмарка, Мольтке, Наполеона, Сципиона Африканского, Александра Македонского, Клеопатры и т. д. и т. д.? Таким вопросом часто пытаются поставить втупик экономических матер[иалистов]. Но надо заметить, что такой вопрос опровергает—если действительно опровергает—не одних экономич[еских] матер[иалистов], а всех тех мыслящих людей, которые убеждены в законосообразности общественных явлений. Помилуйте, какая там законосообразность, если было время, когда судьба цивилизованного мира зависела, по известному выражению, от красоты носа Клеопатры. Что было бы, если бы Клеопатра не была обворо-
60 жительной женщиной? Это | неизвестно, как и вообще неизвестно все то, чего не было. На этот счет можно только фантазировать, как фантазировал в одном из своих стихотворений Гейне на тему о том, что было бы, если бы не погибли легионы Вара[12]. Вы помните, конечно:

«Der grobe Bettler, Vater Jahn,
Der hiesse Grobianus»**[13].

* В рукописи сказано: «Теория трудовой ценности,—говорите вы, и т. д. стр. 141 до слов: Шумана».

Цитата из статьи Гольцева «Об экономическом материализме»—«Русская мысль», 1896 г., № 4, стр. 141. Указание Г. В. Плеханова «до слов: Шумана» неточно.—Р е д.

** «И грубый наш нищенка, батюшка Ян,
Звался бы теперь Грубианус».—Р е д.

Это хорошо в поэзии, особенно юмористической, но в науке это неуместно: в науке важно то, что было, а не то, чего не было. <Наука старается узнать явления и объяснить их с точки зрения их законосообразности.> И когда, например, общественная наука объясняет современное движение рабочего класса экономией новейшего общества, странно возражать ей странным вопросом: а что было бы, если бы не было Маркса. Такой вопрос затрудняет силу воображения, но научного разума | он не может смутить по той 61
простой причине, что не от разума он идет и обращается к разуму единственно по недоразумению.

Если бы не было людей, то не было [бы] и человеческих обществ, а следовательно, не было бы и тех общественных отношений, происхождение которых мы стараемся объяснить с точки зрения той или другой научной теории. Вопрос, что было бы, если бы не было Клеопатры, Александра Македонского, Цезаря и т. д. до Маркса, показывает, что люди, возражающие экон[омическим] матер[иалистам], не хорошо поняли смысл учения этих последних. Полагают обыкновенно, что по смыслу этого учения люди могли бы не делать ровно ничего, так как события все-таки совершались бы своею собственной силой. Но эк[ономические] матер[иалисты] никогда не говорили этого, да и не могли сказать. По их теории, люди действуют, думают и чувствуют так, а не иначе, в силу известных экономич[еских] отношений. Но сказать, | что люди дей- 62
ствуют, думают и чувствуют именно по этой, а не по другой причине, не значит еще сказать, что они совсем не действуют, совсем не думают и совсем не чувствуют. Точно так же не значит это, что людям не нужно действовать, чувствовать и думать.

Что такое общественные отношения производства?—спрашивает Бельтов.—[Это отношения людей. Как же будут они развиваться без людей? Ведь там, где не было бы людей, не было бы и отношений производства! Химик говорит: материя состоит из атомов, которые группируются в молекулы, а молекулы группируются в более сложные соединения. Все химические процессы совершаются по определенным законам. Из этого вы неожиданно заключаете, что, по мнению химика, все дело в законах, а что материя,—атомы и молекулы,—могла бы совсем не двигаться, отнюдь не помешав этим «саморазвитию» химических соединений. Всем ясна нелепость такого умозаключения. К сожалению, не всем ясна еще нелепость совершенно аналогичного по своей внутренней стоимости противопоставления личностей—законам общественной жизни; деятельности людей—внутренней логике форм их общежития»]*.

* В рукописи: «Что такое общественные отношения производства—спрашивает Бельтов—и т. д. на стр. 222... их общежития».

ПЕРЕПИСКА Г. В. ПЛЕХАНОВА С РУССКИМИ И ИНОСТРАННЫМИ КОРРЕСПОНДЕНТАМИ (1894—1896)

Мне кажется, м. г., что вы принадлежите к числу тех, которые понимают эк[ономический] матер[иализм] как проповедь бездействия, как общест[венный] индиферентизм, пытающийся облечься в научную одежду. Но вы очень ошибаетесь, м. г., и нет ничего печальнее этой ошибки, разъединяющей людей, которые могли бы идти рука об руку если и не всегда, то, по крайней мере, очень нередко.

<63> 78 | «Марксист, убежденный в неминуемом наступлении торжества капитализма—говорите вы—[и в России, как бы ни огорчали его бедствия народа, как бы ни страдал он от сознания всей тяжести этих бедствий, должен, однако, ускорять этот процесс, для возможно быстрого наступления капиталистической стадии, после которой производственные отношения вызовут иной экономический строй, совпадающий с тем, что мы называем требованиями справедливости»]*.

Оставляя в стороне неопределенность выражения: «экономический строй, совпадающий с требованиями справедливости», я замечу вам, что вы делаете не совсем правильный вывод из того, что говорят эк[ономические] мат[ериалисты] о неизбежности окончательного торжества капит[ализма] в России.

Положим, что какой-нибудь свободомыслящий австриец сороковых годов высказал бы то убеждение, что Меттерних своей реакционной политикой сам ведет к гибели свою систему**.

[64] | Скажете ли вы, что если б этот свободомыслящий австриец был человеком сильной логики и глубокого убеждения, то ему следовало бы сделаться агентом Меттерниха и обеими руками поддерживать все его реакционные меры?

Вы этого не скажете; вы хорошо видите, что у свободомыслящего австрийца нашлось бы другое, гораздо более плодотворное дело на почве, невольно возделываемой Меттернихом.

Но по отношению к экономическим материалистам вы рассуждаете иначе. Услышав, что, по их мнению, капитализм подготовляет почву для торжества экономического порядка, совпадающего с требованиями справедливости, вы говорите: у них не может быть теперь другого дела, кроме насаждения капитализма. Откуда эта разница? Почему ваше отношение к экономическим материалистам не совпадает с «требованиями

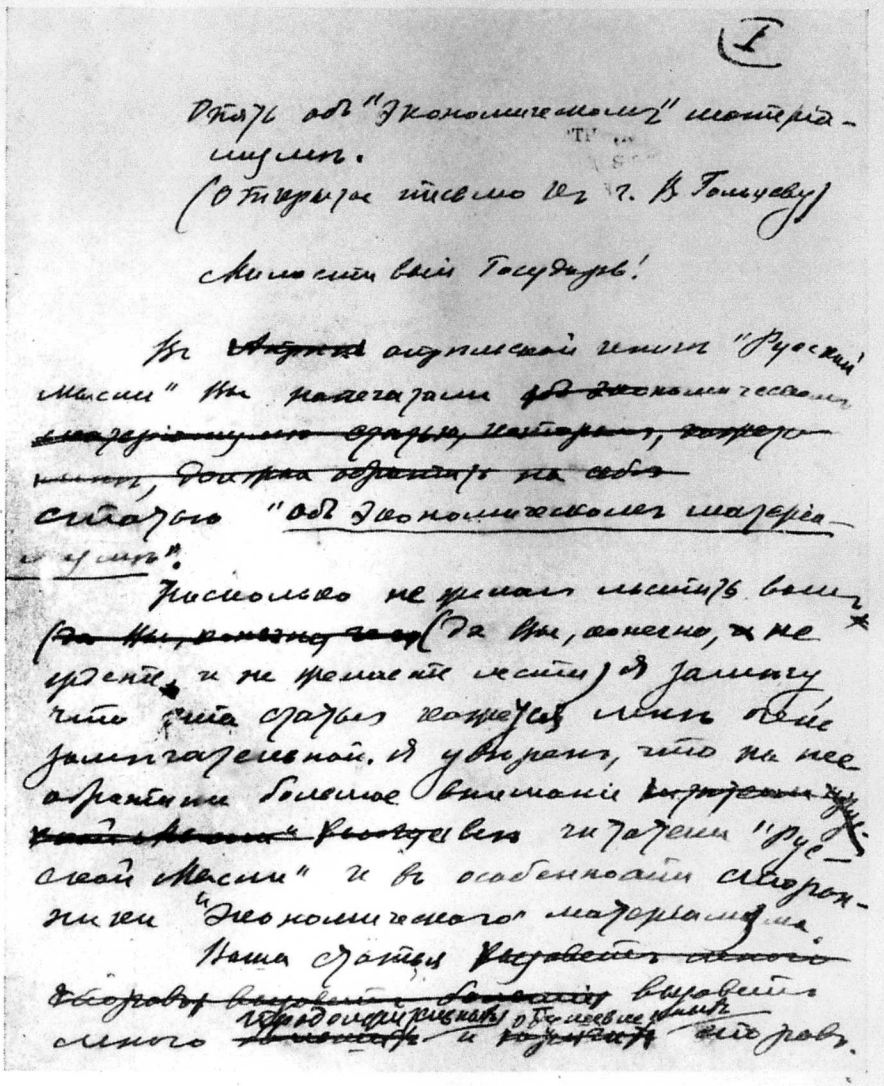
<65> 80 справедливости»?] По той простой причине, что вы хорошо понимаете, какое именно дело могло бы найтись у противника меттерниховой системы, между тем как вам совсем неясно, что же

Цитата из книги Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Спб. 1895 г., стр. 222 (Соч., т. VII, стр. 236).—Р е д.

* В рукописи: «Марксист, убежденный в неминуемом наступлении торжества капитализма, говорите вы и т. д. стр. 138... справедливости».

Цитата из статьи Гольцева «Об экономическом материализме».—Р е д.

** Стр. 64 не сохранилась. Восполняем ее по печатному тексту—Соч., т. VIII, стр. 215.—Р е д.



Первая страница рукописи статьи «Опять об ,,экономическом'' материализме»

могут делать те люди, которые, будучи противниками капитализма, не приходят, однако, в ужас при виде его несомненного торжества в России.

<Я постараюсь выяснить это в своем письме, но прежде позволю себе сделать, как мне>кажется, не безынтересную историч[ескую] справку*.

В споре с экономич[ескими] мат[ериалистами] по вопросу о том, как следует мыслящим рус[ским] людям относиться к капитализму, защитники наших старых устоев нередко ссылаются на автора известных примечаний к Миллю**.

|[Он горячо и талантливо спорит с профессором Вернадским[14], защищая общинное землевладение. Нынешние наши сторонники старых устоев тоже защищают общину и тоже готовы спорить, по мере сил и способностей, с противниками общины. Отсюда делается тот вывод, что, по крайней мере во взгляде на общину, наши нынешние сторонники устоев стоят на точке зрения названного автора. Но это слишком поспешный вывод. Между Н. Г. Чернышевским и нынешними его будто бы последователями та огромная разница, что они относятся д о г м а т и ч е с к и к тому самому предмету, к которому он относился к р и т и ч е с к и. Другими словами: между тем как он отстаивал общину, п р е д п о л а г а я н а л и ч н о с т ь и з в е с т н ы х у с л о в и й, при отсутствии которых она утрачивала всякий смысл в его глазах, его нынешние будто бы последователи стоят за общину quand-même*** | и готовы [66] [67] защищать ее, как бы радикально ни изменялись внешние и внутренние условия ее существования. И вот почему я говорю: если бы эти люди и остались верны б у к в е учения назван-

---

* Над зачеркнутым написано: «Я надеюсь, что сказанное мною выше».—Р е д.

** Приводим вариант места, отсутствующего в этой первоначальной редакции, но имеющегося в печатном тексте (т. VIII, стр. 216). Приводимая страница имеет нумерацию: 79 <78>. Слова, заключенные в прямые скобки, взяты из статьи Гольцева.

«Если вы полагаете, что отдельное лицо или даже все „общество“ может непосредственно вмешаться в народно-хозяйственную жизнь и изменить ее направление по своему произволу, то вы ошибаетесь, и вот на эту-то ошибку и указывают экон[омические] матер[иалисты]. Вы говорите: „И отдельное лицо, и целая группа лиц может,—говорю вашими словами,—в меру своих сил бороться за спасение каждого живого человека, за то, чтобы крестьянин не отрывался [от земли, не спускался ниже того убогого уровня благосостояния и просвещения, в котором он теперь находится, а подымался бы выше и выше к человечески-достойному существованию]“. Но эта помощь отдельным лицам, это служение своей стране, так сказать, п о с п о с о б у п р о с т о г о п е р е ч и с л е н и я, никогда не в состоянии изменить общего направления экономической жизни страны. Чтобы изменить его, надо влиять не на отдельных живых людей, а на общественные отношения людей в процессе производства. Говоря это, я не высказываю ничего нового».

Стр. 66 и 67 не сохранились. Восполняем их по печатному тексту (т. VIII, стр. 216).—Р е д.

*** Во что бы то ни стало.—Р е д.

ного писателя, то все-таки было бы несомненно, что они совершенно позабыли дух его].

<68> | Но, на самом деле, они плохо усвоили себе даже б у к в у.
85 Они говорят вовсе не то, что говор[ит] автор примеч[аний] к Миллю.

Вы помните, конечно, милостивый государь, знаменитую статью: «Критика философских предубеждений против общинного землевладения». В этой статье видят обыкновенно защиту нашей русской общины. Но это—ошибка. Автор ее защищает в ней не нашу русскую общину, а коллективную собств[енность] вообще, опровергая то мнение нелюбимых им либеральных экономистов, что цивилизация несовместима с коллективной собственностью.

Он говорит: первый шаг цивилизации есть отрицание этой собственности; второй будет отриц[анием] отрицания, возвратом к коллективизму. Мимоходом он доказывает, что продол-
[69] жительность второго* | [периода, периода господства индивидуальной собственности, м о ж е т—п р и и з в е с т н ы х о б с т о я т е л ь с т в а х и п р и и з в е с т н о м п о л о ж е н и и д е л у б о л е е п е р е д о в ы х н а р о д о в—с о к р а т и т ь с я д о н у л я, т. е. что первобытная коллективная собственность может местами сразу перейти в высшую форму коллективизма. Я не буду рассматривать здесь, нуждается ли в каких-либо дополнениях и оговорках мысль о возможности минования целого исторического периода, а спрошу только: о нашей ли русской общине говорится в названной статье? И отвечу: нет, в ней говорится п о п о в о д у спора об этой общине, н о у ж е н е о н е й, не об этой общине, и потому к ней не относятся и рассуждения о возможности миновать пе-
[70] риод индивидуальной собственности...** Я полагаю, м. г., что эти выписки довольно убедительно подтверждают справедливость сказанного мною о взгляде Н. Г. Чернышевского на русскую общину. Сначала он защищал ее; потом увидел, что нет налицо тех условий, при которых общинное землевладение—и даже вообще наделение крестьян землею—могло бы принести пользу народу. Тогда он стал с т ы д и т ь с я той безвремен-
<71> ной самоуверенности, с] | которой он выступил на защиту
88 общины. «Лучше пусть пропадает...»[15].

Его нынешние будто бы последователи рассуждают не так. Они дорожат общиной и забывают о тех условиях, при отсутствии которых общинное землевладение может стать—и в самом деле становится—вредным для народа. Они превратили в мертвую догму то, на что он смотрел с критической точки зрения.

Я знаю, что меня упрекнут в несправедливости. Мне скажут: да когда же защитники общины забывали о тех условиях,

* Стр. 69 и 70 не сохранились. Восполняем их по печатному тексту (т. VIII, стр. 217—219).—Р е д.

** Опускаем длинные выписки из Чернышевского.—Р е д.

которые необходимы для того, чтобы она принесла пользу народу? Разве не народники поминутно твердят, что вот надо было бы сделать и то, и это для упрочения и процветания устоев?*

| [Гг. народники действительно придумали немало проектов [72]
для поддержания и усовершенствования устоев. Но немало проектов, полезных для народа, придумано было уже и в то время, когда появилась статья «Критика философских предубеждений». Однако автору этой статьи одних хороших проектов, как мы видели, было недостаточно. Суровый и насмешливый критик, он спрашивал себя: г д е с и л ы д л я о с у щ е с т в л е н и я э т и х п р о е к т о в? И когда видел, что сил нет, что х о р о ш и м проектам суждено остаться п р о е к т а м и, он находил постыдным тратить слова на их обсуждение и желчно обзывал людей, носившихся с ними, глупцами, хвастунами, болтунами и т. д. Так ли относятся к делу нынешние сторонники устоев? Нет, их отношение к ним совершенно другое. Для них слова—все; они не спрашивают себя—где силы для осуществления хороших проектов; они] | заражены <73>
той бесплодной мечтательностью, которую так осуждал автор 90
примечаний к Миллю и которую так жестоко осмеивал подчас знаменитый «Свисток»[16].

Недавно г. Глинский в Истор[ическом] Вестнике[17] обрушился на экон[омических] материалистов за их будто бы непочтение к «шестидесятникам»[18]. Я осмелюсь заметить г. Глинскому, что он играет словами. Эк[ономические] мат[ериалисты] могли бы сказать ему: есть 60-ки и 60-ки, подобно тому как есть «мужик и мужик». Если 60-ки по складу своего ума и по направлению своих мыслей похожи на автора примеч[аний] к Миллю, то экон[омические] материалисты глубоко уважают их. Но они не могут питать уважения к тем 60-кам, прекраснодушие которых жестоко возмутило бы и автора примечаний к Миллю и всех его сотрудников.

Эк[ономические] мат[ериалисты], подобно этому автору, враги индивидуализма. | Они убеждены, что высшая фаза циви- <74>
лизации необходимо придет к той форме собственности, кото- 91
рая характер[изует] собою первую фазу. Но они думают, что это еще недостаточное основание для того, чтобы отстаивать с о в р е м е н н о е н а ш е о б щ[и н н о е] з е м л е в л а д е н и е. Это землевладение бесполезно и даже вредно для народа, потому что нет (да и никогда не было) в наличности таких условий, при которых оно могло бы сделаться полезным ему**, и нет сил, которые могли бы создать наличность таких условий. Эк[ономические] мат[ериалисты] очень резко относятся к мечтаниям людей, воображающих, что эти условия

* Стр. 72 не сохранилась. Восполняем ее по печатному тексту (т. VIII, стр. 219—220).—Р е д.

** Об этом см. у Волгина «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)».—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

<75>могут быть созданы схоластическими рассуждениями на тему
92 о роли личности в истории, о том, что всякий честный социолог непременно субъективен и т. п. Их осуждают за резкость их отношения к этим людям. Но что же им делать? У Добролюбова, у автора примечаний к Миллю и других подобных им героев русской мысли научились они смеяться над маниловскими мечтаниями, и в этом отношении привычка вкоренилась в них так сильно, что их исправит только могила. Но мне кажется, что это не очень дурная привычка*.

76 Если они враждуют с гг. народниками (а надо сознаться, что они очень, очень не любят этих людей), то единственно потому, что узнают в них Обломовых. «Когда я читаю в журналах [либеральные выходки против злоупотреблений и радость о том, что наконец сделано то, чего мы давно надеялись и желали,—я думаю, что это все пишут из Обломовки»]**.

Когда экономич[еские] матер[иалисты] читают в наших нынешних журналах демократические выходки против капитализма и радость о том, что вот то или другое мероприятие, положим, основание крестьянского банка или закон о неотчуждаемости крестьянских наделов, укрепит устои, они думают, что все это пишут из Обломовки.

Я знаю, м. г., что вас очень удивляют мои слова. Вы не привыкли считать эк[ономических] мат[ериалистов] врагами Обломовки. Но я говорю правду, и вы, дорожа правдой, конечно, не откажетесь принять ее к сведению и руководству.

КОРРЕКТУРНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ, НЕ ВНЕСЕННЫЕ НИ В ОДНО ПЕРЕИЗДАНИЕ СТАТЬИ

Примечание к [стр.] 3***

Тот же взгляд на «первоначальную» религию римлян встречаем мы и у Тиле, одного из лучших знатоков истории религии. «La religion des plus anciens habitants de Rome était encore celle des pâtres et des paysans» («Manuel de l'histoire des religions» traduit du hollandais par Maurice Vernes, Paris 1880, p. 256)*.

Религия римлян с чрезвычайной ясностью показывает, каким образом и в какой степени «первоначальная» религия является отражением деятельности и нужд «первоначального» человека. «Non seulement chaque circonstance de la vie sociale,—говорит Тиле,—mais aussi chaque opération agricole, labourage, sémailles, récolte, jusqu'à l'ouverture des greniers... avaient des représentants particuliers dans le monde des esprits» (L. c., p. 252)**.

Даже медная монета имела у римлян своего бога («гения»), который назывался Aesculanus. А когда, около половины третьего века до Р. Х., введена была в употребление серебряная монета, у бога медной монеты появился сын Argentinus (Тиле, ibid., p. 253). Но, повторяю, «первоначальная» религия римского народа вовсе не «первоначальна» в культурно-историческом смысле этого слова. Религией, первоначальной в этом последнем смысле, является анимизм низших охотничьих племен, который не имеет никакого влияния на общественное поведение человека по той простой причине, что он лишен всякой связи с общественной моралью (об этом см. Э. Б. Тейлора, «Anthropology», London 1881, p. 363, и его же «La civilisation primitive», t. I, p. 495, а также А. Ревиля, «Les religions des peuples non civilisés», Paris 1883, t. II, p. 253)***. Ввиду этого мы не имеем никаких оснований относить религию первобытных народов к числу «факторов» развития первобытного общества. Это слишком часто забывают социологи.

Примечание к стр. 5****

«Для того, чтобы определить эволюционно-историческую или генетическую последовательность или зависимость правовых отношений и обычаев, возникающих у различных народов и в различные времена, и для того, чтобы сказать, что данное право или данный обычай имеет более древнее или более первобытное происхождение, нежели другое право или другой обычай,—говорит профессор Рихард Гильдебрандт,—нужен критерий, выходящий за пределы хронологии или совершенно от нее независимый. Таким кри-

* Стр. 76 написана на обороте стр. 39.—Р е д.

** В рукописи: «Когда я читаю в журналах и т. д., стр. 520—521 2-го тома». Цитата из статьи Добролюбова «Что такое обломовщина». В сохранившемся в библиотеке Г. В. Плеханова 4-м издании 1885 г. цитата находится на стр. 501—502.—Р е д.

*** Страницы вырезанной из «Русской мысли» статьи перенумерованы Г. В. Плехановым (от 1 до 24), и к этим именно страницам относятся его ссылки. Настоящее дополнение должно итти после того места статьи (т. VIII, стр. 197), где Г. В. Плеханов цитирует книгу Дюрюи «Histoire des romains». Приводим это место:

«Религия [в древней Италии] до вторжения в нее греческих и восточных идей была очень проста: она обусловливалась житейскими нуждами, полевыми работами, страхом и восторгом, вызываемыми прекрасной, вечно подвижной природой. Это была религия земледельческая по своему существу. Боги Италии—охранители собственности, супружеской верности и справедливости, покровители земледелия, податели всех земных благ, руководители поступками людей» и т. д.—Р е д.

* «Религия самых древних обитателей Рима была еще религией пастухов и крестьян» («Учебник по истории религий», переведенный с голландского Морицем Верн, Париж 1880, стр. 256).—Р е д.

** «Не только каждое явление общественной жизни, но также и каждая земледельческая операция, обработка земли, посев, жатва и другие вплоть до открытия житниц... имели своих особых представителей в мире духов» (Цит. кн., стр. 252).—Р е д.

*** Э. Б. Тейлор, Антропология, Лондон 1881 г., стр. 363, и его же «Первобытная цивилизация», т. I, стр. 495, а также А. Ревиль, Религии нецивилизованных народов, Париж 1883 г., т. II, стр. 253.—Р е д.

**** Дополнение должно итти после слов: «...правовая идея всегда и везде идет рука об руку с экономической необходимостью. Так говорят экономические материалисты» (т. VIII, стр. 199).—Р е д.

терием может служить экономическая культура, потому что только в ней замечается совершенно определенный ход развития, всегда одинаковый в общих чертах и всегда направляющийся в одну и ту же сторону» («Recht und Sitte auf den verschiedenen Kulturstufen», Erster Teil, 1896, предисловие, стр. III)*.

В действительности, ход экономического развития не так однообразен, как это кажется Р. Гильдебрандту, но это вопрос другой, нас здесь не интересующий. Что же касается его взгляда на причинную зависимость развития права и обычаев от развития экономики, то, разумеется, я с ним совершенно согласен.

Вставка к странице 14**

Передо мной лежит книга Летурно «La guerre dans les diverses races humaines» (Paris 1895)***. Она отличается обычными недостатками сочинений Летурно: факты приводятся в ней без надлежащей критики, а метод научной оценки этих фактов сводится к полному игнорированию всех требований научного исследования. И тем не менее даже и это плохо продуманное сочинение содержит в себе много прямых и косвенных свидетельств в пользу защищаемого мною взгляда. В самом деле, прочтите хоть эту страницу: «Первобытным кланам еще нечего защищать, кроме той территории, на которой они собирают плоды, охотятся и ловят рыбу. Пока существовал этот первобытный порядок вещей, война не могла обогатить победителя: тогда еще нечего было грабить, поэтому краснокожие никогда не воевали из-за добычи; они даже не обирали мертвых. Эти нравы изменились с возникновением пастушеского и земледельческого быта. Тогда начались набеги (razzias) для похищения скота, хлеба, орудий труда и т. д. Война потеряла даже внешность правосудия; хищничество сделалось ее главной целью: убийство совершалось ради грабежа, и убийство приводило иногда к полному истреблению неприятелей, если только расчет пользы не удерживал руки победителя, т. е. если победитель не щадил своего побежденного врага, для того чтобы обратить его в рабство... С этих пор война делается набегом, насильственным вторжением с грабительской целью. Сама земля стала предметом грабежа, и завоевания учащались по мере того, как человеческие общества увеличивались в размерах благодаря насильственному поглощению ими своих соседей. Образовались большие государства: в поход стали ходить целые

* «Право и обычай на различных ступенях культуры», ч. I, 1896 г., предисловие, стр. III.—Ред.

** Настоящей вставкой Г. В. Плеханов имел в виду, очевидно, заменить следующие три строки статьи (Соч., т. VIII, стр. 209):

«Но, повторяю, я не могу пускаться в подробное обоснование этой мысли. Если вам угодно, я посвящу этому предмету особую статью. А пока я должен перейти к другому предмету».

Эти строки вычеркнуты Г. В. Плехановым, и на полях сделана пометка: NB! Смотри вставку. NB!

В тексте статьи, предшествующем этому абзацу, речь идет о зависимости результатов военных столкновений от экономического быта воюющих сторон.—Ред.

*** «Война у различных человеческих рас» (Париж 1895).—Ред.

армии. Самыми свирепыми были армии пастушеских народов, походы которых были хищническими прежде всего. Завоевания Чингисхана и Тамерлана были не более как грандиозными набегами... Рука об руку с рабством шло политическое развитие. Война привела к возникновению аристократии; военачальники стали королями; образовались касты или сословия жрецов, жившие в наилучших отношениях с сильными мира сего; королей стали уподоблять богам.

Настоящая эра завоеваний началась лишь тогда, когда появились общества, имеющие такое сложное устройство и проч., но основанные на земледелии и рабстве»*.

Вы согласитесь, милостивый государь, что в этом рассуждении завоевательному «фактору» отведено очень широкое место. По моему, даже слишком широкое. Летурно, конечно, не в состоянии доказать, что война послужила последней, глубже всех других лежащей причиной возникновения аристократии. В действительности, завоевание только заменяет туземную аристократию аристократией, составленной из завоевателей. Это мы видим, например, в Англии, где саксонская аристократия должна была уступить свое место норманской. Но я не хочу распространяться здесь об этом. Я допускаю, что Летурно ничего не преувеличил и что завоевание действительно играло в истории общественного развития ту роль, какую он ему приписывает. И я спрашиваю вас, не замечаете ли вы, что даже Летурно вынужден поставить развитие завоевательного фактора в причинную связь с развитием общественной экономики. У дикарей, поддерживающих свое существование собиранием плодов, охотой и рыбной ловлей, война играет совсем другую роль, и воюющие стороны преследуют совсем другие цели, чем в обществах, более подвинувшихся на пути экономического развития. Возникновение пастушеского, а особенно земледельческого, быта составляет эпоху в истории войны. Настоящая эра завоеваний начинается лишь тогда, когда общество приобретает в земледелии прочную основу и разделяется на классы. Что же это означает? Это означает то, что даже люди, очень склонные преувеличивать значение завоевания в истории общественного развития, не могут теперь не видеть, что характер войны и социальные последствия военных столкновений определяются в последнем счете ходом экономического развития. Это как раз то, что говорят «экономические» материалисты. И если эти люди правы в этом случае, то неосновательно указывать им на войну, как на такое общественное явление, которое не поддается материалистическому объяснению.

Что техника военного дела обусловливается социальным строем воюющих народов, это знает теперь всякий образованный военный. «В действительности,—говорит французский полковник Руссэ,—социальное устройство, свойственное каждой данной исторической эпохе, имеет решающее влияние не только на военную организацию народа, но даже и на характер, способности и стремления воен-

* «La guerre», p. 530—531.—Примеч. Г. В. Плеханова.

ных людей»*. Конечно, на войне чрезвычайно много зависит от полководца. Но что такое великий полководец? Полковник Руссэ отвечает на это следующим образом: «Обыкновенные генералы употребляют в дело уже готовые средства и пользуются методами, уже находящимися в употреблении... Что же касается великих полководцев, то они приспособляют средства и приемы войны к своему собственному гению»**. В чем же состоит гений великого полководца? В том, что он, руководясь инстинктивной догадкой, преобразует названные средства и приемы сообразно законам общественной эволюции, которая имеет влияние на военную технику. Великий полководец отличается от обыкновенного генерала т о л ь к о тем, что он инстинктом гения понимает ту новую технику, которой требуют новые общественные отношения и новая общественная психология, выросшая на почве этих новых отношений. Это очень ясно и совершенно верно. Но ясно не только это. Ясно еще и то, что т а к о й взгляд на роль и значение великих полководцев является новым доводом в защиту оспариваемой вами теории***.

ПРИМЕЧАНИЯ!

[1] Г о л ь ц е в, Виктор Александрович (1850—1906)—критик и публицист, умеренный либерал, конституционалист (см. выше наше предисловие). Был редактором «Юридического вестника» и «Русского курьера» и сотрудником «Русских ведомостей», «Русского богатства» и других газет и журналов. С 1885 г. стал фактическим редактором «Русской мысли», превратив ее в один из влиятельных органов русской буржуазной интеллигенции.

[2] Строка из стихотворения Рылеева «Гражданин»:

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан...

(Стихотворения К. Рылеева, изд. 2-е, Берлин 1858, стр. 47,—издание, имеющееся в библиотеке Г. В. Плеханова.)

[3] «Русская мысль», 1896 г., № 4, стр. 136.

[4] Этот взгляд развит Фюстель-де-Куланжем в книге «La cité antique». Гольцев цитирует ее по второму русскому изданию «Древняя гражданская община», 1895 г.

[5] «Русская мысль», 1896 г., № 4, стр. 133.

[6] Экспедиции, предпринятые Францией с целью захвата колоний,—тонкинская (Индо-Китай) в 1883 г. и мадагаскарская (Африка) в 1896 г.

[7] Мексика была завоевана в 1519—1520 гг. испанскими завоевателями-конквистадорами под предводительством Кортеса. Перу было завоевано в 1532 г. испанскими конквистадорами под предводительством Писарро.

Оба государства с довольно высокой древней культурой были разрушены и превращены в европейские колонии, а население их в конце концов было обращено в рабство.

[8] Л о м б р о з о, Чезаре (1836—1909)—итальянский антрополог и криминалист, основатель антропологической школы в науке уголовного права, согласно которой существуют «прирожденные преступники», отличимые по ряду внешних признаков, свидетельствующих об их вырождении. Вопрос о связи гениальности с умственным расстройством трактуется Ломброзо в книге «Гениальность и помешательство».

[9] Т э н, Ипполит (1828—1893)—французский историк, философ и искусствовед, проводивший в своих сочинениях мысль о зависимости художественных произведений от расы, среды и исторических условий.

[10] Лакомб говорит о значении великих личностей в своей книге «Социологические основы истории» (см. статью Плеханова «Нечто об истории»—Соч., т. VIII, стр. 225—236).

[11] Выдающиеся полководцы эпохи французской буржуазной революции 1789 г. Этот отрывок использован Г. В. Плехановым в его статье «К вопросу о роли личности в истории» (Соч., т. VIII, стр. 297).

[12] В а р —римский военачальник эпохи Августа. Был легатом Германии и проводил в ней насильственную романизацию, что вызвало восстание германцев, напавших на армию Вара в Тевтобургском лесу и истребивших ее без остатка. Отсюда известное восклицание Августа: «Вар, Вар, отдай мне мои легионы!»

[13] Цитата из сатирической поэмы Гейне «Германия. Зимняя сказка», гл. XI. В подстрочном примечании цитата дана нами в переводе В. И. Водовозова по изд. Вейнберга, 1898—1902 гг., т. VIII, стр. 220.

[14] В е р н а д с к и й, Иван Васильевич (1821—1884)—русский экономист, представитель вульгарной политической экономии. Полемику с Чернышевским об общине вел в издававшемся им журнале «Экономический указатель» (1857—1861).

[15] Слова из той же опущенной нами цитаты из статьи Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного землевладения»—Соч. Г. В. Плеханова, т. VIII, стр. 218.

[16] «Свисток»—сатирическое приложение к журналу «Современник», в котором главное участие принимали Чернышевский и Добролюбов. Вышучивал особенно зло оптимизм либералов и их неспособность к активной борьбе.

[17] «Исторический вестник»—журнал, издававшийся в Петербурге в 1880—1917 гг. А. С. Сувориным под редакцией С. Н. Шубинского.

[18] Б. Г л и н с к и й, Молодежь и ее руководители—«Исторический вестник», 1895 г., № 12.

---

* «Les maîtres de la guerre: Frédéric II, Napoléon, Moltke». Essai critique d'après les travaux inédits de M. le général Bonnal, p. 4 [«Мастера войны: Фридрих II, Наполеон, Мольтке». Критический очерк по неизданным материалам генерала Бонналя, стр. 4].—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

** Там же, та же страница.—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

Приводим вариант того же места по сохранившейся рукописи: «...и приемы войны к своему собственному гению или, вернее сказать, они преобразуют эти средства и приемы сообразно ходу законосообразной общественной эволюции, которая имеет решительное влияние на технику их искусства... Развитие военного дела медленно, но неуклонно следует за общественным развитием. Освободительное движение средневековых городских общин вывело на поле брани городскую пехоту и тем очень значительно изменило технику тогдашней войны, определявшуюся до того времени преобладающим значением дворянской конницы. Борьба швейцарцев против австрийского дома и сопротивление, оказанное итальянскими, немецкими и голландскими городами деспотизму королей, вызвали к жизни пехоту в то самое время, когда открытие пороха совершенно перевернуло все условия войны».—Р е д.

*** Кроме названных сочинений, я укажу еще на интересное исследование профессора Э. Ч и к к о т т и, La pace e la guerra nell'antica Atene, Scansano 1897 (Мир и война в древних Афинах). Главный вывод этого исследования может быть выражен следующими словами самого Чиккотти: «Le due tendenze alla pace e alla guerra, discordi ed opposite, hanno in Atene un singolare rilievo e ad invaer alli ma con insistenza si riaffaciano per tre secoli della sua storia, riassumendo nel due diversi indirizzi il grado di sviluppo economico, i besogni, la potenzialita produttiva, le lotte di classe, rivoluzioni politiche dello stato», p. 2. [«Две различные противоположные тенденции к миру и войне имели в Афинах исключительное значение и, хоть и через известные промежутки времени, но с настойчивостью обнаруживались в течение трех веков афинской истории, резюмируя в двух различных направлениях степень экономического развития, рост потребностей, производственные возможности, борьбу классов, политические революции государства»].—Примеч. Г. В. П л е х а н о в а.

№ 1. В. ЛИБКНЕХТ[1]—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

(Перевод с французского)

Берлин, 2 января 1894

Мой бедный друг! У англичан есть поговорка «Never say die». Не надо никогда говорить: умрет. Молодость всегда может избегнуть смерти, и я надеюсь, что ваша дочь избегнет ее[2]. Во всяком случае будьте уверены в нашем глубочайшем сочувствии и соболезновании.

А что касается изгнания из Франции[3]—там все меняется с такой быстротой, что я не верю в осуществление угроз.

Извещайте нас обо всем, что с вами случится.

Шлем вам свои самые лучшие пожелания.

Весь ваш, дорогой друг,

В. Либкнехт.

Передайте от нас сердечный привет г-же Плехановой и г-же Вере Засулич.

[1] Либкнехт, Вильгельм (1826—1900)—видный деятель международного рабочего движения, один из основателей и вождей германской социал-демократии. В качестве редактора центрального органа партии «Vorwärts» вел с Г. В. Плехановым в конце 1893 г. переписку по вопросу о его сотрудничестве в этом органе.

Настоящее письмо является ответом на следующее письмо Г. В. Плеханова, опубликованное в «Воинствующем материалисте», 1925, № 4, стр. 211:

Женева, 31 декабря 1893 г.

Дорогой гражданин!

Получил ваше любезное письмо, а также гонорар за мою небольшую статейку. Благодарю вас. Поздравляю с новым годом вас, г-жу Либкнехт и всю вашу семью. Желаю вам счастья. Для меня это больше уже невозможно: моя младшая дочь умирает, безнадежна, ей осталось жить всего несколько дней. От этого можно с ума сойти. А в довершение всего, меня хотят выслать из Франции. Впрочем, это пока еще не наверняка. Но моя дочь, моя дочь!

Привет Раковскому. Преданный вам Г. Плеханов.

[2] Дочь Плехановых умерла 3 января 1894 г.

[3] Плеханов, изгнанный в 1889 г. из Швейцарии, поселился недалеко от Женевы, в деревушке Морнэ, во французской Савойе. После выступления Г. В. Плеханова на Цюрихском международном конгрессе 1893 г. против франко-русского союза начались гонения на него и со стороны французского правительства. Несколько месяцев Плеханов жил под угрозой изгнания, а летом 1894 г. должен был оставить Францию и уехать в Англию.

№ 2. Р. ФИШЕР[1]—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

(Перевод с немецкого)

Берлин, 13 января 1894

Господину Г. Плеханову, Морнэ.

Дорогой товарищ!

На прошлой неделе я обратился к т. Каутскому[2] с предложением написать брошюру «Анархизм и социал-демократия». За недостатком времени т. Каутский лишен возможности это сделать и направил меня к вам[3]. Поэтому я обращаюсь к вам с вопросом, склонны ли вы выполнить для нашего партийного издательства такую работу. План ее я мыслю себе приблизительно так.

I. Краткое изложение философско-экономических теорий анархизма и критика их с точки зрения социал-демократии.

II. Исторический очерк участия анархистов в современном рабочем движении: a) в период Интернационала—в Испании, России, Италии, Франции, b) в 80-х годах—в Германии, Франции, Швейцарии, Америке—и в настоящее время, особенно останавливаясь на Германии, в том числе и на родственных, так называемых социально-революционных течениях.

III. Критика анархистской теории с тактически-политической точки зрения, как это кратко сделал Каутский в своей второй статье (в предпоследнем выпуске «Neue Zeit») о «Социал-демократическом катехизисе» Кнорра[4].

В нашей партийной литературе не имеется труда, из которого партийные товарищи могли бы почерпнуть пояснения и стимулы для дальнейшего углубления этого вопроса. Наконец, число тех, кто в свое время при действии закона против социалистов[5] получил свое партийное воспитание через посредство «Социал-демократа»[6], все уменьшается, а партийные неофиты бродят в тумане общих мест вокруг этого вопроса. Поэтому такой труд в настоящее время чрезвычайно необходим, и чем раньше он появится, тем лучше.

Хотите ли вы взять на себя эту задачу? И к какому времени рассчитывали бы вы закончить труд, который не должен превышать 4 листов нашего установленного формата. Перевод с французского на немецкий также потребует времени. И каковы—last but not least*—ваши условия относительно гонорара?

В ожидании вашего уведомления шлю партийно-товарищеский привет.

Р. Фишер.

[1] Фишер, Рихард—германский социал-демократ, заведывал типографией и издательством «Vorwärts». Шесть писем Г. В. Плеханова к Фишеру за 1894 г. напечатаны в журнале «Под знаменем марксизма», 1923 г., № 11—12, стр. 28—30.

[2] Каутский, Карл (род. 1854)—видный теоретик германской социал-демократии и II Интернационала. В 900-х годах оппортунистические тенденции, которые всегда были у Каутского сильны, начинают брать перевес в его политической и теоретической деятельности. Во II Интернационале Каутский прикрывает свой оппортунистический отход от марксизма, занимая центристскую, примиренческую линию по отношению к открытым ревизионистам и изменникам рабочего класса. В начале империалистической войны Каутский окончательно порывает с марксизмом, прикрывая фактический социал-шовинизм своей позиции интернационалистской фразой. После Октябрьской революции, будучи одним из самых озлобленных врагов диктатуры пролетариата, Каутский открыто проповедывал войну и интервенцию против СССР.

[3] Каутский писал Г. В. Плеханову 10 марта 1894 г.: «Меня очень радует, что вы взялись за брошюру об анархизме; первоначально Фишер писал мне, чтобы я ее составил—его побудила к этому моя критика „Социал-демократического катехизиса»,—но у меня не было времени, и я отклонил это, написав ему, чтобы он обратился к вам, что будет очень хорошо, если литература немецкой партии станет более интернациональной. Вижу, что он согласился на мое предложение» (сб. «Гр. „Осв. тр.“», № 5, стр. 211).

[4] Вторая статья К. Каутского о книге Кнорра была напечатана в «Neue Zeit» № 13 от 20 декабря 1893 г. под заглавием «Ein sozialdemokratischer Katechismus». Первая была напечатана в № 12 от 13 декабря 1893 г.

[5] Исключительный закон против социалистов действовал в Германии с 21 октября 1878 г. до конца сентября 1890 г.

[6] «Der Sozialdemokrat», internationales Organ der Sozialdemokratie deutscher Zunge («Социал-демократ», международный орган немецкой социал-демократии) начал издаваться с октября 1879 г. в Цюрихе и оттуда нелегально пересылался в Германию. Редактором его вскоре стал Э. Бернштейн. С октября 1888 г. по сентябрь 1890 г. «Социал-демократ» издавался в Лондоне. После отмены исключительного закона против социалистов, вместо прекратившегося «Социал-демократа», стал снова выходить в Берлине «Vorwärts» («Вперед»), бывший центральным органом немецкой социал-демократической партии с 1876 г. до октября 1878 г.

* Последнее, но не наименее важное.—Ред.

№ 3. Г. В. ПЛЕХАНОВ—КОМИССАРУ АННЕМАСА

(Перевод с французского)

[Начало февраля 1894]

Г-ну Леаль, комиссару особого назначения в Аннемасе.

М. Г.

В час ночи с 30 на 31 января два жандарма явились к г-ну Фавру* под предлогом, что им необходимо со мною поговорить. Так как я теперь нахожусь в Женеве, то они застали в нашей квартире только русскую даму, Надежду Бельдинскую, которую старший жандарм и начал допрашивать. Он спросил, где я и имеет ли она документы. Г-жа Бельдинская ответила, что я нахожусь в Женеве и что ее паспорт был сдан мэру коммуны в 1889 г. После этого жандарм подошел к письменному столу г-жи Бельдинской и начал рыться в книгах и переписывать их названия. Среди книг он отметил биографию Руссо, принадлежащую перу аббата Бодуэна. Потом жандарм начал перелистывать одну из рукописей, утверждая, что она написана по-немецки. Г-жа Бельдинская заметила, что он принимает русский язык за немецкий и что она вообще не понимает, какой интерес для него представляют ее рукописи и книги.

* Хозяину постоялого двора в Морнэ, где жили Плеханов и Засулич (последняя—по паспорту Надежды Бельдинской).—Ред.

«А вот какой: Вы занимаетесь агитацией в России,—ответил он,—а мы не желаем больше этого терпеть, потому что мы союзники этой страны». Он подкрепил свои слова грубым и циничным ругательством. «Вы позволяете себе дерзости,—ответила г-жа Бельдинская,—и я прошу вас оставить мою комнату». Жандарм рассвирепел. «Если вы будете говорить со мною таким тоном,—крикнул он,—то я еще покажу вам, что такое „дерзости". В ы у б и й ц а. Я прикажу надеть на вас наручники». И, обращаясь к сопровождавшему его жандарму, повторил несколько раз: «Покажи их ей!» Он все повторял, что ведет себя прилично, что у него есть свидетель и, если она вздумает жаловаться, то не сможет ничего доказать.

Угрожающий вид и грубость жандарма все увеличивались и довели г-жу Бельдинскую до того, что она уже готова была звать на помощь, но жандармы удалились с новыми угрозами, заявив, что придут на следующий день в 8 часов утра.

Я не думаю, господин комиссар, чтобы французские законы допускали такие чудовищные действия со стороны подчиненных им властей. Г-жа Бельдинская больна и, не желая, чтобы ее снова беспокоили и мучили, не подает формальной жалобы. Но я нахожу необходимым, несмотря на это, довести до вашего сведения о беспримерном поведении двух представителей власти, надеясь на то, что, не причиняя новых беспокойств г-же Бельдинской, вы приложите все старания, чтобы устранить возможность повторения в будущем таких вопиющих фактов*.

№ 4. Э. БЕРНШТЕЙН[1]—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

(Перевод с французского)

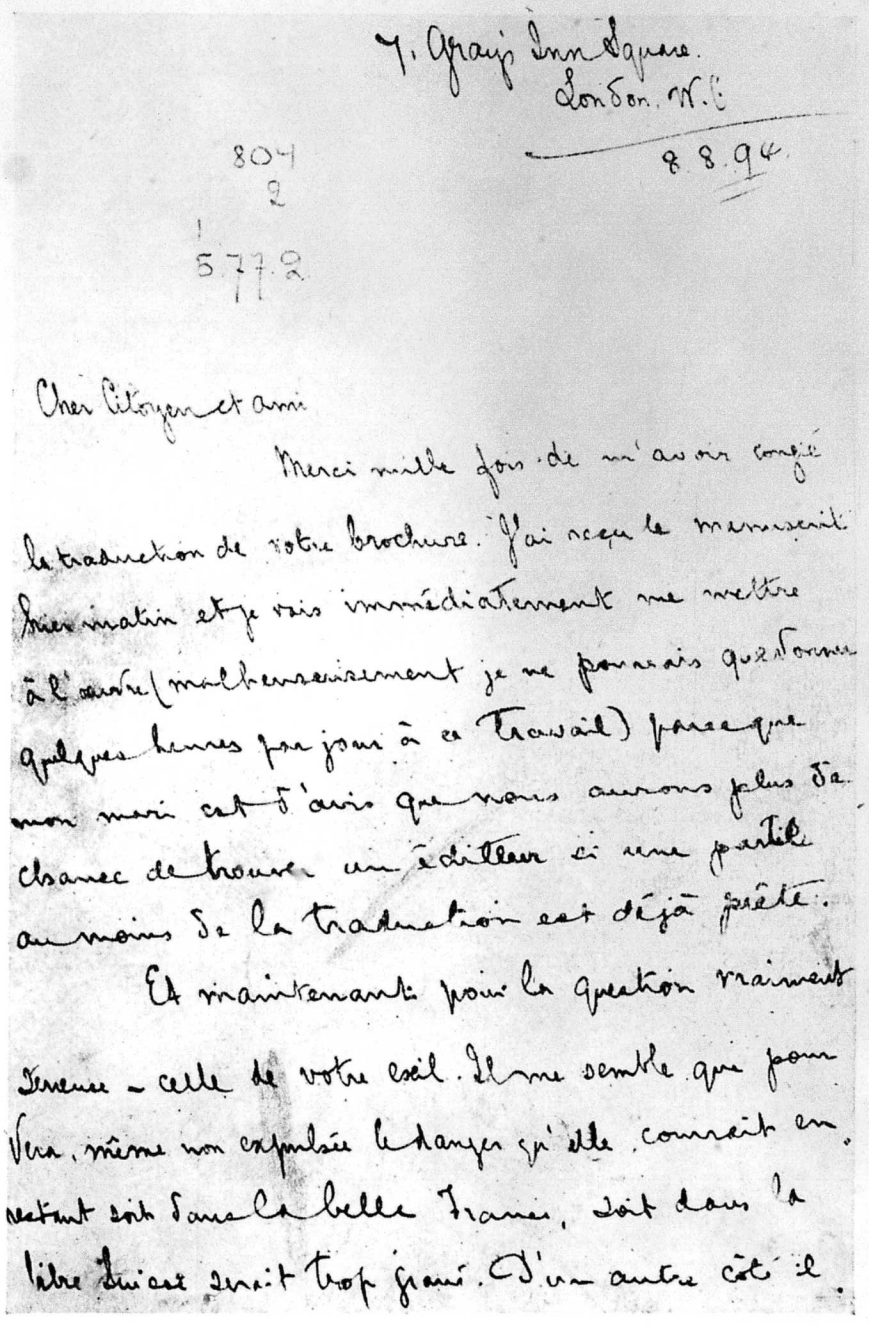
London N. W. 26. II. [18] 94

Дорогой Плеханов! Только сегодня собрался вам написать о вашем сотрудничестве во второй части истории социализма[2], которую отважились предпринять мы с Каутским. Прошу вас извинить меня—я был очень занят все это время.

К[аутский], вероятно, писал вам, что второй том поручен мне. Этот том посвящен истории коммунизма и рабочего движения от Великой французской революции до 1848 г. и зарождения научного

* После известной речи Плеханова на Цюрихском международном социалистическом конгрессе 1893 г. (6—12 августа), речи, вызвавшей бурю негодования во всей правой французской прессе, на Плеханова посыпались гонения со стороны французского правительства. Прежде всего, через некоторое время после возвращения Плеханова с конгресса, он был вызван в суд г. Аннемаса (пограничный французский городок между Швейцарией и Францией) по обвинению в незаконном пребывании во Франции. На суде Плеханов произнес речь в защиту «droit d'asile» (права убежища для политических эмигрантов в республиканской Франции) и произвел такое впечатление, что суд приговорил его только к одному франку штрафа и дал ему разрешение жить во Франции.

Тем не менее в ночь с 30 на 31 января в квартирку, которую занимали Георгий Валентинович и В. И. Засулич, ворвались жандармы, думая застать Плеханова, и, не заставши его, позволили себе грубый обыск и окрики по адресу В. И. Засулич.—Примеч. Р. М. П л е х а н о в о й.



Первая страница письма Элеоноры Маркс-Эвелинг Плеханову

социализма (марксизма), и мы позволяем себе предложить вам взять на себя тот отдел этого тома, который трактует о Франции. Таким образом вам придется расширить уже начатые вами биографии социалистов той эпохи в историю социализма и вообще французского рабочего движения первой половины этого века.

Надеюсь, что эта работа будет вам более приятна, чем одни биографии. Мы сказали себе, что история социализма, подобная тем, какие уже имеются, т. е. написанная в том же духе, представляла бы мало ценности. Нужна история социализма, разработанная согласно теории экономического материализма Маркса и Энгельса, история, которая показала бы одновременно как эволюцию общества вообще, так и эволюцию социалистической идеи и движения рабочего класса. А такая история, чтобы иметь какую-нибудь ценность, не может быть делом одного или двух человек. Для этой цели нужно сотрудничество ряда лиц, каждое из которых занялось бы особой частью. Вот почему мы намерены назвать наше издание «Историей в отдельных очерках» («Geschichte in Einzeldarstellungen»).

Каждый сотрудник будет самостоятелен в своем отделе. Он будет ограничен только пределами своей эпохи и местом, которым сможет располагать. Каждый том будет содержать 600—650 страниц, формата немецкого издания Моргана[3]. Так как второй том должен содержать, кроме истории французского социализма упомянутой эпохи, историю социализма Англии, Германии и других стран, мы можем посвятить Франции только одну треть, скажем, 210 страниц. Я думаю, что будет хорошо разделить эту часть на три отдела:

a) социалисты-утописты и социалистическое движение в эпоху реставрации (Сен-Симон, Фурье, заговорщики[4]);

b) социализм и начало рабочего движения в эпоху буржуазной монархии—«Das Bürgerkönigtum» (Лионское восстание[5], Кабэ, Луи Блан, П. Леру, Дезами, Ламеннэ, Прудон[6]);

c) 1848 год и его последствия.

Если бы вы смогли взять на себя все эти три отдела, вы оказали бы нам большую услугу. И я надеюсь, что это так и будет. В Женеве вы, несомненно, найдете достаточно материалов для вашей работы. Правда, мы немного запоздали, но в вашем распоряжении еще,по крайней мере, шесть месяцев.Если мы сможем получить рукопись до 1-го сентября, будет еще не поздно. А так как вы уже работали над этими вопросами, то я надеюсь, что этих шести месяцев вам будет достаточно.

Итак, прошу вас сообщить нам, можем ли мы рассчитывать на вас. И если не на всю часть, то на какой ее отдел. В то же время я буду счастлив получить от вас указания относительно того, как вы предполагаете распределить материал. Само собой разумеется, что данные выше указания очень примитивны и несовершенны, но я думаю, что в принципе такое разделение годится; каждый отдел, разумеется, может быть подразделен на особые главы.

Чтобы не писать слишком много сразу, я не стану говорить о дальнейших томах. Об этом поговорим при другом случае. Но при-

бавлю для вашего сведения, что о бабувистском движении[7], являющемся непосредственным предшественником социализма эпохи реставрации, буду писать для первого тома я. Таким образом, если вы сочтете нужным, мы сможем сговориться об этом, но вам предоставляется говорить о бабувизме, сколько вам будет угодно, в введении к вашей части. Так как это будут самостоятельные очерки, то даже повторения или различия мнений дозволены[8].

Надеюсь, что вы находитесь в добром здоровьи, и прошу вас принять самый сердечный привет от меня и моей жены.

Ваш Эд. Бернштейн.

«Дядюшка» сейчас в Истборне, поехал немножко отдохнуть. Но и там он работает над «Капиталом»[9].

[1] Бернштейн, Эдуард (1850—1932)—германский социал-демократ. Со второй половины 90-х годов стал идейным вождем немецкого и интернационального ревизионизма. Бернштейн подверг «пересмотру» философские, экономические и политические взгляды Маркса. Вместо революции он выдвинул идею постепенного превращения капитализма в социализм. Ему же принадлежит формула «движение все, цель ничто».

[2] Речь идет о коллективном труде по истории социализма, первый и третий томы которого были изданы Дицем в Штуттгарте (второй том не вышел). Оба тома имели общее заглавие: «Die Geschichte des Sozialismus in Einzeldarstellungen» von E. Bernstein, C. Hugo, K. Kautsky, P. Lafargue, Franz Mehring, G. Plechanow («История социализма в отдельных очерках» Э. Бернштейна, К. Гуго, К. Каутского, П. Лафарга, Франца Меринга и Г. Плеханова).

Из указанных составителей труда только один Плеханов не появился в печати. А между тем он, без сомнения, готовил статью для этого издания. В письме, относящемся к началу 1893 г., Г. В. Плеханов писал П. Б. Аксельроду («Переписка», т. I, стр. 83): «С Каутским у меня теперь большие литературные дела: книга о Сен-Симоне, биография Сен-Симона, Луи-Блана и Чернышевского для какого-то словаря, задуманного Дицем...»

Из переписки, опубликованной в сборниках «Гр. „Осв. тр.“», ясно, что вышеуказанные слова Г. В. Плеханова относятся не к «Handbuch des Sozialismus» C. Hugo und C. Stegmann, как предполагают редактора «Переписки», а к предпринятому Каутским и Дицем изданию «Истории социализма». В ряде писем Каутский обсуждает характер издания, его план и форму изложения материала. Эти же письма выясняют, какая часть работы была предложена Г. В. Плеханову. «Вы ведь уже взяли на себя,—пишет Каутский,—Сен-Симона, Фурье и Луи Блана. Теперь мы просим вас так расширить эту работу, чтобы получилась картина социалистического движения за все время от конца революции до государственного переворота».

Настоящее письмо Бернштейна было послано после письма Каутского. Г. В. Плеханов ответил на него только 13 апреля 1894 г., потому что был занят брошюрой об анархизме.

«...Ваше предложение меня буквально очаровало. Работа, которую вы мне предлагаете, не только приятна, она просто необходима, так как до настоящего времени у нас нет ничего, что можно было бы назвать историей социализма...» В конце письма Плеханов сообщает: «Хотя моя работа в части, касающейся Сен-Симона и Прудона, значительно подвинулась вперед, мне все же остается еще много сделать, и я не уверен, найду ли в Женеве весь необходимый материал. Придется, пожалуй, отправиться в Париж. Наша работа должна быть хорошо исполнена, иначе не стоит ее начинать» (сб. «Гр. „Осв. тр“», № 3, стр. 252—254).

Работа над французскими утопистами была прервана изгнанием Г. В. Плеханова из Франции. В Лондоне, куда он переехал, была написана книга «К вопросу

о развитии монистического взгляда на историю», и в нее вошла часть материалов, приготовленных им для истории утопического социализма.

[3] Речь идет о книге Моргана «Ancient Sobiety» («Первобытное общество»), New York 1877. Немецкое издание ее, вышедшее в 1891 г., имеет тот же формат, что и «История социализма».

[4] Имеются в виду основанные Огюстом Бланки тайные общества: «Общество друзей народа» и «Общество времен года».

[5] Лионское восстание рабочих в 1831 г.

[6] Французские социалисты-утописты 40-х годов, участники революции 1848 г.

[7] Бабувизм—коммунистическое движение эпохи французской буржуазной революции 1789 г., названное так по имени Франсуа-Ноэля Бабера (1760—1797).

[8] Г. В. Плеханов писал Бернштейну 13 апреля 1881 г.: «В область вашей работы я не буду вторгаться и не буду говорить ни о Бабефе, ни о бабувизме» (сб. «Гр.„ Осв тр.“», № 3, стр. 253).

План первого тома был, как видно, потом изменен, и эпоха французской революции не вошла в него. Бернштейн поместил во второй части первого тома только статью «Коммунистические и демократические социалистические течения в период английской революции XVII в.».

[9] «Дядюшка»—Фридрих Энгельс, работавший тогда над подготовкой к печати третьего тома «Капитала» К. Маркса.

№ 5. Г. В. ПЛЕХАНОВ—К. КАУТСКОМУ[1]

(Перевод с французского)

[Женева, март 1894]

Дорогой Каутский!

Вы просите статью для «Neue Zeit». Не хотите ли статью по поводу нового издания статей Фр. Энгельса о России (Internationales aus dem Volksstaat). Только что вышла брошюра Эрнста Буша, издание Ганса Мюллера, Базель[2]. Вам известна эта брошюра? Не пожелаете ли полемическую экскурсию против этого господина? Словом, какого рода статья желательна вам? Пишите мне в Женеву, где я живу нелегально. Привет вашей супруге.

Ваш Г. Плеханов.

[1] Возможно, что это письмо не было отправлено. Оригинал его, сохранившийся в архиве Г. В. Плеханова, едва ли является черновиком: он написан почти без помарок, с полной подписью Г. В. Плеханова, на цельном листке почтовой бумаги. Это недатированное письмо, вероятно, является ответом на письмо Каутского от 10 марта 1894 г. (сб. «Гр. „Осв. тр.“», № 5, стр. 210—211), в котором Каутский писал: «К сожалению, вы ничего не пишете о новой статье для „Neue Zeit“. Не можем ли мы надеяться получить что-нибудь от вас?»

[2] Речь идет о брюшюре «Der Irrtum von Karl Marx. Aus dem Ernst Busch's Nachlass, hrsg. von Dr. Arth. Mühlberger, Basel, D-r Müller, 1894. («Ошибка Карла Маркса. Из литературного наследства Эриста Буша»). Брошюра эта относится к литературе так называемых «независимых», анархо-синдикалистской группы с органом «Der Sozialist (1891—1895), в котором печатались статьи Кропоткина и других анархистов. Она образовалась в 1890—91 гг. из германской социал-демократической оппозиции так называемых «молодых», которые создали себе платформу из отрицания парламентской работы. На Эрфуртском съезде (1891 г.). часть членов группы была исключена из партии. Многие идеологи ее кончили впоследствии как крайние правые оппортунисты, часть же ушла к анархо-синдикалистам.

Статьи, о которых идет речь в письме, не были написаны Г. В. Плехановым.

№ 6. В. ЛИБКНЕХТ—Г. В. ПЛЕХАНОВУ[1]

(Перевод с французского)

[Берлин] 13. III. 1894

Дорогой друг! Прежде всего примите выражение самого искреннего сочувствия! Мы получили известие о постигшем вас и вашу супругу ужасном ударе. Но—надо жить и бороться!

Я не думаю, чтобы вас изгнали из Франции: реакция против политики господствующих там динамитчиков уже началась. Но нельзя знать.

Англия—это нищета,—если не быть любимым детищем богатых людей, как Степняк[2], там можно умереть с голоду. Мне это знакомо.

Америка, несомненно, представляет больше шансов. К сожалению, Соединенные Штаты страдают от ужасного кризиса, который продлится еще долго. Вы относитесь с недоверием к русской газете—и вы правы, она будет стоить вам денег. Немецкая печать платит скверно; тем не менее не исключена возможность, что вы могли бы найти что-нибудь.

Я вам советую написать г. Ионасу[3] в нью-йоркскую «Volkszeitung», Williamstreet, 184, New-York City. Скажите ему, что я вам дал его адрес; он сообщит вам все необходимые сведения и поможет вам всем, чем только сможет. Он знает вашего соотечественника Шевича[4], долго состоявшего главным редактором нью-йоркской «Volkszeitung». Попросите Ионаса поговорить с Шевичем, он это сделает.

Если будете упорствовать в своем решении, я дам вам рекомендацию...

Кстати, почему вы не пишете время от времени в «Vorwärts»? Мы платим немного, но все-таки это было бы некоторым подспорьем.

Я забыл сказать вам, что ваша жена может заниматься в Америке своей профессией; и я даже думаю, что она имеет там шансы на успех, если она знает английский.

Во всяком случае изучайте английский оба; это крайне важно, если хочешь ехать в Америку. Моя жена и я шлем дружеский привет вам и вашим.

Весь ваш В. Либкнехт[5].

Фишер просит меня сказать вам, что он ждет вашу рукопись,—«мартовские иды» близятся[6].

[1] Письмо это написано в ответ на письмо Г. В. Плеханова от 2 марта 1894 г., в котором он просит у Либкнехта дружеского совета относительно предполагавшейся им поездки в Америку ввиду вероятности высылки из Франции. Письмо это напечатано в «Воинствующем материалисте», 1925 г., № 4, стр. 211—213.

[2] Кравчинский-Степняк, Сергей Михайлович (1852—1895)—участник народнического движения 70-х годов, писатель. В 1872 г. был членом кружка чайковцев, в 1878 г. принимал участие в обществе «Земля и воля», 4 августа 1878 г. убил шефа жандармов Мезенцова, после чего уехал за границу, где и оставался до самой смерти. Живя в Лондоне, Кравчинский зарабатывал средства к существованию литературным трудом. Он писал свои произведения на английском языке.

Особенно известна его книга «Underground Russia».

[3] Ионас, Александр—редактор ежедневной газеты социалистической рабочей партии в Нью-Йорке на немецком языке «Volkszeitung» («Народная газета»).

[4] Шевич—русско-американский социал-демократ.

[5] Ответное письмо Г. В. Плеханова от 21 апреля 1894 г. напечатано в «Воинствующем материалисте», 1925 г., № 4, стр. 213.

[6] Плеханов обещал кончить брошюру об анархистах к 1 марта, но не успел. Иды—у римлян средние числа месяцев. В мартовские иды был убит Юлий Цезарь.

№ 7. В. АДЛЕР[1]—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

(Перевод с французского)

Вена, 19. IV [III]. 1894[2]

Дорогой товарищ! Центральный комитет партии поручил мне пригласить вас на наш конгресс[3]. Я пользуюсь этим случаем, чтобы братски пожать вам руку и попросить вас писать иногда в «Arbeiterzeitung» корреспонденции или статьи о русском движении.

Наш конгресс будет иметь большое значение для партии и для политического положения в Австрии[4]. Нам доставит большое удовлетворение, если мы через ваше посредство получим выражение симпатии со стороны русских социалистов.

С сердечным приветом
всегда ваш д-р Адлер.

[1] Адлер, Виктор (1852—1918)—один из основателей и лидеров австрийской социал-демократии, отец одного из видных представителей современного социал-реформизма II Интернационала, Фридриха Адлера.

Политическую деятельность начал в рядах буржуазно-радикальных элементов.

С 1886 г. стал склоняться к марксизму, поддерживать связь с Энгельсом, начал издавать социал-демократическую газету «Gleichheit» («Равенство») и был одним из организаторов объединительного съезда австрийской социал-демократии в 1889 г. Став руководителем австрийской социал-демократии и членом Международного социалистического бюро, Адлер проводил линию ревизионизма, придавая исключительную роль парламентской борьбе. В годы империалистической войны стоял на позициях буржуазного пацифизма.

[2] Указанная в письме В. Адлера дата 19 апреля неправильна. Приглашение на конгресс, происходивший в конце марта, могло быть послано только в марте, а не в апреле.

[3] IV съезд австрийской социал-демократической партии состоялся в Вене 25—31 марта 1894 г.

[4] Конгресс происходил в разгар борьбы за всеобщее избирательное право. В связи с этой борьбой был поставлен на обсуждение вопрос, следует ли применить для достижения этой цели всеобщую стачку. Вокруг этого вопроса разгорелась ожесточенная борьба, грозившая партии расколом. Вероятно ввиду важности съезда, на него и были приглашены в качестве гостей видные социал-демократы. Г. В. Плеханов на съезде не был, из гостей присутствовали только Август Бебель, Пауль Зингер и Альвин Герих*.

* Плеханов на конгрессе не был, потому что был нездоров, не имел средств для поездки и очень был занят работой над «Анархизмом и социализмом». Кроме всего этого, он, изгоняемый из пределов Франции, хлопотал в это время о поездке в Англию.—Примеч. Р. М. Плехановой.

№ 8. С. М. ИНГЕРМАН—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

(Нью-Йорк) 8. IV. [18] 94

Дорогой Георгий Валентинович!

Наконец-то собрался Вам ответить. Я все откладывал, думая, что мне удастся ответить более основательно и положительно на Ваше письмо. Дело в том, что вопрос о деликатности людей, от которых более или менее зависишь материально, затронутый Вами в письме, заставил меня несколько призадуматься. Публика наша хотя и очень простая, честная, но очень мало образованная, самостоятельная и тактичная и, как таковая, в каждую данную минуту находится под влиянием того или другого из «молодых интеллигентов», которые остаются себе верными как в Швейцарии, так и здесь в Америке. До сих пор отношение в с е й нашей публики к Вам прелестное, некоторые даже просто Вас обоготворяют. Но неизвестно, что будет после Вашего приезда сюда[2]. Большинство несомненно и впредь будет так же относиться к Вам, но среди «интеллигентов» и у нас имеются люди с самолюбьицем, которые, очень возможно, не смогут простить Вам, что Вы—Плеханов, а они—х, у и z. Будет ли это так или нет—вопрос будущего, который я не берусь предрешать, но как бы то ни было—быть Вам в к а к о й б ы то ни было зависимости от нашего общества очень не следует. Чем менее Вы будете зависимы от нашего общества, тем более полно и благотворно будет Ваше влияние на него. Я поэтому полагаю, что не только Вы своим существованием, но и газета наша должна быть поставлена вне всякой зависимости от какого бы то ни было общества. Газета русская может и должна здесь существовать, и она будет здесь оплачиваться. Это не мое только мнение, это мнение в с е х более или менее опытных и знакомых с этим людей. Газета русская может рассчитывать на minimum 1 800 подписчиков, да на объявления на долларов 20—25 в неделю (на №), конечно в том случае, если у нас будет хороший manager*; а такой у нас уже имеется (старый Гольденберг)[3]. Словом, план издания газеты вовсе не такой фантастический, как Вам быть может показалось. Я не вижу необходимости, раз газета сама оплачивает себя, колебать ее устойчивость, ставя ее в зависимость от открытого общества, которого состав может с каждым днем меняться.

Что же касается фонда (около 500 долл.) для газеты, то его в наличности все равно нет у общества, которому придется его только создавать путем балов, лекций и т. д., а это наше общество сделает и без того, чтобы считаться хозяином газеты. Тем более необходимо затеять все дело, если возможно, помимо общ[ества], что «независимая» газета может иметь и других друзей, которые могут и доставлять средства и вообще во многих отношениях быть полезными газете. Впрочем, о газете теперь толковать несколько рано. Я хочу лишь обратить Ваше внимание на то, что издание рус[ской] газеты

* Заведующий.—Р е д.

в Америке—вовсе не фантазия; что хорошо поставленная газета может иметь блестящий успех (и в материальном отношении). Но пока это будет, на какие иные источники Вы можете рассчитывать здесь? На мой взгляд, если состоится Ваше изгнание из Франц[ии] (или же, если Вы должны быть вечно в ожидании быть изгнанным), то у Вас не остается выбора, так как Англия ни в каком отношении для Вас не годится (ни своим климатом, ни условиями деятельности, ни возможностью устроиться). В Америке (специально в N[ew]-York'е) климат не может быть вреден для Вас (путешествия Вам нечего бояться), а материально устроиться Вы можете здесь скорее, чем где бы то ни было. Не забудьте, что здесь живут десятки тысяч рус[ских] евреев, говорящих и читающих по-русски. Газета рус[ская] Вас, наверное, может прокормить, а до газеты я думаю вот что предпринять—я устрою маленький университет, в котором Вы будете единственным профессором. Две лекции в неделю—одна по философии, другая по политической экономии—могут обеспечить Вам minimum 10 долл. (50 fr.) в неделю. Я со многими уже говорил, и теперь у меня уже есть для Вас около 30 слушателей—100 не трудно будет найти. Чтоб о б е с п е ч и т ь Вам доход не менее 10 долл. в неделю, мы думаем организовать специальное общество, которое возьмет на себя все хлопоты по устройству школы и т. д. На 10 долл. здесь уже можно довольно сносно жить, н е д е л а я д о л г о в. Около 5 долл. в неделю, я рассчитываю, Вы сможете иметь за маленькие статейки в здешней Parteipresse*. Здесь есть 4 социалистические газеты—английская «The people»**, «Volkszeitung»***—ежедневная газета, «Vorwärts»—Parteiorgan**** и «Arbeiterzeitung»*****—еврейская газета. Если Вы будете помещать еженедельно статейки (маленькие), то в «Volkszeitung», редактором которой состоит Шлютер[4] (из цюрихс[ких] с[оциал]-дем[ократов]), то в «Arbeiterzeitung», редактор которой рус[ский] интеллигент—Коган[5] (который был на Цюрихск[ом] конгрессе), Вы очень легко можете иметь 50 долл. в неделю (я на-днях поговорю с Шлютером). Что касается того, может ли Розалия Марковна рассчитывать устроиться здесь в качестве врача, то я не берусь положительно ответить на этот вопрос. Вот я бьюсь здесь 3 года, бьюсь страшно, но до сих пор мне не удалось устроиться здесь как следует. Вместе со мной и позже меня приехали врачи из Европы, России, пожили здесь и все устроились, большинство даже очень хорошо. Вообще устроиться здесь очень легко, легче, чем где бы то ни было в Европе и в России, но... нужно уметь. Роз[алия] Марковна, я думаю, здесь скоро устроится. Здесь главное—реклама; а ей будет служить хорошей рекламой... Ваша популярность (простите за американский язык и за американскую откровенность); притом она очень представи-

* Партийной прессе.—Р е д.
** «Народ».—Р е д.
*** «Народная газета».—Р е д.
**** «Вперед»—партийный орган.—Р е д.
***** «Рабочая газета».—Р е д.

тельна, добра, хороший врач... Да, я уверен, что она здесь будет иметь практику. Приезд Ваш сюда Вас нисколько не отрывает от России, разница лишь в семи днях; зато Америка самая благоприятная почва (после России) для русской литературы. Притом,—имей Вы здесь свою типографию, она бы не только сама себя(и наборщика) оплачивала, она давала бы еще доход. Словом, дорогой Георгий Валентинович, как там ни верти, а Америки, я думаю, Вам не миновать. Я надеюсь, что здесь Вам удастся зажить иначе, не так, как в Швейцарии. Вы серьезно обдумайте план приезда в Америку—я убежден, что это единственный исход и притом очень хороший. Что я от души желаю Вас здесь видеть—об этом, конечно, излишне толковать, но поверьте, что, приглашая Вас сюда, я не только своих чувств слушаюсь, но и разума. Впрочем это не последнее мое письмо, и до окончательного Вашего решения перевалить чрез океан я успею еще не раз ответить на разные Ваши вопросы, которые возникнут у Вас по этому поводу. С Л[азаревым][6] Вы, вероятно, успели уже познакомиться—как он Вам понравился? Пред отъездом мы имели с ним публичную дебату. Он должен был прочесть в нашем обществе лекцию о различ[ных] направл[ениях] в рус[ском] революц[ионном] движении. Вместо лекции он прочел статью Михайловского. Каков Михайловский! В продолжение 15 лет он ни одного нового аргумента не мог найти против марксизма—плохо же его положение! Мне очень и очень уж хотелось бы прочесть Ваш ответ ему. Надеюсь, что в Вашей обработке неказист наш великий Михайловский выйдет.

С нетерпением жду Вашего ответа. Сердечный привет от меня и жены Роз[алии] Марковне и детям.

Крепко, крепко жму Вашу руку.

Ваш С. Ингерман.

Привет Вере Ивановне и Павлу Борисовичу. Как они относятся к Вашему плану?

Адрес: Dr. S. Ingerman 320, E. 58 th. Str. New-York. N. Y.

[1] Ингерман, Сергей Михайлович (род. 1868)—в 80-х годах участник народовольческих кружков в Каменец-Подольске. С 1883 г. находился под гласным надзором и в апреле 1884 г. бежал за границу. Примыкал к сторонникам группы «Освобождение труда» и был единственным из эмигрантов, принятым в эту группу за все время ее существования. С. М. Ингерман весной 1891 г. переселился в Нью-Йорк, где живет и в настоящее время.

Письма С. М. Ингермана за изучаемый период были отправлены ему для просмотра, и он снабдил их своими примечаниями, которые использованы в настоящем комментарии.

[2] Г. В. Плеханов неоднократно получал от живших в Америке русских эмигрантов предложения приехать в Америку как на постоянное жительство, так и временно, с целью агитации. В 1894 г. вопрос о переезде в Америку встал перед ним снова вследствие угрозы изгнания из Франции. О серьезности намерений Г. В. Плеханова переехать в Америку говорит его переписка с Либкнехтом и Ингерманом (в настоящем сборнике). Однако и на этот раз Г. В. Плеханов в Америку не поехал, а переехал на время в Лондон.

[3] Гольденберг, Лазарь Борисович (1845—1916)—в 1869 г. за участие в студенческих беспорядках был выслан под надзор полиции. Приговоренный за подстрекательство крестьян к неплатежу податей к заключению в крепости, бежал за границу (1872 г.); в Лондоне принимал участие в журнале «Вперед», в Галаце организовал типографию румынской социалистической партии. В 1887 г. переехал в Нью-Йорк, где заведывал местным отделением журнала «Free Russia».

[4] Шлютер—германский социал-демократ, член редакции выходившего в Цюрихе органа германской с.-д. партии «Der Socialdemokrat». В 1888 г. был выслан из Цюриха и переселился в Нью-Йорк, где вел партийную газету.

[5] Коган, Абрам Овсеевич (род. 1860)—привлекался в 1882 г. по политическому делу и тогда же эмигрировал. Писатель, редактор первой еврейской с.-д. газеты в Америке «Arbeiterzeitung». Был делегатом от федерации еврейских рабочих союзов Америки на Международном социалистическом конгрессе в Брюсселе (1891 г.) и Цюрихе (1893 г.).

[6] Лазарев, Егор Егорович (род. 1855)—участник революционного движения 70-х и 80-х годов. В 1890 г. бежал из Сибири в Америку, где всячески способствовал русскому революционному движению. С 1894 г. жил в Париже в качестве представителя «Фонда вольной русской прессы». В конце 90-х годов примкнул к организации эсэров.

№ 9. Э. БЕРНШТЕЙН—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

(Перевод с французского)

(Лондон) 20. IV. [18]94

Дорогой Пл[еханов], несколько слов в ответ на ваше письмо. Ваша идея о составлении введения к нашей «И[стории] с[оциализма]» великолепна[1], и я о ней на этих днях напишу Каутскому. Я очень рад, что вы согласны участвовать в этом нашем труде, и если вы это считаете полезным, я вас познакомлю с д-ром К. Гуго, который взял на себя работу над французским движением до Великой революции для нашего издания[2]. Может быть, было бы желательно сговориться с ним по некоторым пунктам. Но поступайте, как найдете нужным. Я вам пришлю корректуры разбора книги д-ра Люкса о Кабэ[3], который (разбор) не увидел света, но заслуживает быть прочитанным. Он написан д-ром Г[уго]. Я получил вашу рукопись об анархизме и прочел ее с большим удовольствием. Она очень интересна и поучительна. Только Фишер боится, что брошюра будет слишком объемиста для продажной цены. Я ему написал, что если вы согласитесь, я возьму на себя труд ее сократить там, где мне это покажется возможным без ущерба для последовательности ваших выводов. Но если вы предпочитаете это сделать сами (что вполне естественно), я отошлю вам рукопись. Что вы об этом думаете? Если Ф[ишер] еще вам не писал, ответьте или ему или мне[4].

Шлю привет вам, m-me Пл[ехановой] и другу В[ере][5]. Генерал[6], которому я показал ваше письмо, чувствует себя хорошо и усиленно работает над «Капиталом».

Ваш Эд. Б.

[1] Письмо Г. В. Плеханова от 13 апреля 1894 г., ответом на которое является настоящее письмо Бернштейна, напечатано в сб. «Гр. „Осв. тр.“», № 3, стр. 252—254. Г. В. Плеханов там пишет: «но вот что я считаю долгом отметить: в введении к моей работе надо указать, с каким умственным багажом XIX век начал работу изучения социальных явлений, что он унаследовал от XVIII века, что знали философы и историки о законах человеческого развития. Только выяснив это,

я смогу сообщить о роли утопического социализма в развитии социальных наук нашего века».

[2] Приват-доцент Бернского университета, социал-демократ, доктор философии Гуго написал для «Истории социализма» статью «Социализм во Франции в XVII и XVIII столетиях». Во 2-й части тома помещена 1-я часть его работы (русский перевод этой статьи под вышеуказанным названием вышел отдельной книжкой в издательстве «Основа», Иваново-Вознесенск 1924).

[3] Речь идет о книге «Etienne Kabet und der ikarische Kommunismus» mit einer historischen Einleitung von Dr. H. Lux, Stuttgart, Dietz 1894.

[4] В ответ на запрос Бернштейна Г. В. Плеханов писал ему 22.IV. 1894 г.: «Я думаю, что если необходимо сокращение, вы сделаете это лучше всех». Это и следующее письмо Г. В. Плеханова без даты (от начала мая 1894 г.) посвящены вопросам о сокращении статьи «Анархизм и социализм» (сб. «Гр. „Осв. тр.“», № 3, стр. 251—254). Едва ли однако Бернштейн сократил рукопись об анархистах. Размер брошюры не четыре листа, как предполагал Фишер, а более пяти. Цитаты из книги Спенсера и из декларации бельгийцев, которые Г. В. Плеханов предлагал исключить в случае необходимости сокращения его работы, остались в печатном тексте.

[5] В. И. Засулич.

[6] «Генерал»—Ф. Энгельс.

№ 10. В. ЛИБКНЕХТ—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

(Перевод с французского)

(Шарлотенбург) 5. VI. 1894

Дорогой друг! Я предпочел бы послать статью[1] в «Neue Zeit», но раз вы этого хотите, она будет напечатана в «Vorwärts». Кланяйтесь всем вашим.

С братским приветом
весь ваш В. Либкнехт.

[1] Речь идет о статье Г. В. Плеханова «Сила и насилие», напечатанной в № 143 и 144 «Vorwärts» в июне 1894 г. Статья была написана по просьбе Либкнехта, который предложил Г. В. Плеханову написать для центрального органа немецких с.-д. статью на тему о революционной тактике (см. об этом в предисловии Плеханова к русскому изданию статьи—Соч., т. IV, стр. 249).

№ 11. ЭЛЕОНОРА МАРКС-ЭВЕЛИНГ[1]—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

(Перевод с французского)

Лондон, 8. VIII. 1894

Дорогой гражданин и друг!

Тысячу раз благодарю вас за то, что доверили мне перевод своей брошюры[2]. Я получила рукопись вчера утром и немедленно приступила к работе (к сожалению, я смогу отдавать ей только несколько часов в день), потому что мой муж[3] того мнения, что у нас будет больше шансов найти издателя, если хоть часть перевода будет уже готова[4].

А теперь перейдем к поистине серьезному вопросу—вопросу о вашем изгнании. Мне кажется, что для Веры[5]—если бы даже ее и не изгнали—опасность, которой она подвергалась бы, оставаясь в прекрасной ли Франции, в свободной ли Швейцарии, была бы чересчур велика. С другой стороны, имеется опасность английского климата. Однако не надо смешивать английский климат с климатом Лондона. Есть много местностей, где, я думаю, она чувствовала бы себя не плохо. Но что сможет она здесь делать? Вот о чем я себя спрашиваю. Что касается литературной работы, то найти ее совсем не легко. И информировать вас, и быть вам полезным мог бы Степняк, так как он в самых лучших отношениях с английскими либералами, с несколькими крупными издателями и с публикой, интересующейся русской литературой. К сожалению, здесь можно иметь успех, главным образом, рассказывая «The history of my life»[6]. Тем не менее мы тоже постараемся навести справки, и во всяком случае мы, разумеется, сделаем все, что сможем, чтобы быть вам полезными.

Что касается вашей жены, то вот каково будет ее положение здесь как врача. Она, в самом деле, сможет практиковать—но на свой страх и риск, так как по закону она не будет признана как врач без английского диплома. Таким образом, ее положение ничем не отличалось бы от положения любого шарлатана, имеющего претензию излечивать все болезни. Что же касается того, чтобы получить английский диплом, то это теперь почти невозможно для тех, у кого нет солидного кошелька. Это возмутительно, но издержки—которые были уже огромны—непрерывно увеличиваются, так что бедняку-студенту в настоящее время получить диплом врача совершенно невозможно. Так, одной из моих подруг, которая в ближайшее время должна сдать свой последний экзамен, пришлось заплатить за лекции, экзамены и т. д. больше 200 ф[унтов], и остается внести еще фунтов 50 по меньшей мере. Не считая того, что нужно от трех до четырех лет, чтобы сдать требуемые экзамены.

Я очень хотела бы быть в состоянии дать вам более приятный ответ. Но лучше знать факты такими, каковы они есть.

Итак, я думаю, что больше всего шансов у нас на литературу и, может быть, на уроки.

Я думаю, что с этими гнусными законами, которыми мы обязаны нашим добрым друзьям-анархистам, у нас здесь скоро будет целая колония изгнанников. Со всех сторон сообщают, что нет никакой возможности удержаться в Италии, во Франции и т. д.

Я надеюсь, дорогой друг, что смогу устроить ваш труд против анархистов и это, может быть, будет полезно, чтобы познакомить с вами английских издателей и публику.

Мой муж шлет всем вам свой привет, а я от всего сердца жму вашу руку.

Преданная вам
Элеонора Маркс-Эвелинг.

Я в восторге, что получила вашу книгу о Чернышевском. Я прочту ее с величайшим удовольствием.

[1] Маркс-Эвелинг, Элеонора (1856—1898)—младшая дочь К. Маркса видная деятельница международного рабочего движения 90-х годов.

[2] Речь идет о переводе на английский язык брошюры Г. В. Плеханова «Анархизм и социализм». Рукопись (французский текст) находилась в Лондоне у Бернштейна, жена которого перевела ее на немецкий язык.

[3] Эвелинг, Эдуард (1852—1898)—английский марксист, основатель «Социал-демократической федерации», переводчик «Капитала» Маркса на английский язык. Зять Маркса.

[4] Перевод «Анархизма и социализма» на английский язык, сделанный Э. Маркс-Эвелинг, был напечатан частично в журнале «Weekly Times and Echo» в 1895 г. и в том же году вышел отдельным изданием.

[5] В. И. Засулич.

[6] В этих словах имеется намек на членов лондонского кружка «Free Russia» («Свободная Россия»). Для того чтобы добыть средства на издание газеты и себе на существование, эти товарищи выступали перед английской публикой, жадной на сенсационные вечера и зрелища, с рассказами о своей жизни в русских тюрьмах, в ссылке, на каторге. По просьбе лондонской публики Ф. Е. Волховской выступал перед ней даже в костюме каторжника, в ручных и ножных кандалах. Вечера эти имели большой успех. Эти выступления наши друзья, как русские, так и английские, находили не очень совместимыми с достоинством русского революционера, но в общем они вызывали только добродушные насмешки со стороны русских и английских социалистов и даже самих членов кружка «Свободная Россия». «Плохо живется, нет совсем средств на жизнь! Не прочесть ли реферат на тему History of my life?»—шутили наши друзья в своих письмах из Лондона (Примеч. Р. М. Плехановой).

№ 12. ПРИВЕТСТВИЕ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» ДВЕНАДЦАТОМУ НАЦИОНАЛЬНОМУ КОНГРЕССУ ФРАНЦУЗСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ В НАНТЕ[1]

(Перевод с французского)*

[Сентябрь 1894]

Дорогие граждане!

Русская социал-демократическая группа шлет свой братский и социалистический привет французскому пролетариату, сообразуемуся на двенадцатый конгресс рабочей партии.

Она с тем большим интересом будет следить за работами вашего конгресса, что они в большей своей части будут посвящены социалистической пропаганде в деревне и организации сельского пролетариата[2]—два вопроса, которые при экономическом и социальном положении России представляют величайшую важность для нас, русских социал-демократов.

Мы не можем не воспользоваться этим случаем, чтобы протестовать вместе с вами против изгнания, под предлогом анархизма, наших товарищей[3] Плеханова, Веры Засулич, Селитренного[4], Маргулиса[5], Лазарева и стольких других, которые не только не имеют ничего общего с анархистами, но борются с ними всеми силами как в России, так и за границей.

Это сотрудничество Французской республики с русским деспотизмом в деле преследования наших товарищей тем более тягостно для нас, русских социалистов, что мы с детства привыкли любить и восхищаться славным и героическим прошлым социалистической революционной Франции.

* Переведено из отчета Конгресса: «Douziéme Congrés National du Parti Ouvrier Français tenu à Nantes du 14 au 16 septembre 1894», Lille 1894.—Ред.

В ожидании победы социализма как во Франции, так и в России, мы восклицаем вместе с вами:

Долой деспотизм во всех его формах!

Да здравствует международная социальная демократия!

Да здравствует французская рабочая партия!

Группа.

[1] Настоящее приветствие является не первым приветствием группы «Освобождение труда» съездам французской рабочей партии. Такое приветствие десятому съезду, состоявшемуся в сентябре 1892 г. в Марселе, напечатано в отчете десятого съезда (русский перевод см. «С родины и на родину», № 2, стр. 106). Здесь русские с.-д. еще не выступают, как группа, а называют себя просто русскими социал-демократами («Les démokrates socialistes russes saluent les déklégués français...»). Подписано обращение единолично В. И. Засулич. В настоящем же приветствии перед нами уже обращение группы русских социал-демократов за коллективной подписью «Группы».

[2] На съезде был принят ряд добавлений и поправок к выработанной на Марсельском съезде 1892 г. аграрной программе.

[3] В «Листке Фонда вольной русской прессы» № 11 (14 октября 1894 г.), в заметке под названием «Право убежища», сказано: «Из Парижа были изгнаны Добренович и Лазарев, из деревушки Морнэ—Плеханов, из захолустного пансиона в Montees Pélissier—Добровольский и И. Жуковский, из Тулузы—Селитренный, из Монпелье—Маргулис».

[4] Селитренный, Леон Маркович (род. 1862)—был уволен в 1881 г. из Харьковского университета за участие в студенческих беспорядках. Выехал в 1883 г. за границу, где примкнул к сторонникам группы «Освобождение труда».

[5] Маргулис—студент, деятельный член социал-демократического кружка сначала в Женеве, а затем в Монпелье.

№ 13. О. М. ПОЛИНКОВСКИЙ[1]—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

Цюрих, 21. II. 1895

Дорогой Георгий Валентинович!

Ваше письмо через «нашу хорошую приятельницу» мне вручил только вчера один из отправителей же письма, т. е. П[авел] Б[орисович]. В век пара и электричества 8 дней для письма из Женевы в Цюрих немножко чересчур, но «хорошие приятельницы» умеют, как известно, так комбинировать достоинства паровой и гужевой доставки, что «пару» в последней оказывается очень мало. Но, разумеется,—noblesse oblige*,—как только я разыщу «доставившую» мне письмо «приятельницу», я не премину ее поблагодарить за то, что письмо попало в мои руки.

Книги Сазонова[2] у меня нет и не было—иначе я бы давно Вам сообщил о противном. Сегодня я навел о ней справки в Оберштрассе[3], и оказывается, что она имеется в одном кружке. Если мне удастся ее раздобыть, то не раньше субботы и не на дольше, чем на 6 дней, считая в том числе 2 дня на пересылку туда и обратно. Вам, вероятно, небезызвестно, что эти статьи Сазонова печатались в «Сев[ерном] Вестн[ике]»[4] за прежние годы[5] (правда, без последних беллетристических добавлений). В крайнем случае можно будет книгу выписать—цена ей $1\frac{1}{2}$ рубля.

* Положение обязывает.—Ред.

Кстати, у меня есть маленькая брошюра Ревы: Киевский крестьянин. Прикажете ли прислать?

Вам, вероятно, небезынтересно «подслушать» отзывы о Бельтове. В Оберштрассе инфлюэнца бельтовия еще не улеглась. Своим «ответом»[6] Мих[айловский], повидимому, еще пуще осрамился в глазах Оберштрасса. Хотя Бельтов на «Зибере» и «попался»[7], но ведь Мих[айловский]—«и от сути увильнул». Впрочем, восторги были до прихода «Р[усского] Б[огатства]» так велики, что всякий точно заинтересован в том, чтобы Мих[айловско]му не было спасения. Таково наблюдаемое мною настроение. А вот и статистика: до сих пор Оберштрасс выписал и получил артелью и кружками 25 экземпляров, но действительное число обращающихся экземпляров выше «официальной» цифры.

Из К а з а н и пишут сюда в одном письме: Бельтов-де не новость в «русской» литературе—точное повторение «Плеханова». В Питере один дошел своим умом, что Бельтова к существующим направлениям отнести нельзя и что он точно «примирение» Мих[айловского] и К° с противоположным лагерем. (Немножко смахивает на вторую половину прилагаемого мною отзыва Оболенского[8]). Вообще отовсюду только и пишут об интересной книге Бельтова.

При сем посылаю Вам 2 отзыва: один публичный, печатный[9] в «Од[есском] Листке»[10], а другой (полагая, что он будет вам небезынтересен) частный (письмо) шестидесятника (ему самому 53 года). Я, признаться, был поражен этой сжатой оценкой человека, заваленного тысячью мелких дел и тревог, но не даром принадлежащего к первому поколению страстных читателей Чернышевского. Для меня этот отзыв был лишним доказательством того, насколько Бельтов окажется способным привести русские головы в порядок. Пожалуйста, Георгий Валентинович, письмо и газету пришлите н е м е д л е н н о обратно. Газету я выпросил на один день.

В заключение печальное известие. Наш пограничник[11], о коем П[авел] Б[орисович] кое-что, вероятно, вам передавал, погиб. Подробностей не знаю, но что он попался—вне сомнения. А виноват недостаток сноровки. Ничего больше. А потеря большая.

Крепко жму Вашу руку и сердечно кланяюсь вашей семье.

Ваш О. П.

А д р е с: Имя, фам[илия], Zurich Hirslanden.

[1] П о л и н к о в с к и й, Осип Маркович—эмигрант, член «Союза русских с.-д. за границей», сторонник группы «Освобождение труда», переводчик ряда работ Г. В. Плеханова на немецкий язык.

[2] Книга Г. П. Сазонова «Ростовщичество и кулачество», Спб. 1894 г. Повидимому, Полинковский все же прислал книгу, так как среди рукописей Г. В. Плеханова имеется несколько страниц выписок из нее.

[3] Оберштрасс—университетская часть Цюриха, где находилась и русская колония.

[4] «Северный вестник»—ежемесячный литературно-научный и политический журнал (1885—1897). В первый период своего существования посвящал особенное внимание вопросам общественным и экономическим (сотрудничали Воронцов, Кривенко и др.). С 1891 г. стал органом русских символистов.

[5] В предисловии к книге «Ростовщичество и кулачество» Сазонов указывает, что статьи «Кулак в артели» и «Рабство свободного труда» печатались своевременно в разных журналах. В «Русской мысли» в 80-х годах помещен действительно ряд статей Сазонова об артелях. В «Северном вестнике», насколько удалось установить, статей Сазонова не было.

[6] Ответ Михайловского на книгу Бельтова находится в обозрении «Литература и жизнь»—«Русское богатство», 1895 г., № 1.

[7] Полинковский имеет в виду следующее: у Бельтова имеется примечание, относящееся к Зиберу, такого содержания:

«Г. Михайловский уверяет, что покойный Н. Зибер, доказывая в своих спорах с ним неизбежность капитализма в России, „употреблял всевозможные аргументы; но при малейшей опасности укрывался под сень непреложного и непререкаемого трехчленного диалектического развития“ („Русская мысль“, 1892, № 6, отд. II, стр. 196). Он уверяет также, что все, как он выражается, пророчество Маркса относительно исхода капиталистического развития опирается лишь на „триаду“. О Марксе мы поговорим ниже, а о Н. Зибере заметим, что нам приходилось не раз беседовать с покойным и ни разу не слышали мы от него ссылок на „диалектическое развитие“. Он не раз сам говорил, что ему совершенно неизвестно значение Гегеля в развитии новейшей экономии. Конечно, на мертвых все валить можно, и потому показание Михайловского неопровержимо». (Собр. соч. Плеханова, т. VII, стр. 121—122, примеч. В первом издании Бельтова, которое цитирует Михайловский,—стр. 78—79.)

Михайловский обвиняет Бельтова во лжи, опровергая его утверждение тем, что в 1879 г. в журнале «Слово» была напечатана статья Зибера, озаглавленная «Диалектика в ее применении к науке». Статья эта представляет собой перевод (частью пересказ) книги Энгельса «Анти-Дюринг». «Итак,—пишет Михайловский,—Зиберу было известно значение Гегеля в развитии новейшей экономии: Зибер был очень заинтересован „методом диалектических противоречий“. Такова истина, документально засвидетельствованная, вполне разрешающая пикантный вопрос о том, кто лжет из двух» (см. «Русское богатство» 1895 г., № 1, «Литература и жизнь», стр. 141).

Именно эти факты, приводимые Михайловским, вызвали фразу в письме Полинковского: «Бельтов на Зибере попался».

В статье «Несколько слов нашим противникам», напечатанной под псевдонимом У т и с в сожженном марксистском сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», Г. В. Плеханов ответил на приведенные выше обвинения Михайловского.

Ссылаясь на собственные слова Зибера, Г. В. Плеханов утверждает, что, даже переведя книгу Энгельса, Зибер «все-таки остался в неизвестности насчет значения Гегеля в развитии новейшей экономии и даже вообще насчет годности диалектики в применении к различным областям знания. По крайней мере, он не хотел судить о ней». И Г. В. Плеханов задает вопрос: «Вероятно ли, чтобы этот самый Зибер, который вообще совсем не решался судить о годности диалектики, в спорах с г. Михайловским при малейшей опасности укрывался под сень непреложного и непререкаемого диалектического развития?» (Соч., т. VII, стр. 299).

Дальше Г. В. Плеханов поясняет, что, будучи, несомненно, знаком с м н е н и е м Э н г е л ь с а о Гегеле, Зибер как серьезный ученый мог говорить, что н е з н а е т Гегеля, так как не составил о нем еще своего с о б с т в е н н о г о мнения.

[8] О б о л е н с к и й, Леонид Егорович (1845—1906)—в 1866 г. после покушения Каракозова был арестован и по суду оправдан, но как знавший об умысле освободить Чернышевского, выслан под надзор полиции. Вернувшись в Спб. в 1873 г., был редактором «Русской мысли», а затем «Русского богатства», сотрудничал в «Русских ведомостях», «Одесском листке», «Новостях» и «Новом слове».

[9] Печатный отзыв принадлежит Л. Е. Оболенскому. Он помещен в «Одесском листке» № 24 от 26 января 1895 г. в виде фельетона под заглавием «Условия прогресса» (по поводу книги Н. Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Спб. 1895).

Кроме этого отзыва Оболенский дал позднее в «Русской мысли» за тот же год, № 8 и 9, большую статью на ту же тему: «Новый раскол в нашей интеллигенции» (Н. Бельтов, «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», П. Струве, «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России»), в которой он в значительной степени опровергает самого себя.

В первом отзыве, написанном сразу по выходе Бельтова, он считал ссылки Г. В. Плеханова на европейских утопистов убедительным доводом против наших народников. Во втором, через полгода, он считает эти доводы уже не выдерживающими критики, так как европейским утопистам «капитализм еще не был известен по опыту».

В первом отзыве он считал неопровержимым утверждение Бельтова о неизбежности капитализма в России и находил, что об этом «кричат» цифры «статистических сборников». Во втором он уже говорит, что не решается сказать, «пойдем ли мы непременно направо, или непременно налево». Он думает, что «это будет зависеть от нас самих, от нашей энергии, сознательности, усилий и труда и что «задачей русского общества должно быть пока укрепление наших исконных форм производства, хотя бы мерами паллиативными, лишь бы увеличить их естественное сопротивление быстрому вторжению капитализма».

[10] «Одесский листок»—ежедневная политическая, литературная и коммерческая газета. Выходила с 1880 г. под редакцией В. В. Навроцкого.

[11] О ком идет речь, установить не удалось.

№ 14. М. КОВАЛЕВСКИЙ[1]—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

Beaulieu, Villa Batavia; 23 fév[rier] [18]95

Многоуважаемый товарищ!

Благодарю Вас за присылку мне Вашей интересной монографии о Чернышевском[2]. Я пока прочел несколько глав из второй части, которые убедили меня в Вашем ученом бескорыстии и способности отрешиться от национальных предрассудков, даже весьма почтенных. Пришла также книжка Н. Бельтова почти одновременно с книгой Струве[3], доставленные мне одним петербургским профессором. Боюсь, чтобы эти теоретические споры, поднятые по общей вине их авторов и Н. К. Михайловского, не внесли рознь в малочисленный лагерь русских радикалов-социалистов, что, разумеется, было бы вполне на-руку всем его врагам.

В обмен на Вашу книгу посылаю Вам свой том о происхождении современной демократии[4] и прошу верить истинному уважению.

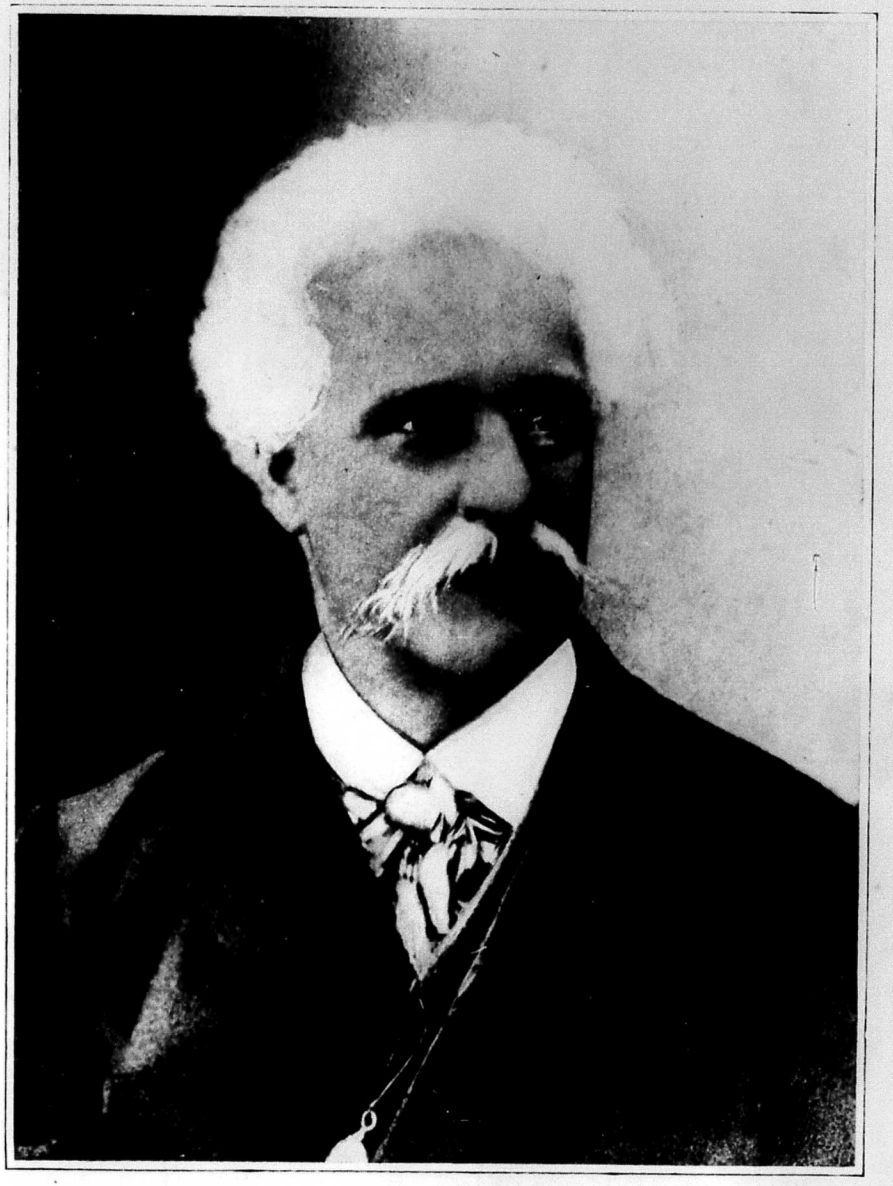
Максим Ковалевский.

[1] Ковалевский, Максим Максимович (1851—1916)—социолог и историк. В своих, пользующихся европейской известностью, трудах Ковалевский, придавая большое значение экономическому фактору, не стоял однако на позициях исторического материализма и являлся типичным эклектиком.

[2] Речь идет о книге Г. В. Плеханова «N. G. Tschernischewsky», вышедшей в 1894 г. на немецком языке в издании Дица.

[3] Ковалевский имеет в виду книгу П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», вышедшую в 1894 г.

[4] Ковалевский послал Г. В. Плеханову первый том своего труда «Происхождение современной демократии», вышедший в 1895 г.



П. Лафарг

№ 15. П. ЛАФАРГ[1]—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

(Перевод с французского)

(Le Perraux) 5. IV. [18]95

Дорогой Плеханов!

Я напишу требуемую статью; когда вы хотите ее иметь? И когда появится ваш сборник?[2]

Боннэ[3] мне сказал, что вам нездоровилось; надеюсь, что мое письмо застанет вас в добром здоровьи.

Де-Сион, русский агент, которого вы должны хорошо знать, выпустил удручающую книгу о Витте и русских финансах[4]. И хотя против нее ведется заговор молчания, она проложит себе дорогу, и, быть может, будет трудно, если не невозможно, сделать новый русский заем во Франции; если царь не сможет найти денег за границей, ему придется их искать внутри страны, придется вступить на путь буржуазного парламентаризма; это заведет его далеко.

Наш «Devenir Social»[5] выйдет 15-го настоящего месяца.

Дружески расположенный к вам
Поль Лафарг.

Le Perraux, 8. IV.

Я нашел это письмо, которое позабыл отправить на почту. Эта забывчивость объяснит вам причину запоздания моего ответа.

П. Л.

[1] Лафарг, Поль (1842—1911)—французский марксист, зять Маркса, один из основателей и вождей революционного крыла французской социалистической партии.

[2] Речь идет, вероятно, о статье для предполагавшегося второго марксистского сборника. Сборник этот не вышел, и какая судьба постигла написанную Лафаргом статью (см. письмо № 16) выяснить не удалось.

[3] Боннэ, Альфред—секретарь редакции журнала «Devenir Social».

[4] Речь идет о книге E. de Cyon «M. Witte et les finances russes d'après les documents officiels et inédits», 1895 («Г-н Витте и состояние русских финансов по официальным и неизданным документам»).

[5] «Devenir Social»—орган революционных марксистов. Первый номер вышел в апреле 1895 г.

№ 16. П. ЛАФАРГ—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

(Перевод с французского)

Париж, 16. IV. [18]95

Дорогой Плеханов!

Посылаю вам статью посылкой до востребования. Я написал ее так быстро, как только мог. Вместо того, чтобы рассказывать о президентстве Казимира Перье[1],—что было бы опасно, так как пришлось бы слишком много говорить о социалистах,—я постарался дать общий обзор французской политики от 1871 до 1895 г. Это будет более интересно для тех, кто интересуется французскими де-

лами и мало осведомлен о том, что там происходит. Я стал на объективную точку зрения, и для обыкновенного читателя будет трудно узнать мои предпочтения, но он будет иметь пред глазами реальные факты, борьбу монархических и республиканских партий и рост социалистической партии. Если вы подпишете статью литературным псевдонимом,—так как я не советую вам выставлять мое имя,—то сообщите мне его.

С дружеским приветом
Поль Лафарг.

Я послал вам мою книгу о собственности. Если вы можете дать о ней отзыв в вашем издании,—сделайте это. Она является доказательством того значения, которое приобретает социализм: ex-министры вступают в полемику, и официальные издатели, как Делаграв, решаются издавать социалистические теории[2]. Он в восторге от успеха,—меньше чем в месяц, без рекламы, он продал первое издание в 3 000 экземпляров. Он уже выпустил второе в 2 000.

Сообщите открытым письмом о получении статьи.

[1] Перье, Казимир (1847—1907)—французский государственный деятель. В 1893 г. председатель палаты депутатов. В 1893—1894 гг., будучи премьером, руководил политикой репрессий в отношении анархистов, внес проект исключительных законов против них (1893). Противник отделения церкви от государства. После убийства Карно был президентом республики (1894—1895).

[2] Лафарг имеет в виду свою книгу «La Propriété», вышедшую в том же году вместе с опровержением известного публициста, бывшего министра общественных работ, Ива Гюйо, в издании Делаграва.

№ 17. В. К. КУРНАТОВСКИЙ[1]—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

Z[ürich] 13. V. [18]95

Многоуважаемый Георгий Валентинович!

Пишу Вам по следующему обстоятельству: я получил от кружка лиц в России поручение обратиться к Вам или к Павлу Борисовичу с следующим предложением. Данному кружку пришлось убедиться, что отсутствие иллюстраций, более или менее систематических, современной политической жизни с точки зрения экономич[еского] матер[иализма] сильно сказывается на непонимании этой теории в рядах русской интеллигенции. Поэтому вышеупомянутый кружок пришел к тому убеждению, что чувствуется большая потребность в книге, которая трактовала бы об историческом развитии, изменении характера и современной роли политических партий в Германии. Основой, объясняющей пестрый калейдоскоп, как самых партий, так и их «Thun und Handeln»*,—должно служить выяснение тех экономических условий, продуктом которых являются партии, а также будущая динамика этих отношений. Я предложил Павлу Борисовичу взяться за эту работу, зная его за знатока политич[еских] партий Германии. Но он, во-первых, не обещал скоро приняться за эту работу, а, во-вторых, посоветовал предложить вам. Должен прибавить, что работа должна предназначаться для легальной книги, и как гонорар автору пока имеется 150 марок. Если Вы сочтете с Вашей стороны для себя удобным взяться за этот труд, то я сообщу об этом своим знакомым. Средства на издание имеются. Ожидаю от вас ответа[2]. Ввиду некоторых соображений, я не хочу посылать Вам своего адреса, а потому прошу Вас ответить на адрес Павла Борисовича или Петрова[3], написав на конв[ерте]: «для В. К.». Затем я лично хотел бы узнать от Вас еще следующее: в каком положении Ваша работа «Наши разногл[асия]», ч. II, сколько набрано листов и т. д., к какому сроку можно ждать ее выхода?[4] Мне кажется, что последние статьи Николая —она[5] показали, что вопрос о внутреннем рынке и его роли в развитии русск[ого] капитализма—является той областью, в которой Вам придется сосредоточить свои аргументы, выяснивши, что капитализация земледелия должна повести к полному изменению «внутреннего рынка». Из Питера была недавно прислана печатная (правда, несколько неудачно) прокламация (в несколько страниц), выясняющая рабочим очень популярно их положение, как результат капиталистич[еского] способа производства, и те требования, которые рабочие должны поставить себе целью, чтобы улучшить свое положение. В общем, она произвела на меня хорошее впечатление, и как доказательство того, что в руках соц[иал]-дем[ократов] есть станок, и как попытка обратиться к массе, выйти из исключительно кружковой тактики. Будем надеяться, что только «первый шаг труден» и что за этим последуют и другие... Теперь прислать этой статейки не могу, но она будет, по всей вероятности, отпечатана в «Лонд[онских] листках»[6], где вы и получите возможность с ней познакомиться. В ожидании ответа, желаю Вам всего лучшего.

Ваш В. Курнатовский.

P. S. Письмо это прошу уничтожить. Впредь в письмах к Вам буду подписываться: «Антин».

Не думаете ли посетить опять Цюрих? Было бы очень приятно и увидеть, и послушать Вас.

* Действий и поступков.—Ред.

[1] Курнатовский, Виктор Константинович (1868—1912)—один из старейших русских с.-д. В начале 90-х годов жил в Цюрихе и был одним из деятельнейших членов «Союза русских с.-д. за границей». Был крепким и последовательным сторонником ленинской «Искры», и оказал немалую помощь грузинским социал-демократам в проведении Ленинско-искровской линии.

[2] Ответ Г. В. Плеханова на это предложение нам неизвестен, но, повидимому, он был отрицательным, так как такая работа Плехановым не была ни написана, ни, насколько известно, предпринята.

[3] Петров, Захарий—студент-болгарин, через посредство которого велась переписка с Цюрихом. Ему было адресовано впоследствии известное письмо Г. В. Плеханова к болгарскому социалисту о войне.

[4] О второй части «Наших разногласий» см. выше в предисловиях к соответствующим статьям.

[5] Имеются в виду статьи Н.—она в «Русском богатстве», 1895 г., № 1—2, «Апология власти денег, как признак времени» и там же, № 3, «Что же значит политическая необходимость?»

[6] В лондонских «Летучих листках» того времени прокламации, которая по содержанию и внешним признакам подходила бы к описанию Курнатовского, напечатано не было.

№ 18. П. Б. СТРУВЕ—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

[Берлин, 8—9. XII. 1895]

Только что получил Ваше письмо. С Вашим взглядом на Зомбарта я несогласен: он очень сочувствует не только теории социализма, но и практике; здешнее м[инистерст]во Н[ародного] Пр[освещения] очень косится на него и подбирается к нему, т[ак] ч[то] врагом он, я думаю, никогда не будет. Вашу книгу (немецкую)[1] буду, вероятно, рецензировать в «Архиве»[2]. Я виделся недавно с Вашим издателем[3]: оказывается, что он не прочь издать русский перевод I т[ома] Капитала[4]—если только труд будет даровой. На оплату труда можно было бы собрать деньги в России. А Д[иц] издал бы книгу дешево и хорошо и позаботился бы о ее распространении. Надо было бы взять его за слово, данное (NB) при свидетеле, довольно знаменитом[5]. Напишите на сей предмет Д[ицу], а я поговорю о сборе в нашем прекрасном отечестве. Впрочем, в то же время следует позондировать почву в России для того, чтобы узнать, нельзя ли издать I т[ом] под благословением цензуры-дуры. Сомнительно, но попытка не пытка, спрос не беда. Получили ли Вы пересланное Вам письмо скептика с планами[6] и что Вы о них думаете?

Я тоже думаю, что Вам диссертацию[7] Вашу лучше всего переслать через меня. Вот как это следует сделать. Пошлите рукопись сюда Генриху Брауну—Berlin, W., Kleisstrasse, 4. Если она будет здесь до 14 декабря, то я перешлю ее, предварительно списавшись с Вашими друзьями. Я рукописи не задержу, т. е., другими словами, преодолею свое любопытство и не буду ее читать, а тотчас переправлю дальше*. Получили ли Вы уже статью В. В. о Вашей книге, появившуюся в последней книжке «Нового Слова»?[8] Наверное, скептик Вам ее послал.

Я здесь потонул в массе интересного материала. Между прочим нашел неизвестную до сих пор статью Маркса—критику книжки Грюна[9]. Об этом вы прочтете в «Новом Времени»[10]. Читали Вы в...[11]

[1] Речь идет о книге «Beiträge zur Geschichte des Materialismus», заканчивавшейся в это время печатанием у Дица в Штуттгарте и вышедшей в 1896 г.

[2] В «Архиве», издававшемся Генрихом Брауном под названием «Archiw für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», рецензии Струве на книгу Г. В. Плеханова разыскать не удалось.

[3] С И. Дицем.

* В случае моего отъезда до прибытия рукописи, я поручу Г[енриху] Б[рауну] отправить ее. Это будет самое разумное.—Примеч. П. Б. Струве.

[4] Том I «Капитала» вышел в 1872 г. (в переводе Николая —она) и к 1895 г. стал редкостью. Так как существовало опасение, что в России второе издание не будет разрешено, возникла мысль издать «Капитал» нелегально за границей. Такое издание было организовано в 1895—1896 гг. в Нью-Йорке. При этом были подобраны шрифты и в точности воспроизведено первое издание 1872 г., так что отличить нью-йоркское издание от издания 1872 г. было очень трудно. Благодаря этому тогда удалось ввезти несколько сот экземпляров этого издания в Россию (см. «Переписку Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, стр. 169).

В 1898 г. появилось второе легальное издание в переводе того же Николая —она, а в 1899 г. вышел перевод под редакцией Струве (изд. Поповой, пер. Е. А. Гурвич и Л. М. Зак).

[5] Разговор с Дицем о русском издании первого тома «Капитала» происходил в присутствии Бебеля.

[6] Речь идет о сохранившемся в архиве письме А. Н. Потресова («скептика») от 24 ноября, адресованном П. Б. Струве и пересланном последним Г. В. Плеханову. В этом письме Потресов развивает планы издания второго марксистского сборника.

[7] Диссертация—работа Г. В. Плеханова «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова» (Собр. соч., т. IX).

[8] Струве имеет в виду статью Воронцова «Очерки современных направлений: экономический материализм на русской почве», опубликованную в ноябрьской книжке «Нового слова».

[9] Статья Маркса «Karl Grün. Die soziale Bewegung in Frankreich und Belgien oder die Geschichtsschreibung des wahren Sozialismus» была напечатана в «Das Westfälische Dampfboot» 1847 г., август—сентябрь.

[10] Статья П. Б. Струве «Zwei bisher unbekannte Aufsätze von Karl Marx aus den vierzigen Jahren. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des wissenschaftlichen Sozialismus» была напечатана в «Neue Zeit», 1896, № 27 (25. III. 1896) и № 28 (1. IV. 1896).

[11] На этом письмо обрывается.

№ 19. В. К. КУРНАТОВСКИЙ—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

Zürich, 21 Décembre [18]95

Многоуважаемый Георгий Валентинович!

Пишу Вам по следующему поводу: от подательницы сего вы получите:

1) проклам[ацию] к раб[очим] на фабр[ике] Торнтона[1],
2) брошюру по поводу стачки рабочих в Вильно[2],
3) брошюру «об агитации»[3].

Все эти вещи являются крайне характерными и жизненными ф а к т а м и движения. Предать их гласности, познакомить с ними всех действующих и готовых действовать товарищей—необходимо, и прошу Вас от лица товарищей, приславших их, п о т о р о п и т ь с я и х и з д а н и е м. Первые две вещицы могут быть помещены в «Сборнике для рабочих»[4], если это не замедлит его выхода в свет. Третью лучше издать о т д е л ь н о с подобающим «введением». Сверх сего Вы получите третий лет[учий] листок[5] и другую брошюру народовольцев[6]. Меня там наряду с приятными впечатлениями, как то: практические выводы о необходимости организации рабочих, объяснение классового характера русского самодержавия и многие теоретические уступки социал-демократии, конечно, неприятно поразила теоретическая неопределенность их взглядов. Но надо отдать честь и противникам—народовольцы несомненно учатся у жизни. Хорошо было бы, если бы Вы, которому на честь

выпала первая смелая критика доктрины народовольцев, подвели бы итоги их теоретической эволюции в настоящий момент, указали бы на сделанные ими уступки жизни и на еще оставшиеся неясности в понимании ими и своих задач и русской действительности. Это могло бы составить или отдел в Вашем труде («Наши разногласия», ч. 2) или предмет особой брошюры. Центром тяжести ее, конечно, желательно было бы сделать не полемику, а выяснение теоретической неопределенности их взглядов и [в] частности задач организации рабочих. Кстати, я получил вчера поручение от товарища[7], передавшего на издание Наш[их] разног[ласий] 150 fr., узнать, когда можно ждать наконец их выхода, а также выхода сборника. Вы очень обяжете меня, если ответите на этот вопрос. Я предложил бы также не задерживать издание брошюры об агитации, а начать его немедленно, т[ак] к[ак] деньги в ближайшем будущем найдутся. Мой адрес для ответа: Zürich, Alte Beckenhofstrasse 23, Herrn Oscar Geisel.

Прибавлять к адресу ничего не надо.

Примите уверение в уважении.

В. Курнатовский.

[1] На фабрике Торнтона в ноябре 1895 г. вспыхнула стачка; по поводу которой петербургской группой «стариков» (Ленин, Кржижановский и др.) были выпущены две прокламации. Первая из них, до сих пор не разысканная, была выпущена перед началом забастовки и формулировала требования рабочих. Вторая же, выпущенная уже по окончании забастовки, была написана Лениным и перепечатана в № 1—2 «Работника». Это и есть та прокламация, которую Курнатовский пересылает Г. В. Плеханову. Она перепечатана в сочинениях Ленина, т. 1, стр. 449—452.

[2] Брюшюра по поводу стачки рабочих в Вильно—листовка, написанная Ю. О. Мартовым во время забастовки табачников в Вильно. Листовка была перепечатана в «Работнике» № 1—2 под заглавием «Еврейские рабочие против еврейских капиталистов».

[3] «Об агитации»—известная брошюра, составленная в 1894 г. в Вильно А. И. Кремером, проредактированная Ю. О. Мартовым и вышедшая в 1895 г. гектографированным изданием. Заграничное издание этой брошюры вышло в конце 1897 г. и было снабжено предисловием и послесловием П. Б. Аксельрода.

[4] Речь идет о сборнике «Работник» № 1—2, вышедшем в марте 1896 г.

[5] Осенью 1891 г. в Петербурге возникла «Группа народовольцев», пытавшаяся возродить старую «Народную волю». Ею с лета 1892 г. издавались «Летучие листки группы народовольцев» (всего вышло 4 листка). В пропаганде среди рабочих эта группа шла об руку с марксистами и все больше поддавалась их влиянию. «Летучий листок» № 3 вышел 1 апреля 1895 г. Он (как и остальные три номера «Летучего листка») перепечатан в книге П. Куделли «Народовольцы на перепутьи», стр. 100—139.

[6] Вероятно брошюра «Рабочий день», выпущенная летом 1895 г.

[7] Кто был этот товарищ, выяснить не удалось.

№ 20. Г. И. БАКАЛОВ[1]—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

София, 23. III. [18]96

Дорогой Георгий Валентинович!

Должно быть, Вы получили перевод «Монист[ического] взгляда»[2]. Эту книгу очень хорошо встретила вся интересующаяся общественной наукой молодежь. Теперь от меня хотят с многих сторон, чтобы

я перевел ваши статьи об Чернышевском[3]. Это я сделаю потом, через год, может быть, а пока выйдут по очереди с русского переведенные: «Развитие научн[ого] социализма», «Ком[мунистический] манифест», «Основы соц[иал]-демократии» и «Нищета философии».

Я уже вышел из казармы и вошел в редакцию «Социалиста». «Работнического Другаря»[4] не буду больше издавать. Ваши статьи в нем произвели свое действие. Г. Ризов не посмел ответить[5].

Знаю, что Вы слишком заняты, но не уделите ли нам несколько минут, не пошлете ли нам article на майский № «Социалиста»?[6] Вы знаете, какое влияние оказывает Ваше слово на наших социалистов, потому я надеюсь, что Вы непременно напишете и пошлете нам несколько слов. Впрочем, Вас нечего убеждать, Вы настолько любезны, что и так пошлете нам article, я в этом убежден.

Кланяйтесь Вере Ивановне. Попросите и ее, пожалуйста, чтоб она тоже написала что-нибудь для «Соц[иалиста]». Я бы ей написал, но не знаю адрес.

Собираюсь в начале июня поехать на конгресс в Лондон. Тогда мы увидимся.

Поклон Роз[алии] Марковне. Жму Вашу руку.

Ваш Г. Бакалов.

Г[еоргий] В[алентинович], попросите Heritier, чтоб он написал нам со стороны женевских рабочих. Не забудьте, пожалуйста. Я его адреса не знаю.

Г. Б.

[1] Бакалов, Георгий Иванович (род. 1873)—известный коммунистический писатель, болгарин, переводчик на болгарский язык «Капитала» Маркса и сочинений Ленина. Бакалов был одним из первых учеников Г. В. Плеханова и активно участвовал в распространении марксизма в Болгарии.

[2] Книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» была переведена Бакаловым на болгарский язык в 1895 г., под заглавием: «Философско-историческатѣ учения на Карла Маркса, Отговоръ на гг. Михайловски, Карѣев и С-не».

[3] Статьи о Чернышевском в переводе Бакалова вышли в 1897 г. отдельной книгой, озаглавленной «Николай Гаврилович Чернишевски».

[4] «Работнически другарь» («Товарищ рабочего»)—орган болгарской рабочей с.-д. партии.

[5] Ризов, Дмитрий—болгарский руссофил. Плеханов выступил против него в 1895 г. со статьей «Приятный ответ „Молодой Болгарии“» (газета Ризова).

[6] Повидимому статьи Плеханов не послал, так как Бакалов в своей статье «Г. В. Плеханов в Болгарии» («Летописи марксизма», 1928, № 5), говоря об участии Плеханова в болгарской с.-д. печати, называет две его статьи для первомайских номеров 1894 и 1895 гг. «Работнического другаря», но не упоминает о такой статье для первомайского номера «Социалиста».

№ 21. В. А. БУХГОЛЬЦ[1]—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

Берлин, 13-го апреля [18]96

Дорогой Георгий Валентинович!

От товарищей из России я получил поручение, выраженное в следующих словах:

«Пошлите сейчас Геду деньги на венок из красных иммортелей в полметра диаметром с надписью по-русски и по-французски:

„Павшим коммунарам от социал-демократических представителей 32 еврейских профессиональных рабочих союзов одного из городов Северо-Западной России. Да здравствует социальная революция!“»[2]

Письмо это, предназначенное, как видно, к 18-му марта, пришло ко мне поздно вследствие неудобств сношений с Россией, но сегодня я получил новую просьбу непременно послать деньги на венок, если это еще не сделано.

Так как теперь уже неважно выгадать день или два, то я предпочитаю переслать Геду просьбу наших товарищей через Вас, чем беспокоить опять Либкнехта.

Мне приходится сегодня переслать деньги Блюменфельду за полученную от него литературу, и я попросил его зайти и занести из этих денег Вам такую сумму денег, которые Вы найдете нужным переслать Геду на венок. Мне никакой суммы не указано, предоставляю поэтому определение ее на Ваше усмотрение.

О результате, пожалуйста, сообщите мне, т[ак] к[ак] я должен буду сообщить его товарищам в России.

Вы меня также очень обяжете, если сообщите мне, известно ли Вам, был ли возложен венок от московских рабочих на могилу коммунаров[3] и помещен ли был их адрес во французской с[оциал]-д[емократической] газете. Как адрес, так и деньги на венок, были по моей просьбе посланы Лафаргу Либкнехтом. Не можете ли Вы спросить письмом Лафарга о результате этого дела, я Либкнехта не хотел бы беспокоить. Между тем мне очень важно выяснить это дело, т[ак] к[ак] «адрес» был получен по адресу, который дал я, и, если венок не был возложен и «адрес» не был напечатан, я могу попасть перед товарищами в России в неловкое положение.

Письмо для пересылки мне Вы можете послать Гинзбургу. Он имеет адрес, по которому мне удобно писать.

Искренне уважающий Вас
В. Бухгольц.

[1] Бухгольц, Вильгельм Адольфович (род. 1866)—германский подданный, уроженец Петербурга. В 1891 г. выехал за границу. С 1895 г., поселившись в Берлине, занялся организацией массовой доставки нелегальной литературы в Россию, вступил в «Союз русских социал-демократов» и стал его берлинским представителем и главным посредником по сношению группы «Освобождение труда» и «Союза русских социал-демократов» с Россией до осени 1897 г., когда в Берлине поселились Копельзон, Прокопович и Кускова, которые вместе с ним составили первое берлинское отделение «Союза русских социал-демократов».

[2] В начале 1896 г. от имени 32 еврейских профессиональных организаций был возложен венок на могилу павших коммунаров (см. «Материалы к истории еврейского рабочего движения», «Трибуна», 1906, стр. 55).

[3] По случаю 25-летия Парижской коммуны, московские рабочие 29 февраля 1896 г. послали французским рабочим венок и адрес с 605 подписями рабочих 28 крупных предприятий. Адрес был послан через Либкнехта Лафаргу. Адрес этот напечатан в сб. «Работник» № 1—2, стр. 100, вместе с письмом рабочих к Лафаргу, присланным с адресом.

В. Либкнехт

№ 22. Г. В. ПЛЕХАНОВ—[Ф. МЕРИНГУ[1]]

(Перевод с французского)

[Женева], 6 мая 1896

Многоуважаемый товарищ!

Хотя я не имею чести быть с вами лично знакомым, я беру на себя смелость горячо рекомендовать вам одного из наших товарищей[2]. Этот товарищ остановился проездом в Берлине для того, чтобы прочесть в библиотеке «Святое семейство» Маркса—Энгельса[3]. Однако администрация отказала ему в выдаче этой книги. Зная, что у вас имеется этот труд, я был бы вам очень благодарен, если бы вы были любезны предоставить его на короткое время нашему товарищу.

В случае если вы читали мои «Очерки по истории материализма», мне очень хотелось бы услышать ваше компетентное мнение о них.

С социал-демократическим приветом

преданный вам

Г. Плеханов.

Женева, 6, rue de Candolle, 6.

[1] Меринг, Франц (1846—1919)—выдающийся представитель революционного марксизма в Германии, историк и публицист.

Вел активную, хотя и не всегда последовательную, борьбу против ревизионизма. Вокруг него и Р. Люксембург группировались так называемые «левые» в германской социал-демократии. Во время империалистической войны примыкал к Циммервальду. Один из руководителей спартаковцев, затем член коммунистической партии Германии.

[2] О ком идет речь, установить не удалось.

[3] Книга Маркса и Энгельса «Святое семейство» была в это время библиографической редкостью.

№ 23. Г. В. ПЛЕХАНОВ—П. ЛАФАРГУ[1]

(Перевод с французского)

Женева, 15 мая 1896

Дорогой Лафарг!

Посылаю вам 60 франков на венок, который нужно положить на Père Lachaise[2] от имени рабочих С.-Петербурга[3]. На ленте венка вы дадите написать: Петербургские рабочие—коммунарам 1871 г., или что-нибудь в этом роде. В то же время посылаю еще другие шестьдесят франков, чтобы сделать другой венок от рабочих...[4]

Чтобы не терять времени, посылаю вам деньги в двух заказных письмах: по 50 франков в каждом. Остальные 20 франков вы получите почтовым переводом. Я выбрал этот способ, потому что мне сказали, что деньги, отправленные переводом, часто приходят довольно поздно по своему назначению.

Простите, дорогой Лафарг, что мы этими поручениями отнимаем у вас время. Но вы известны в России, как один из вождей французского движения и один из учителей международного социализма.

Неудивительно, что обращаются к вам, когда хотят войти в сношения с французским пролетариатом.

Мой привет мадам Лафарг.
Ваш Г. Плеханов.

Сообщите мне почтовой картой, что деньги получены и поручение исполнено.

Г. П.

[1] К настоящему письму приложен лист почтовой бумаги, на котором написано «A Monsieur George pour P. Lafargue. L'Union de St. Pétersbourg vous envoie cent roubles pour la couronne dont la destination vous a déjà été communiquée» (Г-ну Жоржу для П. Лафарга. Петербургский союз посылает вам сто рублей на венок, о назначении которого вам уже было сообщено).

[2] Кладбище в Париже, на котором воздвигнут памятник расстрелянным коммунарам в виде стены с барельефом.

[3] Кроме денег на венок, петербургские рабочие послали также «адрес» французским рабочим по случаю 25-летия Парижской коммуны. Адрес этот напечатан в «Работнике» № 1—2, Женева 1896 г., стр. 103—105.

[4] Фраза не закончена. О посылке денег на венок см. также письмо № 21.

№ 24. В. А. БУХГОЛЬЦ—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

Берлин, 14 июля [18]96

Дорогой Георгий Валентинович!

Пришло ли от Вас ко мне вчера или сегодня письмо, я не знаю, п[отому] ч[то] мне решительно было некогда справиться у того лица, адрес которого я Вам дал.

Теперь я прошу Вас писать мне по другому адресу, который прилагаю здесь на отдельном листке. Я получу, конечно, все письма, которые были посланы по адресу, данному прежде, но с этого нового адреса, который я Вам даю сегодня, мне удобнее получать письма.

Пересылаю вам 50 рублей, полученные из Вильны для Вашей поездки в Лондон[1]. Других денег из России для конгресса я не получил и опасаюсь, что уже не получу. Между тем, мне кажется, что теперь уже важно решить, кто поедет на конгресс, т[ак] к[ак] я боюсь, что Зингер[2] отсюда уедет, и я уже не смогу явиться к нему, согласно нашему условию, с перечислением мандатов, которые от нас будут иметься.

Напомню Вам еще раз, от кого мне поручено составить мандаты:

1. Вильна (1 000 еврейских рабочих)
2. Минск (1 000 еврейских рабочих)
3. Сморгонь (200 еврейских рабочих)
4. Варшава (еврейский соц[иал]-дем[ократический] комитет)
5. 170 литовских рабочих в Вильне, Минске и Сморгони
6. Киев—организация 200 рабочих.

Я бы о ч е н ь Вас просил, чтобы от В и л ь н ы и В а р ш а в ы мандат-таки остался за Вами или в к р а й н е м с л у ч а е за Аксельродом или Засулич. Как виленцы, так и варшавяне,—тяжелые люди, которые, пожалуй, будут очень недовольны, если их делегатом будет кто другой, а неудовольствие их неудобно вызывать

по многим причинам. Имейте в виду, что я для всех мест смогу составить условные мандаты: т. е. сказать Зингеру, что делегатом выбран NN, а если он не сможет явиться,—Плеханов. Для моего мандата я это скажу непременно, т. е. что делегатом назначен я, а если я не смогу явиться,—Плеханов. Текст Иваново-Вознесенского мандата, а также и других, мы в этом смысле можем изменить. Но, повторяю, я очень и очень хотел бы быть в Лондоне. Для того, чтобы выяснить, могу ли я далее быть здесь в Берлине полезен для дела, я непременно должен со всеми вами лично поговорить. Повторяю еще раз, к о н ф е р е н ц и я н е о б х о д и м а и обязательно дня за 3 или даже 4 до конгресса. Мы обязательно должны раньше решить, какого рода поддержки просить от немцев для нашего дела, чтобы им это сказать во время конгресса. Конференция п о с л е конгресса не принесет сотой доли той пользы, которую принесет конференция до конгресса. Для меня, между прочим, только на конференции может выясниться, могу ли я быть делегатом. Если конференция позволит мне несколько увеличить расходы по доставке изданий, то я могу это дело поставить так, что смогу им руководить постоянно, не рискуя навлечь на себя при этом внимание властей,—и тогда я смело могу быть делегатом в Лондоне, если же, как я это делаю теперь, мне приходится самому н е п о с р е д с т в е н н о делать многие вещи (это вообще неудобно, т[ак] к[ак] благодаря этому легко может многое обнаружиться), то мне неудобно быть делегатом[3]. Но буду ли я делегатом или нет, я считаю свою поездку в Лондон в интересах дела очень важной, п[отому] ч[то] я боюсь, что если я с Вами кое-о-чем не столкуюсь, то мне придется отказаться от своей теперешней деятельности, а это было бы очень жаль, потому что до сих пор мои поиски за заместителем не увенчались успехом. Вообще при лучшей постановке дела, о которой, надеюсь, мы столкуемся, можно гораздо больше и аккуратнее доставлять литературу в Россию[4].

Итак, жду вашего немедленного ответа по трем пунктам:

а) Пришлите распределение мандатов, с которым я должен явиться к Зингеру.

б) Сообщите мне, на какое число назначено открытие нашей конференции в Лондоне. (Все участники о б я з а т е л ь н о должны явиться с в о е в р е м е н н о!!)

в) Сообщите мне, могу ли я рассчитывать на получение из Швейцарии какой-либо суммы для поездки в Лондон.

Написали ли вы Гельфанду[5], что для него есть мандат? Ведь его надо об этом предупредить, чтобы и он готовился к поездке в Лондон. Напишите ему н е м е д л е н н о же в Штутгарт. Впрочем я слышал, будто он уже в Лондоне, не знаю, насколько это верно. Я советую Вам ввиду этого поступить так: пошлите заказное письмо Каутскому с просьбою немедленно известить Гельфанда, что для него есть мандат, и попросить Гельфанда ответить Вам, будет ли он в Лондоне. Каутскому пишите также заказным, п[отому] ч[то] я боюсь, что и его Ваше письмо может уже не застать в Штутгарте. Пожалуй-

ста, сообщите мне также, послали ли Вы сообщение Гельфанду. Мне это хотелось бы знать потому, что Гельф[анда] я обещал известить о мандате, но я предпочел бы, чтобы это сделали Вы.

Сильно спешу.

Ваш В. Б.

P. S. Мне кажется, следовало бы за границей рассылать подписные листы с целью сбора в пользу лиц, арестованных в Петербурге в связи со стачкой.

[1] Деньги для поездки на Лондонский международный конгресс были присланы из России, главным образом из Петербурга. В годовом отчете петербургского «Союза борьбы» за 1896—1897 гг. имеется рубрика: «На организацию и расходы, на квартиры представительства на лондонском международном рабочем конгрессе, почтовые расходы и др.—1021 р.».

[2] Зингер, Пауль (1844—1911)—один из вождей германской с.-д. партии, представитель ее революционного крыла. В вопросах о соглашении с буржуазией, голосовании за бюджет и др. занимал революционную позицию даже тогда, когда Бебель делал уступки правым.

[3] Бухгольц был в Лондоне в качестве делегата иваново-вознесенских рабочих.

[4] Бухгольц в это время занимался транспортом нелегальной литературы в Россию для с.-д. организации города Вильно и др.

[5] Гельфанд, Израиль Лазаревич, псевдоним Парвус (1869—1924)—германский социал-демократ, примыкал к левому крылу, после II съезда РСДРП поддерживал меньшевиков, один из авторов контрреволюционной теории «перманентной революции». В годы войны—крайний социал-шовинист.

№ 25. ДОБРОДЖАНУ-ГЕРЕА[1]—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

[Лето 1896]

Милый, дорогой товарищ!

Простите, пожалуйста, что не писал Вам так долго, Вы сами знаете, как наш брат бывает занят. Книжки, посланные Вами через барышень Irimesco[2], я получил и крепко благодарю Вас. Сборник статей прочел и, когда он нужен Вам будет, сообщите, я Вам сейчас же его вышлю. Кто Бельтов—это я, конечно, сейчас же догадался. Книга во всех отношениях прекрасная, и интерес, возбужденный ею в России, вполне заслуженный, а об этом интересе я имел недавно случай убедиться и узнать подробно от проезжавших русских.

Какое впечатление произвели русские стачки на румынских социалистов вообще, а на меня в частности, можете себе представить. Я ужасно удручен тем, что не могу ехать на Лондонский конгресс, нет абсолютно никакой возможности, так подло и невозможно сложились обстоятельства. Что делать, просто в себя не могу притти от досады.

У меня к вам просьба, дорогой товарищ, и не личного, а социалистического свойства.

Вы, вероятно, познакомились уже с румынским делегатом, адвокатом Атанасиу. По отсутствию средств, румынская партия более

одного делегата послать не могла, Атанасиу будет единственным представителем румынской социал-демократической партии. Но дело в том, что у нас здесь есть и свои «jungen», молодые, диссиденты[3], исключенные из партии и которые состоят из евреев. Эти диссиденты, имея сношения за границей, посылают трех делегатов. Было бы долго объяснять, кто прав, диссиденты или партия. И одни, и другие делали ошибки, а диссиденты не только ошибки, но и некоторые пакости; но дело теперь не в том, а вот в чем. Конгресс, конечно, не может заняться теперь румынскими ссорами и решить, кто прав, кто виноват,—это в конце концов его и не касается. Но вот что его касается. Диссиденты, представляющие группу еврейских рабочих, к несчастью не имеющих даже гражданских прав в Румынии, не могут, конечно, претендовать, что они представляют собою социалистическую Румынию, а потому конгресс может их принять, но не как представителей Румынии, а то они, имея большинство, раз они будут признаны румынскими делегатами, при голосовании по нациям будут de facto* вотировать за всю социалистическую Румынию, так [как] Атанасиу один. В этом случае произошел бы следующий курьез, что делегаты одной группы иностранных рабочих в Румынии вотировали бы за всю Румынию, а настоящий и единственный делегат румынского социализма был бы лишен de facto при голосовании по нациям права голоса.

Если бы конгресс признал этих диссидентов представителями румынской социалистической партии, то Атанасиу, по решению партии, должен будет оставить конгресс, и Румыния будет представлена тогда группой иностранных рабочих не-румын. Пожалуйста, дорогой товарищ...[4]

[1] Доброджану-Гереа (1855—1919)—фамилия, под которой натурализовался в Румынии русский политический эмигрант Кац, участник движения 70-х годов, один из основоположников социалистического движения в Румынии, публицист и критик.

[2] Сестры Иримеско—студентки женевского университета, происходили из богатой румынской семьи, сочувствовавшей социал-демократическим идеям, друзья Доброджану. Их брат, ученик Доброджану, был деятельным членом румынской социал-демократической партии. — Примеч. Р. М. Плехановой.

[3] Диссиденты (лат.—раскольники), в переносном смысле—инакомыслящие.

[4] На этом письмо обрывается.

№ 26. Д. В. СОСКИС[1]—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

Paris, 8/21 VIII. [1896]

Дорогой Георгий Валентинович!

На-днях получил известие, что все те группы[2], которые через меня хотели завязать сношения с Вами (и которым я тотчас по получении Вашего письма передал Ваше поручение)[3], взяты во время общего провала в России. Большинство из них—социал-демократы.

* На деле.—Ред.

Если Вас интересуют фамилии, пришлю. Большинство фамилий я дал напечатать лавровской[4] и фондовской группам[5], и Вы, вероятно, эти листки читали.

Вообще, если у Вас предполагается какое-либо издание, буду Вам присылать сведения из России—до Нового года. После же Нового года будет издаваться орган, о котором вам теперь и пишу[6].

Из прилагаемой сжатой программы Вы увидите, что цель, задача органа—это завоевание такой политической формы, при которой социалистическая пропаганда и агитация будут наиболее успешны[7]. Это—ближайшие политические требования социал-демократической или, вернее, социалистической партии. Выставлять политические требования—не значит отвертываться от экономической стороны. Но в то время, как на экономическую эволюцию России существуют у различных направлений самые разнообразные и часто противоречивые воззрения, ближайшие политические требования приблизительно одинаковы и определенны. Поэтому объединяющей нитью всех сотрудников органа можно выставить одну политическую сторону, предоставляя на страницах органа каждому свободное обсуждение вопросов экономических. Здесь политика отделяется от вопроса экономического не во времени, а в пространстве (в области практики).

Я полагаю, что у нас, в России, деятельность всех революционных групп полезна настолько, насколько она заключается в пропаганде и подготовлении революции снизу, т. е. насколько она демократична. На практике, всякий социалист-революционер обращается (раз только он переходит от слов к практике) к рабочим. Но их программные построения различны и делают их нетерпимыми. А нетерпимость делает их бессильными. Поддержка обветшалых свай их программ обращается у них в привычку, в цель, и отнимает те силы, которые им нужны для подготовления их истинной задачи—революции. Взаимная нетерпимость, полемика и дрязги довершают то, что начато традиционной привязанностью к формам понятий, потерявших содержание.

Помимо этих печальных следствий данного положения вещей, получается то, что правительство не встречает ни одной серьезной силы, которая заставила бы его хоть призадуматься, а общество впадает в крайнее уныние и апатию. Если бы правительственный произвол получал широкую огласку в России и вне ее, если бы общество видело, что оппозиционные и революционные группы, хотя и слабы (каждая в отдельности), но многочисленны и возникают повсюду, борьба с самодержавием сделалась бы единодушнее и действительнее, а царизм менее самоуверенным. Надеждой повеяло бы, а дух надежды очень важен. Для достижения последнего нужен такой орган, которому согласилось бы помогать все, что есть оппозиционного и сочувствующего социализму (и в то же время не отказывающегося от своих отличных убеждений). Программа, которая приложена, наиболее подходяща. В России в разных пунктах возникли попытки с аналогичными программами, но рухнули во время последних погромов. Удобнее издавать за границей.

Прибавлять далее к тому, что я написал, излишне. Вы и так уж поняли характер этого органа. Он не есть компромисс с либералами, так как ни на иоту не будет отступать от социализма, он только будет больше всего интересоваться полит[ической] стороной ближайших социалист[ических] требований и будет терпимо относиться ко всяким прогрессивным направлениям, раз они не противоречат социализму. Конечно, такой орган может существовать лишь при условии устранения полемики между различными оппозиционными направлениями. Общее нападение на самодержавие—вот объединяющее всех сотрудников. Говоря о б ъ е д и н я ю щ е е, я не думаю, что этот орган должен объединить существ[ующие] группы. Он должен просто давать картину русской жизни и возможность каждому сказать свое слово против самодержавия, т. е. пополнить пробел в нынешнем революц[ионном] течении; каждой же группе он предоставляет заниматься попрежнему своим делом. Издание с материальной стороны почти вполне обеспечено (обеспечено все, что касается печатания и платы сотрудникам; но еще недостаточно фондов для устройства постоянных путей). Связи с Россией устроены, хотя еще их недостаточно. Но к Новому году все будет устроено. За организацию этого дела я взялся уж месяца 3—4 назад, но не хотел Вам писать, пока успех его был сомнителен. Теперь думаю, что сомнение излишне и потому пишу. Я прошу Вас сообщить мне Ваше отношение к органу, а также могу ли я рассчитывать на то, что Вы будете принимать активное участие в его издании. Добавляю, что это предприятие не связано ни с одной из существующих групп. Это—совершенно самостоятельное предприятие, за организацию которого взялся я и еще несколько лиц, среди которых находятся Ефрон[8], Шишко[9] и другие.

Перечитал я то, что написал, и вижу, что, желая написать по возможности более сжато, написал очень темно. Надеюсь, однако, что Вы разберетесь.

Где Вы теперь, Георгий Валентинович?

Я Вас прошу очень ответить по возможности скорей. Почему Вы не приезжаете?

Мой сердечнейший привет Розалии Марковне.

Если характер предприятия Вам все-таки не ясен, сообщите, что не ясно.

Жму крепко Вашу руку.

Ваш С о с к и с.

[1] С о с к и с, Давид Владимирович (род. 1866)—эмигрант с начала 90-х годов; в середине 90-х годов тяготел к социал-демократии; позднее был членом аграрно-социалистической лиги партии эсеров. В ответ на посланный ему запрос Соскис прислал ряд примечаний к своим письмам, материал которых мы ниже используем.

[2] Речь, повидимому, идет о следующих организациях: о зародившейся тогда литовской социал-демократии, одним из основателей которой был Ю. И. Морав-

ский; о петербургских рабочих кружках, объединенных в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и приславших Ветринского (Тахтарева) в Западную Европу в качестве своего представителя для сношений с эмиграцией, и, возможно, о Московском рабочем союзе, только что объединившем существовавшие тогда в Москве кружки рабочих агитаторов.

[3] По воспоминаниям Соскиса, речь шла, очевидно, о проникавшем в рабочее движение экономизме.

[4] Лавровская группа—группа старых народовольцев, издававшая «Материалы для истории русского социально-революционного движения» с приложением хроники «С родины и на родину».

[5] Фондовская группа—группа «Фонда вольной русской прессы», издававшая «Летучие листки».

[6] Речь идет о попытках известных кругов русской интеллигенции 1895—1896 гг. создать чисто политический орган в духе программы, выработанной незадолго перед этим разгромленной партией «Народоправство».

Этот орган предполагался к изданию за рубежом и должен был по мысли его инициаторов (Соскис, Шишко, П. Тверской-Деменс и др.) выражать взгляды всей оппозиции против самодержавия.

[7] К письму приложен печатный листок без заголовка, который мы приводим целиком:

«Принимая во внимание,

что русские социалисты всех оттенков и направлений считают своей ближайшей задачей низвержение абсолютизма; что ту же цель преследуют в настоящее время и другие прогрессивные силы России;

что поэтому борьба с самодержавием является общей почвой, на которой сходятся все оппозиционные ему элементы;

что, наконец, общие стремления к достижению политической свободы должны найти себе выражение в общем оппозиционно-политическом органе,—

группа русских социалистов имеет в виду издание

Органа русской оппозиции, который будет—печататься за границей,—выходить периодически,—редактироваться литератором, известным всей интеллигентной России, и—иметь задачей:

1) публикование всех фактов, не могущих быть опубликованными в цензурной печати; всех сведений, рисующих гибельное влияние самодержавно-бюрократического строя на ход русского прогресса; всех заслуживающих общественного внимания протестов, от какой бы оппозиционной группы они ни исходили;

2) анализ текущих мероприятий, законодательных и административных, изобличающих всю несостоятельность самодержавной формы государства, все ее противоречие насущным интересам России;

3) пропаганду идей политической свободы. Под политической свободой Орган русской оппозиции разумеет участие народа в установлении всех местных и общегосударственных законоположений, регулирующих его жизнь.

Это участие обусловливается:

А.—Неприкосновенностью личности, свободой ее убеждений и религиозных верований, неприкосновенностью национальных особенностей, свободой слова и печати, сходок и обществ, свободой преподавания и политической пропаганды и агитации;

В. — Независимым земским, городским и областным самоуправлением на широких демократических началах;

С.—Законодательным Народным собранием, состоящим из депутатов, выбранных всеобщим народным голосованием».

[8] Ефрон, Юлий Абрамович—социал-демократ, врач, эмигрант, живший с 1888 г. в Париже, участник кружков, поддерживавших группу «Освобождение труда».

[9] Шишко, Леонид Эммануилович (1852—1910)—литератор, социалист-революционер. Принимал участие в народническом движении 70-х годов. Был присужден к каторге по процессу 193-х. Бежал из Сибири за границу, где примкнул к партии социалистов-революционеров. Умер в Париже. Автор популярных «Рассказов из русской истории».

№ 27. Г. В. ПЛЕХАНОВ—Д. В. СОСКИСУ[1]

[1. IX. 1896]

Дорогой Соскис!

Простите, что я не сразу ответил Вам. Не приписывайте это невниманию; поверьте, что мне во всяком случае было бы приятно побеседовать с Вами хотя бы и письменно. Но я был болен. Ко мне привязалось что-то в роде инфлуэнцы, т. е. болезнь, плохо поддающаяся медицинскому определению. У меня была лихорадка, страшная головная боль, беспрерывный кашель, разбивавший мне грудь, и прочие прелести. Теперь мне лучше, и я пишу.

Прежде всего я должен сказать Вам, что я теперь буквально завален работой и не мог бы деятельно сотрудничать ни в одном из новых литературных предприятий. Поэтому, если бы даже самые близкие ко мне по взглядам люди рассчитывали на меня как на главного сотрудника, то я должен был бы предупредить их, что решительно не могу оправдать их расчетов. Во-вторых, для меня далеко не одинаково, стоит ли во главе данного литературного предприятия Степняк или Волховской[2]; я решительно ничего не имею против личности почтеннейшего Феликса Вадимовича, но со взглядами его решительно ни в чем не согласен. Конечно, и он, и я—против русского абсолютизма. Но этого еще недостаточно, чтобы дружно идти в одной литературной упряжи: разногласия сказались бы даже по самым частным, третьестепенным вопросам, не говоря уже о многих очень существенных. В-третьих, я полагаю, что теперь во мне уже нет и нужды: насколько я знаю, фонд сошелся с писателем, который будет достаточно плодовит, чтобы не только пополнить, но даже и переполнить столбцы проектируемого издания. Этот писатель будет, вероятно, и главным редактором этого издания[3]. Вы, конечно, догадываетесь, о ком я говорю, и понимаете, что с этим человеком мне решительно нельзя писать в одном органе. Напротив, нам, наверное, придется вести самую горячую полемику. Так обстоит дело, и потому я считаю вопрос исчерпанным. Если имеете что возразить, пишите, я не замедлю теперь ответом.

Очень приятно будет повидаться с Вами и лично переговорить в Женеве. До того времени, может быть, лучше выяснится дело Вашего издания. Надеюсь, что Вам живется в Париже недурно. Моя жена просит передать Вам ее горячий привет, я, с своей стороны, крепко жму Вашу руку и прошу поклониться от меня Эфрону.

Искренно преданный Вам Г. Плеханов.

P. S. Прошу Вас, известите меня картой о получении этого письма.

[1] Настоящее письмо печатается с фотографии, присланной Д. В. Соскисом вместе с фотографиями других писем к нему Г. В. Плеханова и примечаниями к ним.

[2] Степняка (Сергея Кравчинского) с Плехановым связывали узы глубокой дружбы. Иначе обстояло дело с Феликсом Вадимовичем Волховским, одним из самых старых, после Лаврова и Кропоткина, русских политических эмигрантов. Это был не столько теоретик, сколько практик революции, но к каждому пункту

как в теории, так и в практике, он относился с огромным педантизмом. И уже по одному этому членам других партий было крайне трудно работать с этим непоколебимым народником.

Незадолго до смерти Степняка Плеханов дал ему согласие на участие в проектировавшемся «Фондом вольной русской прессы» органе «Земский собор». Проект не осуществился из-за смерти Степняка.

[3] Речь повидимому идет о П. Тверском (Деменс).

№ 28. А. Н. ПОТРЕСОВ[1]—Г. В. ПЛЕХАНОВУ

С.-Петерб[ург], 29 ноября—11 декабря 1896

Дорогой друг!

На-днях получил ваше письмо и сегодня же посылаю нашему другу Морису 200 р[ублей]; книгу «Производ[ительные] силы России»[2] и еще кое-что, относящееся к съезду и выставке[3] (вышло очень мало изданий), Вы получите на-днях. Обратите, между прочим, внимание на посланные Вам №№ «Хозяина»[4]—это весьма интересный орган наших будирующих аграриев.

Не знаю, получаете ли Вы «Сам[арский] Вестн[ик]»[5]—я просил высылать его Вам. Орган наших восточных м[арксист]ов пока страдает худосочием и, на мой взгляд, плоховато редактируется—в нем уже было несколько основательнейших тактических ошибок. Надежды на успех газеты весьма слабы. Самарцы в большой претензии на то, что их не поддерживают своим сотрудничеством «иногородние» мар[ксист]ы.

Я думаю, что их нужно поддержать, как ни безнадежно все дело. Я предполагаю послать на-днях фельетон об артелях Левитск[ого][6] по поводу вышедшего на-днях доклада Херс[онской] Губ[ернской] упр[авы], весьма интересного и полного точными данными. Может быть, и Вы найдете возможным когда-нибудь написать для них статейку. Вы спрашиваете о Симоне[7], а я думал, что Вы больше о нем знаете, чем я,—он весьма лаконичен во всем, что касается его работы. У меня опять разгораются стародавние планы: может, и выгорит дело на сей раз. А как бы это было хорошо. Пожалуйста, сообщите более подробные сведения о Вашем здоровье, а также—в теплых ли Вы краях или нет. Жан-Жак в самом скором времени увидит свет[8]. Жаль, что до сих пор неизвестно, когда увидит свет наш альманах № 2[9]. У меня здесь собралось довольно много материала. Черкните, пожалуйста, о том, как идет Ваша работа.

Всего хорошего.
Ваш А д и к.

P. S. Боюсь я немного, как бы возня с народниками не повредила успеху нашего альманаха; удивительное дело, как время идет. Народники потеряли весь свой кредит у публики и перестали ее интересовать (под публикой я разумею экстрему*)—публика устремляет свои взоры на м[арксист]ов и ждет ответа на всякого рода

* Крайних—от французского слова extrême.—Р е д.

запросы: что? как? куда? Вот только с Михайловским и «Р[усским] Бог[атством]» еще нужно посчитаться. А «Новое Слово» мертво! Обратите кстати внимание на рассказ Рубакина в ноябр[ьской] книжке этого журнала[10].

[1] П о т р е с о в (С т а р о в е р), Александр Николаевич (1869—1934)—член редакции «Искры». После II съезда один из лидеров меньшевизма. В революцию 1905 г. и в период реакции возглавлял правое течение в меньшевизме, позже—один из вождей ликвидаторства. В годы империалистической войны—социал-патриот. В 1917 г.—один из руководителей газеты «День», с 1918 г.—в белогвардейской эмиграции. Ярый враг СССР.

[2] Автор книги—В. И. Ковалевский.

[3] Имеется в виду Всероссийская промышленная выставка в Нижнем-Новгороде и торгово-промышленный съезд.

[4] «Хозяин»—еженедельный журнал сельского хозяйства и экономии, выходивший в Петербурге с 1894 г.

[5] «Самарский вестник»—первая легальная марксистская газета в России. В руки марксистов перешла в конце 1896 г. и существовала до марта 1897 г. В редакцию входили: П. Маслов, А. Санин, Р. Циммерман, В. Португалов. К сотрудничеству в газете были привлечены «легальные» и революционные марксисты.

Из работ Плеханова в «Самарском вестнике» была напечатана только статья «Нечто об истории», под псевдонимом Б о ч а р о в.

[6] Фельетон не мог быть послан, так как Потресов был арестован в декабре 1896 г.

[7] Симон—П. Б. Струве.

[8] Книга Засулич (Н. Карелин) «Жан-Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей» из-за ареста Потресова вышла в свет только в 1899 г. в издании Струве.

[9] Подразумевается второй марксистский сборник «Язвилло», издание которого так и не осуществилось.

[10] Очерк И. Рубакина «Искорки» был помещен в октябрьской книжке «Нового слова» за 1896 г.

№ 29. Г. В. ПЛЕХАНОВ—А. Н. ПОТРЕСОВУ

[Женева, после 23. XII. 1896][1]

Дорогой друг!

Вы, как видно, очень беспокоитесь насчет моего здоровья. Причина этого беспокойства лежит в значительной степени на мне, так как я замедлил ответом. Простите. Здоровье мое не то, чтобы очень хорошо, но и не дурно: работать во всяком случае могу, хотя и не с той энергией, с какою мне хотелось бы. Я вполне понимаю Ваше нетерпение относительно «критиков»[2], я употреблю все усилия, чтобы поскорее их кончить, но, вообще говоря, лучше помедлить да сделать хорошо, чем торопиться. Надобно, чтобы эта работа имела einen bleibenden Werth*, а не одно только значение полемической выходки. А что Николаю Константиновичу[3] не поздоровится, в этом Вы можете быть уверены.

«Вестника финансов» с отчетом о выставке я еще не получил, но все остальные книги, посланные мне, я думаю, получены. Газета,

* Длительное значение—Р е д.

о которой Вы говорите*, мне не очень нравится**, но я рад был бы поддержать ее чем могу. К сожалению, от меня им пользы много быть не может. Не писать ли для них разборы новых книг? Считают ли они этот отдел достаточно важным? Если да, то как бы это устроить, чтобы они присылали мне книги для разбора? А Вы, милые люди, пишите почаще. Вы так лаконичны в письмах, что я чувствую себя совсем от Вас оторванным, а при таких условиях и работать не весело. Итак, пишите и сообщите, как быть с газетиной.

Ваш[4]

[1] Настоящее письмо является ответом на письмо Потресова от 23 декабря 1896 г.

[2] Вероятно Плеханов имеет здесь в виду первую свою статью из серии «Судьбы русской критики». Статья эта: «А. Л. Волынский. Русские критики. Литературные очерки»—была напечатана вскоре в «Новом слове», 1897 г., № 7(апрель).

[3] Н. К. Михайловскому.

[4] Подписи нет.

---

* Вычеркнуты слова: «Самарский вестник».—Р е д.

** Конец письма, начиная с этого места, написан на свободной последней странице письма Потресова.—Р е д.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Анархизм и борьба с ним Плеханова—270—271, 276—277, 281—284.
Анимизм и мораль—261.
Аресты политические в России—284—285, 309.

Бабувизм—274—275.
Болгария
— борьба с руссофилами—295.
— роль Плеханова в распространении марксизма в Б.—294—295.
— социал-демократическое движение—39, 40—42.
— экономическое положение в конце XIX в.—39, 41.
Бреславльский партейтаг (1895) см. Социалистические конгрессы германские—Бреславльский.
Брюссельский международный конгресс (1891) см. Социалистические конгрессы международные—Брюссельский.
Буржуазное государство
— вмешательство в экономическую жизнь—58—64.
См. также Община русская—насаждение государственной властью.

Венский конгресс см. Социалистические конгрессы австрийские—Венский.
Вещь в себе—233.
Война и экономика—246—251, 262—264.
Выкуп крестьянских земель—60—62.

Географическая среда—210—211.
Государство буржуазное см. Буржуазное государство.
Группа народовольцев—293—294.
Группа «Освобождение труда»—280, 284—286, 296, 304.
Группа старых народовольцев—304.

Дарвинизм и марксизм—7, 29, 40—41.
Диалектический метод см. Философия Гегеля—диалектический метод.

Живопись во Франции в эпоху буржуазной революции 1789 г.—133—135, 179—184, 193, 198—199.

Завоевание см. Факторы общественного развития—завоевательный.
Зарубежная литература
— проект русской газеты в Америке—276, 278—279.
— проект создания политического оппозиционного органа (1896)—301—304.
«Земля и воля»—276.

Идеалистическая философия—206—209.
Идеологии и экономика
— их взаимоотношения—11—12, 132—138, 172, 215, 217—218, 224—225.
См. также Война и экономика; Живопись во Франции в эпоху буржуазной революции 1789 г.; Искусство; Исторический материализм; Литература; Ораторское искусство во Франции; Право и экономика; Психология и экономика; Религия и экономика; Факторы общественного развития; Экономический фактор.
Интеллигенция
— ее роль в буржуазных революциях и в борьбе за социализм—93—94, 102.
Искусство—214—215.
— развитие путем противоположностей—206, 216—218.
См. также Живопись во Франции в эпоху буржуазной революции 1789 г.; Литература.
Историки французские см. Историческая концепция Луи Блана; Фран-

цузские историки времен реставрации.
Историческая концепция Луи Блана—125—127, 176—178, 191—192, 232—233.
Исторический материализм—9—14, 25—32, 40—41, 57, 69—70, 112—125, 167—176.
— в понимании народников—7—9, 14—15, 25—32, 118—120, 162—163, 168, 170—171, 190.
— и диалектический материализм—122—125, 129—130, 173—176.
— и экономическое учение Маркса—30—31, 118—120, 148—150, 222—223.
— применимость этой теории к России—6—7, 14—18, 32—34, 40—41, 228. *См. также* Община русская — взгляд русских социал-демократов; Община русская—взгляд Маркса и Энгельса; Письмо Маркса к редактору «Отечественных записок».
См. также Идеологии и экономика; Факторы общественного развития; Экономический фактор.

«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»
— история книги—44—45, 53, 203—205.
— отклики прессы и отдельных лиц—286—288, 294—300.
Капитализм
— и пролетариат — 99—102.
— и рынки—95—96, 101—102, 291—292.
— развитие в России—99—103.
См. также Кустарное производство в России—падение; Община русская—разложение; Социал-демократия и развитие капитализма в России.
Карлсбадские постановления—93,103.
«Кающиеся дворяне»—125, 175, 191.
Конгрессы социалистические см. Социалистические конгрессы.
Критики Маркса—223.
Кустарное производство в России—падение—100, 231.

Легальная марксистская литература
— второй марксистский сборник («Язвилло»)—293, 306—307.
— «Самарский вестник»—306—307.
«Легальный марксизм»
— и революционный марксизм—65—67.
— и социализм—65—67.
Литература
— воздействие на нее различных факторов общественного развития—187—189, 218—220.
— во Франции XVIII в.—183—184, 199.
— народническая беллетристика—224—225.
См. также Заружебная литература; Легальная марксистская литература; Нелегальная литература в России 90-х годов; Романтизм в литературе.
Личность в истории см. Роль личности в истории.
Лондонский международный конгресс (1896) см. Социалистические конгрессы международные—Лондонский.

Марксизм см. Болгария—роль Плеханова в распространении марксизма; Дарвинизм и марксизм; Идеологии и экономика; Исторический материализм; «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»; Легальная марксистская литература; «Легальный марксизм»; Неокантианство и марксизм; Письмо Маркса к редактору «Отечественных записок»; Факторы общественного развития; Экономический фактор; Экономическое учение Маркса.
Марксистский сборник (второй) см. Легальная марксистская литература—второй марксистский сборник («Язвилло»).
Московский рабочий союз—301, 303.

Народная воля—294.
См. также Группа народовольцев; Группа старых народовольцев.
Народники 70-х годов—57, 64, 67—68.
Народники 80-х и 90-х годов
— выступления против марксистов в начале 90-х годов—3, 5—6, 44, 46—49, 111, 144—145.
— и государственное вмешательство в экономическую жизнь—58—64, 68, 82—83.
— идеалистический взгляд на историю—70, 72, 74—75.
— политический консерватизм—51, 56—64, 68, 82, 95, 97—98, 104—105.
См. также Община русская—взгляд народников; Письмо Маркса к редактору «Отечественных записок» в понимании народников; Субъективный метод в социологии; Экономический фактор—определение его в народнической литературе.

Народоправцы—304.
Нелегальная литература в России 90-х годов—291, 293—294.
Неокантианство и марксизм—144, 146—148, 150, 196.

«Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова»
— история книги—50—53, 291—293.
«Общество времен года»—273, 275.
«Общество друзей народа»—273, 275.
Община русская
— взгляд народников—69—70, 72, 74—75, 80—81, 95—96, 257—260.
— взгляд Маркса и Энгельса—36—37, 40—41, 228, 231. *См. также* Письмо Маркса к редактору «Отечественных записок»
— взгляд российских с.-д.—74—81, 102—103, 259—260.
— взгляд Чернышевского—22—24, 257—259.
— и социализм—95—96, 102—103.
— насаждение государственной властью—83—87, 102—103.
— переход крестьян к общинному землевладению—70—87.
— разложение—18—22, 41, 95, 99.
Ораторское искусство во Франции в эпоху буржуазной революции 1789 г.—136, 187.
«Освобождение труда» см. Группа «Освобождение труда».

Парижская коммуна
— участие русских рабочих в праздновании ее 25-летия—295—298.
Первобытные народы
— изобретения—211.
— сбережения—214.
Переделы земельные см. Община русская—переход крестьян к общинному землевладению.
Письмо Маркса к редактору «Отечественных записок»—3, 6—9, 14, 28—30, 33, 35, 39—40, 47.
— его история—6, 29.
— в понимании народников—6—7,29.
— в понимании марксистов—7—8.
Плеханов
— изгнание из Франции—269, 272, 276, 278—280, 282—285.
— переводы на английский—282—284.
— переводы на болгарский—294—295.
— предложения и проекты литературных работ — 270 — 275, 290—291, 294.
— смерть дочери—269, 276.
— участие в иностранных социал-демократических органах—275, 277, 282, 295.
— участие в коллективном труде по истории социализма — 272 — 275, 281—282.
— участие в Лондонском международном конгрессе *см.* Социалистические конгрессы международные—Лондонский.
См. также Анархизм и борьба с ним Плеханова; Болгария—роль Плеханова в распространении марксизма; «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»; «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова».
Политическая борьба
— отношение народников 70-х годов—57.
— отношение народников 80-х и 90-х годов *см.* народники 80-х и 90-х годов—политический консерватизм.
— отношение социалистов-утопистов—57.
— отношение французских просветителей—56.
— отношение революционных марксистов—57, 67.
Политический фактор см. Факторы общественного развития—политический.
Право и экономика—261—262.
Психический фактор см. Факторы общественного развития—психический.
Психология и экономика—240—245, 249, 251—252.

Рабство с точки зрения марксизма—209—210.
Раса с точки зрения марксизма—211—212.
Религиозный фактор см. Факторы общественного развития—религиозный.
Религия и экономика—242—244, 260—261.
Роль личности в истории—12—14, 20, 255—257.
— великие люди—220—221, 253—255, 264.
— марксистская точка зрения в преломлении противников марксизма—253—257.
Романтизм в литературе—218—220.
— борьба с классицизмом во Франции—158 —159, 197—198.
РСДРП
— группы содействия—203.
См. также Группа «Освобождение труда»; Московский рабочий союз; «Русское социал-демократическое общество» (Нью-Йорк); «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»; «Со-

юз русских социал-демократов за границей».
Румыния
— социал-демократическое движение—300—301.
Русское социал-демократическое общество (Нью-Йорк)—278, 280.
Рынки и капитализм см. Капитализм—рынки.

«Самарский вестник» см. Легальная марксистская литература—«Самарский вестник».
Свобода и необходимость—13—14, 36, 225—226.
Социал-демократическое движение
— в Болгарии *см.* Болгария—социал-демократическое движение.
— в Румынии *см.* Румыния—социал-демократическое движение.
Социал-демократия и развитие капитализма в России—93—94, 99, 102, 228—229, 256—257.
Социалистические конгрессы австрийские
— Венский (1894)—277.
Социалистические конгрессы германские
— Бреславльский (1895)—229—230, 236.
Социалистические конгрессы международные
— Брюссельский (1891)—281.
— Лондонский (1896)—298—301.
— Цюрихский (1893)—279, 281.
Социалистические конгрессы французские
— Марсельский (1892)—285.
— Нантский (1894)—284—285.
Социалисты иностранные
— их участие в русской социал-демократической печати—289—290.
Социалисты-утописты—213—214.
— и русские субъективные социологи—230.
Социология см. Исторический материализм; Субъективный метод в социологии.
«Союз борьбы за освобождение рабочего класса»—297—298, 300—301, 303.
«Союз русских социал-демократов за границей»—296.
Стачечное движение в России—293—294, 300.
Субъективный метод в социологии—34, 41, 43, 141—144, 153—156, 185—186, 190, 221—224, 226—227, 230.

Факторы общественного развития
— взаимодействие их—242—245.
— завоевательный—246, 262—264.
— политический—122, 160—161, 172, 187—188.
— психический—239—240,243—245.
— религиозный—242—244, 261.
См. также Идеологии и экономика; Экономический фактор.
Философия см. Вещь в себе; Диалектический метод; Идеалистическая философия; Неокантианство и марксизм; Свобода и необходимость.
Философия Гегеля—206—209.
— диалектический метод—143—144, 206—207.
— исторические взгляды—208.
— отношение Белинского—231—232.
— отношение Чернышевского—139—142, 151—154.
— триада—24, 34, 286—287.
«Фонд вольной русской прессы»—104, 281, 304—305.
Французская живопись см. Живопись во Франции в эпоху буржуазной революции 1789 г.
Французская рабочая партия
— конгрессы *см.* Социалистические конгрессы французские.
Французские историки времен реставрации—127—129, 137, 232—233.
Французские материалисты XVIII в.
— механический характер их материализма—212.
— попытки материалистического объяснения истории—212—213.
Французские просветители XVIII в. см. Политическая борьба—отношение французских просветителей.
«Free Russia» (кружок)—284.

Цюрихский международный конгресс (1893) см. Социалистические конгрессы международные—Цюрихский.

Шестидесятники
— их наследство—143—144, 156,185—186, 195, 259—260.

Экономический фактор
— и духовные потребности—112—115, 131—133, 163—167, 178—179.
— определение его в народнической литературе—112—115.
См. также Исторический материализм; Идеологии и экономика; Факторы общественного развития.
Экономическое учение Маркса—26—27, 119—120, 148—149.

«Язвилло» см. Легальная марксистская литература—второй марксистский сборник.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ КНИГ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ, УПОМЯНУТЫХ В СБОРНИКЕ*

А. НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Адрес московских рабочих—«Работник», 1896, № 1—2, отд. II, стр. 100—102.—296.

Адрес петербургских рабочих—«Работник», 1896, № 1—2, отд. II, стр. 103—105.—297—298.

Аксельрод П. Б. Письмо Г. В. Плеханову 21 октября 1897 г.—*в кн.* «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. 1. М. 1925, стр. 177—179.—109.

Антонович, М. А. Два типа современных философов (Три беседы о современном значении философии. Соч. Лаврова)—«Современник», 1861, № 4, стр. 349—418.—186, 201.

Бакалов, Г. И. Г. В. Плеханов в Болгарии—«Летописи марксизма», 1928, № 5, стр. 45—55.—295.

Белинский, В. Г. Литературные мечтания (Элегия в прозе)—«Молва», 1834, № 9—12. Сочинения, ч. I, М. 1881, стр. 1—125.—111.

Белинский, В. Г. Менцель, критик Гете—Сочинения, ч. III. М. 1884, стр. 277—326.—232.

Белинский, В. Г. Письмо к Боткину, В. П. 1 марта 1841 г.—*в кн.* Белинский. Письма, т. II (1839—1843). Спб. 1914, стр. 212—221.—231.

Белинский, В. Г. Рец. на кн. В. Жуковский. Бородинская годовщина—Сочинения, ч. III. М. 1884, стр. 254—264.—232.

Белинский, В. Г. Сочинения. С портр. автора и его факсим., 3-е изд. М., тип. Грачева и К°, 1875—1884.
Ч. I, стр. 1—125. Литературные мечтания (Элегия в прозе).—111.
Ч. III, стр. 254—264. *Рец. на кн.* В. Жуковский. Бородинская годовщина.—232.
Ч. III, стр. 277—326. Менцель, критик Гете.—232.

Бельтов, Н. см. Плеханов, Г. В.

[*Благоев, Д. Н.*] *Братанов, Д.* Що е социализм и има ли почва у нас? Търново 1891.—41—42.

Боборыкин, П. Д. По-другому. Роман

* Настоящие указатели—библиографический и именной—составлены по следующему принципу: отсылки к страницам текста даны не только в тех случаях, когда на странице имеется прямое упоминание данного имени или данного произведения, но и в тех случаях, когда это имя или произведение подразумевается.

При составлении библиографического указателя преимущество отдавалось тому изданию упоминаемой книги, которым пользовался или мог пользоваться Г. В. Плеханов, т. е. в первую очередь изданию, указанному им самим в тексте; во вторую—изданию, имеющемуся в его библиотеке. При невозможности привести указанные издания, давалось любое издание данной книги, найденное в ленинградских книгохранилищах или в библиографических справочниках.

Звездочки слева означают, что ни самой книги, ни ее точного библиографического описания найти не удалось.—Ред.

в двух частях—«Вестник Европы», 1897, № 2, стр. 567—739; № 3, стр. 5—74; № 4, стр. 459—533.—228—229, 235—236.

Бочаров, П. см. Плеханов, Г. В.

Братанов, Д. см. Благоев, Д. Н.

Булгаков, С. Н. Закон причинности и свобода человеческих действий—«Новое слово», 1897, № 8, стр. 182—199.—196.

Булгаков, С. Н. Капитализм и земледелие, т. I—II. Спб., тип. и лит. В. А. Тизанова, 1900.—234.

В. В. см. Воронцов, В. П.

Вернер, К. А. Кустарные промыслы в Богородском уезде (по местным исследованиям 1889—1890 г.)—Статистический ежегодник Московской губернии за 1890 г. М. 1890, стр. 1—59.—100, 106.

«Вестник Европы». Журнал истории—политики—литературы. Спб.

1877, № 9, стр. 64—105. *Жуковский, Ю. Г.* Карл Маркс и его книга о капитале.—191.

1894, № 7, стр. 5—25. *Кареев Н. И.* Экономический материализм в истории.—112—115, 161—163, 165, 178—179, 182, 190, 198.

1897, № 2, стр. 567—739; № 3, стр. 5—74; № 4, стр. 459—533. *Боборыкин, П. Д.* По-другому. Роман в двух частях.—228—229, 235—236.

[*Общая ссылка*]. —29, 35, 104, 191, 200.

«Вестник народной воли». Революционное социально-политическое обозрение. Женева.

1884, № 2, стр. 1—36. *Тарасов, К.* [*Русанов, Н. С.*]. Политический и экономический факторы в жизни народов.—49.

1884, № 2, стр. 227—262. *Тихомиров, Л.* Чего нам ждать от революции?—65.

1886, № 5, стр. 215—218. *Маркс, К.* Письмо.—3, 6—9, 11, 14—16, 28—30, 33, 35—36, 39—40, 42, 47—48, 223.

[*Общая ссылка*].—6, 49, 89.

«Воинствующий материалист». Сборники. М. (Общество воинствующих материалистов).

1925, № 3, стр. 121—125. *Плеханов, Г. В.* Письма к Ф. Энгельсу.—51, 231.

1925, № 4, стр. 208—218. *Плеханов, Г. В.* Письма к В. Либкнехту.—269, 276—277.

Волгин, А. см. Плеханов, Г. В.

Волынский, А. Л. Русские критики. Литературные очерки. Спб., тип. М. Меркушева, 1896.—193, 308.

[*Воронцов, В. П.*] *В. В.* Артель в кустарном промысле. Спб., тип. В. Киршбаума, 1895 (Мелкое производство в России, I).—55, 69.

[*Воронцов, В. П.*] *В. В.* Артельные начинания русского общества. Спб., тип. М. Н. Скороходова, 1895 (Мелкое производство в России, II).—100, 106.

[*Воронцов, В. П.*] *В. В.* Крестьянская община—*в сб.* «Итоги экономического исследования России по данным земской статистики», т. I.—46, 48, 55—56, 68—80, 82, 87.

[*Воронцов, В. П.*] *В. В.* Наши направления. Спб., тип. М. Стасюлевича, 1893.—3, 46, 55, 63, 67, 69, 89.

[*Воронцов, В. П*] *В. В.* Очерки кустарной промышленности в России. Спб., тип. В. Киршбаума, 1886.—46, 48, 55, 69.

[*Воронцов, В. П.*] *В. В.* Очерки современных направлений: экономический материализм на русской почве. (Н. Бельтов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю). «Новое слово», 1895, № 2, стр. 100—135; № 3, стр. 42—77.—292—293.

[*Воронцов, В. П.*] *В. В.* Попытки обоснования народничества (статья вторая)—«Русское богатство», 1892, №3, стр. 68—88.—3, 5—6, 8—9, 35.

[*Воронцов, В. П.*] *В. В.* Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. Спб., тип. И. Н. Скороходова, 1892. 46, 48.

[*Воронцов, В. П.*] *В. В.* Судьбы капитализма в России. Спб., тип. М. М. Стасюлевича, 1882.—58, 64.

«Вперед!» Двухнед. обозрение. Лондон, Наборная журнала «Вперед».

1875, № 21, стр. 655—658. *Гольцев, В. А.* Открытое письмо к редактору «Вперед». В статье [Лавров П. Л.] «Ответ русскому конституционалисту».—237.

[*Общая ссылка*].—104, 281.

Габе, П. О земледельческом вопросе [на болгарском яз.].—40, 42.

Гегель, Г. В. Ф. Философия права. Перев. Б. Столпнера. М.—Л. 1934.—221.

Гейне, Г. Германия. Зимняя сказка. Перев. В. И. Водовозова—Собрание сочинений под ред. Петра Вейнберга, т. VIII. Спб., Б. П. Вейнберг, 1908, стр. 191—271.—254.

Герцен, А. И. Дневник 1844 г., май—Герцен, А. И. Полное собрание сочинений под ред. М. Лемке, т. III. Спб. 1919, стр. 326—329.—56, 88.

Гете, В. Фауст—*в кн.* В. Гете. В трех томах под ред. А. Е. Грузинского, т. III. М., тип. т-ва А. А. Левенсон, 1912 (Европейские классики), стр. 1—202.—14, 36, 130, 138, 193—194.

Гизо, Ф. История английской революции, ч. I—II. Перев. с фр. Спб. 1859—1860.—128.

Гизо, Ф. История цивилизации во Франции, т. I и II. Перев. П. Г. Виноградова. М., К. Т. Солдатенков, 1877.—128.

Гизо, Ф. История цивилизации во Франции, т. III и IV. Перев. М. Корсак. М., К. Т. Солдатенков, 1881.—128.

Глинский, Б. Б. Молодежь и ее руководители—«Исторический вестник», 1895, № 12, стр. 931—960.—259, 265.

Гоголь, Н. В. Ревизор—Полное собрание сочинений, т. II. М., тип. Т. И. Гаген, 1884, стр. 179—269.—117, 241.

Гольцев, В. А. Об экономическом материализме—«Русская мысль», 1896, № 4, стр. 129—141.—237—265.

[*Гольцев, В. А.*] Открытое письмо редактору «Вперед»—«Вперед», 1875, № 21. В статье [Лавров, П. Л.] «Ответ русскому конституционалисту», стр. 655—658.—237.

Гончаров, И. А. Обрыв. Роман в пяти частях—Полное собрание сочинений, т. IV—V. Спб., Глазунов, 1886.—103, 106.

Гофштеттер, И. Доктринеры капитализма (По поводу книги г. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России»). Спб., паровая скоропечатня А. А. Пороховщикова, 1895.—95, 103.

Грибоедов, А. С. Горе от ума—Сочинения. Спб., Александр Смирдин, 1854 (Полное собрание сочинений русских авторов).—56, 108, 144, 156, 186, 201—202.

Гриневич, П. Ф. [*Якубович*]. Обзор нашей современной поэзии—«Русское богатство», 1897, № 8, стр. 131—156.—196—197.

Группа «Освобождение труда». Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча. Под ред. Л. Г. Дейча. Сборники I—VI. М.—Л., «Гос. изд-во», 1924—1928.

№ 2, стр. 223—224. *Маркс, К.* Письмо В. Засулич 8 марта 1881 г.—36.

№ 2, стр. 306—338. Переписка Плеханова, Г. В. с Фр. Энгельсом.—51, 231.

№ 3, стр. 245—259. Переписка Плеханова, Г. В. с иностранными товарищами.—44, 274—275, 281—282.

№ 4, стр. 277—310. *Засулич, В. И.* Письма к Г. В. Плеханову.—107—108.

№ 5, стр. 200—230. Переписка Карла Каутского и Г. В. Плеханова.—270, 274—275.

№ 6, стр. 172—250. *Засулич, В. И.* Письма к Г. В. Плеханову.—107—108.

Гуго, К. Социализм во Франции в 17 и 18 столетиях (История социализма в монографиях. Предшественники новейшего социализма). Иваново-Вознесенск, «Основа», 1924.—282.

Даниельсон, Н. Ф. см. Николай —он.

Декабристам—«Полярная звезда». Лондон 1858, № 4, стр. 274; «Лютня». Лейпциг 1869.—94, 103.

«Дело». Журнал литературно-политический. Спб.

1881, № 11, стр. 107—118. *Личков, Л. С.* Выкупная операция, как разрушитель общины.—21, 38.

[*Общая ссылка*].—200.

«День». Мѣсечно списание на работническата соц.-демократич. партия. София.

[*Общая ссылка*].—42.

Дмитриев, М. А. К безыменному критику—Сборник стихотворений, ч. I. М. 1865, стр. 34.—98, 105.

Добров. Откровенное слово о важнейших событиях нашей внутренней жизни за последнее двадцатипятилетие (1855—1880). Спб. 1880.—63, 104—105.

* *Добровольский, И. И.* Довлеет дневи злоба его—«Самоуправление», 1888, № 2. — 99, 104.

[*Добролюбов, Н. А.*] *Конрад Лилиеншвагер.* Мотивы современной поэзии — «Свисток», 1858, № 1; Сочинения, т. IV. Спб. 1871, стр. 384—390.—186, 201.

Добролюбов, Н. А. Сочинения. 2-е изд. без перемен. Спб., тип. Н. Нехлюдова, 1871.

Т. II, стр. 578—620. Что такое обломовщина?—260.

Т. IV, стр. 384—390. *Конрад Лилиеншвагер.* Мотивы современной поэзии.—186, 201.

Добролюбов, Н. А. Что такое обломовщина? (Обломов. Роман И. А. Гончарова)—Сочинения, т. II. Спб. 1871, стр. 578—620.—260.

Еврейские рабочие против еврейских капиталистов см. Мартов, Л.

«Жизнь». Литературный, научный и политический журнал. Выходит 2 раза в месяц. Спб.
[*Общая ссылка*].—196.
Жуковский, Ю. Г. Карл Маркс и его книга о капитале—«Вестник Европы», 1877, № 9, стр. 64—105. —191.
Жуковский, Ю. Г. Политические и общественные теории XVI века. Спб. 1866.—130, 192.

Заблоцкий-Десятовский, А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Материалы для истории Александра I, Николая I и Александра II, т. I—IV. Спб., тип. М. М. Стасюлевича, 1882.—85, 87.
«Заря». Социал-демократический научно-политический журнал. Изд. при ближайшем участии Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и П. Б. Аксельрода. Stuttgart.
1901, № 1, стр. 75—117; № 2—3, стр. 101—155; 1902, № 4, стр. 1—31. *Плеханов, Г.* Критика нащих критиков, ч. I—III. Г. П. Струве в роли критика марксовой теории социального развития.—223.
[*Засулич, В. И.*] *Карелин Н.* Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей. Спб., типо-лит. А. Лейферта, 1898.—314 —315.
Засулич, В. И. Письма к Г. В. Плеханову—*в сб.* Группа «Освобождение труда», № 4, стр. 277—310; № 6, стр. 172—250.—107—108.
[*Засулич, В. И.*] *Иванов, В.* Плохая выдумка (По поводу романа Боборыкина «По-другому»)—«Новое слово», 1897, № 12, отд. II, стр. 1—19; Сборник статей В. И. Засулич, т. II. [Спб.], «Б-ка для всех» О. Н. Рутенберг, [1907], стр. 195—219.—228—229, 236.
Засулич, В. И. [Приветствие русских соц.-демократов десятому национальному конгрессу французской рабочей партии в Марселе]—«С родины и на родину», 1893, № 2, стр. 106. —285.
Засулич, В. И. Сборник статей. [Спб.], «Б-ка для всех» О. Н. Рутенберг, [1907].
Т. II, стр. 195—219. Плохая выдумка (По поводу романа Боборыкина «По-другому»).—228—229, 236.
Зибер, Н. И. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. Опыт критико-экономического исследования. Спб. 1885.—38.
[*Зибер, Н. И.*] *Н. З.* Диалектика в ее применении к науке—«Слово», 1879, № 11, стр. 117—169.—287.
Зибер, Н. И. Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале»—«Отечественные записки», 1877, № 11, отд. II, стр. 1—32. —191.
Златовратский, Н. И. Белый старичок (Из народных рассказов)—«Русское богатство», 1892, № 3, стр. 158—169.—20, 37.
Златовратский, Н. И. Очерки народного настроения—«Русская мысль», 1884, № 1, стр. 82—103.—18, 37.

Иванов, В. см. Засулич, В. И.
Ильин, В. см. Ленин, В. И.
«Искра». Центральный орган российской социал-демократической рабочей партии (Мюнхен—Лондон—Женева).
1903, №№ 32—35 и 39. *Плеханов, Г. В.* Пролетариат и крестьянство. Гл. I. Небольшая историческая справка. Гл. II—V. Пролетариат и крестьянство на Западе.—52.
[*Общая ссылка*].—52, 196, 204, 291, 314.
Историко-статистический сборник. По вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Алтай, изд. В. Л. Г-ва, под ред. П. А. Голубева. Томск, тип. Михайлова и Макушина, 1890.—99, 106.
«Исторический вестник». Историко-литературный журнал. Спб.
1895, №12, стр. 931—960. *Глинский, Б. Б.* Молодежь и ее руководители.—259, 265.
[*Общая ссылка*].—265.
Итоги экономического исследования России по данным земской статистики, т. I—II. Москва—Дерпт 1892.
Т. I [*Воронцов, В. П.*] *В. В.* Крестьянская община. —46, 48, 55—56, 68—80, 82, 87.

К. П-в, см. П-в, К. М.
Каблиц, И. И. см. Юзов, И.
Каменский, Н. см. Плеханов, Г. В.
Кареев, Н. И. Источники исторических перемен—«Русское богатство», 1892, № 1, стр. 37—50.—3.
Кареев, Н. И. Старые и новые этюды об экономическом материализме. Материалы для истории и критики экономического материализма. Спб., тип. М. М. Стасюлевича, 1896.—213, 222.
Кареев, Н. И. Экономический материализм в истории—«Вестник Европы», 1894, № 7, стр. 5—25.— 112—115, 161—163, 165, 178—179, 182, 190, 198.
Карелин, Н. см. Засулич, В. И.
Каутский, К. Движущие силы и перспективы русской революции.
Перев. с нем. («Neue Zeit», №№ 9 и 10, 25 Jahrg., Bd. I). Под ред. и с предисл. Н. Ленина. М., кн-во «Новая эпоха», 1907.—IV.
Каутский, К. Письма к Г. В. Плеханову *см.* Переписка Карла Каутского с Г. В. Плехановым.
Каутский К. Эрфуртская программа. Перев. с нем. Stuttgart, J. H. W. Dietz Nachf., 1903.—101, 106.
Кирсанов, А. см. Плеханов, Г. В.
Ковалевский, В. И. Производительные силы России. Краткая характеристика различных отраслей народного труда соответственно классификации выставки. Спб. 1896.—306—307.
Ковалевский, М. М. Происхождение современной демократии, т. I—IV. М. 1895.—288.
Конрад Лилиеншвагер см. Добролюбов, Н. А.
Короленко, В. Г. По нижегородскому краю. Гл. VII. Бунтовщики-васильевцы—«Русские ведомости», 1892, № 155, 7. VI.—19, 37.
[*Кремер, А. И.*] Об агитации. С предисл. и послесловием П. Б. Аксельрода. Женева, Союз русск. соц.-демократов, 1896.—293—294.
[*Кривенко, С. Н.*] *С. К.* Хроника внутренней жизни—«Русское богатство», 1892, № 3, отд. II, стр. 301—326; № 6, отд. II, стр. 52—68.—3—6, 8—9, 35, 47—48.
Круглов, А. В. Горе Солохонушки (из записной книжки)—«Русская речь», 1880, № 9, стр. 246—282.—63, 88—89, 98, 104—105.
Круглов, А. В. Живые души. Очерки и рассказы (1879—1881). Спб., тип. В. С. Балашева, 1885.—88.
Куделли, П. Ф. Народовольцы на перепутье. Дело Лахтинской типографии. С прилож. документов и «Летучих листков» Группы народовольцев 1892 и 1895 гг. Л., «Гос. изд.», 1925.—294.

[*Лавров, П. Л.*] Ответ русскому конституционалисту—«Вперед», 1875, № 21, стр. 655—658.—237.
Лавров, П. Л. Очерки вопросов практической философии. Сочинения П. Л. Лаврова. I. Личность. Спб. 1860.—186, 201.
Лавров, П. Л. Три беседы о современном значении философии —«Отечественные записки», 1861, № 1, стр. 91—142.—186, 201.
Ленин, В. И. Аграрный вопрос и «критики Маркса»*—Сочинения, т. IV, стр. 175—273.—234.
Ленин, В. И. Еще раз о профсоюзах. М., Отдел печати Московского совета Р. К. и К. Д., 1921; Сочинения, т. XXVI, стр. 113—145.—III—IV.
[*Ленин, В. И.*] К рабочим и работницам фабрики Торнтона. [Прокламация Союза борьбы за освобождение рабочего класса]—«Работник», 1896, № 1—?, стр. 28—31; Сочинения, т. I, стр. 449—452.—293—294.
Ленин, В. И. Марксизм и ревизионизм—*в сб.* Памяти Карла Маркса. Спб., О. и М. Кедровых, 1908; Сочинения, т. XII, стр. 183—189. —IV.
Ленин. В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М., «Зерно», 1909;
Сочинения, т. XIII, стр. 11—295.—147.
Ленин, В. И. Мелко-буржуазный и пролетарский социализм — «Пролетарий», 1905, № 24;
Сочинения, т. VIII, стр. 360—366.—III.
Ленин, В. И. Народники о Н. К. Михайловском—Сочинения, т. XVII, стр. 223—225.—34.
[*Ленин, В. И.*] *Ильин, В.* Об авантюризме—«Рабочий», 1914, № 7, 9/22 июня, стр. 2—3;
Сочинения, т. XVII, стр. 414—416.—IV.
[*Ленин, В. И.*] *Ильин, В.* От какого наследства мы отказываемся?—*в сб.*

* Впервые напечатано в «Заре» под заглавием «Гг. критики в аграрном вопросе».—Ред.

Ильин Владимир. Экономические этюды и статьи. Спб., типо-лит. А. Лейферта, 1899, стр. 227—261; Сочинения, т. II, стр. 305—338.—194—195.

Ленин, В. И. Перлы народнического прожектерства—Сочинения, т. II, стр. 277—302.—190.

Ленин, В. И. Предисловие к русскому переводу книги: Каутский, К. Движущие силы и перспективы русской революции. Перевод с немецк. («Neue Zeit», № 9—10, 25 Jahrg., Bd. I). Под ред. и с предисл. Н. Ленина. М., кн-во «Новая эпоха», 1907; Сочинения, т. X, стр. 227—231.—IV.

Ленин, В. И. Развитие капитализма в России—Сочинения, т. III, стр. 1—477.—90.

Ленин, В. И. Сочинения. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М.—Л. 1927—1935.

Т. I, стр. 223—362. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе).—196.

Т. I, стр. 449—452. К рабочим и работницам фабрики Торнтона.—293—294.

Т. II, стр. 277—302. Перлы народнического прожектерства.—190.

Т. II, стр. 305—338. От какого наследства мы отказываемся? —194—195.

Т. III, стр. 1—477. Развитие капитализма в России.—90.

Т. IV, стр. 175—273. Аграрный вопрос и «критики Маркса».—234.

Т. VIII, стр. 360—366. Мелко-буржуазный и пролетарский социализм.—111.

Т. X, стр. 227—231. Предисловие к русскому переводу книги Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции».—IV.

Т. XII, стр. 183—189. Марксизм и ревизионизм.—IV.

Т. XIII, стр. 11—295. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии.—147.

Т. XVII, стр. 223—225. Народники о Н. К. Михайловском.—34.

Т. XVII, стр. 414—416. Об авантюризме.—IV.

Т. XXVI, стр. 113—145. Еще раз о профсоюзах.—III—IV.

[*Ленин, В. И.*] *Ильин В.* Экономические этюды и статьи. Спб., типо-лит. А. Лейферта, 1899, стр. 227—261. От какого наследства мы отказываемся?—195.

[*Ленин, В. И.*] *Тулин, К.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)—*в сб.* Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития. Спб., тип. П. П. Сойкина, 1895, стр. 1—144; Сочинения, т. I, стр. 223—362.—196.

«Ленинский сборник». М.—Лг. [Институт Ленина при ЦК РКП(б)].

Т. IV, стр. 211—212. *Плеханов, Г. В.* Письмо к В. И. Ленину (начало февраля 1903 г., Женева).—52.

Леткова, Е. П. Мертвая зыбь (повесть)—«Русская мысль», 1897, №10, стр. 51—106; № 11, стр. 1—61.—186, 200.

«Летописи марксизма» (Записки Института К. Маркса и Фр. Энгельса). М.—Лг. 1928, № 5, стр. 45—55. *Бакалов, Г. И.* Г. В. Плеханов в Болгарии.—295.

1928, № 5, стр. 49. *Плеханов, Г. В.* Заметка.—295.

1928, № 5, стр. 50—52. *Плеханов Г. В.* Приятный ответ «Молодой Болгарии».—95.

«Летучие листки», изд. фондом вольной русской прессы в Лондоне. Под ред. Ф. Волховского. Вых. непериодически. London.

1894, № 11, 14 октября. Право убежища.—285.

[*Общая ссылка*].—291—292, 302, 304.

**«Летучий листок Группы народовольцев».*

[*Общая ссылка*].—293—294.

«Листок работника». Выходит непериодически. Изд. «Союза русск. соц.-дем.». Женева.

1898, №8, стр. 36. Сообщение о книге Бельтова.—234.

«Литература и искусство». Журнал марксистской критики и методологии. М.

1930, № 2, стр. 8—26; № 3—4, стр. 9—21. *Плеханов. Г. В.* Об «экономическом факторе» (окончательная редакция).—109.

Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сборник III. Искусство. Под ред. П. Ф. Юдина, И. Д. Удальцова и Р. М. Плехановой. М., Соцэкгиз, 1936, стр. 160—162. *Плеханов, Г. В.* Мысли и заметки. К вопросу о факторах.—185.

«Литературное наследство». М., Журнально-газетное объединение (Рапп и Институт ЛИЯ Комакадемии).

№ 1, 1931, стр. 54—59. *Плеханов, Г. В.* Рецензия на книгу Г. Лансона. История французской литературы. XIX век. Перев. с франц. Под ред. П. О. Морозова. Спб., «Образование», 1897.—235.

№ 2, 1932, стр. 1—5. *Энгельс, Фр.* Письмо к Маргарет Гаркнес.—235.

Личков, Л. С. Выкупная операция как разрушитель общины—«Дело», 1881, № 11, стр. 107—118.—21,38.

**«Лъча».*—40—42.

Льюис, Дж. Г. История философии (Biographical history of philosophy). Перев. с последнего англ. изд. С прилож. ст. В. Д. Вольфсона. О жизни и учении Шопенгауера и Гартмана. Изд. 3-е с полным алфав. указ. Спб., типо-лит. А. Якобсона, 1897.—139, 151, 184, 231.

Лютня. Собрание свободных русских песен и стихотворений. Лейпциг 1869. Декабристам.—94, 103.

М. М. Стихотворения. Спб., тип. А. А. Пороховщикова, 1897.—154—155, 196—197.

Маркс, К. Капитал.

[*Общая ссылка*].—6—7, 14, 25—26, 29—30, 40—42, 119, 129, 142—143, 146—147, 160, 223—225, 254, 284, 303.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии, т. I. Перев. с нем. Спб., Н. П. Поляков, 1872*.—222, 235, 293.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. 2-е изд., испр. и дополн. по 4-му нем. изд., т. I, кн. 1. Процесс производства капитала. Спб. 1898.—293.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии, т. I, кн. 1. Процесс производства капитала. Перев. под ред. П. Струве. Вып. 1—2. Спб., О. Н. Попова, 1899.—293.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Издание под ред. Фридриха Энгельса. Перев. с нем., т. II, кн. 2. Процесс обращения капитала. Спб., А. А. Бубнов, 1885.—223.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Изд. под ред. Фр. Энгельса. Перев. с нем., т. III, кн. 3. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Спб., тип. В. Демакова, 1896.—223.

Маркс, К. Наемный труд и капитал. Перев. с нем. изд. 1870 г. С двумя приложениями. Женева, «Вольная русская тип.», 1883 (Русская социально-революционная б-ка).—10—11.

Маркс, К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» Г. Прудона. С предисл. и примеч. Фр. Энгельса и двумя прилож. Женева, тип. Группы «Освобождение труда», 1886 (Б-ка современного социализма. Серия I, вып. 5-й).—141, 295.

Маркс, К. О Фейербахе. Приложение II к книге Энгельс, Фр. Людвиг Фейербах. Перев. с нем. Г. Плеханова с двумя прилож. и с объяснит. примеч. переводчика. Женева, тип. «Социал-демократа», 1892 (Б-ка современного социализма. Серия 1, вып. 1-й).—230.

Маркс, К. Письмо В. Засулич 8 марта 1881 г.—*в сб.* Группа «Освобождение труда», № 2, стр. 223—224.—36.

Маркс, К. Письмо [к редактору «Отечественных записок»]—«Юридический вестник», 1888, октябрь, стр. 270—273; «Вестник народной воли», 1886, № 5, стр. 215—218;

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, стр. 375—378.—3, 6—9, 11, 14—16, 28—30, 33, 35—36, 39—40, 42, 47—48, 223.

Маркс, К. и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Перев. с нем. изд. 1872 г. С предисл. авторов. Женева, «Вольн. русск. тип.», 1882 (Русская социально-революционная б-ка, кн. III).—16, 33, 36, 38, 40, 292.

Маркс, К. и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Перев. с нем. С предисл. Г. Плеханова. Женева, Рев. орг. «Социал-демократ», 1900 (Б-ка современного социализма. Серия II, вып. 1).—217—218.

[*Мартов, Л.*] Еврейские рабочие против еврейских капиталистов—«Работник», 1896, № 1—2, стр. 81—88.—293—294.

Материалы для истории русского социально-революционного движения. С прилож. «С родины и на родину». Женева 1893—1896.

[*Общая ссылка*].—302—304.

Материалы к истории еврейского рабочего движения. Вып. I—II. Спб., «Трибуна», 1906—1907.—296.

Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития. Сборник статей. Спб., тип. П. П. Сойкина, 1895.

* Это издание было в точности воспроизведено в Нью-Йорке в 1895—1896 гг.—Ред.

Часть II, стр. 1—144. [*Ленин, В. И.*] *Тулин, К.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе).—196.

Часть II, стр. 225—259. [*Плеханов Г. В.*] *Утис.* Несколько слов нашим противникам (материалы для истории цивилизации в русской литературе).—125—126, 176, 186, 201—202, 205, 232, 287.

[*Общая ссылка*].—234.

«*Мир божий*». Ежемесячный литературный и научно-популярный журнал для самообразования. Спб. 1895, № 12, стр. 101—118. *Туган-Барановский, М. И.* Значение экономического фактора в истории.—138, 194.

[*Общая ссылка*].—194.

Михайловский Н. К. Записки профана—Сочинения, т. III. Спб. 1897, стр. 275—904.—88, 148.

Михайловский, Н. К. Из литературных и журнальных заметок 1874 г.; Сочинения, т. II. Спб. 1896, стр. 533—676.—98, 125, 176, 191.

Михайловский, Н. К. Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского—«Отечественные записки», 1877, № 10, стр. 321—356; Сочинения, т. IV. Спб. 1897, стр. 165—206.—6, 28, 35, 191.

Михайловский, Н. К. Литература и жизнь—«Русская мысль», 1892, № 6, отд. II, стр. 172—204; Сочинения, т. VII. Спб. 1909, стр. 297—338.—3, 5—9, 21, 24—26, 29, 32, 35, 38, 40, 42, 47.

Михайловский, Н. К. Литература и жизнь—«Русское богатство», 1894, № 1, отд. II, стр. 88—128; № 2, отд. II, стр. 148—168; Сочинения, т. VII. Спб. 1909, стр. 715—758.—44, 47, 113, 115—116, 161—162, 186, 190, 201.

Михайловский, Н. К. Литература и жизнь (О г. Струве и его «Критических заметках по вопросу об экономическом развитии России»)—«Русское богатство», 1894, № 10, отд. II, стр. 45—77; Сочинения, т. VII, стр. 885—934.—194.

Михайловский, Н. К. Литература и жизнь («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Н. Бельтова)—«Русское богатство», 1895, № 1, отд. II, стр. 137—154; Сочинения, т. VIII. Спб. 1914, стр. 15—36.—125, 186, 191—192, 194, 201, 286—287.

Михайловский, Н. К. Литература и жизнь [О г. Туган-Барановском и экономическом факторе в истории.—Еще о г. Туган-Барановском и экономическом факторе.—Опять г. Туган-Барановский.—В последний раз о г. Туган-Барановском]—«Русское богатство», 1896, № 1, отд. II, стр. 52—67; № 2, отд. II, стр. 133—162; № 4, отд. II, стр. 120—124; № 5, отд. II, стр. 142—149; Сочинения, т. VIII. Спб. 1914, стр. 285—303; 303—338; 364—369; 385—394.—125, 130, 184, 191—192, 194, 200.

Михайловский, Н. К. Литература и жизнь [О совести г. Минского, страхе смерти и жажде бессмертия.—О наших умственных течениях за полвека.—О новых словах и «Новом слове».—О речи проф. Светлова.—О г. Волынском и скандалистах вообще]—«Русское богатство», 1897, № 10, отд. II, стр. 161—195; Сочинения, т. VIII. Спб. 1914, стр. 665—706.—107—190, 195, 197—198.

Михайловский, Н. К. Литературные заметки—«Отечественные записки», 1880, № 10, стр. 197—313; Сочинения, т. IV. Спб. 1897, стр. 837—1020.—63, 88—89, 98—99, 104—105.

Михайловский, Н. К. О жажде познания—Сочинения, т. III. Записки профана. Спб., А. Я. Панафидин, 1888, стр. 66—96.—148.

Михайловский, Н. К. Сочинения. Спб., изд. ред. журн. «Русское богатство», 1896—1914.

Т. I, стр. 1—150. Что такое прогресс?—88.

Т. II, стр. 533—676. Из литературных и журнальных заметок 1874 г.—98, 125, 176—191.

Т. III, стр. 135—208. Что такое счастье?—88.

Т. III, стр. 275—904. Записки профана.—88, 148.

Т. IV, стр. 165—206. Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского.—6, 28, 35, 191.

Т. IV, стр. 837—1020. Литературные заметки 1880 г., октябрь.—63, 88—89, 98—99, 104—105.

Т. VII, стр. 297—338. Литература и жизнь.—3, 5—9, 21, 24—26, 29, 32, 35, 38, 40, 42, 47, 286—287.

Т. VII, стр. 715—758. Литература и жизнь.—44, 47, 113, 115—116, 161—162, 186, 190, 201.

Т. VII, стр. 885—934. Литература и жизнь. О г. Струве и его «Критических заметках по вопросу об экономическом развитии России».—194.

Т. VIII, стр. 15—36. Литература и жизнь («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Н. Бельтова).—125, 186, 191—192, 194, 201, 286—287.

Т. VIII, стр. 285—303; 303—338; 364—369; 385—394. Литература и жизнь (О г. Туган-Барановском и экономическом факторе в истории.—Еще о г. Туган-Барановском и экономическом факторе.—Опять г. Туган-Барановский. — В последний раз г. Туган-Барановский).—125, 130, 184, 191—192, 194, 200.

Т. VIII, стр. 665—706. Литература и жизнь (О совести г. Минского, страхе смерти и жажде бессмертия.—О наших умственных течениях за полвека.—О новых словах и «Новом слове».—О речи проф. Светлова.—О г. Волынском и скандалистах вообще).—107—190, 195, 197—198.

Михайловский, Н. К. Что такое прогресс? Герберт Спенсер. Собрание сочинений в 7 томах. Изд. Н. Л. Тиблена. Сочинения, т. 1. Спб. 1896, стр. 1—150.—88.

Михайловский, Н. К. Что такое счастье? (Herbert Spencer. Social statica. London 1850)—Сочинения, т. III. Спб. 1897, стр. 135—208.—88.

«Молва» 1834, № 9—12. *Белинский, В. Г.* Литературные мечтания (Элегия в прозе).—111.

[*Общая ссылка*].—189.

«*Московские ведомости*». М.

[*Общая ссылка*].—60—62, 88, 194.

Мякотин, В. А. Новые слова о старых деятелях—«Русское богатство», 1897, № 11, отд. II, стр. 94—115.—145, 195—196.

Н. З. см. [Зибер, Н. И.]

Н. П-ъ см. Чернышевский, Н. Г.

«*Научное обозрение*». Ежемесячный научно-философский журнал. Спб. 1898, № 3, стр. 605—619; № 4, стр. 706—718 [*Плеханов, Г. В.*] *Кирсанов, А.* К вопросу о роли личности в истории.—220—221, 253.

1899, № 11, стр. 2051—2084. [*Плеханов, Г. В.*] *Кирсанов, А.* Письма без адреса. Письмо первое.—215.

«*Начало*». Журнал литературы, науки и политики. Спб.

[*Общая ссылка*].—108, 194, 196, 222, 234.

«*Неделя*». Газета политическая и литературная. Выходит раз в неделю с приложением ежемесячных книжек «Неделя».

[*Общая ссылка*].—200.

Некрасов, Н. А. В деревне—Полное собрание стихотворений в двух томах (1842—1872). 6-е изд., т. I. Спб., тип. А. С. Суворина, 1895, стр. 70—73.—131—132, 165, 192.

Некрасов, Н. А. Забытая деревня—Полное собрание стихотворений в двух томах (1842—1872). 6-е изд., т. I. Спб., тип. А. С. Суворина, 1895, стр. 135—136.—20, 37.

Некрасов, Н. А. Ночь. Успели мы всем насладиться—Полное собрание стихотворений в двух томах (1842—1872). 6-е изд., т. I. Спб., тип. А. С. Суворина, 1895, стр. 197.—93, 103.

Некрасов, Н. А. Размышления у парадного подъезда—Полное собрание стихотворений в двух томах (1842—1872). 6-е изд., т. I. Спб., тип. А. С. Суворина, 1895, стр. 189—193.—62, 88.

Николай — он [*Даниельсон, Н. Ф.*] Апология власти денег, как признак времени—«Русское богатство», 1895, № 1, отд. II, стр. 155—187.—50, 291—292.

Н[*иколай*]*—он* [*Даниельсон, Н. Ф.*] Очерки нового пореформенного общественного хозяйства. Спб. 1893.—235.

Николай —он [*Даниельсон, Н. Ф.*] Что же значит «экономическая необходимость»? (Заметка)—«Русское богатство», 1895, № 3, отд. II, стр. 44—58.—226—227, 291—292.

«*Новое слово*». Журнал научно-литературный и политический. Спб. 1895, № 2, ноябрь, стр. 100—135; № 3, декабрь, стр. 42—77. [*Воронцов, В. П.*] *В. В.* Очерки современных направлений: экономический материализм на русской почве (Н. Бельтов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю).—292—293.

1896, № 1, октябрь, стр. 114—135. *Рубакин, Н. А.* Искорки. Из летних экскурсий.—307.

1897, № 7, апрель, стр. 34—62. [*Струве, П. Б.*] *Novus.* На разные темы. П. Г. Чичерин и его обращение к прошлому.—196.

1897, № 7, апрель, стр. 63—92. [*Плеханов, Г. В.*] *Каменский, Н.* Судьбы русской критики (А. Л. Волынский. Русские критики. Литературные очерки. Спб. 1896).—133, 179, 193, 307—308.

1897, № 8, май, стр. 182—199. *Булгаков, С. Н.* Закон причинности и свобода человеческих действий.—196.
1897, № 8, май, стр. 200—208. *Струве, П. Б.* Еще о свободе и необходимости.—196.
1897, № 9, июнь, стр. 54—57. [*Плеханов, Г. В.*] Рецензия на кн. Лансона История французской литературы. XIX век. Перев. с фр. под ред. П. О. Морозова. Спб., «Образование», 1897.—235.
1897, № 10, июль, стр. 1—28; № 11, август, стр. 1—22. [*Плеханов, Г. В.*] *Каменский, Н.* Белинский и разумная действительность.—231—232.
1897, № 12, сентябрь, стр. 70—98. [*Плеханов Г. В.*] *Каменский, Н.* О материалистическом понимании истории. (Labriola, Ant. Essais sur la conception materialiste de l'histoire. Avec une préface de G. Sorel. Paris 1897).—107—190, 194, 197—198, 201.
1897, № 12, сентябрь, отд II, стр. 1—19. [*Засулич, В. И.*] *Иванов, В.* Плохая выдумка. (По поводу романа Боборыкина «По-другому»). — 228—229, 236.
1897, № 3, декабрь, стр. 19—35. *Плеханов, Г. В.* Судьбы русской критики. Эстетические взгляды Чернышевского.—196, 238.
[*Общая ссылка*].—35, 107, 110—111, 117, 144—146, 150, 157—158, 169, 188, 194—195, 234, 287, 307.
«*Новое слово*», сентябрь. Библиографический отдел. Периодические издания—«Русская мысль», 1897, № 11, стр. 506—521.—195.
«*Новости*». Газета для всех. Ежедневное изд. (1871—1884). Спб.
[*Общая ссылка*].—287.
Novus см. Струве, П. Б.

О России см. Энгельс, Ф. О России.
О социальном положении в России см. Энгельс Ф. О социальном положении в России.
Об агитации см. Кремер, А. И. Об агитации.
Оболенский, Л. Е. Новый раскол в нашей интеллигенции (Н. Бельтов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.—П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России)—«Русская мысль», 1895, № 8, отд. II, стр. 29—48; № 9, отд. II, стр. 1—13.—288.
Оболенский, Л. Е. Условия прогресса (По поводу книги Н. Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Спб. 1895) — «Одесский листок», 1896, № 24.—286—287.
«*Одесский листок*». Газета литературная, политическая, коммерческая, казенных и частных объявлений. Выходит ежедневно, кроме дней послепраздничных. Одесса.
1896, № 24, 26 января. *Оболенский, Л. Е.* Условия прогресса. (По поводу книги Н. Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Спб. 1895).—286—287.
[*Общая ссылка*].—287—288.
Орлов, В. И. Формы крестьянского землевладения в Московской губернии. Сборник статистических сведений по Московской губернии, т. IV, вып. 1. М., изд. Московского губернского земства, 1879.—18, 37, 80.
«*Освобождение*». Под ред. Петра Струве, Штутгарт 1902.
[*Общая ссылка*].—196.
«*Отечественные записки*». Журнал литературный, политический и ученый. Спб.
1861, № 1, стр. 91—142. *Лавров, П. Л.* Три беседы о современном значении философии.—186, 201.
1877, № 10, стр. 321—356. *Михайловский, Н. К.* Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского.—6, 28, 35, 191.
1877, № 11, отд. II, стр. 1—32. *Зибер, Н. И.* Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале».—191.
1879, № 11, стр. 1—21. *Скворцов, А. И.* Новые проекты земельного устройства крестьян.—89.
1880, № 10, стр. 197—213. *Михайловский, Н. К.* Литературные заметки.—63, 88—89, 98—99, 104—105.
[*Общая ссылка*].—35, 88, 98, 104—105.
Отчет по сборам для издания брошюры Г. Плеханова в ответ на статьи Н. К. Михайловского о русских марксистах — «Работник», 1896, № 1—2, стр. 111.—45.

П. Л. см. Лавров, П. Л.
П-в, К. М. Четвертное землевладение (по данным Рязанской статистики)—«Русская мысль», 1886, № 2, стр. 43—59; № 3, стр. 25—43.—73—74, 76.

Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Ред. и примеч. П. А. Берлина, В. С. Войтинского и Б. Н. Николаевского. Т. I—II. М., Р. М. Плеханова, 1925.
Т. I, стр. 83. *Плеханов, Г. В.* Письмо Аксельроду, П. Б. [январь—февраль 1893].—274.
Т. I, стр. 95—97. *Плеханов, Г. В.* Письмо Аксельроду, П. Б., 2. III. 1894.—44.
Т. I, стр. 177—179. *Аксельрод, П. Б.* Письмо Плеханову, Г. В. 21. X. 1897.—109.
Т. II, стр. 188—189. *Плеханов, Г. В.* Письмо Аксельроду, П. Б. [Начало 1903].—52.
[*Общая ссылка*].—300.
Переписка Г. В. Плеханова с иностранными товарищами—в сб. Группа «Освобождение труда», № 3, стр. 245—259.—44, 274—275, 281—282.
Переписка Г. В. Плеханова с Фр. Энгельсом — в сб. Группа «Освобождение труда», № 2, стр. 306—338; «Воинствующий материалист», 1925, № 3, стр. 121—125.—51, 231.
Переписка Карла Каутского и Г. В. Плеханова—в сб. Группа «Освобождение труда», № 5, стр. 200—230.—270, 274—275.
Писарев, Д. И. Прогулка по садам российской словесности—Сочинения, т. IV. Спб. 1894, стр. 318—378.—111, 146, 190.
Писарев, Д. И. Сочинения. Полное собрание в шести томах. Спб., Ф. Павленков, 1894.
Т. I. стр. 331—402. Схоластика XIX в.—186, 201.
Т. IV, стр. 318—378. Прогулка по садам российской словесности.—111, 146, 190.
Писарев, Д. И. Схоластика XIX в.—Сочинения, т. I, стр. 331—402.—186, 201.
[*Плеханов, Г. В.*] *Каменский, Н.* Белинский и разумная действительность—«Новое слово», 1897, № 10, июль, стр. 1—28; № 11, август, стр. 1—22.—231—232.
Плеханов, Г. В. Заметка—«Летописи марксизма», 1928, № 5, стр. 49 (В статье Г. Бакалова: «Г. В. Плеханов в Болгарии»).—295.

Плеханов, Г. В. Заметка [на болгарском яз.]—«Работнически другарь», 1895, № 27.—295.
[*Плеханов, Г. В.*] *Бельтов Н.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и комп. Спб., тип. И. Н. Скороходова, 1895; Сочинения, т. VII.—V, VII, 3, 44, 50, 52, 91, 104, 109, 112—113, 121, 125—126, 138, 162—163, 171, 176—177, 188, 190—192, 194, 201—234, 255—256, 265, 275, 286—288, 294—295, 300.
То-же 2-е изд. с двумя прилож. Спб., тип. «Общественная польза», 1905.—109, 203—205.
[*Плеханов, Г. В.*] *Кирсанов, Н.* К вопросу о роли личности в истории—«Научное обозрение», 1898, № 3, стр. 605—619; № 4, стр. 706—718.—220—221, 253.
[*Плеханов, Г. В.*] *Бельтов, Н.* Критика наших критиков. Спб., тип. «Общественная польза», 1906.
Стр. III—VII. Предисловие.—108.
Стр. 307—336. О материалистическом понимании истории.—108.
Плеханов, Г. В. Критика наших критиков. Ч. I—III. Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории социального развития—«Заря», 1901, № 1, стр. 75—117; № 2—3, стр. 101—155; 1902, № 4, стр. 1—31.—223.
Плеханов, Г. В. Мысли и заметки. К вопросу о факторах—«Литературное наследие Г. В. Плеханова». М. 1936, сб. III, стр. 160—162.—185.
Плеханов, Г. В. Н. Г. Чернышевский (Статьи первая—четвертая) — «Социал-демократ», 1890, № 1, стр. 88—175; № 2, стр. 62—142; № 3, стр. 71—110; 1892, № 4, стр. 144—194.—110—111, 145, 213—214, 295.
Плеханов, Г. В. Наши беллетристы-народники. Статья 1. Г. И. Успенский — *в сб.* «Социал-демократ», 1888, стр. 28—99.—37, 224—225.
Плеханов, Г. В. Наши разногласия. Женева, тип. Группы «Освобождение труда», 1884 [на обл. 1885]. (Б-ка современного социализма. Вып. III).—У, 42, 45, 52, 89.
[*Плеханов, Г. В.*] *Ушаков, С.* Несколько слов в защиту экономического материализма. (Открытое письмо к В. А. Гольцеву)—«Русская мысль», 1896, № 9, стр. 83—106; Сочинения, т. VIII, стр. 195—221.—189, 237—265.
[*Плеханов, Г. В.*] *Утис.* Несколько слов нашим противникам (Материалы для истории цивилизации в русской литературе)—*в кн.* Материалы к характеристике нашего хо-

зяйственного развития. Сборник статей. Спб., тип. П. П. Сойкина, 1895, стр. 225—259. —125—126, 176, 186, 201—202, 205, 232, 287.

[*Плеханов, Г. В.*] *Бочаров, П.* Нечто об истории (Социологические основы истории П. Лакомба. Перев. с фр. под. ред. Р. И. Сементковского. Изд. Ф. Павленкова) — «Самарский вестник», 1897, № 8 и № 10; Сочинения, т. VIII, стр. 225—236.—253, 265, 315.

Плеханов, Г. В. Николай Гаврилович Чернышевский, Варна 1897.—295.

Плеханов, Г. В. О войне. Ответ товарищу З. П. Paris, impr. «Union», 1914.—291.

Плеханов, Г. В. О задачах социалистов в борьбе с голодом в России (Письма к молодым товарищам). 1. Причины голода. 2. Вероятные последствия голода. 3. Наши задачи. Женева, тип. «Социал-демократа», 1892 (Б-ка современного социализма. Вып. X).—4, 17, 34.

[*Плеханов, Г. В.*] *Каменский, Н.* О материалистическом понимании истории. (Labriola, Ant. Essais sur la conception materialiste de l'histoire. Avec une préface de G. Sorel. Paris 1897)—«Новое слово», 1897, № 12, стр. 70—98; «Критика наших критиков». Спб. 1906, стр. 307—336; Сочинения, т. VIII, стр. 239—270.—107—190, 194, 197—198, 201.

Плеханов, Г. В. Об «экономическом факторе» (первоначальная редакция)—«Под знаменем марксизма», 1931, № 4—5, стр. 14—44.—109.

Плеханов, Г. В. Об «экономическом факторе» (окончательная редакция)—«Литература и искусство», 1930, № 2, стр. 8—26; № 3—4, стр. 9—21.—109.

Плеханов, Г. В. От издателей—«Работник», 1896, № 1—2, стр. V—XV.—238.

[*Плеханов, Г. В.*] *Волгин, А.* Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.). Критический этюд. Спб., тип. Б. А. Тихонова, 1896; Сочинения, т. IX, стр. 55—286.—50—51, 55, 89, 91—92, 106, 259, 292—293.

Плеханов, Г. В. Основные вопросы марксизма. Спб., «Наша жизнь», 1908.—215.

Плеханов, Г. В. Очерки по истории материализма—Сочинения, т. VIII, стр. 29—192.—40, 213.

Плеханов, Г. В. П. Я. Чаадаев (М. Гершензон. П. Я. Чаадаев, Жизнь и мышление. Спб. 1908)—Сочинения, т. XXIII, стр. 3—23.—103.

[*Плеханов, Г. В.*] *Кирсанов.* Письма без адреса. Письмо первое—«Научное обозрение», 1899, № 11, стр. 2050—2084.—215.

Плеханов, Г. В. Письма к Бернштейну, Э. *см.* Переписка Г. В. Плеханова с иностранными товарищами.

Плеханов, Г. В. Письма к Либкнехту, В.—«Воинствующий материалист», 1925, № 4, стр. 208—218.—269, 276—277.

Плеханов, Г. В. Письма к Фишеру, Р.—«Под знаменем марксизма», 1923, № 11—12, стр. 28—30.—270.

Плеханов, Г. В. Письма к Энгельсу, Ф.—«Воинствующий материалист», 1925, № 3, стр. 121—125; сб. Группа «Освобождение труда», № 2, стр. 306—338.—51, 231.

Плеханов, Г. В. Письмо к Аксельроду, П. Б. [январь—февраль 1893]—«Переписка», т. I, стр. 83.—274.

Плеханов, Г. В. Письмо к Аксельроду, П. Б. 2 марта 1894—«Переписка», т. I, стр. 95—97.—44.

Плеханов, Г. В. Письмо к Аксельроду, П. Б. [начало 1903]—«Переписка», т. II, стр. 188—189.—52.

Плеханов, Г. В. Письмо к Ленину, В. И. [начало февраля 1903. Женева]—«Ленинский сборник», IV, стр. 211—212.—52.

Плеханов, Г. В. Предисл. к кн. Плеханов, Г. В. Н. Г. Чернышевский. Спб., «Шиповник», 1910; Сочинения, т. V, стр. 125—134.—235.

[*Плеханов, Г. В.*] *Бельтов, Н.* Предисловие к настоящему изданию. *Предисл. к кн.* Бельтов, Н. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Кареева и Комп. 2-е изд. с 2 прилож. Спб., тип. «Общественная польза», 1905, стр. 1—2; Сочинения, т. VII, стр. 59—60.—109, 203—205.

[*Плеханов, Г. В.*] *Бельтов, Н.* Предисловие к сб. Бельтов, Н. Критика наших критиков—Критика наших критиков. Спб., тип. «Общественная польза», 1906, стр. III—VII.—108.

Плеханов, Г. В. Приятный ответ «Молодой Болгарии»—«Летописи марксизма», 1928, № 5, стр. 50—52. (*В статье* Г. Бакалова «Г. В. Плеханов в Болгарии»).—295.

**Плеханов, Г. В.* Приятный ответ «Молодой Болгарии» [на болгарском яз.] — «Работнически другарь», 1896.—295.

Плеханов, Г. В. Пролетариат и крестьянство. Гл. I. Небольшая историческая справка. Гл. II—V. Пролетариат и крестьянство на Западе—«Искра», 1903, №№ 32—35 и 39.—52.

Плеханов, Г., В. Рец. на кн. Лансона. История французской литературы. XIX век. Перев. с французского под ред. П. О. Морозова. Спб., «Образование», 1897—«Новое слово», 1897, № 9, июнь, стр. 54—57; «Литературное наследство», 1931, № 1, стр. 54—59.—235.

Плеханов, Г. В. Рец. на кн. Metchnikoff, L. La civilisation et les grands fleuves historiques. Avec une préface de M. Elisée Reclus. Paris 1889—«Социал-демократ», 1890, № 1, отд. II, стр. 86—107; Сочинения, т. VII, стр. 15—28, под заглавием «О книге Л. И. Мечникова».—43.

Плеханов, Г. В. Сила и насилие (К вопросу о революционной тактике). Предисловие—Сочинения, т. IV, стр. 249—258.—282.

Плеханов, Г. В. Социализм и политическая борьба. Женева, тип. Группы «Освобождение труда», 1883 (Б-ка современного социализма. Вып. 1); Сочинения, т. II, стр. 29—88.—V, 40, 43.

Плеханов, Г. В. Сочинения. М.—Л. «Гос. изд-во», 1923—1927.

Т. II, стр. 29—88. Социализм и политическая борьба.—V, 40, 43.

Т. IV, стр. 249—258. Сила и насилие. К вопросу о революционной тактике.—282.

Т. V, стр. 125—134. Предисловие к книге Н. Г. Чернышевский. Спб., «Шиповник», 1910.—235.

Т. VII, стр. 15—28. О книге Л. И. Мечникова. Léon Metchnikoff. La civilisation et les grands fleuves historiques. Avec une préface de M. Elisée Reclus. Paris 1889.—43.

Т. VII, стр. 59—60. Предисловие к настоящему изданию [предисл. ко 2-му изд. кн. Бельтова «К вопросу...»].—109, 203—205.

Т. VII, стр. 61—281. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.—V, VII, 3, 44, 50, 52, 91, 104, 109, 112—113, 121, 125—126, 138, 162—163, 171, 176—177, 188, 190—192, 194, 201—234, 255—256, 265, 275, 286—288, 294—295, 300.

Т. VIII, стр. 29—192. Очерки по истории материализма.—40, 213.

Т. VIII, стр. 195—221. Несколько слов в защиту экономического материализма (Открытое письмо В. А. Гольцеву).—189, 237—265.

Т. VIII, стр. 225—236. Нечто об истории (Социологические основы истории П. Лакомба. Пер. с фр. под. ред. Р. И. Сементковского. Изд. Ф. Павленкова).—253, 265, 315.

Т. VIII, стр. 239—270. О материалистическом понимании истории (Labriola, Ant. Essais sur la conception materialiste de l'histoire. Avec une préface de G. Sorel. Paris 1897).—107—190, 194, 197—198, 201.

Т. IX, стр. 55—286. Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.). Критический этюд.—50—51, 55, 89, 91—92, 106, 259, 292—293.

Т. XXIII, стр. 3—23. П. Я. Чаадаев (М. Гершензон. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. Спб. 1908).—103.

[*Плеханов, Г. В.*] *Каменский, Н.* Судьбы русской критики. (А. Л. Волынский. «Русские критики. Литературные очерки». Спб. 1896). Статья первая—«Новое слово», 1897, № 7, стр. 63—92.—133, 179, 193, 307—308.

Плеханов, Г. В. Судьбы русской критики. Эстетические взгляды Чернышевского—«Новое слово», 1897, № 3. декабрь, стр. 19—35.—196, 238.

[*Плеханов, Г. В.*] *Бельтов, Н.* Философско-историческая учения на Карла Маркса. Отговор на гг. Михайловски, Карѣев и С-е. Превел от русски Георги Бакалов. Ямбол, «Светлина», 1895 [на обл. 1896]. (Б-ка на Работнически другарь. Серия III, № 21).—294—295.

Плеханов, Г. В. Французская драматическая литература и французская живопись XVIII в. с точки зрения социологии—«Правда», 1905, №9—10, стр. 49—70.—193, 199, 216.

«Под знаменем марксизма». Ежемесячный философский и общественно-экономический журнал. М., «Материалист».

1923, № 11—12, стр. 28—30. *Плеханов, Г. В.* Письмо к Фишеру, Р.—270.

1931, № 4—5, стр. 14—44. *Плеханов Г. В.* Об «экономическом факторе» (первоначальная редакция).—109.

«Полярная звезда».

1858, № 4, стр. 274. Декабристам.—94, 103.

«*Правда*». Ежемесячный журнал искусства, литературы и общественной жизни. М.
1905, № 9—10, стр. 49—70. *Плеханов, Г. В.* Французская драматическая литература и французская живопись XVIII в. с точки зрения социологии.—193, 199, 216.
**Право убежища*—«Летучие листки», изд. фонда вольной русской прессы в Лондоне, 1894, № 11.—285.
«*Пролетарий*». Центральный орган РСДРП.
1905, № 24, 25 октября/7 ноября. *Ленин, В. И.* Мелко-буржуазный и пролетарский социализм.—III.
Пушкин, А. С. Орлову—Библиотека великих писателей. Под. ред. С. А. Венгерова. Пушкин, т. I. Спб., Брокгауз и Ефрон, 1907, стр. 521.—85, 90.

«*Работник*». Непериодический сборник. Женева. «Союз русских социал-демократов».
1896, № 1—2, стр. V—XV. *Плеханов, Г. В.* От издателей.—238.
1896, № 1—2, стр. 28—31 [*Ленин, В.И.*]. К рабочим и работницам фабрики Торнтона (прокламация Союза борьбы за освобождение рабочего класса).—293—294.
1896, № 1—2, стр. 81—88 [*Мартов, Л.*]. Еврейские рабочие против еврейских капиталистов.—293—294.
1896, № 1—2, стр. 100—102. Адрес московских рабочих.—296.
1896, № 1—2, стр. 103—105. Адрес петербургских рабочих.—297—298.
1896, № 1—2, стр. 111. Отчет по сборам для издания брошюры Г. Плеханова в ответ на статьи Н. К. Михайловского о русских марксистах.—45.
[*Общая ссылка*].—293—294.
* «*Работник*» [болгарский журнал]. [*Общая ссылка*].—42.
* «*Работнически другарь*».
1895, № 27, 26 апреля. *Плеханов, Г. В.* Заметка. *Плеханов, Г. В.* Приятный ответ «Молодой Болгарии».—295.
[*Общая ссылка*].—295.
«*Рабочая мысль*». Орган петербургских рабочих. С № 12—Орган С. Петербургского комитета росс. соц.-дем. рабочей партии. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».*
[*Общая ссылка*].—311.
«*Рабочий*». Газета партии социалистов-демократов. [Спб.] 1885**.
[*Общая ссылка*].—42.
«*Рабочий*». Спб.
1914, № 7, 9/22 июня, стр. 2—3. [*Ленин, В. И.*] *Ильин, В.* Об авантюризме.—IV.
«*Рабочий день*». Переделка с польского. Женева. Социал-демократический союз, 1894 (Рабочая библиотека. Вып. 3-й).—293—294.
Рева, Н. М. Киевский крестьянин и его хозяйство. Киев 1893.—286.
Рубакин, Н. А. Искорки. Из летних экскурсий—«Новое слово», 1896, №1, стр. 114—135.—307.
Русанов, Н. С. см. Тарасов, К.
«*Русская мысль*». Ежемесячный журнал научный, литературный и политический. Москва.
1884, № 1, стр. 82—103. *Златоврацкий, Н. Н.* Очерки народного настроения.—18, 37.
1886, № 2, стр. 43—59; № 3, стр. 25—43. *П-в, К. М.* Четвертное землевладение (по данным статистики).—73—74, 76.
1892, № 6, отд. II, стр. 172—204. *Михайловский, Н. К.* Литература и жизнь.—3, 5—9, 21, 24—26, 29, 32, 35, 38, 40, 42, 47.
1895, № 8, отд. II, стр. 29—48; № 9, отд. II, стр. 1—13. *Оболенский, Л. Е.* Новый раскол в нашей интеллигенции (Н. Бельтов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.—П. Струве, Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России).—288.
1896, № 4, стр. 129—141. *Гольцев В. А.* Об экономическом материализме.—237—265.
1896, № 9, стр. 83—106. [*Плеханов, Г. В.*] *Ушаков, С.* Несколько слов в защиту экономического материализма. (Открытое письмо В. А. Гольцеву).—189, 237—265.
1897, № 10, стр. 51—106; № 11, стр. 1—61. *Леткова, Е. П.* Мертвая зыбь (повесть).—186, 200.
1897, № 11, стр. 506—521. «Новое слово», сентябрь. Библиографический отдел. Периодические издания.—195.

* Первые два номера вышли в Спб., № 3—11 за границей (в Лондоне?), № 12—15 снова в России и № 16 за границей.—Р е д.
** Изд. группы Благоева.—Р е д.

[*Общая ссылка*].—34, 111, 145, 187, 189, 202, 265, 287.
«*Русская речь*». Журнал литературы, политики и науки. Спб.
1880, № 9, стр. 246—282. *Круглов, А. В.* Горе Солохонушки (из записной книжки).—63, 88—89, 98, 104—105.
[*Общая ссылка*].—88.
«*Русские ведомости*». М.
1892, № 155, 7 июня. *Короленко, В. Г.* По Нижегородскому краю. Гл. VII. Бунтовщики-васильевцы.—19, 37.
1895, № 51.—51, 61—62.
[*Общая ссылка*].—37, 264, 287.
«*Русский вестник*». Спб.
[*Общая ссылка*].—194.
«*Русский курьер*».
[*Общая ссылка*].—264.
«*Русское богатство*». Ежемесячный литературный и научный журнал. Спб.
1892, № 1, стр. 37—50. *Кареев, Н. И.* Источники исторических перемен.—3.
1892, № 3, стр. 68—88. [*Воронцов, В. П.*] *В. В.* Попытки обоснования народничества (статья вторая).—3, 5—6, 8—9, 35.
1892, № 3, стр. 158—169. *Златоврацкий, Н. Н.* Белый старичок (Из народных рассказов).—20, 37.
1892, № 3, стр. 301—326; № 6, отд. II, стр. 52—68. [*Кривенко, С. Н.*] *С. К.* Хроника внутренней жизни.—3—6, 8—9, 35, 47—48.
1894, № 1, отд. II, стр. 88—128; № 2, отд. II, стр. 148—168. *Михайловский, Н. К.* Литература и жизнь.—44, 47, 113, 115—116, 161—162, 186, 190, 201.
1894, № 10, отд. II, стр. 45—77. *Михайловский, Н. К.* Литература и жизнь (О г. Струве и его «Критических заметках по вопросу об экономическом развитии России»).—194.
1895, № 1, отд. II, стр. 137—154. *Михайловский, Н. К.* Литература и жизнь («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Н. Бельтова).—125, 186, 191—192, 194, 201, 286—287.
1895, № 1, отд. II, стр. 155—187. *Николай—он.* Апология власти денег, как признак времени.—50, 291—292.
1895, № 3, отд. II, стр. 44—58. *Николай—он* [*Даниельсон*]. Что же значит «экономическая необходимость»? (заметка).—226—227.
1896, № 1, отд. II, стр. 52—67; № 2, отд. II, стр. 133—162; № 4, отд. II, стр. 120—124; № 5, отд. II, стр. 142—149. *Михайловский, Н. К.* Литература и жизнь (О г. Туган-Барановском и экономическом факторе.—Опять г. Туган-Барановский. — В последний раз о г. Туган-Барановском).—125, 130, 184, 191—192, 194, 200.
1897, № 8, стр. 131—156. *Гриневич, П. Ф.* Обзор нашей современной поэзии.—196—197.
1897, № 10, отд. II, стр. 161—195. *Михайловский, Н. К.* Литература и жизнь (О совести г. Минского, страхе смерти и жажде бессмертия.—О наших умственных течениях за полвека.—О новых словах и «Новом слове».—О речи проф. Светлова.—О г. Волынском и скандалистах вообще). — 107—190, 195, 197—198.
1897, № 11, отд. II, стр. 94—115. *Мякотин, В. А.* Новые слова о старых деятелях.—145, 195—196.
[*Общая ссылка*].—35, 104, 111, 116, 150, 158, 167, 173, 185, 190, 195, 264, 287, 306.
Рылеев, К. Ф. Гражданин—Стихотворения (Второе издание пополненное). Берлин, Ferdinand Schneider, 1858, стр. 47.—239, 265.

С. К. см. Кривенко.
«*С родины и на родину*». Прилож. к кн. Основы теоретического социализма в их приложении к России. Женева, «Гр. старых народов.», 1893.
№ 2, стр. 106. *Засулич. В. И.* [Приветствие русских соц.-демократов десятому национальному конгрессу французской рабочей партии в Марселе].—285.
[*Общая ссылка*].—304.
Сазонов, Г. П. Ростовщичество—кулачество. Наблюдения и исследования. Спб. 1894.—285—287.
Салтыков-Щедрин, М. Е. Убежище Монрепо—Полн. собр. соч. Спб., А. Ф. Маркс, 1900, стр. 243—437.—102, 106.
«*Самарский вестник*». Выходит ежедневно, кроме дней, следующих за праздниками. Самара.
1897, № 8 и 10. [*Плеханов, Г. В.*] *Бочаров, П.* Нечто об истории (Социологические основы истории П. Лакомба. Пер. с фр. под ред. Р. И. Сементковского. Изд. Ф. Павленкова).—253, 265, 315.
[*Общая ссылка*].—306—307.

* «*Самоуправление*». Орган социалистов-революционеров*.
1888, № 2, май. *Добровольский, И. И.* Довлеет дневи злоба его.—99, 104. [*Общая ссылка*].—103.
Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. I. Воронежский уезд. Воронеж. Изд. Воронежского губернского земства, 1884.—81.
Сборник статистических сведений по Курской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Вып. I. Курский уезд. М., Курское губернское земство, 1883.—73.
Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. IV. Вып. 1. М., Московское губернское земство, 1879.—18, 37, 80.
Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. V. Хвалынский уезд. Саратов, Саратовское губернское земство, 1886.—78, 81—82.
Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. X. Кузнецкий уезд. Саратов, Саратовское губернское земство, 1891. — 82 — 83.
Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. XI. Камышинский уезд. Саратов, Саратовское губернское земство, 1891.—78—79, 86.
Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. I. Тамбов, Тамбовское губернское земство, 1880.—21.
«*Свисток*». Приложение к «Современнику».
1858, № 1, [*Добролюбов, Н. А.*] *Конрад Лилиеншвагер*. Мотивы современной поэзии.—186, 201.
[*Общая ссылка*].—186, 201, 259, 265.
«*Северный вестник*». Журнал литературно-научный и политический. Спб.
[*Общая ссылка*].—286—287.
Семевский, В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Спб. 1888.—70, 83—86.
Скворцов, А. И. Влияние парового транспорта на сельское хозяйство. Исследование в области экономики земледелия. Варшава 1890.—66.
Скворцов, А. И. Новые проекты земельного устройства крестьян—«Отечественные записки», 1879, № 11, стр. 1—21.—89.
Скворцов, А. И. Основания политической экономии. Спб., О. Н. Попова, 1898.—89.
Скворцов, А. И. Экономические основы земледелия. 10 лекций. Б. о. г. кн. маг. В. Эриксон. Б. о. м. (Научно-популярные чтения по сельскому хозяйству и основным для него наукам. Под общ. ред. проф. В. В. Докучаева).—89.
Скворцов, А. И. Экономические причины голодовок в России и меры к их устранению. Спб. 1894.—66—68, 89.
«*Слово*». Научный, литературный и политический журнал. Спб.
1879, № 11, стр. 117—169. [*Зибер Н.*] *Н. З.* Диалектика в ее применении к науке.—287.
«*Современник*». Журнал литературный и (с 1859 г.) политический. Изд. с 1847 г. И. Панаевым и Н. Некрасовым. Спб.
1855, № 5, отд. III, стр. 23—54. [*Чернышевский, Н. Г.*] *Н. П-ъ*. Эстетические отношения искусства к действительности. Соч. Н. Чернышевского. Спб. 1855.—13—14, 139—140, 151—152, 194.
1858, № 12, стр. 575—614. *Чернышевский, Н. Г.* Критика философских предубеждений против общинного землевладения. Статья первая.—22—24, 38, 258—259, 265.
1860, № 4, стр. 329—366; № 5, стр. 1—46. *Чернышевский, Н. Г.* Антропологический принцип в философии (Очерки вопросов практической философии. Соч. П. Л. Лаврова. 1. Личность. Спб. 1860). Статьи первая и вторая.—186, 201.
1861, № 4, стр. 349—418. *Антонович, М. А.* Два типа современных философов (Три беседы о современном значении философии. Соч. Лаврова, 1861).—186, 201.
[*Общая ссылка*].—143, 156, 191, 195, 197, 265.
«*Социал-Демократ*». Литературно-политический сборник. Выходит непериодически. Книга первая. Женева.
1888, стр. 28—99. *Плеханов, Г. В.* Наши беллетристы-народники. Статья первая. Г. И. Успенский.—37, 224—225.
«*Социал-Демократ*». Литературно-политическое обозрение. Лондон—Женева.
1890—92, № 1, стр. 88—175; № 2, стр. 62—142; № 3, стр. 71—110; № 4, стр. 144—194. *Плеханов, Г. В.* Н. Г. Чернышевский. Статья первая—четвертая.—110—111, 145, 213—214, 295.
* «*Социалист*» [болгарская газета].
[*Общая ссылка*].—295.
Статистический ежегодник Московской губернии за 1890 г. М. 1890, стр. 1—59. *Вернер, К. А.* Кустарные промыслы в Богородском уезде (по местным исследованиям 1889—1890).—100, 106.
Струве, П. Б. Еще о свободе и необходимости—«Новое слово», 1897, № 8, стр. 200—208.—196.
Струве, П. Б. Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. Спб. 1894.—65, 103, 196, 288.
[*Струве, П. Б.*] *Novus*. На разные темы. П. Г. Чичерин и его обращение к прошлому—«Новое слово», 1897, № 7, стр. 34—62.—196.
Тарасов, К. [*Русанов, Н. С.*]. Политический и экономический факторы в жизни народов—«Вестник народной воли», 1884, № 2, стр. 1—36.—49.
Тихомиров, Л. Почему я перестал быть революционером. М., тип. Вильде, 1895 [на обл. 1896].—89.
Тихомиров, Л. Чего нам ждать от революции—«Вестник народной воли». Женева 1884, № 2, стр. 227—262.—65.
Токвиль, А. О демократии в Америке. Перев. с 14-го франц. изд. В. Н. Линд. М., «Книжное дело», 1897.—138.
Тренделенбург, А. Логические исследования. М., К. Солдатенков, 1868.—206.
Туган-Барановский, М. И. Значение экономического фактора в истории—«Мир божий», 1895, № 12, стр. 101—118.—194.
Туган-Барановский, М. И. Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь. С прилож. 12 диагр. Спб., тип. И. Н. Скороходова, 1894.—138, 194.
Тулин, К. см. Ленин, В. И.
Тургенев, И. С. Отцы и дети. Роман в XXVIII главах—Полное собрание сочинений, т. II. Спб., тип. Глазунова, 1891.—24, 38, 187, 202.
Успенский, Г. И. Больная совесть—Сочинения, т. I, отд. III. Новые времена, новые заботы, стр. 707—728.—163—166, 198.
Успенский, Г. И. Власть земли—Сочинения, т. II, отд. III, стр. 591—674.—18—19, 37, 224.
Успенский, Г. И. Квитанция—Сочинения, т. II, отд. V. Живые цифры, стр. 1198—1205.—20.
Успенский, Г. И. Крестьянин и крестьянский труд *см.* Смягчающие вину обстоятельства.
Успенский, Г. И. Наблюдения Михаила Ивановича—Сочинения, т. I, отд. II. Разоренье. (Очерки провинциальной жизни.) Часть первая, стр. 235—332.—124, 175, 187, 202.
Успенский, Г. И. Наблюдения одного лентяя—Сочинения, т. I, отд. II стр. 399—479.—187, 202.
Успенский, Г. И. Неизлечимый—Сочинения, т. I, отд. III. Новые времена, новые заботы, стр. 590—628.—200.
Успенский, Г. И. Ноль целых—Сочинения, т. II, отд. V. Живые цифры, стр. 1217—1235.—19, 37—38, 94.
Успенский, Г. И. Подгородный мужик—Сочинения, т. II, отд. I. Непорванные связи, стр. 195—210.—159, 198.
Успенский, Г. И. Разоренье *см.* Наблюдения Михаила Ивановича и Тише воды, ниже травы.
Успенский, Г. И. Сочинения. В двух томах. С портр. автора и вступит. статьей Н. Михайловского. 4-е изд. Спб., Ф. Павленков, стр. 1896—1897.
Т. I, отд. II, стр. 235—332. Наблюдения Михаила Ивановича.—124, 175, 187, 202.
Т. I, отд. II, стр. 333—399. Тише воды, ниже травы.—114—115, 187, 202.
Т. I, отд. II, стр. 399—479. Наблюдения одного лентяя.—187, 202.
Т. I, отд. III, стр. 590—628. Неизлечимый.—200.
Т. I, отд. III, стр. 707—728. Больная совесть.—163—166, 198.
Т. II, отд. I, стр. 195—210. Подгородный мужик.—159, 198.
Т. II, отд. III, стр. 555—559. Смягчающие вину обстоятельства.—18, 20, 37.
Т. II, отд. III, стр. 591—674. Власть земли.—18—19, 37, 224.
Т. II, отд. V, стр. 1198—1205. Квитанция.—20.
Т. II, отд. V, стр. 1217—1235. Ноль целых.—19, 37—38, 94.

* Издавался за границей.—Ред.

Успенский, Г. И. Смягчающие вину обстоятельства—Сочинения, т. II, отд. III. Крестьянин и крестьянский труд, стр. 555—559.—18, 20, 37.

Успенский, Г. И. Тише воды, ниже травы—Сочинения, т. I, отд. II. Разоренье. (Очерки провинциальной жизни). Часть вторая, стр. 333—399.—114—115, 187, 202.

Утис см. Плеханов, Г. В.

Ушаков, С. см. Плеханов, Г. В.

Фейербах, Г. Основы философии будущего—Сочинения, т. I. Пер. С. Бессонова. С вступит. статьей А. Деборина и с примеч. Л. Аксельрод (Ортодокс). М.—П., «Гиз», 1923, стр. 76—140.—227—228.

Фон-Визин, Д. Бригадир. Комедия в 5 действиях. Б. о. м. и г.—194.

Фон-Визин, Д. Недоросль. Спб. 1783.—194.

Фюстель де Куланж, Н. Д. Древняя гражданская община (La cité antique). Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима. Перев. с последнего 14-го изд. Н. Н. Спиридонова. М. 1895.—43, 243, 265.

Ходский, Л. В. Земля и земледелец. Экономическое и статистическое исследование. В 2 томах. Спб. 1891.—86.

«*Хозяин*». Спб. Журнал сельского хозяйства и экономии. Выходит еженедельно, по пятницам.
[*Общая ссылка*].—306—307.

Чернышевский, Н. Г. Антропологический принцип в философии. (Очерки вопросов практической философии. Соч. П. Л. Лаврова. 1. Личность. Спб. 1860). Статья первая и вторая—«Современник», 1860, № 4, стр. 329—366; № 5, стр. 1—46; Сочинения, т. IV, стр. 179—239.—186, 201.

Чернышевский, Н. Г. Критика философских предубеждений против общинного землевладения. Статья первая—«Современник», 1858, № 12, стр. 575—614; Сочинения, т. IV, стр. 304—333.—22—24, 38, 258—259, 265.

Чернышевский, Н. Г. Основания политической экономии Д. С. Милля. Перевод и примечания—Сочинения, т. VII.—139, 141, 151—153, 213—214, 257—260.

Чернышевский, Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы («Современник», 1855—1856), изд. 2-ое. Спб., тип. и лит. В. А. Тиханова, 1893; Сочинения, т. II, стр. 1—276.—110—111, 140—142, 145, 152—155, 186, 189, 201.

Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. сочинений в 10 томах с 4 портретами. Спб., М. Н. Чернышевский, 1905—1906.
Т. II, стр. 1—276. Очерки гоголевского периода. — 110 — 111, 140—142, 145, 152—155, 186, 189, 201.
Т. IV. стр. 179—239. Антропологический принцип в философии. (Очерки вопросов практической философии. Соч. П. Л. Лаврова. 1. Личность. Спб. 1860). Статья первая и вторая.—186, 201.
Т. IV. стр. 304—333. Критика философских предубеждений против общинного землевладения. Статья первая.—22—24, 38, 258—259, 265.
Т. VII. Основания политической экономии Д. С. Милля. Перевод и примечания.—139, 141, 151—153, 213—214, 257—260.
Т. X, ч. II, стр. 165—189. Эстетические отношения искусства к действительности. Соч. Н. Чернышевского. Спб. 1855.—13—14, 139—140, 151—152, 194.

[*Чернышевский, Н. Г.*] *Н. П-ъ.* Эстетические отношения искусства к действительности. Соч. Н. Чернышевского. Спб. 1855—«Современник», 1855, № 5, отд. III, стр. 23—54; Сочинения, т. X, ч. II, стр. 165—189.—13—14, 139—140, 151—152, 194.

Шишко, Л. Рассказы из русской истории. В двух частях. Спб., «Земля и воля», 1906.—304.

Шишко, Л. Рассказы из русской истории, ч. III, вып. I. М., 1907.—304.

Эккерман, И. П. Разговоры Гете, собранные Эккерманом. Перев. с нем. Д. В. Аверкиева, ч. I—II. Спб., А. С. Суворин, 1891.—224.

«*Экономический указатель*». Еженедельное издание, посвященное народному хозяйству и государствоведению.
[*Общая ссылка*].—265.

Энгельс, Фр. Людвиг Фейербах. Перев. с нем. Г. Плеханова. С двумя прил. и объяснит. примеч. переводчика. Женева, тип. «Социал-демократа», 1892 (Б-ка современного социализма. Серия II, вып. 1).—12—13, 31—32, 35, 212, 230.

Энгельс, Фр. О России. (Ответ П. Н. Ткачеву. Послесловие к нему). Перев. с нем. В. Засулич. Женева 1894 (Б-ка современного социализма. Серия II, вып. 2).—228.

Энгельс, Фр. О России. Введение И. Е. Кудрина. Спб., «Голос», 1906 (Книгоизд-во «Голос», № 16).—16, 33, 36, 41, 228.

Энгельс, Фр. О социальном вопросе в России. Перев. с нем. Н. Киселевского. Спб., «Новое книгоиздательство», 1906.—16, 33, 36—37.

Энгельс, Фр. Ответ П. Н. Ткачеву—*в брош.* Фр. Энгельс о России. Перев. В. Засулич. Женева 1894 (Б-ка современного социализма. Серия II, вып. 3).—16, 33, 36, 39, 41, 44, 228.

Энгельс, Фр. Письма к Плеханову *см.* Переписка Г. В. Плеханова с Фр. Энгельсом.

Энгельс, Фр. Письмо к Маргарэт Гарknес (начало апреля 1888 г.)—«Литературное наследство», № 2. М., «Журн.-газ. объедин.», 1932, стр. 1—5.—235.

Энгельс, Фр. Развитие научного социализма. Перев. и предисл. В. Засулич. С прилож. «Теории насилия» из «Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft». Женева, Группа «Освобождение труда», 1884.—31, 292.

Энгельс, Фр. Развитие научного социализма. Перев. с нем. В. Засулич. 2-е изд. С двумя прилож.: 1) Фридрих Энгельс (биографический очерк), 2) Теория насилия (против Дюринга). Женева, тип. «Социал-демократа», 1892 (Б-ка современного социализма. Серия I, вып. 1).—31, 59—60, 123—124, 173—175.

Энгельс, Фр. Развитие научного социализма. Перев. с нем. В. Засулич с предисл. Г. Плеханова. С тремя прилож. Изд. 3-е. Женева, Загр. лига росс. рев. соц.-дем., 1902.—31, 124, 191.

Эрисман, Ф. Ф. Исследование фабричных заведений Московского уезда. Сборник статистических сведений по Московской губернии, т. III, вып. IV, V, IX, X, XII. М., Московское губернское земство, 1880—1885.—99, 106.

Юзов, И. Социологические очерки. Основы народничества. Спб. 1882.—200.

«*Юридический вестник*». *М.*, «Московское юридическое общество».
1888, октябрь, стр. 270—273. *Маркс, К.* Письмо [к редактору «Отечественных записок»].—3, 6—9, 11, 14—16, 28—30, 33, 35—36, 39—40, 42, 47—48, 223.
[*Общая ссылка*].—35, 264.

Б. НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Albert, P. Littérature française au dix-neuvième siècle. T. I. Les origines du romantisme. 4-me éd. Paris 1887.—185, 187—189, 202.

Alexandre, A. Histoire populaire de la peinture. Ecole française. Illustrée de 250 gravures. Paris Henri Laurent, [1895].—134, 181, 206, 216—217.

*«*Arbeiterzeitung*». New-York*.
[*Общая ссылка*].—279, 281.

*«*Arbeiterzeitung*». Wien.
[*Общая ссылка*].—277.

Archiv fur soziale Gesetzgebung und Statistik. Vierteljahresschr. zur Erforschung der gesellschaftlichen Zustände aller Länder. In Verbindung mit einer Reihe namhafter Fachmänner des In- und Auslandes hrsg. von Dr. Heinrich Braun.
[*Общая ссылка*].—292.

Bargy, H. La religion dans la société aux Etats-Unis. Paris, A. Colin, 1902.—225—226.

Barth, P. Die Geschichtsphilosophie Hegels und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann. Ein kritischer Versuch. Leipzig. O. R. Reisland, 1890.—160—162.

Blos, W. Die deutsche Revolution. Geschichte der deutschen Bewegung von 1848 und 1849. Illustriert von Otto E. Tau. Stuttgart, J. H. W. Dietz Nachf., 1898.—161—162, 190.

Blanc, L. Révolution française. Histoire de dix ans. 1830—1840. 4-me éd. Paris, Pagnerre, 1844.—125—127, 176—178, 192, 233.

Böhm-Bawerk, E. Kapital und Kapitalzins. 2-te Abteilung. Die positive

*На еврейском языке.

Theorie des Capitals. 2-te Auflage. Insbruck 1902.—235.

Boisguillebert, P. Le détail de la France, Factum de la France et opuscules divers (1695)—*в кн.* Economistes financiers du XVIII siècle. Paris, Guillaumin et C-ie, 1851, pp. 163—407.—17, 34.

Brandes, G. Die Hauptströmungen der Literatur des neunzehnten Jahrhunderts. Vorlesungen gehalten an der Kopenhagener Universität. Uebers. u. eingeleitet von Adolf Strattmann. Einzig autorisierte deutsche Ausg. 4 verm. u. mit einem Generalregister versehene Aufl. Bd. V. Die romantische Schule in Frankreich. Uebers. von W. Rudow. Leipzig, H. Barsdorf, 1894.—218.

Brunetière, F. Les époques du théâtre français (1836—1850). Nouvelle édition, revue et corrigée. Paris, Hachette et C-ie, 1896.—184, 188—189, 199, 218.

Busch, E. Der Irrtum von Karl Marx. Aus dem Nachlass, hrsg. von Dr. Arth. Mühlberger. Basel, Dr. A. Müller, 1894.—275.

Carlyle, Th. Les héros. Le culte des héros et l'héroique dans l'histoire. Trad. et introd. par I. B. J. Izoulet-Loubatières. Paris, A. Colin et C-ie, 1895.—221.

Ciccotti, E. La pace e la guerra nell'antica Atene. Scansano, Olmi, 1897.—264.

Chesneau, E. Les chefs d'école. Louis David, Gros, Géricault, Decamps, Ingres, Eugène Delacroix. 3-me éd. rev. annotée et completée. Paris, Didier et C-ie, 1883 (La peinture française au XIX siècle).—134, 181, 193.

Corneille, P. Le menteur—Théâtre de Corneille. Paris, Garnier frères, s. a., pp. 303—376.—186, 201.

*«*Critica sociale*».

1892, I. IV. *Engels*, F. La carestia in Russia.—17, 34.

Cyon, E., de. Les finances russes et l'épargne française. Réponse à M. Witte. Paris, A. Charles, 1895.—289.

Destouches, H. Le glorieux, comédie—*в кн.* Répertoire général du théâtre français, composé des tragédies, comédies et drames des auteurs du premier et du second ordre. Théâtre du second ordre. Comédies en vers. T. VII. Paris, H. Nicolle, 1818, pp. 126—253.—199.

«*Le devenir social*». Revue internationale d'économie, d'histoire et de philosophie. Paris, Girard et Brière.

[*Общая ссылка*].—289.

Douzième congrès national du parti ouvrier français, tenu à Nantes du 14 au 16 septembre 1894. Lille, G. Delory, 1894.—284.

Duruy, V. Histoire des romains depuis les temps les plus reculés jusqu'à la fin du règne des Antonins. T. III. Paris, Hachette et C-ie, 1871.—260.

Econnomistes financiers du dix-huitième siècle. Vauban... Boisguillebert... Jean Law...Melon...Dutot..., précédés de notices historiques sur chaque auteur et accompagnés de coommentaires et de notes explicatives, par M. Eugène Daire. 2-me éd. Paris, Guillaumin et C-ie, 1851.

pp. 33—146. *Vauban.* Dîme royale.—17, 34.

pp. 163—407. *Boisguillebert.* Le détail de la France, Factum de la France et opuscules divers.—17, 34.

Eleutheropulos, A. Wirtschaft und Philosophie oder die Philosophie als die Lebensauffassung der jedesmaligen Gesellschaft. Abt. I. Die Philosophie oder die Lebensauffassung des Griechentums. Zürich u. Leipzig, Verlag von Stern's litterarischem Bulletin in der Schweiz, 1898.—214—216.

Engel, A. Geschichte der französischen Literatur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit. 3 umgearb. u. verm. Aufl. Leipzig, B. Elischer Nachf., 1891.—131—132, 186, 201.

* *Engels, F.* La carestia in Russia—«Critica sociale», 1892, 1. IV.—17, 34.

Engels, F. Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. Philosophie. Politische Oekonomie. Socialismus. Leipzig, Genoss. Buchdr., 1877—1878.—31, 124, 174—175, 185—186, 191, 287.

Engels, F. Internationales auf dem Volksstaat (1874—1875). Berlin, Th. Glocke, 1894.—36, 231, 275.

* *Engels, F.* Sociales aus Russland—«Volksstaat», 1875.—36.

Engels, F. Sociales aus Russland (1875). Nachwort hierzu 1894—*в кн.* Engels, F. Internationales aus dem Volksstaat (1871—75). Berlin, Th. Glocke, 1984, SS. 46—72.—16—17, 33, 36.

Engels, F. Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats.

Im Anschluss an Lewis H. Morgan's Forschungen. Zürich, Verlags-Magazin, 1884.—14, 36.

Engels, F. Vorwort zur zweiten Auflage—*в кн.* Engels, F. Herrn Eug. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. Philosophie. Polit. Oekonomie. Socialismus. 2 Aufl. Zürich, Verlags-Magazin, 1886, SS. IX—XVI.—124, 191.

Feuerbach, L. Grundsätze der Philosophie der Zukunft. Zürich u. Winterthur, Verl. des literarischen Comptoirs, 1843.—209.

Feuerbach, L. Sämtliche Werke. Neu hrsg. von Wilhelm Bolin und Friedrich Jodl. Bd. II. Philosophische Kritiken und Grundsätze. Stuttgart, Fr. Fromann, 1904.—226—227.

First annual report of the bureau of ethnology to the secretary of the Smithsonian Institution. 1879—1880. Washington, government printing office, 1881, pp. 59—69.

Powell, J. W. Wyandot government: a short study of tribal society.—209.

«*Free Russia*». London, New-York and Zürich. The organ of the english «Society of Friends of Russian Freedom».

[*Общая ссылка*].—281.

Fustel de Coulanges, N.-D. La cité antique, étude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce et de Rome. Paris, Durand, 1864.—41, 43, 243, 265.

Fustel de Coulanges, N.-D. Etude sur la propriété à Sparte. Paris 1880.—290.

Fustel de Coulanges, N.-D. Les transformations de la royauté pendant l'époque carolingienne—*в mp.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France (Ouvrage complet en 5 volumes). Paris, Hachette et C-ie, 1892.—246.

Die Geschichte des Socialismus in Einzeln-Darstellungen. Bd. I, Thl. 1 u. 2. Die Vorläufer des neueren Socialismus. Red. von E. Bernstein u. K. Kautsky. Bd. 3, Thl. 1. u. 2. Mehring's Geschichte der deutschen Socialdemokratie. Stuttgart 1894—1895, 1897—1898.—272—274, 281.

Goethe, J. W. Faust. T. I—II. Halle a. d. S., O. Hendel, s. a.—138, 193—194.

Guizot, F. Du gouvernement de la France depuis la restauration et du ministère actuel. 3 éd., revue, corrigée et augmentée d'un avant-propos et d'une note sur les révolutions d'Espagne, de Naples et de Portugal. Paris, Ladvocat, 1820.—127—128.

Guizot, F. Essais sur l'histoire de France pour servir de complément aux observations sur l'histoire de France de l'abbé de Mally. 4 éd. Paris, Lagrange, 1836.—128.

Guizot, F. Histoire de la révolution d'Angleterre depuis l'avènement de Charles 1-er jusqu'à la restauration de Charles II. 1-ère partie. 2 vol. Paris, A. Leroux et C. Chantpie, 1826—1827.—128, 137.

Guyau, M. La douce mort—*в кн.* Guyau, M. Vers d'un philosophe, 5-me éd. augmentée. Paris, Alcan, 1906, pp. 41—44.—155, 186, 197.

Hartmann, R. Les peuples de l'Afrique. Paris, G. Baillière, 1880.—209.

Hegel, G. W. F. Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse, zum Gebrauch seiner Vorlesungen. 2-e Ausgabe. Heidelberg, A. Oswald, 1827.—233.

Hegel, G. W. F. Grundlinien der Philosophie des Rechts. Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse. Zum Gebrauch für seine Vorlesungen. Berlin, in der Nicolaïschen Buchhandlung, 1821.—220—221.

Hegel, G. W. F. Vorlesungen über die Philosophie der Religion, hrsg. von Philipp Harheineke—Werke, vollständige Ausgabe. T. XI—XII. Berlin und Leipzig, Duncker und Humboldt, 1832.—225.

* *Héritier, L.* Histoire de la révolution 1848.—294.

Hettner, H. Geschichte der französischen Literatur im achtzehnten Jahrhundert. 4 Auflage. Braunschweig, F. Vieweg und Sohn, 1881.—182—184, 220.

Hildebrand, H. Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen. Erster Theil. Jena, G. Fischer, 1896.—261—262.

Hugo, V. Les contemplations. Vol. II. Aujourd'hui.—Ouevres complètes. T. V—VI. Paris, A. Quantin, J. Hetzel et C-ie, 1882, pp. 23—24.—131—132, 192—193.

Hugo, V. Hernani—Oeuvres. T. XI.

Bruxelles, Louis Hauman et C-ie, 1832.—158—159, 185, 189, 197.
Hugo, C. et *C. Stegmann*. Handbuch des Socialismus *см.* Stegmann, C. u. Hugo, C.

«*Journal des économistes*». [*Общая ссылка*].—138, 194.

Kautsky, K. Ein socialdemokratischer Katechismus—«Die Neue Zeit», 1893, Jg. XII, Bd. I, № 12, SS. 361—369; № 13, SS. 402—410.—271.
Keussler, L., von. Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland. St.-Petersburg, Verlag von C. Ricker, 1883.—79, 81, 90.
Knorr, L. Socialdemokratischer Katechismus für das arbeitende Volk. München, Verlag der «Münchener Post», 1893.—271.
Labriola, A. Essais sur la conception matérialiste de l'histoire. Avec une preface de G. Sorel. Paris, V. Giard et E. Brière, 1897 (Bibliothèque socialiste internationale, № III).—107, 116, 120—124, 159, 161—162, 167, 170, 190, 201.

Lacombe, P. Les bases sociologiques de l'histoire.—253, 265.
* *Lajargue, P.* Origines du romantisme.—189.
Lafargue, P. La propriété. Origine et évolution. Thèse communiste. Réfutation par Ives Guyot. Paris 1895.—290.
Letourneau, Ch. La guerre dans les diverses races humaines. Paris, L. Bataille et C-ie, 1895 (Bibliothèque anthropologique. T. XVI).—262—263.
Liscow, L. Die Vortrefflichkeit und Nothwendigkeit der elenden Scribenten, gründlich erwiesen von***. Leipzig, Ph. Reclam jun. (Universale Bibliothek 1806).—117, 169, 190.
Livingston, D. et Ch. Exploration du Zambèze et de ses affluents et découverte des lacs Schirona et Nyasse. 1858—1864. Ouvrage traduit par m-me H. Loreau. Paris, L. Hachette, 1866.—209.
Lombroso, C. Genio e follia. 3-me éd., ampliata con 4 appendici. Milano. U. Hoepli, 1877.—251, 265.
Lubke, W. Essai d'histoire de l'art. Traduit par C. Ad. Koella d'après la 9-me éd. originale. Ouvr. ill. de 619 grav. sur bois. T. I—II. Paris, Fischbacher, s. a.—180—181.
Lux, H. Etienne Cabet und der Ikarische Kommunismus. Mit einer historischen Einleitung. Stuttgart, J. H. W. Dietz, 1894.—281—282.

Marx, K. Capital: a critical analisis of capitalist production; from the German by S. Moore and E. Aveling, 2 vol. London, Sonnenschein, 1888.—284.
Marx, K. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Bd. III, T. 1—2. Der Gesamtprocess der kapitalistischen Produktion. Kapitel I bis XXVIII; XXIX bis LII.—274—275, 281.
Marx, K. und *F. Engels*. Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik, gegen Bruno Bauer und Consorten. Frankfurt a/M., Löning und Büttner, 1845.—41, 297.
* *Marx, K.* Karl Grün. Die sociale Bewegung in Frankreich und Belgien oder die Geschichtschreibung des wahren Socialismus—«Das Westfälische Dampfboot», 1847, August—September.—292—293.
Marx, K. Lohnarbeit und Kapital. Mit einer Einleitung von Friedrich Engels. Berlin, «Vorwärts». 1891. (Separat—Abdr. a. d. «Neuen Rheinischen Zeitung» vom Jahre 1849).—10.
Marx, K. Misère de la philosophie. Réponse à la Philosophie de la misère de M. Proudhon. Avec une préface de Friedrich Engels. Paris, V. Giard et E. Brière, 1896.—41.
Marx, K. Vorwort zur zweiten Auflage—*в кн.* Marx, K. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Buch I. Der Produktionsprocess des Kapitals. 3-te vermehrte Aufl. Hamburg, Otto Meissner, 1883.—143, 194.
Marx, K. Zur Kritik der politischen Oekonomie. Berlin, F. Duncker, 1859. Vorwort.—9—10, 31, 40, 43, 169—170.
Metchnikoff, L. La civilisation et les grands fleuves historiques. Avec une préface de M. Elisée Reclus. Paris 1889.—40, 43.
Mignet, F. A. De la féodalité des institutions de St. Louis et de la législation de ce prince. Paris, Lhuillier, 1822.—246.
Molinari, C., de. L'évolution politique et la révolution. Paris 1884.—138.

Morgan, L. H. Ancient Society, or researches in the lines of human progress from savagery, through barbarism to civilisation. London, Macmillan, 1877.—14, 36, 273, 275.
Morgan, L. H. Die Urgesellschaft. Untersuchungen über den Fortschritt der Menschheit aus der Wildheit durch die Barbarei zur Zivilisation. Aus dem Englischen übertragen von W. Eichhoff unter Mitwirkung von K. Kautsky. Stuttgart, Dietz, 1891.—273, 275.

«*Die Neue Zeit*». Revue des geistigen und öffentlichen Lebens. Stuttgart. 1891—1892, Jg. X, Bd. I, № 7, SS. 198—203; № 8, SS. 236—243; № 9, SS. 273—282. *Plechanow, G.* Zu Hegels sechzigstem Todestag.—208.
1893, Jg. XII, Bd. I, № 12, SS. 361—369; № 13, SS. 402—410. *Kautsky, K.* Ein socialdemokratischer Katechismus.—271.
1895—1896, Jg. XIV, Bd. II, № 27, SS. 4—11; № 28, SS. 48—55. *Struwe, P.* Zwei bisher unbekannte Aufsätze von Karl Marx aus den vierziger Jahren. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des wissenschaftlichen Socialismus.—292—293.
[*Общая ссылка*].—280.

Palissot de Montenoy, Ch. Les philosophes. Comédie en trois actes en vers. Paris 1760.—228—229, 235—236.
Panckow, H. Betrachtungen über das Wirtschaftleben der Naturvölker—«Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», 1896, Bd. XXXI, № 1, SS. 155—192.—211.
«*The people*». New-York.
[*Общая ссылка*].—279.
«*La philosophie positive*». Revue, dirigée par E. Littré et G. Wyrouboff. 1873. T. X., pp. 321—345; T. XI, pp. 5—35. *Wyrouboff, G.* Les civilisations de l'extrême Orient sont-elles soumises à la loi de trois états.—243—244.
* *Plechanow, G.* Anarchism and socialism—«Weekly times and echo». [London] 1895.—282, 284.
Plechanow, G. Anarchismus und Socialismus. Berlin, «Vorwärts», 1894.—270—271, 282, 284.
Plechanow, G. Beiträge zur Geschichte des Materialismus (Holbach—Helvetius—Marx). Stuttgart, J. Dietz, 1896.—212, 214—215, 292, 297.
Plechanow, G. Macht und Gewalt—«Vorwärts», 1894, №№ 143—144, SS. 23—24.—282.
Plechanow, G. Tschernischewsky. Eine literar-historische Studie. Stuttgart, J. Dietz, 1894 (Internationale Bibl. № 20).—283—288.
Plechanow, G. Zu Hegel's sechzigstem Todestag—«Die Neue Zeit», 1891—1892, Jg. X, Bd. I, № 7, SS. 198—203; № 8, SS. 236—243; № 9, SS. 273—282.—208.
Powell, J. W. Wyandot government: a short study of tribal society—First annual Report of the Bureau of Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution. 1879—1880. Washington, government printing office, 1881, pp. 59—69.—209.
Prévost, A. F., l'abbé. Histoire de Manon Lescaut et du chevalier de Grieux. Préface de Guy de Maupassant. Illustrations de Maurice Leloir. Paris, H. Launette, 1885.—199.
«*Le producteur*». Journal de l'industrie, des sciences et des beaux arts. Fondé par Saint-Simon sur son lit de mort et rédigé par ses premiers disciples, O. Rodrigues, Aug. Comte, Bazard, Enfantin, Buchez, Arman Carrel etc. Paraît toutes les semaines. Paris, Santelet et Co.
[*Общая ссылка*].—125, 175, 191.
Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der socialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Breslau. Berlin, «Vorwärts», 1895, SS. 112—124.—229.

Ratzel, F. Völkerkunde. Bd. I. Die Naturvölker Afrikas. Leipzig, Verlag des Bibliographischen Instituts, 1887.—211, 214.
Réville, A. Les religions des peuples non civilisés. Paris, Fischbacher, 1883 (Histoire des religions, I).—261.
«*Revue socialiste*». Paris.
[*Общая ссылка*].—295.
Rousset, L. Les maîtres de la guerre. Frédéric II, Napoléon, Moltke. Essai critique d'après les travaux inédits de M. le général Bonnal. Paris, Montovedien, [1899].—263—264.

Schelling, F. System des transcendentalen Idealismus. Tübingen 1800.—13, 36, 207—208.
Schweinfurth, G. Au coeur de l'Afrique. 1868—1871. T. I. Paris 1875.—210.
Shakespeare, W. Hamlet. A new variorum edition ed. by Horace Howard

Furness. Vol. III. London a. Philadelphia, J. B. Lippincott and Co, 1879.—22, 38.
«Sozialdemokrat». Organ der Sozialdemokratie deutscher Zunge. Zürich—London.
[*Общая ссылка*].—270—271, 281.
«Der Socialist». Berlin. [*Общая ссылка*].—275.
Speek, G. Les sources du Nil. Paris 1865.—209.
Spencer, H. L'individu contre l'état, traduit de l'anglais par J. Gerschel. Paris, F. Alcan, 1888 (Bibliothèque de philosophie comtemporaine).—282.
Stegmann, C. u. *Hugo, C.* Handbuch des Socialismus. Zürich, Verlags-Magazin, 1893—1896.—274.
Stein, L. Die sociale Frage im Lichte der Philosophie. Vorlesungen über Socialphilosophie und ihre Geschichte. Stuttgart, F. Enke, 1897.—206.
Stepniak, S. Underground Russia. Revolutionary profiles and sketches from life. With a preface by Peter Lavroff. Translated from the italian. London, Smith, Elder and Co, 1883.—277.
Struwe, P. Zwei bisher unbekannte Aufsätze von Karl Marx aus den vierziger Jahren. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des wissenschaftlichen Socialismus—«Die Neue Zeit», 1895—1896. Jg. XIV, Bd. II, № 27, SS. 4—11; № 28, SS. 48—55.—292—293.

Tiele, C. P. Manuel de l'histoire des religions, traduit du hollandais par Maurice Vernes. Paris 1880.—260—261.
Tylor, Ed. B. Anthropology: an introduction to the study of man and civilization. With illustrations. London, Macmillan and Co, 1881.—261.
Tylor, Ed. B. La civilisation primitive. T. I. Paris 1876.—261.

Vauban, S. Projet d'une disme royale—*в кн.* Economistes financiers du XVIII siècle. 2-me éd., Paris, Guillaumin et C-ie, 1851, pp. 33—146.—17, 34.
* *«Volksstaat»*. Organ der sozialdemokratischen Arbeiterpartei und der internationalen Gewerbsgenossenschaften, Leipzig.
1875. *Engels, F.* Soziales aus Russland.—36.
«Volkszeitung». New-York. Tageblatt 1883—1884. Wochenblatt 1885—1890.
[*Общая ссылка*].—276—277, 279.
«Vorwärts». Centralorgan der Socialdemokratie Deutschlands. Leipzig—Berlin.
1894, №№ 143—144, SS. 23—24. *Plechanow, G.* Macht und Gewalt.—282.
[*Общая ссылка*].—269—271, 273.
* *«Vorwärts»*. New-York.
[*Общая ссылка*].—279.

Waitz, Th. Anthropologie der Naturvölker. 2-er Theil. Die Negervölker und ihre Verwandten. Ethnographisch und culturhistorisch dargestellt. Leipzig, F. Fleischer, 1860.—211.
Waitz, Th. Die Indianer Nordamerikas. Eine Studie. Leipzig, F. Fleischer. 1865.—210.
* *«Weekly times and echo»*. [London]
1895. *Plechanow, G.* Anarchism and socialism.—282, 284.
* *«Das Westfälische Dampfboot»*.
1847. August—September. *Marx, K.* Karl Grün. Die sociale Bewegung in Frankreich und Belgien oder die Geschichtschreibung des wahren Socialismus.—292—293.
Wyruboff, G. Les civilisations de l'extrême Orient sont-elles soumises à la loi de trois états—«La philosophie positive», 1873, T. X., janvier, pp. 321—345; T. XI, juillet—décembre, pp. 5—35.—243—244.

«Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin». Herausgegeben im Auftrag des Vorstandes von dem Generalsekretär der Gesellschaft Georg Kollm. Berlin, W. K. Kühl.
1896, Bd. XXXI, № 1, SS. 155—192. *Pancków, H.* Betrachtungen über das Wirtschaftsleben der Naturvölker.—211.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Абрамов, Яков Васильевич, псевдоним Федосеевец (1858—1906).—195.
Август, Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 до н. э.—14).—265.
Адик—см. Потресов, А. Н.
Адлер, Виктор (1852—1918).—*277*.
Аксаков, Иван Сергеевич (1823—1886).—93, 103.
Аксельрод, Любовь Исааковна, псевдоним Ортодокс (р. 1868).—198, 203—204.
Аксельрод, Павел Борисович (1850—1928).—42, 44, 52, 109, 274, 280, 290—291, 294, 298.
Александр II (1818—1881).—90, 104.
Александр, Арсен (XIX—XX в.).—134, 181, 205—206, 216—217.
Александр Македонский (356—323 до н. э.).—254—255.
Альбер, Поль (1830—1880).—185, 187—189, 202.
Альбертини, Николай Викентьевич (1826—1890).—98, *105*.
Анживиллье, Шарль Клод, де (ум. 1810).—134, 181.
Антонович, Максим Алексеевич (1835—1918).—186, *201*.
Анфантен, Бартелеми Проспер (1796—1864).—191, 213, *234*.
Аристотель (384—322 до н. э.).—139—140, 151—153, 234.
Атанасиу (XIX в.).—300—301.

Бабеф, Франсуа Ноэль (1760—1797).—275.
Базар, Аман (1791—1832).—191.
Базаров, Евгений—герой романа Тургенева «Отцы и дети».—24, 38, 187, 202.
Байрон, Джордж Ноэль Гордон (1788—1824).—232.
Бакалов, Георгий Иванович (р. 1873).—42, 294—*295*.
Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876).—57, 88—89.
Бальзак, Онорэ (1799—1850).—219, 224—225, *235*.
Баржи, Анри (XIX в.).—225—226.
Барнав, Антуан (1761—1793).—136, 187, *193*.
Барт, Пауль (1858—1922).—160—162, *198*.
Бауэр, Бруно (1809—1882).—41, *43*.
Бауэр, Эдгар (1820—1886).—43.
Бебель, Август (1840—1913).—229, 277, 292—293, 300.
Белинский, Виссарион Григорьевич (1811—1848).—88, 105, 110—111, 145, 189, 193, 231—232.
Бельдинская, Надежда (В. И. Засулич).—271—272.
Бельтов, псевдоним Г. В. Плеханова.—VII, 3, 43, 50, 52—53, 97, 104, 109, 112—113, 121, 125—126, 151, 162—163, 171, 176—177, 190—192, 194, 201—234, 255—256, 286, 300.
Бем-Баверк, Евгений (1851—1914).—224, 234—*235*.
Бердяев, Николай Александрович (р. 1874).—196.
Бернадотт, Жан Батист Жюль (1763—1844).—253, 265.
Бернштейн, Регина.—284.
Бернштейн, Эдуард (1850—1933).—44, 196, 271—*274*, 281.
Бетховен, Людвиг, ван (1770—1827).—254.

* Цифры, набранные курсивом, обозначают страницы, на которых даны биографические сведения о данном лице.—Ред.

Бисмарк, Отто Эдуард Леопольд (1815—1898).—59, 254.
Благоев, Дмитрий Николаевич, псевдоним Братанов (1859—1924).—40—*42*.
Блан, Луи (1811—1882).—125—129, 176—178, 191—192, 233, 273—274.
Бланки, Луи Огюст (1805—1881).—275.
Блос, Вильгельм (1849—1927).—113, 161—162, 190.
Блюменфельд, Иосиф Соломонович (р. 1865).—296.
Боборыкин, Петр Дмитриевич (1836—1921).—228—229, *235*—236.
Бобчинский—действующее лицо комедии Гоголя «Ревизор».—117, 168.
Бодуэн, аббат.—271.
Бонапарт, Наполеон—см. Наполеон Бонапарт.
Бонналь.—264.
Боннэ, Альфред.—289.
Бочаров, псевдоним Г. В. Плеханова.—315.
Брандес, Георг Морис Коген (1842—1927).—218—220.
Братанов—см. Благоев, Д. Н.
Браун, Генрих (1854—1926).—292.
Брут, Люций Юний (ум. 509 г. до н. э.).—133—134, 179, 181, 193.
Брюнетьер, Фердинанд (1849—1906).—184, 188—189, *199*, 218.
Буагильбер, Пьер (1646—1714).—17, 34, *37*.
Булгаков, Сергей Николаевич (р.1871).—146, 196, 223, *234*.
Буленвилье, Анри (1658—1722).—128, *192*.
Буль.—231.
Бурбоны.—93.
Бухгольц, Вильгельм Адольфович (р. 1866).—295—*296*, 298—300.
Буш, Эрнст.—275.
Бушэ, Франсуа (1703—1770).—179—180, 183, 193, *198—199*.

В. В.—см. Воронцов, В. П.
Вайтц-Герланд, Теодор (1821—1864).—210—211.
Ван-Лоо, Карл (1705—1765).—134, 181, 183, *193*, 216.
Вар (I в.).—254, *265*.
Вейнберг, Петр Исаевич (1830—1908).—265.
Верн, Морис.—261.
Вернадский, Иван Васильевич (1821—1884).—257, *265*.
Вернер, Константин Антонович (1850—1902).—100, 106.
Верньо, Пьер (1753—1793).—187.
Ветринский—см. Тахтарев.
Виленкин, Николай Максимович, псевдоним Минский (р. 1855).—185, 195, *200*.
Виленский, Илья Соломонович (1873—1931).—204.
Витте, Сергей Юльевич (1849—1915).—289.
Вобан, Себастьян (1633—1707).—17, 34, *37*.
Водовозов, Василий Иванович (1824—1886).—265.
Войнич, Михаил Леонардович, псевдоним Кельчевский (р. 1865).—104.
Волгин, А., псевдоним Г. В. Плеханова.—50—55, 104—106, 259.
Волохов, Марк—действующее лицо из романа Гончарова «Обрыв».—103, 106.
Волховский, Феликс Вадимович (1846—1914).—104, 284, *305*.
Волынский, Аким Львович, псевдоним Флексер (1863—1926).—133, 179, 185, *193*, 195, 308.
Воронцов, Василий Павлович, псевдоним В. В. (1847—1917).—3, 5—6, 8—9, 20, 25, *34*—35, 45—48, 50—58, 63—64, 67—83, 87, 89, 91—92, 97—98, 100—106, 235, 259, 286, 292—293.
Врангель, Петр Николаевич (1878—1920).—196.
Вырубов, Григорий Николаевич (1843—1913).—243—244.

Габе, Петр.—40, *42*.
Гамлет—герой одноименной трагедии Шекспира.—22, 38.
Гаркнес, Маргарет.—235.
Гартман, Роберт (XIX в.).—209.
Гартман, Эдуард (1842—1906).—160.
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831).—24, 34—35, 40, 43—44, 48, 123, 139—143, 151—154, 160, 174, 194, 201, 206—209, 220—221, 224—225, 231, 233, 287.
Гед, Жюль (1845—1922).—296.
Гейгер, Людвиг (1848—1919).—211.
Гейне, Генрих (1797—1856).—254, 265.
Гейнцен, Карл Петер (1809—1880).—230.
Гельвеций, Клод Адриен (1715—1771).—39, 165, 212—213, 240—241.
Гельфанд, Израиль Лазаревич, псевдоним Парвус (1869—1924).—299—300.
Гериш, Альвин.—277.

Герцен, Александр Иванович (1812—1870).—56, 88—89.
Герье, Владимир Иванович (1837—1919).—38.
Гете, Иоган Вольфганг (1749—1832).—14, 36, 130, 138, 193—194, 224.
Геттнер, Герман Теодор (1821—1882).—182—184, 220.
Гизо, Франсуа Пьер Гильом (1787—1874).—40, 127—129, 137, 188, 202, 233, 245, 253.
Гильдебрандт, Рихард.—261—262.
Гильомен, Арман (1841—1902).—184.
Гинзбург, Борис Абрамович, псевдоним Кольцов (1863—1920).—296.
Глинский, Борис Борисович (р. 1860).—259, *265*.
Гоголь, Николай Васильевич (1809—1852).—117, 168, 241, 260.
Голубев, Петр Александрович (р.1855).—99, 105.
Гольбах, Поль Анри (1723—1789).—39, 212.
Гольденберг, Лазарь Борисович (1845—1916).—278, *280—281*.
Гольцев, Виктор Александрович (1850—1906).—VII, 109, 189, 237—*264*, 265.
Гончаров, Иван Александрович (1812—1891).—103, 106.
Гофштеттер, И. А.—95, *103*.
Гракх Кай (153—121 до н. э.).—84—86, *90*.
Гракх Тиберий (163—133 до н. э.).—84—86, *90*.
Грёз, Жан Батист (1725—1805).—193, 198.
Грессе, Жан Батист Луи (1709—1777).—183, *199*.
Гретхен (*Маргарита*) —действующее лицо трагедии Гете «Фауст».—14, 36, 130, 138.
Грибоедов, Александр Сергеевич (1795—1829).—56, 108, 144, 156, 186, 201, 222.
Грингмут, Владимир Андреевич (1851—1907).—88—89.
Гриневич, П., псевдоним Якубовича, Петра Филипповича (1860—1911).—196—197.
Гро, Антуан Жан (1771—1835).—135, 181, 193.
Гронэ.—135, 181, 193.
Грюн, Карл (1817—1887).—292—293.
Гуго, К.—274, 281—282.
Гурвич, Евгения Адольфовна (р.1861).—293.
Гюго, Виктор (1802—1885).—131—132, 138, 158—159, 185, 189, 192—194, 197—198.
Гюйо, Жан Мари (1854—1888).—155, 186, *197*.
Гюйо, Ив (р. 1843).—290.

Давид, Жак Луи (1748—1825).—133—135, 179—182, *193*, 216.
Д'Анживилье—см. Анживиллье, де.
Даниельсон, Николай Францевич, псевдоним Николай —он (1844—1918).—50, 95, 99, 226—227, 230—231, 233, *235*, 291, 293.
Дарвин, Чарльз (1809—1882).—7, 29, 40, 191, 249.
Дебагорий-Мокриевич, Владимир Карлович, псевдоним Прокопиев (1848—1926).—40—*42*, 103.
Дезами, Теодор (1803—1850).—273.
Дейч, Лев Григорьевич (р. 1855).—10.
Декарт (*Картезий*), *Ренэ* (1596—1650).—139—140, 151—153.
Делаграв.—290.
Деменс—см. Тверской, П. А.
Демулен, Камилл (1760—1794).—93.
Деникин, Антон Иванович (р. 1872).—196.
Детуш, Филипп (1680—1754).—11, 83, *199*.
Дидро, Дени (1713—1784).—193, 195, 198.
Дистерло, Роман Александрович.—195.
Диц, Иоган Генрих Вильгельм (1843—1922).—274, 288, 292—293.
Дмитриев, Михаил Александрович (1796—1866).—98, 105.
Добренович.—285.
Добров.—63, 88, 104—105.
Добровольский, Иван Иванович (р.1849).—91, 96—*103*, 104, 197, 285.
Доброджану-Гереа, Константин, псевдоним Каца (1855—1920).—300—301.
Добролюбов, Николай Александрович (1836—1861).—143—144, 186, *195*, 201, 241, 260, 265.
Добчинский—действующее лицо комедии Гоголя «Ревизор».—117, 168.
Друэ, Франсуа Юбер (1727—1775).—135, 181, 193.
Дюринг, Евгений (1833—1921).—31, 48, 186.
Дюрюи, Виктор (1811—1894).—260.

Евлева.—91, 96.
Егунов, Александр Николаевич (1824—1897).—100.
Елисеев, Григорий Захарович (1821—1891).—88, 98, 104.
Ефрон—см. Эфрон, Ю. А.

Жерар, Морис Этьен (1773—1852).—135, 181, 193.

Жиродэ, Анри Луи (1767—1824).—135, 181, 193.
Жубер, Бартелеми Катрин (1769—1799).—253, 265.
Жуковский, И.—285.
Жуковский, Юлий Галактионович (1822—1907).—28, 35, 38, 125, 129, 130, 176, 184, *191*—192.

Заблоцкий-Десятовский, Андрей Парфенович (1807—1881).—85, 87.
Зак, Л. М.—293.
Засулич, Вера Ивановна, псевдонимы Иванов, В., Карелин, Н. (1849—1919).—4, 12, 31, 36, 107—108, 189, 191, 228—229, 236, 269, 271—272, 280—284, 295, 298, 306—307.
Зелигмэн, Эдвин (р. 1861).—224, *234*.
Зибер, Николай Иванович (1844—1888).—21, 24, 29—30, 35, *38*, 97, 191, 286—287.
Зингер, Пауль (1844—1911).—2 7, 298—*300*.
Златовратский, Николай Николаевич (1845—1911).—18, 20, *37*.
Зомбарт, Вернер (р. 1863).—292.
Зорге, Фридрих Альберт (1828—1906).—190.

Иван Ермолаевич—герой серии рассказов Успенского «Крестьянин и крестьянский труд».—18, 20, 37.
Иванов, В.—*см.* Засулич, В. И.
Изабэ, Жан Батист (1767—1855).—135, 181, 193.
Ильин, Н.—*см.* Ленин. В. И.
Илья—*см.* Виленский, И. С.
Ингерман, Сергей Михайлович (р. 1868).—278—*280*.
Иоганисьян.—96.
Ионас, Александр.—276—*277*.
Иорданский, Николай Иванович (1876—1928).—204.
Иримеско.—300—*301*.
Ислаков, Хасан.—71.

Каблиц, Иосиф Иванович, псевдоним Юзов (1848—1893).—185, *200*.
Кабэ, Этьенн (1788—1856).—273, 281—282.
Каменский, псевдоним Г. В. Плеханова.—107—190, 195—196, 201, 231.
Кант, Иммануил (1724—1804).—24, 140—141, 147—148, 153, 196, 233.
Каракозов, Дмитрий Владимирович (1840—1866).—287.
Карамзин, Николай Михайлович (1766—1826).—98, 105.
Кареев, Николай Иванович (1850—1933).—3, 48—*49*, 112—116, 132, 157, 161—163, 165, 167, 178—179, 182, 190, 198, 295.
Карелин, Н.—*см.* Засулич, В. И.
Карлейль, Томас (1795—1881).—221.
Карно, Сади (1837—1894).—290.
Катков, Михаил Никифорович (1818—1887).—88—89.
Каутский, Карл (р. 1854).—IV, 44—45, 101, 106, 113, 162, *270—271*, 272, 274—275, 281, 299.
Кац—*см.* Доброджану-Гереа, К.
Кейслер, Иван Августович (1843—1896).—79, 81, 90.
Кельчевский—*см.* Войнич, М. Л.
Кеплер, Иоган (1571—1630).—191.
Кирсанов, А., псевдоним Г. В. Плеханова.—220—221.
Кирсанов, Аркадий Николаевич—действующее лицо из романа Тургенева «Отцы и дети».—187, 202
Киселев, Павел Дмитриевич, граф (1788—1872).—71, 82—87, *89—90*.
Клеопатра (I в. до н. э). —254—255.
Кнорр, Л.—271.
Ковалевский, Владимир Иванович (1844—1935).—306—307.
Ковалевский, Максим Максимович (1851—1916).—35, *288*.
Коган, Абрам Осипович (р. 1860).—279, *287*.
Колупаев—действующее лицо из произведения Салтыкова-Щедрина «Убежище Монрепо».—102, 106.
Конт, Огюст (1798—1857).—191, 244.
Копельзон, Т. М., псевдоним Гришин.—296.
Коперник, Николай (1473—1543).—254.
Корнель, Пьер (1606—1684).—186, 198, *201*.
Короленко, Владимир Галактионович (1853—1921).—19, 37.
Кортес, Эрнандо (1485—1547).—265.
Кравчинский, Сергей Михайлович, псевдоним Степняк (1852—1895).—104, *276—277*, 283, 305, 306.
Краевский, Андрей Александрович (1810—1889).—88.
Кребильон, Клод Проспер Жольо (1707—1777).—183, *199*.
Кремер, Арон Иосифович (р. 1865).—293—294.
Кржижановский, Глеб Максимович (р. 1874).—294.
Кривенко, Сергей Николаевич (1847—1907).—3—9, 25, *35*, 47—48, 116, 157, 167, 229, 231, 286.
Кропоткин, Петр Алексеевич (1842—1921).—275, 305.
Круглов, Александр Васильевич (р. 1853).—63, 88—89, 98, 104—105.
Крылов, Иван Андреевич (1768—1844).—150.
Куделли, Прасковья Францевна (р. 1859).—294.
Кудрин, Н.—*см.* Русанов, Н. С.
Курнатовский, Виктор Константинович (1868—1912).—50, 290—291, 293—294.
Кускова, Екатерина Дмитриевна (р. 1869).—296.

Лабриола, Антонио (1842—1904).—107, 116, 120—124, 159, 161—162, 167, 170, *190*, 201.
Лавров, Петр Лаврович (1823—1900).—41, 42—*43*, 44—49, 89, 104, 186, 201, 221, 237, 295.
Лазарев, Егор Егорович (р. 1855).—280—*281*, 284—285.
Лакомб, Поль (р. 1834).—253, 265.
Ламарк, Жан Батист (1744—1829).—191.
Ламеннэ, Фелиситэ Робер, де, аббат (1782—1854).—273.
Ланге, Фридрих Альберт (1828—1875).—24.
Лансон, Густав (р. 1857).—235.
Лассаль, Фердинанд (1825—1864).—92.
Лау, Джон (1671—1727).—184, *199*—200.
Лафарг, Поль (1842—1911).—189, 274, *289*—290, 296—298.
Леаль.—271.
Лебедева.—91, 95—96, 102.
Левитский, Николай Васильевич (р. 1859).—306.
Лемке, Михаил Константинович (1872—1923).—88.
Ленин (*Ульянов*), *Владимир Ильич* (1870—1924).—III—IV, 34, 37, 52, 90, 147, 189—190, 194—196, 234, 293—295.
Леру, Пьер (1798—1871).—273.
Лессинг, Готгольд Эфраим (1729—1781).—195.
Леткова, Екатерина Павловна.—186, 200.
Летурно, Шарль (р. 1831).—262—263.
Либкнехт, Вильгельм (1826—1900).—*269*, 276—277, 282, 296.
Ливингстон, Давид (1813—1873).—209.
Ливингстон, Чарльз.—209.
Лилиеншвагер, Конрад—*см.* Добролюбов, Н. А.
Линд, В. Н.—138.
Линней, Карл (1707—1773).—123, 174, *191*.
Лисков, Христиан Людвиг (1701—1760).—117, 169, *190*.
Лист, Франц (1811—1886).—296.
Личков, Леонид Семенович (р. 1855).—21, *38*.
Ломброзо, Чезаре (1836—1909).—251, *265*.
Ломоносов, Михаил Васильевич (1711—1765).—98, 105.
Лорис-Меликов, Михаил Тариелович, граф (1825—1888).—98, 104.
Луи Филипп (1773—1850).—128—129, 218, 235.
Льдов, К., псевдоним Розенблюма, Константина Николаевича (р. 1862).—195.
Льюис, Джордж Генри (1817—1878).—139, 151, *194*, 231.
Любке, Вильгельм (1826—1893).—180—181.
Людовик XIV (1638—1715).—17, 34.
Людовик XVI (1754—1793).—134, 181.
Людовик Филипп—*см.* Луи Филипп.
Люкс, Г.—281—282.
Люксембург, Роза (1871—1919).—297.

М. М.—154—155, 195—*196*, 197.
Макдональд, Этьенн Жак Жозеф Александр (1765—1840).—253, 265.
Маргулис.—284—*285*.
Мариво, Пьер Карл де Шамблэн (1688—1763).—183, *199*.
Маркс, Карл (1818—1889).—V, 3—44, 47—49, 57, 65—67, 88, 90, 113, 118—120, 124, 126, 129, 142—143, 146—150, 160—163, 169—172, 175—176, 178, 186, 190—191, 194—196, 207, 217—218, 222—227, 230—231, 234—235, 237, 247, 254—255, 273—275, 281, 283—284, 287, 291, 293, 295, 297.
Маркс-Эвелинг, Элеонора (1856—1898).—282—*283*.
Мартов, Л., псевдоним Цедербаума, Юлия Осиповича (1873—1923).—293—294.
Марья—героиня рассказа Успенского «Больная совесть».—163—166.
Маслов, Петр Павлович (р. 1867).—315.
Мезенцов, Николай Владимирович (1827—1878).—276.
Менцель, Вольфганг (1798—1873).—232.
Меринг, Франц (1846—1916).—274, *297*.

Меттерних, Клеменс, князь (1773—1859).—59, 256.
Мечников, Лев Ильич (1838—1888).—40, 43.
Милль, Джон Стюарт (1806—1873).—139, 141, 151—153, 214, 257—260.
Минский—см. Виленкин, Н. М.
Минье, Франсуа Огюст (1796—1884).—127, 246.
Мирабо, Онорэ (1749—1791).—136, 187.
Мирон—герой рассказа Г. Успенского «Тише воды, ниже травы» («Разоренье»).—114—115.
Михайлов, Александр Дмитриевич (1855—1884).—106.
Михайловский, Николай Константинович (1842—1904).—3, 5—9, 11, 15, 18—19, 21, 24—*34*, 35, 38, 40—45, 47—48, 50, 52—53, 56—58, 63, 88—89, 91—92, 94—95, 97—99, 104—105, 107—197, 200—201, 204—205, 223—224, 231—233, 281, 286—288, 295, 306—308.
Мишле, Жюль (1798—1874).—245.
Мокриевич—см. Дебагорий-Мокриевич, В. К.
Молинари, Густав (р. 1819).—138, *194*.
Мольтке, Гельмут, граф (1800—1891).—254, 264.
Моравский, Ю. И.—303—304.
Морган, Льюис Генри (1818—1881).—14, *36*, 273, 275
Моро, Жан Виктор (1763—1813).—253, 265.
Муравьев, Михаил Николаевич, граф (1796—1866).—83, 90.
Муромцев, Сергей Андреевич (1850—1910).—35.
Мюллер, Ганс (р. 1867).—275.
Мюссе, Альфред (1810—1857).—186, *201*.
Мякотин, Венедикт Александрович (р. 1867).—145, 152, *195*—196.

Навэз, Франсуа Жозеф (1787—1869).—135, 181, 193.
Навроцкий, А. А. (1823—1902).—88, 288.
Надеждин, Николай Иванович (1804—1856). 110—111, 145, 186—*189*.
Надсон, Семен Яковлевич (1862—1887).—196.
Надя—героиня рассказа Круглова «Горе Солохонушки».—63, 89, 98, 104—105.
Наполеон I Бонапарт (1769—1821).—59, 193, 221, 252—254, 264.
Некрасов, Николай Алексеевич (1821—1878).—20, 37, 62, 88, 93, 103—104, 131—132, 165—166, 192, 195—197.
Ненила—действующее лицо стихотворения Некрасова «Забытая деревня».—20, 37.
Нивель де ля Шоссе, Пьер Клод (1691—1754).—188, *199*.
Николай I (1796—1855).—83, 86—87, 105.
Николай —он—см. Даниельсон, Н. Ф.
Новко—см. Конов, А.
Ньютон, Исаак (1643—1727).—123, 174, *191*, 254.

Оболенский, Леонид Егорович (1845—1906).—286—*287*, 288.
Орлов, Василий Иванович (1848—1885).—18, 21, 24, *37*, 80.
Орлов, Михаил Федорович (1788—1842).—90.
Ортодокс—см. Аксельрод, Л. И.
Оуэн, Роберт (1771—1858).—230.

П. Ч.—см. Червинский, П. П.
Палиссо, Шарль де Монтенуа (1730—1814).—228—229, *235*—236.
Панков, Гельмут (XIX—XX вв.).—211.
Парамонов.—204.
Парвус—см. Гельфанд, И. Л.
Паскевич, Иван Федорович (1782—1856).—20, *38*.
Пауэль, Джон Уэсли (1834—1902).—209.
Перье, Казимир (1847—1907).—289—*290*.
Петр I Алексеевич Романов (1672—1725).—93.
Петров, Захарий.—291.
Печкин, Павел Иванович—действующее лицо из серии рассказов Успенского «Разоренье».—124, 175.
Писарро, или Писаро, Франсиско (1475—1541).—265.
Писарев, Дмитрий Иванович (1841—1868).—111, 146, 186, 190, *201*.
Питт, Вильям Младший (1759—1806).—221.
Платон (428—348 до н. э.).—139, 151.
Плетнев, Петр Александрович (1792—1862).—197.
Плеханова, Розалия Марковна (урожденная Боград) (р. 1858 г.).—42, 50, 52—53, 104, 113, 238, 269, 277, 279—281, 283—284, 295.
Плутарх (46—120).—134, 184, *193*.

Подарский, В.—см. Русанов, Н. С.
Полинковский, Осип Маркович.—285—*286*, 287.
Попова.—95.
Попова, О. П.—293.
Португалов, В. В.—315.
Потресов, Александр Николаевич, псевдонимы Старовер, Скептик (1869—1934).—44—45, 292—293, 306—*307*, 308.
Прево д'Эгзиль, Антуан Франсуа, аббат (1697—1763).—183, *199*.
Прокопиев—см. Дебагорий-Мокриевич, В. К.
Прокопович, Сергей Николаевич (р. 1871).—296.
Прудон, Пьер Жозеф (1809—1865).—41, 43, 57, 273.
Пугачев, Емельян Иванович (около 1747—1775).—68.
Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837).—85, 90, 197.
Пыпин, Александр Николаевич (1833—1904).—197.

Раевский, Владимир Федосеевич (1795—1872).—85, 90.
Разин, Степан Тимофеевич (ум. 1671).—68.
Разуваев—действующее лицо из произведения Салтыкова-Щедрина «Убежище Монрепо».—106.
Расин, Жан (1639—1699).—198.
Ратцель, Фридрих (1844—1904).—211, 214.
Рева, Н. М.—286.
Ревиль, Альберт.—261.
Ризов, Дмитрий.—295, 302.
Рикардо, Давид (1772—1823).—38.
Робер, Леопольд (1794—1835).—135, 181, 193.
Родбертус-Ягецов, Карл (1805—1875).—40.
Роджерс, Джемс Торольд (1823—1890).—177, *198*.
Родригес, Аньес Франциско де Паула (1848—1919).—191.
Ролан, Манон Жанна (1754—1793).—134, 181, *193*.
Рубакин, Николай Александрович (р. 1862).—307.
Рубинштейн, Антон Григорьевич (1829—1894).—296.
Русанов, Николай Сергеевич, псевдонимы Кудрин, Н., Подарский, В., Тарасов, К. (р. 1859).—48—*49*, 97, 116, 157, 167, 197.
Руссо, Жан Жак (1712—1778).—271, 306—307.
Руссэ, Л.—263—264.
Рылеев, Кондратий Федорович (1795—1826).—239, 265.

С. К.—см. Кривенко, С. Н.
Сазонов, Георгий Петрович (р. 1857).—24, *38*, 285—287.
Салтыков, Михаил Евграфович, псевдоним Щедрин (1826—1889).—88, 98, 102, 104, 106.
Салтыков, С. Н.—204—205.
Самарин, Юрий Федорович (1819—1876).—68.
Санин, Алексей Алексеевич (р. 1869).—315.
Светлов.—185.
Свиньин, Павел Петрович (1787—1839).—88.
Свободина, Ольга Владимировна.—204.
Селитренный, Леон Маркович (р. 1862).—284—*285*.
Семевский, Василий Иванович (1848—1916).—70, 83, 86, 89.
Сен-Симон, Анри (1760—1825).—40, 125, 191, 234, 273—274.
Сеченов, Иван Михайлович (1829—1905).—233.
Симон—см. Струве, П. Б.
Сион, Е., де.—289.
Ситников—действующее лицо романа Тургенева «Отцы и дети».—24, 38.
Скалозуб — действующее лицо комедии Грибоедова «Горе от ума».—144, 156, 222.
Скворцов, Александр Иванович (1848—1914).—66—68, 89.
Скептик—см. Потресов, А. Н.
Слонимский, Леонид Зиновьевич (1850—1918).—35.
Смарт, Уильям.—235.
Сократ (470—399 до н. э.).—139, 151.
Соломон (X в. до н. э.).—40.
Солохоновна (*Солохонушка*)—действующее лицо из рассказа Круглова «Горе Солохонушки».—63, 88, 104—105.
Соскис, Давид Владимирович (р. 1866).—301—*303*, 304—305.
Спасович, Владимир Данилович (1829—1906).—194.
Спенсер, Герберт (1820—1903).—58, 88, 146, 282.
Спик (Speek), Дж.—209.
Спиноза, Бенедикт (1633—1677).—139, 151.
Сталин, Иосиф Виссарионович (р. 1879).—III.
Старовер—см. Потресов, А. Н.

Стасюлевич, Михаил Матвеевич (1826—1911).—35.
Степняк—см. Кравчинский, С. М.
Струве, Петр Бернгардович (р. 1870).—65—66, 103, 108—109, 146, 148, 194, *196*, 223, 226, 231—234, 288, 292—293, 306—307.
Суворин, Алексей Сергеевич (1834—1912).—265.
Сципион Публий Корнелий (около 257—183 до н. э.).—254.
Сэй, Жан Батист (1768—1832).—57.

Тамерлан (1336—1405).—263.
Тарасов—см. Русанов, Н. С.
Тахтарев, Константин Михайлович, псевдоним Ветринский (1872—1925).—304.
Тверской, П. А., псевдоним Деменс.—304—306.
Тиле, Корнелий Петр (р. 1830).—260—261.
Тимофеев.—87.
Тихомиров, Лев Александрович (1850—1923).—49, 65, 89.
Ткачев, Петр Никитич (1844—1886).—16, 33, 36—37, 39, 41, *43*—44, 89.
Токвиль, Алексис (1805—1869).—138.
Толстой, Лев Николаевич (1828—1910).—242—243.
Торнтон.—301—302.
Тренделенбург, Адольф (1802—1872).—206, *234*.
Туган-Барановский, Михаил Иванович (1865—1919).—107, 138, 184, 191—192, *194*, 196, 200, 223, 234.
Тулин, С. М.—см. Ленин, В. И.
Тургенев, Иван Сергеевич (1848—1883).—24, 38, 107, 187, 202.
Тьер, Адольф (1797—1877).—243.
Тьерри, Огюстен (1795—1856).—40, 127, 243.
Тэйлор, Эдуард (1832—1917).—261.
Тэн, Ипполит (1828—1893).—252, *265*.

Успенский, Глеб Иванович (1840—1902).—18—20, *37*—38, 94, 114—115, 124, 159, 163—166, 175, 186—187, 198, 200, 202, 224—225.
Утис, псевдоним Г. В. Плеханова.—125—126, 176, 201, 232, 287.
Ушаков, псевдоним Г. В. Плеханова.—189, 237.

Фавр.—271.
Фамусов—герой комедии Грибоедова «Горе от ума».—222.
Фауст—герой одноименного произведения Гете.—36, 138, 193.
Фейербах, Людвиг (1804—1872).—31—32, 35, 43, 140, 152, 208—209, 212, 226—228, 230.
Фихте, Иоганн Готлиб (1762—1814).—35, 140, 153.
Фишер, Рихард.—270—271, 276, 281—282.
Флексер—см. Волынский, А. Л.
Фольграф.—231.
Фонвизин, Денис Иванович (1745—1792).—141, 153, *194*.
Фридрих II Великий (1712—1786).—264.
Фурье, Шарль (1772—1837).—273—274.
Фюстель де Куланж, Нума Денис (1830—1889).—41, 43, 243, 246, 265.

Хажак.—96.
Херасков, Михаил Матвеевич (1733—1807).—98.
Хмельницкий, Сергей Исаакович (р. 1907).—126, 155.
Ходкевич, Н., псевдоним Г. В. Плеханова.—3, 25.
Ходский, Леонид Владимирович (1854—1918).—86.
Хомутова.—79.
Хрюмина—действующее лицо комедии Грибоедова «Горе от ума».—186, 201.

Цезарь, Гай Юлий (102—44 до н. э.).—255, 277.
Циммерман, Роман Эмильевич (1866—1900).—315.

Чаадаев, Петр Яковлевич (ок. 1796—1856).—103.
Чайковский, Николай Васильевич (1850—1926).—104.
Чацкий—герой комедии Грибоедова «Горе от ума».—108, 222.
Чекалин.—82.
Червинский, Петр Петрович, псевдоним П. Ч. (р. 1849).—185, *200*.
Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889).—13—14, 22—24, 36—38, 89, 110—111, 139—142, 145, 151—156, 186, 189, 194—195, 197, 201, 213—214, 238, 257—260, 265, 283, 286—288, 295.
Чиккотти, Этторэ.—264.
Чингисхан (1155 или 1162—1227).—263.
Чичерин, Борис Николаевич (1828—1904).—38.

Шапошников.—204.
Шардэн, Жан Батист Симеон (1699—1779).—183—184, *199*.
Швейнфурт, Георг (р. 1833).—210.
Шевич.—276—*277*.

Шекспир, Вильям (XVI в.).—22, 38.
Шеллинг, Фридрих Вильгельм (1775—1854).—13, *35*—36, 207—208.
Шено, Эрнест.—134, 181, 193.
Шестаков, Андрей Васильевич (р.1877).—91, 94.
Шишко, Леонид Эммануилович (1852—1910).—104, 303—*304*.
Шлютер.—279, *281*.
Шмидт, Конрад (1863—1932).—196.
Шопен, Фридрих (1810—1849).—254.
Штегман, Карл.—274.
Штейн, Людвиг.—206.
Шубинский, Сергей Николаевич (1834—1913).—265.
Шуман, Роберт (1810—1856).—254.

Щедрин—см. Салтыков-Щедрин, М. Е.
Щепкина-Куперник, Татьяна Львовна (р. 1874).—192.
Щербина, Федор Андреевич (р. 1843).—80—81, 90.

Эвелинг, Эдуард (1851—1898).—282, *284*.
Эвелинг, Элеонора—см. Маркс-Эвелинг, Э.
Эдвардс.—226.
Эккерман, Иоган Петер (1792—1854).—224.
Элейтеропулос, Абротелес (р. 1870).—214—215.
Энгель, А.—132, 186, 201.
Энгельс, Фридрих (1820—1895).—V, 4, 6, 11—14, 16—17, 29, 31—39, 41, 43—44, 51, 59—60, 113, 120, 122—124, 126, 129, 162, 170, 172—176, 185—187, 190—192, 196, 201, 207, 212, 217—218, 228, 230—231, 235, 250, 270, 273—275, 281—282, 287, 295, 297.
Эрисман, Федор Федорович (1849—1915).—99, 106.
Эритье, Луи (1863—1899).—295.
Эрнани—герой одноименной трагедии Гюго.—158—159, 185, 189, 197.
Эфрон, Юлий Абрамович (ум. 1917).—303—*304*, 305.
Юзов—см. Каблиц, Н. И.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От Издательства III
От Дома Плеханова VII

Первоначальная редакция заключительной главы книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (в двух редакциях) . 3
Странное недоразумение 4
Маленькое недоразумение 25
Конспект реферата о Марксе и общине, прочитанного в Болгарском обществе в Женеве 39
Отрывки из зарубежной брошюры «Наши разногласия», часть II (будущий Волгин) 50
Реферат и дискуссия о судьбах капитализма в России и о задачах русской интеллигенции 91
Об «экономическом факторе». Статья против Михайловского, написанная для «Нового слова» в 1897—1898 гг. (в двух редакциях) . . . 107
Дополнения к первому изданию Бельтова 203
Первоначальная редакция и неиспользованные корректурные дополнения к статье «Несколько слов в защиту экономического материализма» . . 237
Переписка Г. В. Плеханова с русскими и иностранными корреспондентами (1894—1896) 267
Предметный указатель 309
Библиографический указатель 313
Именной указатель 337

Редактор *М. Т. Иовчук.* Техред *О. Прохорова.*
Корректор *Д. Дьяков.*

Сдано в набор 2/XI—1936 г. Подписано в печать 4/III—37 г. ОГИЗ № 1830. Заказ № 1498. Тираж 10.000 экз. Формат $62\times94^{1}/_{16}$. $23^{1}/_{4}$ п. л. 47.616 зн. в п. л. Уполном. Главлита Б-12959. Цена книги 6 р. 75 к. Переплет 1 р. 25 к.

16-я типография треста «Полиграфкнига», Трехпрудный, д. 9.